

В.Л.ЯНИН, А.А.ЗАЛИЗНЯК

НОВГОРОДСКИЕ
ГРАМОТЫ
НА
БЕРЕСТЕ

ИЗ РАСКОПОК
1984-1989 ГОДОВ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

В.Л.ЯНИН, А.А.ЗАЛИЗНЯК

НОВГОРОДСКИЕ
ГРАМОТЫ
НА
БЕРЕСТЕ

(ИЗ РАСКОПОК 1984—1989 гг.)

МОСКВА «НАУКА» 1993

ББК 63.4
Я62

Рецензенты:

академик В. П. АЛЕКСЕЕВ,
доктор филологических наук Г. А. ХАБУРГАЕВ

Редакторы издательства:

А. И. КУЧИНСКАЯ, С. А. ЛЕВИНА,
Л. М. КУЗНЕЦОВА, Т. М. СКРИПОВА

Я $\frac{0507000000 - 041}{042(02) - 93}$ — 64—93, I полугодие

ISBN 5—02—008593—6

© В. Л. Янин, А. А. Зализняк, 1993
© Российская академия наук, 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все новгородские берестяные грамоты, публикуемые в настоящем томе, найдены в ходе археологических работ на Троицком раскопе.

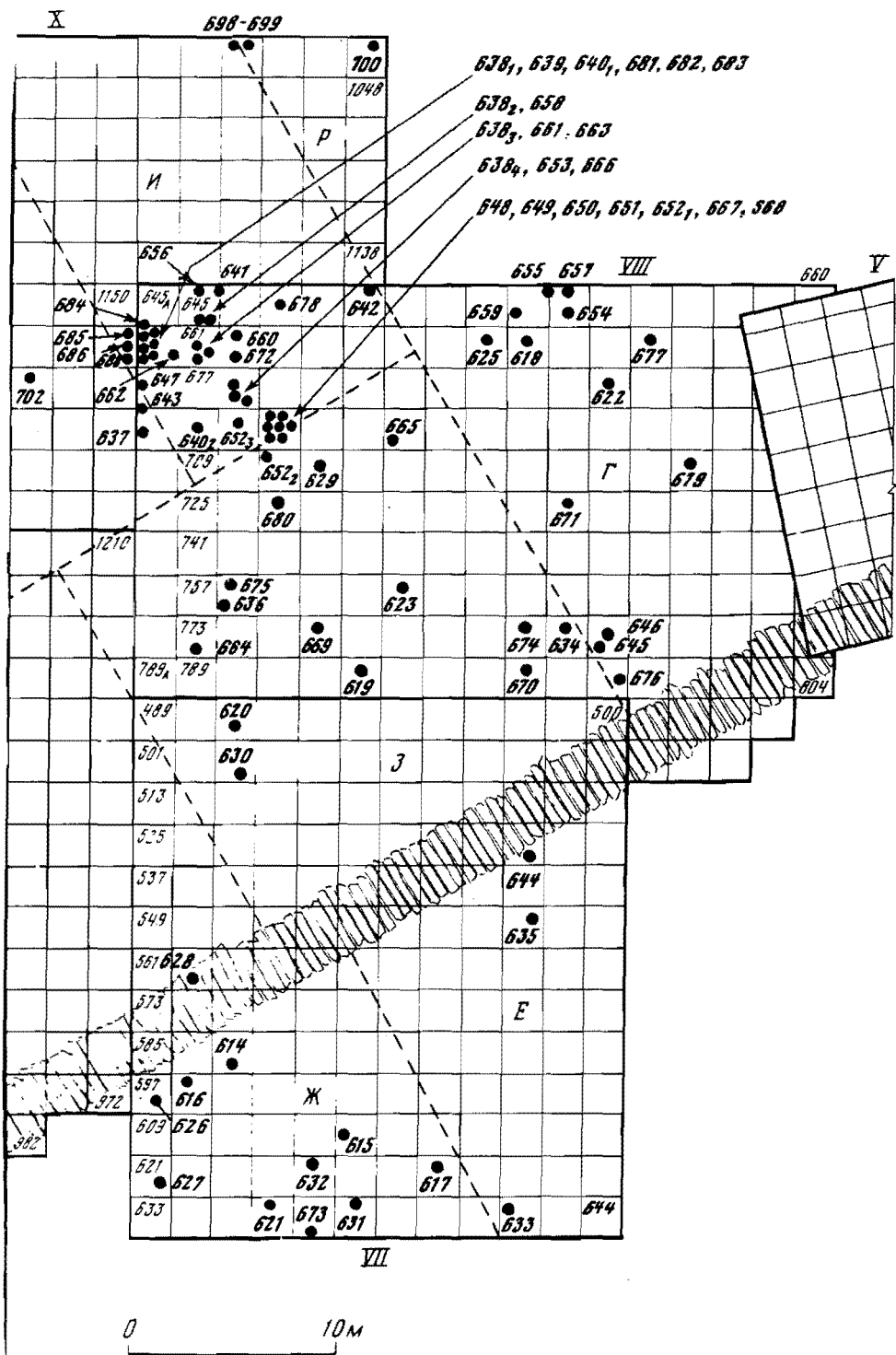
В процессе этих работ, начавшихся в 1973 г., культурный слой был вскрыт до материка на площади около 3200 кв. м. В 1987 г. раскоп был расширен в западном направлении, причем его площадь увеличилась до 4700 кв. м, однако на новых участках к концу полевого сезона 1989 г. изучены пока лишь слои не древнее середины XIII в. Полностью завершены полевые исследования на усадьбах А (вскрыта практически полностью), Б, Г (вскрыты частично), В, Д, Е (раскопками затронуты весьма незначительные их участки). Центральная часть усадьбы Е не была доступна для изучения, и, поскольку нет уверенности в цельности этого владения, ее восточная и западная части соответственно обозначаются как усадьбы Е-1 и Е-2. Усадьбы Ж, З, И на участке завершённых раскопок представлены частично; исследование этих дворов еще предстоит на новых раскопах.

Всего на Троицком раскопе к концу полевого сезона 1989 г. обнаружено 170 берестяных документов (грамоты № 501—508, 514, 522—531, 533, 541, 542, 544—562, 566—570, 572—575, 581, 584—586, 589, 592, 594—609, 613—710). Из них 147 грамот происходят с территории полностью завершённых раскопов, а 23 (№ 687, 689—710) найдены в напластованиях тех усадеб (И, М, О, П, Р), исследование которых продолжается. Литерное обозначение этих усадеб имеет временный характер, так как по сложившейся традиции окончательное их наименование производится по ситуации нижних горизонтов культурного слоя, в которых боярские дворы, отличаясь величиной, обладали и особой устойчивостью объемов, что для троицкого комплекса особенно очевидно, поскольку боярскими исследуемые здесь усадьбы были только до 1207 г., а позднее мельчали в силу резко изменившейся их социальной характеристики.

В хронологическом отношении массив троицких берестяных грамот выглядит следующим образом:

Последняя треть XI — первая половина XII в.	22
Вторая половина XII — начало XIII в.	95
XIII в.	21
XIV в.	29
XV в.	3

При примерно равной с Неревским раскопом насыщенности берестяными грамотами троицкий комплекс демонстрирует принципиально иную картину хронологического распределения текстов. Если в Неревском раскопе три четверти

Предварительные сведения о находках грамот в Новгороде и Старой Руссе публиковались в серии «Археологические открытия», которая, к сожалению, остановилась на обзоре полевых работ 1986 г.¹, а включенные в настоящий том старорусские находки 1985 г. (грамоты № 15—23) изданы руководителем раскопок в Старой Руссе В. Г. Мироновой².

В 1984—1989 гг. новые берестяные грамоты были обнаружены в Смоленске (№ 12—15), Пскове (№ 6—7), древней Твери (№ 2). География берестяных текстов расширилась за счет Москвы, где берестяная грамота обнаружена при раскопках на Красной площади, и Звенигорода Галицкого, где найдены две берестяные грамоты.

Прорисы публикуемых здесь грамот № 615—703 и 705, а также старорусских выполнены В. И. Поветкиным, № 704, 706—710 — Е. Ю. Пухначевой.

* * *

Относительное обилие ранних грамот (до середины XII в.) позволяет предполагать наличие на троицких усадьбах этого времени элитарного в культурно-интеллектуальном смысле населения, что делает перспективными поиски какой-то части авторов и адресатов берестяных писем в летописных рассказах.

Грамоты древнейшего периода. В напластованиях усадьбы Е-1, суммарно датированных началом 80-х годов XI в.— началом 40-х годов XII в., найдена грамота № 613, написанная Вонегом и адресованная Ставру. Единственный известный летописцу Ставр упомянут под 1118 г., т. е. в рамках стратиграфической датировки этой грамоты: «Томь же лете приведе Володимир с Мьстиславомъ вся бояры новгородьскыя Кыеву, и заводи я к чьстному хресту, и пусти я домовь, а иныя у себе остави; и разгневался на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчу, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся»³. Имеется основание связывать это разграбление с борьбой против неревского боярства. В Неревском конце существовала Даньславля улица с церковью св. Дмитрия на ней: в зиму с 1390 на 1391 г. «сгоре церковь святого Дмитриа на Даньслале улице, и иконы, и книги и весь запас церковный, и товара много множество изгоре: на борзе огонь занял»; в 1394 г. «поставиша даньслале церковь камену святого Дмитриа»⁴. Между тем эта церковь при ее раннем упоминании XII в. именуется «Ноздрьчиной»: в 1195 г. после пожара, опустошившего Неревский конец, «сърубиша церковь... святого Дмитриа Ноздрьчину»⁵. Рассказ 1118 г. позволяет таким образом утверждать, что Ставр не был неревлянином, однако отнюдь еще не локализует его в Людином конце. Для идентификации летописного Ставра с адресатом грамоты № 613 необходимо выяснить территориальную принадлежность той группировки новгородских бояр, которая во времена князя Всеволода Мстиславича (1117—1136 гг.) наиболее активно соперничала с неревским боярством.

Исходный материал для таких наблюдений дают обстоятельства 1134 г., когда князь Всеволод предпринял незавершенный из-за противодействия новгородцев поход на Суздаль, пытаясь посадить в нем на княжение своего брата Изяслава: «ходи Всеволод с новгородьци, хотя брата своего посадити Суждали, и воротишася на Дубне опять; и на томь же пути отяша посадницьство у Петрила и даша Иванку Павловицу. А Изяслав иде Кыеву». В обстановке начавшейся борьбы Мстиславичей с черниговскими князьями, когда «роздърася вся земля Руськая»⁶,

¹ Археологические открытия 1984. М., 1986. С. 35—37; Археологические открытия 1985 г. М., 1987. С. 21, 46—48; Археологические открытия 1986 г. М., 1988. С. 44—45. Краткую информацию о находках 1987—1989 гг. см.: Новгород и Новгородская земля. История и археология: (Тезисы научной конференции). Новгород, 1989. Вып. 2. С. 5—7; Новгород, 1990. Вып. 3. С. 4—5

² *Миронова В. Г.* Берестяные грамоты из Старой Руссы (находки 1985 г.) // Сов. археология. 1990. № 2. С. 216—225.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее: НПЛ). М.; Л., 1950. С. 21, 204—205.

⁴ Там же. С. 384, 386, 460.

⁵ Там же. С. 42.

⁶ Там же. С. 23, 208.

Новгород также был разодран борьбой боярских политических симпатий и антипатий.

Великая княжеская усобица началась в 1132 г. со смертью киевского князя Мстислава Владимировича, когда его брат новый киевский князь бездетный Ярополк пытался по завещанию Мстислава посадить в Переяславле сначала Всеволода Мстиславича, а затем Изяслава Мстиславича, откуда и тот, и другой были последовательно изгнаны Юрием Долгоруким. В начале 1134 г. Юрий «испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку вда Суждаль и Ростов и прочюю волость свою, но не всю». Эта рокировка вызвала к жизни политический союз Мстиславичей с черниговскими князьями: «В то же лето ис Турова иде Изяслав в Менеск, оттоле же иде Новугороду к братьи, и сложишася [со] Ольговичи и с Давыдовичи, и всташа вси на рать»⁷. В Новгороде такой союз привел к столкновению группировок: «Почаша мълввити о Суждальстеи воине новгородци и убиша мужь свои и съвргоша и с моста в субботу Пянтикостъную» (3 июля)⁸. Борьба продолжалась, как видно из приведенной выше цитаты, и во время осеннего похода 1134 г., когда отказ новгородцев поддержать Мстиславичей привел к свержению Петрилы Микульчича и избранию Иванки Павловича.

Вряд ли возможно, противопоставляя Иванка Павловича Петриле Микульчичу, видеть в первом из них деятеля просуждальской ориентации, а во втором — решительного противника такой ориентации. По-видимому, главной пружиной борьбы был вопрос о правомерности союза с Ольговичами, особо подчеркнутый спустя полтора года при свержении князя Всеволода: «на початыи велев ны, рече, к Всеволоду приступити, а паки отступити велить»⁹. О том же свидетельствует поворот ситуации сразу же после заключения мира между киевским князем Ярополком и Всеволодом Ольговичем, в результате которого Переяславль был отдан брату Ярополка Андрею, а Изяслав Мстиславич получил Владимир Волынский. Именно в этот момент, после безуспешных переговоров новгородцев в Киеве, а затем и Новгороде, куда прибыл митрополит Михаил, организуется новый подход на Суздаль, в котором участвуют и Иванко Павлович, и Петрила Микульчич. Поход закончился плачевной для Новгорода битвой при Ждане горе, когда «убиша посадника новгородьскаго Иванка, мужа храбра зело, месяца генъваря в 26, и Петрила Микульчица и много добрых мужь, а суждальць боле; и створше мир, придоша опять»¹⁰.

Теперь посадником был избран Мирослав Гюрятинич. Его возвышение совпало по времени с новой вспышкой борьбы между Мономашичами и Ольговичами, в которой он придерживался дружественного Ольговичам нейтралитета: «ходи Мирослав посадник из Новагорода мирить кыян с черниговьци, и приде, не успеv ницто же: силно бо възмялася вся земля Русская; Яропѣлк к собе зваше новьгородьце, а черниговьский князь к собе». Военный успех Всеволода Ольговича привел к заключению мира при содействии новгородского епископа Нифонта в январе 1136 г. В Новгород Нифонт вернулся 4 февраля, «а Мирослав преставися до владыкы, генуаря в 28», после чего посадником был избран брат Петрилы — Костянтин Микульчич.

Судьба Костянтина теснейшим образом связана с судьбой князя Всеволода Мстиславича. 28 мая 1136 г. Всеволод в результате восстания был арестован, 15 июля изгнан, а на новгородский стол позван из Чернигова Святослав Ольгович, на которого в тот же год было совершено покушение («стрелиша князя милостъннику Всеволожи, нъ жив бысть»). Уже 7 марта 1137 г. в Вышгород к изгнанному Всеволоду Мстиславичу «бежа Костянтин посадник ... и инех добрых мужь неколико». Посадничество оказалось в руках сына покойного Мирослава Гюрятинича — Якуна Мирославича, остававшегося на должности до 1141 г.

⁷ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Л., 1927. Т. 1. 2-е изд., вып. 2. Стб. 302.

⁸ ИПЛ. С. 23, 207.

⁹ Там же. С. 24, 209.

¹⁰ Там же. С. 23, 208.

На протяжении всего этого периода Якун Мирославич выступает как ярый приверженец черниговской княжеской линии. Несмотря на то, что не состоялась война с Псковом, давшим приют вскоре умершему Всеволоду Мстиславичу, а затем его брату Святополку, у Новгорода не было мира ни с псковичами, «ни с суждальци, ни с смольняны, ни с полоцяны, ни с кыяны»¹¹. С 17 апреля 1138 г. по 1 сентября 1139 г. Якун вынужден был делить власть с приглашенным из Суздаля сыном Юрия Долгорукого Ростиславом, но, когда Юрий позвал новгородцев на войну с Всеволодом Ольговичем, те отказали ему и вернули на стол Святослава Ольговича. Окончательный разрыв с черниговским князем в начале 1141 г. привел к падению Якуна Мирославича: князь Святослав «бежа отаи в ночь; Якун с ним бежа. И Якуна яша на Плисе, и приведеше и семо с братомь его Прокопьеку, (бивша) малы не до смерти, обнаживше, яко мати родила, и съверша и с моста; нъ бог избави, прибрде к берегу, и боле его не биша, нъ възяша у него 1000 гривен, а у брата его 100 гривен, такоже и у инех имаша; и затоциша Якуна в Чюдь с братомь, оковавше и руде к шыи. И последь приведе я к собе Гюрги и жены ея из Новагорода, и у себе держаше в милости»¹². Н. М. Карамзин ошибочно писал: «Сии изгнанники скоро нашли верное убежище там же, где и враги их, при дворе Георгия Владимировича, и благословляя милостивого князя, навсегда отказались от своего мятежного отечества»¹³. Якуну Мирославичу еще предстояла высокая новгородская карьера: он будет становиться посадником в 1156 и 1167 гг.

Верность черниговским князьям определяла действия Якуна Мирославича и по отношению к их новгородским противникам. В 1137 г., когда Всеволод Мстиславич появился в Пскове, «позван отаи новгородьскими и пльсковьскими мужи, приятели его: „поиди, княже, хотять тебе опять”», «мятежь бысть велик Новеороде: не възхотеша людье Всеволода; и побегоша друзии к Всеволоду Пльскову, и възяша на разграбление дома их, Къснятин, Нежятин и инех много, и еще же ищюще то, кто Всеволоду приятель бояр, ть имаша на них не с полуторы тысяче гривен»¹⁴. В 1140 г., во время второго княжения в Новгороде Святослава Ольговича, «потоциша Кыеву к Всеволоду Къснятина Микульцица, и паки по немь инех мужь, оковавше, Полуода Къснятиница, Дъмьяна, инех колико»¹⁵. Наконец, после расправы с Якуном в 1141 г. новгородцы «призваша и-Суждаля Судилу, Нежату, Страшка, оже беху бежали из Новагорода, Святослава деля и Якуна; и даша посадницьство Судилу Новеороде; и послаша по Гюргя по князя Суждалю, и не иде, нъ посла сын свои Ростислав, оже тои преже был»¹⁶. Если Карамзин правильно понимал под этими лицами врагов Якуна Мирославича, то С. М. Соловьев решительно заблуждался, когда, неверно поняв выражение «Святослава деля и Якуна», писал: «в Суздаль же бежали и другие приятели Святослава и Якуна — Судила, Нежата, Страшко; ясно, что Юрий милостивым приемом привлек их всех на свою сторону»¹⁷.

Целью столь подробного рассказа является показать наличие в Новгороде конца 10-х — начала 40-х годов XII в. трех различных по своим политическим устремлениям боярских группировок. К первой из них, последовательно демонстрирующей свое единство с Мстиславичами, принадлежат Петрила и Костянтин Микульчичи. Вторая, очевидно тяготеющая к черниговским князьям, представлена Мирославом Гюргятиничем и Якуном Мирославичем. К третьей, выступающей против черниговцев и с определенным моментом опирающейся на Юрия Долгорукого, относятся Иванко Павлович, Судила Иванкович, а также Нежата и Страшко. До сведения Всеволода Мстиславича борьба идет между Петрилой

¹¹ Там же. С. 23—25, 208—209.

¹² Там же. С. 26, 211—212.

¹³ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Кн. I, т. 2. Стб. 116.

¹⁴ НПЛ. С. 24—25, 209—210.

¹⁵ Там же. С. 26, 211.

¹⁶ Там же. С. 26, 212.

¹⁷ Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. 1. С. 423.

Микульичем и Иванком Павловичем; возникшая же затем активность прочерниговской группировки сближает бывших противников: уже в 1137 г. разграблению в равной мере подвергаются дворы и Костянтина Микульича, и Нежаты.

Наблюдения над генеалогическими материалами позволяют установить прежде всего территориальную принадлежность прочерниговской боярской группировки. В 1210 г., во время посадничества Твердислава Михалковича — прусского боярина, построившего вместе с братом Федором в 1219—1224 гг. церковь Михаила архангела с приделом Трех отроков на Прусской улице¹⁸, — «прииде Дмитру Якуничию из Руси, и съступися Твьрдислав посадничества по своєю воли старейшю себе: тьгда же даша посадничество Дьмитру Якуничию»¹⁹. Ссылка на старшинство может здесь иметь только один смысл: Дмитр был сыном посадника Якуна Мирославича (в летописном перечне посадников: «Якун, сын его Дмитр»²⁰), посадничавшего уже в 1137 г., тогда как отец Твердислава Михалко Степанич впервые стал посадником в 1180 г. Основанный на таких принципах столь мирный отказ Твердислава от посадничества возможен, по-видимому, лишь внутри единой боярской группировки. Косвенным образом территориальная принадлежность Якуна Мирославича подтверждается и обстоятельствами его прихода к власти в 1167 г. Приведший его на посадничество переворот сопровождался убийством посадника Захарии, боярина Неревина и бирича Незды. Первые два принадлежали к боярству Неревского конца, а Незда связан с Людиным концом (см. об этом ниже); следовательно, Якун противоположен и неревской, и людинской группировкам.

Существуют возможности установить принадлежность сторонников Мстиславичей, в том числе Петрилы Микульича. Летописный перечень новгородских посадников указывает его генеалогические связи: «Микула, сына его два: Петр, Костянтин»²¹. Посадник Микула в самом летописном рассказе не упомянут, поскольку его деятельность относится ко времени до 1117 г., т. е. даты, ранее которой сведения о новгородских посадниках в летописи отсутствуют. Петрила Микульич посадничал с начала 1131 до 1134 г. Костянтин Микульич избран в феврале 1136 г., оставался на должности до побега из Новгорода 7 марта 1137 г.; повторно он посадничал с 1146 г. до смерти в зиму 1147/48 г.²²

Это боярское гнездо проявляется в серии берестяных грамот Неревского раскопа²³. На неревской усадьбе Д, в слое, датированном концом XI — серединой 10-х годов XII в., была найдена грамота № 109, адресованная Микуле. В ней некий Жизномир сообщает о том, что купленная при его содействии в Пскове рабыня, уже перепроданная Микулой кому-то, оказалась украденной у княгини, по поводу чего Жизномир начинает следствие. На той же усадьбе в слоях середины 10-х — середины 30-х годов XII в. обнаружена грамота № 336, написанная Петром и адресованная Вльчьку; упоминаемый в ней Рожнет фигурирует в летописи под 1135 г. как инициатор строительства церкви Николы на Яковлеве улице Неревского конца²⁴. К тому же стратиграфическому уровню (конец XI — середина 30-х годов XIII в.), но на усадьбе И относится грамота № 241, написанная Коснятином и адресованная Ждану. Обе последние грамоты имеют характер денежных внутривладельческих распоряжений; иными словами, их авторы обладали правом давать указания жившим на неревских усадьбах Д и

¹⁸ НПЛ. С. 59, 63, 260, 267.

¹⁹ Там же. С. 52, 249.

²⁰ Там же. С. 472.

²¹ Там же. С. 472.

²² Там же. С. 22—24, 27, 209, 213—214.

²³ См.: Буров В. А. О родословии новгородских бояр Мишиничей-Онцифоровичей (по материалам Неревского раскопа 1951—1962 гг.) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 119—125.

²⁴ НПЛ. С. 23, 208. См. очерк А. А. Зализняка «Рожнет» в настоящем томе. Упомянутого в той же грамоте Данышу можно было бы сопоставить с погибшим 26 января 1135 г. в битве при Ждане горе Данышей Якшичем (ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 159), если бы упоминание последнего, имеющееся только в позднейшей Никоновской летописи, внушало абсолютное доверие. Впрочем, не тождествен ли Даныша уже известному нам неревлянину Даныславу?

И адресатам. Усадьбы Д и И расположены на перекрестке Великой и Козмодемьянской улиц.

Если неревлянам Даньславу и Ноздрьче противостоит Ставр, то соперником неревлянина Константина Микульчича оказывается Иванко Павлович, сын которого Судила враждебен также и прусскому боярину Якуну Мирославичу, но состоит в политическом единстве с Нежатой. Очевидно, что эта группа не принадлежит ни к Неревскому концу, ни к Прусской улице. В развитие такого наблюдения следует обратиться к комплексу ранних грамот Троицкого раскопа, т. е. к документам Людина конца.

В грамоте № 586, найденной на усадьбе Г в слое, датируемом началом 80-х годов XI в. — концом 20-х годов XII в., оба упомянутых в ее тексте имени вполне соответствуют ожиданиям: «Отъ Нѣжатѣ вишнь, и вина, и гароусь, и моукоу, кожоухъ Иванъ, и сковородоу». В грамоте № 633, найденной на усадьбе Ж в слое второй половины 10-х — начала 40-х годов XII в., снова фигурирует Иван в весьма определенном, вопреки фрагментарности документа, контексте: «...берь(ко)вьскъ, съкыроу Городкоу. А Иване вьде». Трудно отделаться от впечатления, что обе эти грамоты касаются сборов снаряжения для военного похода, в котором требуются и провизия, и медикаменты (вишня, уксус — «гарусь»), и соль (измеряемая берковцами), и сковорода, и шуба, и, разумеется, топор («съкыра»). Но если «Иване вьде», то предводитель военного похода Иван в пределах стратиграфически обозначенного времени хорошо известен: посадник Иванко Павлович возглавлял вместе с князем Всеволодом Мстиславичем роковой для него поход на Суздаль в январе 1135 г.

Нежата представлен не только грамотой № 586. Это имя фигурирует еще в двух текстах, найденных на усадьбе Е-2. Один из них (грамота № 644) обнаружен в слое 10-х — 20-х годов XII в., другой (грамота № 635) — в слое конца 20-х — середины 40-х годов XII в. Грамота № 644 написана Нежкой, адресована Завиду, которого она осыпает упреками, заявляя, что не будет считать себя сестрой ему и Нежате, если не будет наконец выполнен ее драгоценный ювелирный заказ. На первый взгляд, Завида и Нежату можно было бы принять за мастеров-ювелиров, однако более основательным представляется предположение, что Завид как господин над вотчинными ремесленниками лишь принимает поручение своей сестры для исполнения подчиненными ему людьми.

Справедливость высказанных наблюдений подтверждает дальнейшая судьба новгородского посадничества. Как уже отмечено, избрание в посадники Судилы Иванковича сопровождалось приглашением на новгородский стол суздальского князя Ростислава Юрьевича. Однако это приглашение не носило характера общего новгородского волеизъявления, а было предпринято вернувшимися из Суздаля Судилой, Нежатой, Страшком. Еще до бегства Святослава Ольговича и Якуна Мирославича новгородцы отправили в Киев к князю Всеволоду Ольговичу посольство «лепших людий» с епископом Нифонтом во главе добиваться в князя только Святополка Мстиславича — брата Всеволода и Изяслава. Требование было сформулировано предельно жестко: «не хотим сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хотим племени Володимеря». Не желая уступить, Всеволод «новгородци держа зиму и лето и с епископом». Пока посольство упиралось в своих требованиях и «седеша новгородци бес князя 9 месяц», они «не стерпяче безо князя седити: ни жито к ним не идяше ни откуду же» и позвали из Суздаля Судилу и других бояр вместе с Ростиславом Юрьевичем. Тем временем посольство в Киеве добилось своего, Всеволод принял новгородские требования «и вѣда им Святополка и-своею руку»²⁵. В этом раскладе легко угадать неревское руководство новгородским посольством в Киеве, так как именно неревские бояре последовательно выражали свою приверженность Мстиславичам.

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд., вып. 2. Стб. 308—309; НПЛ. С. 26, 211—212.

В начале 1142 г., когда весть об успехе киевских переговоров дошла до Новгорода, Ростислав Юрьевич был схвачен, четыре месяца находился под стражей во владычном дворе и отпущен к отцу только 19 апреля, по приходе в Новгород Святополка Мстиславича. Трудно представить себе, чтобы Судила сберег посадничество в столь крутых для него и Ростислава Юрьевича обстоятельствах. Летопись молчит о судьбах этой должности, однако, когда в 1144 г. Изяслав Мстиславич, «не уладившись» с Юрием Долгоруким и побывав после этого в Новгороде «у братии своеи», мирится с Всеволодом Ольговичем (иными словами, повторяется ситуация 1134 г.— союз Мстиславичей и черниговских князей), новгородцы «даша посадничество Нежате Твърдятицю»²⁶. Снова возникает противостояние античерниговского посадника и князя, ищущего опоры против Юрия Долгорукого в союзе с Ольговичами. Можно предположить поэтому, что в промежутке между Судилой и Нежатой посадником был бескомпромиссный сторонник Мстиславичей, боярин из неревлян Костянтин Микульчич. Именно он снова приходит на посадничество в 1146 г., когда после смерти Всеволода Ольговича на киевском столе утверждается Изяслав Мстиславич, т. е. ситуация снова становится однозначной: «Тъгда же даша посадничество Костянтину Мукульчицю, и у Нежате отъмъше»²⁷. Осенью 1147 г. новгородский князь Святополк Мстиславич совершает поход на Суздаль против Юрия Долгорукого, но возвращается от Торжка «распутья деля». В зиму с 1147 на 1148 г. умирает посадник Костянтин, а посадничество «даша Судилови Иванковицю опять»²⁸.

Предполагая причастность раннего комплекса берестяных грамот Троицкого раскопа к людинским боярам Ставру, Иванку Павловичу и Нежате Твердятичу, нужно отметить, что черты посадничьего быта демонстрируются и другими грамотами этого комплекса, не содержащими перечисленных здесь имен.

В слоях 60-х годов XI в.—второй половины 10-х годов XII в., в частности, найдены грамоты № 526, 562 (обе из усадьбы А) и 527 (из усадьбы Д). Грамота № 526 перечисляет долги и должников в Русе, на Луге, на Шелони, на Селигере и в Дубровне. В свое время она была квалифицирована как запись ростовщика, раскинувшего свою сеть на всю территорию ранней Новгородской земли. Вероятнее, однако, видеть в ней список сборщиков государственных доходов с указанием недоимок в конкретных пунктах сбора. В грамоте № 562 сохранилось только окончание текста: «...новгородьске смърде, а за ними и задъница». Согласно Русской Правде, выморочное наследство смердов идет князю, т. е. превращается в государственное имущество. Грамота № 527 трактована А. А. Зализняком как «письмо воеводы к своим домочадцам или к каким-то другим зависимым от него людям»²⁹. Не связана ли эта грамота с соцким Ставром?

В слоях второй половины 20-х — середины 50-х годов XII в. на усадьбе 3 обнаружена грамота № 630, в которой перечислены недоимочные количества соли (в общей сложности до семи тонн) и различные денежные суммы, что роднит ее с более ранней грамотой № 526, но также указывает на связь с Русой, главным источником соли для Новгорода. Грамота № 607 (усадьба А) содержит донесение: «Жизнобуде погублене оу Сычевиць». Любопытно, что Жизнобуда называет и старорусская грамота №16 того же времени, которая тоже перечисляет недоимочные суммы.

Грамоты второй половины XII — начала XIII в. Судила Иванкович посадничал до 1156 г., когда «выгнаша новгородьци Судила ис посадничества и по том изгнании 5-и день умре; и потом даша посадничество Якуну Мирославицю»³⁰. К середине XII в. Новгород как политическая система обретает зна-

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд., вып. 2. Стб. 310—311; НПЛ. С. 27, 213.

²⁷ НПЛ. С. 27, 213.

²⁸ Там же. С. 27, 214.

²⁹ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.) М., 1986. С. 213.

³⁰ НПЛ. С. 29, 216.

чительную самостоятельность от хитросплетений междукняжеской борьбы. Мы уже видели, как в предшествующее время порой на вершине этой системы оказывались противоборствующие князь и посадник, хотя в конечном счете побеждало стремление к их политической гармонии. В 1156 г., по-видимому, побеждает первая тенденция: низложение Судилы и возвышение Якуна произошло именно тогда, когда Юрий Долгорукий переживал торжество своей карьеры: «На вьрбницю вьниде князь Гюрги Киеву и седе на столе, а Изяслав избежа Давыдовиць Цьрнигову; и прия Гюрги сыновць в мир с любовью, и волости им раздая достоинныя; и бысть тишина в Русьстеи земли»³¹. В 1156 г. в посадничество Якуна впервые происходят вечевые выборы епископа, когда избранием Аркадия на место присланного из Киева и теперь умершего Нифонта замещение владычной вакансии становится результатом волеизъявления самих новгородцев.

Поскольку целью излагаемых наблюдений является определение территориальной принадлежности посадников, в дальнейшем нет необходимости подробного анализа их политической ориентации, так как такое определение достигается другими способами.

Во второй половине XII — начале XIII в. список сменяющих друг друга посадников выглядит следующим образом (в скобках указаны соответствующие страницы НПЛ):

1156 — ? г.	Якун Мирославич (29, 216)
1160—1161 г.	Нежата Твердятич (31, 218)
1161—1167 г.	Захария (31—32, 218—220)
1167—1170 г.	Якун Мирославич (32—33, 220—221)
?—1171 г.	Жирослав (34, 222)
1171 г.	Иванко Захарьинич (34, 222)
1171—1172 г.	Жирослав (34, 222)
1172—1175 г.	Иванко Захарьинич (34—35, 222—223)
1175—1176 г.	Жирослав (35, 223—224)
1176—1180 г.	Завид Неревинич (35—36, 224—226)
1180— ? г.	Михалко Степанич (36, 226)
?—1186 г.	Завид Неревинич (38, 228)
1186—1189 г.	Михалко Степанич (38—39, 228—230)
1189—1203 г.	Мирошка Нездинич (39—45, 230—239, 246)
1203—1205 г.	Михалко Степанич (45, 50, 246)
1205—1207 г.	Дмитр Мирошкинич (50—51, 246, 248).

В подавляющем большинстве случаев изменения в посадничестве связаны с вечевыми столкновениями. В 1161 г. «отяша посадничьство у Нежате, а Захарию даша». В 1167 г. «убиша Захарию посадника и Неревина и Несду бириця, яко творяхуть е перевет дръжаще к Святославу... Тьгда же даша посадничьство Якунови». В 1171 г. «отя князь Рюрик посадничьство у Жирослава Новогороде, и выгна и из города, иде Суждалю к Ондрееви; и даша посадничьство Иванку Захарииницю». В том же году «иде, на зиму, Рюрик из Новагорода, и послаша новьгородьци к Ондрею по князь; и присла Жирослава посадничить с мужи своими». В 1172 г. «ходи архиепископ новгородьский Илия к Ондрееви, Володимирю, на всю правду. Тьгда же и даша опять посадничьство Иванькови Захарииницю». В 1175 г. «преставися посадник Новогороде Иванко Захарииниць, и даша Жирославу опять; и концяющюся лету тому, выгнаша Жирослава ис посадничьства и даша Завиду Неревиницю». В 1180 г. «отяша посадничьство у Завида и вьдаша Михалеви Степаницю». В 1186 г. «иде Завид к Давыду Смольньску; и вьдаша посадничьство Михалеви Степаницю». В 1189 г. «отяша

³¹ Там же.

посадничество у Михаля и вдаша Мирошки Нездиницю». В 1205 г. «отяша посадничество у Михалка и даша Дмитру Мирошкиницю».

Основываясь исключительно на сведениях о вечевых столкновениях перечисленных здесь лиц, возможно реконструировать три боярские группы, внутри каждой из которых столкновений не было:

Группы		
1-я	2-я	3-я
Якун Мирославич Михалко Степанич	Захария Иванко Захарьинич Завид Неревинич	Нежата Твердятич Жирослав Мирошка Нездинич Дмитр Мирошкинич

Относительно первой из этих групп нам уже известна ее принадлежность к Прусской улице. Вторая группа включает в себя, прежде всего, имена Захарии и его сына Иванка. Последнему посвящено специальное исследование А. А. Зализняка (см. ниже), обосновавшего связь с ним берестяных грамот № 80, 117 и 226, которые были найдены на Неревском раскопе в слоях середины — 70-х годов XII в. Этот вывод максимально подкреплен тем, что на том же раскопе, но в слоях последней четверти XII — начала XIII в. обнаружены четыре грамоты (№ 165, 222, 225, 239), связанные с Юрием, а Юрием Иванковичем звали сына Иванка Захарьинича, посадничавшего в 1215—1216 гг. Дополнительным указанием на жительство Иванка Захарьинича в Неревском конце является сообщение летописи о том, что в 1177 г. «погоре Неревьский коньць от Иваньковее»³², т. е. от двора вдовы умершего в 1175 г. Иванка. Что касается Завида Неревинича, то его отец Неревин, имя которого столь красноречиво свидетельствует о связи его носителя с Неревским концом, был убит в 1167 г. вместе с посадником Захарией в столкновении, принесшем власть Якуну Мирославичу, т. е. входил в одну с Захарией политическую группировку бояр. Однако связь Завида Неревинича с Неревским концом обозначена и находкой на Неревском раскопе в слоях середины — второй половины XII в. берестяных грамот (№ 103, 156, 228): две из них написаны от имени Завида, в одной это имя упомянуто.

Стоящий первым в хронологическом порядке третьей группы Нежата Твердятич выше отнесен к боярству Людина конца. Как уже замечено, людинская группировка неоднократно демонстрировала свои преимущественные связи с Суздалем. Характерны они и для Жирослава, который в 1171 г., будучи изгнан из Новгорода, находит убежище у Андрея Боголюбского, откуда и импортируется вновь на посадничество в сопровождении княжеских мужей. Поэтому нет ничего неожиданного в том, что имя Жирослава проявляется в комплексе берестяных грамот Троицкого раскопа. Оно фигурирует в грамоте № 657, найденной на усадьбе Г в слоях середины 50-х — середины 90-х годов XII в., и в грамоте № 573, найденной на усадьбе Е-1 в слое середины XII в. — второй половины 40-х годов XIII в. В последней упоминается «Имьвьложь» — погост, находившийся под особым контролем новгородской администрации, как это следует из формулы более поздних докончаний Новгорода с князьями: «А на Имоволозьском погосте куны ти имати и на Важаньском»³³.

Присутствуют в Троицком комплексе и документы, связанные с Мирошкой Нездиничем. Грамота № 502, найденная на усадьбе А в слое середины 50-х — середины 90-х годов XII в., написана Мирославом и адресована Олисею-Гречину

³² Там же. С. 35, 225.

³³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее: ГВНП). М.; Л., 1949. С. 13. № 3; С. 36. № 19; С. 40. № 22; С. 47. № 26.

как участнику сместного суда князя и посадника. Грамота № 603, происходящая из тех же слоев той же усадьбы, написана Смолигом и адресована Гречину и Мирославу — упомянутый в ней князь Давыд (Ростиславич) умер в 1197 г. Однако еще три документа, на наш взгляд, имеют самое прямое отношение к Мирошке Нездиничу, хотя и не называют его по имени.

Грамота № 600, найденная на усадьбе В в слое середины 90-х годов XII в. — начала 10-х годов XIII в. и касающаяся судебного дела, содержит формулу «послале Негане от князя и от тебе», которая, соответствуя институту сместного суда князя и посадника, расшифровывает адресата письма (имя которого оторвано) как посадника. Из тех же слоев той же усадьбы происходит грамота № 609, которая вместе с грамотой № 601 (из тех же слоев усадьбы А) посвящена необычному сюжету — расчету князя и княгини с посадником за расходы на двойные похороны. Отраженное в этих документах событие идентифицируется с похоронами в 1198 г. сыновей новгородского князя Ярослава Владимировича — Изяслава и Ростислава³⁴. Посадником в это время был Мирошка Нездинич.

Таким образом, связь троицкого комплекса с высшими руководителями боярства из числа посадников людинской принадлежности наблюдается на протяжении столетия. К рассматриваемому времени относится еще несколько документов, характеризующих причастность этого комплекса к посадничьему быту.

В слоях начала 40-х — середины 90-х годов XII в. на усадьбе И найдена грамота № 656 с обрывком явно политического текста: «Иди, реки Пльсковоу». Имя одного из авторов этой грамоты — Кулотки — встречено также в неревской грамоте № 105 из слоев 30-х — начала 60-х годов XII в. (в этом письме упоминается и Несьда). В слое начала 40-х годов XII в. — начала 10-х годов XIII в. на усадьбе И найдена грамота № 640, упоминающая «поногатное» — вид подати государственного назначения. В слое середины 50-х — середины 90-х годов XII в. на усадьбе В обнаружена грамота № 550, связанная со сбором государственных доходов и упоминающая «вежников». С ней перекликается грамота № 664 с усадьбы З, в которой фигурируют те же «вежники». О сборе государственной подати «рала» идет речь в грамоте № 663 с усадьбы И. В грамотах № 683 и 685, являющихся, по-видимому, фрагментами одного и того же документа, речь идет о сборе каких-то сумм за Волоком, т. е. в области, состоящей под особым государственным контролем, согласно Уставной грамоте князя Святослава Ольговича о десятинах новгородского епископа. Наконец, в грамотах № 649 и 650 из усадьбы И, датированных серединой 90-х годов XII в. — концом 20-х годов XIII в., фигурируют сборщики подати — «коромного».

Общая характеристика троицкого комплекса распространяется на все раскопанные до материка дворы, т. е. усадьбы А, Б, В, Г, Д, Е, Ж и З, образующие цельную систему взаимосвязей. Вместе с тем у нас нет ни доказательств, ни уверенности в том, что эти усадьбы включают собственно посадничьи жилые комплексы. Найденные здесь грамоты только упоминают посадничьи имена, но не адресованы самим посадникам. В этой связи особенно показательна усадьба А, на которой в конце XII — начале XIII в. жил священник и художник Олисей-Гречин; ему адресованы обе грамоты, называющие Мирослава; здесь же найдена одна из грамот, касающаяся погребения княжичей. Однако основу гречиновского фонда составляют два десятка документов, содержащих заказы на изготовление икон. Найденная на той же усадьбе и в тех же (возможно, предшествующих внедрению сюда Гречина) слоях грамота № 548 адресована Моиславу и Миките; она заставляет вспомнить летописное известие 1194 г. о расправе участников неудачного югорского похода над заподозренными в измене Сбышкой Волосовичем, Завидом Негочевичем и Моиславом Поповичем³⁵. На той же усадьбе в слоях середины 50-х — середины 90-х годов XII в. известна грамота

³⁴ НПЛ. С. 44, 237.

³⁵ Там же. С. 41, 234.

№ 604, написанная Петром и адресованная Волосу. Сбыслав фигурирует в грамоте № 550 того же времени из усадьбы В, а Завид — адресат грамоты № 665 с той же датой из усадьбы З.

Большое значение для понимания конкретной принадлежности усадеб Троицкого раскопа имеет предложенное А. А. Зализняком толкование грамоты № 671, обнаруженной в напластованиях усадьбы Г середины 90-х годов XII в. — конца 20-х годов XIII в., как списка доставки меда на соседскую братчину: «У Фо(ме) лукон. У Климьять лукно. У Тор(ъ)къ 3 лукн. У Бориса лук. У Твьрьши лукон. У Стъпана 3 лукон. У попа 2 лукна. У Чьрьмяна лука. У Сбыслава лукно». На усадьбе З в предшествующих напластованиях были найдены две грамоты, исходящие от Доброшки; между тем летопись под 1215 г. упоминает некоего Фому Доброщинича, который тогда был новоторжским посадником³⁶, он, по расчету времени, может быть сыном Доброшки и жителем усадьбы З. Заметим также, что некий Фома был задержан вместе с Мирошкой Нездиничем князем Всеволодом Юрьевичем в 1195—1196 гг.³⁷ Климьяте адресовано знаменитое письмо его сестры Анны (грамота № 531 из усадьбы Б рубежа XII—XIII вв.). Борисом звали адресата грамоты № 581 (из усадьбы Е-1 того же времени); им мог быть или Борис Жирославич, который вместе с Мирошкой задерживался князем Всеволодом в 1195 г.,³⁸ или же сын Мирошки — Борис Мирошкинич³⁹. Сбыслав, как уже отмечено, фигурирует в грамоте № 550 из усадьбы В, а его вероятный отец Волос — в грамоте № 604 из усадьбы А. Твьрьша, возможно, идентифицируется с Твьрдятой грамоты № 672 из усадьбы И (середина 50-х — середина 90-х годов XII в.), но не исключено, что это Твердислав Станилович, которого в 1207 г. новгородцы изгнали вместе с другими Мирошкиничами и их главными приверженцами⁴⁰. Наконец, попом в указанное время был Олисей-Гречин (усадьба А), но какой-то другой священник тогда же жил на усадьбе И (см. ниже).

Добавим к этому, что в группе задержанных в 1195 г. вместе с Мирошкой лиц кроме Бориса Жирославича и Фомы летопись называет также Иванка. Но от имени Иванка написана грамота № 667, найденная в слоях второй половины XII в. на усадьбе И. Эта грамота адресована Ортемью (упомянутому также в грамоте № 638 из той же усадьбы) и упоминает Гаврилу. Под 1216 г. в летописи известен Гаврилец Милятинич⁴¹, а Миляте адресована грамота № 675 из усадьбы З.

Все эти наблюдения квалифицируют изучаемые на Троицком раскопе усадьбы XII — начала XIII в. как периферийные дворы мощного боярского клана, поставлявшего Новгороду знаменитых посадников. На окраинность этого массива указывает и наличие на усадьбе А священнического комплекса. Другой священнический комплекс, несомненно, связан во второй половине XII в. с усадьбой И, где в слоях этого времени найдены тексты молитв (грамоты № 652, 653), списки предметов церковного обихода (грамоты № 648, 660), документы, относящиеся к организации монашеского погребения (грамоты № 681, 682). Вероятно, эти комплексы связаны с построенной в 1151 г. у перекрестка Пробойной и Черницыной улиц церковью Василия Парийского⁴². Надо полагать, что жилые комплексы наиболее значительных бояр Людина конца располагались чуть севернее, тяготея к Волосове и Добрыне улицам, где уже в первой половине XII в. существовали церкви Власия, Якова и Нерукотворенного Образа. Инициатором очередного возобновления церкви Образа на Добрыне улице в 1191 г. был Внезд Нездинич⁴³, в котором логично видеть брата Мирошки Нездинича. К сожалению,

³⁶ Там же. С. 53, 252, 446.

³⁷ Там же. С. 42—43, 235—236.

³⁸ Там же. С. 42, 235.

³⁹ Там же. С. 50—51, 247—248.

⁴⁰ Там же. С. 51, 248.

⁴¹ Там же. С. 55, 255.

⁴² Там же. С. 29, 215.

⁴³ Там же. С. 39, 230.

прилегающий к Троицкому раскопу район Волосовой и Добрыни улиц безнадежно испорчен вырытым здесь в 1582 г. рвом Земляного города. В будущем, однако, возможны археологические исследования непо потревоженных участков этих улиц, которые были погребены валом Земляного города, а также участков, расположенных между этим валом и рвом Детинца.

Грамоты XIII—XV вв. Переломным в судьбе усадебных комплексов Троицкого раскопа оказался 1207 г., когда в Новгороде произошло восстание против Мирошкиничей: «идоша на двory их грабежьмь, а Мирошкин двор и Дмитров зажьгоша, а житие их поимаша, а села их распродаша и челядь, а скровища их изискаша и поимаша бещисла, а избыток розделиша по зубу, по 3 гривне по всему городу, и на щит». Погибшего от полученных под Пронском ран Дмитра Мирошкинича похоронили в Юрьевом монастыре рядом с отцом (умершим в 1203 г.), а пришедшему в феврале 1208 г. на княжение князю Святославу Всеволодовичу новгородцы заявили: «„не хотим у себе държати детии Дмитровых, ни Володислава, ни Бориса, ни Твърдислава Станиловица и Овьстрата Домажировица“; и поточи я князь к отцу, а на инех серебро поимаша бещисла»⁴⁴. Спустя три года, в 1211 г. вся территория Людина конца была выжжена пожаром: «Новогороде бысть пожар велик: загоряся на Радятине улици и сгоре дворов 4000 и 300, а церкви 15»⁴⁵.

Изгнание клана Мирошкиничей в 1208 г. не было окончательным. В 1215 г. «убиша пруси Овьстрата на збор и сын его Луготу, и вьвьргоша и в греблю мьртв»⁴⁶. Как представляется, к числу сторонников Мирошкиничей следует отнести лиц, названных в сообщении 1216 г., предшествующем рассказу о Липицкой битве: «побегоша к Ярославу преступници кресту: целовали бо бяху хрест честьнии ко Мьстиславу со всеми новгородци, яко всем одинакым быти, Володислав Завидиць, Гаврила Игоревиць, Гюрги Ольксиниць, Гаврильць Милягиниць, и с женами и с детьми»⁴⁷. Предположения о принадлежности Гаврильца Милягинича выше уже высказаны. Что касается Владислава Завидовича, то он, надо полагать, идентифицируется с Владиславом, изгонявшимся в 1208 г. вместе с прочими Мирошкиничами, а Завид известен по грамоте № 665 Троицкого раскопа.

Показателем сокрушительности перемен, связанных с событиями 1207—1216 гг., на Троицком раскопе является катастрофическое уменьшение числа берестяных грамот, что само по себе является свидетельством изменения социальной структуры комплекса. Если к периоду второй половины XII — начала XIII в. здесь относятся 95 документов, то в слоях XIII в. (после начала 10-х годов) обнаружена лишь 21 грамота; к сожалению, 11 из них — жалкие обрывки. Из остальных десяти (№ 614, 615, 636, 645, 695, 704, 706—709) восемь не дают представления о статусе владельцев усадеб. Лишь грамоты № 636 и 704 посвящены не частным заботам, а государственному делу, будучи связаны с военной пограничной службой и адресованными посаднику.

Сравнительно мало грамот найдено в слоях XIV—XV вв. Их всего 32. Однако один весьма существенный комплекс, в известном смысле объединяющий усадьбы А, Г и З, выявляется.

На усадьбе Г в напластованиях рубежа 50-х и 60-х годов XIV в. — начала XV в. обнаружена грамота № 622 — «приказ» Матфея Марку и Саве «про непрянос серебро», характеризующий всех троих названных в нем лиц как компаньонов в торговой и промысловой эксплуатации северных, прилегающих к Ледовитому океану областей. Между тем Саве адресовано одно из писем

⁴⁴ Там же. С. 51, 248—249. Обратим внимание на упоминание под 1230 г. «Станилы, брата Домажирова, иконнаго писца» (Там же. С. 277), возможно, связывающее Домажира с иконописной мастерской Олисея-Гречина.

⁴⁵ Там же. С. 52, 250.

⁴⁶ Там же. С. 54, 253.

⁴⁷ Там же. С. 55, 254—255.

Жилы — грамота № 589, найденная на усадьбе А в слоях второй четверти XIV в. Грамота № 501 из усадьбы А из тех же напластований написана Некефом и адресована Марку, а грамота № 619 из усадьбы З, обнаруженная в слоях рубежа 50-х и 60-х годов XIV — начала XV в., написана попом Перхурием и адресована Микифору. Таким образом, в этом комплексе единовременных документов в качестве адресатов проявляются Сава, Марк и Микифор. Имея в виду, что, по крайней мере, Сава и Марк связаны с северными промыслами, мы обнаружим Савицу в составе ватаги княжеских печерских сокольников, руководителем которых был Жила⁴⁸, а Микифора — в составе печерской княжеской ватаги некоего Михаила: «А Микифору не надобе вступатись ни во что же, ать ходить Микифор в Михайлове ватазе»⁴⁹. Оба документа, касающиеся этих лиц, исходят от имени великого князя Ивана Даниловича Калиты и относятся к 1327—1329 гг. Обнаруживается среди причастных к печерским делам во второй четверти — середине XIV в. новгородцев и Матфей. Грамота великого князя Дмитрия Ивановича (1363—1389 гг.) жалует Печерою Андрея Фрязина, «как было за его дядею за Матфеем за Фрязином», в подтверждение прежних пожалований Ивана Калиты, Семена Гордого и Ивана Красного⁵⁰. Заметим, что соседняя с Троицким раскопом церковь Троицы на Редягине улице была в 1365 г. построена «югорцами»⁵¹, т. е. новгородцами, связанными своей деятельностью с эксплуатацией печерских («югорских») земель.

Иной характер имеют грамоты, извлеченные из слоев второй половины XIV — середины XV в. На усадьбе Е-1 в напластованиях середины — второй половины XIV в. найдена грамота № 594, адресованная посаднику Онцифору, место жительства которого никакого отношения к раскапываемому усадебному комплексу не имело: Онцифор, умерший в 1367 г.⁵², а в 1354 г. отказавшийся от посадничества⁵³, был неревским боярином — усадьбы его рода подробно исследованы на Неревском раскоп⁵⁴. На усадьбе И в слоях второй половины XIV в. обнаружена грамота № 698—699, адресованная Сидору и касающаяся земельного конфликта во владениях Сидора, также идентифицируемого с неревским боярином из рода Онцифоровичей. Разбор всяческих земельных конфликтов в эту эпоху находился в компетенции владычного управления, наличие чиновников которого на исследуемом участке Новгорода, вероятно, подтверждается грамотой № 568, найденной на усадьбе Г в слоях середины XV в. В ней речь идет о взятии налога солью с ряда таких деревень, которые в указанный период находились в составе черносошных земель, т. е. контролируемых владычным управлением. Эта характеристика распространяется и на усадьбы П и О. На усадьбе П в слоях конца XIV — начала XV в. найдена грамота № 693, по-видимому, адресованная архиепископу Иоанну, а на усадьбе О — отчет о расходах по организации похорон предположительно архиепископа Василия (грамота № 689).

Рассмотренные материалы позволяют предположить, что после выдворения Мирошкиничей с их усадеб принадлежащие этому клану дворы не были освоены другими боярами, а использовались как общественная территория для размещения на ней разного рода административных институтов. Известно, что в середине XV в. некоторые боярские дворы располагались севернее — на Волосове и Добрыне улицах⁵⁴.

48 ГВНП. С. 142. № 84.

49 Там же. С. 142—143. № 85.

50 Там же. С. 143—144. № 87.

51 Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 34, 236.

52 ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 9.

53 НПЛ. С. 363—364.

54 ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 211.

Стремительное накопление берестяных текстов дало возможность исследовать их в разных аспектах. Однако уже в первые годы их открытия они были восприняты прежде всего как свидетельство широкого распространения грамотности в средневековых русских городах. Надо вспомнить, что до обнаружения берестяных грамот представление о низком уровне народной грамотности в древней Руси было традиционным. Тем сильнее оказался эффект опровержения такого представления, когда берестяные грамоты приобрели качество массового источника.

По-видимому, все же следует воздерживаться от опасных преувеличений, а расхожее мнение о чуть ли не поголовной грамотности горожан XII—XV вв. вряд ли может опереться на сколько-нибудь серьезные аргументы. В частности, выясняется, что не все берестяные письма написаны теми лицами, от имени которых адресату передаются содержащиеся в них сообщения. Грамоты № 664 и 710, происходящие из слоев второй половины XII в. и издаваемые в настоящем томе, написаны одним и тем же почерком, однако первая из них своим автором называет Доброшку, а вторая — Семьюна. Грамоты № 664 и 665 обе исходят от того же Доброшки, однако написаны они разными почерками. Это, естественно, не ведет к категорическому выводу о неграмотности Доброшки или Семьюна, однако свидетельствует о существовании института профессиональных писцов, который был бы бессмыслен при всеобщей грамотности.

Вместе с тем нельзя не упомянуть грамоту № 687 второй половины XIV в., из текста которой следует, что забота об обучении ребенка грамоте была самым заурядным делом в кругу забот средневекового горожанина.

**НОВГОРОДСКИЕ ГРАМОТЫ
НА БЕРЕСТЕ**

№ 615—710

(из раскопок 1984—1989 гг.)

**СТАРОРУССКИЕ ГРАМОТЫ
НА БЕРЕСТЕ № 15—23**

(из раскопок 1985 г.)

НОВГОРОД.
БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ
№ 615—710 (В. Л. Янин)

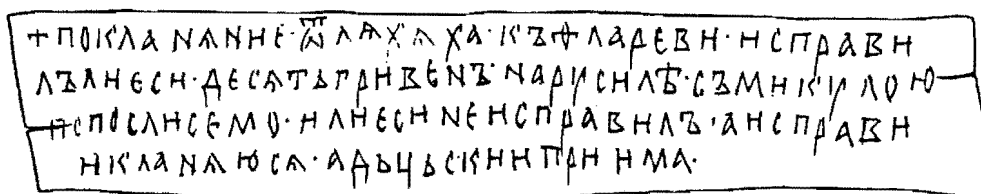
Грамота № 615	21	Грамота № 660	52	Грамота № 705	95
Грамота № 616	22	Грамота № 661	52	Грамота № 706	98
Грамота № 617	23	Грамота № 662	53	Грамота № 707	99
Грамота № 618	23	Грамота № 663	53	Грамота № 708	99
Грамота № 619	24	Грамота № 664	54	Грамота № 709	100
Грамота № 620	24	Грамота № 665	55	Грамота № 710	101
Грамота № 621	24	Грамота № 666	56	Указатель принадлежности	
Грамота № 622	25	Грамота № 667	57	берестяных грамот к то-	
Грамота № 623	27	Грамота № 668	58	пографическим и хроноло-	
Грамота № 624	28	Грамота № 669	58	гическим комплексам . .	103
Грамота № 625	29	Грамота № 670	58	СТАРАЯ РУССА.	
Грамота № 626	29	Грамота № 671	60	БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ	
Грамота № 627	30	Грамота № 672	60	№ 15—23	
Грамота № 628	30	Грамота № 673	61	(В. Л. Янин)	104
Грамота № 629	31	Грамота № 674	61	Грамота № 15	104
Грамота № 630	31	Грамота № 675	62	Грамота № 16	104
Грамота № 631	33	Грамота № 676	63	Грамота № 17	105
Грамота № 632	33	Грамота № 677	64	Грамота № 18	106
Грамота № 633	34	Грамота № 678	64	Грамота № 19	106
Грамота № 634	35	Грамота № 679	65	Грамота № 20	108
Грамота № 635	35	Грамота № 680	65	Грамота № 21	109
Грамота № 636	36	Грамота № 681	66	Грамота № 22	110
Грамота № 637	37	Грамота № 682	66	Грамота № 23	111
Грамота № 638	38	Грамота № 683	67	ПРИЛОЖЕНИЕ.	
Грамота № 639	39	Грамота № 684	67	ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ	
Грамота № 640	39	Грамота № 685	69	НАДПИСИ НА БЫТО-	
Грамота № 641	40	Грамота № 686	70	ВЫХ ПРЕДМЕТАХ	
Грамота № 642	40	Грамота № 687	71	(В. Л. Янин)	112
Грамота № 643	41	Грамота № 688	72		
Грамота № 644	41	Грамота № 689	72		
Грамота № 645	43	Грамота № 690	77		
Грамота № 646	43	Грамота № 691	78		
Грамота № 647	44	Грамота № 692	78		
Грамота № 648	44	Грамота № 693	79		
Грамота № 649	45	Грамота № 694	80		
Грамота № 650	45	Грамота № 695	81		
Грамота № 651	45	Грамота № 696	81		
Грамота № 652	47	Грамота № 697	82		
Грамота № 653	47	Грамота № 698	83		
Грамота № 654	48	Грамота № 699	83		
Грамота № 655	49	Грамота № 700	90		
Грамота № 656	49	Грамота № 701	90		
Грамота № 657	50	Грамота № 702	92		
Грамота № 658	51	Грамота № 703	92		
Грамота № 659	52	Грамота № 704	92		

НОВГОРОД

Грамота № 615

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 614, на уровне пласта 6 (глубина 1,00—1,20 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это целое письмо, написанное на внешней стороне бересты. Текст расположен в четырех строках:

+покланание. Ѡлаха.къ.Ѡлареви.исправи
лълиеси.десатьгривень.нарусилѣ. съмикулюю
полисемо.илиесинеисправиль.аисправи
икланяюса.адьцьскииприима.

0 5CM

Прорись грамоты № 615

Длина 19,5 см, ширина 3,7 см.

Стратиграфическая дата: середина — 80-е годы XIII в.

Грамота легко делится на слова:

+Покланание Ѡ Лаха къ Ѡлареви. Исправиль ли еси десать гривень на Русилѣ, съ Микулюю послы семо. Или еси не исправиль, а исправи, и кланяюса, а дьцьский приима.

В слове *Лаха* после *Ла* ошибочно намечены буквы *ха*. В начале третьей строки — так же ошибочно и такими же тонкими штрихами — процарапано: *по* (или *пс*).

Перевод грамоты: «Поклон от Ляха к Фларю. Если ты получил с Русила десять гривен, (то) с Микулой пошли (их) сюда. Если же не получил, (то) получи, прошу тебя, причем взявши детского».

Имя Лях известно в древнерусских источниках. В частности, имя Ляшко (производное от Ляха) носил убийца князя Бориса Владимировича (1015 г.). Широко было распространено это имя в западных областях в XVI—XVII вв. (см. словарь Тупикова). Новгородская топонимика обнаруживает заметное присутствие производных от имени Лях в наименовании многих пунктов: Ляхино, Ляхно, Ляховичи, Ляховицы, Ляхово, Ляшково. Село Ляховичи известно уже в документе первой трети XII в.¹

Имя Русил известно в старопольском языке (*Rusił, Ruyuło*). В древнерусском источнике оно встречено впервые, однако проявилось в названии пустоши Русилово

¹ ГВНП. С. 139. № 80.

в Бежецкой пятине². В 1988 г. то же имя, обозначающее адресата письма, встретилось в смоленской берестяной грамоте № 12. *Фларь* — обычный для Новгорода вариант имени Флор.

Слово *исправити* имеет много значений, но в данном контексте означает «взыскать». Если Флор еще не взыскал 10 гривен с Русила, то он должен их взыскать и послать с Микулой Ляху.

Кланяюся в последней фразе, судя по контексту, является вежливой формулой, равнозначной слову «пожалуйста» или же выражению «прошу тебя».

Детский, иначе бирич, — судебный исполнитель. О его роли во взыскании долга в судебном порядке говорится в Смоленской торговой правде, самые ранние списки которой относятся к 20-м годам XIII в.: «Аже будеть смолянину немьчичь дължьн в Ризе или на Гътьскомь березе, правити ему поемъши детьскыи у судье. Ть ть ли детьскыи не исправити, возма мьзду, приставити на нь другого. Тьт ли еметь хьтрити, а поставити и перед судьею, ать выдасть и судья»³; «Русину не ставити на латинеского детьского, не явивъше старость латинескому. Аже не слушаеть старосты, то ть можеть на него дет(ьс)кого приставити. Тако латинескому на русина не ставити бирица у Ризе ни на Гочкомь березе»⁴.

Мы видим теперь, что правило взыскания долга в судебном порядке в присутствии детского не имело локально смоленского характера, а применялось в ту же эпоху и в Новгороде. Вопреки внешней двусмысленности противопоставления имен Лях и Русил грамота, отражая внутренние новгородские обстоятельства, в то же время свидетельствует и о применении указанного правила не только в конфликтах между иноземцами и русскими, но и о более широком его характере.

Грамота № 616

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 598, на уровне пласта б (глубина 1,00—1,20 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это обрывок правой части документа, утратившего также верхние и нижние строки:

=== стиюдоменепорозна
=== лебудьшеатоса ведаю

Прорись грамоты № 616

Длина 13 см, ширина 2 см.

Стратиграфическая дата: 10-е — 40-е годы XIII в.

Грамота делится на слова следующим образом:

...стию до мене порозна ...ле будьше, а то са ведаю...

Фрагментарность документа препятствует его пониманию, хотя уцелевшие слова и понятны. *Порозна* — праздна, свободна. *До мене* — до меня, до моего приезда. *Будьше* — будешь. *А то са ведаю* — а в этом я рассчитаюсь, а за это

² Новгородские писцовые книги (далее: НПК). СПб., 1910. Т. 6. Стб. 562.

³ Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963. С. 12.

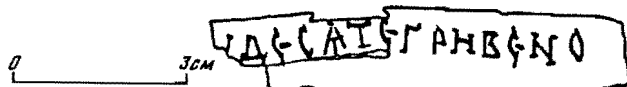
⁴ Там же. С. 23.

я буду вести расчет... (с тобой?). Общий смысл второй строки: «если ты (то-то) сделаешь, то я за это буду рассчитываться (с тобой или с кем-то еще) так-то».

Грамота № 617

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 628, на уровне пласта 6 (глубина 1,00—1,20 м), в напластованиях судьбы Ж. Это обрывок правой части документа, возможно, написанного в одну строку:

=== десатегривено

Прорись грамоты № 617

Длина 7,3 см, ширина 1,4 см.

Стратиграфическая дата: середина — 80-е годы XIII в.

Грамота так делится на слова:

...десате гривено.

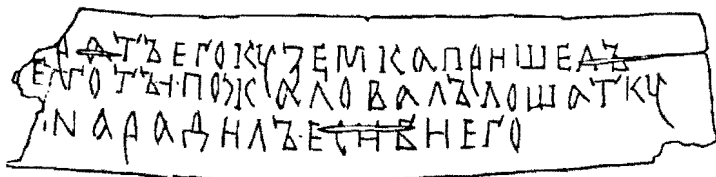
Грамота № 618

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 669, на уровне пласта +1 (глубина +0,20—0 м), в напластованиях усадьбы Г. Это обрывок, представляющий собой правую часть письма, написанного в три строки:

=== ратьегокуземкапришель

=== его ты пожаловальошатку

=== нарадиль.есибиего

Прорись грамоты № 618

Длина 11,5 см, ширина 2,8 см.

Стратиграфическая дата: рубеж 50-х и 60-х годов XIV в.— начало XV в.

Грамота делится на слова следующим образом:

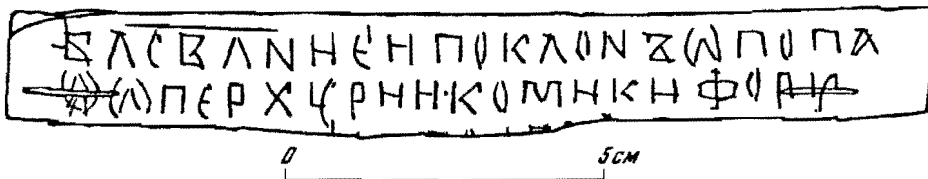
... (б)рать его Куземка пришель... его ты пожаловаль, лошатку ... нарадиль еси би его.

Дошедшее в обрывке письмо содержит просьбу о протекции некоему Куземке, пришедшему откуда-то, по-видимому, к своему брату, известному адресату письма. В письме выражается надежда на то, что Куземка будет пожалован лошадкой (вероятная конъектура: *(Что бы) его ты пожаловаль*) и каким-то снаряжением (*нарадиль еси би его* — снарядил бы ты его).

Грамота № 619

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 793, на уровне пласта +1 (глубина +0,05 м), в напластованиях усадьбы З. Это начало письма, сохранившего две строки:

блсвлннеипоклонъwпопа
wwперхурии.комикифору

Прорись грамоты № 619

Длина 14,2 см, ширина 1,9 см.

Стратиграфическая дата: рубеж 50-х и 60-х годов XIV в.— начало XV в.

Грамота легко делится на слова:

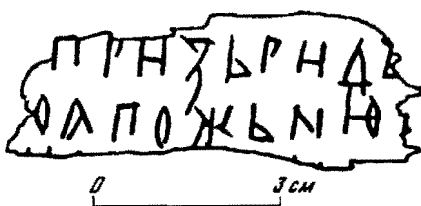
Бл(аго)с(ло)вл(е)ние и поклонъ w попа w Перхурии ко Микифору...

В начале второй строки после неудачно написанного w (вместо Ѡ) этот предлог повторен.

Перхурии — новгородский вариант канонического имени Порфирий.

Грамота № 620

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 491, на уровне пласта 9 (глубина 1,61 м), в напластованиях усадьбы З. Этот фрагмент документа, оборванного со всех сторон:

=== призьрид[ѣ] ===

=== оапожьню ===

Прорись грамоты № 620

Длина 6,5 см, ширина 2,5 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.

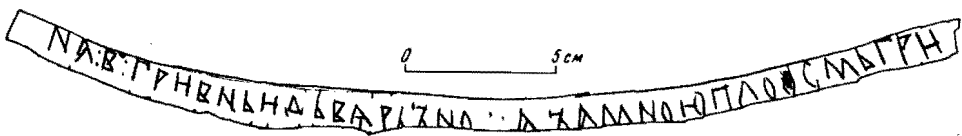
В грамоте читаются слова:

... призьри дѣ(тии?) ...о, а пожьню...

Грамота № 621

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 636, на уровне пласта 8 (глубина 1,58 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это обрывок, сохранивший только одну строку из середины текста:

на: ѳривньидъварьзно.азамноуплосъмьгри

Прорись грамоты № 621

Длина 32 см, ширина 1,5 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.
Грамота делится на слова следующим образом:

... на 2 гривнь и двѣ рѣз(а)но. А за мною п(о)ло(о)сьмь гри(внь)...

В слове *плосьмь* после буквы *о* написана, но потом зачеркнута еще одна буква *о*.

По-видимому, автор письма сообщает, что за ним остается еще семь с половиной гривен, тогда как за каким-то другим лицом две гривны и девять резан.

Грамота № 622

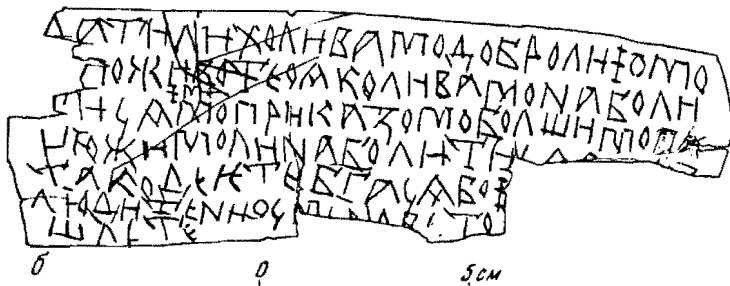
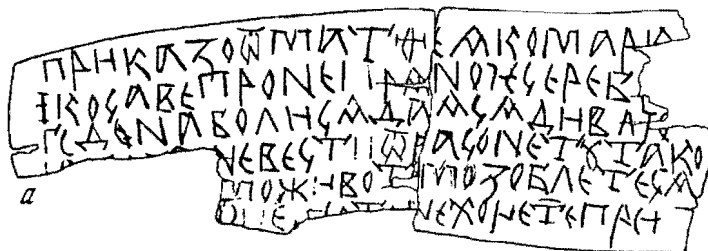
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 687, на уровне пласта 1 (глубина 0,17 м), в напластованиях усадьбы Г. Это документ со сравнительно небольшими утратами в нижней части листа, написанный на обеих его сторонах. Текст начинается на внешней стороне бересты и продолжен на внутренней.

На внешней стороне листа запись расположена в шести строках:

приказоѡматоелкомарк[у]
 ікосавепроне[п]раноксереб[р]=
 г[с]донаболисадаасадивлю
 ===== невест[и]ѡ[в]асонетѡтако
 ===== можivot[о]мозоблетеса
 ===== е = [от] = нехоцетепри

На внутренней стороне семь строк:

= латилихоливамодобролиіомо
 =[м]оживотеоожколивамонаболи
 [т]исамоімоприказомоболшимо
 цюжимолинаболити[са] =====
 такодектебгасабоі =====
 людитениосм[енове]то =====
 шлете

Прорись грамоты № 622

Длина 16,9 см, ширина 5,5 см.

Стратиграфическая дата: рубеж 50-х и 60-х годов XIV в.— начало XV в.

Грамота делится на слова следующим образом (со смысловыми конъектурами, рассчитанными по объему утрат):

Приказо Ѡ Матфеѧ ко Марку і ко Саве. Про непранок серебр(о), г(о)с(по)до, наболисѧ. Да ѧ сѧ дивлю, (цем Ѹ ко м)не вести Ѡ васо нет Ѹ. Тако (ли вы моі)мо животомо зоблетесѧ ..., не хотите при(с)лати. Лихо ли вамо, добро ли, і о мо(к)мо животе, о ѧколи вамо наболитисѧ моімо приказомо болшимо ... Цюжимо ли наболитисѧ ... тако декте, б(о)га сѧ боі(те) ... (б)людите. Ни о Сменове то... шлете.

В третьей строке текста на внутренней стороне бересты были сначала пропущены, а затем вставлены над строкой буквы *імо* в слове *моімо*.

Письмо является распоряжением («приказом») Матфея Марку и Саве. Оба адресата грамоты известны по прежним находкам на Троицком раскопе. В тех же горизонтах культурного слоя еще в 1973 г. на усадьбе А была найдена грамота № 501 (*Поколono Ѡ Некефа ко Маруку*), а в 1981 г. на той же усадьбе А — грамота № 589, написанная Жилой; ее вторая часть адресована Саве.

В слове, определяющем серебро, плохо различима третья буква, попавшая на сгиб и трещину бересты. Скорее всего, здесь читается *п*: начерки других букв не соответствуют элементам фрагментированного знака. А. А. Зализняк предложил объяснение слову *непранок* как «нерпичее» (ср. написание *нерпѣ* «нерпы» в берестяной грамоте № 133⁵). Предложенное объяснение представляется весьма убедительным, поскольку и Жила грамоты № 589, и Сава грамот № 589 и 622, как показано в комментариях к грамоте № 589, принадлежат к числу печерских сокольников и, следовательно, самым непосредственным образом связаны с северными промыслами⁶. «Непрямое серебро» — деньги, вырубленные или следующие за продажу нерпичьих шкур, тюленьего жира и т. п.

Г(о)с(по)до, наболисѧ — господа, позаботьтесь. Глагол *наболѣтисѧ* (*наболитисѧ*) в том же значении был встречен в берестяной грамоте № 385, а в формах *понаболѣти* и *понаболѣтисѧ* — соответственно в грамотах № 538 и 359. Еще два раза он употреблен в дальнейшем тексте комментируемого документа.

Да ѧ сѧ дивлю — да я удивляюсь, недоумеваю, сержусь. Далее следует разрыв примерно в семь букв, после которого идет продолжение фразы: *...не вести Ѡ васо нет Ѹ*. Наиболее вероятной представляется конъектура: *(цем Ѹ ко м)не*. В целом же: я недоумеваю, почему ко мне от вас нет вести.

Тако ...мо животомо зоблетесѧ. Зобатисѧ — заботиться (см. в словаре Даля с пометой *нѡг, влд*; ср. также у Фенне: *За меня не зоблись, зоблись за себя/или: тужись*.— 209, 13). Вероятная конъектура здесь: *тако (ли вы моі)мо*. В целом: так ли вы о моем добре (имуществе) заботитесь?

Разрыв в начале следующей фразы невосполним, но ее конец хорошо читается: *не хотите при(с)лати*, раскрывая ее общий смысл: почему вы не хотите прислать? Речь, очевидно, идет о той доле дохода, которую полагается получить Матфею.

Лихо ли вамо, добро ли — этот изыщный оборот⁷ следует понимать как нежелание Матфея считаться с какими-либо обстоятельствами, которые мешают адресатам выполнить свои обязательства перед ним: хорошо ли им или плохо, легко или трудно, но им надлежит «наболитися», т. е. позаботиться о достатке

⁵ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958. С. 71—72.

⁶ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 49—50.

⁷ Ср. в письме Владимира Мономаха князю Олегу: «аще ти добро да с тем, а ли ти лихое, да то ти седить сын твои хрстыни» (ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. 2-е изд. вып. 1. Стб. 254). Выражение *о добрѣ или о лисѣ* встречается и в духовных грамотах XIV в. (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. далее: ДДГ). М.; Л., 1950. С. 20, 41 и др.).

Матфея и Якова. Союз *и* здесь отсутствует, но должен подразумеваться, поскольку Матфей и Яков — не одно и то же лицо.

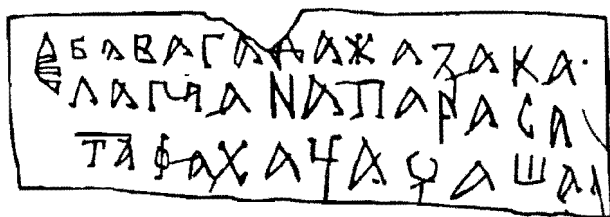
Матфей утверждает, что эта забота должна быть проявлена в соответствии с его *приказомо болшимо*, т. е. в согласии с каким-то его более развернутым распоряжением, под которым возможно понимать исходное соглашение, сделавшее всех троих (или четверых, учитывая еще и Якова) участниками одного торгового предприятия.

Конец документа сильно испорчен разрывами, но смысл упреков Матфея и здесь более или менее понятен. *Цюжимо ли наболитиса...* — чужие ли должны об этом заботиться? ... *тако декте* — по-видимому, почему так поступасте? *Б(о)га сѧ боі(те)* — побойтесь Бога. Глаголы *(б)людите* и *...шлите* в последних фразах соответствуют общей фразеологии документа. В заключительной части письма возможна конъектура: *ни о Сменове то(варе)*.

Грамота, несомненно, отражает институт складничества в торговых и промысловых операциях.

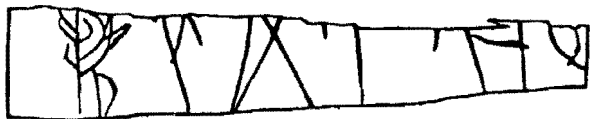
Грамота № 623

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 762, на уровне пласта 1 (глубина 0,16 м), в напластованиях усадьбы 3. Это фрагментированная запись, сохранившая верхнюю и нижнюю части берестяного листа и утратившая лишь узкую полоску в средней части:

бавагадажазака.
ламананараса
тафахацачаша.

0 ————— 5 см

Прорись грамоты № 623

Слева, в начале записи, рисунок, напоминающий инициальное Е. На нижнем фрагменте орнаментальные завитки и отдельные буквы или — вернее — их подобия.

Длина 9 см, ширина верхнего фрагмента 3 см, ширина нижнего 1,5 см. Стратиграфическая дата: рубеж 50-х и 60-х годов XIV в.— начало XV в. Запись представляет собой ученическое упражнение в слоговом письме:

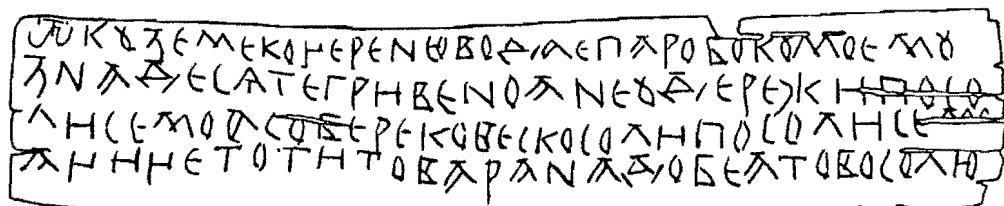
Ба ва га да жа за ка ла ма на па ра са та фа ха ца ча ша...

В утраченной части, надо полагать, был только недостающий слог *ца*. Другие образцы подобных упражнений были ранее встречены в берестяных грамотах № 199, 201, 204 и 206 (из комплекса записей, связанных с мальчиком Онфимом).

Грамота № 624

Найдена в выбросе из Троицкого раскопа и происходит из напластований, вероятно, усадьбы З. Это целое письмо, текст которого написан в четыре строки:

Ѡх Ѡ земекоцеренюводаепаробок Ѡ моем Ѡ
 знадесагтегривеноане Ѡ дережипосо
 лисемоасоберековескосолипосолисе[мо]
 ацицетотитоваранадобеатовосолю

Прорись грамоты № 624

Длина 22,3 см, ширина 4,3 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в.

Грамота делится на слова следующим образом:

Ѡ К Ѡ земе ко Цереню. Водае паробок Ѡ моем Ѡ 7 на десате гривено. А не Ѡ дережи, посоли семо. А со берековеско соли посоли семо. Аци цето ти товара надобе, а то восолю.

Редкое имя Чернь (Черень) встречено в Повести временных лет в рассказе о пострижении Антонием в Печерской обители купца-торопчанина: «И прият и Антонии, и възложи на нь порты чернецьскыя, нарек имя ему Исакии, бе бо имя ему Чернь»⁸. Автор письма Кузьма, — вероятно, то же лицо, которое упоминается в издаваемой ниже грамоте № 632, происходящей из напластований той же усадьбы первой половины XII в.

В тексте публикуемой грамоты речь идет о соли. В этой связи следует отметить, что соль не впервые упоминается в берестяных грамотах Троицкого раскопа. Вероятно, о коробьях соли говорится в сильно фрагментированной грамоте № 533 первой трети XIV в. Коробья соли фигурируют и в грамоте № 568 первой половины XV в.

Паробокъ — в данном контексте слуга. Берковец равнялся 10 пудам, что соответствует 150—160 кг. Новгородская I летопись сохранила сведения о цене на соль в год ее особой дороговизны: в 1232 г. за берковец соли платили 7 гривен⁹. Особо следует отметить написание суммы 17 — 7 на десате. *Оудержати* — задержать; такое значение этого слова см., например, в Смоленской торговой правде, где о товаре говорится: «А не оудѣржати кмоу, аже оудѣржити, оу томь сѧ можете оучинити пагоуба»¹⁰.

⁸ Повесть временных лет (далее: ПВЛ). М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 127.

⁹ НИИ. С. 72, 281.

¹⁰ Смоленские грамоты XIII—XIV вв. С. 22—23.

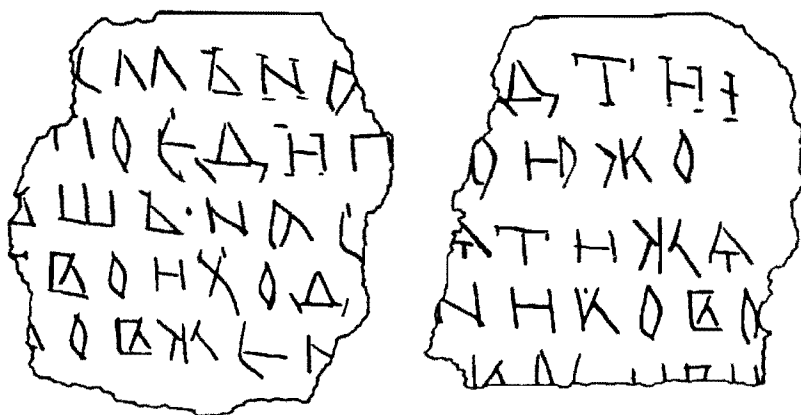
Общий перевод документа: «От Кузьмы к Черню. Отдай моему слуге 17 гривен. А не удержи, пошли сюда. И примерно берковец соли пошли сюда. Если же тебе надо какого-либо товара, то вышлю».

Грамота является письмом одного купца другому, содержащим взаимные расчеты.

Грамота № 625

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 668, на уровне пласта 2 (глубина 0,27 м), в напластованиях усадьбы Г. Это два не соединяющихся между собой фрагмента письма, сохранившего в обоих случаях верхний край берестяного листа:

==== смьна ====	==== дтиі
==== поедип ====	==== оужо
==== шь.нас ====	==== атижа
==== [т]воиход====	==== никово
==== овже[н]====	==== ко ====

Прорись грамоты № 625

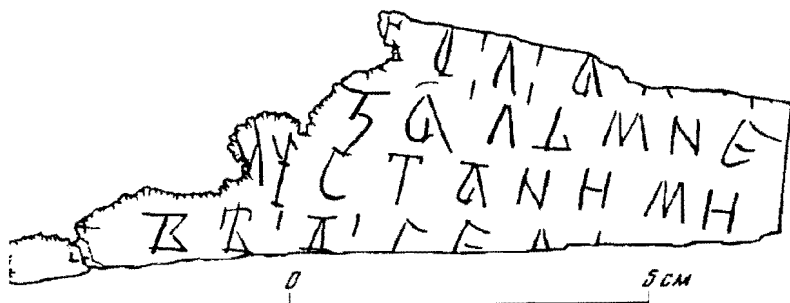
Длина первого фрагмента 6 см, ширина 6,5 см; длина второго фрагмента 5,5 см, ширина 6,5 см.

Стратиграфическая дата: конец 30-х — 90-е годы XIV в.

Грамота № 626

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 597, на уровне пласта 7 (глубина 1,40 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это фрагмент правого края документа, основная часть которого сгорела:

==== бо:ла ====
==== зальмне
==== мустаними
==== в ъ.д.се[р] ====

Прорись грамоты № 626

Длина 10,7 см, ширина 3,4 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.
На слова грамота может быть разделена следующим образом:

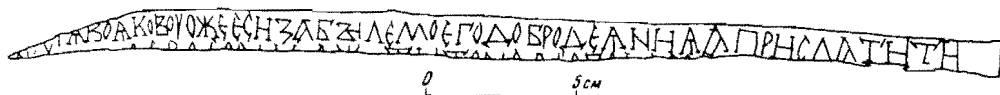
...бо 30, а ...заль мне ...му Станими... вѣ 4 сер(ebra)...

Имя Станимир известно в древнерусских источниках: под 1217 г. в Новгородской I летописи упоминается новгородец Станимир Дернович, а под 1176 г.— пскович Станимир Иванич¹¹.

Грамота № 627

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 621, на уровне пласта 9 (глубина 1,60—1,80 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это верхняя строка письма, утратившего и первые буквы:

===[юрег] ѡкожовоу оже еси забыле моего добродѣлнѡ а прислатити

Прорись грамоты № 627

Длина 33,4 см, ширина 1,5 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в. Текст разделяется на слова так:

(Ю Г) юрегѡ ко жовоу. Оже еси забыле моего добродѣлнѡ, а прислати ти ...

Автор письма упрекает адресата Якова в том, что тот, забыв его «добродѣяние», не присылает ему то, что должен был прислать.

Грамота № 628

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 562, на уровне пласта 7 (глубина 1,24 м), в напластованиях усадьбы М. Это небольшой фрагмент:

===розна===

¹¹ НПЛ. С. 35, 57, 224, 258.

Прорись грамоты № 628

Длина 2,9 см, ширина 1,3 см.

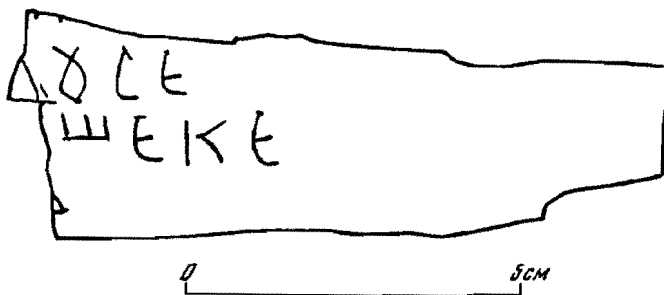
Стратиграфическая дата: начало 10-х — конец 20-х годов XIII в.

В грамоте № 616 того же времени встретилось слово *порозна*, возможно, присутствующее и в этом предельно фрагментированном тексте.

Грамота № 629

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 712, на уровне пласта 3 (глубина 0,57 м), в напластованиях усадьбы 3. Это фрагмент правой нижней части документа:

=== 8 се
 === шеке.

Прорись грамоты № 629

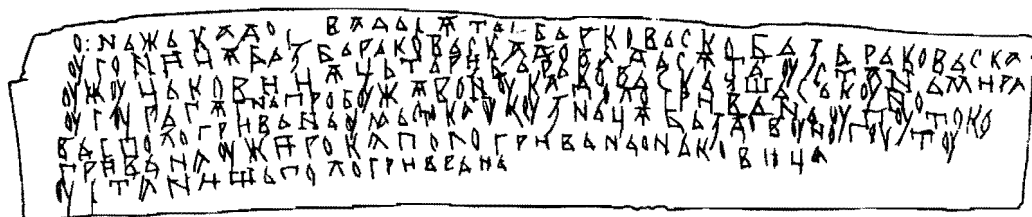
Длина 9,7 см, ширина 3,3 см.

Стратиграфическая дата: середина 80-х годов XIII в.— 40-е годы XIV в.

Грамота № 630

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 503, на уровне пласта 11 (глубина 2,11 м), в напластованиях усадьбы 3. Это целая запись, текст которой расположен в семи строках:

о:ньжкадовадъсатьбрьковскобрьковска
 оугоницабъбрьковскадовадъсатьоустаньмира
 оужоуцьковицацьтьрибрьковскышьськоуно
 оугоурьгльньпробоужавоноукапологривньоупоутоко
 въпологривньоумьстокаоукоузньцабъздовоуногоутоу
 гривнаоужирокапологривньоньковица
 оустанисьпологривнь

Прорись грамоты № 630

Длина 33,5 см, ширина 6,6 см.

Стратиграфическая дата: 20-е — середина 50-х годов XII в.

Грамота разделяется на слова следующим образом:

О(у) Ньжка дова дьсать бьрковьско бьз (б)ьрковьска. Оу Гоница бьз бьрковьска дова дьсать. Оу Станьмира оу Жоуцьковица цтьри бьрковьскъ і шьс(т)ь коуно. Оу Гоурьга і Ньпробожь воноука поло гривнь. Оу Путоковыі поло гривнь. Оу Мьстока оу коузньца бьз довою ногоутоу гривня. Оу Жирока поло гривнь Оньковица. Оу Станишь поло гривнь.

Имеются пропуски букв (у в начале грамоты в оу, вместо него написано двоеточие; б в конце первой строки в бьрковьска, это как бы наложились сходные между собой начертания ь и б; т в третьей строке в шьсть), лишняя буква (в гривнь — последняя строка; правда, первое в недописано — может быть, автору оно не понравилось и он его бросил), поправки (в слове Жирока и переправлено из п, в слове Оньковица л переправлено из а). Также: і вместо оу после Гоурьга, оу вместо а в ногоутоу, пропуск оу перед Оньковица.

Перечень должников и их долгов изобилует именами. Всего названо, по-видимому, восемь должников: Нежко, Гонич (в принципе возможно также, что это не отчество, а прозвище Гонец), Станьмир (Станмир) Жучкович, Гургий (Гюргий) Непробудов внук, Путкова жена, Местко кузнец, Жирко Онькович и Станиша. Из них христианскими могут быть признаны имена Гургия (Георгия) и отца Жирка — Онька (вероятно, производное от Онисима). Остальные имена языческие. Некоторые из них уже встречались в берестяных грамотах. Нежко упомянут в грамоте № 526 XI в. и в грамоте № 7 из Старой Руссы первой половины XII в. Станмир — в издаваемой здесь грамоте № 626 второй половины XII в. Местко — в грамотах № 459 и 516 (обе XII в.). Жирко — в грамоте № 454 XII в. Станиша — несомненное производное от Станислав или Станмир. Остальные имена (Гонич, Жучко, Непробуд, Путко) встречены впервые, но все они в своей основе славянские. В писцовой книге Шелонской пятины фигурирует деревня Путково¹². Путкова в списке должников грамоты № 630 — женщина, что для подобного документа представляется не вполне обычным.

Упомянутые в грамоте берковцы, по всей вероятности, обозначают количество соли, на что указывает их значительное число. Нежко и Гонич должны по 19 берковцев, т. е. примерно по 3 тонны. Следует напомнить, что берковец соли упоминается также в грамоте № 624, происходящей, вероятно, из той же усадьбы и из близких по времени слоев.

¹² НПК. СПб., 1905. Т. 5. Стб. 526.

Грамота № 631

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 638, на уровне пласта 11 (глубина 2,00—2,20 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это фрагмент записи, сохранившей две первые строки:

жмиратъ бесполоу
семекоунѣ.ѣ.вне.а

Прорись грамоты № 631

Длина 10 см, ширина 2,5 см.

Стратиграфическая дата: 10-е — начало 40-х годов XII в.

Грамота делится на слова следующим образом:

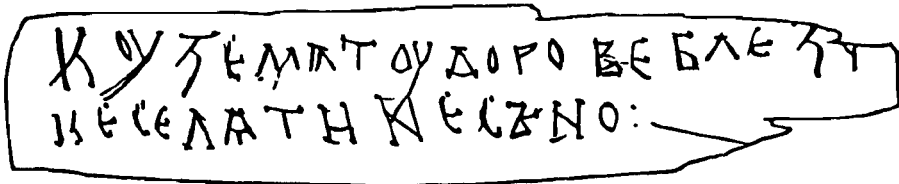
Ж Миратъ бес полоу семе коунѣ 3 (гри)вне. А ...

Имя Мирята прежде не встречалось, но оно — несомненно производное от Мирослав, Миронег и т. п. Есть тождественное старопольское имя *Mirzeta*. Любопытна природа ошибки в написании слова *гривне*: в нем пропущен первый слог «гри», вероятно, потому, что предшествующая ему цифра *ѣ* и звучание обозначаемой ею суммы уже содержат в себе все элементы пропущенного слога. Поскольку гривна содержала 25 кун, три гривны без шести с половиной кун равны 2 гривнам и 18 с половиной кун.

Грамота № 632

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 625, на уровне пласта 11 (глубина 2,09 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это практически целый документ, написанный в две строки:

коузематодуровелез[о]
кеселатинесыно:

Прорись грамоты № 632

Длина 12,8 см, ширина 2,3 см.

Стратиграфическая дата: 10-е — начало 40-х годов XII в.

Грамота так разделяется на слова:

Коузема Тоудорове блезоке, Селатине сыно.

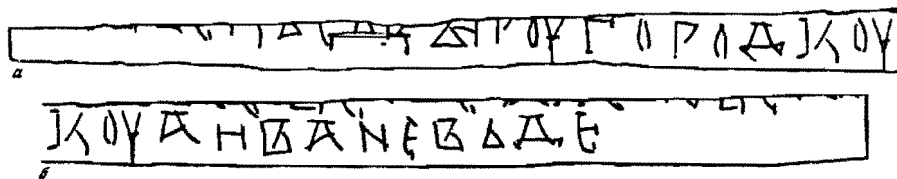
В памятной записке обозначено имя некоего Кузьмы Селятинича, который был родственником Тудора.

Оба имени — Селята и Тудор — ранее были встречены в одной и той же берестяной грамоте № 348, которая, однако, относится ко второй половине XIII в. и, следовательно, называет иных лиц. Новгородская I летопись знает под 1224 г. Микифора Тудоровица, а под 1229 г. — Иванка Тудорковица¹³. Среди граффити новгородского Софийского собора имеется надпись: *Г(оспод)и, помози рабоу своему Тоудороу Събыславичоу. Амино*¹⁴. В 1983 г. на Городище под Новгородом была найдена свинцовая вислая печать первой половины XII в. с изображением св. Феодора Тирона на одной стороне и надписью *Сп(а)си, Г(оспод)и, (р)аба св(о)жго Т'удор'ка* на другой¹⁵. Сочетание изображения и надписи этой печати указывает на то, что имя Тудор было вариантом имени Феодор.

Грамота № 633

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 642, на уровне пласта 11 (глубина 2,20 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это конец документа:

===[брь]
===[вьсьськ]ыроугородкоуаиваневде

Прорись грамоты № 633

Длина 39,2 см, ширина 1,7 см.

Стратиграфическая дата: 10-е — начало 40-х годов XII в.

Грамота делится на слова следующим образом:

... берь(ко)вьськ, съкыроу Городкоу. А Иване вде.

По-видимому, письмо содержит указание о выдаче соли(?), измеренной в каком-то количестве берковцев, и топора (секиры) Городку. В ней сообщается также, что Иван ведет. Возможно, этот текст связан с организацией военного похода. Следует заметить, что в стратиграфических рамках датировки комментируемого документа летопись рассказывает о возглавленном посадником Иванком Павловичем, «мужем храбрым зело», походе против Суздаля, во время которого в январе 1135 г. в битве при Ждановой горе Иванко и погиб¹⁶.

Имя Городко не чуждо древнерусскому ономастикону (см. словарь Тупикова — Паско Городко, любомльский мещанин, 1654 г.). Упомянутое в грамоте № 633, оно становится в вероятную связь с именем Жирослав, зафиксированным в грамоте № 573, которая происходит из соседней усадьбы Е и из напластований

¹³ НПЛ. С. 64, 68, 268, 275.

¹⁴ Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV вв. М., 1978. С. 150. № 207.

¹⁵ Новгородский музей. № 33656-14.

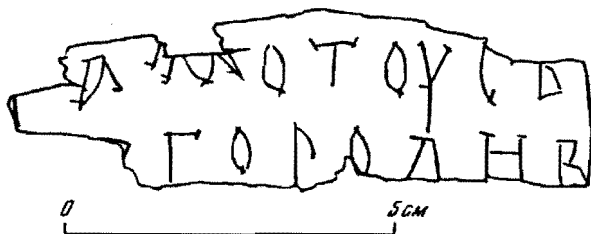
¹⁶ НПЛ. С. 23, 208.

того же XII в. Дело в том, что Новгородская I летопись называет под 1197 г. некую Полюжю, т. е. жену Полюда, которая основала Евфимьевский монастырь в Плотниках: «В то же лето постави монастырь святыя Еуфимия в Пльтьниках Полюжая Городъшиница Жироскина дъци»¹⁷. Следовательно, ее отцом был Жироска (Жирослав), а отцом ее мужа Полюда — Городко.

Грамота № 634

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 762, на уровне пласта 5 (глубина 0,93 м), в напластованиях усадьбы З. Это фрагмент нижней правой части письма:

==amotoус[ъ]
 ===городив

Прорись грамоты № 634

Длина 8,6 см, ширина 2,6 см.

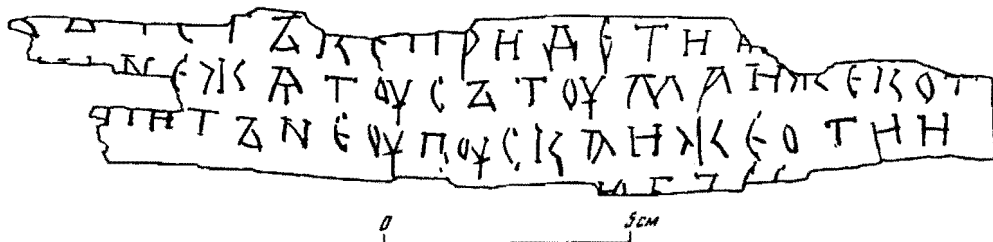
Стратиграфическая дата: 40-е — 80-е годы XIII в.

В тексте достоверно читается только слово (гр)amotoу.

Грамота № 635

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 558, на уровне пласта 12 (глубина 2,28 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент правой части письма, верх и низ которого оборваны:

===[кътет]ъкепридети[▲]===
 ===нежаѡустьоумаижекот
 ===питьнеоупускаижеотии
 =====[юбъ]=====

Прорись грамоты № 635

¹⁷ Там же. С. 43. В той же летописи младшего извода: «Полюжая Жироскѣ Городъшиница дщи» (Там же. С. 237), что, как будто, определяет Городка как деда Полюжей и отца Жироски. Если только это не порча текста позднейшим переписчиком, то здесь отразилась другая версия родственной связи Городка.

Длина 19,7 см, ширина 3,6 см.

Стратиграфическая дата: 20-е — начало 40-х годов XII в.

Грамота может быть разделена на слова следующим образом.

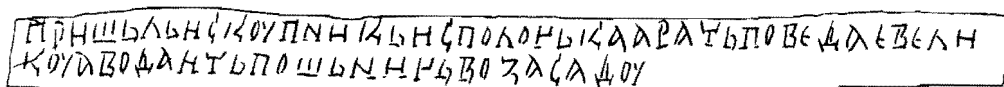
... къ тетъке. Приде ти А... Нежатоу. Сътоумай же кот... ...пить. Не оупоускай же, оти и...

Адресатом письма была тетка. К ней, по-видимому, должен прийти Я(ков? Якун? и т. п.). Упоминается Нежата, — вероятно, то же лицо, которое фигурирует в издаваемой ниже грамоте № 644. Тетке поручается *сътоумати* (сдумать?) и чего-то не упустить.

Грамота № 636

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 758, на уровне пласта 5 (глубина 0,86 м), в напластованиях усадьбы 3. Это целое письмо, написанное в две строки:

пришьльискоупникъисполоцькааратьповедаевели
коуаодаитьпошьницъвозасадоу

ПРИШЬЛЬИСКУПНИКЪИСПОЛОЦЬКААРАТЬПОВЕДАЕВЕЛИ
КОУАОДАИТЬПОШЬНИЦЪВОЗАДАДОУ

0 5 см

Прорись грамоты № 636

Длина 32,6 см, ширина 3,7 см.

Стратиграфическая дата: 60-е годы XIII в. — рубеж XIII и XIV вв.

Грамота легко делится на слова:

Пришьль искоупникъ ис Полоцька. А рать поведае великоу. А водаить пошьницъ во засадоу.

Искоупникъ — очевидное производное от слова *искоупъ*, выкуп (см. словарь Срезневского). Это слово не зафиксировано в древнерусских текстах, но смысл его очевиден: *искупник* — человек, выкупленный из плена, или же человек, который осуществляет выкуп пленных. Здесь более вероятно первое значение; в противном случае *искупника*, бывшего представителем государственной власти, назвали бы по имени. Не исключено, к тому же, что выкуп пленного был результатом частной инициативы. В духовной Климента середины XIII в. в числе наследников имущества завещателя назван Андрей Воинович: *то же к смь не даромъ далъ, платилъ за мене Данило и Воинъ искупъ литовьскыи*¹⁸.

Искупник пришел из Полоцка. В 60-х годах XIII в. Полоцк переживает весьма драматические события. Еще в 1262 г. Новгород находится в активном союзе с литовским полоцким князем Товтивилом, участвуя вместе с ним в походе на Юрьев Немецкий¹⁹. В 1263 г., однако, «бысть мятеж в Литве..., и востаща сами на ся, и убиша великого князя Миньдовга свои сродичи; распрешася убища Миньдовговы и о товарех его, и убиша князя Полотцкаго Товтвила, а бояре его исковаша, и просиша у Полочан и сына Товтвила убити, он же

¹⁸ ГВНП. С. 162. № 105.

¹⁹ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 144.

беже в Новгород со двором своим, а Литва посадиша в Полотце своего князя, а Полочан пустиша, которых имали со князем их, и мир взяша»²⁰. В 1265 г. после победы сына Миндовга — Войшелга 300 литовцев с женами и детьми «вбегоша» в Псков, где они были крещены князем Святославом, «а новгородци хотеша их исещи, нь не выда их князь Ярослав и не избьени быша»²¹. В 1266 г. с вокняжением в Пскове Довмонта начинается его ожесточенная борьба с Герденем; летописец, рассказывая о ней, употребляет фразеологический оборот «стражие же видевше рать велику»²². Возникла существенная разница в оценке действий Довмонта между новгородцами и великим князем Ярославом Ярославичем. Ярослав привел низовские полки в Новгород, «хотя ити на Пльсков на Довмонта»; новгородцы же «взбраниша ему, глаголюще: „оли, княже, тебе с нами уведавъшися, тоже ехати в Пльсков“; князь же отсла полкы назадъ»²³. В следующем, 1267 г. «ходиша новгородцы с Елеферьем Сбыславичем и с Доумонтом съ пльсковичи на Литву, и много их повоеваша, и приехаша вси здорови»²⁴. Наконец, в 1268 г. «сдумаша новгородци с князем своимь Юрьемь, хотеша ити на Литву, а инии на Полтеск, а инии за Нарову. И яко быша на Дубровне, бысть распря, и вспятишася и поидоша за Нарову к Раковору»²⁵. С одним из этапов этой цепи событий, вероятно, и связывается комментируемая грамота.

Искупник «рать поведае великоу», т. е. сообщает о большом войске или же о серьезных военных действиях. Существо документа, таким образом, состоит в том, что он является военным донесением, основанным на сообщении пришедшего из Полоцка человека о готовящемся там войске, очевидно, враждебном Новгороду. Такая ситуация постоянна начиная с 1263 г.

Вторая часть письма содержит просьбу прислать пшеницу (хлеб, провиант) в «засаду». Засадой назывался или отряд войска, помещенный в скрытом месте для нападения на неприятеля, или же военный отряд, находящийся в городе для его защиты (см. словарь Срезневского). Здесь больше подходит второе значение. Очевидно, новгородский полк, особо нуждающийся в дополнительном провианте ввиду предстоящего нападения вражеской «великой рати», ожидает приближения литовцев со стороны Полоцка. Такое сочетание обстоятельств близко совпадает с ситуацией 1265 г., когда какие-то новгородские силы во главе с князем Ярославом находились в Пскове, готовые учинить расправу над тремястами литовцев. За год до этого произошло свержение и убийство Товтивила в Полоцке с пленением литовцами полочан и предоставлением убежища сыну Товтивила в Новгороде. Появление «искупника» в качестве осведомителя представляется вполне логичным. Однако местом написания грамоты № 636 может быть и любая крепость на новгородско-литовском пограничье, например, построенный в 1239 г. Александром Невским «городец» на Шелони²⁶. Тем же почерком написана публикуемая ниже грамота № 704, исходящая от «городчан» и адресованная «посаднику великому».

Грамота № 637

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 693, на уровне пластов 8—10 (глубина 1,46—1,86 м), в напластованиях усадьбы И. Это небольшой обрывок:

²⁰ Там же. С. 145.

²¹ НПЛ. С. 85, 314.

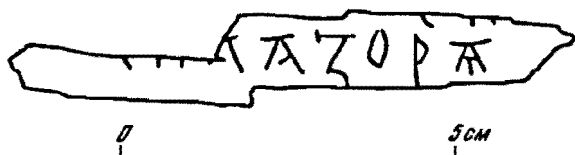
²² ПСРЛ. Т. 25. С. 146.

²³ НПЛ. С. 85, 315.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 77, 289.

==лазоръ

Прорись грамоты № 637

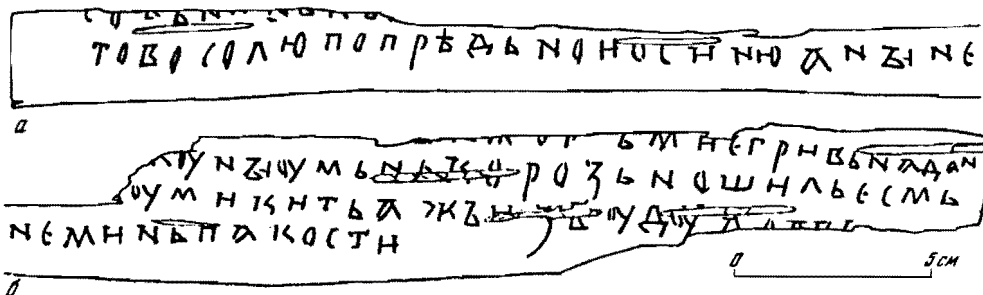
Длина 8,3 см, ширина 1,1 см.

Стратиграфическая дата: конец 20-х — середина 90-х годов XII в.

Грамота № 638

Найдена на Троицком раскопе и сложена из четырех соединившихся друг с другом фрагментов, обнаруженных на уровне пластов 7—9 в квадратах 661-А (глубина 1,32—1,70 м), 645 (глубина 1,41 м), 661 (глубина 1,47 м) и 678 (глубина 1,45 м), в напластованиях усадьбы И. Это конец документа, сохранившегося на всю его длину:

====[лор-ь]миегривьнадан
 =====[к]оуныоумнькорозьношилесьмь
 [собьн]===== оумикитьаж[ь]избоудоу[долгъ]
 товосолюпопрѣдьноосинюанынеминьпакости

Прорись грамоты № 638

Длина 48,5 см, ширина 3,8 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в.

Грамота так делится на слова:

...л Ор(т)ьмие гривна дан... коуны оу мнь корозьно, шиль есмь собь н... оу Микить. Ажь избоудоу долгъ, то восолю, попрѣдьно и осиню. А ныне ми нь пакости.

Чтение слова *долгъ* не вполне надежно.

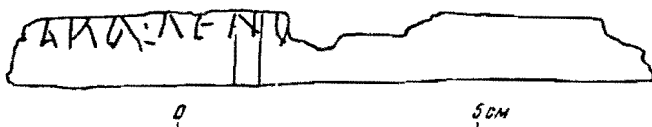
Письмо, как это очевидно, содержит объяснения мастера-портного по поводу задержки им заказа. *Избыти* — избавиться. *Попрѣдьно* — сначала, предварительно. *Осинити* — покрасить в синий цвет. *Ажь избоудоу долгъ, то восолю, попрѣдьно и осиню* — если избавлюсь от долга, то пришло, окрасив предварительно в синий цвет. В начальной части письма сообщается о денежных расчетах с Ортемьем и о том, что автор *шил есмь собь*, т. е. шил для себя. В грамоте, вероятно, было сочетание (*за тѣ или на тѣ*) *коуны оу мнь корозьно*, т. е. «заказал за эти деньги у меня плащ. Я шил его для себя...». В неясной связи упомянут Микита (по-видимому, тот же, что и в грамоте № 548). Заканчивается

письмо просьбой не препятствовать автору, не мешать ему, т. е. пока не применять к нему санкций, потерпеть: *а ныне ми нь пакости.*

Грамота № 639

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 561-А, на уровне пластов 7—9 (глубина 1,32—1,72 м), в напластованиях усадьбы И. Это обрывок нижней строки документа:

====ька:лено====

Прорись грамоты № 639

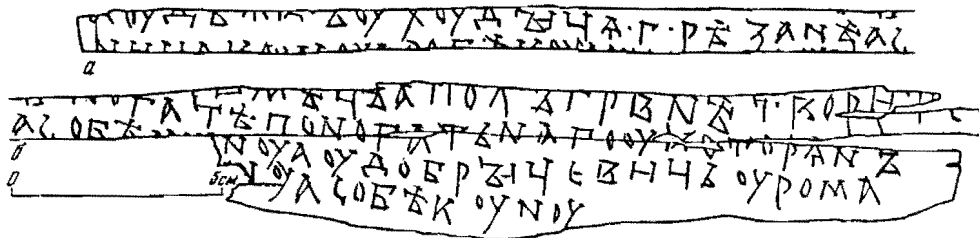
Длина 10,6 см, ширина 1,2 см.

Стратиграфическая дата: начало 40-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.

Грамота № 640

Найдена на Троицком раскопе и сложена из двух соединившихся друг с другом фрагментов, обнаруженных на уровне пластов 7—9 в квадратах 661-А (глубина 1,35—1,75 м) и 693 (глубина 1,47 м), в напластованиях усадьбы И. Это крупный обрывок нижней части документа, частично сохранившегося на всю длину берестяного листа:

==== мѣц[ь]апольгрвнѣтворит[е]
 ==== ногатѣ поногатынагоуоторанъ
 аоуд[ьа]къоухоудыца.г.рѣзанѣ собѣ [коу]ноуаоудобрыцевицьоурома
 ни[ца]к[оуноуасоб]ѣ коу[ноу]===== ноуасобѣ коуноу

Прорись грамоты № 640

Длина 41,5 см, ширина 3,6 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в.

Грамота делится на слова следующим образом:

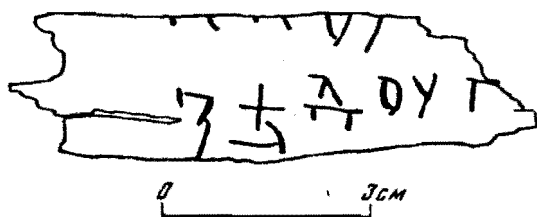
...мѣць, а поль грвнѣ творите... ногатѣ поногатынаго оу которанъ. А оу дьакъ оу Хоудыца 3 рѣзанѣ, а собѣ коуноу. А оу Добрыцевиць оу Романица коуноу, а собѣ коуноу ... (коу)ноу, а собѣ коуноу.

Запись содержит перечисление должников, живущих в сельской местности. На это указывает термин *оу которанъ*, который может обозначать только жителей Которского погоста Шелонской пятины, расположенного по верхнему течению р. Плюсы²⁷. С термином *Добрыцевици*, возможно, связывается группа деревень с одинаковым названием Добрышкино в Быстреевском погосте Шелонской пятины²⁸.

Важнейшим обстоятельством представляется последовательное противопоставление сумм, предназначенных в основной платеж, и «себе». По всей вероятности, запись перечисляет платежи в государственный доход и суммы отчислений сборщикам этого дохода, т. е. не имеет отношения к вотчинным делам. Особенно убеждает в этом встретившийся впервые термин «поногатное», обозначающий разновидность побора. Такой термин необходимо сопоставить с «ногатой» как обозначением особой государственной пошлыны, встретившейся в описании погоста Ужин Шелонской пятины, который был домениальным владением новгородского князя: «шло с того погоста великому князю со всех дворов коробчины рубль и 4 денги, да рыбново 5 гривен и 2 денги, да кромины и нагаты 5 гривен»²⁹. К моменту составления этого описания, в конце XV в., ногата как денежная единица не употреблялась уже более двухсот лет, а обозначение ею пошлыны носит, очевидно, реликтовый характер.

Грамота № 641

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 645 или 646, на уровне пласта 8 (глубина 1,40—1,60 м), в напластованиях усадьбы И. Это небольшой обрывок:

==-[оу]===
==-з'б доуг==

Прорись грамоты № 641

Длина 7,4 см, ширина 2 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.

Грамота № 642

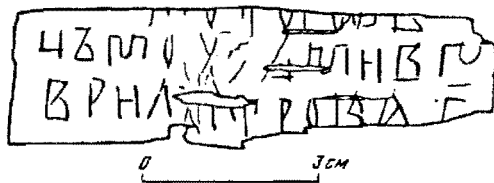
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 649, на уровне пластов 9—10 (глубина 1,72—1,92 м), в напластованиях усадьбы И. Это левая часть документа, утратившего также верх и низ:

ц[ь]мо==ми[вг]===
врил==трока.г==

²⁷ Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. I. Списки селений. М., 1914. С. 143.

²⁸ Там же. С. 72, № 49—51.

²⁹ НПК. Т. 5. Стб. 358; см.: Там же. Стб. 30, 304, 414.

Прорись грамоты № 642

Длина 8,2 см, ширина 2,4 см.

Стратиграфическая дата: середина 20-х — середина 90-х годов XII в.

Во второй строке возможно предположить:

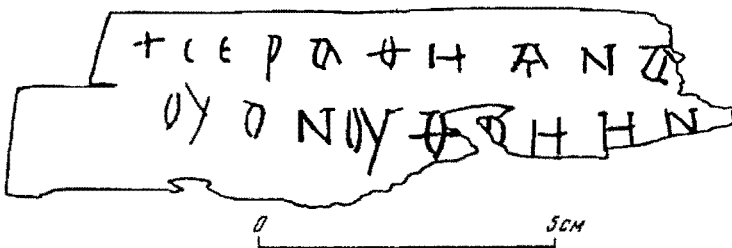
(Ѹ Га)врил(ѣ Ѹ о)трока 3. . . .

Грамота № 643

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 645-А или 661-А или 693-А на уровне пласта 7 (глубина 1,20—1,40 м), в напластованиях усадьбы И. Это начало письма, утратившего правую часть и низ:

+сераѿ илна===

оуоноуѿ [р]иин===

Прорись грамоты № 643

Длина 12 см, ширина 3,2 см.

Стратиграфическая дата: середина XII в.— конец 20-х годов XIII в.

Грамота делится на слова следующим образом:

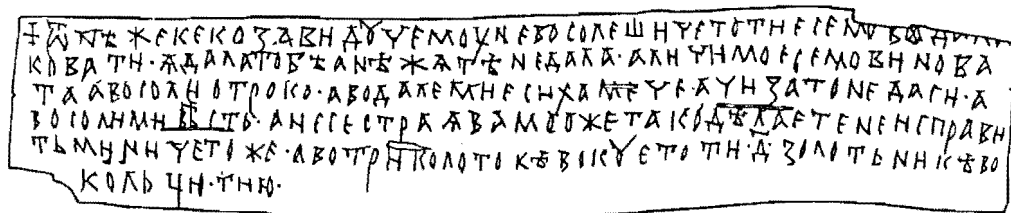
+ Сера-ѿилна... оу Оноу-ѿриин... (возможно: оу Оноу-ѿриин(а) ...).

Сера-ѿилнѣ — форма канонического имени Серапион. Тем же лицом написана издаваемая ниже грамота № 666.

Грамота № 644.

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 534, на уровне пласта 13 (глубина 2,59 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целое письмо, текст которого написан в шести строках:

+Ѹнѣ жекекозавид Ѹ чемоуневосолешичетотгисемовод[ала]
ковати.адалатобѣ анѣ жатѣ недала.аличимоесемовинова
таавосолиотроко.аводалемисихамече.ачизатонедаси.а
восолимиивѣ сть.анесестраѿвамоожетакодѣ лаэтенеисправи
тьминицетоже.авотриколотокѣ вок Ѹ етоти.д.золотъникѣ во
кольцю.тию.

Прорись грамоты № 644

Длина 27,9 см, ширина 5,4 см.

Стратиграфическая дата: 10-е — 20-е годы XII в.

Грамота делится на слова следующим образом:

+Ѡ Нѣ жеке ко Завидѣ. Чемуо не восолеси чето ти есемо водала ковати?
 ▲ дала тобѣ, а Нѣ жатѣ не дала. Али чимо есемо виновата, а восоли отроко.
 А водале ми еси хамече; ачи за то не даси, а восоли ми вѣсть. А не сестра
 ▲ вамо, оже тако дѣлаете, не исправить ми ничето же! А во три колотокаѣ
 вокѣе, то ти 4 золотьяѣ во кольцо тию.

Автор письма — женщина, которую зовут Нежка. Завид, адресат ее письма, и Нежата — ее братья. Чемуо не восолеси чето ти есемо водала ковати — почему не присылаешь то, что я дала тебе выковать? ▲ дала тобѣ, а Нѣ жатѣ не дала — смысловой перевод здесь: я ведь поручила это тебе, а не Нежате. Отроко — в данном контексте слуга. Али чимо есемо виновата, а восоли отроко — если я что-нибудь должна, то пришли слугу. О том, что слово виноватѣ имеет значение «должен» см. у Фенне: Я с тобой розлѣ здесь/розплатился/сморвился/розочкелься, да я тебѣ не виновате — 343,6)³⁰.

Слово хамече до сих пор в древнерусских текстах не встречалось, однако смысл его ясен. Это уменьшительная или уничижительная форма от хамъ (или хамо) — полотно. А водале ми еси хамече — ты дал мне полотнишко. Ачи за то не даси, а восоли ми вѣсть — если по этой причине не даешь (не исполняешь заказ), то пришли мне весть (сообщи).

Далее Нежка гневается на своих братьев: А не сестра ▲ вамо, оже тако дѣлаете — не исправить ми ничето же — я вам больше не сестра, коль вы так поступаете — не возвращаете мне ничего. Среди разных значений глагола исправить имеется и «возвратить» (см. словарь Срезневского), которое здесь больше всего подходит по смыслу. Распространенность такой формулы угрозы подтверждается ее наличием в берестяной грамоте № 531 рубежа XII—XIII вв.: тебе не се(с)тра, а моежеви не жена.

Письмо завершается напоминанием о сущности заказа: в три колтка нужно «вковать» 4 золотника отданного Завиду металла в виде двух колец. Колт или колток — височное украшение в виде полый ампулы, которая наполнялась благовониями и украшалась изображениями и орнаментами. Золотник — мера веса, равная примерно 4,25 г. Таким образом, три колтка весят около 17 г, а каждое кольцо — около 8,5 г. Вероятно, речь идет об изготовлении золотых украшений, коль скоро Нежка дает столь скрупулезное указание. Колтки были украшениями парными; по-видимому, три колтка надо было сделать по посланному Завиду образцу.

Нет оснований видеть в Завиде и Нежате ювелиров. Скорее всего, братья

³⁰ Ср. также выражение кому был Иване виноватѣ в псковской грамоте 1463—1465 гг., где речь идет об «искании» на Иване долга (ГВНП. С. 323. № 336).

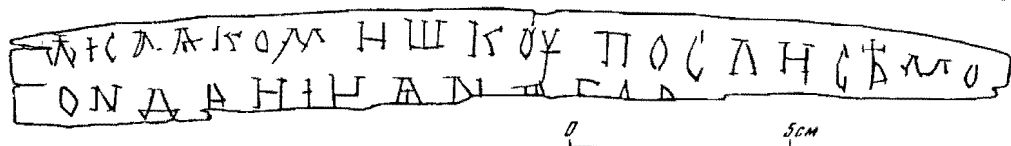
были владельцами усадьбы, принявшими поручение своей сестры для исполнения их вотчинными ремесленниками.

Упоминаемый в комментируемом документе Нежата — по-видимому, то же лицо, которое фигурирует в грамотах № 586 и 635.

Грамота № 645

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 783, на уровне пласта 6 (глубина 1,13 м), в напластованиях усадьбы 3. Это начало письма, сохранившееся на всю длину берестяного листа:

Исаакомишкоупослѣмо
ондриѣа[набор]=====

Прорись грамоты № 645

Длина 22,5 см, ширина 2,3 см.

Стратиграфическая дата: 60-е годы XIII в.— рубеж XIII и XIV вв.

Грамота делится на слова следующим образом:

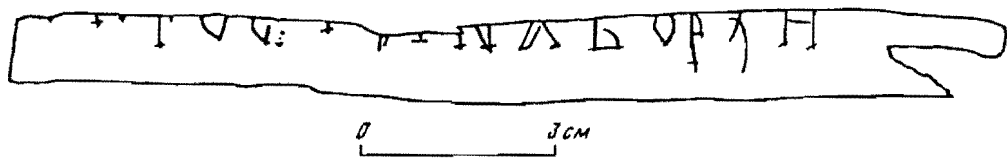
Исаако Мишкоу. Посли сѣмо Ондриѣа на бор(зи)...

Исай просит Мишка послать к нему Ондрейца поскорее.

Грамота № 646

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 783, на уровне пласта 6 (глубина 1,00—1,20 м), в напластованиях усадьбы 3. Это небольшой фрагмент нижней строки документа:

=[проста]наборзи

Прорись грамоты № 646

Длина 15,3 см, ширина 1,4 см.

Стратиграфическая дата: 60-е годы XIII в.— рубеж XIII и XIV вв.

Грамота так делится на слова:

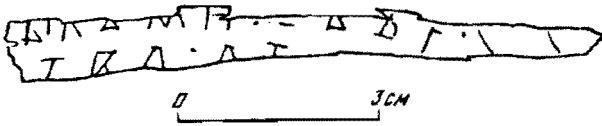
... (с) проста на борзи.

Здесь дважды повторяется близкое по смыслу требование: *с проста* — «тут же», «без предварительной подготовки (доделки и т. п.)» и *на борзи* — «поскорее», «спешно».

Не исключено, что грамоты № 645 и 646, найденные в одном квадрате и на одном стратиграфическом уровне, являются фрагментами одного и того же письма.

Грамота № 647

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 677-А, на уровне пластов 8—9 (глубина 1,40—1,80 м), в напластованиях усадьбы И. Это небольшой фрагмент документа:

==ЫЛ=МИ==
==ТВО.==

Прорись грамоты № 647

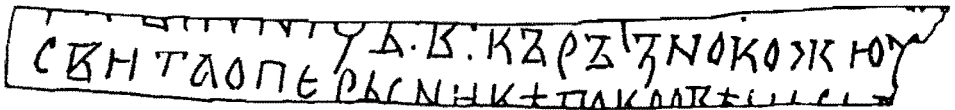
Длина 8,8 см, ширина 0,9 см.

Стратиграфическая дата: начало 40-х — середина 90-х годов XII в.

Грамота № 648

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 695, на уровне пласта 7 (глубина 1,28 м), в напластованиях усадьбы И. Это фрагмент левой части документа, лишенного верхних и нижних строк:

==[ъпоні]чь:в:кързнокожюх==
свитаоперьсникѣ [покрѣчь]==

0 5 см

Прорись грамоты №648

Длина 18,8 см, ширина 1,8 см.

Стратиграфическая дата: середина 90-х годов XII в.—конец 20-х годов XIII в.
Грамота разделяется на слова следующим образом:

...ъпонічь 2, кързно, кожюх..., свита, оперьсникѣ, покрѣчь...

Перед нами фрагмент описи имущества. *Кързно* — плащ. *Кожюхъ* — верхняя одежда, шуба. *Свита* — рубаха, но в дошедших древнерусских текстах это чаще всего род одежды духовных лиц. *Оперьсникъ* — слово встречено впервые, однако общий смысл его прозрачен: род одежды, покрывающей перси, грудь, — нагрудник. *Покровъ* — плат, покрывало на престол, а также покрывало на гроб; возможна конъектура: *покрѣчь* четыре. Первое слово в сохранившемся тексте реконструируется ненадежно: *ъпонічь*, т. е. завес; *съпонічь*, т. е. застежек.

Во всяком случае, очевидна церковная или священническая принадлежность перечисленных здесь предметов. Поэтому под «оперьсником» можно понимать епитрахиль или, — что более вероятно, — параманд, четырехугольный плат, который подшитыми к его углам шнурами охватывает плечи монаха, обвивая и стягивая его одежду³¹.

³¹ «Параманд дается иноку во всегдашнее воспоминание ему взятия на себя благого ига Христова и легкого бремени ношения его, и в обуздание и связание всех похотей и плотских желаний» (Полезные наставления иноку. Л. 32//Никольский К. Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви. 7-е изд. СПб., 1907. С. 746).

Грамота № 649

Найдена на Троицком раскопе в квадрате 695, на уровне пласта 7 (глубина 1,28 м), в напластованиях усадьбы И. Это фрагмент документа, лишённого верхних и нижних строк:

оуозькьюоб[ъкъшь] ==== [а.в.съроцька] ====
===== [роцьк] ===== [коуна] =====

Длина 27,2 см, ширина 1 см.

Стратиграфическая дата: середина 90-х годов XII в.— конец 20-х годов XIII в.

Грамота так разделяется на слова:

... оу Озькъ. Оу Объкъшь ...а 2 сѣроцька ... (со)роцьк... коуна ...

Имя Озка — уменьшительное от *Озария*; имя Обокша — уменьшительное от *Обокунъ* (Аввакум).

Грамота № 650

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 695, на уровне пласта 7 (глубина 1,32 м), в напластованиях усадьбы И. Этот фрагмент нижней части документа:

== ажанинад.сѣро[цьке] ===== [рълно. =. сѣроцькъ] =====
===== рѣцькеа : г : кѣромъне : г : грвънькоунамипо : г : коунамо

Длина 28,1 см, ширина 1,8 см.

Стратиграфическая дата: середина 90-х годов XII в.— конец 20-х годов XIII в.

Грамота так разделяется на слова:

... ажанина 4 сѣроцьке, ...рълно 3 (4 ?) сѣроцькъ ... (со)рѣцьке, а 3 кѣромъне 3 грвънь коунами по 6 коунамо ...

Перед словами : г : грвънь зачеркнута какая-то неверно написанная цифра.

Кѣромъне (т. е. *кѣръмънѣ*) — такой термин встречен впервые, однако очевидна его связь с «кормом», родом подати, содержанием. Вероятнее всего, под «кор(о)нным» понимать содержание сборщика подати. См., например: «великого князя деревни Кондратовские Федорова с Чюдинцовы улицы соха бес трети, а оброку и за хлеб и за кромину и за ногату 6 гривен, опроче обежного, а корму пол-9 денги»³²; «а на tych соческому и весем слобъжаномо рѣзруба не класти, не правити, ни скотничих куно, ни поралеского, ни кѣрму, ни в которыи протор ни въ что»³³.

«Гривна кунами» как термин встречается впервые, в отличие от «гривны ногатами» (см. берестяную грамоту № 227); по-видимому, этот термин равнозначен выражению «гривна кун». Запись *по 6 коунамо* в конце сохранившейся части текста, вероятно, читалась *по шестерымъ кунамъ*, т. е. по 6 кун (каждому).

Не исключено, что грамоты № 649 и 650, найденные в одном квадрате и на одном стратиграфическом уровне, являются фрагментами одного и того же документа.

Грамота № 651

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 695, на уровне пласта 7 (глубина 1,32 м), в напластованиях усадьбы И. Это конец письма, сохранившийся на всю длину берестяного листа:

бе : ствъ.егопо : вел.ле.ни : ѡ.не : сме : ювоза
ти.ни[цего]ж[еа]вослиграмотоукомоне

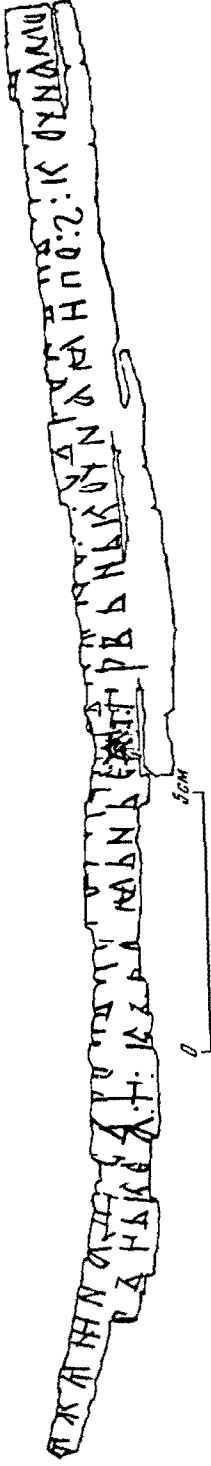
³² НПК. Т. 6. Стб. 30.

³³ ГВНП. С. 226. № 191.

0 5cm

Прорись грамоты № 649

0 5cm

Прорись грамоты № 650

0 5cm

Прорись грамоты № 651

Длина 23,6 см, ширина 2 см.

Стратиграфическая дата: середина 90-х годов XII в.—конец 20-х годов XIII в.
Грамота разделяется на слова следующим образом:

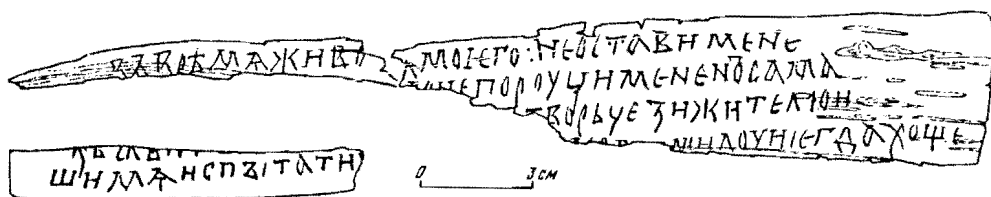
... бес твъего повеленѣа не смею возати ницего же. А восли грамотоу ко мене.

Автор письма сообщает, что без разрешения адресата он ничего не смеет взять, и просит прислать к нему грамоту (с соответствующим распоряжением).

Грамота № 652

Найдена на Троицком раскопе в трех не соединяющихся друг с другом фрагментах, на уровне пластов 7—8, в квадратах 711 (глубина 1,34 м), 694 (глубина 1,54 м) и 695 (глубина 1,26 м), в напластованиях усадьбы И. Фрагменты связываются между собой содержанием, единством почерка и фактурой бересты:

== вѣврѣ маживо=[а]мож го : неоставимене
=== [н]епороуцимененосама
==== [т]ворьцезижителю
з[б]ав[ит]р==== ===== милоуиж гдающе
шимаиспытати====

Прорись грамоты № 652

Длина первого фрагмента 10 см, ширина 1,1 см; длина второго — 16 см, ширина 4,1 см; длина третьего — 9,4 см, ширина 1,5 см.

Стратиграфическая дата: середина 90-х годов XII в.—конец 20-х годов XIII в.

В грамоте записана молитва, первая часть которой обращена к Богородице, а вторая — к Вседержителю:

... въ врѣма живота мож го не остави мене... не пороуци мене, но сама... творьце зижителю избави(телю)... (пом)илоуи, кгда хоцещи ма испытати...

Первая половина этого текста соответствует богородичной молитве повечерия: «Владычице Богородице, во время живота моего не остави мене, человеческому предстательству не ввери мя, но сама заступи и полюби мя»³⁴.

Грамота № 653

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 678, на уровне пласта 8 (глубина 1,50 м), в напластованиях усадьбы И. Это обрывок последней строки текста и маленький не соединяющийся с ним фрагмент.

На маленьком фрагменте:

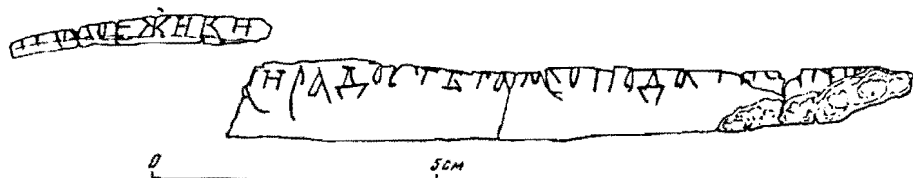
==== моеживи====

Длина 4,7 см, ширина 0,4 см.

³⁴ Часослов. Пг., 1916. С. 107.

На большом фрагменте:

=== ирадость тамопода ===

Прорись грамоты № 653

Длина 12,1 см, ширина 1,3 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.

На слова грамота делится так:

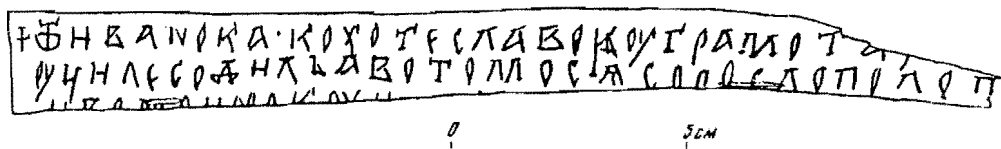
... и радость тамо пода...

Очевидно, перед нами обрывок молитвы. Не исключено, что грамоты № 652 и 653 являются фрагментами одного и того же текста.

Грамота № 654

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 654, на уровне пласта 8 (глубина 1,56 м), в напластованиях усадьбы Г. Это фрагмент левой верхней части письма:

+ ѿ Иванако.кохотеславокоуграмот[а] ===
оуцилесодильавотомоса сорослополоп ===
[ивомоихокоун] =====

Прорись грамоты № 654

Длина 20,7 см, ширина 2,2 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.

Грамота разделяется на слова следующим образом:

+ ѿ Иванако ко Хотеславокоу грамота ...оуциле Содиль. А во томо са соросло поло п(а)те... и во моихо коун(а)хо...

Имя Сдила (Съдила, Здила, Здыла) широко распространено в ранних новгородских грамотах. Возможно, это то же лицо, которое упомянуто в грамоте № 503. Имя Хотеславко (автор письма сначала написал Хотеславецоу, но затем переправил) встречено впервые, но оно образовано по традиционной славянской модели; в Изборнике 1073 г. имеется речение: Хотѣславик недоугъ се ксть, где «хотеславие» означает тщеславие (см. словарь Срезневского).

Са соросло — срослось, соединилось в одно. Вместе с деньгами Сдилы у Иванка получилось четыре с половиной (поло п(а)те) каких-то денежных единиц.

Грамота № 655

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 653 или 654, на уровне пластов 9—10 (глубина 1,60—1,92 м), в напластованиях усадьбы Г. Это небольшой фрагмент левой части документа, лишившегося верхних и нижних строк:

ют[ье]акоупатьтииачьтотио ===
оуюжеграмот[ичоу] ===

Прорись грамоты № 655

Длина 22,5 см, ширина 1,4 см.

Стратиграфическая дата: начало 40-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.

Грамота разделяется на слова так:

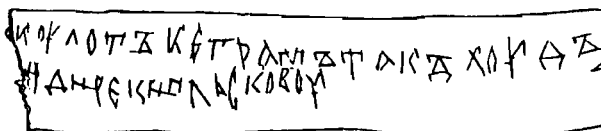
...ють е, а коупать ти и, а чьто ти о...оую же грамотичоу ...

Грамотича — грамотка. *Коупать ти и* — купят его (или: купят у тебя его). *А чьто ти о...* — возможно: «а если что у тебя (останется?)». В конце текста, вероятно: «такую же грамотку».

Грамота № 656

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 645, на уровне пластов 8—10 (глубина 1,45—1,95 м), в напластованиях усадьбы И. Это правая часть письма, написанного в две строки:

=== коулотькеграмътакъхоудъ
=== идирекипльсковоу

Прорись грамоты № 656

Длина 14,5 см, ширина 3 см.

Стратиграфическая дата: начало 40-х — середина 90-х годов XII в.

Грамота разделяется на слова следующим образом:

... Коулотьке грамъта къ Хоудъ... иди, реки Пльсковоу.

Несомненно, грамота имела значительную длину, поскольку основное ее содержание осталось за пределами обнаруженного фрагмента. Худо(славу? Худоте?) поручается пойти и сказать что-то Пльсковоу, т. е. не конкретному лицу, а всему городу Пскову. Порученное ему сообщение должно быть достаточно важным, коль скоро оно обращено к целому городу. Следовательно, и авторов у этой грамоты было несколько: конъектура (Ѡ) *Коулотьке* не подходит из-за

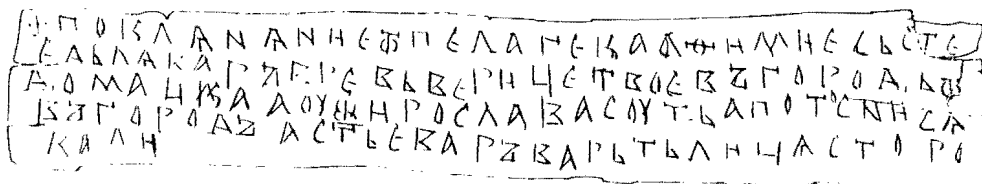
ее предельной краткости, не позволяющей предложить столь же краткую конъектуру для второй строки.

Имя Кулотка уже встретилось в берестяной грамоте № 105 второй трети XII в., в которой он был адресатом письма, а отчество Кулотинич — в берестяной грамоте № 14 из Старой Руссы XII в. Зафиксировано это имя и в графито новгородского Софийского собора³⁵. Следует обратить особое внимание на хронологическое соответствие грамот № 656 и 105, позволяющее видеть в Кулотке обоих документов одно и то же лицо, каким-то образом связанное с Нездой: в грамоте № 105, адресованной Кулотке, его автор Семко напоминает о разговоре, который состоялся у Кулотки с Нездой относительно долга Семка.

Грамота № 657

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 654, на уровне пластов 9—10 (глубина 1,60—1,92 м), в напластованиях усадьбы Г. Это целое письмо, текст которого написан в пяти строках:

+ покланнаниѢ Пелаге к Алѣимие съ сѣ
 едѣла Варѣвѣ вѣрице твое въ городѣ Ѣ
 домацка а оу Жирослава соуть. А потоснисѣ въ городѣ
 въ городѣ съ Варѣварѣ тѣлицѣ сторо
 вали

0 3 см

Прорись грамоты № 657

Длина 32,1 см, ширина 5,6 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в.

Грамота разделяется на слова следующим образом:

+ ПокланнаниѢ Пелаге к Алѣимие. Съ с(ва)тее дѣла Варѣв(а)ре вѣрице твое въ городѣ Ѣ Домацка, а оу Жирослава соуть. А потоснисѣ въ городѣ. А с(ва)тѣ Варѣварѣ тѣлицѣ сторова ли?

Отметим исправленный пропуск буквы в слове *потоснисѣ*, где второе *о* вставлено на нужное место, и неисправленный — в слове *Варѣв(а)ре* во второй строке. В слове *Домацка* исправлена предпоследняя буква: первоначально Пелага, по-видимому, намеревалась написать *Домаца*. В слове *Алѣимие* *л* переправлено из *о*: вероятно, это недописанная *ѣ*.

«Святая Варвара», дважды упомянутая в тексте, — новгородский монастырь св. Варвары, находившийся в ближайшем соседстве с участком Троицкого раскопа; Черницына улица и получила свое название по этому монастырю. Впервые Варварин монастырь в источниках упоминается под 1138 г., когда он послужил местом заточения жены изгнанного из Новгорода князя Святослава Ольговича³⁶. Просуществовал этот монастырь до второй половины XVIII в., когда он был закрыт в связи с екатерининским уложением церковных и монастырских штатов.

³⁵ Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV вв. С. 69. № 66.

³⁶ НПЛ. С. 25, 211.

Перед нами переписка двух его монахинь — Пелаги (Пелагеи) и Алфимии (Евфимии).

Пелага сообщает, что деньги (веверицы) Алфимии, предназначенные для Варварина монастыря (*свѣтее дѣла Варъваре*), находятся в городе (т. е. в Новгороде). Они получены от Домачка и хранятся у Жирослава (*а оу Жирослава соуть*). Алфимии рекомендуется поспешить в город: *потохн Ѹтисѧ* — поспешить (см. словарь Срезневского). В конце письма Пелага интересуется, здорова ли телица св. Варвары, т. е. принадлежащая Варварину монастырю и, вероятно, порученная заботам Алфимии.

Имя Жирослав уже было встречено в грамоте № 573 XII в., происходящей из соседней усадьбы. В этой связи при комментировании грамоты № 633 было высказано предположение о принадлежности Жирославу раскапываемой в Людином конце усадьбы. По-видимому, Алфимия оставила полученное ею письмо у Жирослава, предьявив его как рекомендацию получить у Жирослава свои деньги.

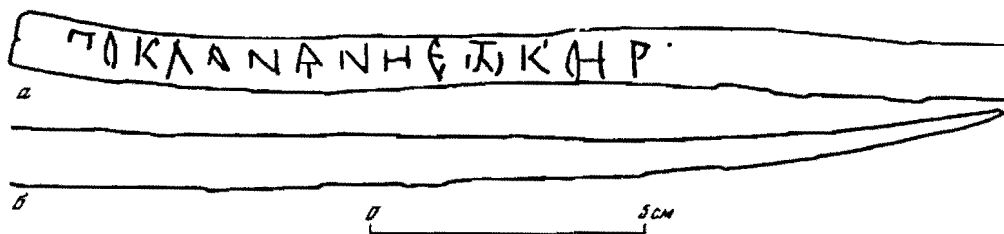
Жирослав известен в летописных рассказах как боярин, трижды (в 1170—1171, 1171—1172 и 1175 гг.) владевший новгородским посадничеством³⁷. История его взлетов и падений связана с политической борьбой против неревского боярства (посадников Иванка Захарьинича и Завида Неревинича), продолженной затем прусскими боярами Михалкой Степановичем и Твердиславом Михалкиничем. Это обстоятельство, связывая Жирослава с Людиным концом, позволяет предположительно идентифицировать его с лицом, упомянутым в грамотах № 573 и 657.

В грамоте № 556, найденной на Троицком раскопе в слоях конца XII в., упомянут Домаслав, возможно, тождественный Домачку комментируемого документа. Впрочем, имя Домачко может быть производным от *Домажирь* или *Доманъгъ*, Домажиром же звали автора берестяной грамоты № 705, а Доманег фигурирует в грамоте № 685, происходящих с Троицкого раскопа из хронологически близких слоев.

Грамота № 658

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 645, на уровне пласта 7 (глубина 1,35 м), в напластованиях усадьбы И. Это письмо, только начатое и недописанное:

покланние Ѡкюр

Прорись грамоты № 658

Длина 37,4 см, ширина 1 см.

Стратиграфическая дата: середина 90-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.

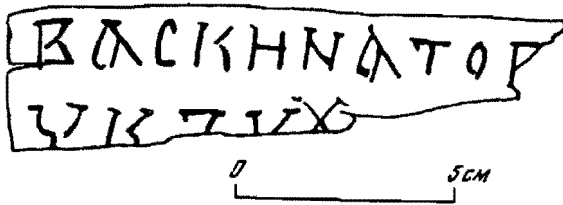
Грамота разделяется на слова так:

Покланние Ѡ Кюр(а? Кюрила? Кюрьяка?)...

³⁷ Там же. С. 34—35, 222—224.

Грамота № 659

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 653, на уровне пластов 9—10 (глубина 1,60—1,91 м), в напластованиях усадьбы Г. Это небольшой обрывок верхней части документа:

васкинато ===
чк[ъкѸ] =====

Прорись грамоты № 659

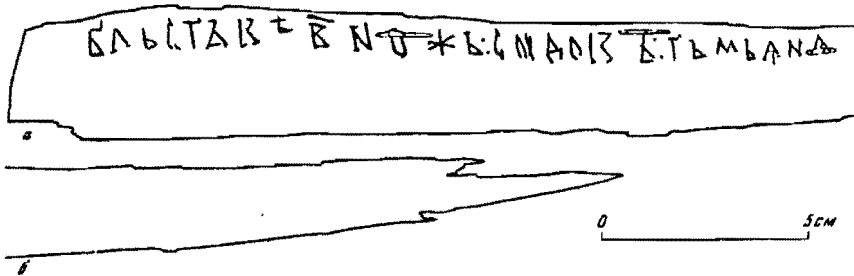
Длина 7,6 см, ширина 2 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в.

Грамота № 660

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 662, на уровне пласта 8 (глубина 1,49 м), в напластованиях усадьбы И. Это целый документ, написанный в одну строку:

блъстѣножь : соудокъ : тьмьана

Прорись грамоты № 660

Длина 35,4 см, ширина 3,2 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.

Грамота делится на слова следующим образом:

Блъстѣ 2, ножь, соудокъ тьмьана.

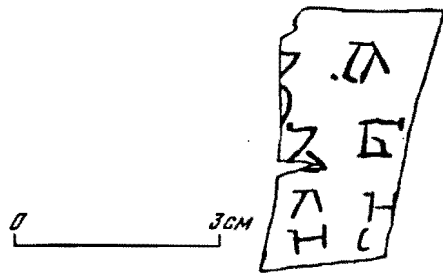
Снова, как в грамоте № 648, перед нами список предметов церковного обихода. *Тьмьанъ* — ладан. *Соудокъ тьмьана* — блюдо ладана. *Блъстѣ* — блестящие, маленькие металлические пластинки, служащие для украшения.

Грамота № 661

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 661, на уровне пласта 8 (глубина 1,55 м), в напластованиях усадьбы И. Это фрагмент документа, обрезанного слева и справа (а возможно, и со всех сторон):

=== за ===
 === ъб ===
 === ли ===
 === ис ===

Прорись грамоты № 661

Длина 3,2 см, ширина 3,8 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.

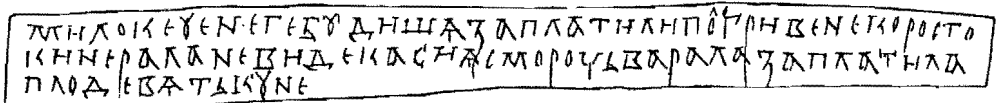
Грамота № 662

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 661-А, на уровне пласта 8 (глубина 1,53 м), в напластованиях усадьбы И. Обнаруженная спустя два года грамота № 684 оказалась фрагментом того же документа, соединившимся с грамотой № 662, которая публикуется ниже, вместе с грамотой № 684.

Грамота № 663

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 661, на уровне пласта 8 (глубина 1,59 м), в напластованиях усадьбы И. Это целый документ, текст которого написан в трех строках:

милоке Ѹнегеб Ѹдиша за платили по^{но} гривене коросто
 кинераланевиде касиѡ сморочьва рала за платила
 плодеватьк Ѹне

Прорись грамоты № 663

Длина 24,1 см, ширина 2,3 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.

Грамота делится на слова следующим образом:

Милоке, Ѹнеге, Б Ѹдиша за платили поло гривене Коростокине рала. Невиде, Касиѡ (не?) Сморочьва рала за платила п(о)ло девать к Ѹне.

В первой строке в слове *поло* был сначала пропущен слог *ло*, вписанный затем над строкой. В последней строке в слове *п(о)ло* пропущена и не восстановлена буква *о*. По-видимому, недописано и имя *Касиѡ(не)*.

В записи названы две группы лиц, платящих рало. «Рало» — соха или плуг, но также единица фискального обложения. В Повести временных лет под 964 г. помещен известный рассказ: «И рече Вятичем: кому дань даете? они же рша: Козаром по щягу и от рала даем»³⁸. В более позднее время такая пошлина называлась «поральем», «поральным» или «поплужным». В рукописании Климента середины XIII в. имеется следующий текст: «А на поральское серебро наклада

³⁸ ПВЛ. ч. 1. С. 47.

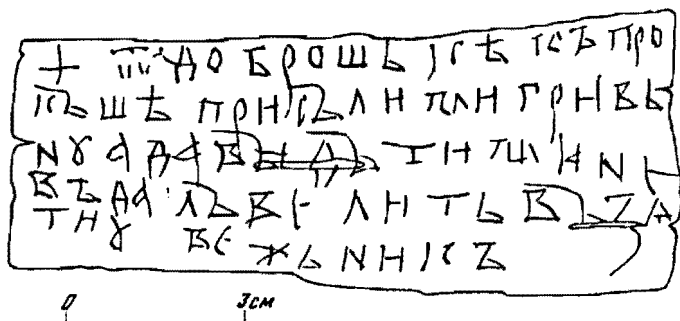
взяти Климате на Борьке 13 ногате и гривна»³⁹. В грамоте Новгорода о сиротах Терпилова погоста первой четверти XV в. говорится: «они емлют у наших сирот на Терпилове погосте поралье посаднице и тысяцкого не по старине...; давати им поралье посадницы и тысяцкого по старым грамотам, по сороку бел, да по четыре сева муки, по десять хлебов»⁴⁰. «Поральское» упомянуто в рядной Кирилла Юрьевича с Емецкой слободой XV в.⁴¹ В духовной Ивана Тойвита XV в. снова упоминается поралье: «А что порубили Тоивита в поралье, выдал голец Федору Тимофееву в семи сороках, в Кургонемской да в Низовской трети»⁴². Жалованная грамота Новгорода Троице-Сергиеву монастырю 1476—1477 гт. предписывает: не брать «их пошлиником никоторых пошлин, ни гостиного, ни порального, ни подвездного, ни подзорного, ни описчего, ни померного»⁴³. Та же пошлина в ярлыках золотоордынских ханов называется «поплучной». Во всех случаях в источниках фигурирует пошлина государственного, а не частного характера. Это касается и духовной Ивана Тойвита, поскольку названный в ней Федор Тимофеев — несомненный новгородский посадник Федор Тимофеевич, отправлявший свою должность в 1385—1421 гт.

Милко, Уенег и Будиша Коросткины платят рала полгривны. Невид и Касьян Сморчевы — восемь с половиной кун. Этот расчет свидетельствует о применении в грамоте традиционного денежного счета Русской Правды, в котором гривна равнялась 25 кунам. В самом деле, если два человека платят 8,5 кун, то на каждого приходится по 4,25 куны. Трое, следовательно, должны уплатить 12,75 кун, что максимально близко показанной в грамоте для троих плательщиков полугривне (12,5 кун). Отметим также очевидный подушный характер поралье.

Грамота № 664

Найдена на Троицком раскопе в квадрате 773, на уровне пласта 8 (глубина 1,50 м), в напластованиях усадьбы 3. Это целое письмо, текст которого написан в пяти строках:

+ Щдоброщьѣ къпро
къшѣ присълимигривь
нѣ давыдѣ тимине
въ даль велить въ за
ти ѣ вежъникъ

Прорись грамоты № 664

³⁹ ГВНП. С. 163. № 105.

⁴⁰ Там же. С. 146. № 89.

⁴¹ Там же. С. 226. № 191.

⁴² Там же. С. 253. № 234.

⁴³ Там же. С. 156. № 101.

Длина 10,9 см, ширина 4,6 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.
Написана тем же почерком, что и грамота № 710.

Грамота делится на слова следующим образом:

+ Ѡ Доброшькѣ къ Прокъшѣ. Присъли ми гривнѣ. А Давыдъ ти ми не
въдалъ, велить възати ѣ вежникъ.

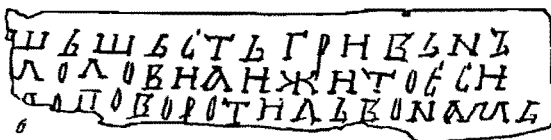
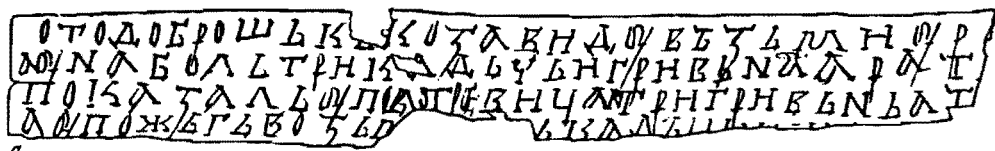
Доброшка сообщает Прокше, что тот должен прислать ему гривну. Эту гривну ему отказался дать Давыд, распорядившись, чтобы Доброшка взыскал ее с вежников. Слово *вежники* уже было встречено в берестяной грамоте № 550 из слоев Троицкого раскопа второй половины XII в., в комментарии к которой оно было истолковано как топонимическое. Между тем и в грамоте № 550, и в комментируемом документе вежники выступают в качестве злостных или неуловимых неплательщиков (в грамоте № 550: *А въжники творятеса въдавоше Собыславоу цетыри гривне* — вежники делают вид или утверждают, что они якобы уже уплатили Сбыславу 4 гривны). По-видимому, более основательно высказанное А. А. Зализняком предположение, что вежники (от *вежа* — шатер) — это налогоплательщики, не имеющие постоянной оседлости, т. е. какие-то группы людей, отличающиеся мобильностью, не имеющие постоянного места жительства.

Не исключено, что грамоты № 550 и 664 связаны одним конкретным сюжетом. В грамоте № 550 *въжники творятеса въдавоше Собыславоу цетыри гривне. А посылщенихо коуно 5 гривно*, откуда следует, что одна гривна осталась вежниками неуплаченной. В грамоте № 664 речь идет именно об одной гривне, которую следует взыскать с вежников. Если в найденном ранее документе к сбору посельничьих денег (позема) имеют отношение Петр, Аврам, Матей, Сбыслав, Готил, то в комментируемом тексте как лица, имеющие отношение к сбору недоимок, обозначены также Доброшка, Прокша и Давыд. Вписать такой аппарат в систему вотчинной эксплуатации никак невозможно — там сборщиком пошлины мог быть лишь хорошо известный крестьянам волостель. Если вежники платят позем за право проживания отнюдь не на вотчинной земле, значит перечисленные лица принадлежат к аппарату государственного фиска, что, в свою очередь, свидетельствует о верховной собственности государства на необояренные земли.

Грамота № 665

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 698, на уровне пласта 8 (глубина 1,56 м), в напластованиях усадьбы 3. Это начало письма, сохранившего четыре строки текста с некоторыми утратами:

отодоброшьк[ь]козавидоувъзьмиоур[а] = = шьшьстьгривнѣ
аоунабольтрикадьчьигривьнаарат = = = моловиаижитоеси
показальоуполотевицантригривьнат = = = [м]оповоротильвонамъ
аоупожьгьвозь[м] = = = = = ѡкадь[цьжит] = = = =

0 _____ 5 см

Прорись грамоты № 665

Длина 34,5 см (с учетом коньктур), ширина 2,5 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в.

Грамота делится на слова следующим образом:

Ото Доброшькъ ко Завидоу. Възми оу Ра(ть)шь шьсть гривньъ, а оу Наболь три кадъч и гривна. А Рат(ьшь) молови: а и жито еси показаль оу Полотевица н(а) три гривньъ, а т(о есь)мо поворотиль во намь. А оу Пожгь возьм(и) ...ь кадъч жит(а)...

Слово *Полотевица* написано поверх первоначального *Пьтровица*.

Доброшка уже известен нам как автор грамоты № 664. Обнаружение еще одного документа, исходящего от Доброшки, в том же усадебном комплексе позволяет утверждать, что это одно и то же лицо, хотя обе грамоты написаны разными почерками. Завид как лицо, связанное с усадьбами Черницыной улицы, известен по грамоте № 644, но это другой человек: слишком велик хронологический разрыв между грамотами № 665 и 644.

Имя Ратьши, дефектное в обоих случаях его упоминания, восстанавливается с полной достоверностью. Завид должен взять у Ратьши 6 гривен, а у Наболи три кадцы и гривну. Кадца (кадочка) — мера измерения сыпучих тел, в данном случае ячменя, поскольку ячмень (жито) фигурирует и в расчетах с Ратьшей: *а Рат(ьшь) молови: а и жито еси показаль оу Полотевица н(а) три гривньъ*. Это жито, возвращения которого в данный момент не требуется, обращено в проценты (*поворотиль во намь*).

Далее в грамоте следует новая позиция — расчеты с Пожегой, существо которых осталось за пределами фрагментированного текста. Здесь снова упоминаются кадцы жита.

Следует отметить, что среди граффити новгородского Софийского собора имеется надпись *Доброшькино*⁴⁴, а под 1215 г. в летописи упоминается Фома Доброшинич, бывший тогда новоторжским посадником⁴⁵. Имя *Польтвьч* зафиксировано на одном из древнейших новгородских цилиндров конца X в.⁴⁶

Грамота № 666

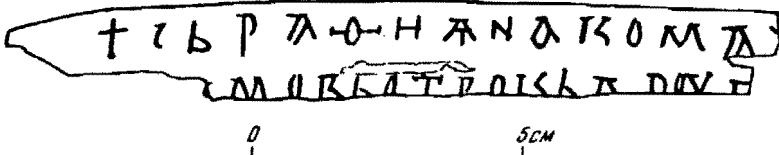
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 678, на уровне пласта 8 (глубина 1,45 м), в напластованиях усадьбы И. Это обрывок начальной части письма, утратившего также правый край:

⁴⁴ *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV вв. С. 155. № 215.

⁴⁵ НПЛ. С. 53, 252, 446.

⁴⁶ *Янин В. Л.* Археологический комментарий к Русской Правде//Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 141—142.

+ сѣра-ѡиѡнакома ===
 === мовьотрокъ [дроуг] =====

Прорись грамоты № 666

Длина 14,4 см, ширина 1,8 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.
 Грамота так делится на слова:

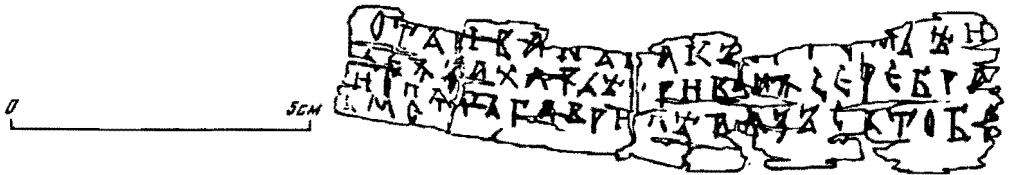
+ Сѣра-ѡиѡнако ма(тери?, но может быть: Марку, Матфею и т. п.)... мовьотрокъ дроуг...

Это уже вторая грамота, написанная Серафимом (Серапионом); ранее была обнаружена грамота № 643, написанная тем же почерком и найденная на той же усадьбе в тех же хронологических слоях. Как и там, здесь автор заменяет предлог ѡ в начале письма крестом.

Грамота № 667

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 695, на уровне пласта 8 (глубина 1,45 м), в напластованиях усадьбы И. Это левая часть письма:

отъ[и]ван[ък]акъ[орте]мьѣи ===
 ѡежзахарьѣ[г]ривьнжсеребра ===
 иопѡ[тъ]гавр[ил]ѣазьсьтобо ===
 ме

Прорись грамоты № 667

Длина 10,9 см, ширина 2,5 см.

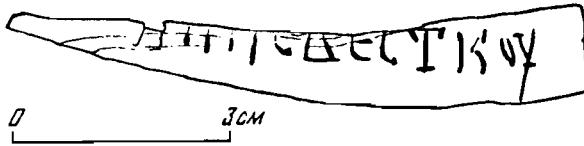
Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в.
 Грамота делится на слова следующим образом:

Отъ Иванька къ Ортемьѣ и ...ѡе ж Захарьѣ гривьнж серебра ... и опѡть Гаврилѣ, а азь съ тобо(ю) ...ме.

Письмо посвящено денежным расчетам. Адресат грамоты Ортемья упоминался в грамоте № 638, обнаруженной на той же усадьбе.

Грамота № 668

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 695, на уровне пласта 8 (глубина 1,45 м), в напластованиях усадьбы И. Это небольшой фрагмент правой части документа:

=== [не]весткою

Прорись грамоты 668

Длина 8,1 см, ширина 1,2 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.

Грамота № 669

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 776, на уровне пласта 8 (глубина 1,59 м), в напластованиях усадьбы З. Это небольшой фрагмент, сохранивший лишь нижние элементы букв верхней строки и верхние элементы букв нижней строки.

Прорись грамоты 669

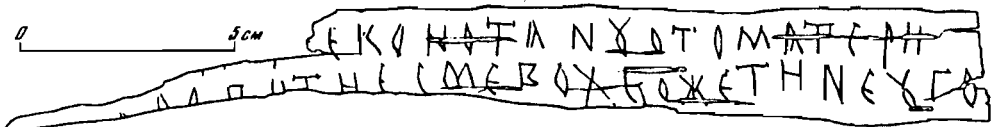
Длина 10,7 см, ширина 2 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.

Грамота № 670

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 797, на уровне пласта 9 (глубина 1,80 м), в напластованиях усадьбы З. Это обрывок верхней части письма, не сохранившего также и левый край:

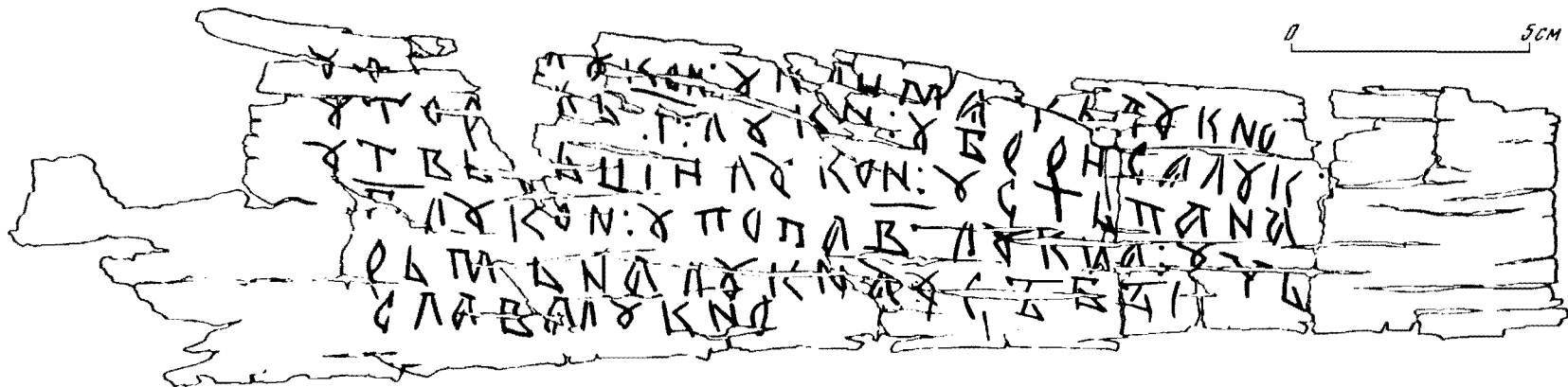
===== еконотан Ѹтоматери
 === [орови] тиесмевохеожетине Ѹго

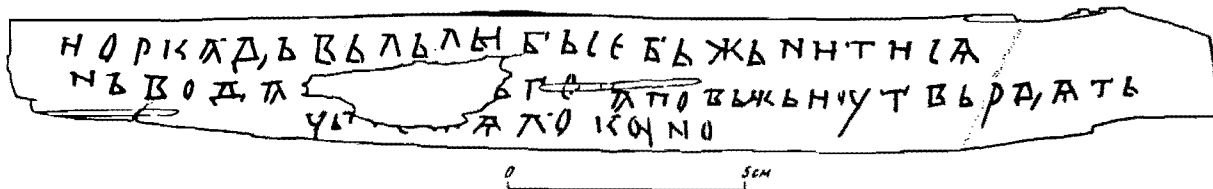
Прорись грамоты № 670

Длина 22,3 см, ширина 2,5 см.

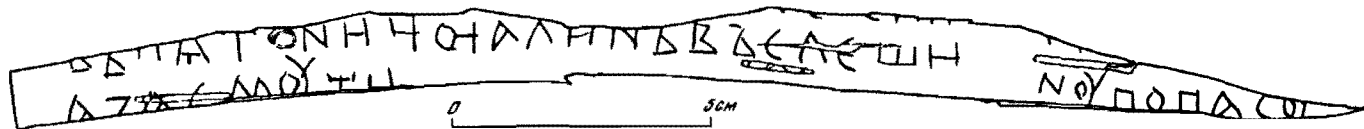
Стратиграфическая дата: середина 50-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.

Прорись грамоты № 671

Прорись грамоты № 672

Прорись грамоты № 673

Грамота (с коньектурами) делится на слова следующим образом:
(Покланяни)е к ОнотанѸ ото матери. (Ст)орови ти есме вохе. Оже ти не Ѹго...)

Мать сообщает *ОнотанѸ* (Антону), что все здоровы. Основное существо ее письма осталось за пределами сохранившейся части грамоты.

Грамота № 671

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 734, на уровне пласта 9 (глубина 1,69 м), в напластованиях усадьбы Г. Это целый документ с минимальными утратами текста:

ѸѸ[о] == [л] Ѹкон : ѸклимаѸтьлѸкно
Ѹтор = кь : Ѹ : лѸкн : ѸборисалѸк
Ѹтьв[р]ьшилѸкон : Ѹстьпана
ѸлѸкон : Ѹпопав : лѸкна : Ѹчь
рьмьналѸкна : Ѹсьбы
славалѸкно

Длина 32,5 см, ширина 7,8 см.

Стратиграфическая дата: середина 90-х годов XII в.— конец 20-х годов XIII в.

Грамота делится на слова следующим образом:

ѸѸ(мѸ) лѸкон. ѸКлимаѸть лѸкно. ѸТор(ъ)къ 3 лѸкн. Ѹ Бориса лѸк. ѸТвьрьши лѸкон. ѸСтьпана 3 лѸкон. Ѹпопа 2 лѸкна. ѸЧьрьмьна лѸкна. ѸСьбыслава лѸкно.

«Лукно» — кадочка или лукошко, но также мера вместимости для сыпучих и влажных продуктов. Существующие в источниках примеры показывают, что лукнами измеряли овес, икру, «пупки осетрьи мокрые», солод, чаще всего мед (см. словарь Срезневского и Словарь русского языка XI—XVII вв.). Вполне вероятным представляется предположение А. А. Зализняка о том, что комментируемая грамота является неким списком доставки меда на соседскую братчину. Ряд имен этого списка фигурирует в берестяных грамотах Троицкого раскопа, хронологически тяготеющих к рубежу XII и XIII вв. Климьята — адресат грамоты № 531 (усадьба Б). Борис — адресат грамоты № 581 (усадьба Е; не исключено, что это Борис Мирошкинич). Сбыслав упоминается в грамоте № 550 (усадьба В). Твьрьша, возможно, идентифицируется с Твердятой грамоты № 672 (усадьба И). Попом был Олисей-Гречин (усадьба А). Фо(ма?) — если это Фома Доброшнич⁴⁷, т. е. сын Доброшки, — связывается с усадьбой З.

Грамота № 672

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 662, на уровне пласта 9 (глубина 1,60—1,68 м), в напластованиях усадьбы И. Это конец письма, написанный на отдельном листе бересты. Текст фрагментирован небольшим разрывом:

иоркадьвьльлибьсебьжьнитисл
ньвода ===== [ь]гоаповьжьбиоутвьрдаѸть
чь[тосл]алокоуно

Длина 24,7 см, ширина 2,8 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в.

Грамота разделяется на слова следующим образом:

⁴⁷ НПЛ. С. 53, 252, 446.

Длина 46,6 см, ширина 2,7 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в.

Вся запись густо заштрихована взаимопересекающимися косыми линиями.

Текст разделяется на слова следующим образом:

... (къ Милѣ)тѣ. Братъ Милѣто, Киевѣ б(о)гъ мъжи нама послоухо былъ:
фофудьи былъ твоихъ 9 рѣклъ ѿ собѣ. То ти на Лоукахъ гривнѣ 6 ... твориши.
И пришь Соуждалоу, роздаавъ въ дългъ съ сѣ...

Имя адресата Милята принадлежит к числу распространенных в Древней Руси. Существует написанное в Новгороде «Милятино евангелие», называемое так по имени его заказчика — Миляты Лукинича и относящееся, по-видимому, к рубежу XI и XII вв.⁵² Некие Степан и Якун Милятиничи упомянуты под 1162 г. в Ипатьевской летописи⁵³. Имя Милята встретилось также в берестяных грамотах № 420 и 583 XIII в. Несомненный интерес в связи с находкой грамоты № 675 представляет упоминание под 1216 г. новгородца Гаврильца Милятинича⁵⁴; в грамоте № 667, обнаруженной на Троицком раскопе в слоях того же стратиграфического уровня, что и комментируемый документ, фигурирует некий Гаврила.

Автор письма, обращаясь к Миляте и называя его «братом», напоминает ему, что, когда они находились в Киеве, он договорился о передаче ему (рѣклъ ѿ собѣ) девяти фофудий, принадлежащих Миляте. «Фофудьи» дважды упоминаются в Повести временных лет: «Царь же Леон почти послы Рускые дарми, златом и паволоками и фофудьями»⁵⁵; «И повеле Володимер метати паволокы, фофудью и орнице, белъ, людем силно налегшим»⁵⁶. Этим термином обозначалась восточная златотканная материя (см. словарь Срезневского). Договор о передаче тканей не имел свидетелей: *Киевѣ богъ мъжи нама послоухо былъ*; автор письма полагается на честность Миляты. Выражение *богъ промежи нами будетъ* имеется в Повести временных лет под 1096 г.⁵⁷

Затем какой-то эпизод, связанный с шестью гривнами, имел место на Луках. Упоминания в новгородских летописях пограничного города Луки (нынешние Великие Луки) концентрируются около рубежа XII и XIII вв.— под 1166, 1167, 1191, 1196, 1198, 1200, 1211 гг.⁵⁸, когда с ним связаны многие события военной и политической истории.

Наконец, в грамоте говорится о раздаче в долг каких-то сумм в Суздале, куда пришел то ли Милята, то ли сам автор письма.

Грамота № 675, несомненно, демонстрирует широту и размах, по-видимому, торговой операции второй половины XII в., охватившей Киев, Луки, Суздаль и, разумеется, Новгород, в котором эта грамота найдена.

Грамота № 676

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 799, на уровне пласта 11 (глубина 2,20 м), в напластованиях усадьбы 3. Это конец письма, сохранившийся на всю длину берестяного листа:

=== [т]р[иг]ривнѣньнотопу
= тилинѣводаавдикоста
ростькожкоуноу

⁵² Янин В. Л. Новгородский скрипторий рубежа XI—XII вв. Лазорев монастырь//Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982.

⁵³ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 518.

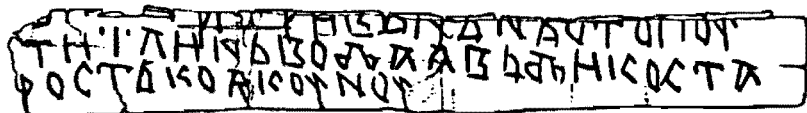
⁵⁴ НИЛ. С. 55, 255.

⁵⁵ ПВЛ. Ч. 1. С. 29.

⁵⁶ ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. 2-е изд., вып. 2. Стб. 290.

⁵⁷ ПВЛ. Ч. 1. С. 150.

⁵⁸ НИЛ. С. 32, 40, 43—45, 52, 219, 220, 230, 236—239, 249.

Прорись грамоты № 676

Длина 15,2 см, ширина 1,8 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в.

Следует особо отметить, что оба *ѡ* в этой грамоте очень похожи на глаголические, что едва ли может быть случайным.

Текст разделяется на слова следующим образом:

... три гривнь нь отопоу(с)ти. Или нь вода, а вьди ко старость ко Акуоуноу.

Глагол *отпущити* среди множества значений имел и «простить долги»: «Принято села Щучья у старосты... оброчных денег сорок семь рублевъ десять алтын..., а два рубли дватцать три алтына 2 деньги отпущены лготчиком для их бедности» (см. Словарь русского языка XI—XVII вв.). Грамота содержит указание не прощать должнику трех гривен. Если же он их не отдаст, то его надо вести к старосте Якуну.

Грамота № 677

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 672, на уровне пласта 12 (глубина 2,20—2,40 м), в напластованиях усадьбы Г. Это небольшой обрывок:

=== тиггрвнѣистинѣ: с[ъ]дики ===

Прорись грамоты № 677

Длина 14,8 см, ширина 1,9 см.

Стратиграфическая дата: начало 40-х — середина 90-х годов XII в.

Текст разделяется на слова следующим образом:

...ти 3 грвнѣ истинѣ. Съ дики...

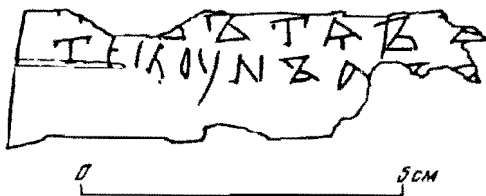
Запись содержит денежные расчеты. Возможно, она продолжалась словами *съ дикихъ вирь?* Дикой вирой называлась добровольная складчина членов общины, из которой платился штраф в случае неуставленного виновника убийства на территории общины. Взимание дикой виры с купцов поставлено в вину Мирошкиничам восставшими новгородцами в 1207 г.⁵⁹

Грамота № 678

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 647, на уровне пласта 12 (глубина 2,27 м), в напластованиях усадьбы И. Это небольшой обрывок:

⁵⁹ НПЛ. С. 51. 248.

=== [в]ѣтавь ===
текоунъа =====

Прорись грамоты № 678

Длина 7,3 см, ширина 2 см.

Стратиграфическая дата: 20-е — середина 50-х годов XII в.

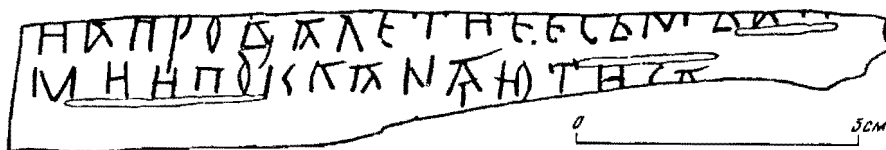
Несмотря на сильную фрагментарность текста, его деление на слова может быть представлено следующим образом:

...въ та въ... (5, 6, 9 или 10)те коунъ, а...

Грамота № 679

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 721, на уровне пласта 13 (глубина 2,59 м), в напластованиях усадьбы Г. Это фрагмент заключительной части письма:

иапродалетие.ес[ь]м[ь]а ===
миипокланяюти[сѧ]

Прорись грамоты № 679

Длина 15,4 см, ширина 2,3 см.

Стратиграфическая дата: 20-е — середина 50-х годов XII в.

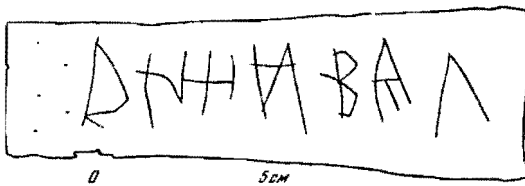
Текст разделяется на слова следующим образом:

...и. А продале ти е есьмь. А ... ми. И покланяю ти сѧ.

Продале есьмь — я продал; *е* — его (сред. рода) или (если это вместо ѣ) — их; *ти* — либо частица («ведь», «же»), либо местоимение («тебе»).

Грамота № 680

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 727, на уровне пласта 12 (глубина 2,37 м), в напластованиях усадьбы З. Это грубое подражание надписи.

Прорись грамоты № 680

Длина 15,1 см, ширина 5 см.

Стратиграфическая дата: 20-е — начало 40-х годов XII в.

Грамота № 681

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 661-А, на уровне пласта 9 (глубина 1,75 м), в напластованиях усадьбы И. Это обрывок письма, утратившего верхние и нижние строки, но сохранившегося на всю длину берестяного листа:

= [родавоо] = = ниноу : оуцинижепогрѣбаниечърне
ческое : атьсьрочькеиполь[двѣать] = = = = = = = = =

Длина 31 см, ширина 2,1 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в.

Текст разделяется на слова следующим образом:

...(п)родаво о(..)ниноу, оуцини же погрѣбание чърнеческое. А ть сърочьке и поль двѣать...

Из-за разрыва текста в первой строке не вполне ясно, что именно необходимо было продать для организации монашеского погребения. Возможные конъектуры: *олениноу* (оленью шкуру), *ораниноу* (пахотный участок; см. Словарь русского языка XI—XVII вв.). В следующей фразе, от которой сохранилось только начало, определялась вероятная сумма выручки от этой продажи: один сорочок и восемь с половиной (кун? резан?).

Грамота № 682

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 661-А, на уровне пласта 9 (глубина 1,64 м), в напластованиях усадьбы И. Это целое письмо, текст которого написан в четырех строках:

+покланание ѿ харитание ко съѣ ии ежь то [т]и есьмь
посълала ѿ резане михальви на повой да же ти въдаль
да молю ти са, госьпоже ка моа, да
посъль во борожь и рыбиць выдаль ти целоую та

Длина 27,2 см, ширина 4 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в.

Грамота разделяется на слова следующим образом:

+Покланание ѿ Харитание ко Съѣ ии. Ежь то ти есьмь посълала 3 резане Михальви на повой, да же ти въдаль. Да молю ти са, госьпоже ка моа, да посъль во борожь и рыбиць выдаль ти. И целоую та.

Из-за своей сложности письмо нуждается в переводе: «Поклон от Харитани Софье. Что касается того, что я послала Михалю три резаны на повой, то пусть он (повой) даст. Да еще прошу тебя, госпожа моя: пусть он поскорее выдаст соленье (вероятно, соленую рыбу) и (свежих) рыбок. Приветствую тебя».

Имена автора и адресата — явно монашеские, что связывает их носительниц с расположенным рядом с раскапываемым комплексом усадеб Варвариным монастырем на Черницовой улице. Существует в этом письме, однако, некоторая трудность его истолкования в связи с заказом на повой. Повоем чаще всего называется головной платок. И хотя не исключено его ношение девушками⁶⁰, обычно он был принадлежностью замужних женщин, что, в частности, породило

⁶⁰ Ср.: «Оже съгренеть чужое жене повой с головы или дщери, явится простоволоса, 6 гривнъ старые за соромъ» (ГВНП. С. 55—56. № 28).

поговорку: «Не рада баба повою, рада б покою». Повоем убирает голову молодой «повивальная сваха». Такое значение этого слова присуще и средневековым текстам, например: «По княжи животе княгини вда 100 гривен серебра, а 50 гривен золота, а по своем животе вда княгини 5 сел и с челядью и все да и до повоя»⁶¹. Другое значение термина «повой» — детская пеленка, в которую повитуха повивает младенца. Очевидно, что оба этих значения противоречат быту монахинь. Имеется и еще одно, более подходящее к нашему случаю значение этого слова, зафиксированное в Житии пророка Елисея. «М(е)ртва аки Лазоря обвиваю повоими»⁶², где слово «повой» означает погребальную пелену, саван.

Представляется, что комментируемое письмо прямо связано с предыдущей грамотой, найденной вместе с ним: в ней идет речь об организации «погребания чернеческого». В случае такого истолкования понятной становится и одновременная просьба о скорейшей присылке соленой и свежей рыбы, необходимой для застольного поминания. Впрочем, нельзя исключать и того, что повоем могли называть параманд — грудной плат, бывший обязательной монашеской принадлежностью (см. комментарий к грамоте № 648).

Грамота № 683

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 661-А, на уровне пласта 9 (большой фрагмент на глубине 1,80 м, малый — на глубине 1,75 м), в напластованиях усадьбы И. Состоит из двух соединившихся друг с другом обрывков. Документ утратил верхние и нижние строки, но сохранился на всю длину берестяного листа:

е : нъвиць : г : коун[ъ] ===== : иї : съ
 [р]ъ[ц]ьвъ.ижьтъти[ъ]т[аил] === оньгоу : Ѹ ньжькатиесте : на
 ===== [въ]спенъть : а
 ===== [оуп]ижицоу

Длина 31,1 см, ширина 2,7 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в.

Предлагаемое разделение на слова:

...е Нъвиць 6 коунъ ... 18 съръцьвъ, ижь ть ти Ѹтаиль въ(?) Оньгоу (или: Воньгоу), Ѹ Ньжька ти есте; на ... въспенъть, а ...оупижицоу(?)...

Если прочтение *въ Оньгоу* правильно, то уместно вспомнить Устав новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. о порядке назначения епископской десятины. Согласно этому установлению, десятина от вир и продаж обеспечивается сбором с заволоцких погостов, исчисляемым в сорочках, а в случае неполного сбора ста гривен новых кун разница покрывается Домажиричем «из Онѣга»⁶³. В грамоте № 683, как кажется, речь идет об утайке каких-то поступлений в Онегу. Впрочем, не исключено чтение *Воньгоу*, т. е. Вонегу; такое имя встретилось в грамоте № 710 того же времени.

Во всех случаях остается неясным, является ли соответствующий знак обозначением буквы *ц* или *ч*. В слове *съръцьвъ*, возможно, знак, подобный *в*, в действительности является искаженным написанием *к*.

Грамота № 684/662

Грамота № 684 найдена на Троицком раскопе, на границе квадратов 645-А и 661-А, на уровне пласта 9 (глубина 1,68 м), в напластованиях усадьбы И. Этот обрывок соединился с обнаруженной двумя годами раньше в квадрате 661-А

⁶¹ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 492—493.

⁶² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 1002.

⁶³ Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952. С. 20.

УЕКОЕ: ДТЪЗРОУЫКЕНПОЛЪЛПД
АННУ:УЧАННЖЕПОГРЪБАННЗУАРНЕ

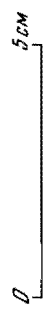
Прорись грамоты № 681

+ ПОКЛАНАНН ЕЪХДРНТННН ЕКОДЪНН ЕЖАТОУНЕСАМА
ПОСЛАЛАГРЕЗАНЕЪНХЛАВННАПОВОНДЖЕПНБЗ
АЛАДАДЛОЛЕОТНСАГОСЪПОЖЕКАМОАДРПОСЛА
ВОБОРОЖАНРЪ+ВННДАДНАЛАТННЧЕЛОНУЕОТ

Прорись грамоты № 682

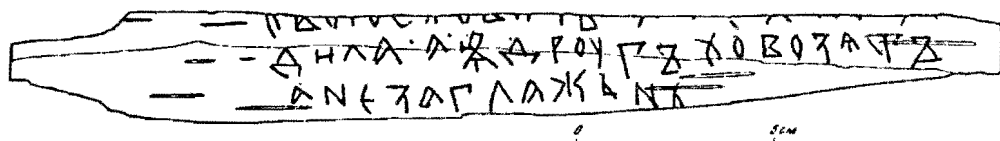
С: НЗВННД: В. В. УУИХА
ДЪЛЛАВЪ. Н. Х. Е. Б. Ч. И. Т. Н. Б. Т. А. Т. П. Л. П. В. О. Н. Д. Р. И. Х. Н. Б. Ж. А. К. А. Т. Н. С. Т. С. Н. А.
ДЪЛЛАВЪ. Н. Х. Е. Б. Ч. И. Т. Н. Б. Т. А. Т. П. Л. П. В. О. Н. Д. Р. И. Х. Н. Б. Ж. А. К. А. Т. Н. С. Т. С. Н. А.

Прорись грамоты № 683

(на глубине 1,53 м) грамотой № 662, составив нижнюю часть фрагмента. Вместе они образуют конец документа, сохранившегося на всю длину берестяного листа:

[хворос-овиць] =====
 дила.аждроугъховозать
 анезаглажьно

Прорись грамоты № 662/684

Длина 26 см, ширина 3 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в.

Предлагаемое деление текста на слова:

...Хворос(т)овиць ... (загла)дила, а ж дроугъхо возать, а не заглажьно.

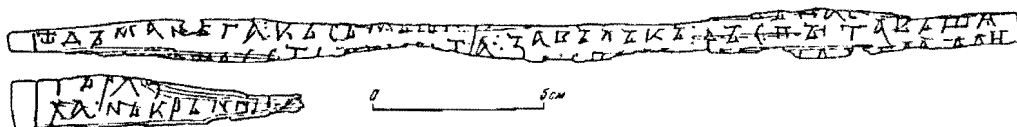
Знак перед *дроугъхо* внешне похож на йотированный «большой юс». Поскольку, однако, эта буква встретилась лишь в древнейшей азбуке первой половины XI в. (грамота № 591) и даже в книжных памятниках данной эпохи уже отсутствует, предпочтительнее интерпретировать здесь этот знак просто как ж (считая дополнительные штрихи случайными или орнаментальными).

Слово *загладити* переводится как «изгладить, вычеркнуть». Можно предположить, что оно присутствует не только в последней строке, но и в предыдущих — (*загла*)дила. Документ фиксирует возврат или сбор каких-то сумм, часть которых еще не вычеркнута из долгового реестра.

Грамота № 685

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1162, на уровне пласта 9 (глубина 1,60—1,74 м у малого фрагмента, 1,70 м — у большого), в напластованиях усадьбы И. Документ состоит из двух не соединяющихся друг с другом фрагментов:

Щдманѣга : к[ъ]с[ь]мьюн-у] ===== [въда] =====
 ===== [стьнь] == [и]та : завьлькъ : рьспытав[ъ]ша
 [гъраз] ===== [дъбр]а : али
 ха : нькрьни[та] =====

Прорись грамоты № 685

Длина большого фрагмента 29,5 см, ширина 1,5 см; длина малого фрагмента 8,5 см, ширина 1,5 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в.

Текст делится на слова следующим образом:

Щ Дьманѣга къ Сьмьюн(о)у (и къ) ... вѣдаита за Вѣлькъ, рьспытавьша
гьраз(до) ... дѣбра, а лиха нь крынита ...

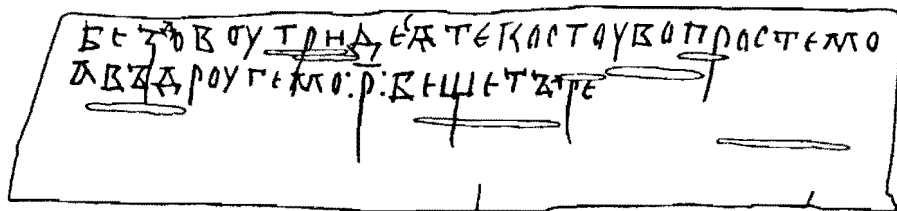
Имя Доманег известно в древнерусских источниках: Моисеем Доманежичем звали новгородца, построившего в 1176 г. церковь Ивана Предтечи на Чудинцевой улице⁶⁴. На бересте оно встречено впервые, однако, возможно, принадлежит тому же человеку, который в грамоте № 657 именуется Домачко, а в грамоте № 688 — Доман. У комментируемого письма было два адресата — Сьмьюн и другой, имя которого не сохранилось: автор в обращениях пользуется двойственным числом — *нь крынита* и, вероятно, в каком-то глаголе, оканчивающимся на *-ита* (*идита?*) перед словами *за Вѣлькъ*.

Не исключено, что грамоты № 683 и 685 написаны одним и тем же почерком и, может быть, даже являются частями одного и того же документа. И там, и здесь речь идет о каких-то действиях, связанных с Заволочьем (если чтение *въ Оньгоу* в грамоте № 683 правильно). В грамоте № 685 акцент делается на торговых операциях (*лиха нь крынита*), а в грамоте № 683 — на недоимочных сборах.

Грамота № 686

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1162, на уровне пласта 8 (глубина 1,59 м), в напластованиях усадьбы М. Это целый документ, текст которого написан в двух строках:

без^довоу тридѣ^сатекостоуво простемо
авъ дроугемо : р̄ : бещетыре

0 5 см

Прорись грамоты № 686

Длина 15,8 см, ширина 3,1 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в. Запись занимает верхний край листа, оставляя внизу довольно широкое пустое поле, что может создать впечатление фрагментарности документа, якобы сохранившегося только последние две строки. Однако такое впечатление ошибочно: автор записи пишет буквы *р*, *з* и *щ* с характерными длинными вертикальными росчерками, которые активно вторгаются из верхней строки в нижнюю; ни одного такого росчерка нет в первой строке, что указывает на отсутствие выше ее какого-либо текста. Грамота разделяется на слова следующим образом:

Без довоу тридѣсате ко стоу во простемо. А въ дроугемо 100 бе(с) щетыре.

Буквы *д* в *дovoу* и *с* в *дѣсате*, поначалу пропущенные, вписаны над строкой.

Без довоу тридѣсате означает 28. 28 ко стоу — 128. 100 бес щетыре — 96. Перевод записи: «128 в простом, а в другом 96». Указанные в грамоте числа относятся одно к другому как 4 : 3 (128 : 96). Документ производит впечатление

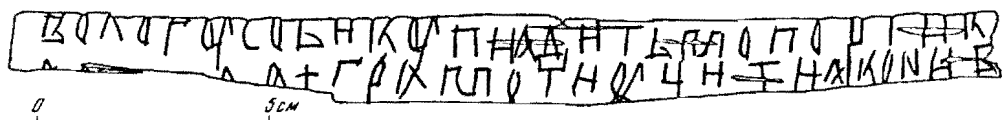
⁶⁴ НПЛ. С. 35, 224.

ответа на некую ученическую задачу по арифметике, в которой, например, в простом случае $(8 + 8) \times 8$ результатом будет 128, а в другом, более сложном, $(8 + \frac{8}{2}) \times 8$, результатом будет 96. Другой вариант: $2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 = 128$; $3 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 = 96$.

Грамота № 687

Найдены на Троицком раскопе, в квадрате 871, на уровне пласта +5 (глубина +1,00 — +0,80 м), в напластованиях усадьбы М. Это обрывок письма, утратившего верхние и нижние строки, а также правую часть:

вологоусобикоупиадитьмопор[т]ик ===
 =====[д]аіграмотиоуцитиакониб ===

Прорись грамоты № 687

Длина 21,1 см, ширина 2 см.

Стратиграфическая дата: 60-е — 90-е годы XIV в.

Текст разделяется на слова следующим образом:

... вологоу соби коупи, а дитьмо порти к(оупи) ...даі грамоти оуцити. А кони ...

Несмотря на фрагментарность грамоты, можно с высокой степенью вероятности квалифицировать ее как письмо к женщине, скорее всего — к жене. Наибольший интерес представляет здесь фраза *даі грамоти оуцити*, из которой следует, что отдать ребенка в обучение грамоте было для новгородца делом достаточно заурядным: указание об этом стоит в письме в общем ряду домашних дел, между распоряжениями о покупке одежды для детей и о том, что делать с лошадьми. Главе семьи не требовалось даже лично участвовать в договоре с учителем, это могла сделать и его жена. Отсутствие в письме каких-либо дополнительных указаний о том, как это сделать, показывает, что для матери семейства в таком деле также не было ничего необычного.

Хорошо известно следующее сообщение Новгородской I летописи под 1341 г.: «Тои же зимы приихал Михаил княжичь Олександрович со Тьфери в Новьгород ко владыце, сын хрестьныи, грамоте учится»⁶⁵. Речь идет о будущем тверском великом князе Михаиле Александровиче, которому в это время шел восьмой год. Из приведенного сообщения было известно, что учиться в Новгород присылали даже княжеских детей из других городов. Заметим, что в роли учителя в данном случае выступал сам новгородский архиепископ Василий Калика, приходившийся княжичу Михаилу крестным отцом. Из этого рассказа, однако, еще нельзя было сделать никаких достоверных заключений о том, как происходило обучение детей не столь знатного положения. Грамота № 687 ясно показывает, что обучение грамоте было нормальной частью воспитания детей даже и в семьях обычных новгородских домовладельцев (к числу которых мы должны отнести

⁶⁵ Там же. С. 354.

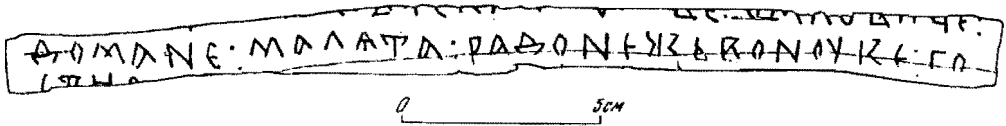
автора комментируемой грамоты, отразившей заурядность прочих его домашних забот).

Слово *волога* хорошо известно из русских говоров. Им могло обозначаться как масло (обычно топленое), так и любые другие виды жирной приправы к пище (сметана, сливки, сало и т. п.).

Грамота № 688

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1162, на уровне пласта 9 (глубина 1,75 м), в напластованиях усадьбы И. Это обрывок документа, утратившего верхние и нижние строки, но сохранившегося на всю длину берестяного листа:

==== ве : [Ѹ]м[к]овице:
домане : малата : радонежьвоноуке : го
сти[л] =====

Прорись грамоты № 688

Длина 25 см, ширина 1,8 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в.

В тексте содержится перечень имен:

...ве Ѹмковице, Домане, Малата Радонежь воноуке, Гостил(а)...

В новгородских писцовых книгах среди многочисленных отыменных топонимов имеются деревни Унковичи, Доманино, Малятино, Радонеж, Гостилово, Гостиловицы, Гостилицы (см. Указатель к НПК). Под 1234 г. в Новгородской I летописи упомянут княжеский детский Федор Ум⁶⁶.

Грамота № 689

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 854, на уровне пласта + 5 (глубина + 1,00 м), в напластованиях усадьбы О. Это целый документ, написанный на обеих сторонах берестяного листа.

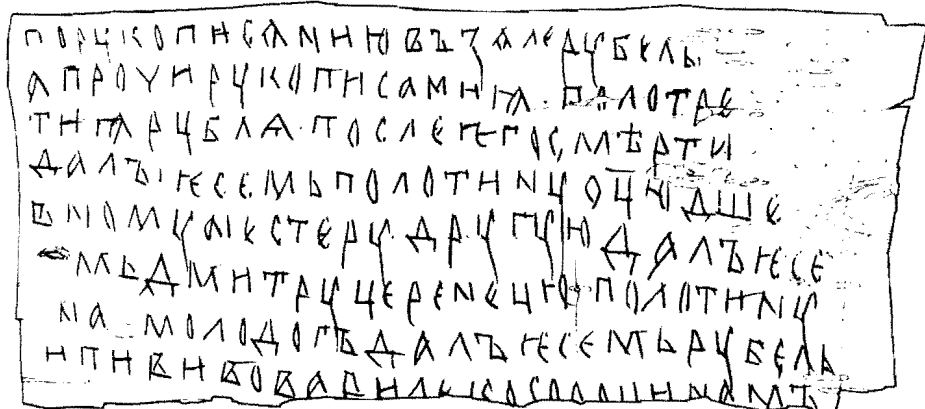
На внешней стороне текст в восемь строк:

порукописаниювъзалерубель.
апрочирукописанияполотре
тиурубля.послеж. госмърти
далъж семьполотинуоюдше
вномунестеру.другуюдалъж се
мьдмитруцеренецюполотину
намолодогъдалъжс емьрубель
ипививоварилекосо[р]оцинамъ.

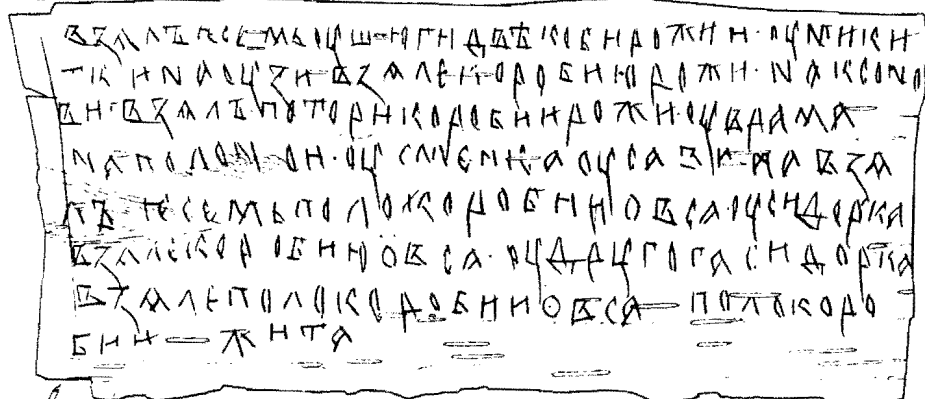
⁶⁶ Там же. С. 73, 284.

На внутренней стороне текст в восемь строк:

взальк семьюшюгидвѣкобирожни.оумики
ткинаоузивзалекобиорожи.наксоно
ви.взаль.поторикоробиорожи.оуврама
наполонои.оусменкаоусавинавза
льк семьюполокоробиниовса.оусидорка
взалекобиюовса.оудругогасидорка
взалепокоробиниовсаполокоро
бижита

ПОРЦИКОПНСАМННУВЪЗМЛЕДЦБЕЛЫ
АПРОУИРЦИКОПНСАМННУ. ПАЛОТАВ
ТНГАРЦБЛА. ПОСЛЕГЕГАСМЪАТИ
ДАЛЪ. КЕСЕМЬ ПОЛОТНИЦУ ОУЧНДШЕ
ВНМОУКАКСТЕРЦАУГН ДАЛЪ КЕСЕ
МЪ ДАМНТАЦЕРЕНЦГО ПОЛОТНИЦ
НА МОЛОДОЛЪ ДАЛЪ КЕСЕМЪ АУБЕЛА
НПНВНВОВАДНЛКАСОЛШННАМЪ

ВЗМЛЕДЦЕСЕМЬШНГНДЦКЕСНАРЖНН. АУМНН
ТКННАУЦНДЦМЛЕКОРОБНИРОЖН. НАКСО
ВН. ВЗМЛЕДЦПОТОРИКОРОБНИРОЖНЦДАМА
НАПОЛОНОИ. ОУСМЕНКА ОУСАВНАВЗА
ЛЪ. КЕСЕМЬ ПОЛОКОРОБНИОВСАУСДОРКА
ВЗМЛЕКОРОБНИОВСА. УЦАУГОГАСИДОРКА
ВЗМЛЕПОКОРОБНИОВСА. ПОЛКОРО
БНИ — ЖНТА

Прорись грамоты № 689:

а — внешняя сторона; б — внутренняя сторона

Длина 24 см, ширина 10,8 см.

Стратиграфическая дата: рубеж 50-х и 60-х — 90-е годы XIV в. Однако она не вполне надежна, так как грамота найдена около частокола и могла быть перемещена из несколько более раннего слоя при рытье канавки для частокола. Текст документа разделяется на слова следующим образом:

По рукописанию взъале рубель, а прочи рукописания поло третина рублѧ.
После кго смѣрти:

Даль ксемь полотину о(т)щю д(у)шевному Нестеру. Другую даль ксемь Дмитру черенецю полотину. На молодогъ даль ксемь рубель, и пививо вариле ко сороцинамъ.

Взаль ксемь оу Шюги двѧ ко(ро)би(и) рожи. И оу Микитки на Оузи взале коробию рожи. На Ксонови взаль по(л)гори коробии рожи оу Врама. На Полоной оу Сменка оу Савина взаль ксемь поло коробии овса. Оу Сидорка взале коробию овса. Оу другога Сидорка взале поло коробии овса, поло коробии жита.

Следует отметить очевидные пропуски букв в словах *потори* вместо *полтори*, *коби* вместо *коробии*, а также ошибочное написание *пививо* вместо *пиво*.

Документ четко разделяется на три части. В первой говорится о суммах, взятых по завещанию (*рукописанию*) и сверх завещания (*прочи рукописания*), т. е. из имущества покойного. Во второй содержится отчет о выдачах из этих сумм. В третьей — отчет о произведенных покупках, которые, по крайней мере частично, связаны с организацией *сороцинъ*, т. е. поминок по покойном на сороковой день после его смерти.

Упомянутые в грамоте населенные пункты легко отыскиваются в новгородских писцовых книгах и на карте Новгородской земли. Все они находятся в Порховском околородье, где в Шелонь с левой стороны в 6 верстах ниже Порхова впадает р. Уза, а с правой стороны в 2 верстах ниже Порхова — р. Полонка. На последней, в 4 верстах выше ее устья, имеется деревня Полоная, а в 28 верстах выше того же устья — деревня Скнова. Писцовые книги знают в указанных местах деревню Полоная Великое Село доходностью в 4 обжи, которая перед боярским выводом принадлежала Федору, Михаилу, Марфе и сыну Марфы Василию Полонским, а в 1539 г. — Чеглоковым⁶⁷. Известна и идентифицируется с Скновой деревня Ксново доходностью в 6 обез; в 1539 г. она принадлежала князю В. Д. Засекину⁶⁸.

В середине XIV в. с указанными местами связано одно весьма заметное событие. В 1352 г. на Руси свирепствовала эпидемия черной смерти — чумы, жертвой которой, в частности, стал великий князь Симеон Гордый и, возможно, митрополит Феогност. Подробно в Псковской III летописи описан мор в Пскове, начавшийся весной на Цветной неделе, т. е. в Вербное воскресенье, которое в 1352 г. приходилось на 1 апреля, и продолжавшийся «до самаа осени, уже пред зимою преста»⁶⁹. Особенно летописец отмечает вызванный страхом смерти массовый порыв к благочестию: «друзии же в миру в домех своих тако же готовляхуся на душевныи исход, о душах своих печалующе, имени своа отдающе в милостину церквам и манастырем, попом, отцем духовным и нищим, и маломощныа, убогъа кормяще, напаяюще и милостынею учреждающе»⁷⁰. Отмечена и опасность, ожидавшая заботящихся — и бескорыстно и корыстно — о заболевших: «А кто им тогда в болезни послужил, в час исхода душъ их от жизни сея приглядал и попеклься ими, яко же подобает сдравым о болных, живым о мертвых промышляти, сродници же или друзи или кто ин, такова дея, а богатым бо всякий тщится послужити и в животе и по смерти, да наследуют что от имени их, но аще кто кому отдаваху сток свои живота или дети, то и ти тако же мнози, на борзе разболевшеся умираху»⁷¹.

Изнемогая от мора, псковичи обратились с просьбой о небесном заступничестве к новгородскому архиепископу Василию Калике: «И приехаша послове изо Пскова, биша челом владыце Василию, ркучи так: „богови тако извольшу, святой

⁶⁷ НПК. СПб., 1886. Т. 4. Стб. 302—303; Т. 5. Стб. 263, 267, 578.

⁶⁸ Там же. Т. 4. Стб. 313—314; Т. 5. Стб. 575.

⁶⁹ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 102.

⁷⁰ Там же. С. 100.

⁷¹ Там же. С. 101.

троице, детям твоим псковичем бог рекл жити дотолє, чтобы еси, господине, был у святой Троицы и детии своих благословил псковичь". И он не умедли поеха, пойма собою архимандрита Микифора, игумены, попове, приеха в Псков, служи в святой Троицы, у святой Богородицы на Снетной горе, у святого Михаила, у Ивана Богослова, опять в святой Троицы, ходи около города со кресты, и благослови детии своих всех псковичь». Однако сам владыка оказался жертвой чумы и самоотверженности, ибо, по словам летописи, «сан светлостью не умолен бывает; смерть на всех внизаеть многоядные своя зубы»⁷². «Поеха ис города, доеха до Прощеника в день неделный; обечеревшися за Прощеником съ едину версту, на реце на Чересе стаща⁷³; и разболеся ту; привезоша его в манастири ко святому Михаилу, усть Узы реки, на Шелоне; и приставися ту, на память святого мученика Уакинфа, в вторник; привезоша и в Новьгород в четвергь, месяца июля в 5, на память святого отца Лампада; проводи и архиепископ новьгородьский владыка Моисей, игумени и попове и весь Новьгород, и положиша и у святой Софьи притворе»⁷⁴.

Последняя приведенная здесь запись завершает Синодальный список Новгородской I летописи и составлена несомненным современником события. В XV в., по показаниям писцовых книг, монастыря на устье Узы уже не было, но существовала погостская церковь св. Михаила⁷⁵. Болезнь Василия Калики обнаружилась 1 июля, смерть наступила 3 июля, а сороковины, соответственно, были 10 августа.

Не исключено, что грамота № 689 своим содержанием прямо связана с описанным событием. Отчет о расходах по духовной (само наличие которого свидетельствует о незаурядности личности покойного и об административном контроле над его наследством) называет весьма крупные суммы, отданные из имущества покойного духовнику Нестору и монаху Дмитру. Также значительны и расходы на сороковины, организованные именно там, где скончался архиепископ Василий. Общая сумма, в которой отчитывается душеприказчик, каковым был автор записи, равна 2,5 рубля; из них по полтине отдано духовнику и монаху (надо полагать, на устройство временного гроба), рубль истрачен на солод (*молодогъ*) и варку пива, а на остающуюся полтину, по-видимому, закуплены 4,5 коробьи ржи, 2 коробьи овса и 0,5 коробьи ячменя. О коробье известно, что она во времена новгородской независимости равнялась четырем четверткам, соответствуя примерно 14 пудам ржи. Речь, следовательно, идет о закупке свыше 60 пудов ржи, около 25 пудов овса и около 7 пудов ячменя. Поскольку эти закупки связаны с похоронами, целью их могло быть обеспечение фуражом и провиантом похоронного поезда на пути от устья Узы до Новгорода.

Для примерной оценки стоимости зерна можно воспользоваться сообщением Псковской III летописи под 1498 г.: «Тое же осени хлеб был дорог, четвертка по 9 денег, а овса четвертка по 4 деньги, а жита по 6-ти копеек, а зобница по 8 денег пшеницы, рекше по полтине, а мех соли пол 40 денег, пол четверты гривне и меньши во Пскове»⁷⁶. Исправим прежде всего ошибку переписчика (или неверное прочтение цифры издателем): если 35 денег равны 3,5 гривны, то гривна равна 10 деньгам, и, следовательно, зобница пшеницы, оцениваемая в полтину, стоит не 8 (И), а 50 (Н) денег. Указанные соотношения свидетельствуют об использовании в приведенном тексте московского денежного счета, в котором под деньгой следует понимать псковскую деньгу (практически равную новгородской), т. е. одну сотую часть московского

⁷² НПЛ. С. 100, 102; Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 22.

⁷³ Нынешний населенный пункт Прощаницы на Черехе находится в 22 верстах от Пскова и в 44 верстах от устья Узы.

⁷⁴ НПЛ. С. 100.

⁷⁵ НПК. Т. 5. Стб. 66, 663.

⁷⁶ Псковские летописи. Вып. 2. С. 252.

деньгу (практически равную новгородской), т. е. одну сотую часть московского рубля. О том же свидетельствует невольная подмена переписчиком термина «деньга» позднейшим термином «копейка», обозначающим также сотую часть рубля.

Термин «зобница» соответствует двум четверткам, на что указывает сопоставление хлебных цен в урожайные годы. Под 1475 г. та же Псковская III летопись сообщает: «а хлеб дал бог десев на сем лете, по пол пята денге четверка ржи, а овса по 6 денег зобница»⁷⁷. Между тем под 1434 г. в том же источнике говорится: «во Пскове у святеи Троици дал бог хлеба много и дешев, по девяти денег зобница ржи»⁷⁸.

Таким образом, в голодный 1498 г. коробья ржи, равная четырем четверткам, стоила 36 денег, овса — 16 денег, ячменя — 24 деньги, пшеницы — 100 денег. Это однако не самые возвышенные цены. Новгородская I летопись под 1445 г. отмечает: «А в Новгороде хлеб дорог бысть не толко сего единого году, но всю десять лет: по две коробьи на полтину, иногда боле мало, иногда менши, иногда негде купить»⁷⁹. Коль скоро в этом сообщении используется единица новгородской денежной системы (а в новгородской полтине было 108 денег), цена коробьи ржи в самых экстремальных условиях могла доходить до 54 и больше денег.

В спокойный 1475 г. коробья ржи стоила 18 денег, а овса — 12 денег. Данных об обычной цене ячменя (жита) нет, однако, по пропорции соотношения цен на рожь, овес и ячмень в голодный год, ее можно определить примерно в 14 денег за коробью. В правильности приведенного расчета убеждают показания писцовых книг конца XV в. К этому времени в Новгороде «старая коробья» была сменена новой, равной уже не четырем, а двум четверткам. Цена коробьи ржи в писцовых книгах постоянно равна 10 деньгам, овса — 5 деньгам, ячменя — 7 деньгам.

Оговорив всю условность предлагаемого подсчета и предполагая, что закупки в грамоте № 689 относятся не к экстремальной, а к спокойной конъюнктуре рыночных цен, попытаемся оценить перечисленные в ней закупки соответственно такой конъюнктуре. 4,5 коробьи ржи на этом уровне оцениваются в 81 деньгу; 2 коробьи овса — в 24 деньги; 0,5 коробьи ячменя — в 7 денег. В итоге получается 112 денег, что практически равно новгородской полтине (108 денег). В сумме с двумя полтинами, отданными духовнику и монаху, и рублем, истраченным на солод и на варку пива, это составляет подотчетную сумму в 2,5 рубля⁸⁰. Рубль, доставшийся самому душеприказчику «по руксписанию», он на вполне законном основании считает своим и не прикладывает к расходам.

Существование предпринятого расчета не зависит от того обстоятельства, что денежная система XIV в. в Новгороде еще не знала деньги и, следовательно, полтина тогда еще не делилась на 108 единиц. Важно то, что вес полтины в серебре и в XIV, и в XV в. оставался неизменным.

Слово *молодогъ* (*molodog*) зафиксировано у Фенне, который дает и его прямой перевод *malt* (солод) (Фенне, 64, 44). В древнерусских источниках ранее были известны только производные от него; например, *молодожня* — «молодожня и овин, где солод растут и сушат»⁸¹, *молодожникъ* — в 1549 г. в Новгороде «в Онтоновском концѣ в Молодожниках на самом ручьи згорел двор один Савы молодожника со всем запасом»⁸².

⁷⁷ Там же. С. 200.

⁷⁸ Там же. С. 129.

⁷⁹ НПЛ. С. 425.

⁸⁰ Разница в 4 деньги, если считать, что она имеет сколько-нибудь существенное значение, может быть разъяснена тем, что часть ячменя, купленного у «другого Сидорка», была употреблена на варку пива и подразумевается в той части отчета, где упомянут солод.

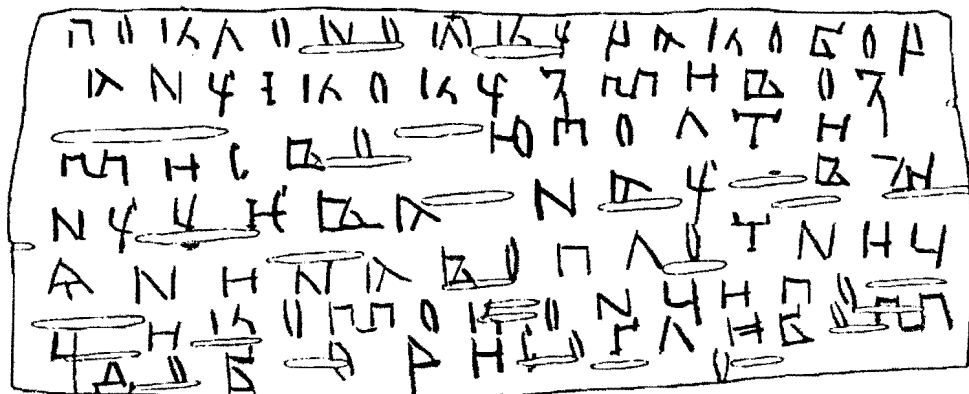
⁸¹ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 249.

⁸² ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 151.

Грамота № 690

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 891, на уровне пласта + 6 (глубина +1,04 м), в напластованиях усадьбы М. Это целый документ, текст которого написан в восьми строках:

поклоно ѿ кура ко бор
 ану і ко кузми воз
 мисвою полти
 нуук ванаувы
 анинаво плотниц
 цико мо конци по
 доборисоглибом
 о

Прорись грамоты № 690

Длина 16 см, ширина 6,8 см.

Стратиграфическая дата: конец 30-х — 90-е годы XIV в.

Текст разделяется на слова следующим образом:

Поклоно ѿ Кура ко Борану і ко Кузми. Возми свою полтину у ѿвана у вынина во Плотницкомо конци подо Борисоглибомо.

В Плотницком конце в XIV в. существовали две Борисоглебские церкви. Церковь Бориса и Глеба на Подоле или на Погребиче находилась на Торгу, в Кожевниках (т. е. у кожевенного ряда), близ храма Ивана Предтечи на Опоках. Впервые эта церковь упомянута в летописи под 1300 г., когда ее «срубиша», вероятно, после пожара 1299 г.⁸³ Она известна в источниках XV—XVIII вв. и погибла, скорее всего, в большом пожаре Торговой стороны в начале 20-х годов XVIII в. Другая одноименная церковь «в Плотниках» построена в 1377 г.⁸⁴ и в варианте XVI в. существует и сейчас в северной части Торговой стороны Новгорода, у самого вала Окольного города. По-видимому, именно к ней относится указание грамоты № 690, так как Борисоглебская церковь на Торгу имела иные традиционные обозначения.

Река Выя (от которой происходит прозвище Ивана «выянин») — левый приток р. Пинеги в верховьях последней. Эта местность упоминается как принадлежавшая

⁸³ НПЛ. С. 90—91.

⁸⁴ Там же. С. 375.

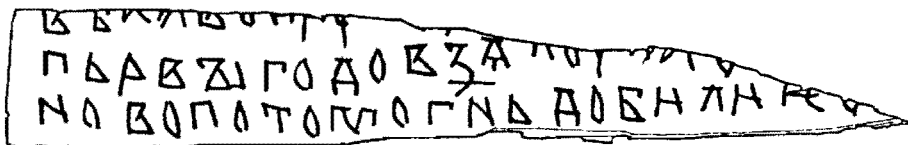
до 1471 г. Новгороду в грамоте Великого Новгорода о сложении новгородского крестоцелования с жителей задвинских погостов⁸⁵, а затем фигурирует в духовных грамотах Ивана III и Ивана IV⁸⁶.

Прозвище Боран уже встречалось на бересте (грамота № 124 рубежа XIV—XV вв.). Имя Кур принадлежит к числу распространенных в Новгороде.

Грамота № 691

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 811, на уровне пласта + 3 (глубина + 0,53 м), в напластованиях усадьбы П. Это фрагмент левой части письма, лишившегося верхних и, возможно, нижних строк:

в=ав[од]ру=====
 първыгодвзало[унас]====
 новопотомогньдобилик [с]=====

Прорись грамоты № 691

Длина 17,2 см, ширина 2,6 см.

Стратиграфическая дата: конец 30-х — 80-е годы XIV в.

Текст разделяется на слова следующим образом:

... а во дру(гое?)... първы годо взало у нас(о) ...ново, по томо, г(осподи)нь, добили кс(ме) ...

Документ безусловно квалифицируется как фрагмент крестьянской челобитной своему господину, в которой, по-видимому, содержится напоминание о том, что после взятия в первый год податей крестьяне затем добились каких-то льгот.

Грамота № 692

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1089, на уровне пласта + 6 (глубина + 1,17 — + 1,11 м), в напластованиях усадьбы П. Это почти целый документ, утративший лишь небольшую часть текста у правого края. Текст расположен в пяти строках:

во.имѧ.оца.исна.исто.го.дѧ.сеазь.=====
 мариѧ.ѡхода.се.го.свѣга.пишу.рукописа.=====
 свок мь.животѣ.приказываю.остатоко.сво.и.=====
 свок му.максиму.зандо.к смь.пуста.пусти.к гот [ы] = =
 помнѣ.помане [ть]

⁸⁵ ГВНП. С. 154. № 98.

⁸⁶ ДДГ. С. 356. № 89; С. 437. № 104.

Длина 26,2 см, ширина 4,7 см.

Стратиграфическая дата: начало XV в.— начало 20-х годов XV в.

Последовательное соответствие текста традиционному формуляру духовных грамот позволяет почти полностью восстановить утраты:

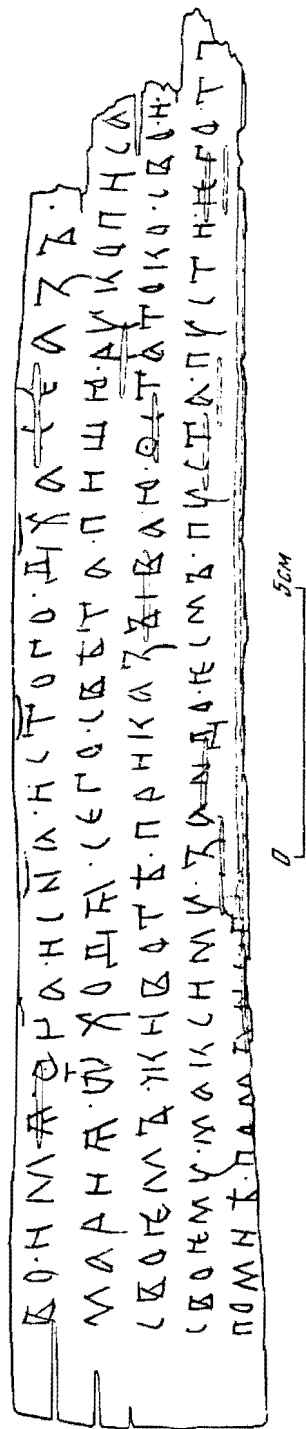
Во има о(т)ца и с(ы)на и с(вѣ)того д(у)ха. Се азъ (раба б(ож)иѧ) Мариа, ѿхода сего свѣга, пишу рукописа(ние при) свокмъ животѣ. Приказываю остакоко свои (====) свокму Максиму, заздо ксмъ пуста. Пусти кго ты(мѣ) по мнѣ поманеть.

Остакоко в данном контексте означает наследство. *Пусти кго* имеет значение «пусть он». Наследство Марии весьма незначительно, если его должно хватить только на то, чтобы помянуть ее. *Заздо ксмъ пуста* может быть переведено только как «потому что я не имею детей и других безусловных наследников». Одно из значений слова *пѣстыи* — лишенный, не имеющий; ср. в Патерике Синайском XI в.: *Поуста соуци родители*⁸⁷. В этой связи нуждается в осмыслении единственная нераскрытая конъектурой утрата текста: степень отношения к Марии «своего Максима», который по существу выступает не как наследник, а как душеприказчик.

Поскольку утрата незначительна (4—5 букв), она могла бы быть восполнена словом «брату», «дяде», «зятю» и т. п., но лица этого круга являются несомненными и правомочными претендентами на наследство; при их наличии Мария не могла бы сказать о себе: *ксмъ пуста*. Более вероятна конъектура «попу». Следует вспомнить уже цитированные выше слова Псковской III летописи о готовящихся «на душевный исход», которые, «о душах своих печалующе, имени своа отдающе в милостину церквам и монастырем, попом, отцем духовным и нищим»⁸⁸. Не исключено, что завещательница Мария была черницей ближайшего к месту находки ее духовной Варварина монастыря.

Грамота № 693

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1181, на уровне пласта +5 (глубина +1,00 — +0,81 м), в напластованиях усадьбы П. Это почти целый документ, утративший лишь часть первой строки с адресной формулой, но написанный на неопрятно обрезанном листе бересты вычурной формы. Текст расположен в шести строках:

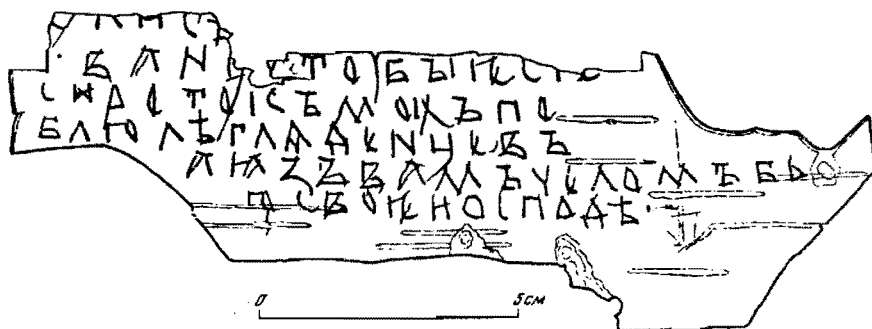

Прорись грамоты № 692

⁸⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. Стб. 1732—1733.

⁸⁸ Псковские летописи. Вып. 2. С. 100.

==[олиси]=====
 івану[ч]тобык с[те]
 сиротокъмоіхъпо
 блюлѣ глѣденцевъ
 а называмъчеломъбъ
 юсвокиосподѣ

Прорись грамоты № 693

Длина 16,6 см, ширина 5 см.

Стратиграфическая дата: 90-е годы XIV в.— начало 20-х годов XV в.

Текст разделяется на слова следующим образом:

Ⳛ Олиси(Ⳛ)... Івану. Чѣ бы кѣте сиротокъ моіхъ поблюлѣ глѣденцевъ.
 А назъ вамъ челомъ бью своки осподѣ.

По первому впечатлению, адресатов письма было не менее двух, поскольку автор пользуется в обращении к ним множественным числом. Однако названный адресатом Иван может быть как бы представителем „осподы”, к которой по существу и призывает Олисей. Просьба автора письма к „своей осподе” позаботиться о его крестьянах („сиротках”) глѣденцах (жителях деревни Глядно?) ставит перед комментаторами вопрос о существовании иерархических взаимоотношений между Олисеем и этой „осподой”. У автора письма имеются свои крестьяне, но заботу о них он адресует лицам, стоящим, как это очевидно, выше его на иерархической лестнице. Не идет ли здесь речь о запусчении вотчинки и передаче в другие руки сидевших в ней крестьян?

Следует заметить, что среди земель Никольского Питебского погоста Водской пятины, числящихся перед боярским выводом владычными⁸⁹, имеется пустошь Гляденец Бобров⁹⁰. Это позволяет в самой осторожной форме высказать предположение о том, что возможным адресатом грамоты № 693 был архиепископ Иоанн, занимавший кафедру с 1388 по 1415 г. Первая строка грамоты могла выглядеть примерно так: Ⳛ Олисиа къ влѣцѣ къ.

Грамота № 694

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1195, на уровне пласта +4 (глубина +0,78 — +0,73 м), в напластованиях усадьбы П. Это конец письма, сохранившегося на всю длину берестяного листа:

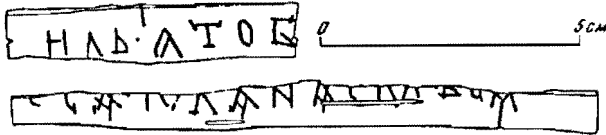
= [оспо]дину. твоисі:
 роте. бьюцоломъ

⁸⁹ НПК. СПб., 1868. Т. 3. Стб. 22—23.

⁹⁰ Греков Б. Д. Избранные труды. М., 1960. Т. 4. С. 392.

Второй фрагмент:

[e]са.клана[e]мьса

Прорись грамоты № 696

Длина первого фрагмента 5,5 см, ширина 1,1 см; длина второго — 11,2 см, ширина 0,8 см.

Стратиграфическая дата: 60-е — середина 90-х годов XIV в.

Грамота № 697

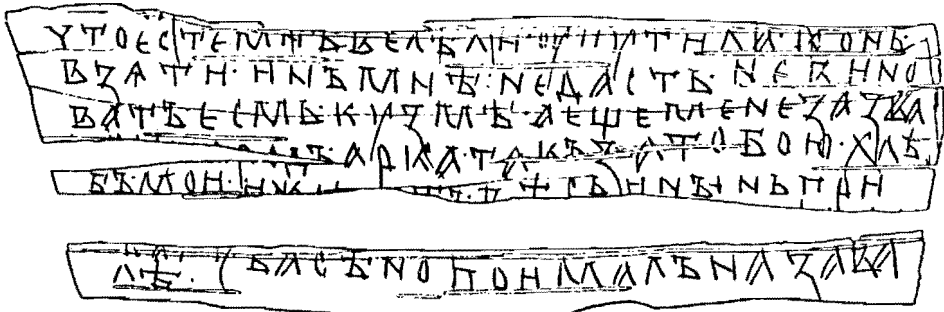
Найдена на Троицком раскопе. В древности грамота была разорвана на полосы, из которых три были завязаны узлом; этот узел был обнаружен в квадрате 1142, на уровне пласта +4 (глубина +0,67 — +0,62 м). Еще одна полоса обнаружена в квадрате 1124, на уровне пласта +3 (глубина +0,53 — +0,45 м), в напластованиях усадьбы П. Вторая находка соединилась с одной из полос первой, заняв место в верху текста. Однако при этом грамота не собралась полностью: в ней отсутствует начало и имеется разрыв между третьей и четвертой полосами. Все полосы сохранились на их полную длину.

Верхний фрагмент текста:

чтоесте.мнѣ велѣ ли.оупутила.конь
 взати.инъмнѣ.недасть.невино
 вать.есмь.кузмѣ. аещемене зазва
 === =родъ.арка.такъзатобою.хлѣ
 бь.мои.иж[и=]тъ.вѣ сыныньпри

Нижний фрагмент:

= [аг]убасѣ нопоимальна зава
 лѣ.

Прорись грамоты № 697

Длина верхнего фрагмента 20,8 см, ширина 4,3 см; длина нижнего — 19,1 см, ширина 1,6 см.

Стратиграфическая дата: 60-е — середина 90-х годов XIV в.

Грамота разделяется на слова следующим образом:

... Что есте мнѣ велѣли оу Путила конь взати, и (о)нѣ мнѣ не дасть: «Не виновать есмь Кузмѣ». А еще мене зава(ль) ...родѣ, а рка такъ: «За тобою хлѣбъ мой и жи(во)тъ вѣсь». И нынѣ при(сли?)... ...а Губа(?) сѣно поималъ на завалѣ.

Разрыв в начале четвертой строки, скорее всего, восполняется конъектурой *завва(ль на на)родѣ*: Путила высказывал свои претензии принародно, перед лицом многочисленных слушателей. К числу этих претензий, по-видимому, относится и обвинение Губы(?) в краже сена. Слово «завал» фиксировано в ряде областных говоров: в костромском оно означает валок сгребенного сена, в вологодском — ряд скошенной травы, небольшую укладку сена, копну. *Губа(?) сѣно поималъ на завалѣ* — Губа(?) украл сено в валках или копнах.

Грамота содержит сообщение автора адресату Кузьме, поручившему ему взять коня у Путилы. Путила отказался отдать коня, заявив, что он Кузьме ничего не должен. Он также зазвал автора письма на народ и обвинил то ли автора письма, то ли Кузьму в том, что тот должен ему хлеб и имущество, а также, по-видимому, что Губа(?) украл у него сено.

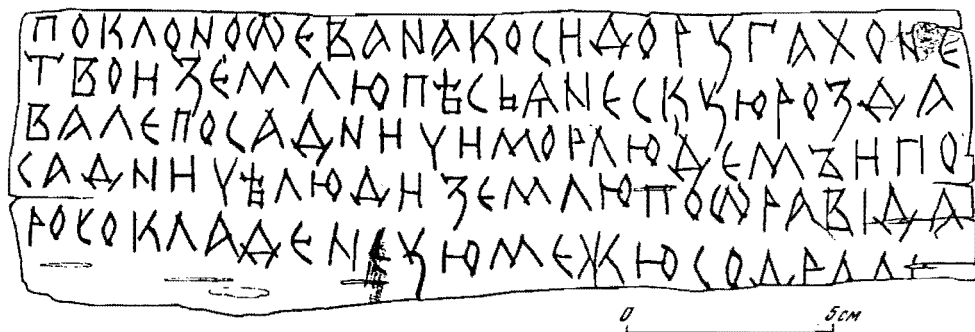
Кузьма был также одним из адресатов грамоты № 690, найденной в напластованиях того же стратиграфического уровня.

Грамота № 698—699

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1045, на уровне пласта +1 (глубина +0,07 — +0,04 м), в напластованиях усадьбы И. Это целый документ, написанный на двух листах бересты, один из которых находился внутри свертка.

Первый (грамота № 698) содержит текст в пяти строках:

поклоноѣванакосидоругахоне
твоиземлюпѣсьанескуюрозда
валепосадничимолюдемъипо
садничѣлюдиземлюпоуравлда
росокладенуюмежюсодрал[e]

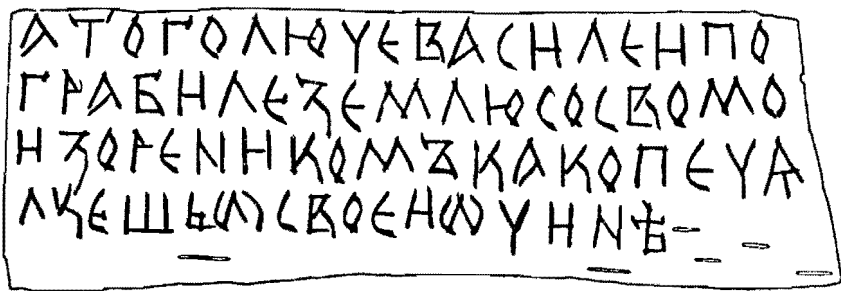

Прорись грамоты № 698

Длина 23 см, ширина 7,5 см.

На втором листе (грамота № 699) текст из четырех строк:

атоголочеvasилеипо
грабилеземлюсосвомо
изореникомъкакочепчѣ
луешьwсвоеиwчинѣ

0 5 см

Прорись грамоты № 699

Длина 20 см, ширина 6,5 см.

Стратиграфическая дата: 60-е — середина 90-х годов XIV в.

Разделение текста на слова не вызывает трудностей:

Поклоно Ѡ Евана ко Сидору. Гахоне твои землю Пѣсьянскую роздавале посадничимо людемъ. И посадничѣ люди землю поурав да росокладеную межю содрале. А того люче — Василии пограбиле землю со сво(и)мо изореникомъ. Како печалуешь ѡ свои ѡчинѣ?

Между словами *посадничимо* и *людемъ*, а также между словами *поурав* и *да* — вертикальные линии, служащие разделительными знаками. В слове *росокладеную* после *и* была написана буква *е*, тут же затертая. В слове *сво(и)мо* ошибочно пропущена буква *и*.

Существо конфликта, описанного в грамоте, по-видимому, надо понимать следующим образом. Адресат письма Сидор — вотчинник, владелец волости в Песьянской земле, на что указывает заключительная фраза документа: *како печалуешь ѡ свои ѡчинѣ*. Некий представитель Сидора (староста или ключник) Гахон (*Гахоне твои*) испоместил на этой земле посадничьих людей, т. е. крестьян, перешедших в волость Сидора из волости посадника.

Примеры таких крестьянских переходов известны в берестяных грамотах. Наиболее яркий — в грамоте № 310 первой половины XV в.: *Цѣлобитикъ ѡсподину посаднику новгороцкому Ѡнедрию Ивановицю Ѡ твоѣго ключника Ѡ Вавулы и Ѡ твоихъ хрестимно, которыхъ хрестимни с Ылова пришли за тебѣ, Захарка да Нестерке, жили за Ѡлексеѣ за Щукою. Ноне, ѡсподине, Ѡлексиѣ не хоце намъ ржы дати. Како сѣ, ѡсподине, нами, своими хрестимны, попецѣлише. Надеж мѣѣ, ѡсподине, на бога и на тебѣ, на своѣго ѡсподна*. В числе причин таких переходов указываются также непосильные подати (грамота № 301 первой четверти XV в.), самоуправство ключника (грамота № 370 третьей четверти XIV в.). Вероятные случаи крестьянских переходов возможно отметить в грамотах № 243 первой половины XV в. и № 314 конца XIV в.

Испомещенные на земле Сидора посадничьи люди, вспахав ее, нарушили («содрали») *росокладеную межю*. Термин «раскладная межа» известен по раздельной грамоте Василия и Маковея на отчину их отца Прокофия, суммарно датированной XV в. и относящейся к Обонежью: *разделив отчину по половинам, братья «положися по промежи себя межю роскладную»*⁹¹. Тот же термин фигурирует и в нескольких псковских грамотах XIV—XV вв., где отличим от «разгонной межю» как обозначение общей обусловленной границы вотчины, подразделенной разгонными межами на несколько участков ее пользователей⁹². Очевидно, что

⁹¹ ГВНП, С. 310. № 324.

⁹² Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966. С. 49. № 4; С. 50. № 6; С. 52. № 9; С. 65. № 27.

в нашем случае речь идет о нарушении межи между волосткой Сидора и владениями его соседа. Автору письма представляется еще более тяжелым обстоятельством (*а того люче, а того лютее*), что некий Василий со своим изорником пограбил землю Сидора; эта акция прямо связана с нарушением раскладной межи,— по-видимому, Василий и был соседом Сидора, пограбившим землю Сидора в отместку за вторжение в свои владения.

Немаловажно установить место конфликта. Наименование «Пѣсьянская земля» связывается с протекающей в восточной части Бежецкой пятины рекой Пѣсь, которая впадает в приток Мологи — Чагодошу. Писцовые материалы дают весьма обстоятельную картину принадлежности вотчин в Песьянской земле к моменту боярского вывода 80-х годов XV в.

Песь протекает через обширные болота с редкими населенными возвышенностями между ними. В ее верховьях расположен Спасский Молодилинский погост, значительная часть земель которого (21 с третью сохи, т. е. 65 обож) находилась во владении Михаила Матфеевича Селезнева. Возвышенность в среднем течении этой реки и по ее левому притоку речке Минце занята Егорьевским на Минце погостом. Образующая его волость Минца оценивалась в 105 без трети сох (314 обож) и принадлежала по половинам Якову Васильевичу Губину-Селезеву и Михаилу Матфеевичу Селезеву⁹³. Севернее ее, по течению притока Чагодоши речке Смердомле, находился Богородицкий Смердомльский погост (около 100 обож), которым владели те же бояре Селезевы⁹⁴. Яков Васильевич и отец Михаила — Матфей Иванович Селезнев — были двоюродными братьями и происходили от общего деда — Ивана Васильевича Сокиры (умер в 1446 г.⁹⁵), который, следовательно, и был некогда единым владельцем волосток в Минце, Смердомле и Молодиле. Лавочная книга Новгорода 1583 г., сохранившая некоторые реликтовые сведения о месте жительства новгородских бояр времени независимости, связывает Селезевых с Неревским концом: «на Кузмодемьяне ж улицы сад ... Михайловской Селезенева»⁹⁶.

Другая возвышенность примыкает к р. Песь с юга от Минцы и освоена волостью Кушевера, образующей Козмодемьянский в Кушевере погост⁹⁷ и оцененной в 106 сох (317,5 обжи); из них 193 обжи перед боярским выводом

⁹³ «Великого князя волостка Минца Яковлевская Губина Васильева сына Селезенева, что была за князем за Семеном за Ряполовским,— сох 53; а дохода с полутора и с пяти обож десять рублей и пол-6 гривны да 30 и пол-8 коробы пшеницы да ржи 39 кор. с получеткою, а овса 38 кор. и 3 четки, да 12 кор. ячмени да 60 и пол-2 овчины да 36 сыров да 24 лопатки бораньи, да двои хлебов да 33 горсти лу; а с четырех обож доход нейдет,— сидят на лоте... Великого князя волость Минца Михайловская Селезенева в Егорьевском погосте на реке на Минце, что была за князем за Васильем за княжим Ивановым сыном Юрьевича,— сох 52 бес трети; а доходу с полутора обож и за ключнич и за старой доход денгами пол-16 рубля новгородская; а с пяти обож доход нейдет,— сидят на лоте. Великого князя волость Молдино Михайловская Матфеевская сына Селезенева в Спасском погосте в Молдине, что была за князем ж за Васильем,— сох 21 с третью; а дохода шло со штидесят и с полуторы обжи за старой за весь доход денгами пол-3 рубля и пол-6 денги; а приказшикова дохода; коробья пшеницы с получетью, а ржи 23 кор. с четкою, а овса 24 кор. и пол-2 четки, а ячмени 3 кор., до 17 овчин да 16 горстей лу, шестеронадцатеро хлебов, а з дву обож доход нейдет,— сидят на лоте» (*Самоковасов Д. Я. Архивный материал. М., 1905. Т. 1. С. 224—225*). В материалах, изданных Самоковасовым, Молодилинский погост ошибочно именуется Молдинским. Молдинский погост, находившийся в южной части Бежецкой пятины, назывался Никольским (НПК. Т. 6. Стб. 672—693), тогда как Спасским был Молодилинский погост (Там же. Стб. 1053—1068; *Самоковасов Д. Я. Архивный материал. Т. 1. С. 225, 230*).

⁹⁴ «... Воеводин да его дети Олексейко да Мордвинец да Сыч... волостка за ними Смердомля Михайловская... в Богородицком погосте в Смердомльском,— сох 19 с полутретью... Волостка Смердомля Яковлевская Губина Селезенева на рече... в Богородицком погосте в Смердомельском,— сох 15 ..., а корму рубль без трех...» (*Самоковасов Д. Я. Архивный материал. Т. 1. С. 235*).

⁹⁵ ПСРЛ. Л., 1925. 2-е изд. Т. 4., ч. 1, вып. 2. С. 442—443; СПб., 1889. Т. 16. Стб. 189—190.

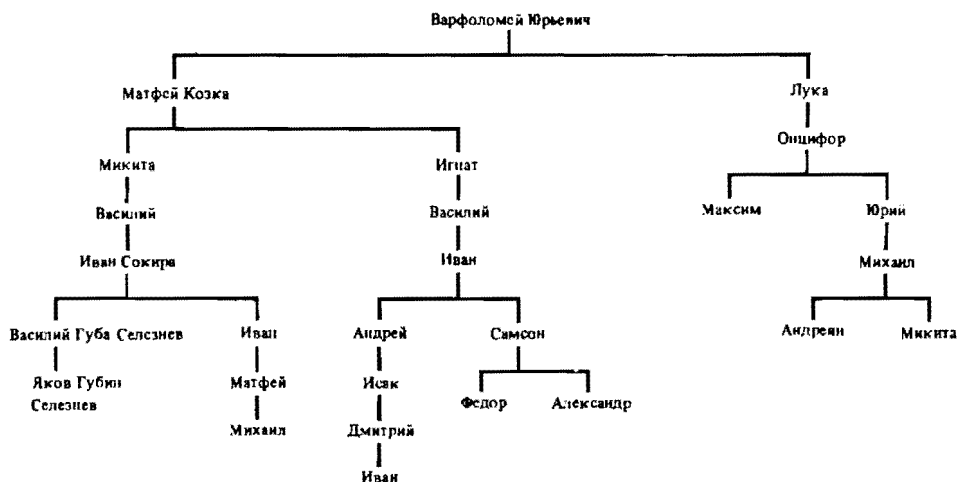
⁹⁶ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. Предисловие и редакция С. В. Бахрушина. М., 1930. С. 174.

⁹⁷ Исторические разговоры о древностях Великого Новагорода. М., 1808. С. 92.

принадлежали вдове посадника Федора Самсоновича Офросинье, а 124,5 обжи — его брату посаднику Александру Самсоновичу⁹⁸. Еще одна заселенная возвышенность находится в устье Песи (Воскресенский в Избоищах погост); ее принадлежность в писцовых материалах прямо не зафиксирована. Только эти перечисленные массивы могут претендовать на наименование «Песьянская земля».

В ближайшем соседстве с ними, на значительном протяжении параллельно течению Песи, максимально сближаясь с ним в районе устья Песи, протекает приток Мологи р. Кожоба. Соседняя с Кушеверой и расположенная на Кожобе возвышенность относилась к Никольскому погосту и была освоена волостью Ливоча, оцененной в 44 сохи (132,5 обжи), из которых 53,5 обжи принадлежали Александру Самсоновичу, 62 обжи — вдове Федора Самсоновича Офросинье, а 16 обож — Якову Федоровичу⁹⁹. Единое происхождение, по крайней мере, подавляющей части волостей Кушевера и Ливоча очевидно. Как еще не разделенное владение они принадлежали отцу Федора и Александра — Самсону Ивановичу, упоминаемому впервые под 1417 г.¹⁰⁰ и ставшему в дальнейшем посадником — с этим титулом он известен в 1434 и 1448 гг.¹⁰¹ Лавочная книга 1583 г. указывает, что Самсоновичи были жителями Неревского конца: «На Кузодемьяне ж улицы сад Олександровской Самсонова»¹⁰².

Таким образом, и бывший владелец Кушеверы и Ливочи Самсон Иванович, и бывший владелец Минцы, Смердомли и Молодилина Иван Васильевич Сокира — неревские бояре с Кузодемьянской улицы. Но они находятся и в родстве между собой. Дедом Ивана Сокиры был Микита Матфеевич, прадедом Самсона Ивановича — Игнат Матфеевич. Микита и Игнат — сыновья Матфея Варфоломеевича Козки, племянники Луки Варфоломеевича, двоюродные братья Онцифора Лукиничича:

⁹⁸ «Волость Кушевера Офросиньинская Феодоры жены Самсонова, — сох 64 с третью; а оброку пол-13 рубля, а корму 4 рубля и 3 гривны бес деньги; да с дву озер оброку за рыбную ловлю рубль. Отдана Ондрию Колычеву. Волость Кушевера ж Олександровская Самсонова сох 40 и пол-2 сохи; а оброку пол-9 рубля, а корму пол-3 рубля и 3 гривны и пол-5 денги; да с 3 озер оброку рубль» (Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Т. 1. С. 225). Заметим, что в писцовой книге Шелонской пятины Федор Самсонович называется Кушеверским: «деревни Офросиньинские Федоровы жены Самсонова Кушеверского» (НПК. Т. 5. Стб. 191).

⁹⁹ «... да Микулка, волость за ними Ливоча Александровская Самсонова в Никольском погосте в Ливочском, — сох 18 без полутрети. Якуш ... Ивановской человек Рунов да его дети Сенка да Климуша да Иваншко, волость за ними Забородье Офросиньинская Феодоры жены Самсонова в Никольском погосте в Ливоче, — сох 21 бес трети. Слободка Ливоча пустая в Никольском ж погосте в Ливочске на Яковлевской земле Федорова, — сох 6 бес трети; а оброку рубль, а корму 5 гривен и 9 денег» (Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Т. 1. С. 225).

¹⁰⁰ НПЛ. С. 407—408.

¹⁰¹ Псковские летописи. Вып. 2. С. 130; ГВНП. С. 107—108. № 64; С. 120, 123, № 73.

¹⁰² Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. С. 174.

Владелец небольшой части Ливочи боярин Яков Федорович, хотя и принадлежал к числу жителей Добрыни улицы Людина конца¹⁰³, был, однако, причастен к неревскому боярству отношениями свойства: на его дочери был женат Дмитрий Исакович Борецкий; сын последнего, казненного Иваном III в 1471 г., — Иван воспитывался у деда — Якова Федоровича¹⁰⁴, и участок в Ливоче мог достаться людинскому боярину в обеспечение этого опекуства. Именно на такое обстоятельство указывает и принадлежность соседней с Ливочей волости Кобожа: «Иван да Борис Третьяк Семеновы дети Осинина, волость за ними Кобожа Яковлевская Федорова в Дмитре-евском погосте, — сох 16 бес полутрети; да Ивановская Дмитреева сына Исакова, Марфина внука, волость Кобожа же у Великого озера, — сох 22 с полутретью»¹⁰⁵. Такая компенсация за опекуство могла быть предпринята после того, как Марфа была арестована Иваном III в начале февраля 1478 г.

Чтобы завершить обзор топографической ситуации, заметим, что ниже Воскресенского в Избоищах погоста, восточнее его, на той же р. Кобоже расположен Покровский и Никольский в Черенску погост¹⁰⁶, описания которого в писцовых материалах конца XV в. и первой половины XVI в. не сохранилось. С севера же к «Песьянским землям» примыкает расположенный в основном по течению р. Чагоды Озеровский погост, в восточной части которого, непосредственно соседствующей с устьем Песи (т. е. с Воскресенским в Избоищах погостом), перед боярским выводом находились владения боярина Кузьмы Фефилатова¹⁰⁷. Согласно показаниям Лавочной книги 1583 г., этот боярин жил в Людином конце Новгорода: «... в Роговке на левой стороне к городу сад Кузьминской Фефилатова Лешуча поперег 22 саж., а ныне те сады за Тарасом на оброке за садовником, оброку с обоих 3 р. 8 ал.»¹⁰⁸

Общая принадлежность Песьянских и соседствующих с ними Кобожских земель неревскому боярскому роду заставляет обратить внимание на группу берестяных грамот, найденных на Неревском раскопе в слоях первой половины XV в. Михаилу Юрьевичу, сыну Юрия Онцифоровича, адресованы две челобитные крестьян «черенщан» — грамоты № 157 и 311 — и челобитная «смердынских» крестьян — грамота № 313, найденные на неревской усадьбе И. С той же усадьбы происходит челобитная своим господам Андреяну и Миките Михайловичам — внукам Юрия Онцифоровича — и их матери Настасье, вдове Михаила Юрьевича, челобитная крестьян «избоищан» — грамота № 307. В этой последней, в частности, упоминаются как находящиеся в волости адресатов «Горотья» и «Парфа». Между тем эти пункты обнаруживаются в Спасском Молодилинском погосте: «Царева и великого князя дер. Парфеево, что была в поместье за Злобою за Онিকেевым: дв. Леонтейко Федотьев, дв. Фатейко Иванов, дв. Карп Иванов, сеют в поле 5 коробей, а в дву по тому ж, сена 20 копен, обжа, а доходу дают царю и великому князю пол-2 осмины ржи, овса то ж, полосмины пшеницы, ячмени то ж, 2 алтына и 2 ден., то и за мелкой доход... Царева и великого князя дер. Городно вопче с Никитою з Болячкиным, а была в поместье за Дмитрием за Кропивиным, дв. пуст, пашни в поле 3 коробьи, а в дву по тому ж, сена 20 копен, полобжы, в оброке у Никиты Болячкина, а оброку дает...»¹⁰⁹

¹⁰³ К 1462 г. относится летописный рассказ о гибели от пожара на Добрыне улице дворов Федора Яковлевича (отца Якова Федоровича) и Луки (брата Якова Федоровича) (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 211).

¹⁰⁴ Во время пира у Якова Федоровича 1 января 1476 г. Иван III получал дары от него и «от Ивана Дмитриева сына Исакова» (ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 166).

¹⁰⁵ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Т. 1. С. 228.

¹⁰⁶ Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. С. 92.

¹⁰⁷ «Гридя Ефимьев да его дети Ивашко да Олексейко да Ивашко ж Меншой, волостка за ними Озерева Кузьминская Фефилатова на реце на Чагодоце в Егорьевском погосте в Озеревском, — сох 19 бес трети» (Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Т. 1. С. 236).

¹⁰⁸ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. С. 169.

¹⁰⁹ НПК. Т. 6. Стб. 1062 (ср.: Там же. Стб. 1060: «Дер. Городно на озере на Городне» при описании владений Никиты Болячкина).

Сочетание всех этих пунктов в одном комплексе берестяных документов позволяет безоговорочно идентифицировать их с волостками на Песи и на Кобоже. Михаил Юрьевич, названный в грамоте № 301 «сыном посадничим», упоминается в летописи под 1419 г. как инициатор постройки деревянной церкви св. Михаила в Колмове, а под 1420 г. как участник новгородского посольства на Нарову для переговоров с немцами¹¹⁰. К 1423 г. его, очевидно, уже не было в живых, так как колмовское строительство в качестве родового ктитора продолжает его жена: «поставила Настасья Михайлова церковь камени святую богородицу Успенье на Колмови у монастыри»¹¹¹. Андреян и Микита Михайловичи стали известны только по берестяным грамотам. Сохранилось, однако, завещание правнучки Юрия Онцифоровича Орины, которая отказала Колмову монастырю остатки родовых владений¹¹²; среди них нет никаких земель в Бежецкой пятине. Поскольку Ориня — правнучка Юрия, она должна приходиться дочерью или Андреяну, или Миките Михайловичу.

Если в конце первой четверти XV в. волостки в Смердомле и Молодилине принадлежали семье Михаила Юрьевича, то позднее они, как видим, перешли в руки Селезневых. Из-за отсутствия сведений о принадлежности перед боярским выводом волостей в Избоище и Черенске нет возможности установить, как изменилась их судьба, однако, коль скоро владельческое единство волосток Селезневых, с одной стороны, и Самсоновичей, с другой, восходит ко времени Ивана Сокиры и Самсона Ивановича, т. е. ко второй четверти XV в., логично заключить, что род Юрия Онцифоровича после Андреяна и Микиты Михайловичей не имел продолжения в мужских линиях, а основной массив его владения как выморочный оказался в руках других ветвей Мишиничей. Не исключено поэтому, что и волостки Самсоновичей имеют здесь такое же происхождение. Во всяком случае, берестяные грамоты, связанные с Самсоновичами и их прямыми предками, концентрируются на неревской усадьбе И и на соседних с ней дворах¹¹³.

В связи с изложенными наблюдениями любопытными оказываются показания синхронных комментируемому документу (т. е. грамоте № 698—699) берестяных грамот Неревского раскопа, происходящих из усадьбы Е, которая находилась на перекрестке Козмодемьянской и Великой улиц. Эта усадьба в 60-х и 70-х годах XIV в. принадлежала боярину Максиму Онцифоровичу. В напластованиях 8-го яруса (конец 60-х — начало 80-х годов XIV в.) указанной усадьбы найдены пять грамот, адресованных этому лицу или написанных им (№ 91, 253, 271, 272, 279). Одна написанная им грамота (№ 290) извлечена из напластований той же усадьбы середины XIV в. Две грамоты, связанные с тем же Максимом, найдены на усадьбе И, соответственно в слоях 9-го (№ 177) и 8-го (№ 370) ярусов.

Максим Онцифорович умер в конце 70-х или в начале 80-х годов XIV в. (под 1375 г. он еще упоминается в летописи как новгородский посол к митрополиту¹¹⁴), так как материалы следующего этапа жизни усадьбы Е обнаруживают, что ее владельцем после Максима стал некий Сидор, с именем которого связаны найденные на той же усадьбе в напластованиях того же 8-го яруса берестяные грамоты № 260, 275, 276, а также обнаруженная на усадьбе И грамота № 364, которая сохранилась в слоях 6-го — 7-го ярусов (80-е годы XIV в. — начало XV в.); последняя в свое время не дошла до адресата, будучи потеряна упомянутым в ней «детинной». Буров предположил в Сидоре сына Максима Онцифоровича¹¹⁵,

¹¹⁰ НПЛ. С. 412—413; ГВНП. С. 99—100. № 60.

¹¹¹ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 309, примеч. 1.

¹¹² Корецкий В. И. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. // Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969. С. 285. № 3, 4.

¹¹³ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 48.

¹¹⁴ НПЛ. С. 373.

¹¹⁵ Буров В. А. «Муж добр Есиф Давыдович» // Сов. археология. 1975. № 4. С. 224.

что вряд ли доказуемо. Однако в целом принадлежность Сидора к роду Онцифоровичей представляется более чем вероятной.

Наличие Сидора в искомой ситуации (совпадение во времени и принадлежность к числу козмодемьянских бояр) делает его вероятным адресатом грамоты № 698—699. Если такое наблюдение справедливо, то можно — со всеми обязательными оговорками — попытаться идентифицировать и того посадника, людям которого Гахон раздавал Песьянскую землю. Поскольку ушедшие от посадника крестьяне вряд ли могли прийти в вотчину Сидора из каких-то отдаленных мест, а дальнейшие изложенные в грамоте действия (нарушение раскладной межи и последовавшее разграбление вотчины Сидора Василием) выглядят как взаимообусловленные события, допустимо высказать предположение, что Василий и был бывшим вотчинником посадничьих людей, т. е. посадником.

Ко времени деятельности Сидора относится посадничество двух Василиев. Василий Федорович, боярин Неревского конца, впервые упомянут с посадничьим титулом под 1386 г.¹¹⁶ (его предшественник в представительстве от неревлян Яков Хотов неизвестен после 1375 г.) и умер в монашеском чине в июне 1392 г.; он был погребен «у святого Николы»¹¹⁷, т. е. в неревском монастыре Николы Белого. По всей вероятности, именно он является соадресатом Сидора в берестяной грамоте № 276: *Поклоно ѿ Вдреж со братию ко Василию і ко Сидру. Была жалоба передо вами і потъми...*

Другой одноименный посадник — Василий Иванович был избран после свержения Есифа Захарьинича в ноябре 1388 г.¹¹⁸ и умер в 1405 г.¹¹⁹ Он был родным братом прусских бояр посадника Юрия Ивановича и тысяцкого Дмитрия Ивановича¹²⁰. Последний же приходился прапрадедом владельцу Озеревской волости Кузьме Фефилатову.

Таким образом, конфликт, отраженный грамотой № 698—699, развивается между предками тех лиц, которым спустя столетие принадлежали соседствующие в устье р. Песь вотчины. Сам же конфликт предельно персонифицируется: по всей вероятности, из вотчины посадника Василия Ивановича какие-то крестьяне переходят в вотчину боярина Сидора, принадлежащего к роду Онцифоровичей; возникшая ситуация затем усугубляется нарушением вотчинной границы и ответными действиями Василия и его арендатора.

Неизбежно возникающий вопрос о причинах обнаружения письма, адресованного неревскому боярину, в усадьбном комплексе Людина конца разъясняется общей характеристикой этого комплекса (или, по крайней мере, части его) в XIV—XV вв. как связанного с администрацией владычного управления. Такой характеристике соответствуют найденные здесь берестяные грамоты № 594 (письмо посаднику Онцифору, вероятно, от владыки Моисея), № 689 (отчет о расходах в связи со смертью и погребением архиепископа Василия), № 693 (ее вероятный адресат — владыка Иоанн). Именно в компетенцию владычного управления с первой половины XIV в. входили дела, порожденные земельными спорами.

Одной из замечательных особенностей грамоты № 698—699 является упоминание в ней изорника. До сих пор этот термин был встречен только в Псковской судной грамоте, что создало устойчивую историографическую традицию считать изорничество исключительным псковским явлением¹²¹. Впервые указанный термин зафиксирован вне псковского региона и даже не в пограничной с Псковом местности, а в противоположном конце Новгородской земли, на ее восточном побережье, что свидетельствует о территориальной широте его бытования.

Материалы Псковской судной грамоты характеризуют изорника как арендатора

¹¹⁶ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 240.

¹¹⁷ НПЛ. С. 385.

¹¹⁸ Там же. С. 382.

¹¹⁹ Там же. С. 398.

¹²⁰ Там же. С. 472—473.

¹²¹ Обзор литературы вопроса и самой проблемы см. в кн.: Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. Гл. VIII.

земли, юридически равноправного с ее владельцем. По-видимому, нет оснований отождествлять изорника с крестьянином. Изорник пользуется арендованной им землей в течение обусловленного срока, выплачивая владельцу земли четверть урожая. Представляется вполне вероятным связывать с институтом изорничества несколько давно опубликованных берестяных грамот. О полагающейся владельцу земли четверти говорится в грамоте № 23 рубежа XIV—XV вв.: *Поклоно ѿ Карпа к осподину мож му Фоми. Было к сми, шсподинь, на Пустопържи, рожь к смь роздилило с Ольксои і съ Гафанкомо. Ньмного, шсподинь, ржи на твою часть — два швина цътверти. А Пльнтьликъ видьль самь.* О четверти же говорится в грамоте № 297 первой четверти XV в.: *Целобитъ ѿ Сергина з братъи изъ Рагушлова г(осподи)ну Михаши Юрѣжъ вицу. Стогъ, г(осподи)не, твои ржаныи цетвертьныи тати покрали, швиновъ пльть свезли...* Наконец, как кажется, с изорничеством связана и грамота № 311 первой четверти XV в.: *Г(осподи)ну своѣ му Михаилу Юрѣжъ вицу хрестъни твоѣ черешшани чело бшоте. Што к си шдода деревенеку Климецу Шпарину, а мы к го не хъtimo: не сусѣднеи человѣко. Волеи б(ог)ъ де і ты.*

Заметим также, что деревня Изорники (в другом написании Изоринки) имеется во Введенском Дудоровском погосте Водской пятины¹²².

Грамота № 700

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1048, на уровне пласта 9 (глубина 1,64 м), в напластованиях усадьбы Р. Это фрагмент письма, утратившего верхние и нижние строки, но сохранившегося на всю длину берестяного листа:

оукого.лю.бо.и.гръ.чь.ска.го.бо.[б]оу.с[ь].мь.ни.жь

Длина 34,6 см, ширина 1,1 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в. Текст разделяется на слова следующим образом:

... оу кого любо, и гръчьскаго бобоу сьмни жь ...

Под семенем греческого боба следует понимать фасоль, которая в позднейшее время в обиходе называлась турецкими бобами. В источнике середины XVII в. («Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650—1652 гг.») фасоль называется «бобом цареградским» (см. Словарь русского языка XI—XVII вв.).

В комментируемой грамоте адресату поручается что-то купить у кого угодно, а также фасоль в зернах.

Грамота № 701

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1074, на уровне пласта +2 (глубина +0,37 м), в напластованиях усадьбы П. Это фрагмент документа, не сохранившего верхних и нижних строк, а также левого края:

=== [рко]вскеоубо[р]исаоупита[р]ева.берковске.оупрошкевииг.розми

Длина 30,6 см, ширина 1,5 см.

Стратиграфическая дата: 60-е — середина 90-х годов XIV в.

Грамота разделяется на слова следующим образом:

... (бе)рковске. Оу Бориса оу Питарева берковске. Оу Прошкевиі 3. Розми...

В слове *берковске* (во втором случае) конечное *е* переправлено из *о*, в слове *Прошкевиі* *е* неаккуратно написано и имеет сходство с *о*.

¹²² Временник Общества истории и древностей российских М., 1851. Кн. 11. С. 323, 328.

УТКОТО ПНУ БОАТ РБ.УБ.СКС Л.Т.Ю.В.О.Б.У.С.М.Б.Н.Н.У.К.Б.

0 5cm

Прорись грамоты № 700

УТКОТО ПНУ БОАТ РБ.УБ.СКС Л.Т.Ю.В.О.Б.У.С.М.Б.Н.Н.У.К.Б.

0 5cm

Прорись грамоты № 701

ПОСШТН

0 5cm

Прорись грамоты № 702

В грамоте перечисляются недоимщики и числящиеся за ними количества, вероятно, соли в берковцах.

Прозвище Бориса Питарева заставляет вспомнить село Пытарсво, упомянутое в грамоте № 243 первой четверти XV в. Три берковца числятся у *Прошкевиш*, т. е. жены Прошки.

Грамота № 702

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1172, на уровне пласта +2 (глубина +0,27 м), в напластованиях усадьбы П. Это длинный узкий свиток бересты, напоминающий поплавок, на внутренней поверхности которого имеется надпись:

пок 8шти

Длина 38,5 см, ширина 4,5 см.

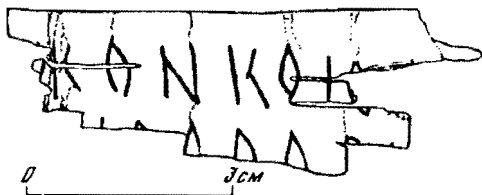
Стратиграфическая дата: 60-е — 70-е годы XIV в.

Истолкование надписи затруднительно; не исключено, что это неудавшаяся попытка начала текста.

Грамота № 703

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 866, на уровне пласта +1 (глубина +0,20—0 м), в напластованиях усадьбы О. Это небольшой фрагмент верхней строки документа:

=== жонкою ===

Прорись грамоты № 703

Длина 7 см, ширина 2,8 см.

Стратиграфическая дата: 70-е годы XIII в.— 30-е годы XIV в.

Грамота № 704

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1033, на уровне пласта б (глубина 1,01—1,16 м), в напластованиях усадьбы П. Это начало письма, сохранившегося на всю длину берестяного листа:

Ѓ городьцанокпосадникоуковъликому
сьпобъгльсьна[н] ===

Длина 40 см, ширина 2,8 см.

Стратиграфическая дата: первая половина — середина XIII в.

В ГОРОДЬЦАНО КО ПОСАДНИКОУ КО ВЪЛИКОМОУ. СЪ ПОБЫГЛЪ АСЪНАН...

НИКОУ КО ВЪЛИКОМОУ

0 5 см

Прорись грамоты № 704

Текст разделяется на слова следующим образом:

В городьцано ко посаднику ко вликому. Съ побыгль асьнан...

Письмо написано почерком, тождественным почерку грамоты № 636 (донесения о полученных от пришедшего из Полоцка искупника сведений о «рати великой» и просьбы о присылке провианта в засадный полк). Совместное рассмотрение этих двух документов дает нужное направление в поисках того места, откуда было направлено в Новгород комментируемое письмо. Указание грамоты № 636 на искупника, пришедшего из Полоцка, ориентирует эти поиски на западные рубежи Новгородской земли. Между тем последнее, фрагментированное слово грамоты № 704 асьнан... может быть осмыслено только как «ясенянин» или «ясеняне», т. е. житель или жители Ясенского погоста Шелонской пятины, расположенного на юго-западном рубеже Новгорода. Этот район всегда был зоной наибольшей опасности при размирьях с Литвой, занимая особое положение в системе новгородской обороны. В 1239 г. «князь Александр с новгородци сруби городци на Шелоне»¹²³. Хотя в отличие от цитированного текста Синодального списка Новгородской I летописи все более поздние своды упоминают один «городец», а не несколько, имеются основания доверять правильности самого раннего известия. В хорошо известном источнике «А се имена всем градом руским, далним и ближним» среди залесских городов пять обозначены находящимися на Шелони: «а на Шолоне Порхов камен, Опока, Высокое, Вышегород, Кошкин»¹²⁴. Среди них Порхов, Опоки и Высокое расположены на самой Шелони; Вышгород и, по-видимому, Кошкин городок — на притоке Шелони — р. Узе или, по крайней мере, в ее бассейне. Упоминания в летописи этих крепостей, как правило, связаны с военными конфликтами между Новгородом и его западными соседями. В 1329 г. псковичи «к новгородцам прислаша послы с поклоном в Опоку, и доконцаша мир»¹²⁵. В 1346 г. Ольгерд «взя Шелону и Лугу на щит, а с Порховьского городка и с Опоки взя окуп»¹²⁶. В 1408 г. «воеваша Немци всю Залескую страну и до Черехе, и прешедше за рубежь воеваша в Леженицах и на Болотах и на Дубьске и на Гостени и под Кошкинымъ городьком, и много забеглых пскович и новгородцов овех иссекоша и овех плениша и пожгоша»¹²⁷. В 1428 г. «князь Витовти събрав силы многы прииде прежде к Вышегороду, июля 18 день, и по том к Порхову...»¹²⁸

Фортификации князя Александра Ярославича, надо полагать, не имели долговременного характера. Только Порхов, существующий и сегодня как город, получил в дальнейшем каменные укрепления, что произошло в 1387 г.: «благослови владыка Алексеи всь Новьгород ставити город Порхов камен; и послаша новгородци

¹²³ НПЛ. С. 77; ср.: Там же. С. 289.
¹²⁴ Там же. С. 477.
¹²⁵ Там же. С. 342.
¹²⁶ Там же. С. 358.
¹²⁷ Псковские летописи. Вып. 2. С. 34, 116. Вып. 1. С. 31.
¹²⁸ Там же. Вып. 2. С. 42, 125; Вып. 1. С. 38.

Ивана Федоровича, Фатьяна Есифовича, и поставиша город Порхов камен»¹²⁹. Остальные городки постепенно, но достаточно быстро пришли в упадок. В 1404 г., когда новгородцы приняли на службу потерявшего свой Смоленск князя Юрия Святославича, ему в кормление были отданы новгородские пригороды, однако среди шелонских городков к этому времени уже не было Опоки: «даша ему 13 городов: Русу, Ладогу, Орешок, Тиверьский, Корелский, Копорью, Тръжск, Волок Ламский, Порхов, Вышегород, Яму, Высокое, Кошкин городец»¹³⁰. В духовной Ивана III (1504 г.) нет не только Опоки, но и Вышегорода, а из шелонских городков названы лишь «Порхов город, Высокой город, Кошкин город»¹³¹. Эта динамика угасания отражена и писцовыми книгами. Уже в 1498 г. Опока, будучи центром Опоцкого погоста, не демонстрирует никаких признаков города¹³². Такой же характер имеет в писцовых материалах Вышегород, обозначаемый не как город, а как Вышегородский погост¹³³, хотя в дальнейшем формируется Вышегородский уезд в составе трех погостов — Болчинского, Облучского и Вышегородского. Городками писцовые книги конца XV в. продолжают обозначать Высокий, давший затем название Высокогорскому уезду в составе Никольского, Рождественского, Дегожского, Пажеревицкого и Бельского погостов, и Кошкин городок, ставший центром уезда в составе Жедрицкого и Ясенского погостов. В настоящее время Высокий существует в виде крохотной деревеньки Городок, а Кошкину городку соответствует, по-видимому, село Жедрицы¹³⁴.

Поскольку в грамоте № 704 упоминаются «ясеняне», термин «городчане», обозначающий в ней авторов донесения, логично связывается с администрацией Кошкина городка, расположенного по соседству с Ясенским погостом. Менее вероятна их идентификация с обитателями Высокого городка, который отстоит от Ясенского погоста на 30 с лишним километров.

Вопрос о хронологическом взаимоотношении написанных одним почерком грамот № 704 и 636, при том, что и грамота № 704 имеет вероятное отношение к пограничной службе, целиком зависит от точности детальной датировки обоих документов, из которых вновь найденный относится, как будто, к несколько более раннему времени, нежели грамота № 636. С той же, по-видимому, недостижимой, точностью связана и проблема титулования адресата «посадником великим». Такое титулование встречено впервые и может иметь двоякое объяснение.

Если грамота № 704 относится к самому начальному периоду существования шелонских городков, то это обращение может иметь персональный характер. Среди новгородских посадников XIII в. небывало высокий прижизненный авторитет приобрел умерший в 1243 г. Степан Твердиславич, при котором произошли такие важные события, как отказ Батыея от похода на Новгород в 1238 г., невская победа 1240 г. и Ледовое побоище 1242 г. Степан Твердиславич первым из посадников был с почетом погребен в Софийском соборе (чести захоронения в котором кроме него был удостоен только погибший в Раковорской битве 1268 г. посадник Михаил Федорович). Летописное сообщение о смерти Степана Твердиславича содержит точное исчисление времени его посадничества: «месяца

¹²⁹ НПЛ. С. 381.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 11. С. 190. Город Яма в этом списке стоит явно не на месте. Между тем в более ранней редакции текста в Новгородской IV летописи (ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд., ч. 1, вып. 2. С. 395—396) при указании на 13 городов список содержит лишь 12 названий. Город Яма там пропущен и, следовательно, восстановлен сводчиком Никоновской летописи, будучи ошибочно им помещен среди шелонских городков.

¹³¹ ДЛГ. С. 357. № 89.

¹³² НПК. Т. 4. Стб. 162; ср.: Там же. Стб. 530; Т. 5. Стб. 680.

¹³³ Там же. Т. 4. Стб. 478, 531. О разорительной осаде Вышегорода псковичами в 1471 г. см.: Псковские летописи. Вып. 2. С. 181—182.

¹³⁴ Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. С. 310, 364.

августа в 16 преставися раб божи Стефан, посадник новгородьскыи, Твердиславиць, внук Михайлов, в неделю, в 1 час ноши, а погребен бысть в понедельник в 17, на память святых мученик Павла и Ульяны, в притворе святыя Софея, идеже лежат архиепископе Аркадии и Мантурии, посадничьство держав 13 лет без 3 месяць»¹³⁵.

Возможно, однако, и другое истолкование титула «посадник великий». В летописи встречаются сведения о посадниках не только Новгорода, но и других городов Новгородской земли: под 1132 и 1240 гг.— о псковских¹³⁶, под 1116, 1132, 1228, 1290, 1313 гг.— о ладожских¹³⁷, под 1210 и 1215 гг.— о новоторжских¹³⁸. Не исключено поэтому, что «великим» в XIII в. могли титуловать новгородского посадника, чтобы отличить его от посадников малых городов. Конкретным адресатом грамоты № 704 могли быть Степан Твердиславич (1230—1243 гг.), Сбыслав Якунович (с 1243 г.), Ананья Фефилатович (до 1255 г.), Михаил Степанович (1255—1258 гг.) или же Михаил Федорович (1258—1268 гг.). Все они, кроме Михаила Федоровича, были боярами Прусской улицы.

Грамота № 705

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1085-А, на уровне пласта 4 (глубина 0,62—0,77 м), в напластованиях усадьбы О. Это целое письмо, текст которого написан в пяти строках:

+покл[а]нниѣ ѿ Домажира ко Аковоу. А оу тебе слышоу, цето ты моловише. Оце е тебе не годена, а попроведи ко мене сestroу. Азь были лони наделиле, а ныне быхо посолале. А ныне слышу болену сestroу. Оце ю б(ог)о поемете, а присоли соно ко мене со ее знатебою, оте побоуде сыно (о)у мене, а ѿ сѧ имо потешоу. И посолоу ю опате во городо. Паки ли не оуправише того, а ѿ та передамо сватее богородице, ко нее же еси заходила роте.

Длина 36,4 см, ширина 4,3 см.

Стратиграфическая дата: рубеж XII—XIII вв.— первая четверть XIII в.

Текст разделяется на слова следующим образом:

+Покланниѣ ѿ Домажира ко Аковоу. А оу тебе слышоу, цето ты моловише. Оце е тебе не годена, а попроведи ко мене сestroу. Азь были лони наделиле, а ныне быхо посолале. А ныне слышу болену сestroу. Оце ю б(ог)о поемете, а присоли соно ко мене со ее знатебою, оте побоуде сыно (о)у мене, а ѿ сѧ имо потешоу. И посолоу ю опате во городо. Паки ли не оуправише того, а ѿ та передамо сватее богородице, ко нее же еси заходила роте.

Письмо написано нервно, с многочисленными поправками. Мелкими штрихами зачеркнуты написанная было на фактурно неудобном месте буква *д*(?) перед словом *Домажира* и ошибочно написанная буква *р*, поначалу переправленная на *п* после *по* в слове *попрова* | *ди* в первой строке, буква *ю* перед *ко мене*, буквы *кога* перед *лони*, буква *о* после *посолале* во второй строке. Некоторые буквы, написанные неверно, переправлены: в первой строке в сочетании *оу тебе* первое *е* переправлено из *о*; во второй строке в слове *слышу* *ю* дано в лигатуре с *ш*; в четвертой строке в словах *посо* | *лю ю* первое *ю* переправлено из *о*. В ряде случаев вставлены пропущенные буквы: во второй строке *и* в слове *наделиле*; в третьей строке *мо* в слове *имо*. Во второй строке в слове *сestroу* (во втором случае) пропущенное по-началу *р* вставлено в строку. В четвертой

¹³⁵ НПЛ. С. 297—298, 79.

¹³⁶ Там же. С. 23, 77, 207, 294.

¹³⁷ Там же. С. 20, 23, 65, 94, 204, 207, 270, 326, 335.

¹³⁸ Там же. С. 51, 53, 249, 252.

строке слово *сватее* сначала было написано через *а*. Некоторые описки остались неисправленными: слово *сыно* в третьей строке изображено как *соно*; в сочетании *побуде сыно оу мене* в предлоге *оу* пропущена буква *о*.

Как это видно из контекста письма, его адресат Яков приходится автору Домажиру зятем: сестра Домажира замужем за Яковом. До Домажира дошли слухи о разговорах Якова, будто жена стала ему не угодна; поэтому Домажир требует отпустить сестру к нему. Следующая фраза, как кажется, приоткрывает суть и причины недовольства Якова своей женой. Домажир еще в прошлом году (*лони*) выделил ей какую-то часть, имущественную долю, которую она реально до сих пор не получила — Домажир только намеревается послать ей ее достаток (*а ныне быхо посолале*). Между тем до Домажира дошел еще один слух, что его сестра опасно больна. Если она умрет (*оце ю бого поемете*), то Яков должен прислать к Домажиру сына с ее «знатьбой». Пусть,— пишет Домажир,— он побудет у меня за сына, а я-им утешусь.

Наибольшая сложность состоит в истолковании слова *знатьба*, которое представляется ключевым для понимания текста в целом. Слово *знатьба* не впервые встречено в древнерусских источниках, где им обозначается «знак», «след», «признак», но также «весть, известие(?)» (см. словарь Срезневского и Словарь русского языка XI—XVII вв.). Такое же значение оно сохраняет и в современном, живом языке (см. словарь Даля; например, *клады знатьбу на борти*). В контексте письма использовать для понимания его смысла возможно только значение «весть» — пришли сына с вестью о ее смерти. Однако такое понимание отменяется следующей фразой письма Домажира: *и посолю ю опаме во городо*, в которой *ю* может относиться только к слову женского рода предыдущей фразы, где имеется лишь одно такое слово — *знатьба*. Полагаем, что в свете этого наблюдения под «знатьбой» можно здесь понимать некий документ со «знаком» (печатью, свидетельством послухов), скорее всего — завещательное распоряжение сестры Домажира. Коль скоро отраженный в грамоте конфликт основан на имущественных притязаниях, Домажиру не может быть безразлично, как его сестра распорядилась своей долей перед смертью. Известно по многочисленным новгородским актам и свидетельствам писцовых материалов, что приданое жены сохраняло юридическую независимость от мужа, а при наследовании земель и имущества детьми после смерти их отца у жены оставалась ее вдовья доля, принесенная в семью мужа как приданое.

Убеждает в правильности такого истолкования письма его заключительная фраза: если не сделаешь того, на чем я настаиваю, то я передам тебя святой богородице, перед которой ты приносил присягу. Очевидно, что имущественные права жены были публично признаны Яковом заключением им официального договора в церкви Богородицы.

Иные варианты понимания документа основаны на допущениях. Слово *ю*, например, могло относиться не к предыдущей фразе, а к той позиции письма, где Домажир настаивает на присылке к нему сестры. Однако эта позиция слишком далеко отстоит от рассматриваемой фразы. Слово *ю* также могло быть ошибочно написано вместо *и* (его), указывающего на сына, которого Домажир обязуется вернуть в город. Но в таком случае санкции, которыми Домажир угрожает Якову, приобретают немотивированный характер: отказ «попровадить» собственную жену к ее брату Домажиру или в присылке на время к Домажиру его племянника, т. е. сына того же Якова, никак не может быть поводом для обвинения Якова в нарушении какой бы то ни было клятвы.

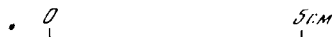
Упоминание в грамоте роты (присяги, клятвы) у св. Богородицы требует некоторых замечаний. Рота как сугубо языческий обряд преследовалась церковными запретами. Можно привести тексты, прямо свидетельствующие об этом. В Паисиевском сборнике конца XIV — начала XV в.: «И святую церковь, невесту Христову, ротю скверняще»; в Пандектах Антиохийских XIV в.: «На роту попу

1. ПОКЛ. НА ИМЕНЕ ЖДОМА ЖИРАКОВА КОРОВАУТ ВЕСЛ. ШОУ ЧЕ Т. Т. З. МОЛО В. Н. ШЕ. О. ЧЕ. Т. О. Б. Е. Н. Ъ. Р. А. Е. Н. А. П. О. Р. П. Р. О. В. А.
 2. ДНЕСКОМОНЕСЕСТРВАУЗБЗЛЕКОБАЛОННАДЕАНДЕАНЗНЕБЗХОПСОЛЛЕВАНЗНЕКШОБОЛЕНОУДЕСТАУЕЦЕНБ
 ПОЕИМЕ ТЕАПРСОЛНСНОКОМОНЕСОЕУМАТЕБОМОТЕПО БОУДЕСЗНОУМЕНААААНПОТЕШОУНПОСО
 ЛЕЮОПАТЕВОГОРОДОПАКЗЛНЕСУПРАВНШЕТОГОДАТАПЕРЕДАМОСВАТЕЕБОГОРОДНЧЕКОНЕСЕЖЕСНТА
 ХОАНЛЕРОТЕ

Прорись грамоты № 705

1. П. П. Н. Л. О. С. Т. А. К. О. З. А. Ж. А. Р. Н. П. У. Е. Л. Ж. К. Е. Н. Е. П. Р. О. Д. А. С. Л. Л. Е. П. О. Т. О. С. Н. И. С. А.
 2. П. П. О.

Прорись грамоты № 706

1. Х. П. О. К. Л. О. Х. О. Б. К. Л. Н. Д. А. Т. Ъ. К. О. С. Н. П. У. В. О. Д. А. Н. П. О. Л. О.
 2. П. П. О.

Прорись грамоты № 707

не достоин водити»; в «Собрании слов на св. четыредесятницу и на воскресные дни целого года» XVII в.: «Се бо вам не ротница создана, но молитве дом» (см. словарь Срезневского). Тем не менее мы видим в документе конца XII — начала XIII в. прямое свидетельство совмещения языческой «ротницы» и «дома молитвы», что представляется небезынтересным для характеристики мировоззренческой атмосферы эпохи. Под «святой Богородицей» возможно понимать Благовещенский монастырь, основанный в 1170 г.¹³⁹ и бывший позднее кончанским монастырем людинцев. Других богородичных церквей в Людином конце вплоть до первой половины XIV в. не было.

Якову в комплексе берестяных грамот Троицкого раскопа была адресована грамота № 627, происходящая из слов второй половины XII в. В ней ее автор Гюргий упрекает Якова в том, что тот забыл его «добродеяние». Представляется логичным идентифицировать Якова комментируемого документа с адресатом грамоты № 627. А. А. Зализняк высказал предположение, что он отождествляется с Яковцем Прокшиничем, убитым югрой по навету Савки в 1194 г.¹⁴⁰ Действительно, Прокше была адресована грамота № 664, найденная на усадьбе З в слоях второй половины XII в., т. е. в хронологическом уровне, вполне соответствующем этому предположению: Яковец (Яков), в самом деле, мог быть сыном именно этого Прокши. В комментарии к грамотам № 548 и 604 обосновывалась связь всей известной по летописному рассказу группы участников похода 1194 г. с раскапываемыми усадьбами Троицкого раскопа¹⁴¹. Кроме Яковца Прокшинича летопись называет убитых на возвратном пути самими участниками похода по подозрению в измене Сбышку Волосовича, Завида Негочевича и Моислава Поповича. Моиславу адресована грамота № 548 из слов рубежа XII—XIII вв. поповской усадьбы А. Сбыслав упоминается в грамотах № 550 второй половины XII в. и № 671 конца XII — 20-х годов XIII в., а Волосу адресована грамота № 604 из слов третьей четверти XII в. Завид — адресат грамоты № 665, найденной в слоях второй половины XII в. Не идентифицируется ли с его отцом Нежко грамоты № 683, извлеченной из напластований того же времени?

Что касается Домажира, то в летописном рассказе о восстании против Мироскиничей 1207 г. среди изгоняемых из Новгорода членов их клана назван Овстрат Домажирич¹⁴², который потом вместе с его сыном Луготой в 1216 г. был убит пружанами и свергнут «в греблю мъртв»¹⁴³, а под 1230 г. упомянут Станила, «брат Домажиров, иконнаго писца»¹⁴⁴. Летопись знает также Домажира Торлиничя, погибшего в 1224 г.¹⁴⁵ Некий Домажир был автором грамоты № 233, найденной на Неревском раскопе в слоях второй половины XII — начала XIII в., Домажир и Домажирович фигурируют в грамоте № 510, обнаруженной на Козмодемьянском раскопе в слоях конца XII — первой половины XIII в., а Домажирович — также в тверской берестяной грамоте № 1 того же времени.

Грамота № 706

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 858, на уровне пласта 1 (глубина 0,16 м), в напластованиях усадьбы М. Это целое письмо, текст которого написан в двух строках:

Ъмилостакозахарихомелаженепродасамепотоснисѧ
семо.

¹³⁹ Там же. С. 33, 222.

¹⁴⁰ Там же. С. 233. Савка был жителем Ярышевой улицы (Там же).

¹⁴¹ См. также: Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники, 1980 г. М., 1981. С. 173—174.

¹⁴² НПЛ. С. 51, 249.

¹⁴³ Там же. С. 54, 253, 446.

¹⁴⁴ Там же. С. 277.

¹⁴⁵ Там же. С. 61, 264.

Длина 29,8 см, ширина 1,5 см.

Стратиграфическая дата: 40-е — 80-е годы XIII в.

Текст разделяется на слова следующим образом:

☞ Милоста ко Захари. Хомела же не прода(и), а саме потоснисл семо.

Милост приказывает Захарию не продавать «хомела», а самому поторопиться сюда.

Еще одно письмо Милоста к тому же Захарию представлено грамотой № 709. Оба документа совместно комментируются ниже.

Грамота № 707

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1088, на уровне пласта 2 (глубина 0,22—0,31 м), в напластованиях усадьбы П. Это начало письма, сохранившегося на всю длину берестяного листа:

✕ по : кло : но : Ѡ : кли : мать : ко : си : пу : во : да : и : по : ло :
гри : в[не : с]р[е : б]ра : по : це : тве : рта : [з] === [тни] : ка : пе
===== [о]

Длина 28 см, ширина 2,1 см.

Стратиграфическая дата: 40-е — 80-е годы XIII в.

Грамота (с конъектурами) так разделяется на слова:

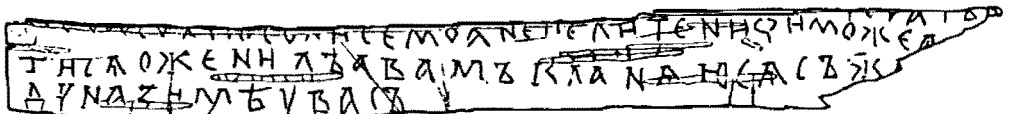
Поклоно Ѡ Климать к Осипу. Водаи поло гривне сребра, по(ло) цетверта з(оло)тника пе(рцю?) ...

Климья просит Осипа дать полгривны сребра и три с половиной золотника (т. е. около 15 г) пе(рца?). Конъектура *пе(рцю)* предполагается по сохранившимся начальным буквам слова и на том основании, что золотник как весовая единица использовался для измерения наиболее ценных материалов, к числу которых относился и перец. Гривенка перца входила в состав таможенной пошлины низовских гостей, как об этом свидетельствует «Рукописание князя Всеволода»¹⁴⁶.

Грамота № 708

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 848, на уровне пласта 2 (глубина 0,20—0,40 м), в напластованиях усадьбы М. Это фрагмент письма, не сохранившего верхние строки и правый край:

===== посолисемоанепелитеничиможеа ===
тисложенилтвавамъкланяюсасъж =====
дуназимъбувасъ

Прорись грамоты № 708

¹⁴⁶ Там же. С. 508.

Длина 20 см, ширина 1,8 см.

Стратиграфическая дата: 40-е — 80-е годы XIII в.

Грамота делится на слова следующим образом:

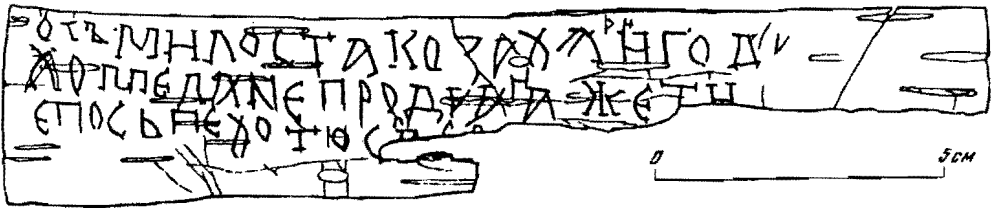
... посоли семо, а не пелите ничимо же. А ... ти сѧ ожениль. А вамъ кланяюся съ ж(енюю?) ... (бу)ду на зимѣ у васъ.

В сохранившейся части письма отражены два сюжета. Первая часть содержит просьбу прислать что-то, что ни в коем случае не следует «пелить», т. е. пялить, распяливать. Вероятнее всего, речь идет о сырых шкурах или, возможно, о сукнах, которые пялят после окраски. Вторая часть письма — сообщение о женитьбе, по-видимому, самого автора, который приветствует адресата вместе с женой (?) и, как кажется, извещает о своем намерении приехать зимой.

Грамота № 709

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 847, на уровне пласта 2 (глубина 0,20—0,40 м), в напластованиях усадьбы М. Это почти целое письмо, фрагментированное лишь в конце его последней, третьей строки:

отъ.милостакозаха^{ри}годи
хомеланепрода^иажети
епосьпехотоса =====

Прорись грамоты № 709

Длина 16,8 см, ширина 3,4 см.

Стратиграфическая дата: 40-е — 80-е годы XIII в.

Грамота делится на слова следующим образом:

Отъ Милоста ко Захарии. Годи, хомела не продаи. Аже ти е по съпехо, то са...

В тексте вставлены над строкой пропущенные буквы: *ри* в слове *Захарии*, *и* в слове *продаи*. Исправлены буквы: *х* в *хомела* написано поверх первоначального *а*, *о* в *то* — поверх первоначального *и*.

Как уже отмечено, грамоты № 709 и 706, — написанные одним почерком, — исходят от Милоста и адресованы Захарии. Обе они посвящены одному и тому же сюжету. В грамоте № 709, посланной ранее грамоты № 706, содержится распоряжение «годить», подождать, и «хомела» не продавать. Если же Захарии необходимо это сделать неотложно (*по съпехо*, «к спеху», «спешно»; ср. современное *позарѣз*), то предлагается какой-то иной вариант, остающийся нам неизвестным из-за дефектности грамоты. В грамоте № 706 это распоряжение настойчиво повторено (на повторение указывает частица *же* во фразе *хомела же не продаи*) с требованием поспешить к Милосту.

Имена с суффиксом *-остъ* (типа *Милостъ*, *Добростъ*) характерны для старопольского, а на восточнославянской территории почти неизвестны (из редких исключений можно отметить деревню *Доброст* в Деревской пятине¹⁴⁷). Вероятным

¹⁴⁷ НПК. СПб., 1859. Т. 1. Стб. 741.

толкованием слова *хомела* является «хмель», хотя в известных текстах это слово всегда имеет мягкое окончание.

Находкой грамот № 706 и 709 продемонстрирован редчайший случай обнаружения писем, написанных одним человеком и адресованных одному и тому же лицу.

Грамота № 710

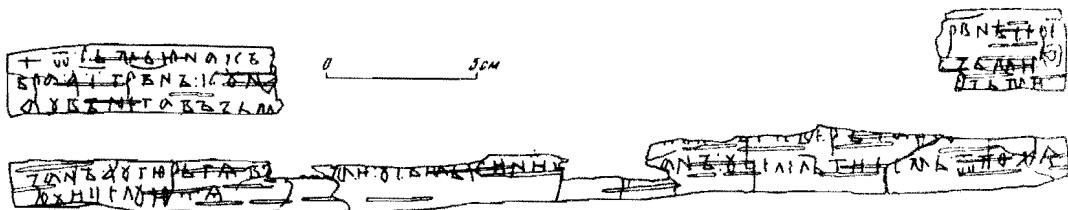
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1039, на уровне пласта 3 (глубина 1,47—1,51 м), в напластованиях усадьбы И. Документ сохранился в трех не соединяющихся между собой фрагментах, два из которых соответствуют верху письма, но один происходит из левого, а другой из правого края. Третий фрагмент является низом письма и сохранился на всю длину берестяного листа. Сопоставление обрывков позволяет установить, что в утраченной средней части верха документа в каждой строке было около сорока знаков. Верхние фрагменты сохранились на ширину трех строк:

+Ѡсьмянакъд ===== рѠнѣсере
 бра : а : ѣгрѠнѣ : к Ѡн ===== ѡзьми :
 а Ѡвѣнегавъзм ===== [ъ]зьми :

Длина левого фрагмента 8,9 см, ширина 2,2 см; длина правого фрагмента 4,3 см, ширина 2,5 см.

На нижнем фрагменте частично уцелела третья снизу строка, почти полностью вторая и целиком короткая третья:

==== [по]л[ъ]ц[ет]веръ[т]ад[ес] ==== [р] =
 занъ.а Ѡгюрьгавъзм : Ѡсьмъкиниц == [р] = [з]анъ : ѠцелельтисемъѠпожр
 р Ѡцелъютъ

Прорись грамоты № 710

Длина 35,7 см, ширина 2 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в.

Текст разделяется на слова следующим образом:

+Ѡсьмяна къ Д... (г)р(и)внѣ серебра а 10 гр(и)в(е)нъ к Ѡн(ъ) ... (в)зьми.
 А Ѡвѣнега възм(и) ... (в)зьми ... полъ четверъта дес(а)те р(е)занъ. А Ѡ
 Гюрьга въз(ь)ми Ѡсьмъкиниц(а) ... р(е)занъ. Ѡцелель ти емъ Ѡ пожар Ѡ.
 И целъютъ.

Автор письма Семьон уже известен нам по грамоте № 685, в которой он был адресатом Доманега. Если в грамоте № 683 правильно чтение *Воньгоу* (а не *въ Оньгоу*) тогда в ней назван тот же Вонег, что и в комментируемом документе. Некоторые соображения могут быть высказаны по поводу возможной даты письма. В районе обнаружения грамоты № 710 летопись упоминает несколько пожаров. В 1194 г. «зажъжеса пожар Новегороде в неделю на Всех святых, в говение, идуче в заутрънюю: загореса Савъкине дворе на Ярышеве улици, и баше пожар зъл, съгореша церкъви 3: святого Василия, святяя Троиця, святого

Въздвижения, и много домов добрых; и уяша у Лукини улицы»¹⁴⁸. В том же году «в Людини коньци погоре дворов 10»¹⁴⁹. В 1207 г. во время восстания новгородцы «Мирошкин двор и Дмитров зажьгоша», а в 1210 г. «бысть пожар велик: загореся на Радятине улици и съгоре дворов 4000 и 300, а церкви 15»¹⁵⁰. Представляется вероятным, что в грамоте говорится о пожаре 1194 г.

Наиболее замечательным обстоятельством, связанным с грамотой № 710, является совпадение ее почерка с почерком грамоты № 664. Между тем, если грамота № 710 исходит от Семьюна, то автором грамоты № 664 назван Доброшка. Последний был также автором грамоты № 665, написанной иным почерком. Из этого сопоставления возникает вывод о том, что грамоты № 664 и 710 писаны не названными в них авторами посланий, а рукой писца. Бросается в глаза его профессионализм, проявляющийся в особенностях почерка, тяготеющего к книжной графике. Книжной по преимуществу характеризуется и система его письма, почти лишенная новгородских диалектизмов.¹⁵¹

¹⁴⁸ НПЛ. С. 41, 233.

¹⁴⁹ Там же. С. 41, 234.

¹⁵⁰ Там же. С. 51, 52, 248, 250.

¹⁵¹ В 1991 г. при продолжении раскопок были найдены еще два фрагмента этой грамоты, благодаря чему она собралась почти целиком. Текст грамоты № 710 в более полном виде будет опубликован в следующем томе настоящего издания.

УКАЗАТЕЛЬ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ
К ТОПОГРАФИЧЕСКИМ
И ХРОНОЛОГИЧЕСКИМ КОМПЛЕКСАМ

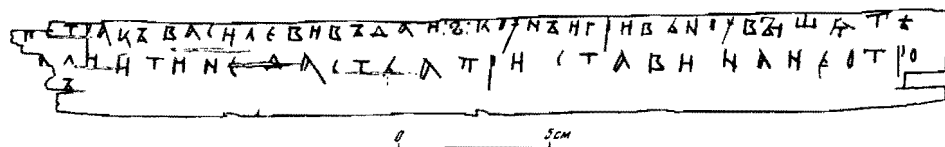
- Начало XV в.— начало 20-х годов XV в.
Усадьба П: 692.
- 90-е годы XIV в.— начало 20-х годов XV в.
Усадьба П: 693.
- 80-е годы XIV в.— начало XV в.
Усадьба П: 694.
- 60-е годы XIV в.— начало XV в.
Усадьба Г: 618, 622; усадьба З: 619, 623.
- 60-е — середина 90-х годов XIV в.
Усадьба И: 698—699; усадьба М: 687; усадьба О: 689; усадьба П: 696, 697.
- 60-е — 70-е годы XIV в.
Усадьба П: 701, 702
- Конец 30-х — 80-е годы XIV в.
Усадьба Г: 625; усадьба М: 690; усадьба П: 691.
- Середина 80-х годов XIII в.— 30-е годы XIV в.
Усадьба З: 629.
- 70-е годы XIII в.— 30-е годы XIV в.
Усадьба О: 703.
- 60-е годы XIII в.— рубеж XIII—XIV вв.
Усадьба З: 636, 645, 646.
- 40-е — 80-е годы XIII в.
Усадьба Ж: 615, 617; усадьба З: 634; усадьба М: 706, 708, 709; усадьба П: 707.
- Первая половина — середина XIII в.
Усадьба Л: 695; усадьба П: 704.
- 10-е — 40-е годы XIII в.
Усадьба Ж: 616.
- 10-е — 20-е годы XIII в.
Усадьба М: 628.
- Середина 90-х годов XII в.— конец 20-х годов XIII в.
Усадьба Г: 671; усадьба И: 648, 649, 650, 651, 652; усадьба О: 705.
- Середина 50-х годов XII в.— конец 20-х годов XIII в.
Усадьба И: 643.
- Середина 90-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.
Усадьба И: 658.
- Середина 50-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.
Усадьба Г: 654; усадьба Ж: 621, 626; усадьба З: 620, 664, 669, 670, 674; усадьба И: 641, 653, 660, 661, 663, 666, 668.
- 40-е годы XII в.— начало 10-х годов XIII в.
Усадьба Г: 655; усадьба И: 639.
- Середина 50-х — середина 90-х годов XII в.
Усадьба Г: 657, 659; усадьба Ж: 627; усадьба З: 624, 665, 675, 676; усадьба И: 638, 640, 662/684, 667, 672, 681, 682, 683, 685, 686, 688; усадьба П: 710; усадьба Р: 700.
- 40-е — середина 90-х годов XII в.
Усадьба Г: 677; усадьба И: 647, 656.
- Конец 20-х — середина 90-х годов XII в.
Усадьба И: 637, 642.
- Конец 20-х — середина 50-х годов XII в.
Усадьба Г: 679; усадьба З: 630; усадьба И: 678.
- Конец 20-х — начало 40-х годов XII в.
Усадьба Е: 635; усадьба З: 680.
- 10-е — начало 40-х годов XII в.
Усадьба Ж: 631, 632, 633, 673.
- 10-е — 20-е годы XII в.
Усадьба Е: 644.

СТАРАЯ РУССА

Грамота № 15

Найдена на раскопе 15, в квадрате 11, на уровне пласта 19 (глубина 3,60—3,80 м). Это практически целое письмо, утратившее лишь небольшой фрагмент в левой части. Текст написан в три строки:

= петракъвасилевивъдаи:г :коунъигривьноувышатѣ
али тинедастьаприставина ньотро
= ъ

Прорись старорусской грамоты № 15

Длина 31,1 см, ширина 3,2 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XII в.

Грамота делится на слова следующим образом:

(**W**) Петра къ Василеви. Въдаи 6 коунъ и гривьноу Вышатѣ. Али ти не дасть, а пристави на нь отро(к)ъ.

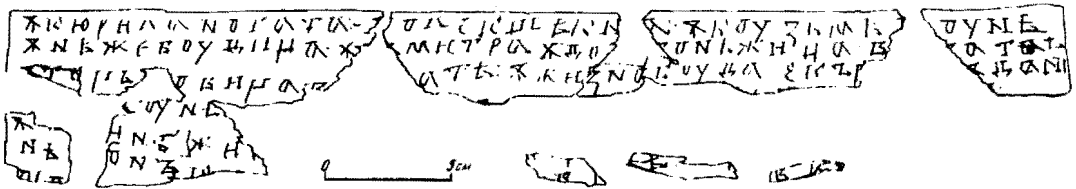
Между словами *али* и *ти* — две вертикальные черты, напоминающие букву *и* или *н* без горизонтальной черты. Если это недописанное *и*, начало соответствующей фразы следовало бы читать: *Али и ти не дасть*, т. е. «Если не даст идти (куда-то)». Однако вероятнее здесь видеть какую-то неисправленную неудачную попытку.

Петр приказывает Василию дать Вышате 6 кун и гривну. Если же Вышата чего-то не даст, то на него нужно приставить отрока. «Отрок» в данном случае, как это очевидно из контекста, — должностное лицо, судебный исполнитель, бирич. Между Петром и Вышатой существует имущественный конфликт. По-видимому, Петр был должен Вышате указанную сумму, добываясь возврата которой Вышата захватил какое-то имущество Петра. Если Василий, уплатив долг Вышате, не добьется возвращения этого имущества, то на него нужно послать отрока.

Грамота № 16

Найдена на раскопе 15, в квадрате 23, на уровне пласта 19 (глубина 3,80 м). Это начало письма, сохранившееся в четырех крупных и нескольких мелких фрагментах с небольшими утратами между ними:

жкюриланогата: ~ жолекшѣкна: жкоузьмѣ. [г]-оунѣ
 жнѣжебоудица. ж[дѣ]митраждо= [г]онѣжица. в= [г]атѣ
 жтоць= овица. в= = = атѣ: ж ~ изнобоуда. г кър= = ж дані
 = = = оунѣ= = = = =
 ж= = = ин-жи= = =
 нѣ= онѣк= = =

Прорись старорусской грамоты № 16

Длина 42,3 см, ширина 6,9 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XII в.

Грамота разделяется на слова (с очевидными конъектурами) следующим образом:

Ж Кюрила ногата. Ж Олекшѣкна. Ж Коузьмѣ 3 (к)оунѣ ж Нѣжебоудица.
 Ж (Дѣ)митра ж До(ро)гонѣжица 2 (но)гатѣ. Ж Тоць(к?)овица 2 (но)гатѣ. Ж
 Жизнобоуда 6 кър(чагъ?). Ж Дані (лѣ) ... (к)оунѣ...

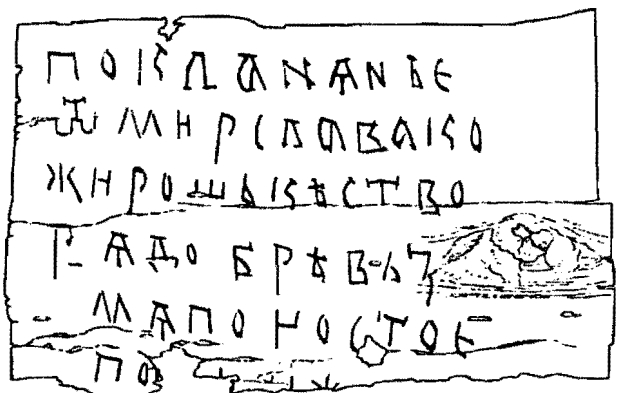
В конце второй строки сначала было написано (но)гата, но затем второе а зачеркнуто, а после него написано ѣ. При обозначении долга Жизнобуда на месте цифры стоит знак, напоминающий скорописное Е, который может быть трактован как г.

В списке должников встречаются и христианские (Кюриль, Олекша, Коузьма, Дѣмитръ, Данила), и языческие (Нѣжебоудиць, Дорогонѣжиць, Тоцьковичь или Тоцьновиць, Жизнобудъ) имена. Последние — кроме Жизнобуда (см. новгородскую грамоту № 607) — в ранее известных текстах не зафиксированы, но все образованы по известным славянским моделям.

Грамота № 17

Найдена на раскопе 15, в квадрате 18, на уровне пласта 17 (глубина 3,35 см). Это начало письма, сохранившего полностью пять строк:

покланяне
 ѿмирславако
 жирощѣство
 радобрѣвѣз
 мапоцостое
 по= [и]ж= = =

Прорись старорусской грамоты № 17

Длина 11,1 см, ширина 7,1 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XII в.

Грамота делится на слова следующим образом:

Поклананье Ѡ Мирслава ко Жирошькѣ. Сътвори добрѣ, възма поцостое, по(ед)и ж(е)...

Сътвори добрѣ — вежливый оборот, равнозначный выражению «пожалуйста», уже не раз встречавшийся в берестяных грамотах (новгородские № 9, 87, 613, витебская берестяная грамота). *Поцостое* — вероятно, вариант слова «почестье». Мирослав просит Жирошку, куда-то поехать (или пойти), взяв почестье (этим термином обозначалась разновидность подати). Обращает на себя внимание написание имени Мирослав без буквы о. Точно так же оно изображено в новгородской грамоте № 502 (Ѡ Мирслава к Олисьеви ко Грициноу), автором которой был посадник Мирошка Нездинич.

Грамота № 18

Найдена на раскопе 15, в квадрате 17, на уровне пласта 17 (глубина 3,20—3,40 м). Это конец записи:

====авицаг.рѣзанѣ:ж ж = [р]====
= рѣзана. жхрапар-зана

Длина 37,7 см, ширина 5,7 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XII в.

Грамота разделяется на слова следующим образом:

...авица 3 рѣзанѣ. Ж Ж(и)р... рѣзана. Ж Храпа р(ѣ)зана.

Документ написан тем же почерком, что и грамота № 16.

Грамота № 19

Найдена на раскопе 15, в квадрате 16, на уровне пласта 18 (глубина 3,60 м). Это практически целый — с утратами лишь в последней строке — документ:

оумилагривена:оумихалагривен[а]:оуильикѣдвовѣгрѣвенѣ оукоснилѣ
довѣ :оуклопоушѣ довѣ грѣвенѣ:оуаринѣ гривена:оупоутилѣ гривена
====ивена: оуоснови[д]ѣгривена: оунѣговитаполо====

Длина 44,2 см, ширина 4,9 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XII в.

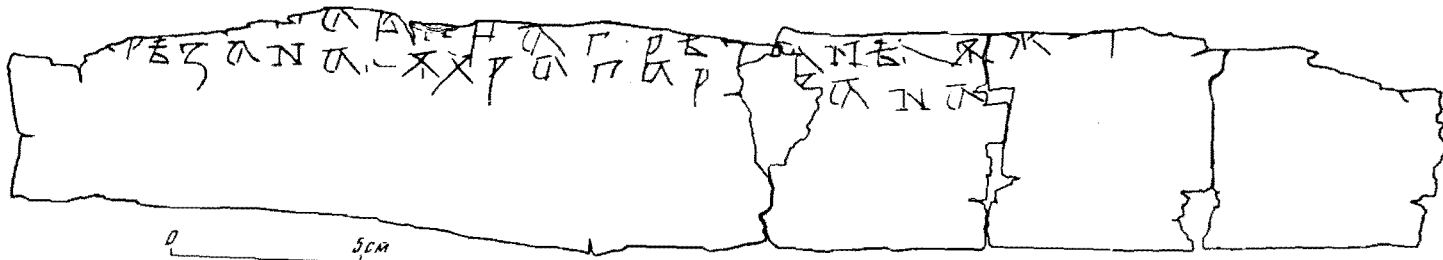
Грамота делится на слова следующим образом:

Оу Мила гривена. Оу Михаль гривена. Оу Илыкѣ двовѣ грѣвенѣ. Оу Коснилѣ
довѣ. Оу Клопоушѣ довѣ грѣвенѣ. Оу А ринѣ гривена. Оу Поутилѣ гривена...
(гр)ивена. Оу Сновидѣ гривена. Оу Нѣговита поло...

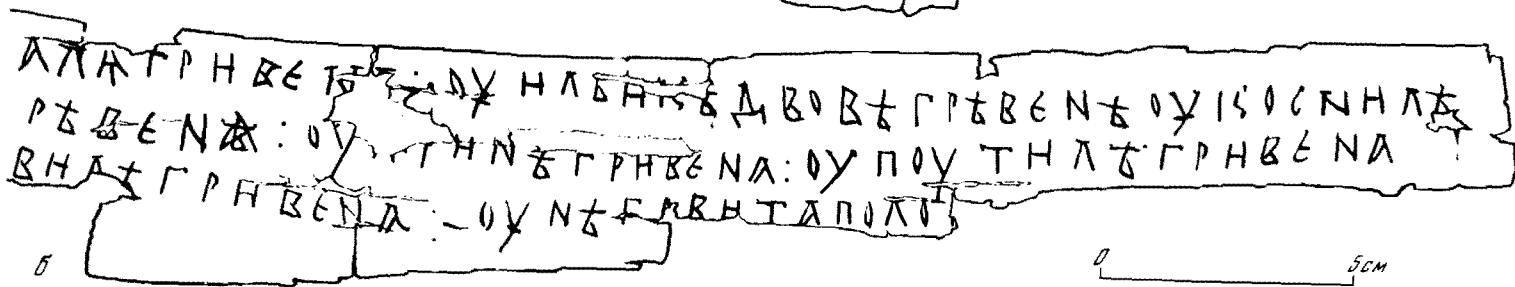
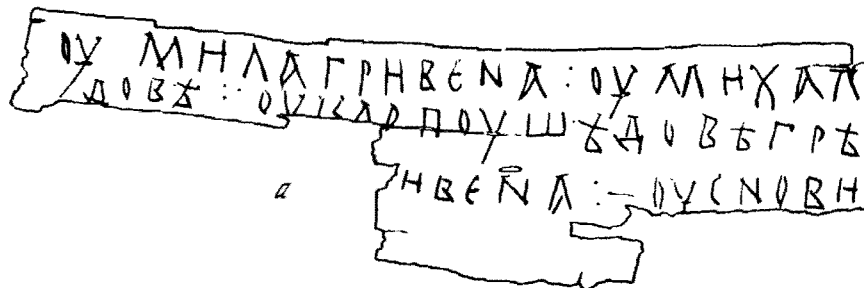
Вместо *Сновидѣ*, может быть, следует читать *Сновилѣ*.

Во второй строке в слове *грѣвенѣ* в конце было сначала написано *а*, переправленное затем на *ѣ*.

Снова мы наблюдаем сочетание христианских (*Михаль*, *Илейка*) и языческих (*Миль*, *Коснила*, *Клопоуша*, *Ярина*, *Путила*, *Сновида* или *Сновила*, *Нѣговитѣ*) имен, из числа которых было известно только имя *Путила*.

Прорись старорусской грамоты № 18

Прорись старорусской грамоты № 19

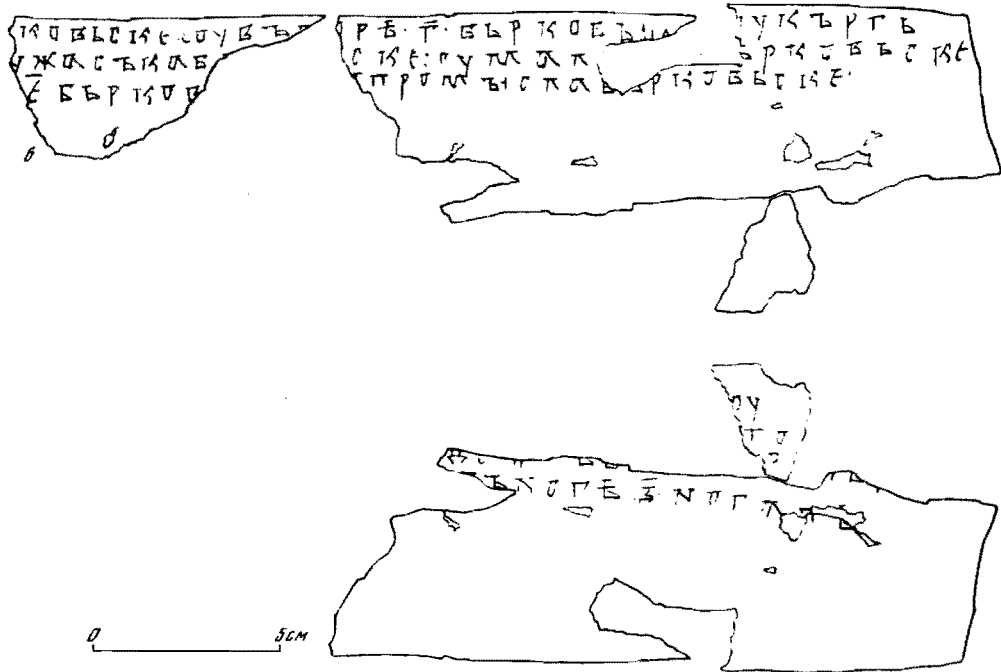
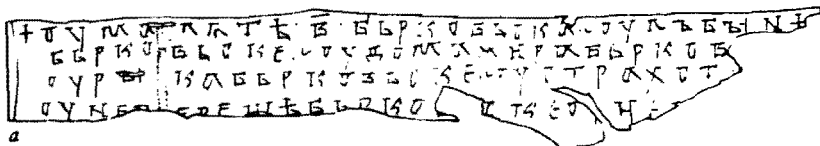
Грамота № 20

Найдена на раскопе 15, в квадрате 21, на уровне пласта 18 (глубина 3,60 м). Это запись, сохранившаяся в трех крупных фрагментах, основная часть которой написана в четыре строки на внутренней стороне берестяного листа:

+оумалатѣ.в. бърковьска. оульбынѣ ===== ковьске. оувѣ=[о]рѣ г.бърковьск =оу-
къргь бърковьске. оудомажирабърков =====ужаськаб=====ске.оумал =
=====ьковьске оурыкабърковьске. оустрахот=====ёбърков =====
[у]промыслабърковьске: оуне = ерешѣбърко =скеоуце =

На внешней стороне листа, при повороте его на 180°, видна сильно фрагментированная запись, в которой читается конец:

==ьногѣ.в.ногатѣ

Прорись старорусской грамоты № 20

а — внутренняя сторона; б — внешняя сторона

Длина 49,5 см, ширина 5,3 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XII в.

Грамота разделяется на слова следующим образом:

+ Оу Малатѣ 2 бърковьска. Оу Лъбынѣ (бър)ковьске. Оу Въ(з?т?)орѣ 3 бърковьск... Оу Къргь бърковьске. Оу Домажира бърков(сь)ске). (О)у Жаська б(ьрков)ьске. Оу Мал... (б)ърковьске. Оу Рыка бърковьске. Оу Страхот... 5 бърков(сь)къ. О)у Промысла бърковьске. Оу Не(-)ерешѣ бърко(вь)ске. Оу Це...

На оборотной стороне:

...ногѣ 2 ногатѣ

Грамота замечательна не только тем, что сообщает множество незафиксированных ранее имен (*Възора* или *Вѣтора*, *Кърга*, *Жасъко*, *Рыкъ*, *Промысль*), но и тем, что упомянутый в ней *Лъбына* ранее был встречен в старорусской грамоте № 5 первой половины XII в. Некоторые из названных в комментируемом документе имен были известны в берестяных текстах: *Малята* — в новгородской грамоте № 688, *Домажир* (и *Домажировиць*) — в грамотах № 233, 510, 705 и в тверской грамоте № 1. С именем *Страхот...* ср. *Страхонъ* в грамоте № 348. Последнее сохранившееся имя восстанавливается неоднозначно: *Непереша*, *Небереша* или *Невереша*.

Старорусская грамота № 20 является важным свидетельством о ранней добыче соли в Русе: фигурирующие в ней берковцы служили мерой измерения соли.

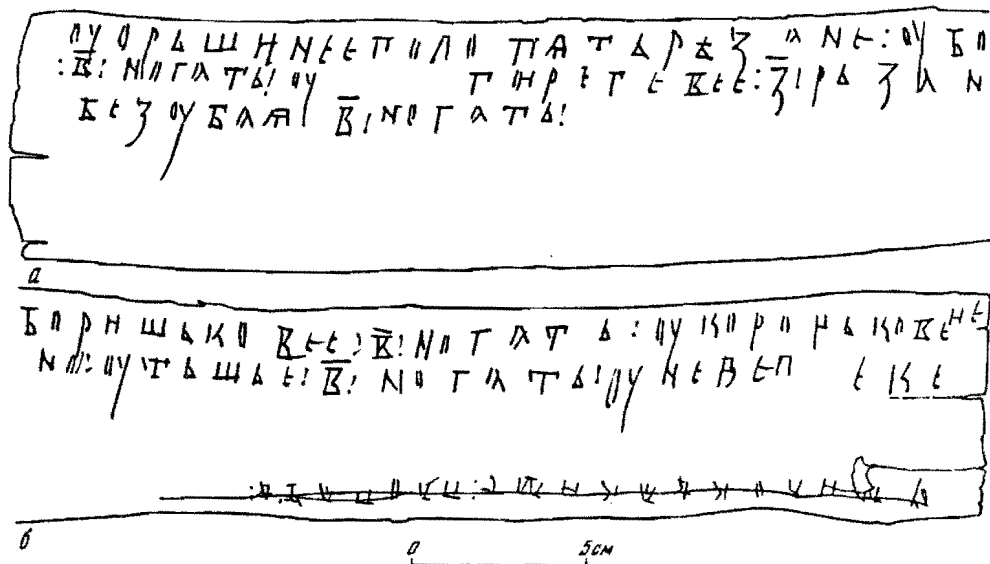
Грамота № 21

Найдена на раскопе 15, в квадрате 17, на уровне пласта 19 (глубина 3,63 м). Это целая запись в три строки:

оуорышинепоплатърѣ зане:оуборишьковее:ѡ:ногать:оукороцькове^{не}
:ѡ:ногать:оугюрегевее:ѡ:ръзано:оутьшье:ѡ:ногать:оунеделеке
безоубаа:ѡ:ногать:

При повороте листа на 180° читается еще одна — персчеркнутая длинной чертой — строка:

оумилокѣажиме:платѣ :

Прорись старорусской грамоты № 21

Длина 54 см, ширина 7 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XII в.

Грамота разделяется на слова следующим образом:

Оу Орышинее поло пать рѣзано. Оу Боришковее 2 ногать. Оу Короцьковее 2 ногать. Оу Гюрегевее 7 рязано. Оу Тышь 2 ногать оу Неделеке. Безоубаа 2 ногать.

Зачеркнутое: Оу Милокѣ Якиме п(о)ло патьѣ.

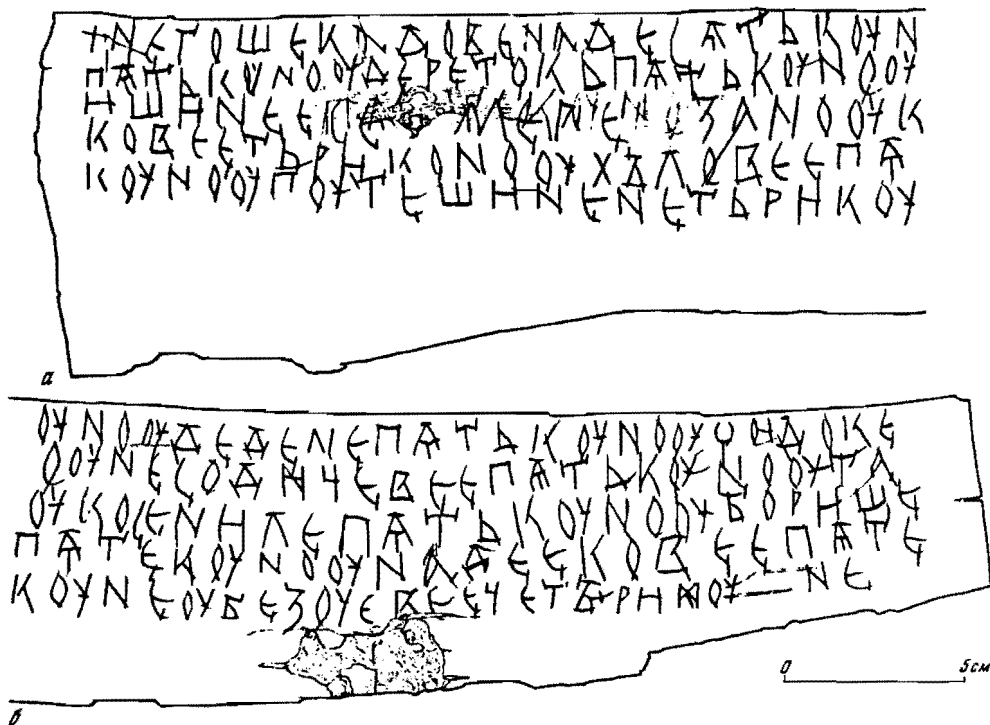
Особенность этой грамоты состоит в том, что в качестве должников в ней выступают женщины: Орышина — жена Орыши, Боришковая — жена Боришка (Бориса), Корочковая — жена Корочка, Гюргевая — жена Гюргия, Тешая — жена Теха (она названа, кроме того, еще и по имени — Неделька). Безубая — прозвище последней должницы.

В зачеркнутой записи упоминаются Милка и Яким; но запись эта осталась незаконченной, поэтому ее смысл не вполне ясен.

Грамота № 22

Найдена на раскопе 15, в квадрате 22, на уровне пласта 19 (глубина 3,60—3,80 м). Это целая запись в пять строк:

+негошекадовенадесатькоунооудеденепатькоунооучюдоке
 патькоунооудеретокъпатькоунооунесодицевепатькоунооута
 ишинеесемерезанооукосенилепатькоунооуборише
 коветьрикоуноохъловепатекоунооунадеековеепате
 коунооупоутешиненетьрикоунооубезоуевеецетырикоуне

Прорись старорусской грамоты № 22

Длина 49,5 см, ширина 10,4 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XII в.

Грамота делится на слова следующим образом:

+ Негошека дове на десять коуно. Оу Дедене пать коуно. Оу Чюдоке пать коуно. Оу Деретоць пать коуно. Оу Несодицевее пать коуно. Оу Тайшинее семе резано. Оу Косениле пать коуно. Оу Боришковее тыри коно. Оу Хьловее пате коуно. Оу Надееквоее пате коуно. Оу Поутешинене тыри коуне. Оу Безоуевее цетыри коуне.

Слова *семе резано* в третьей строке написаны по первоначальному *пате коуно*. Исправлены также буква *и* (из *н*) в слове *Несодицевее* (вторая строка) и буква *к* (из *н*) в слове *коуне* (последнее слово грамоты).

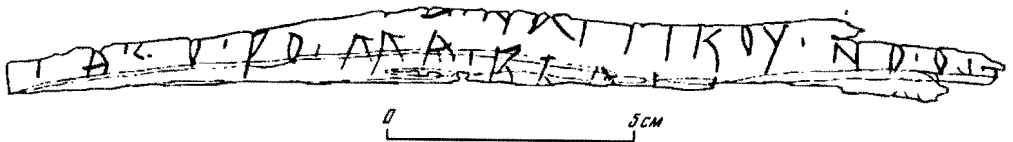
Здесь снова в качестве должников представлены женщины: Несдичева — жена Несдича, Тайшиная — жена Тайши, Боришковая — жена Боришка (она упомянута и в грамоте № 21), Хьловая — жена Хыла (вероятно, *ъ* здесь заменяет *ы*; но не исключено также, что это имя Холовая — от Холь), Надейковая — жена Надейка, Путьшиная — жена Путьши (ее имя написано в тексте с ошибкой: *Поутешинене* вместо *Поутешинее*), Безуевая — жена Безуя; имя Безуй известно в отнесенной к XI в. надписи-граффито в киевской Софии¹⁵⁰. Вероятно, женскими являются также имена Чудка и Дертка (Деретка). Имена Негошка, Дедена (или Деденя) и Коснила могут быть как мужскими, так и женскими. Имя Коснила было встречено и в грамоте № 19.

Представленные здесь имена, за исключением имени Боришковая (и, возможно, также имени Коснила) — языческие.

Грамота № 23

Найдена на раскопе 15, в квадрате 23, на уровне пласта 19 (глубина 3,65 м). Это небольшой обрывок:

==вна[иі]коу.но.о[ут]====
=дк=.о.ро.ма.вь=====

Прорись старорусской грамоты № 23

Длина 20,2 см, ширина 1,5 см.

Стратиграфическая дата: XII в.

Первая строка грамоты может быть разделена на слова следующим образом:

...(гри)вна и 10 коуно. Оу Т...

Членение второй строки гадательно; можно только предположительно выделить слово *ма* — «меня».

¹⁵⁰ *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI—XVII вв.). Киев, 1976. С. 25. № 102.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ НАДПИСИ НА БЫТОВЫХ ПРЕДМЕТАХ

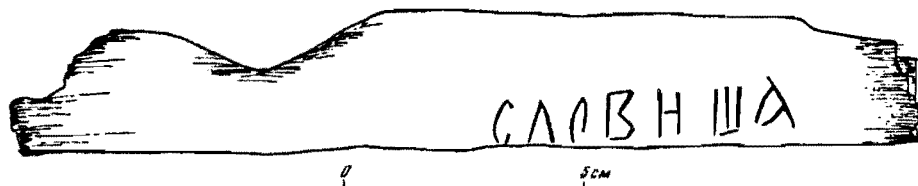
Надписи из новгородских раскопок эпизодически публиковались в корпусе «Новгородские грамоты на бересте». В томе, посвященном находкам 1951 г., опубликованы девять таких надписей из раскопок 1947, 1948 и 1951 гг., в томе за 1953—1954 гг. издана цера с вырезанной на ней азбукой из раскопок 1954 г., в томе за 1977—1983 гг. — восемь надписей на счетных бирках из раскопок 1952, 1955, 1960, 1973 и 1980 гг. ¹ Всего, таким образом, в научный оборот было введено 18 надписей. Публикуя здесь группу владельческих надписей на предметах и имея в виду необходимость в дальнейшем продолжения систематического сбора подобных материалов, мы переводим их свод в единую нумерацию. Владельческие надписи сгруппированы в два разряда: 1. Полные; 2. Сокращенные или фрагментированные. Однобуквенные надписи в обзор не включены. Прориси надписей № 20—25 выполнены В. И. Поветкиным, № 26—28, 30, 32, 36, 37, 39—41 — М. Н. Кисловым, № 19, 31, 33, 35, 38, 42 — Е. Ю. Пухначевой.

1. ПОЛНЫЕ НАДПИСИ

Надпись № 19

Найдена в 1975 г. на Троицком раскопе, в квадрате 98, на уровне пласта 16 (глубина 3,09 м), в напластованиях усадьбы А. Надпись

словиша

Надпись № 19

вырезана на боку корытца пятиструнных гусель ².

Стратиграфическая дата: середина XI в.

Вряд ли надпись передает прозвище самого инструмента; скорее всего, ею обозначено имя гуслияра.

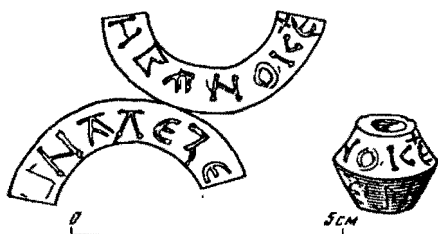
¹ Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.), М., 1953. С. 44—49; Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958. С. 79—81; Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 81—86.

² Археологические открытия 1975 г. М., 1976. С. 49—50.

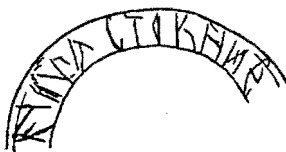
Надпись № 20

Найдена в 1977 г. на Троицком раскопе, в квадрате 216, на уровне пласта 15 (глубина 2,80—3,00 м), в напластованиях усадьбы А. Надпись:

+
иваноке
налезе

Надпись № 20

Надпись № 21

вырезана в две строки на пряслице из розового шифера ³.

Стратиграфическая дата: середина 90-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.

Иваноке налезе — Иванко нашел. Надпись сообщает об удаче Иванка, нашедшего это пряслице.

Надпись № 21

Найдена в 1984 г. на Троицком раскопе, в южной траншее, на уровне пластов 9—10 (глубина 1,60—2,00 м), в напластованиях усадьбы Ж. Надпись

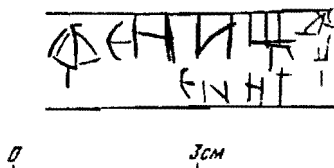
настокине

вырезана на пряслице из розового шифера ⁴. Хозяйку пряслица звали Настка (уменьшительное от Настасья).

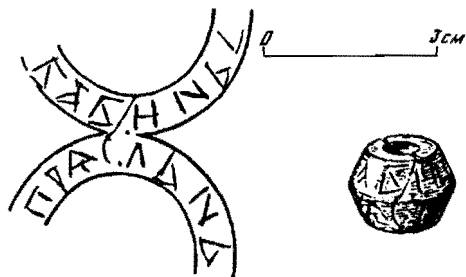
Стратиграфическая дата: середина 50-х годов XII в.— начало 10-х годов XIII в.

Надпись № 22

Найдена в 1952 г. на Неревском раскопе, в квадрате 396, на уровне пласта 21 (глубина 4,00—4,20 м), в напластованиях усадьбы В. Надпись

Надпись № 22

Надпись № 23

³ Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. С. 109.

⁴ Археологические открытия 1984 г. М., 1986. С. 36.

фенищ
ени

вырезана в две строки на пряслице из розового шифера. Возможно, надпись следует читать бустрофедоном, т. е. как *Фенищине*. В этом случае имя хозяйки пряслица — Фенища или Фснишка (производное от Фекла, Федора, Федосья и т. п.).

Стратиграфическая дата: 60-е годы — конец XII в.

Надпись № 23

Найдена в 1986 г. на Троицком раскопе, в квадрате 751, на уровне пласта 9 (глубина 1,75 м), в напластованиях усадьбы Г. Надпись

бабинь
прасльнь

вырезана в две строки на пряслице из розового шифера ⁵. *Бабинь прасльнь* — бабушкино пряслице.

Стратиграфическая дата: конец XII — первая четверть XIII в.

Надпись № 24

Найдена в 1983 г. на Троицком раскопе, в квадрате 588, на уровне пласта 5 (глубина 0,80—1,00 м), в напластованиях усадьбы Ж. Надпись

недѣле
кине

вырезана в две строки на пряслице из розового шифера ⁶. Хозяйку пряслица звали Неделька. Это имя встретилось также в грамоте № 21 из Старой Руссы.

Стратиграфическая дата: середина XIII в.

Надпись № 25

Найдена в 1984 г. на Троицком раскопе, в квадрате 601, на уровне пласта 6 (глубина 1,00—1,20 м), в напластованиях усадьбы Ж. Надпись

за
завижь грѣбнь

вырезана в две строки на самшитовом гребне ⁷.

Стратиграфическая дата: середина — начало 70-х годов XIII в.

Владелец гребня Завид сначала нерасчетливо начал вырезать надпись почти с середины гребня, а затем снова выполнил ее немного ниже.

Надпись № 26

Найдена в 1952 г. на Неревском раскопе, в квадрате 279, на уровне пласта 17 (глубина 3,20—3,40 м), в напластованиях усадьбы Б. Надпись

ма
рфа

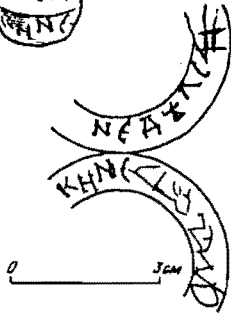
вырезана в две строки на сланцевой плитке, выпиленной из оселка.

Стратиграфическая дата: конец XIII в.

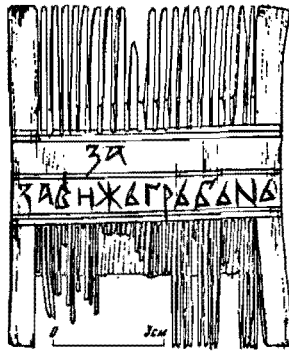
⁵ Археологические открытия 1986 г. М., 1988. С. 44.

⁶ Археологические открытия 1983 г. М., 1985. С. 40.

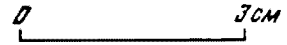
⁷ Археологические открытия 1984 г. С. 36.

Надпись № 24

Надпись № 25

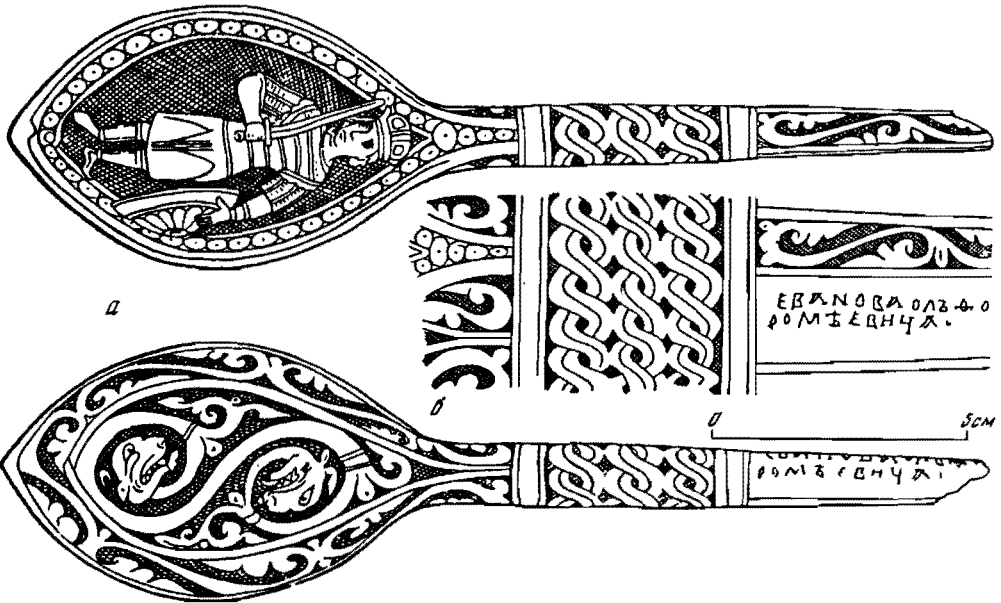

Надпись № 26

Надпись № 27

Найдена в 1961 г. на Неревском раскопе, в квадрате 2145, на уровне пласта 19 (глубина 3,60—3,80 м), в напластованиях усадьбы Д.
Надпись

еванова ольѳо
ромѳевица.

Надпись № 27

а — общий вид; б — надпись

вырезана на черенке деревянной (кленовой) ложки, богато орнаментированной и с изображением стоящего в полный рост воина с мечом и щитом на внутренней (вогнутой) части ⁸.

⁸ Арциховский А. В. Изображение и надпись на ложке из Новгорода // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 266—270.

Владелец ложки Иван Варфоломеевич — сын посадника Варфоломея Юрьевича, умершего в 1342 г.

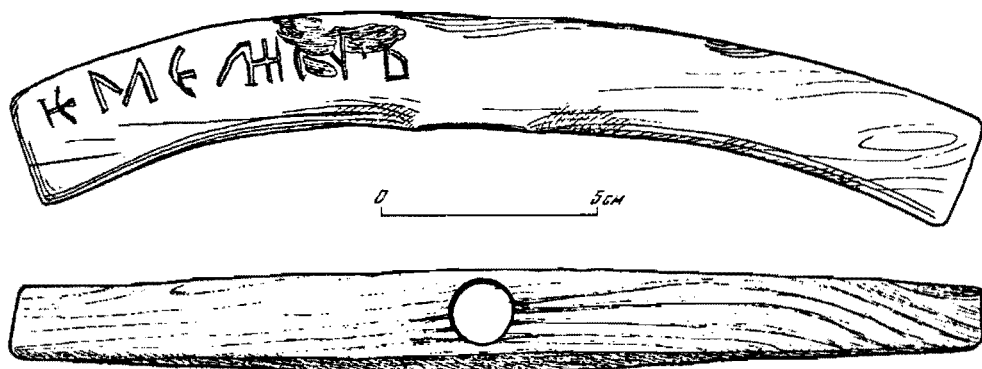
Стратиграфическая дата: 80-е годы XIII в.— начало 10-х годов XIV в.

Надпись № 28

Найдена в 1957 г. на Неревском раскопе, в квадрате 1594, на уровне пласта 11 (глубина 2,00—2,20 м), в напластованиях усадьбы И.

Надпись

к мелинь

Надпись № 28

вырезана на навершии деревянного посоха⁹.

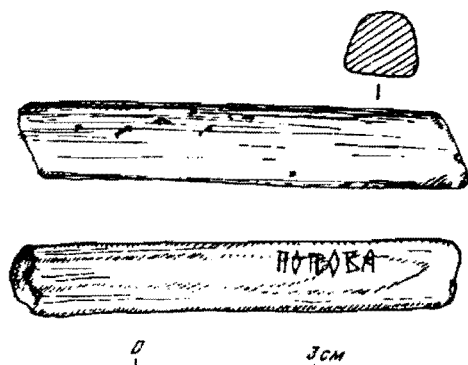
Стратиграфическая дата: середина XIV в.

Надпись № 29

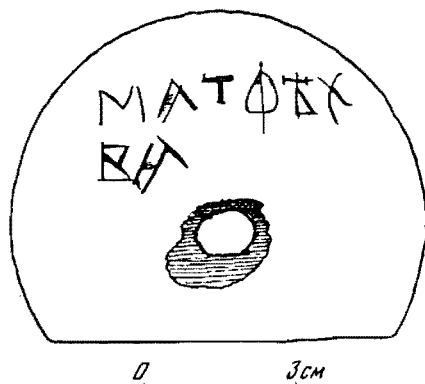
Найдена в 1988 г. на Троицком раскопе, в квадрате 1122, на уровне пласта +3 (глубина +0,60 — +0,40 м), в напластованиях усадьбы П.

Надпись

попова

Надпись № 29

Надпись № 30

⁹ Колчин В. А. Новгородские древности: Деревянные изделия//САИ Е 1-55. М., 1968. С. 31.

нацарапана на серебряном денежном слитке (полтине).

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в.

Надпись № 30

Найдена в 1960 г. на Неревском раскопе, в дендрохронологическом шурфе на мостовой Козмодемьянской улицы, на границе усадеб Е и К.

Надпись

матфе
ва

нацарапана на деревянном рыболовном поплавке.

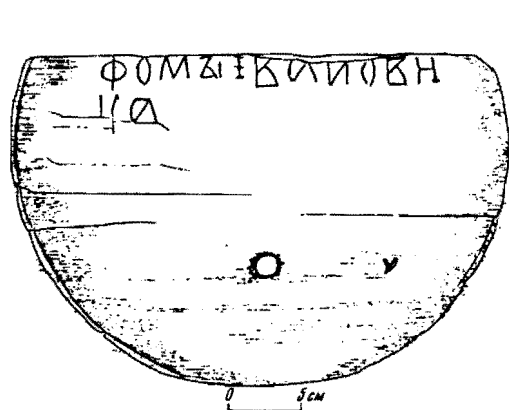
Стратиграфическая дата: 80-е — середина 90-х годов XIV в.

Надпись № 31

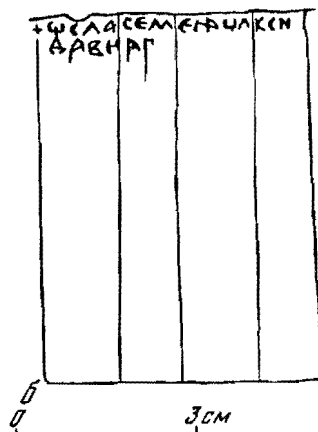
Найдена в 1957 г. на Неревском раскопе, в квадрате 1657, на уровне пласта 11 (глубина 2,00—2,20 м), в напластованиях усадьбы И-1.

Надпись

фомы іванови
ца

Надпись № 31

Надпись № 32

нацарапана на крышке деревянной бочки¹⁰.

Стратиграфическая дата: 40-е — 60-е годы XIV в.

Надпись № 32

Найдена в 1952 г. на Неревском раскопе, в квадрате 265, на уровне пласта 9 (глубина 1,60—1,80 м), в напластованиях усадьбы В.

Надпись

+УСЛА СЕМ ЕНАУЛ КСН
дрвц а

нацарапана на четырех гранях сланцевого оселка.

Стратиграфическая дата: 20-е годы XV в.

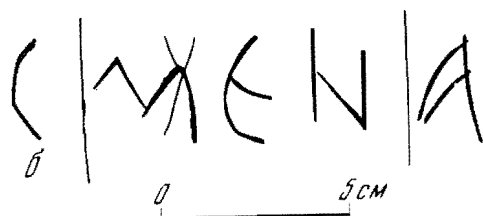
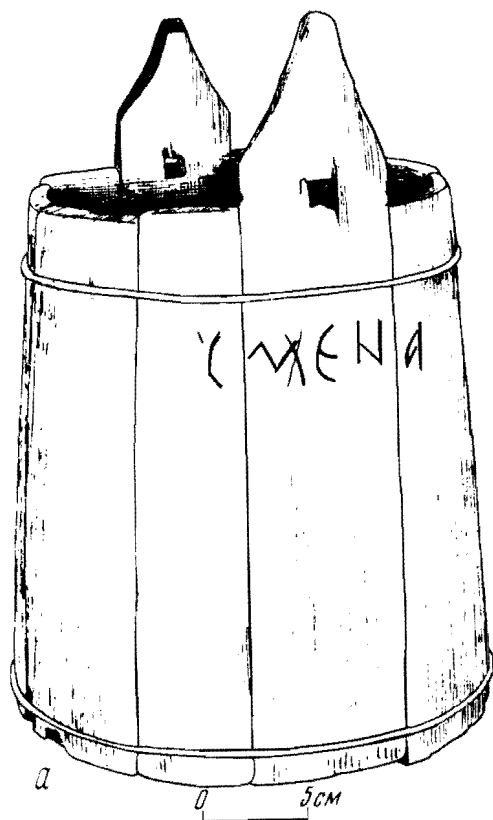
¹⁰ Там же.

Надпись № 33

Найдена в 1955 г. на Неревском раскопе, в квадрате 1309, на уровне пласта 4 (глубина 0,60—0,80 м), в напластованиях усадьбы К-2. Надпись

смена

нацарапана на клепках деревянного ушата¹¹.

Надпись № 33

а — общий вид; б — разворот надписи

Стратиграфическая дата: середина 40-х — 50-е годы XV в.

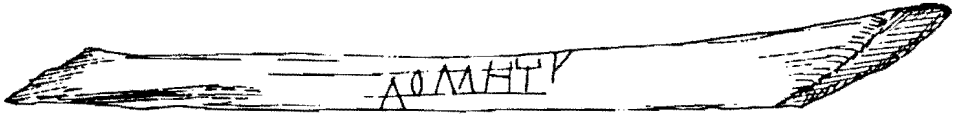
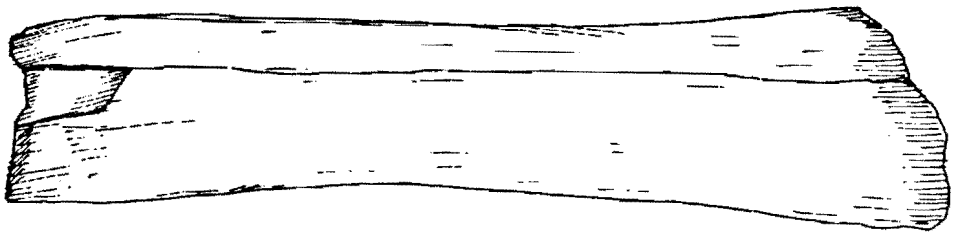
2. СОКРАЩЕННЫЕ И ФРАГМЕНТИРОВАННЫЕ НАДПИСИ

Надпись № 34

Найдена в 1989 г. на Троицком раскопе, в квадрате 839, на уровне пласта 2 (глубина 0,20—0,40 м), в напластованиях усадьбы М. Надпись

домитр

¹¹ Там же.

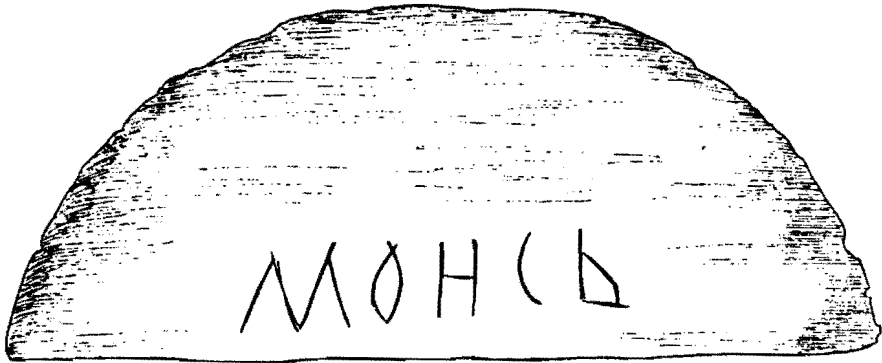
Надпись № 34

процарапана на узкой грани сланцевого оселка.
Стратиграфическая дата: середина XIII в.

Надпись № 35

Найдена в 1963 г. на Ильинском раскопе, в квадрате 39, на уровне пласта 18 (глубина 3,40—3,60 м). Надпись

МОИСЬ

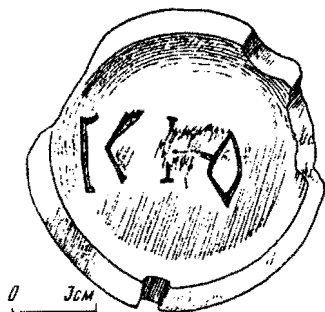
Надпись № 35

процарапана на крышке небольшой деревянной кадучки.
Стратиграфическая дата: вторая половина XIII в.

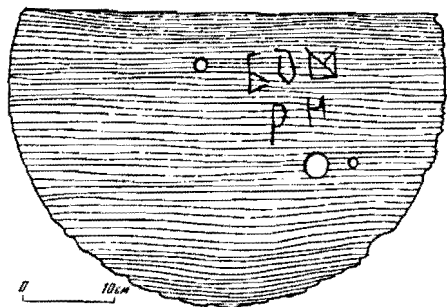
Надпись № 36

Найдена в 1960 г. на Неревском раскопе, в квадрате 1932, на уровне пласта 15 (глубина 2,80—3,00 м), в напластованиях усадьбы И. Надпись

КЮ

Надпись № 36

Надпись № 37

вырезана на поддоне деревянной чаши. Вероятно, это начальные буквы имени Кюрьль, Кюрикъ, Кюрь или Кюпръ.

Стратиграфическая дата: вторая половина XIII в.

Надпись № 37

Найдена в 1952 г. на Неревском раскопе, в квадрате 464, на уровне пласта 13 (глубина 2,40—2,60 м), в напластованиях усадьбы В. Надпись

бо
ри

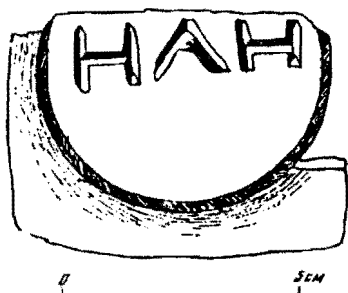
вырезана на крышке небольшой деревянной бочки¹².

Стратиграфическая дата: рубеж XIII—XIV вв.

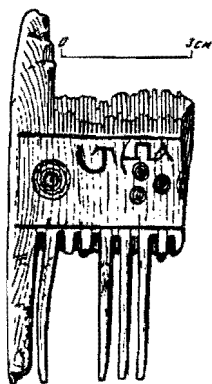
Надпись № 38

Найдена в 1958 г. на Неревском раскопе, в квадрате 1638, на уровне пласта 14 (глубина 2,60—2,80 м), в напластованиях усадьбы Д. Надпись

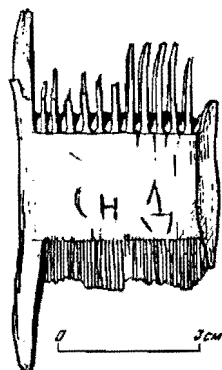
или

Надпись № 38

Надпись № 39

Надпись № 40

вырезана на днище деревянной токарной чаши.

Стратиграфическая дата: рубеж XIII—XIV вв.

Надпись содержит начальные буквы имени Илья.

¹² Колчин Б. А. Новгородские древности: Деревянные изделия. С. 31.

Надпись № 39

Найдена в Новгороде при случайных обстоятельствах. Надпись
степа...

на обломке деревянного гребня (самшитового).

Надпись № 40

Найдена в 1969 г. на Тихвинском раскопе, в квадрате 84, на уровне пласта 14 (глубина 2,60—2,80 м). Надпись

сид...

на обломке деревянного гребня.

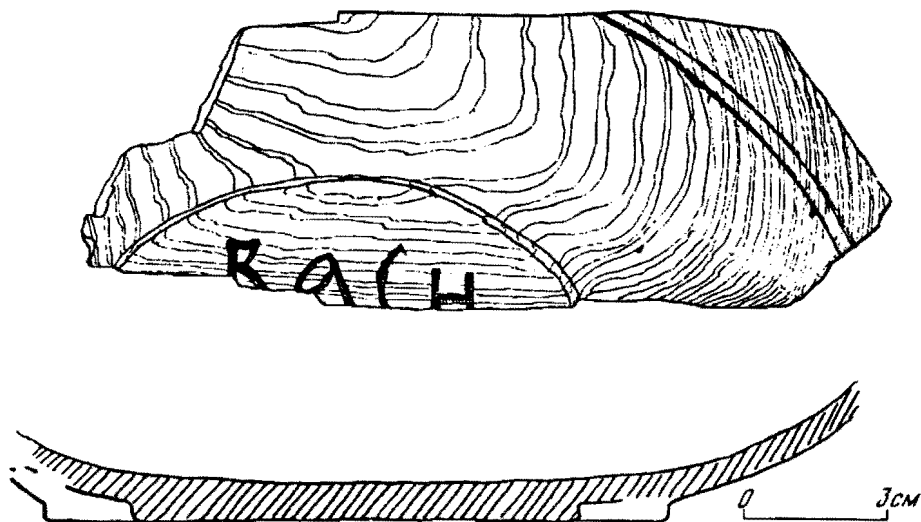
Стратиграфическая дата: середина XIV в.

Надпись № 41

Найдена в 1969 г. на Тихвинском раскопе, в квадрате 14, на уровне пласта 12 (глубина 2,20—2,40 м). Надпись

васи

...

Надпись № 41

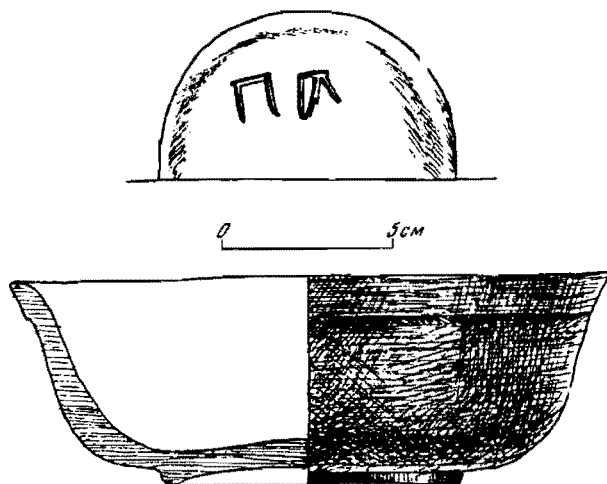
вырезана на части днища деревянной токарной чаши.

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в.

Надпись № 42

Найдена в 1954 г. на Неревском раскопе, в квадрате 987, на уровне пласта 8 (глубина 1,40—1,60 м), в напластованиях усадьбы Е. Надпись

па

Надпись № 42

вырезана на днище деревянного токарного сосуда. Вероятно, это начальные буквы имени Павел или Пантелеймон.

Стратиграфическая дата: 80-е — середина 90-х годов XIV в.

КОММЕНТАРИИ К РАНЕЕ НАЙДЕННЫМ БЕРЕСТЯНЫМ ГРАМОТАМ

ПОПРАВКИ И ЗАМЕЧАНИЯ К ЧТЕНИЮ РАНЕЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

Как показал опыт, прочтение и интерпретация практически любой берестяной грамоты представляет собой сложную операцию, требующую исследования документа одновременно в нескольких аспектах. Трудности часто возникают уже на самом первом этапе работы — при идентификации букв. Достаточно принять трещину в бересте за штрих или, наоборот, не заметить слишком слабый или почти изгладившийся штрих, и буква будет опознана неверно. Возможны также ошибки в опознании букв, возникающие из-за недостаточно внимательного анализа палеографических особенностей именно данной конкретной грамоты (скажем, свойственной данному писцу конфигурации засечек и т. п.). Особые трудности связаны с идентификацией букв, сохранившихся лишь частично или имеющих нестандартное, двусмысленное начертание.

Дальнейший этап — лингвистическая интерпретация полученного текста: анализ альтернативных возможностей расчленения его на слова и предложения, выявление ошибок писца, если таковые имеются, исследование смысла каждого предложения и его грамматической структуры. Успешность этой работы очевидным образом зависит от общего объема наших знаний о фонетических, грамматических и лексических особенностях древненовгородского диалекта.

Понятно, что появление новых берестяных грамот и накопление опыта в их чтении и интерпретации, а также лингвистические исследования, обобщающие данные берестяных грамот в целом, во многих случаях дают нынешнему исследователю берестяных грамот такие возможности, которых два-три десятилетия назад еще не было. В частности, появляется возможность внести уточнения и поправки (всех уровней) в чтение и интерпретацию многих из опубликованных ранее берестяных грамот. Работе такого рода был посвящен обширный раздел предыдущего тома «Новгородских грамот не бересте» (НГБ 1977—83, с. 181—251). Эта работа активно продолжалась и после того, как указанный том был подготовлен к печати. Ниже излагаются полученные при этом результаты (граммоты рассматриваются в порядке нумерации).

Наибольшее внимание в настоящем разделе уделено проблеме правильной идентификации букв в тексте грамоты, поскольку именно этот уровень служит фундаментом для всех остальных уровней анализа.

При разборе грамот ссылки на конкретные тома серии «Новгородские грамоты на бересте», в которых они изданы, не даются, поскольку нужное место легко найти по номеру грамоты (см. перечень томов в НГБ 1977—83, с. 7 [сноска 6] и 89). Указания датировок (при номерах грамот) обычно несколько огрублены (о способе их сокращенной записи см. НГБ 1977—83, с. 91). Отметим, что в таких указаниях учтены также полученные за последние годы поправки к первоначальной датировке ряда грамот (в особо важных случаях наличие такой поправки специально оговаривается).

Следует подчеркнуть, что настоящий раздел не должен рассматриваться как некий реестр недосмотров и огрехов предшествующих публикаторов и интерпретаторов.

графикой предлога *в* перед *Воликомо*; здесь тоже мы можем признать просто беспредложный локатив. Далее, для самого первого слова грамоты, где плохо видна начальная буква, из нескольких предлагавшихся разными исследователями чтений мы должны теперь предпочесть чтение [М]ѣкѸкѵ (см. НГБ 1977—83, с. 221) — как беспредложный локатив от *Мѣ куж во* или *Мѣ куж ва* (или *Мик-*, если ѣ здесь вместо *и*). Наконец, для самого загадочного места грамоты — *сохѸ | даль* в строках 2—3 — при учете синтаксической структуры всех остальных частей грамоты самой вероятной оказывается следующая интерпретация: это беспредложный локатив от топонима *Сохудала*; правда, непосредственно обнаружить такой топоним пока не удалось (можно лишь указать, например, на финское *sahata* «пилить», *sahauttaa* «велеть распилить»; суффикс *-la* для прибалтийско-финских топонимов весьма типичен). Индивидуальной особенностью данной грамоты оказалось, таким образом, последовательное употребление беспредложного локатива от топонимов (локатив с предлогом не встретился в грамоте вообще). Для грамоты конца XIV в. эту особенность уже не приходится связывать с праславянским наследием. Речь явно идет об особенности, возникшей под влиянием прибалтийско-финских языков, господствовавших в той зоне, откуда исходит данная грамота (восточное Обонежье). По сообщению Е. А. Хелимского, употребление беспредложного локатива отмечается и ныне в речи обрусевших коми. Допустимо предполагать как то, что автором грамоты № 2 был карел, хорошо овладевший русским языком, так и то, что это был кто-то из постоянно живущих здесь русских, в речь которых проникли некоторые синтаксические конструкции, свойственные языкам окружающего населения.

Итак, для грамоты № 2 можно предложить теперь следующий перевод: «В Микуеве белая росомаха, у Фомы 3 куницы, у Мики 2 куницы. В Сохудале (?) у Фомы куница дара, [у] Вельяказа 4 куницы. На Гугмор-наволоке куница, у Мятешки 2 куницы, у Вельютовых 2 куницы, у Воземута 2 куницы, у Филиппа 2 куницы, у Наместа 2 белки, у Жидилы куница. На Великом Острове куница, у Вихтимаса 2 белки, у Гостицы 2 куницы, у Вельюта 3 куницы, у Лопинкова 6 белок». Отметим, что, кроме персональных повинностей, в грамоте трижды фигурируют повинности, наложенные на селение в целом (куница на Гугмор-наволоке и на Великом Острове, белая росомаха в Микуеве).

№ 4 (XIV₂). Обращение к оригиналу позволило установить, что в шестой строке читается *взавѣ*, с ѡ (тогда как опубликованная в издании прорись допускала также прочтение *взавѣ*). В седьмой строке чтение *ндръ* ненадежно: верх последней буквы не виден, т. е. это может быть ѣ или ѣ. Словоформа *сапозѣ* «сапоги» несомненно восходит к книжному языку: это *сапозы* (И. мн., употребленный в роли В. мн.), с заменой окончания *-и* на характерное для новгородских памятников XIV—XV вв. окончание *-ѣ*. Существование в книжной системе такой словоформы непосредственно подтверждается Комиссионным списком I Новгородской летописи (относящимся к середине XV в.), где под 1216 г. (л. 137 об.) находим: *еще же и сапозѣ с ногъ сметаѣ и поскочиша босѣ* (ср. *сапозы* в соответствующем месте Синодального списка).

№ 8 (XII/XIII). В. И. Поветкин реставрировал грамоту. В результате обнаружилось, что ряд мест, читавшихся ранее гипотетически, в действительности читаются вполне надежно; таковы *ти е* в конце первой строки, *ожь хочыши* во второй строке, *три гривнь* в третьей. С другой стороны, в левой части первой строки прежние чтения нуждаются в корректировке. Так, между *ск* и *ѣи*, по-видимому, просто был дефект бересты (ныне на этом месте дырка); вероятно, никакой буквы здесь просто не было, т. е. писец обошел дефектное место (как это часто бывает в берестяных грамотах). Сомнительная буква после *осьмиѸи* больше похожа не на *Ѹ*, а на зеркально повернутый *ь*. Левее начального *о*, по-видимому, никакой буквы не было.

Поскольку все края грамоты целы, мы должны, исходя из отсутствия адресной формулы и особенностей текста, предположить, что перед нами не первый лист двухлистного (или многолистного) письма. Написание *осьми Ѹи [ьс] кѣи*, стоящее в начале грамоты № 8, возможно, не является даже целым словом: предыдущий лист письма мог обрываться и на полуслове. Не исключено, например, что перед нами конечная часть какого-то прилагательного. Попытки угадать начало фразы здесь едва ли целесообразны. Переводить грамоту можно лишь начиная со слова *ГѸчькѸ*, причем после устранения предполагавшегося ранее слова **ск(р)ѣи* уже неизвестно, что именно должен был сделать адресат по отношению к Гучку, прежде чем сообщить ему о возможности поездки за коровой.

№ 9 (последняя четверть XII в.). В этой много обсуждавшейся исследователями грамоте одним из предметов интенсивной дискуссии был отрезок *избивъроуки* в четвертой строке (см. об этом Жуковская, с. 80—81). Предлагались, прежде всего, различные способы словоделения: *и зби въ роуки* (так в издании), *изби въ роуки*, *избивъ роуки*. Из этих трех способов синтаксически приемлем и согласуется с графической системой грамоты только третий, поэтому остальные мы просто не будем рассматривать. Но даже при членении *избивъ роуки* для этого места предлагались различные переводы (см. об этом, в частности, Якобсон, т. II, с. 614—615). Отметим толкование Ф. Ф. Кузьмина: «Здесь возможна догадка о том, что оно [выражение *избивъ роуки*] выступает в смысле противоположном *рукобитью*: совершить *рукобитье* — заключить свадебный договор, а *избить руки* — его нарушить» (Кузьмин, с. 140).

С нашей точки зрения, в этом толковании ценной является сама мысль о связи между выражением *избивъ роуки* и обычаем свадебного *рукобитья*. Однако значение рассматриваемого места грамоты в действительности противоположно предлагаемому Ф. Ф. Кузьминым. В. И. Даль (т. IV, с. 112) описывает *рукобитье* так: «битье по рукам отцов жениха и невесты, обычно покрыв руки полами кафтанов, в знак конечного согласия; конец сватовства и начало свадебных обрядов: помолвка, сговор, благословенье, обрученье, зарученье, большой пропой» (дальнейшее описание деталей опускаем). Слово *рукобитье* естественнее всего интерпретировать как производное от словосочетания *бити руки*. Как видно из описания В. И. Даля, это словосочетание вполне точно отражает внешнюю сторону основного элемента рассматриваемого обряда. Здесь возникает простой вопрос: как выглядел совершенный вид от этого глагольного словосочетания? Очевидно, добавлялась какая-то приставка (иногда называемая «пустой»; впрочем, этот термин, особенно в применении к древнему языку, весьма условен). В данном конкретном случае выбор был явно невелик: *по-* или *из-* (никакие другие, скажем, *съ-*, *на-*, *про-*, очевидным образом не подходят). Вполне возможно, что были допустимы оба варианта: *побити руки* и *избити руки*. В первом, правда, мог содержаться легкий нюанс возможной неполноты действия. Напротив, во втором полная завершенность действия была выражена очень ярко; описание В. И. Даля показывает, что обрядовое действие не сводилось к единичному удару, а в самом деле представляло собой своеобразное «избиение» рук, скрытых под полами кафтанов. Заметим, что приставка *из-*, которая в целом сравнительно редко выступает в русском языке в качестве средства «чистой» (или почти «чистой») перфективации, обнаруживает эту свою способность преимущественно в соединении с глаголами отрицательного воздействия, ср. *мучить* — *измучить*, *ругать* — *изругать*, *калѣчить* — *искалѣчить*, *колотить* — *исколотить* и т. п.; в этот ряд попадает (в части значений) и *бить* — *избить*.

Итак, *избити руки* должно было быть самой естественной формой (или одной из двух самых естественных форм) совершенного вида к выражению *бити руки*. Это значит, что в изучаемом месте грамоты № 9 речь идет отнюдь не о нарушении свадебного договора, а, наоборот, о его заключении, точнее, о помолвке. К контексту это полностью подходит: *А нынѣ вода новоую женоу, а мѣнѣ не*

въдасть ничто же. Избавь роуки, поустилъ же ма, а иноую помлъ «А теперь, женись на новой жене, он мне не дает ничего. Ударив по рукам (т. е. совершив помолвку), он [сразу же] меня прогнал, а [затем] другую взял в жены». Упоминание о помолвке усиливает выразительность жалобы Гостяты: ее бывший муж прогнал ее немедленно после того, как вопрос о новой свадьбе окончательно решился, т. е. прошел ту точку, которую В. И. Даль называет «концом сватовства и началом свадебных обрядов».

Грамматическую проблему, состоящую в том, является ли *не въдасть* (в третьей строке) аористом или презенсом, в настоящее время можно считать решенной: это презенс; см. ниже, Изуч. яз., § 60.

№ 15 (нач. XV). В издании *гну* (в первой строке) и *гне* (во второй) даны без титл. Фактически, однако, во второй строке титло над *гне* есть. Почти наверное титло имелось и над *гну* в первой строке, но при обрезке грамоты оно оказалось срезанным.

№ 17 (нач. XV). В первой строке вместо *Михаілі* (чтение А. В. Арциховского) следует читать *Миха[і]л[ѣ]*.

№ 19 (XV). В строках 4—5 следует читать не *Филистъ*, а *Филисть*. Таким образом, в блоке 19 + 122 + 129 И. ед. муж. рода во всех без исключения случаях имеет окончание (-е), а перфект — (-ле), т. е. в данном пункте этот блок грамот совершенно последовательно отражает древненовгородский диалект.

№ 22 (XIV/XV). На внешней стороне грамоты вместо *осподину* следует, по-видимому, читать *осподин[ь]*: последняя буква плохо видна, но она гораздо более похожа на ь, чем на у. Благодаря этой поправке вместо бессмысленного текста *ходилъ осподину снъ мо(и)* получается вполне осмысленная фраза *ходилъ, осподин[ь]* (обращение, ь = ⟨е⟩), *снъ мо(и)*.

№ 27 (кон. XIV). Обращение к оригиналу показало, что в конце первой строки стоит слово *послале* (в издании последняя буква осталась непрочитанной, вместо нее дана косая черта с точкой). В конце третьей строки угадываются еще буквы ...[*ое беросто*]; возможно, грамота этими словами заканчивалась.

№ 32 (сер. XIV). В левом нижнем углу грамоты видны верхи четырех букв, начинающих третью строку. А. В. Арциховский оставил их без внимания. Но в действительности эти буквы достаточно надежно читаются как [д]а пр-. В НГБ 1977—83, с. 185 был предложен следующий перевод грамоты № 32: «Фешко Юрию челом бьет. [Пришли] соль срочно, не поступала мне от тебя соль два года...» (часть грамоты, отраженная в переводе словом «пришли», оторвана). В этом контексте естественно предположить, что [д]а пр — это [д]а пр(*ишли*); эти слова непосредственно следуют за тем, что дано выше в переводе. Заметим, что сама возможность такой конъектуры, в свою очередь, оказывается дополнительным аргументом в пользу предложенной ранее семантической реконструкции.

№ 49 (нач. XV). В издании в первой строке *къ гну* дано без титла. В действительности над *гну* проходит обрез (или обрыв), но остаток титла все же виден. В издании не отмечено также, что после слов *поклонъ, братьи, нѣтъ* и *дѣтьми* в грамоте стоят точки.

№ 55 (нач. XIV). В чтении А. В. Арциховского есть несколько неправильно идентифицированных букв, на что уже было указано рядом исследователей (см. Жуковская, с. 91, НГБ 1977—83, с. 186 и 225). К этому можно добавить теперь, что некоторые места грамоты недочитаны. А. В. Арциховский начинает чтение фактически со второй строки. Между тем в грамоте отчетливо видны остатки предыдущей строки — судя по содержанию, начальной строки всего письма. В левом краю этой строки с несомненностью опознается слово *поклоно*; в строгой записи это *покл[оно]*. Дальнейший текст срезан, но правый край этой строки вновь частично виден: ...[*во т*]о^о а гра. В начале второй строки первые две буквы срезаны, но третья и четвертая частично видны: это [т ъ]. Таким образом, на переходе от первой строки ко второй восстанавливается слово *гра[мо] [т ъ]*.

На первом из двух фрагментов грамоты сохранилось еще пять букв третьей строки (в средней ее части): [од]ин[e]; это почти наверное конец слова *господине*, встречающегося также и в других местах данной грамоты. В целом верхний фрагмент грамоты читается так:

Покл[оно]... (большая лакуна) ... [во т]омо, а гра|(мо)[тѣ], *господине*, возми дворнюю | Омишь жене в Акосово| (большая лакуна) ... (госп)[од]ин[e]...

Таким образом, термин «дворняя грамота», известный из второй части настоящего документа, в действительности упоминается в нем дважды. С синтаксической точки зрения примечателен порядок слов в отрывке *а грамотѣ, господине, возми дворнюю*.

Второй фрагмент грамоты № 55 не примыкает к первому непосредственно; между ними была по крайней мере еще одна строка (возможно, именно та, которой принадлежат остатки слова *господине*). Фрагмент содержит две строки, причем вторая из них короткая, она приписана более мелким почерком и занимает лишь среднюю часть ширины письма. Вполне вероятно, что текст письма на этом кончался. Второй фрагмент можно прочесть так:

господине, торговати Белево н... (около 10 букв не читается) *ко мне | дворнюю грамотѣ, ели ѣ те[бе].*

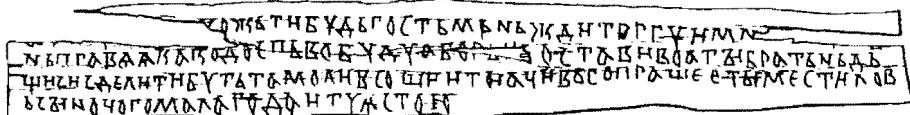
Чтение *Белево* ввиду отсутствия необходимого контекста, разумеется, проблематично. Конечное *ели ѣ те[бе]* явно означает «если она (т. е. дворняя грамота) у тебя».

№ 67 (нач. XIV). В четвертой строке последние буквы должны реконструироваться как *с[л]ѣт[и]...* (не как *с[л]ѣт[ь]*); соответственно здесь можно усматривать словоформу *с[л]ѣ* «шлет» (но не *с[л]ѣт[ь]*), а *т[и]* — это уже начало следующего слова.

№ 68 (XIII₂). В процессе реставрации этой грамоты В. И. Поветкин установил, что две ее основные части, считавшиеся разрозненными фрагментами, в действительности смыкаются друг с другом без зазора. В результате мы располагаем теперь почти целым документом, в котором утрачена лишь адресная формула в начале первой строки и около семи букв в конце той же строки. Приводим прорись и чтение грамоты заново.

[Ѡ] ----- [у]ожьтибудьгостьмьньждиторгуим[н] -----
 ньправлѣ како доспѣвобуду а борь[ць] оставиво а ты брать нь
 щисиделити будь тамо ливсоши и ти ациво спрашееть местилов
 сыноцо гомала год аи ту астою

Во второй строке буквы *ць* перед *оставиво* (на стыке двух фрагментов) читаются предположительно (вместо *ц* здесь можно было бы допустить и *и*, но тогда истолкование текста становится весьма затруднительным).

Прорись грамоты № 68

Первая половина грамоты (до *а ты брать*) делится на слова так: [Ѡ] ... (к) ...-у. Ожь ти будь гость, мьнь жди, торгуй м[н]... нь права. Ѡ, како доспѣво, буду, а борь[ць] оставиво. Ее смысл достаточно ясен: «От [такого-то к такому-то]. Если будет купец (т. е. покупатель), меня жди, торгуй ... не отправляя».

Возможно, в утраченном конце первой строки стояли слова со значением «много товара» (или просто «много»), ср. сохранившееся *м[н]*... Во всяком случае, понятно, что автор требует от своего брата, которому адресовано это письмо, повременить с крупными торговыми операциями до его возвращения. Далее говорится: «Я, как только управлюсь, приеду, оставив (*подразумеваются*: вместо себя) сборщика». Очевидно, сборщику будет поручено получить причитающиеся автору деньги или товары.

Достаточно ясен и конец грамоты: *А ци восопрашееть Местиловь сыно цого малаго, даи — ту а стою* «А если запросит Местилов сын чего-нибудь небольшого, то дай — я за этим стою (т. е. за этим решением заранее стоит и мое согласие)», ср. НГБ 1977—83, с. 187. Общий характер инструкции здесь примерно тот же, что в начале письма: в малых операциях автор предоставляет своему брату самостоятельность.

Самая трудная часть письма — средняя (от *а ты брать* до *ити*). Мысль о том, что конечное *ти* здесь могло бы быть союзом, вводящим заключительное предложение письма (*ти а ци*...), необходимо отвергнуть, поскольку сочетание *ти а* в древнерусских текстах неизвестно и теоретически крайне маловероятно. Остается, таким образом, искать приемлемое по синтаксису и по смыслу деление рассматриваемого отрезка текста на слова, стремясь не прибегать (или прибегать как можно меньше) к гипотезам об описках у автора.

Мы не будем давать обзора всех предлагавшихся для данного места чтений (см. об этом НГБ 1977—83, с. 225—226). Достаточно сказать, что ни одно из них не свободно от серьезных трудностей. Речь здесь идет в сущности лишь о том, чтобы предложить еще одну гипотезу, которая тоже не лишена слабых мест и поэтому не может считаться бесспорной, но все же представляется нам более правдоподобной, чем прочие решения. Для начальной части фразы мы принимаем ту же интерпретацию, что в издании, а именно, делим: *а ты, брать, нь дь|щиси* «а ты, брат, не торопись (не старайся, не суетись)». Соответственно наше решение разделяет здесь со всеми предшествующими решениями слабое место, состоящее в том, что вместо ожидаемого *тища* (или *ть|щиса*) написано *дь|щиси*; *д* приходится объяснять гиперкоррекцией, а *си* — ранней диалектной заменой конечной гласной в *са*, или сохранением древней формы дательного падежа, или, наконец, просто повторением гласной буквы из предыдущего слога. Заметим все же, что совет «не торопись», «не спеши» по смыслу хорошо согласуется с общим духом данной грамоты в целом.

Для дальнейшего текста предлагается следующее членение: *сде ли ти быть, тамо ли в Соши ити* «[независимо от того], здесь ли тебе [предстоит] быть или идти туда в Соши». Преимущества данного решения: а) не предполагается никаких описок и ошибок; б) синтаксическая структура фразы точно соответствует древнерусским нормам; две ее составные части обнаруживают четкий параллелизм (*сде ли ... быть — тамо ли ... ити*), расположение энклитик (*ли ти* в первой части, *ли* во второй) строго подчинено соответствующим правилам; в) по смыслу фраза вполне правдоподобна; отметим, что с глаголом пребывания *быть* семантически согласовано наречие локативного значения *сде* («здесь»), с глаголом движения *ити* — наречие направительного значения *тамо* («туда»); г) написание *с* в *сде* и *т* в *быть* этимологически верно. Недостаток данного решения: для формы *быть* «быть» приходится предполагать диалектную лабиализацию *ы* после губного или окказиональное выравнивание по основе *буд-*. В псковских говорах формы типа *було* «было» и, наоборот, типа *быдь* «будь» известны (см., в частности, Пск. слов., вып. 2, с. 236—238); трудность в том, что в случае с грамотой № 68 данное явление приходится предполагать для весьма раннего периода. Что касается окончания *-ть* (а не *-ти*) в инфинитиве *быть*, то оно не создает никаких дополнительных трудностей: точно такое же *-ть* имеет инфинитив *исправить* в грамоте № 61, входящей в один блок с № 68 (в обоих случаях

-ти было безударным; ср. сохранение ударного -ти в инфинитивах *взати* 61 и *ити* 68).

№ 69 (уточненная датировка: кон. XII—XIII/XIV). Предположение о том, что в предпоследней строке вместо *плкъ* (чтение А. В. Арциховского) следует читать *пакъ* (НГБ 1977—83, с. 188), при обращении к грамоте подтвердилось.

№ 82 (последняя четверть XII). Дополнительное изучение грамоты позволило прочесть вторую строку полнее и точнее, чем раньше, а именно: ...[ол]и *Воньзда шюрина и моего оти выволоци доскъ и ...* Для конца строки прежнее чтение *доскѣи* (где *ѣ* якобы равносильно *ы*) несомненно следует отвергнуть. Первое слово — это, вероятно, (м) [ол]и. Таким образом, прочтенная фраза оказывается вполне осмысленной: «проси Внезда, шурина моего, чтобы вытащил доски» (т. е. долговые записи на деревянных бирках).

Трудность составляет наличие *и* между словами *шюрина* и *моега*. Можно, конечно, допустить, что это *и* написано просто по ошибке, но это первое приходящее в голову объяснение — едва ли самое верное. Скорее перед нами частица и в некоей неизученной функции; вероятно, это какой-то особый вариант усилительной функции. Приведем несколько примеров, где употребление *и* если и не совпадает в точности с рассматриваемым местом грамоты № 82, то во всяком случае обнаруживает с ним некоторое сходство: *И быѣ лествъ въ перенаславцехъ, рекоуче: «Гюрги намъ князь и свои; того было намъ искати и далече»* (Ипатьевская летопись, под 1149 г., л. 139; сочетание *князь и свои* «собственный, законный князь» непосредственно напоминает *шюрина и моего*; заметим, что в Хлебниковском и Погодинском списках *и* перед *свои* опущено, т. е. поздние переписчики уже не чувствовали того тонкого дополнительного нюанса, который давало это *и*); *Аже дѣеши: «Ты мои еси ѿць», — а ты мои и снѣ* «Если ты говоришь: «Ты мой отец», — то ты мой сын» (Ипатьевская летопись, под 1150 г., л. 152; и в этом случае в Хлебниковском и Погодинском списках *и* перед *снѣ* опущено) Н. Каринский, описывая псковскую Палею 1494 г., отмечает, что в некоторых местах между словами появляется «вставное *и*» (причем в соответствующих местах Палеи 1477 г. это и отсутствует). Примеры довольно разнообразны, но некоторые близко напоминают интересующие нас случаи, ср., в частности: *по днѣхъ* и сихъ видѣ Сара* 105; *добре известно изъ двѣа и Мрія гъ по плоти мѣри рѣслови** 401 об. (Каринский, с. 33—34).

№ 84 (XII). В первой строке, возможно, следует читать не *отъ Твьрьдаты*, а *отъ Твьрьдаты* (с разделительной вертикальной чертой после этого слова). В самом деле, бесспорное *ы* в слове *господыни* написано в грамоте иначе: левая часть имеет ярко выраженную форму буквы *ѣ* и соединительная черта между левой и правой частью совершенно отчетлива. Между тем в интересующем нас месте первой строки левая часть имеет форму буквы *ь* (верхних засечек нет), а соединительная черта сомнительна.

№ 87 (последняя четверть XII). Согласно издателям, грамота представляет собой целое письмо. Она гласит: *Ѡ Дрочке Ѡ папа пѣкланьне ко Демѣноу и къ Мине и къ Ваноукоу и къ въхемо вамо добре створѣ. Формула добрѣ (или добро) сътворѣ (или сътвори)*, как известно из других берестяных грамот (например, № 9, № 613, витебской), означает нечто близкое к «пожалуйста», «сделай милость». Таким образом, письмо № 87 оказывается довольно бессодержательным и асинтаксичным: помимо адресной формулы, в нем содержится только выражение *добре створѣ*, не привязанное ни к какому императиву, т. е. не сопровождающее никакую просьбу. Эту загадку помогла разрешить находка грамоты Ст. Р. 17: *Покланьне Ѡ Мирслава ко Жирошькѣ. Створѣ добрѣ, възма поцостое, по(ид) [и] ж(е)...* Эта грамота начинается совершенно аналогично грамоте № 87, но только *створѣ добрѣ* здесь, как и следует ожидать, относится к некоторой конкретной просьбе. При дополнительном исследовании, которому

в связи с этим была подвергнута грамота № 87, было легко установлено, что в действительности у этой грамоты нет никаких надежных признаков того, что она образует законченное письмо. Грамота состоит из двух строк, причем вторая кончается почти на таком же расстоянии от правого края, что и первая. Нижний край бересты проходит почти непосредственно под второй строкой. Ясно, таким образом, что издатели ошиблись: перед нами лишь начало письма, а не целый документ; разрыв случайно прошел между строк. Мы можем быть уверены в том, что поп Дрочка, как и Мирослав в грамоте Ст. Р. 17, писал свое письмо не по-пустому: в нем содержалась какая-то просьба. Пример грамоты № 87 показывает, с какой осторожностью необходимо подходить к решению вопроса о том, является ли та или иная берестяная грамота законченным документом.

№ 99 (сер. XIV). Согласно издателям, в начале грамоты стоит весьма странное написание *паапоклоно*. Хотя сокращения и искажения в написании слова *поклоно* встречаются в берестяных грамотах сравнительно часто, лишнее начальное *паа* представляется совершенно загадочным. При более внимательном изучении обнаружилось, однако, что прорись в этом месте неверна. Писец в действительности написал не *паа*, а *пло*, т. е. пропустил *ок*. Заметив свою ошибку, он, по-видимому, попытался что-то исправить; из этого ничего не получилось, только *о* стало отдаленно походить на *а*. Тогда он просто бросил неудачное начало слова (не зачеркнув его) и написал рядом уже совершенно правильное *поклоно*.

№ 102 (сер. XIV). Обращение к грамоте позволило установить некоторые неточности прориси. В шестой строке читается *целомь*, а не *целомъ*. В последней строке читается *ты*, а не *ты* (штрих после *т* не является буквой).

№ 103 (1-я четверть XIII). В первой строке последняя видимая буква — не *о*, а *Ѡ*. Таким образом, грамота адресована не *Ѡ Завида ко О...* (как считают издатели), а *Ѡ Завида ко Ѡ... или Ѡ Завида к ОѠ..* В начале второй строки разделение *Ѡ пожь возми*, с вычленением слова *пожь* («земля», «пожня»), абсолютно ненадежно: вполне вероятно, что *жь* — это частица «же», а *-Ѡно* — конец какого-то слова, переходящего из первой строки. В третьей строке читается: *гиво[сѣ]грив[ѣ]н[о]...* Здесь *ги* — это явно конец какой-то словоформы (например, *береги*, *моги*): на *гиво* (или *гивось*) в данную эпоху никакая словоформа кончатся не могла. Поскольку *гривьно-* (вероятно, начало от *гривьноу*) опознается надежно, остается средний отрезок *во[сѣ]*. Скорее всего, это (*въ се*) «за это», «на это» (ср. Изуч. яз., § 80). Угадать смысл фразы по столь малому ее отрывку, конечно, нельзя, но допустимо предполагать, что в этой фразе были слова со значением «за это (или: на это) гривну».

№ 105 (уточненная дата: 60-е — 80-е годы XII). При идентификации букв данной грамоты особую трудность составляет проблема различения *ѣ* и *ѥ* (как показал опыт, это вообще одна из самых сложных проблем палеографии берестяных грамот: недостаточно внимательное отношение к этому вопросу породило уже большое число ошибок в чтении грамот). В грамоте № 105 усматривается три основных типа начертаний для букв *ѣ* и *ѥ*: 1) «несомненный *ѣ*» — мачта круто наклонена (она образует диагональ общего контура буквы), верхний горизонтальный штрих очень длинный (правее мачты он не заходит или заходит лишь на очень незначительную часть своей общей длины), слева этот штрих имеет засечку (обычно небольшую); такое начертание представлено 15 раз; 2) «несомненный *ѥ*» — мачта наклонена слабо, верхний горизонтальный штрих очень короткий и засечки слева не имеет; такое начертание представлено дважды: после *с* в *Сьмѣка* и на конце слова *вѣ веричь*; 3) промежуточный тип начертания — мачта наклонена слабо, верхний горизонтальный штрих длиннее, чем в случае 2, но короче, чем в случае 1 (при этом он посажен прямо на мачту, т. е. выступает влево и вправо от нее на одинаковое расстояние), слева этот штрих имеет небольшую засечку (как в случае 1); такое начертание выступает после *с* в слове *Роус-* «Русь» и после *в* в слове *Переѣслав-лѣ*.

В издании оба начертания 3-го типа были интерпретированы как *ѣ: Роусъ, Пережславълѣ*. Из сказанного выше ясно, однако, что такая интерпретация по меньшей мере не очевидна: начертания 3-го типа имеют ряд сходств как с «несомненным *ѣ*», так и с «несомненным *ь*». Добавим к этому, что в целом ряде берестяных грамот (особенно ранних, в частности, № 108, 231, 421, 422, 424, 526, 665 и др.) верхний горизонтальный штрих (не слишком длинный), посаженный прямо на мачту, а не влево от нее, характерен именно для буквы *ь*, а не *ѣ*.

С лингвистической точки зрения в обоих спорных случаях ожидается *ь: Роусъ, Пережславълѣ*. Замена *ь* на *ѣ* могла бы быть в этих случаях лишь чисто графической. Однако все берестяные грамоты с заведомым графическим эффектом *ь* → *ѣ* относятся к несколько более раннему времени, чем грамота № 105.

Ввиду всего сказанного, представляется более правильным трактовать спорные начертания как букву *ь*, а не *ѣ*. Из осторожности, однако, целесообразно записывать интересующие нас словоформы как *Роус[ь]* и *Пережслав[ь]лѣ*: квадратные скобки будут служить читателю предупреждением о том, что идентификация буквы в этих случаях не полностью надежна.

Специально отметим, что конечная буква в *Лазъ(ѣ)къмъ* не вызывает сомнений: это надежный *ѣ*. На фоне сохранения этимологического *ь* в прочих местах грамоты этот факт мы вправе теперь интерпретировать как свидетельство фонетического перехода [м'] в [м] в данной словоформе.

№ 107 (XII/XIII). В первой строке перед *хоцьши* отчетливо читается *ож[ь]* (не учтенное издателями); ср. то же сочетание *ожь хоцьши* в грамоте № 8.

№ 108 (XII/XIII). Опубликованная прорись содержит ряд неточностей. В первой строке читается не *адсамтѣ* (и не *адсамть*), а *дъсамть*. Вторая строка начинается с буквы *ц* (а не *щ*). Далее, во второй строке в слове, прочтенном как *пашѣно* (или *пашьно*), вторая буква — не *а*; это почти наверное *ь*, т. е. следует читать *п[ь]шьно* «пшено». В той же строке вместо *у дьвъшти* следует читать *у дьвшти*; иллюзия буквы *ш* возникла за счет того, что часть *ьш* написана поверх стоявших ранее на этом месте букв *дв*. В последней строке в слове, прочтенном в издании как *корстокихо*, буква после *кор* почти не видна: на этом месте береста повреждена. Для чтения с достаточных оснований нет; не исключена интерпретация следов данной буквы как [о]. Таким образом, вероятнее всего перед нами словоформа со значением «коротких».

№ 112 (уточненная дата: XII/XIII — 30-е годы XIII). Дополнительное исследование грамоты показало, что в издании имеется несколько ошибок в опознании букв (помимо ошибочного чтения *ко Юлароу* вместо *ко Флароу*, указанного В. Л. Яниным уже в НГБ 1977—83, с. 228). В частности, в нескольких местах *е* с последующим двосточием было ошибочно принято за *и*. Выявлены также некоторые буквы, которые раньше считались нечитаемыми. На нынешнем этапе изучения текст грамоты (без разделения на слова) предстает в следующем виде:

...а:ко:Флароу:[се:е:с]и:пож:ле:и:споло:вницоу:мо:ю:те:ли:цоу:вода
 ...[ко]- -во-со:пле:ме:не:мои:ли:ти:тѣ:жа:апо:е:ди:вого:родо:
 хона:же:на·то:е:грамоте:го
 с:поды:ни

В первой строке после *Флароу* от нескольких последующих букв видны лишь нижние кончики. С нашей точки зрения, наиболее правдоподобная реконструкция данного отрезка, согласующаяся с конфигурацией этих кончиков, — *се:е:с*. Величину лакуны в начале второй строки точно определить нельзя. Если грамота имела адресную формулу типа «от X-а к Y-у», то лакуна невелика: даже при сравнительно длинном имени автора (типа *Мирославъ, Жизнобудъ*) она составляла бы не более 3—4 букв. Но если в адресную формулу входило еще слово *поклонъ* или *покланьни*, то лакуна оказывается на соответствующее число букв длиннее. В сохранившейся левой части второй строки за [ко] виден низ от *p*

или у, т. е. здесь можно предполагать, в частности, [кор](о)во(;) или [кор](о)во(у). В том случае, если утраченное начало второй строки невелико, соединение первой и второй строк могло быть, например, таким: *телицоу вода|(и и)[кор](о)во(у) со племенемо*; но это; разумется, лишь вольное предположение.

С разделением на слова текст грамоты можно представить так: *...а ко Флароу. [Се ес]и поаме исполовницоу мою; телицоу вода(и?)... [ко] == во = со племенемо. Или ти тѣжа, а поеди во городо. Хонѣ жена тое грамоте господини.* Предположительный перевод: «[От (или: поклон от) такого-то] к Флару. [Вот ты] взял (в жены) мою испольщицу; отдай же телку... [возможно: и корову] с потомством. Если же [будет] тѣжа (т. е. если ты предпочтешь судиться, то поезжай в город. Хонова (или, может быть, Фомина) жена — владелица той грамоты» (очевидно, грамоты, в которой зафиксированы юридические отношения участников данного дела).

Во второй строке вместо версии о корове возможна также версия, согласно которой в [ко] == во = скрывается остаток какого-то имени собственного (имени человека, которому надлежит отдать телку); тогда *со племенемо* нужно переводить как «с родней».

В последней фразе вызывает сомнение сочетание *Хонѣ жена*, поскольку имя *Хонѣ* неизвестно; но не исключено также, что *Хонѣ* здесь из *Хомля* (ср. Изуч. яз., § 10), т. е. это может быть производное от *Хома* (вариант имени *Фома*). Во всяком случае, попытки иных членений данного отрезка (без гипотезы об описках) пока что не дают успеха. Написание *тоѣ грамотѣ* в принципе может соответствовать нормативному <тоѣ грамотѣ> или <тои грамотѣ> (с записью [j] через *e*); в первом случае это Р. ед., во втором — либо Д. ед., либо Р. ед. Нормам древнерусского синтаксиса в данном случае больше соответствует дательный падеж.

Специально отметим, что нынешнее дополнительное исследование грамоты № 112 выявило ошибочность прежнего чтения *со племенемо* (с *и* вместо *e* после *м*), бывшее до сих пор единственным необъяснимым исключением из правил соотношения *e* и *и* в древненовгородском диалекте (см. НГБ 1977—83, с. 127).

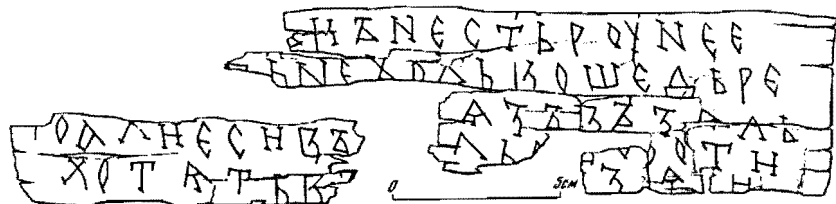
№ 113 (XII₂). Во второй строке буква после *далѣ еси*, вообще говоря, двусмысленна: это может быть либо *г* (как прочтено в издании), либо *т*. По конфигурации эта буква довольно похожа на заведомое *т* в *лѣта* (заведомых *г* в грамоте, к сожалению, нет). Предложенное в издании чтение *далѣ еси годѣва лѣта* имеет тот недостаток, что оно предполагает ошибку писца (пропуск слога): *годѣва* вместо *годѣ дѣва*. Чтение с *т* свободно от этого недостатка: *далѣ еси то дѣва лѣта*. В этом случае мы должны, однако, признать, что перед нами не целое предложение, а лишь конец его. Синтаксически допустимые начала этого предложения могут быть, например, следующего типа: *а чѣто гривьноу или а чѣто Завидоу*. Существенно то, что это начало должно было составлять просодически обособленную (вероятнее всего двучленную, т. е. образованную из двух тактовых групп) часть предложения; только в этом случае энклитика *еси* (после *далѣ*) могла бы оказаться столь далеко от начала предложения (а не на втором месте, как обычно); см. НГБ 1977—83, с. 155—156. Реконструируемая фраза (*а чѣто...*) *далѣ еси, то дѣва лѣта* «что касается того, что ты дал.., то [прошло уже] два года» и по структуре, и по общему смыслу сходна, например, с фразой *како ты оу мене и чѣстное дрѣво възъмѣ и вевериць ми не присълеци, то девѣтое лето* из грамоты № 246.

Заметим, что предложенное здесь новое прочтение заставляет нас признать, что утраченная правая часть грамоты была довольно велика.

№ 118 (вероятно, XII₂). Грамота опубликована в виде трех разрозненных фрагментов, причем характер разрывов таков, что, кроме имени адресата (кѣ *Нестроу*), прочесть в ней не удалось практически ничего (о фантастичности предложенного издателями чтения *не ходѣ ко Шедѣре* «не ходи к Шедре» см. в НГБ 1977—83, с. 191). Дополнительное изучение грамоты позволило, однако,

установить, что два из трех фрагментов соединяются друг с другом, а третий отделен от них лишь небольшой лакуной. В результате оказалось возможным восстановить некоторую часть текста грамоты. Приводим прорись и чтение грамоты заново.

...[ь]кънестъроунее
 ...[в]ьне[Ѹ]о[л]ькошедьре
 ...АЗЪВЪЗАЛЬ
 [т]оалиесивъ...ль[авор]оти
 хотатьв... ...ЗА[т]и

Прорись грамоты № 118

Как уже установлено издателями, грамота № 118 написана тем же почерком, что и грамота № 115, которая начинается словами: +Ѡ Прокощъ къ Ньстьроу. Весьма вероятно, что грамота № 118 начиналась так же (особенно если учесть, что перед къ здесь видно [ь]). Это дает приблизительную оценку длины лакуны в левой части начальных строк. Основной текст письма начинается с *не*. По-видимому, это отрицание *не* с каким-то глаголом. Выбор глаголов, начинающихся с *e-*, очень невелик. Отсюда предположительное чтение *не е| (мли)* (или *не е| (ни)*, если допустить здесь переход *мл' > н'*, см. ниже, Изуч. яз., § 10). Остаток ...[в]ьне почти наверное принадлежит словоформе (*гри*) [в]ьне. Получается вполне осмысленный текст: *не е| (мли гри) [в]ьне [Ѹ] Олькоше дьре...*: *АЗЪВЪЗАЛЬ [т]о* можно интерпретировать как «я это взял». Далее восстанавливается: *али еси въ(за)ль, [а вор]оти* «если же ты взял, то верни». Со смыслом предшествующего текста это согласуется достаточно хорошо. Последняя строка слишком повреждена; кончалась она, вероятно, словом (*въ*)ЗА[т]и.

С предложенными конъектурами текст предстает в следующем виде:

(+Ѡ Прокощ) [ь] къ Ньстьроу. Не е| (мли гри) [в]ьне [Ѹ] Олькоше дьре...: АЗЪВЪЗАЛЬ [т]о. Али еси въ(за)ль, [а вор]оти: хотать в... (въ)ЗА[т]и.

Перевод:

«От [Прокши] к Нестеру. Не [бери] гривны у Олекши... (далее могло идти уточнение того, о какой подати или о каком долге идет речь): я это [уже] взял. Если же ты взял, то верни: хотят... взять» (может быть, речь шла о том, что лица, понесшие на этом ущерб, собираются взять за это какой-то штраф).

Разумеется, многие детали документа истолкованы здесь весьма гипотетично, однако общий характер его содержания все же достаточно ясен.

№ 123 (XI₂). Грамота была в древности разрезана на большое число вертикальных полосок, из которых до нас дошло четыре. В двух случаях полоски попарно соединились, но этого оказалось недостаточно для какой-либо реконструкции текста: издатели смогли извлечь из всего документа лишь слово: (*г*)рамота. Дополнительное изучение показало, однако, что между двумя имеющимися ныне

кусками грамоты в действительности утрачена лишь одна вертикальная полоска, причем довольно узкая (шириной примерно в одну букву). Это дало возможность частично реконструировать текст грамоты. Обнаружена также одна неточность в прориси: в четвертой строке читается не зѣбѣд, а зѣвѣд.

В левом краю грамоты, по-видимому, утрачена лишь одна вертикальная полоска шириной в одну-две буквы: в первой строке недостает только з или +з. В правом краю, насколько можно судить, исходя из приблизительной оценки длины стоявших в строках 1—2 имен, утрачено порядка 8—12 букв. Шестая (неполная) строка грамоты была последней.

Предлагаемое чтение грамоты (с наиболее надежными конъектурами) таково (передаем текст строка в строку):

(г)рамота Ѡ чр(ь)...
-- датѣ [Ѹ] ко[г](о)...
[а] повѣ(ж)ь ми...
(л)зѣ вѣд[а]ю а [п]...
(мъ)нѣ грамотѸ...
--е-ьс-

Утраченная средняя полоска в первой строке захватила лишь часть конечного а слова (з)рамота; может быть, была еще, например, разделительная точка. Во второй строке от предполагаемого [Ѹ] остался правый верхний усик. В третьей строке от реконструированного (ж) не осталось практически ничего (может быть, лишь кончик правого нижнего штриха). В четвертой строке от [а] частично сохранилась правая часть. В пятой строке утратилась лишь левая половина буквы м. Последняя строка пока не поддается реконструкции; укажем лишь, что перед е стояло и, и или ц, после е — з, и или м, после с — может быть, ѣ или ы (или ѣ).

Имя автора грамоты скорее всего начиналось на <чърн->: Чърнѣта, Чърнѣкъ, Чърногубъ и т. п. При этом записано оно было по старославянскому образцу — с рь (или, может быть, даже рѣ) вместо ѣр (ср. написания Вльчкови и длъжьнь в близкой по времени грамоте № 336). Данная реконструкция основана на том, что в собственно древнерусской орфографии в XI в. сочетание букв чр было вообще невозможно. Имя адресата оканчивалось на -ѣта (Твърѣта, Радѣта и т. п.). Восстановить содержание письма, разумеется, невозможно, но кое-что угадывается: «У кого (или: если у кого-либо) [что-то происходит], сообщи мне, [а о том-то] я знаю (или: сообщи мне, [чтобы об этом] я знал И [пришли] мне грамоту...»

№ 129 (XIV/XV). Дополнительное изучение оригинала подтвердило высказанное в НГБ 1977--83, с. 191 предположение, что в четвертой строке написано не мѣда (как в издании), а мѣла, т. е. «мыла» (с ѣ вместо ы в соответствии с характерным для данной грамоты эффектом ы → ѣ).

№ 133 (XIV.). А. А. Медынцева предложила читать в третьей строке этой грамоты не сувладн... (как в издании), а сукладн..., т. е. начало слова сукладн(икомо) (Медынцева 1973, с. 26). В. И. Поветкин дополнительно исследовал спорную букву в оригинале и пришел к выводу, что автор вначале написал в, а затем переправил его на к. Таким образом, перед нами здесь не особое, а обычное название «сукладника», т. е. компаньона.

№ 148 (последняя треть XIII). Вопреки чтению издателей (а также ряду комментариев к этой грамоте, в том числе НГБ 1977—83, с. 193) нет оснований считать, что в сочетании не займак (в начале третьей строки) не — это именно отрицание. Поскольку правая часть грамоты утрачена, здесь с равным успехом можно предполагать, например, (Ива) | не займак, (Ѹ ме) | не займак и многое другое. Перед нами пример нередко встречающейся в толкованиях берестяных грамот ошибки (легко объяснимой, впрочем, с психологической точки зрения), состоящей в том, что начало случайно сохранившегося фрагмента принимается за начало слова.

№ 159 (XII₂). Два фрагментика, из которых состоит эта грамота, в действительности непосредственно соединяются друг с другом, образуя единую строчку (вероятно, неполную):

+Ѓ Клишь ко Чюди[н]оу и ко жен[e]...

Хотя нет полной уверенности в том, что *жен[e]* — это законченное слово, самым вероятным является все же перевод: «От Клиши к Чудину и к [его] жене».

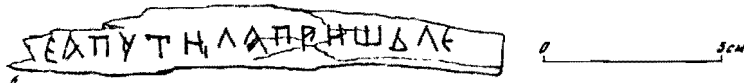
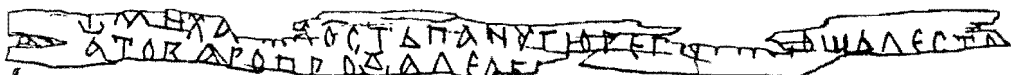
№ 160 (сер. XII). Сверх прежних поправок к чтению этой грамоты, предложенному издателями, нужно указать следующие. В первой строке читается не *Ростихъ*, а *Ростику*, во второй строке — не *бжръръи*, а *бжръръи* (это явно слово *бжръи* «бурый», с ошибочным повторением слога). Таким образом, буква *ъ* не встречается в этой грамоте вообще.

№ 162 (XV₁). В издании на фотографии этой грамоты (вклейка после с. 46) вначале показана внутренняя сторона грамоты (на *Риггорьи* и т. д.), а ниже — внешняя (на *Терехъ* и т. д.); между тем на прориси и в публикации текста (с. 48) порядок сторон обратный. Как известно, подавляющее большинство берестяных грамот написано на внутренней стороне бересты и в двусторонних грамотах текст обычно начинается с внутренней стороны. Специальное изучение данной грамоты позволяет полагать, что она тоже не была исключением из этого правила; иначе говоря, в публикации текста порядок следования сторон ошибочный. Дело в том, что на внутренней стороне бересты текст выписан гораздо более тщательно, чем на внешней; в частности, цифры выделены точками с четырех сторон (тогда как на внешней стороне единственная цифра 4 отмечена всего одной точкой справа); на внешней стороне почерк мельче и имеется довольно заметное число ошибок и недописок.

Необходимо также внести некоторые буквенные исправления в чтение издателей. В конце последней строки внутренней стороны следует читать *гривни*, а не *гривнъ* (хотя действительно писец, возможно, пытался исправить это потом на *гривнъ*). На внешней стороне в конце первой строки читается *Лоутьанъ*, а не *Лоутьань*. В начале пятой строки стоит *чахъ* (не *чахъ*). Дальнейшее чтение этой строки в издании (*полтинна у Сеш*) неверно; следует читать: *полтин* (с недописанным конечным *а*) на *Меш*. Конец имени утрачен из-за обрыва в следующей строке; очевидно, это было на *Меш* (къ); ср. структуру всех остальных долговых записей в этой грамоте (везде используется только оборот с предлогом *на*).

№ 165 (последняя четверть XII). Грамота издана в виде пяти разрозненных фрагментов, в которых, помимо адресной формулы, издатели читают только *а товаро продале* и *Поутила пришьле* (и переводят: «а товар продал», «Путила пришлет»). Дополнительное изучение показало, однако, что четыре из пяти фрагментов складываются воедино, а пятый, хотя и отделен от них, но занимает вполне определенную позицию в рамках первоначального единого фрагмента. Приводим прорись и чтение грамоты заново.

Ѓмиха-акоствъпануогюрег[итид]ошьлесто... ..еапоутилапришьле
а товаро продалеаб...

Прорись грамоты № 165

Перед *сапоутила*, судя по характеру облома бересты, возможно, стояла буква *л* или *м*.

Текст может быть разделен на слова так:

Щ *Миха(л)а* ко *Стьпану*. *Гюрег[и ти д]ошьле с то... ..е*. *А Поутила* *пришьле*, а *товаро* *продале*; а б...

Допустимо предположение, что в месте разрыва стояло *с то(варо)[м]е* «с товаром» (но не исключены и другие конъектуры).

Перевод:

«От Михалы к Степану. Гюргий дошел [с товаром (?)]. А Путила пришел (т. е. вернулся), а товар он продал...»

Таким образом, перед нами сообщение о ходе купеческой деятельности. Относительно действующих лиц этой грамоты см. подробнее ниже, с. 188—189.

Кажущиеся на первый взгляд возможными переводы «пришлет» для *пришьле* (ср. выше) и «дошлет» для *дошьле* в действительности неприемлемы: во-первых, они не дают правдоподобного смысла для грамоты в целом; во-вторых, переход [сл'] > [с'л'] > [ш'л'] в основе презенса глагола *слати* для XII в. еще никак не засвидетельствован; первые надежные примеры с *шл-* (*шьл-*) появляются в берестяных грамотах лишь с конца XIII в.

№ 166 (XIV/XV). В последней строке отрезок *ажешън...* следует делить на слова так: *аже шън...* (без вычленения отдельного слова *ш*); см. об этом ниже, Изуч. яз., § 36.

№ 167 (кон. XIV). Дополнительное изучение грамоты показало, что в издании имеются некоторые ошибки в опознании букв (помимо ошибочного чтения *и нь* вместо *ннь*, уже отмеченного в НГБ 1977—83, с. 194). Так, в конце первой строки стоит не *из*, а просто *и*. В начале второй строки вместо *злостыщи* следует читать либо *злостыщъ* (с лишним штрихом после *т*), либо, может быть, *злост[ь]ищъ* (с дефектным *ь* после *т*). Таким образом, топонима **Злостыща* в грамоте нет. Речь идет о мельнике *и|з Лостыщъ* или *и|з Лост[ь]ищъ*, т. е. деревня называлась *Лостыщъ* или, может быть, *Лостыщъ*. Далее, в предпоследней строке нет слова *горюнами*, которое усматривают здесь издатели. В действительности первая буква здесь — *ч* (а не *з*), четвертая — *о* (а не *ю*), т. е. написано *чоронами*. Очевидно, это Т. мн. от *черень* «солеварный котел», «глубокая сковорода для выпарки соли». Вероятно, *р* здесь отвердело, отсюда *оро* вместо *ере* (едва ли за написанием *чорон-* стоит [ч'ор'он-], так как переход *е* в *о* перед мягким *р* маловероятен). Таким образом, предлагается следующее чтение грамоты № 167: *Чолобитыж* Щ *мельника и|з Лостыщъ* (или: *Лост[ь]ищъ*) *к Юрью к Онци|форову*. *Чоби, господине, | попецелшлеса чоронами*. *А н|нь послш свои чоловѣкъ къ* «Челобитье от мельника из Лостыщ (Лостыщ) Юрию Онцифоровичу. Позаботился бы ты, господин, о солеварных котлах. Пошли же теперь своего человека». Какое отношение имел мельник к солеварному делу, остается пока не вполне ясным; не исключено, что мельником здесь назван человек, занимавшийся именно помолом соли, а не зерна.

№ 168 (сер. XII). Грамота может быть прочтена несколько полнее и точнее, чем в издании, а именно: первая строка — ... *оу Дѣмитра пѣль :аї: гривень, оу Радѣка :[в]:(з)р(и) [в] - -;* вторая строка — определенно читается *по нъгате* (*н*, по-видимому, исправлено из *п*); перед этим, возможно, стоит ... [*костича*], но это не вполне надежно.

№ 169 (XIV/XV). Согласно издателям, под последним словом пятой строки (*клещъ*) имеется еще подписное *е*; оно изображено (слабыми штрихами) и в прориси. Издатели расценивают это *е* как поправку, которая должна превратить *клещъ* в *клеще*. Дополнительное изучение грамоты показало, что никакой подписной буквы тут в действительности нет: за *е* был принят небольшой дефект бересты.

В НГБ 1977—83 (с. 120) при разборе вопроса о значении и-происхождении слова *клещъ* отмечено, что значение «лещ» было предложено в работе А. В. Кузы и А. А. Медынцевой, опубликованной в 1974 г. (см. там же, с. 218). Необходимо добавить к этому, что то же самое решение было предложено в опубликованной в том же году работе: Попов 1974.

№ 181 (XI₂). Обращение к оригиналу показывает, что в начале текста стоит просто *грамота* (не *трамота*, как дано в издании). Вертикальной черты после Ѡ в грамоте в действительности нет: это дефект бересты.

№ 184 и 185 (XIV₂). Эти два обрывка найдены в одном и том же ярусе на мостовой Великой улицы, на расстоянии примерно 6 м друг от друга. Как показывает сличение начертаний всех представленных в них букв, обрывки написаны одним и тем же почерком. Друг с другом обрывки не смыкаются, поэтому доказать их принадлежность к одному и тому же первоначальному документу нельзя (хотя такая возможность тоже не исключается).

№ 191 + 192 (нач. XIV; о том, что это два фрагмента одной и той же грамоты, см. НГБ 1977—83, с. 235). Чтение с *Оо-лемовими людми*, предложенное издателями, требует коррективов. Дело в том, что над строкой здесь вписаны еще две буквы: над *оо* вписано *а*, над *ол* — *р*, т. е. запись фактически имеет вид *со-о-р-лемовими*. Это значит, что автор решил исправить написанное им вначале с *Оо-лемовими* на *с Ао-ремовими*. Как часто бывает в подобных случаях, ставшие при этом лишними буквы *о* и *л* оставлены незачеркнутыми. Начальное *А* в *с Ао-ремовими* — такое же, как в *к атцеви* 404, *к Аль-имие* 657, *к Аноо-имюу* Пск. 6 и др., см. ниже, Изуч. яз. § 51. Буква *л* вместо *р* в имени *Офр-ѣмъ* — вероятно, не описка, а отражение реально существовавшего простонародного варианта *Офл-ѣмъ*, который автор решил все же заменить на более регулярный вариант с *р*.

№ 196 (нач. XIV). Начало сохранившейся части грамоты прочитано в издании неполно и не совсем точно. Выше первой из строк, воспроизведенной в издании, сохранился остаток предшествующей строки (а именно самого ее конца): последняя буква — несомненное *м*, а перед ним остатки букв допускают чтение [*к се*]. Начальная буква следующей строки имеет вид *о*. Данное в издании (без всяких оговорок!) чтение *Ѡ* основано на не высказанной прямо гипотезе о том, что здесь были также верхние усики, которые оказались срезанными при обрезке. Однако последовательность [*к се*]*м* | *Ѡ* бессмысленна (по крайней мере, в данном контексте), а словоделение [*к се*]*м* | *Ѡ* невозможно, поскольку слово не должно оканчиваться на согласную. Между тем [*к се*]*м* | *о* — совершенно правильная для данной грамоты форма связи, ср. несомненное *к семо* в предпоследней строке. Таким образом, сочетание *Ѡ Милослава* оказывается фикцией: предлога *Ѡ* здесь нет. Далее издатели читают *поставило*, однако от первой буквы здесь фактически видны лишь нижние кончики ножек, т. е. это с равным успехом может быть и буква *и*. В результате мы приходим к следующему чтению начальной части грамоты: ... [*к се*]*м* | *о* Милослава [*и*] *оставило* 4 кадце | пшенице то же полти 2 — и лоньски | и нышецеи. Поскольку слово *к семо* должно занимать во фразе второе место (см. НГБ 1977—83, с. 155—157), следует предполагать, что непосредственно перед ним стоял (один или в сопровождении каких-то клитик) глагол в перфекте. Угадать его значение едва ли возможно (это может быть, например, «пожаловал», «протил», «освободил [от долга]», или, наоборот, «не протил», «не отпустил» и т. п.). Перевод: «Я... (характер действия неизвестен) Милослава и оставил 4 кади пшеницы и два полтя — прошлогодний и нынешний».

№ 199 (2-я четверть XIII). По мнению издателей, мальчик Онфим, поставив в алфавите два раза *и* (вместо *и* *и*), в дальнейшем исправил свою ошибку, поместив *и* в самом конце алфавита, после *ж*. С этим нельзя согласиться: букву *и* Онфим во всех своих грамотах пишет с перечеркиванием посередине, т. е. в виде вытянутого крестика. В данной грамоте после *ж* стоит лишь маленький вертикальный штрих. Очевидно, это не буква *и*, а просто разделительная черточка, отделяющая конец алфавита от начала складов (сразу вслед за нею идет первый склад — *ба*).

№ 212 (XIII₂). Эта грамота входит в группу фрагментов — № 212, 214, 216 и 217, — написанных одним и тем же почерком. При этом, по наблюдениям В. И. Поветкина, № 214 и 217, судя по текстуре бересты, являются частями одной и той же грамоты (но между собой они не смыкаются). К сожалению, все фрагменты слишком малы, т. е. являются лишь ничтожными частями соответствующих первоначальных документов.

№ 214. См. № 212.

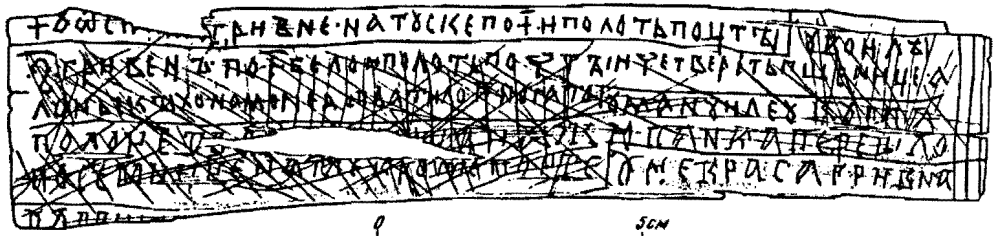
№ 215 (XIII₂). В слове *резано* (вместо *резано*) *е* исправлено из *о*: очевидно, при написании этого слова автор сделал одну и ту же ошибку (предвосхищение *о*) дважды, но исправил только одно место из двух. Грамота, если не считать ее правого конца, где начинался новый столбец, разделена разграничительными линиями на три графы, соответствующие отдельным должникам. Из них первая заштрихована и, по наблюдениям В. И. Поветкина, также подскоблена, вторая оставлена нетронутой, третья подскоблена. Об этих особенностях, а также о вероятном тождестве почерка грамоты № 215 со вторым почерком грамоты № 218 см. ниже, № 218.

№ 216, 217. См. № 212.

№ 218 (XIII₂). В. Л. Янин, исследовав заново эту грамоту, обнаружил несколько существенных ошибок в опубликованном издателями чтении — прежде всего тот факт, что во второй строке написано не *целои*, а *бело и*, а в четвертой не *Кюпанка*, а *Жюпанка*.

Грамота представляет собой реестр задолженностей, причем она разграфлена на разделы, каждый из которых посвящен одному должнику. При этом два из четырех таких разделов сетеобразно заштрихованы. Очевидно, такое заштриховывание функционально тождественно современному вычеркиванию, т. е. означает, что соответствующая задолженность уже погашена. Судя по грамоте № 662 + 684, где сказано, что у части должников (*взъято, а не заглажено*), можно даже предполагать, что такое вычеркивание имело свое особое наименование, а именно *загладити*. К сожалению, при изготовлении прориси издатели не сочли нужным воспроизводить штриховку; в результате была утрачена определенная часть информации о документе, а также допущена серия ошибок, связанных с тем, что элементы штриховки в ряде случаев были приняты за элемент букв. Ниже прорись и чтение грамоты приводится заново (вертикальные разграничительные линии здесь [и в аналогичных случаях в дальнейшем] условно переданы пунктиром).

+ Ѹ ѡ си == [в] · гривне · нат Ѹ скепо · ї · иполотьпоцты ! Ѹ воилы
· Ѹ · гривень · по · [е] · белоиполотьпочтыичетверетьпшенице · а
лоньскыхонамонедоплатило · ї · ногат ! Ѹ ман Ѹ иле Ѹ к Ѹ ма
полоцетве [р] = = = = = жюпанкаперешло
посемницнаекромепоцте ! Ѹ некрасагривна
Ѹ [д]ми[т]...

Прорись грамоты № 218

Заштрихованы разделы, посвященные Воиле и Мануйле. Первый раздел и раздел о Некрасе ¹ штриховки не имеют. Относительно раздела о Дмитре судить затруднительно, поскольку от него сохранился лишь крошечный уголок.

Во второй строке цифра перед *бело* читается не совсем надежно: скорее всего это *е* (т. е. 5), но не полностью исключено также *і* (т. е. 10).

¹ Как установил В. И. Поветкин, запись о Некрасе подскоблена; возможно, ее тоже «заглаживали», но несколько иным способом.

В четвертой строке перед словом *жюпанка* видны следы еще двух или трех букв (*и Ѡ?*, *на?*), но надежно идентифицировать их не удастся.

Чрезвычайно интересной особенностью грамоты, не замеченной издателями, является то, что она написана двумя разными почерками. Смена почерка происходит в третьей строке, начиная со слова *кѹма*. Отчетливо различаются начерки большинства букв; особенно заметны различия в начерках *м*, *а*, *ц*, *р*, *к*, *л*. По заключению В. И. Поветкина, второй почерк грамоты № 218 с высокой вероятностью может быть отождествлен с почерком грамоты № 215.

Разделить на слова текст грамоты № 218 можно так:

+ *ѠѠси(на)* [2] *гривне на тѹске по 10 и полоть поцты* *Ѡ Воилы 6 гривень по [5] бело и полоть почты и четверть пшенице, а лоньскихы намо недоплатило 8 ногато.* *Ѡ Манѹиле ѹ кѹма поло цетве[р](ти) ===== Жюпанка перешло, по семнице наме, кроме поцте.* *Ѡ Некраса гривна.* *Ѡ [Д]ми[т](ра)...*

Перевод:

« У Осипа 2 гривны [задолженности] по туске (род подати), [процент] по 10 (вероятно, резан²), и полть почестья. У Воилы 6 гривен, [процент] по 5 (?) бел, и полть почестья и четверть пшеницы, а прошлогодних процентов он недоплатил 8 ногат. У кума Мануилы полчетверти (возможно, пшеницы или жита) от Жупанка (или: на Жупанка) перешло, процент по семнице, не считая почестья. У Некраса гривна. У Дмитра...»

Внесенные в чтение грамоты исправления существенны как для уточнения ее содержания, так и с лингвистической точки зрения. Исправление ложного чтения *целои* устраняет единственный имевшийся до сих пор в берестяных грамотах пример XIII в. с эффектом второй палатализации внутри корня (в некнижном слове). Появление первых примеров такого рода должно быть теперь отнесено лишь к XIV в. Исправление ложного чтения *Кюпанка* устраняет имя с загадочным корнем, тогда как реально выступающее в грамоте имя *Жюпанко* имеет очевидное славянское происхождение и расширяет наши сведения о древнерусском ономастиконе. Сверх указанных существенно еще исправление прежнего чтения *по семцине* на нынешнее *по семнице*: слово *семница* уже известно из грамоты № 349 (тогда как слово *семчина* не имело прямых подтверждений).

Важно также упоминание в данной грамоте белы как денежной единицы: это одно из самых ранних таких упоминаний (еще раньше оно встречается только в грамоте № 223, см. ниже).

Необходимо отметить, что два писца грамоты № 218 различаются не только почерком, но и морфологическими особенностями. Первый писец употребляет стандартные древнерусские окончания: *-ы* в Р. ед. (*поцты*, *почты*, *ѹ Воилы*; отклоняется только *ѹ Манѹиле*, но тут, возможно, была особая причина, см. ниже), *{-ль}* в муж. роде перфекта (*недоплатило*). Второй писец, напротив, употребляет диалектные древненовгородские окончания: *{-ѣ}* в Р. ед. (*поцте*), *-е* в И. ед. муж. (*наме*). Что касается сочетания *ѹ Манѹиле*, начинающего третий раздел документа, но написанного еще первой рукой, то не исключено, что его продиктовал второй писец (очевидно, сведениями о долгах Мануилы располагал именно он); затем он решил, что проще записать все самому и забрал у первого писца писало буквально посреди строки.

№ 222 (1-я четверть XIII). В третьей строке в слове, выглядящем как *сърьвра*, буква после *сърь* в действительности резко отличается от всех прочих в данной грамоте. По-видимому, это странное начертание возникло так: автор сперва написал *сърьр* (пропустив *б*), но сразу же заметил свою ошибку и решил переправить *р* на *б* простым добавлением нижней петли. Поскольку *в* он всегда писал совершенно иначе, он, очевидно, не счел полученное им необычное *б* за что-то двусмысленное. Таким образом, здесь следует отказаться от чтения *сърьвра* в пользу чтения *сърьбра*.

² Ср. грамоту № 215 и разбор этого вопроса в ИГБ 1977—83, с. 167.

Из двух толкований сочетания *оурацю тѧ* — «встречу тебя» или «встретят тебя» — по-видимому, следует предпочесть первое, поскольку перед энклитикой *тѧ* в 3 мн. конечное *-тъ* в нормальном случае должно было бы сохраниться.

О личности адресата грамоты Гюргия см. ниже, с. 182—185.

№ 223 (1-я четверть XIII). Грамота состоит из трех фрагментов, не соединяющихся друг с другом. Это куски разграфленного долгового списка. Дополнительное изучение грамоты позволило исправить в нескольких точках первоначальную прорись. Благодаря этому в ней сейчас можно прочесть больше, чем читали издатели (хотя и сейчас, как и прежде, значительная часть текста не поддается сколько-нибудь надежной реконструкции). Укажем те уточнения, которые привели к определенному прогрессу в прочтении текста.

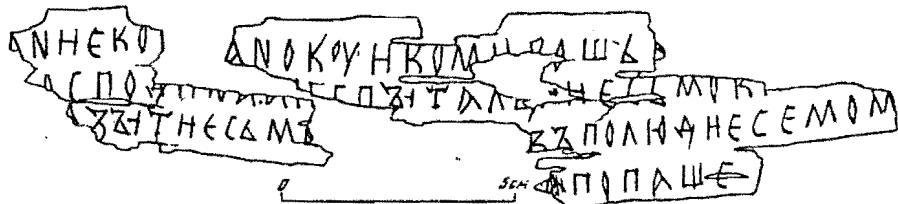
На первом обрывке (по нумерации, принятой в издании) удалось реставрировать и прочесть нижнюю строку (отчеркнутую сверху): ...*ѡудьсни-зачтъ [р]и бѣ [л]и*. За вычетом первой буквы, это полная долговая запись: *оу Дьснива чѣтъ [р]и бѣ [л]и* «у Деснива (т. е. за Деснивом) четыре белы». В слове *чѣтъ [р]и ъ*, очевидно, заменяет *ы*.

На втором обрывке в предпоследней строке его левой половины вместо *нль* в действительности следует читать *бѣлъ*. Благодаря этому исправлению данная строчка становится осмысленной: ...*[ъ]са осьмь бѣлъ* «(у некоего должника, имя которого оканчивалось на *съ*) восемь бел». Напомним, что сверх этого в данном обрывке уже и по прежней прориси можно было прочесть: а) ... *(л)оль сѣръцька* «у такого-то полсорочка»; б) *оу Ива^{ва} шесть* ... «у Ивана шесть...» в) буквы *бѣлъ*, образующие нижнюю строку левой части обрывка; на фоне прочтенных ныне словоформ *бѣ [л]и* и *бѣлъ* эти буквы тоже получают ясный смысл: перед нами конец долговой записи «(у такого-то столько-то) бел».

Важнейшим достижением нового прочтения грамоты № 223 является установление того факта, что в ней упоминаются белы (причем трижды). Это самое раннее ныне известное упоминание данной денежной единицы. Существенно также то, что словоформа *бѣ [л]и* — один из самых ранних примеров с окончанием *-и* на месте **-ѣ*.

№ 226 (уточненная датировка: 60-е — 90-е годы XII). Грамота была опубликована в виде трех разрозненных фрагментов. В настоящее время эти фрагменты удалось соединить друг с другом в единое целое (но, к сожалению, это лишь часть первоначального документа). Приводим прорись и текст грамоты заново.

...*[ѧ]ниeko [и]-анокоуикомирошь [к]...*
 ...*осподина : аиспытал [ѣт]иесьмок...*
 ...*зытисьм ===== въполюдиесемом...*
 ...*попаше*

Прорись грамоты № 226

Во второй строке буква после *испытал* может быть и не *ь*, а *ѣ*. В третьей строке перед *зы*, вероятно, стояло *а* или *ѧ*, после *есьм*, вероятно, стояло *ь* или *и*. В четвертой строке перед *попаше* стоит зачеркнутое *а*. Слово *попаше*, возможно, является последним словом строки или даже всей грамоты.

Разделение на слова этого фрагментированного текста не везде надежно: (Ѡ ... *поклан*) [Ѡ]ни^е ко [И](в)анокоу и ко Мирошь[κ](е) ... (г)осподина. А испытал[ь т]и есьмо к... ..зы ти есьм- ... въ полюдие семо м... *попаше*(...)

Говорить о связанном переводе здесь не приходится. Ясно, что письмо адресовано Иванку и Мирошке (о возможной идентификации этих лиц см. ниже, с. 182—185). Слово (г)осподина — вероятнее всего, Зв. дв. (или И. дв.) и относится к двум адресатам письма; для письма XII в. такое обращение является исключительной редкостью. Менее вероятно, что (г)осподина — это Р. ед. или В. ед. Заметим, что реконструкция начального г в этом слове основана на хронологических соображениях (ср. ниже, Изуч. яз. § 34). В дальнейшем тексте можно понять: «я ведь проверил (испытал)...», «в полюдые сюда». Слово *попаше* надежно идентифицировать вне контекста нельзя (это может быть, например, форма от *попаша* «потрава»; но возможно также, что это даже не единая или не законченная словоформа).

№ 227 (уточненная датировка: 60-е — 80-е годы XII). Грамота была издана в виде двух разрозненных кусков, причем линии обрывов столь извилисты, что, несмотря на большую общую длину текста, прочтению поддавались лишь отдельные отрывки. Дополнительное изучение грамоты привело к неожиданному результату: оказалось, что сохранившиеся фрагменты складываются друг с другом (хотя в отдельных местах кусочки бересты на линии стыка и выкрошились). В результате удалось в значительной мере восстановить один из самых больших берестяных документов древнего периода (хотя все же не до конца, поскольку левый край документа и его последние строчки были утрачены уже в древности). Приводим новую прорись грамоты и чтение текста.

...[а]н[н]ниекоматъриводаисемоу : в : гривненемогижемиматокосогре
...оусебенебоудеаизаемошигожеводатиѠгогати^{на}махоцеболого
...[т]отизем [л]ѡвадо [н]оти : г : гр[ив]ѣ == =лоуц[и]ѣтисотѣ =ривньоодиномотимъ
...жеюсед[ет] -арадокова[т]и [и] -едаепрашле[о] -едьврит[ие] ꙗ былаземляпавьлова
...[м]оусозем-етихотѡцисне[ц]ѣтислпеюциедоуцсоудовоземешедоброуюженоу[о]
...ѡцицьстьенюципеюциедоуцисодавыжеуоторогориневѣтамопоценешитиро
...наютислсаепакашьдошивоземидесаѣгривньоногатамиоуа
...аз[ок]ан[е]цетоес[ом]

При соединении фрагментов выявилось столь много новых элементов текста, что побуквенное сличение нового чтения со старым было бы бессмысленно. Ограничимся лишь указанием некоторых буквенных исправлений в неповрежденных частях текста: в пятой строке вместо *реюци* читается *пеюци* (ср. НГБ 1977—83, с. 196), в шестой строке после *торого* стоит не *у*, а *р*.

Величину утраченной левой части грамоты можно приблизительно оценить по первой строке, где недостает слова Ѡ (может быть, + Ѡ), имени автора письма и букв *покл*. Длина имени в большинстве случаев варьирует в рамках 4—9 букв (скажем, от *Фома* до *Жирославъ*). Таким образом, в строках 1—6 слева утрачено примерно от 9 до 15 букв.

С разделением на слова и с конъектурами (разной степени надежности) текст грамоты предстает в следующем виде: (Ѡ ... *покл*) [а]н[н]ни^е ко матери. Водае семоу 2 гривне. Не моги же ми, матоко, согре(шити ...³; оже ли [?]) оу себе не боуде, а и заемоши моги же водати. Ѡ тога ти нама хоце болого ...; ... [т]о ти зем[л]ѡ. Вода[н]о ти б гр[ив](ьно), (по?)лоуц[и](т)и ти сот(о г) ривньо. Одиномо ти мь(сте [?]) ...³ со Давы)жею сед[ет](и). А Радокова[т]и [и] (не дае (или: (в)едае), прашле, [о](т)е (или: [о](ж)е) дьвьри т[и] е ꙗ была земля Павьлова. ...[м]оу со зем(л)е ти хотѡци сѡ не [ц]ѣтисл. Пеюци едоуц, соудо воземеше доброую женоу; п[о]... ... (сед?)ѡци, цьсть енюци,

³ Разрыва в этом месте могло и не быть (если имя автора письма было достаточно коротким, ср. выше).

пеюци едоуци со Давыжею. А того риневъ, тамо поценеши тиро(вати [?] ... И кланяю ти сѧ, а се пакы шьдоши воземи десѧть гривно ногатами оу А... (из последней строки удастся вычленить только *цето ес[ом]...*).

Полный связный перевод грамоты ввиду утраты левого края невозможен. Приводим перевод сохранившихся частей текста с предположениями о возможном содержании некоторых из лакун.

«[От такого-то] поклон матери. Выдай сему (т. е. подателю письма) две гривны. Не вздумай, матушка, [слукавить. Если] у себя не найдется, так даже занявши непременно выдай. От этого нам двоим (*менее вероятно*: от этих процентов) будет благо. [Такое-то место — это] тебе земля. Выдано тебе шесть гривен, [получить] тебе (предстоит) сто гривен. Вместе [тебе следует с Давыдовой женой] сидеть. А Радкова жена [тебе не дает] (*другой вариант*: это знает), просит, [чтобы] это была земля ее деверя Павла (*другой вариант*: спрашивает, не была ли эта земля [землей] ее деверя Павла). [... По поводу какой-то платы (может быть, аренды — *наемому*) с земли ты хотя бы не вступай в расчеты. Полноправно живя (*буквально*: «пья-едя»), пойдешь на (третейский) суд (по-видимому, с Радковой женой) к какой-нибудь знатной женщине. [... Пока же живи] с Давыдовой женой, получая [от нее] почет, деля питье и еду. А [если] бросим (?) мы двое торговлю, то ты там будешь жить (?)... И еще прошу тебя, сходи возьми десять гривен ногатами у А...».

С лингвистической точки зрения в нынешнем чтении грамоты № 227 полезно отметить следующее. *Нама* — это либо «нам двоим» (от *вѣ*), либо Р. ед. от *намъ* «процент». Конструкция *дъври еѧ земля Павьлова* «земля ее деверя Павла» отражает характерный для древнерусского языка, весьма нетривиальный с синтаксической точки зрения, способ передачи отношения принадлежности (см. Изуч. яз., § 59). оборот *хотѧци сѧ не [ц]ѣтисѧ* (если только он правильно нами истолкован) представляет собой ранний пример «дублирования» *сѧ* (ср. об этом явлении НГБ 1977—83, с. 143). Трудное место *торогориневъ* истолковано нами здесь как (*търъгъ риневѣ*), с формой 1 дв. от *ринути* «бросить», «толкнуть». Интереснейшее явление представляет собой переход *мл' > н'* в форме *ениоци* «принимая», «получая»; см. об этом подробно ниже, Изуч. яз., § 10.

№ 228 (уточненная датировка: 60-е — 80-е годы XII). Конец второй строки, не прочитанный издателями, может быть со значительной степенью надежности прочитан, а именно: *оу Горег[ѧ девѧте]*. Форма *Горьгии* как один из вариантов имени Юрий (Гюрьгий) известна; в частности, в записи к Евсевиеву евангелию 1238 г. сказано: *коли сѧ женило Горгии князе, а Ѡць ѧ моу в оугры ходило* (речь идет о князе Юрии, сыне Льва Даниловича Галицкого, см. Каталог, № 184, с. 210).

№ 235 (уточненная датировка: 60-е — 70-е годы XII). Грамота нуждалась в реставрации. После реставрации была изготовлена новая прорись, которая позволила точнее прочесть начало третьей строки. Приводим прорись и текст грамоты заново.

+ отъс Ѡдише : кѧнажир Ѡ : сежѧдѣкепославъ : ѧбетникадова : ипограбилама : вѣбратнидолг
аѧ[неп]ор Ѡ цене : жѧдж Ѡ : авѣзборониемоу
отинеп[осл]енама ѧ опас[а]...
ед Ѡ в...

Текст с разделением на слова:

+ *Отъ СѠдише къ НажирѠ. Се Жѧдѣке пославъ ѧбетника дова, и пограбила ма вѣ братни долгъ. А ѧ [не п]ор Ѡцене ЖѧджѠ. А вѣзборони емоу, оти не п[осл]е на ма опас[а]... ЕдѠ в ...*

Перевод:

«От Судиши к Нажиру. Вот Жадко послал двух судебных исполнителей, и они ограбили меня за братный долг. А я не поручитель [за брата] перед Жадком.

Запрети же ему, пусть не посылает на меня сражу... Еду в... (вероятно, в город, т. е. в Новгород)».

Новое состоит здесь в том, что удалось прочесть *а ѡ [не п]орѣцене*; ранее предлагалась конъектура *а ѡ(зѣ) [п]орѣцене* (НГБ 1977—83, с. 171 и 240). Следует признать, что полученное ныне чтение дает более логичный смысл: Судиша протестует против произведенной у него конфискации имущества, как противозаконной, поскольку он не брал на себя поручительства за брата.

Сочетание *въ братици долъгъ* оценивалось нами ранее как двусмысленное: М. ед. (долъгъ = {дѣлгѣ}) или В. ед. (долъгъ = {дѣлгѣ}). Накопленные к настоящему времени наблюдения над древненовгородским диалектом теперь уже позволяют сделать здесь обоснованный выбор: перед нами М. ед. Аргументы здесь таковы: 1) смещение *ь* и *ѣ*, характерное для берестяных грамот XI и начала XII в., в более поздний период, к которому относится грамота № 235, уже не встречается; 2) для В. ед. *дѣлгѣ ожидалось бы скорее *дѣлгѣ* (или *дологѣ*), а не *дѣлгѣ*, поскольку **ѣл* находится здесь в сильной позиции; 3) для В. ед. от притяжательного прилагательного ожидалось бы скорее *братень*, чем *братици*.

№ 237 (60-е годы XII — рубеж XII и XIII). От грамоты сохранилась только первая строка (причем нижняя часть многих букв утрачена). Адресная формула была прочтена издателями достаточно надежно; мы можем записать ее так: *Ѡ Бѣриса къ Стани[л]ѣ и къ Жи[рошь]*. Однако с предложенным в издании чтением начала основного текста письма (*есмѣ не вѣлоца въ вло...*⁴ «я без задержки») никоим образом нельзя согласиться — хотя бы потому, что древнерусское предложение не могло начинаться со связки *есмѣ* (см. НГБ 1977—83, с. 155—157). В настоящее время мы уже можем предложить вполне удовлетворительное с грамматической и семантической точки зрения прочтение этой части грамоты: *[се] мьне въ[лоца] въ в[а]ю* «вот меня таскают (в суд) за вас двоих». Значение «таскать по судебным инстанциям», «подвергать судебной волоките» у глагола *волочити* известно; ср., например, в челобитной 1624 г.: *доскаю^т (вместо таскаю^т) меня холопа твое^г в Конюш[ен]ной приказ^ь..; вели, г^дрь, посла^т память..., чтобы меня... не тоскали*; в резолюции на эту челобитную сказано: *посла^т памя^т в Конюше^нной прика^з что^б ево на красню волочи^т не велѣли* (МДБП, с. 45). Синонимичность в данном контексте глаголов *таскать* и *волочить* выступает здесь вполне наглядно. Другие сходные примеры см. в Слов. XI—XVII, вып. 3, с. 11, статья *волочити*, знач. 3 и 4, а также МДБП, с. 84, 95 и др. Относительно *въ ваю* «за вас (двоих)» см. также ниже, Изуч. яз., § 80. Отметим, что двойственное число (*ваю*, а не *ваѣ*) точно соответствует тому факту, что адресатов письма двое.

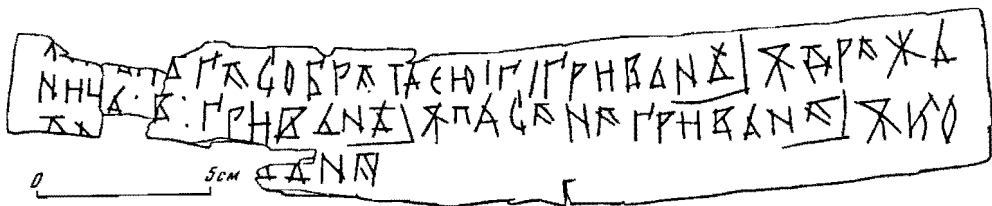
№ 238 (XI/XII). Во второй строке между *цѣто же за* и *твориши* имеется небольшая лакуна, для которой не было предложено сколько-нибудь определенных конъектур. Дополнительное исследование оригинала позволило прочесть это место практически надежно. После *за* стоит несомненное *м*, затем, по-видимому, остаток *ѣ*; перед *твориши* усматривается верх от *ю*. Оставшаяся между *ѣ* и *ю* лакуна может вместить всего лишь две буквы. Отсюда прочтение: *цѣто же за м[ѣ](но)[ю] твориши*. Таким образом, грамота в целом получает теперь следующий вид: ... *Несѣдичеви полъ пѣтѣ рѣза[нѣ, а] (мѣ)нѣ еси | вѣдале дѣвѣ коунѣ; цѣто же за м[ѣ](но)[ю] твориши | [за] мѣною осмь коунѣ и гривна? поиди же въ горо(дѣ, м)[о]гоу сѣ съ тобою ѡти на водоу*. Восстановленное нами за *мѣною* и такое же за *мѣною* в следующей строке — скорее всего, просто дублируют друг друга, т. е. одно из них излишне, но не вычеркнуто (ср. разбор аналогичных примеров в НГБ 1977—83, с. 162). Перевод: «[Ты дал (?)] Несдичу четыре с половиной резаны, а [мне] ты дал две куны. Что же ты утверждаешь, будто за мной восемь кун и гривна? Пойди же в город — могу вызваться с тобой на испытание водой».

⁴ Текст приведен здесь в записи издателей. В действительности многие буквы читаются неоднозначно, а буква после *м* — это заведомо *ь*, а не *ѣ*.

Менее вероятно, что словосочетания *за мною* не дублируют друг друга (т. е. что смысл соответствующего пассажа примерно такой: «Что же [за долг] ты за мною числишь! За мною [в действительности] восемь кун и гривна»).

№ 240 (XII). Грамота издана в виде двух не связанных между собой фрагментов; издатели исходили из того, что связующая их часть документа утрачена. Дополнительное изучение грамоты показало, что это не так: фрагменты безукоризненно сходятся между собой. Особенность лишь в том, что по отношению к толщине грамоты разрыв прошел косо, т. е. линии разрыва в верхнем и нижних слоях бересты не совпадают. Соответственно фрагменты при соединении потребовалось не просто прикнуть друг к другу, а слегка наложить друг на друга краями. В результате оказалось, что перед нами почти целый документ: утрачена лишь одна или две буквы в первой строке и около шести букв в третьей строке. Приводим прорись и чтение грамоты № 240 в ее нынешнем, реставрированном виде.

ж-[ъ]нѣгасобратъею : г : гривнѣ : ждражь
ниць : в : гривнѣ : жпсьанагривьна : жко
[ло]===== [в]ьна :

Прорись грамоты № 240

То же с разделением на слова: **Ж**=[ъ]нѣга со братъею 3 гривнѣ. **Ж**Дражьниць 2 гривнѣ. **Ж** Пьсана гривна. **Ж** Ко[ло]=== (гри) [в]ьна.

Это долговой список. По сравнению с изданием выявилось новое имя: **ж** Дражьниць — у Дражничей (сыновей или потомков Дражна). Первое имя — вероятно, *Внѣгъ*, т. е. *Вонег*; это имя известно из берестяных грамот № 348, 613 и 710. Последнее имя восстановить не удастся (не исключено также, что оно начиналось не на *Ко[ло]*-, а на *Ко[м]*-).

№ 241 (1-я треть XII). От грамоты сохранился только нижний слой бересты, поэтому она читается с очень большим трудом, особенно в правой части листа. Тем не менее тщательное дополнительное исследование позволило существенно уточнить прежнее чтение (хотя полностью восстановить весь текст все же не удалось). Приводим прорись и текст грамоты заново.

Ѡжъснатинакъжданъза [п]ла - -
стъпанцюкор[о] - - [р] - - - [нож] - - [п]ж
тишианаотрокед - - - то - -
бжди

Слабые следы букв на двух последних местах первой строки, по-видимому, допустимо интерпретировать как [ти].

Разделение грамоты на слова в ряде мест проблематично:

Ѡжъснатина къ Жданъ. За[п]ла(ти) Стъпанцю кор[о] - - [р] - - - [нож]
- - [П]жтиши, а на отроке д - - - то - - - бжди.

Полный перевод грамоты пока невозможен. Понятно начало: «От Кснятина к Ждану. Заплати Степанцу...» Примерный смысл конечной части: «А за отрока (или: за отроком) ... пусть будет» (не исключена, например, реконструкция типа *дъве) то(бе) бжди*, но это гадательно).

Несмотря на то что грамота все еще не может быть полностью прочтена, достигнутый прогресс значителен. Отметим, в частности, что вместо *бѣди* издатели читали *вѣда*, вместо *Къснѣтина* — *Къснѣтина*, вместо *Жьданѣ* — *Жьданѣ*. Буквенные исправления, полученные в последних двух случаях, показали, что в данной грамоте, вопреки прежним предположениям, нет взаимной мены букв *ѣ* и *ь*.

№ 243 (XV). В строках 3—4 издатели читают *толрѣѣ* «тебе», объясняя это «вставкой ненужного *р*». С этим нельзя согласиться: буква *р* пишется в грамоте совершенно иначе (причем абсолютно одинаково во всех случаях ее употребления). По-видимому, автор начал писать *б* и уже выписал все элементы, кроме дуги, образующей кузов; в этот момент он по ошибке начал выводить штрих, характерный не для *б*, а для *в* (ср. букву *в* в данной грамоте). Заметив свою ошибку, он просто бросил незаконченную букву и рядом написал правильное *б*.

По мнению издателей, *Корѣлинѣ* — это фамилия автора (*Сменко Корѣлинѣ*). В. Л. Янин предположил гораздо более убедительное решение: *корѣлинѣ* — это просто «карел»; ср., например, *Новзѣ лопинѣ* «Новзе-лопарь» в грамоте № 249.

Издатели пишут: «Автор письма, по-видимому, ключник... Письмо довольно бессодержательно: ключник сообщает, что он ждет распоряжений хозяина. В переводе грамота не нуждается». Со всем этим трудно согласиться — особенно с утверждением (часто повторяемым и в других случаях) о ненужности перевода. Приводим грамоту с ее наиболее вероятным, с нашей точки зрения, переводом: *Поклонѣ ѿ Сменка ѿ корѣлина. Пришле, гнѣ, т кобѣ* (вместо *к тобѣ*) *на село на Пытарево. Цимѣ кго пожалушь? И ты, всѣдне, прикажи всѣкок слово. А назѣ тобѣ свокму гнѣ цоломѣ бѣю* «Поклон от Семенка-карела. Он пришел, господин, к тебе на село Пытарево. Чем его пожалуешь? Ты, господин, прикажи любой приказ. А я тебе, своему господину, бью челом». Очевидно, Семенко-карел — отнюдь не ключник, а крестьянин, пожелавший перейти к другому феодалу. Письмо представляет собой выраженную в почтительной форме просьбу о наделе; возможно, об этом переходе уже имелась какая-то предварительная договоренность с феодалом. Судя по путанице в употреблении местоимений, письмо писал не сам Семенко-карел, а какое-то третье лицо.

№ 244 (нач. XV). Понятная часть этой оборванной сверху и снизу грамоты начинается словами: *слово за мене владыцѣ*. Но можно высказать гипотезу о том, какое слово предшествовало этому отрезку. Перед *слово* стоят две буквы, которые естественнее всего интерпретировать как [*те*]. На предыдущей строке за несколько букв до конца строки видно надежное *з*, за которым, по-видимому, следует [*а*]; до конца строки остается место еще для 4—5 букв. Отсюда следующая гипотетическая реконструкция текста: *з[а](молви) | [те] слово за мене владыцѣ*.

№ 245 (XI). В этом небольшом обрывке, по словам издателей, «для разделения на слова и для толкования нет никаких данных». В действительности, однако, положение не столь безнадежно. Более тщательно изготовленная прорись и более внимательное изучение сохранившихся частей букв позволяют прочесть почти весь текст фрагмента. Приводим прорись и чтение грамоты заново.

...[ь]намоѣзато[бою]...

...р[ь]мно : вельмидобро·ѣ·[л]ок[ѣ]...

В конце второй строки [*л*]ок[ѣ]... — это явно начало словоформы *локѣтъ* «локтей», «аршин». В той же строке ...р[ь]мно — это скорее всего конец словоформы *чърьмно* «красное» (определение к стоявшему левее названию ткани — вероятно, *соужно*); менее правдоподобно чтение ...р[ѣ]мно (в этом случае затруднительно предложить подходящую конъектуру). Угадать слово на ...[ь]на (или на ...[ѣ]на), стоявшее в первой строке, едва ли возможно (словоформа *гривна*, судя по сохранившимся кончикам букв, не подходит).

Текст можно разделить на слова так: ...[ь]на моѣ за то[бою] ... (чь)р[ь]мно вельми добро 7 [*л*]ок[ѣ](тѣ) ...

Перевод: «... моя за тобой, ... [сукно (?)] красное (?), очень хорошее, 7 аршин...»

Очевидно, перед нами фрагмент письма, посвященного купеческим делам. В силу исключительной древности грамоты даже столь фрагментарное свидетельство оказывается весьма ценным.

№ 246 (XI). Как показало дополнительное изучение грамоты в оригинале, последнее слово грамоты читается не *добрѣмъ* (как в издании), а *добрѣмь*. После этого исправления в грамоте остается лишь один пример написания *ѣ* вместо *ь*: *възьмѣ* (вместо *възьмь*); вполне возможно, что здесь *ѣ* написан по ошибке под влиянием *ѣ* в предшествующем и последующем слогах. Тем самым грамота № 246 не должна более рассматриваться как документ с системным графическим эффектом *ь* → *ь/ѣ*.

№ 247 (XI). Дополнительное изучение грамоты показало, что в третьей строке между *смьрьда* и *епоу* стоит не *възь* с последующим пустым местом, а *възъ[ми]* (где последние две буквы едва угадываются, поскольку береста здесь частично содрана). Тем самым решился вопрос о якобы недописанной по неизвестной причине словоформе *възьми*. В первой строке между *сег* и *ми* тоже обнаружены следы какой-то почти исчезнувшей буквы (может быть, *о*); тем самым, хотя сочетание типа *сегомми* все равно не поддается прямому истолкованию, по крайней мере устранена проблема невероятного сочтения *гмм*.

Спорная фраза во второй половине второй строки, по-видимому, должна члениться и истолковываться так: *а господарь въ не тяжѣ не дѣе* «а хозяин из-за этого (т. е. по этому поводу) тяжбы не предпринимает». Относительно конструкции «въ +винительный падеж» в значении «из-за» см. ниже, Изуч. яз., § 80. Здесь возникает, правда, непростой вопрос о том, могло ли местоимение *к* (представленное в сочетании *въ не* в форме *не*) означать «это», «то» (а не только «оно»). Ответ оказывается положительным; ср. в «Поучении» Мономаха: *Да дѣти мои или инѣ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣитеса; но шму же лобо дѣтии моихъ, а приметъ е в срѣце своѣ* (здесь *е* не согласовано с *грамотицю*, следовательно, имеет значение не «ея», а более общее значение «это»). Другой пример — из записи к Остромирову евангелию: *Азъ Григорию дѣлако написахъ еуше е* («евангелие это»).

Интересно отметить, что в «Сказании о святых страстотерпцах Борисе и Глебе» имеется место, довольно похожее по смыслу на важнейшую фразу грамоты № 247 (*а замѣке кѣле, а двѣри кѣлѣ* «а замок цел и двери целы»). Речь идет о проверке того, действительно ли некоторое помещение закрыто и нет ли возможности людям войти или выйти из него обычным (не сверхъестественным) способом: *Да аще хотите истѣк видѣти или слышати, идѣмъ къ погребу. И шедъше къ погребу, видѣша ключа неврежены и* (далее *и* по ошибке повторено *замѣкъ* (Успенский сборник, 23 г 9—14)). Таким образом, для описания подобных проверок существовало, по-видимому, нечто вроде юридического клише.

№ 248 (кон. XIV). Как показала проверка, в четвертой строке штрих между *ана* и *оу*, истолкованный издателями как буква *с*, в действительности представляет собой просто дефект бересты (ср. критику чтения этого штриха как *с* в НГБ 1977—83, с. 197).

№ 266 (XIV). Как уже было установлено В. Л. Яниным, грамоты № 266 и 275 представляют собой части некогда единого документа (см. НГБ 1977—83, с. 241, а также с. 199). Грамота № 275 составляла начало этого документа, № 266 — срединную часть; конец документа отсутствует. Дополнительное исследование этих грамот позволило, вопреки прежнему мнению, утверждать, что текст грамоты № 266 не просто идет позже текста грамоты № 275, а является непосредственным его продолжением. При этом, правда, края фрагментов не сходятся друг с другом: между ними утрачена сравнительно узкая полоска бересты, слегка сужающаяся вправо. На ней находилась ныне отсутствующая левая часть последней строки грамоты № 275; справа же эта полоска не захватила ни одной целой строки, пострадали лишь верхушки букв в правом

верхнем углу грамоты № 266. Приводим прориси этих двух грамот вместе (в прориси внесены небольшие уточнения).

приказъ · ѡ сидора · къ грѣ гории · что · оуподоклители оленини ·
выдаи · сторѣжю · въ црѣвъ · а что · дви · корѣби · сидѣрови · и бе
... [ко]мъ · [до]мень · и [до]остафии · а прове
решъ · велимаѣмцю · брати · дасыль · съби · вкли[тъ] · а прок[о]н[ѣ]
поими · мож го · цалца · корми · к же · днѣ · овсъмъ · а тоби · погиха
-- [б] - - - - - [о] · [о]уп[ор]ъховъ · поими · коне · корилескыа · что обилие
...митрову.

Здесь целый ряд мест прочитан полнее и точнее, чем в издании. Отметим лишь самое существенное: в третьей строке грамоты № 275 дочитывается [до]мень и [до]остафии; в первой строке грамоты № 266 дочитывается а прок[о]н[ѣ]; в третьей строке дочитывается [о]у п[ор]ъховъ (ср. также НГБ 1977—83, с. 241).

Текст с разделением на слова: *Приказъ ѡ Сидора къ Грѣ гории. Что оу подоклители оленини, выдаи сторѣжю в црѣвъ. А что дви корѣби Сидорови и бе... ... [ко]мъ [до]мень и до Остафии. А про верешъ: вели Маѣмцю брати да сыль съби в кли[тъ]. А про к[о]н[ѣ]: поими мож го цалца, корми к же днѣ овсъмъ; а тоби погиха(ти) ...* (возможно: [б](уде сѣм)[о]) [о]у П[ор]ховъ, поими коне корилескы. А что обилие... (кроме того, отдельно: ... (Д)митрову).

Перевод:

«Распоряжение от Сидора Григорию. Оленьи шкуры, что лежат в подклете, отдай сторожу в церковь. Что касается двух Сидоровых коробей и ..., (то)... (характер распоряжения неясен; может быть: жди с ними) до меня и до Остафии. А что касается зерна — вели Максиму его братъ и сыль себе в клетъ. А что касается коней — возьми моего чалого, корми каждый день овсом; а [если] тебе [придется] поехать (сюда?) в Порхов, то возьми карельского коня. А что касается урожая...»

Главный аргумент в пользу того, что тексты двух грамот действительно следуют друг за другом без разрыва, состоит в полной осмысленности фразы *А про велрешъ: вели Маѣмцю брати да сыль съби в кли[тъ]*. Понятно, что вероятность случайного совпадения в подобных случаях ничтожна. Очень важно то, что совершенно аналогично построен непосредственно следующий за этим раздел письма: *А про к[о]н[ѣ]: поими мож го цалца* (и т. д.). Подобного рода «объявление темы» с помощью предлога *про* — нетривиальная и не очень часто встречающаяся семантико-синтаксическая конструкция. Поэтому здесь для нас чрезвычайно важной оказалась находка в Пскове интереснейшей берестяной грамоты № 6 (XIII в.), внутренняя организация которой целиком основана на описанной конструкции с предлогом *про*, «объявляющим тему». Грамота (не считая адресной формулы) начинается словами: *про белоу*; следует информация о ходе торговли беличьими шкурками и соответствующие инструкции адресату. Следующий раздел грамоты вводится словами: *а про себе* «а что касается тебя самого»; здесь излагается просьба к адресату приехать лично и разобраться с вопросом о самоуправстве некоего Ксинофонта. Последний раздел грамоты вводится словами: *а про сеи человека* (имеется в виду Ксинофонт); на эту тему сказано просто: *мы к го не знам мо*. Легко видеть, что синтаксические соотношения во фразе типа *А про верешъ: вели Маѣмцю брати* (и т. д.) — совершенно такие же, как во фразе *А про сеи человека: мы к го не знам мо*. Вообще грамота № 275 + 266 оказывается в сущности построенной по той же схеме, что и псковская грамота № 6: одна за другой объявляются темы и по каждой из них что-то сообщается. Разница лишь в том, что в псковской грамоте № 6 для объявления темы используется только конструкция с *про*, тогда как в грамоте № 275 + 266 наряду с ней применяется также и практически синонимичная ей конструкция с *а что...* «а что касается...».

Конструкцию с «объявительным» *pro*, по-видимому, можно считать народным аналогом стилистически более высокой (более официальной) конструкции с «объявительным» *o* (*ob*). Ср. хотя бы подзаголовки разделов (статей) Русской Правды: *o оубиствѣ, o татѣ, o рѣзѣ, a се o борти, a се o задницѣ* и т. п. № 275. См. № 266.

№ 286 (вероятно, сер. XIV). Трудное место составляет лакуна (из-за дырки в бересте) в последней строке после букв *цинн*. Как показала дополнительная проверка, наилучшим образом соответствует сохранившимся остаткам букв конъектура *ц[т]ю*, предложенная в свое время В. Л. Яниным (НГБ 1977—83, с. 242). Но здесь возникает вопрос о грамматической оценке словоформы *перещинн*: это может быть императив с недописанным *i* или дееспричастие; судя по контексту, более вероятно первое. Слово *ц[т]ю* с синтаксической точки зрения уместнее связывать с предшествующими словами (а не с последующей фразой). В целом конец грамоты можно прочесть так: *А на мене вѣстѣи перецинн ц[т]ю. Аже возможши, пособлаи миѣ цимо* «А ко мне из вестей переправляй что-нибудь. Если сможешь, помогай мне чем-нибудь». *Ц[т]ю* в конце первой фразы и *цимо* в конце второй оказываются, таким образом, совершенно симметричными и в обоих случаях выступают в функции неопределенных местоимений.

№ 293 (сер. XIII). Текст грамоты выглядит (с современной пунктуацией) так: + *W по(п)а къ Завидѣ. Дѣвѣма десѣтьма грѣвъ безъ гривнѣ на... | рѣзанѣ дѣвое, то ти 5 гривнѣ и 8 кѣнѣ, вѣдаи Волотѣковѣи ... |* (далее на обороте) ...[ѣ]зми за см. *И кланюся тои гривнѣ серебра.*

В. Л. Янин предложил конъектуры к этой грамоте, исходя в первую очередь из предположения, что конечное *на* в первой строке грамоты принадлежит слову *намѣ* «процент» (НГБ 1977—83, с. 242—243). При дополнительном исследовании грамоты обнаружилось, что после *на* виден еще наклонный штрих следующей буквы; он полностью соответствует начертанию буквы *м* в данной грамоте, т. е. мы вправе здесь читать не *на*, а *на[м]*.

Что же касается деталей последующей конъектуры, то здесь, как нам представляется, необходимо внести некоторые изменения. Слова *рѣзанѣ дѣвое* в начале второй строки не могут означать «две резаны»: применительно к неодушевленным предметам *дѣвое* может относиться только к словам категории *pluralia tantum*. В данном контексте речь может идти только о сочетании *дѣвое намѣ* (или *намѣ дѣвое*), т. е. «двойные проценты», «проценты за два срока» (буквально: «двое процентов»), ср. сочетание *дѣвоихѣ намѣ* «двойных процентов» в грамоте № 509. Известно, кроме того, что норма процентов выражается формулой типа *намѣ по* (стольку-то) *рѣзанѣ* (*ногатѣ* и т. п.), ср. НГБ 1977—83, с. 167. Отсюда естественно возникает предположение, что в конце первой строки стояло *на[м](ѣ по)* и некоторая цифра, т. е. текст здесь имел вид: *на[м](ѣ по ...)| рѣзанѣ дѣвое* «процентов по столько-то резан [с гривны] двойное количество».

Далее существенно определить значение слова *то ти*. Лучше всего подходит к контексту значение «и того», «это дает», «это составляет». Ср., например, статью 45 Русской Правды, где после перечисления штрафов за каждый вид скота в качестве резюме сказано: *то ти оуроци смърдомѣ, шже платѣть князю продажу*. В уставной грамоте смоленского князя Ростислава 1150 г. (известной в списке XVI в.) указывается конкретная сумма, которую должна составить церковная десятина в каждом из погостов; мы встречаем здесь фразы следующего типа: *А в тыѣ погостѣ во всеѣ сходи^тса дани шсмѣш^т гриве^т, а пере^тмѣра сто гриве^т, а на истѣ^тнищѣ^т сто гри(в)е^т, то ти (= «и того») взѣти е^ткнѣ къ стѣ^ти бѣи сто гриве^т* (Смоленск. гр., с. 75); см. также Изуч. яз., § 78.

Мы можем теперь вычленить в составе грамоты № 293 следующую фразу: *Дѣвѣма десѣтьма грѣвъ безъ гривнѣ на[м](ѣ по ...)| рѣзанѣ дѣвое, то ти 5 гривнѣ и 8 кѣнѣ* «на двадцать гривен (буквально: [к] двадцати гривнам) без гривны двойные проценты по *x* резан — это [дает] 5 гривен и 8 кун».

Если наша интерпретация верна, то в принципе возможно вычислить *x*. Примем в качестве первой, самой естественной гипотезы то соотношение денежных

единиц, которое хорошо известно по крайней мере для XI—XII вв.: 1 гривна (кун) = 25 кунам = 50 резанам. От 19 гривен (= 475 кун) сумма в 5 гривен и 8 кун (=133 куны) составляет ровно 28%. Поскольку проценты здесь были двойные, норма простых процентов должна была быть вдвое меньше (14%), т. е. 7 резан с гривны. Иначе говоря, $x = 7$. Таким образом, при принятом выше исходном соотношении денежных единиц и при проценте по 7 резан с гривны расчет попа оказывается абсолютно безукоризненным. Никакого другого набора исходных цифр (из числа правдоподобных с исторической точки зрения), при котором расчет попа был бы верен, не обнаруживается.

Поскольку случайное совпадение цифр здесь практически исключено, приведенные выкладки можно рассматривать как наиболее убедительное свидетельство правильности предложенной конъектуры и ее интерпретации. С другой стороны, лишний раз подтверждается само указанное выше соотношение между гривной, куной и резаной; для рассматриваемой эпохи (сер. XIII в.) это важное свидетельство. Заметим, что размер процента (явно годового) в грамоте № 293 (7 : 50) почти совпадает с нормой *по семнице наме* в № 218, если семница здесь означает седьмую часть гривны.

Итак, мы можем теперь утверждать, что в правой части лицевой стороны грамоты № 293 утрачено лишь около пяти букв, в первой строке это [м] (ѣ по ѣ̄). Перевод грамоты в целом: «От попа к Завиду. На 19 гривен двойные проценты [по 7] резан — это 5 гривен и 8 кун. Отдай Волотковой жене [столько-то, а остальное (?)] возьми к себе. А я кланяюсь той гривне серебра» (т. е. прощаюсь с ней, она для меня пропала).

№ 294 (сер. XIII). Дополнительная проверка по оригиналу позволила установить, что перед *e*, а не *c*. Таким образом, грамота следует читать: ...[с]оцекого а пос... Поскольку грамота оборвана, уверенности в том, что перед нами слово «сотский» (как полагают издатели), нет; это может быть также, например, конечная часть какого-то прилагательного, производного от топонима.

№ 298 (XV). Как показало дополнительное обследование, в четвертой строке грамоты вместо загадочного *Внитвъка* в действительности стоит *Внишкъва*. Таким образом, соответствующее место списка читается: *Купра Иванова сѣа Внишкъва* «Купра, сына Ивана Онишкова». Что касается *ь* (заменяющего здесь *e*) после *к*, то эта особенность находит аналогию в *Игнаткѣвимъ* 496 (ѣ вместо *e*), *Зѣкевица* 51, *Прошкевиц* 701.

№ 299 (XV). В пятой строке издатели читают *въвса*. Между тем реально от третьей буквы здесь виден только низ кузова; верх оборван. Иначе говоря, это может быть как *ь*, так и *ѣ*, т. е. мы имеем право писать здесь *въ[ь]са* или *въ[ѣ]са*. С лингвистической точки зрения для XV в. более вероятным представляется уже второе. Во всяком случае мы не имеем в грамоте № 299 свидетельства того, что в эту эпоху *в* еще сохраняло здесь мягкость (как можно решить на основании опубликованного чтения *въвса*). Этот пример, как и другие аналогичные ему, может служить для лингвистов предостережением против некритического использования данных, взятых из публикаций.

№ 300 (XV). Предположение о том, что в четвертой строке вместо *возилеса* (чтение издателей) следует читать *возилесь* (НГБ 1977—83, с. 201 и 244), при обращении к грамоте подтвердилось.

№ 307 (XV). Самое темное место в грамоте — *вашьнетребуидѣакъ* в шестой строке. Накопленный ныне материал показывает, что в письмах к феодалам подчиненные им управляющие, ключники и т. п. могут обозначаться выражениями типа «твой Иван»; ср. *Гахоне твои землю Пѣсьанскую роздавале посадничимо людемъ* 698; *здѣсе за насъ...ане* (конец имени типа *Иване*, *Степане*) *твои доконцаль в Порховѣ тримъ коробьлами овсаними* 540. Учитывая несомненную реальность имени *Нетребуи* (ср. «Ономастикон», с. 220, где отмечено несколько человек с этим именем или соответствующим отчеством), мы можем теперь предложить для грамоты № 307 (обращенной сразу к трем адресатам) чтение *вашь Нетребуи дѣакъ*. Судя по контексту, это выражение может означать «ваш

Нетребуй и дякъ» (если предположить, что вместо *и* написано просто *и*): *а перепѣсысы | сывають вашъ Нетребуй дѣакъ позовници и рукопѣсаниа лживыа* «а переписывают ваш Нетребуй [и] дякъ фальшивые повестки и завещания». Но не исключено также и понимание «ваш Нетребуй-дякъ»: множественное число сказуемого означает в этом случае лишь то, что он фактически действовал не один, а возглавлял какую-то группу лиц; подобное согласование в числе по смыслу, а не по форме в древнерусских текстах известно.

№ 318 (уточненная датировка: XIV). В. Ф. Андреев предложил интерпретацию этого документа, в ряде пунктов отличную от той, которая дана издателями (Андреев 1987а). С лингвистической точки зрения для нас наибольший интерес представляет предложенная В. Ф. Андреевым трактовка слова *да* во фразе *да 2 рубля и 3 гринны дасте Аковъ* как аориста («дал»), а не как союза; с этой трактовкой следует согласиться.

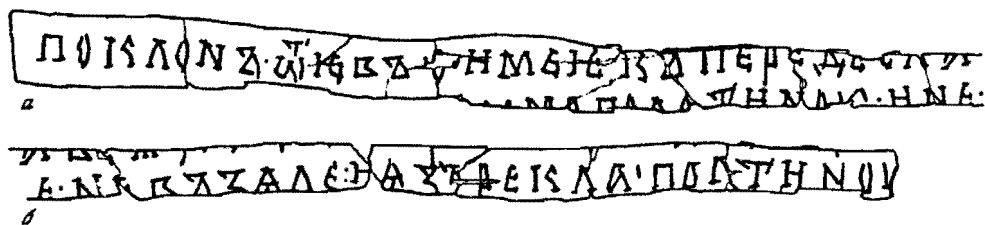
Содержательная сторона документа и местоположение названных в ней населенных пунктов проанализированы В. Л. Яниным; см. ниже, с. 186—189.

№ 320 (нач. XIV). Как теперь обнаружилось, крохотная грамота № 337 является просто фрагментом большой грамоты № 320 (эти грамоты найдены в 1958 г. в соседних квадратах на глубине соответственно 279 и 280 см). Фрагмент смыкается с грамотой № 320 без всякого зазора; он является прямым продолжением предпоследней (полуоборванной) строки этой грамоты. В результате эта строка читается теперь так: *а коуно ·м̄· резазанъ (лишнее за!) овса ·Зі· оулковъ : оу м̄...* Кроме того, в предшествующей строке благодаря присоединению нового фрагмента стало отчетливо читаться *а коуно ·м̄· реза[но]*; раньше буквы *реза* только угадывались.

№ 328 (нач. XIV). Грамота была найдена в виде семи фрагментов. В двух случаях была обнаружена возможность попарно соединить фрагменты; соответственно, грамота была издана в виде пяти разрозненных кусков. Прочсть в них было возможно всего несколько слов. В настоящее время благодаря опыту и искусству В. И. Поветкина этот почти погибший документ удалось в значительной мере восстановить: все сохранившиеся куски, как оказалось, соединяются друг с другом (правда, до целой грамоты при этом все равно еще многого недостает). Приводим прорись и текст грамоты заново.

поклонъ ·Ѡкъвъ ·Ѡимек ·къпередеслав [е] аз...

...мополотиноу ·ине ·н [е] възале : и азъ рекла полтиноу...

0 5 см

Прорись грамоты № 328

Во второй строке перед ...мо видны верхушки букв, которые можно истолковать, в частности, как [се] или как [ес]. Возможно, таким образом, что перед нами остатки слова *есмо* или *есемо*.

Текст с разделением на слова:

Поклонъ Ѡкъвъ Ѡимек къ Передеслав[е]. аз(ъ)мо полотиноу, ине не възале; и азъ рекла полтиноу...

Слово *ине* можно было бы записать и в виде *и не*, поскольку это результат стяжения из *и оне*; слитная запись соответствует здесь практике большинства изданий (в частности, ДДГ). Утрата *о* в таких сочетаниях — явление, хорошо известное, в частности, в источниках московского происхождения; ср., например, *кто възможеъ выкупити, инѣ (= и онѣ) выкупаѣт*; а *о чемъ сопрутьса, ини (= и они) ѣдутъ к митрополиту* (ДДГ, № 11, 1389 г., с. 32) и множество других аналогичных примеров. Это явление не чуждо, однако, и новгородским памятникам; ср., прежде всего в берестяной грамоте № 697: *что есте мнѣ велѣли оу Путила конь взати, инѣ мнѣ не дасть* («так он мне его не дает»). В Комиссионном списке I Новг. лет. (под 1342 г., л. 221) находим: *послаша ... по Федора и по Ондрѣшка, инѣ пришаши и ркоша* (в Академическом и Толстовском списках и онѣ).

Конечное *-е* в *ине* и *възале* — скорее всего окончание И. ед. В принципе, правда, нельзя исключать того, что *е* здесь заменяет *ѣ*, поскольку в этой грамоте, судя по окончанию слова *Передеслав[е]*, *ѣ* заменяется на *е* (конечная буква этого слова видна лишь частично, но как *ѣ* она, по-видимому, интерпретирована быть не может). Если *ине не възале* — это (*инѣ не възалѣ*), то перед нами множ. число («и они не взяли»); однако это менее вероятно — как по смыслу грамоты, так и потому, что новое окончание множ. числа перфекта *-лѣ* (вместо прежнего *-ли*) в новгородских памятниках обычно записывается именно как *-лѣ*, а не как *-ле* (по-видимому, во избежание графической омонимии с ед. числом).

Перевод:

«Поклон от Евфимии к Передьславе. Я... (возможно: предложила кому-то за что-то) полтину, а он не взял; и [тогда] я объявила полтину...» (продолжения здесь могли быть различными, например, полтина могла быть объявлена предельной ценой или предложена в качестве платы за что-то другое и т. п.).

Данная грамота оказалась, таким образом, третьим из известных ныне берестяных писем от женщины к женщине. При этом, однако, два других — № 657 (от Пелаги к Алфимье) и № 682 (от Харитании к Софии) — это письма монахинь. В письме № 328 имя адресата — *Передьслава* — заведомо мирское (в русской истории оно известно как имя одной из дочерей Владимира Святого); тема письма вполне обычная для бытовых писем — денежные дела.

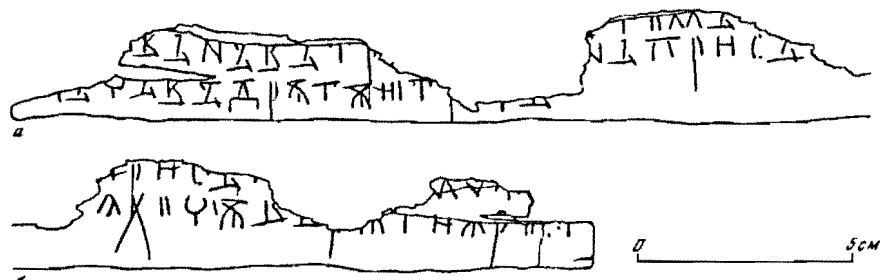
№ 332 (XII/XIII) (внутренняя сторона). На двух сторонах этой грамоты были написаны (разными почерками) два разных письма. Письмо, находившееся на внутренней стороне, столь сильно пострадало от утраты части берестяного листа, что при его издании А. В. Арциховский в сущности отказался от попыток что-либо в нем прочесть (он выделил в нем лишь слово *хочж*). Следует признать, что действительно при столь крупных утратах попытки восстановления текста в нормальном случае оказываются безнадежными. Однако в данном случае неожиданно выявилось специфическое благоприятное обстоятельство, сильно облегчающее нашу задачу: у рассматриваемого письма обнаружилось далеко идущее сходство с грамотой № 246, дошедшей до нас в полной сохранности. Это позволило строить конъектуры с гораздо большей надежностью, чем обычно. Кроме того, было проведено дополнительное обследование оригинала, позволившее уточнить ряд начертаний. Приводим прорись и текст грамоты № 332 (внутр.) заново.

...[т]ом[ъ] - - - - -[п]рис[ъ]...

...вънѣв[ъ]тр - - - - - нъприс[ъ] - - - - ахочжв[н]рж[т]ижр[о]-

...[ъ]ч[ъ]въдржжютр-[тъ]

Для дальнейшего анализа здесь необходимо полностью привести грамоту № 246: *Ѡ Жировита къ Стоянови. Како ты оу мене и чьстьное дрѣво възъмъ и вевериць ми не присълеци (щ вместо ш), то девѣтое лето. А не присълеци ми полоу пѣты гривны а хоцоу ти выроути въ тѣ лоуцьшаго новъгорожанина. Посъли же добръмъ.* Напомним, что предпоследняя фраза означает: «Если ты

Прорись грамоты № 332 (внутренняя сторона)

не пришлешь мне четырех с половиной гривен, то я собираюсь за твою вину конфисковать товар у знатнейшего новгородца» (подробнее см. НГБ 1977—83, с. 170—171).

Отметим также неоднократные упоминания в берестяных грамотах о займе «в треть», т. е. из расчета отдачи одной трети в качестве процентов. Из № 75: *заѣто въ треть*. Из Смол. 12: *а възьми (в)ъ треть*. Из № 170: *(за)имаю въ дрѣ(з) ѣю треть*.

Теперь нетрудно заметить, что грамота № 332 (внутр.) в ее сохранившихся частях почти целиком сводится к формулам, использованным в названных выше грамотах.

Вторую строку со значительной вероятностью можно реконструировать так: ...*(гри)внѣ в[ѣ] тр(еть)*⁵ (али [или оже, или оже ли]) *нѣ прис[ѣ](леши) а хочѣ в[ы]рѣж[т]и ж Ро...* «...[столько-то] гривен в треть. [Если же] не пришлешь, то я собираюсь конфисковать товар у Ро...» Эта фраза настолько похожа на соответствующее место в грамоте № 246, что в предшествующем тексте, очевидно, должна была содержаться какая-то жалоба на неприсылку денег. Обрывок этой жалобы мы вправе усматривать во фрагменте [п]рис[ѣ]... из первой строки; очевидно, это было что-то вроде *не присълеши, не присълалъ еси* (пытаться угадать здесь форму с полной точностью нет необходимости). Наконец, в последней строке автор вновь возвращается к теме займа в треть: надежно восстанавливаются заключительные слова письма ... *въ дрѣжю тр(е)[тъ]*. Можно предположить, что после угрозы конфисковать товар у некоего третьего лица, автор все же предлагает разрешить конфликт каким-то менее острым способом, связанным в данном случае со вторичным займом «в треть». Ср. заключительную фразу *посъли же добръмъ* в грамоте № 246.

№ 332 (внешняя сторона). К чтению письма, находившегося на внешней стороне грамоты, можно предложить некоторые дополнения. В начале второй строки после буквы *н* видны еще верхушки двух букв, допускающие, в частности, прочтение *н[иц]...*; возможно, таким образом, что в грамоте стояло слово *Хроушки|ницъ* (притяжательное прилагательное от *Хрушкиничи*, внешне совпадающее с самим этим отчеством) или *Хроушки|ница* (Р.ед.). По расчету букв конъектура *Хроушки|н[иц](ь шело)мъ* (или то же с *ѣ* вместо *ь*) проходит очень точно. В третьей строке в левом фрагменте можно предполагать (после ...*тъ*) хорошо известное наречное сочетание *въ бърѣ[з]ѣ* «спешно», «немедленно». В следующем фрагменте читается [не] *пойдетъ*, в последнем же предполагать (н) *[е] съ[ли]* «не присылай». Поскольку ниже третьей строки много пустого места, этой строкой письмо либо просто заканчивалось, либо имелось еще коротенькое начало следующей строки. Вполне вероятно, таким образом, что слова (н) *е съ[ли]* — это конец письма (но, во всяком случае, они очень

⁵ Для большей ясности мы пишем в реконструируемых частях слов *е*, а не *ь*, (например, *треть*), хотя слово *нѣ* «не», встретившееся в грамоте, и позволяет полагать, что здесь мог действовать графический эффект *е - ь*.

близки к его концу). Напрашивается предположение, что завершающая письмо фраза означала примерно следующее: «Если же князь [в поход] не пойдет, то ничего [названного выше] не присылай».

§ 335 (уточненная датировка: 60-е—70-е годы XII). В четвертой строке левая часть (примерно 10—11 букв) утрачена. Однако ее удастся с высокой вероятностью восстановить. Конечное *вѣ* предыдущей строки — это явно начало словоформы *вѣ-вериць*, ср. слова *тими вѣверицами* далее. Следующим словом, судя по контексту и по длине лакуны, должен быть императив *крьни* «купи» (или его синоним *коупи*). Что касается *шело* в конце четвертой строки, то это почти наверно начало словоформы *шеломъ*. В целом грамота № 335 вместе с конъектурами может теперь быть представлена так: *...нѣ добро же. Мѣни же ми кѣлтѣкъ | цѣтыри, по полуогривнѣ кѣлтѣкъ зо|лотыхъ. А за тобою 12 коунѣ робыхъ вѣ| (вериць; крьни) же тими вѣверицами шело| (мъ)...* Перевод (начиная с *мѣни*): «...Выменяй же мне четыре колтка — из золотых колтков [ценой] по полуогривне. А за тобой 12 кун из денег за рабыню; [купи] же на эти деньги шлем...».

§ 336 (1-я треть XII). Во второй строке в слове *Рожьнѣтови ъ* переделан из *е*. В третьей строке в слове *векшею* после *в* стоит *е* (некоторое сходство этой буквы с *ѣ* — кажущееся).

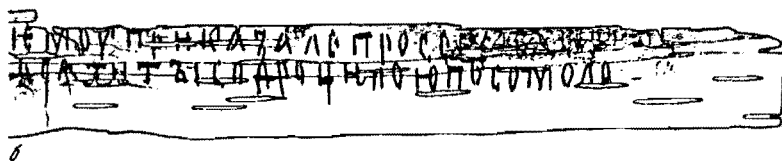
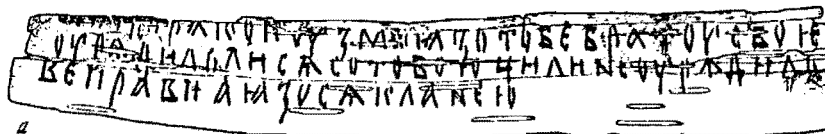
Относительно тождества фигурирующего в грамоте Рожнета с историческим лицом, известным из летописи, см. ниже, с. 181—182.

§ 337. Грамота соединилась с грамотой № 320; см. № 320.

§ 338 (XII). Вторая строка этого маленького фрагмента начинается так: *сломъ во 7 грѣно*. Попытки угадать, что предшествовало этому тексту на предыдущей строке, казалось бы, совершенно безнадежны. Но ситуация изменилась с находкой грамоты № 654. В ней речь идет о денежных делах и имеется, в частности, следующая фраза: *а во томо см с[ор]осло поло н(аме)...* «и на этом получилось в сумме четыре с половиной (каких-то денежных единиц)». Отсюда стало известно, что глагол *сростисѣ* мог употребляться как финансовый термин: «давать в сумму», «скапливаться» (в определенную сумму). Теперь уже *-сломъ* в грамоте № 338 не является более неразрешимой загадкой: судя по последующим словам, это почти наверно *(соро) | сломъ*.

№ 344 (нач. XIV). Как установил В. И. Поветкин, грамота представляет собой лишь нижний слой первоначального документа; поэтому очертания части букв видны очень слабо. Опубликованная в издании прорись не передает этой особенности, а часть штрихов изображена заведомо неверно. Отсюда ряд погрешностей и в предложенном издателем чтении текста. Приводим прорись и текст грамоты заново.

[ѡ]пе[р]тракокоузм[е]нзотобѣратоусовж[е]моуприказалепросебе[так]о
оурадил[о]лис[а]сотобоюцилинеоурадил[о]с[а]титысодроцилююпосомоло
веправиазосакланею

Прорись грамоты № 344

Начальные буквы читаются весьма ненадежно; возможны также чтения [Ѡъле] и [отоле] (менее вероятно — [отолк]); заведомо не точно чтение Ѡлк, данное в издании.

Прочие отличия от опубликованного чтения таковы: коузм[e], просебе[так]о, оурадил[о]лисѣ, неоурадил[о]сѣ, посомолове — в издании соответственно коузмѣ, прособекако, оурадильлисѣ, неоурадильсѣ, ньсомолове.

Текст с разделением на слова:

[Ѡо Пе]тра ко Козум[e]. Язо тебе братоу свокому приказале про себе [так]о: оурадил[о] ли сѣ со тобою, ци ли не оурадил[о] сѣ, ти ты со Дроцилоу по сомолове прави. А язо сѣ кланею.

Перевод:

«От Петра к Кузьме. Я тебе, брату своему, приказываю (буквально: приказал) в отношении тебя так: порядился ли он (Дрочила) с тобой или не порядился, а ты с Дроцилой всё равно исполняй [всё] в соответствии с договором. А я кланяюсь».

Полученные уточнения снимают ряд трудностей, с которыми раньше была связана интерпретация данной грамоты. Так, винительный падеж себе (про себе) для древненовгородского диалекта совершенно нормален (ср. ниже, Изуч. яз., § 27), тогда как себе, читавшееся здесь прежде, было аномальным. Чтение тако (вместо како) сильно упрощает перевод и снимает проблему, связанную с позицией первого из двух ли (в предложении, начинающемся с како, энклитика ли в принципе должна была бы следовать за како, ср. Изуч. яз., § 63).

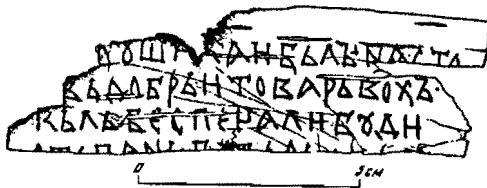
Обнаруживается также, что грамота № 344 имеет весьма простую графическую систему, определяемую эффектами: ѡ → о, ѣ → е.

Слово смолва означает «соглашение», «договор», см. Срезн., статья сѣмѣлва. В предложенном выше переводе новой является также интерпретация слов приказале про себе как «приказал в отношении тебя» (а не «себя»); в этом мы опираемся на найденную в 1988 г. псковскую берестяную грамоту № 5 (см. о ней выше, в разборе грамоты № 266), где один из разделов текста вводится словами а про себе, несомненно означающими здесь «а что касается тебя самого».

§ 346 (кон. XIII). В третьей строке следует читать не во Торожеку (как в издании), а во Торожеке. Заметим, что в единственном месте грамоты, где представлено надежное /y/ (Ратемирѣ), оно записано через ѣ, а не через у.

§ 350 (сер. XIII). Как показала дополнительная проверка, последняя буква в слове конь — это надежное ѣ (т. е. сомнения относительно того, не ѣ ли это, излишни).

§ 351 (XIII₂). Грамота предстает в издании как не имеющий особой ценности обрывок, в котором надежно читаются только слова бес печали бѣди «не печалься», «не беспокойся». В остальной части сохранившегося текста, судя по изданию, никакого связного смысла не усматривается, поэтому даже разделение на слова носит лишь предположительный характер. Грамота была заново обследована В. И. Поветкиным. Он установил, что, во-первых, несколько букв было опознано в издании неверно, во-вторых, может быть прочитано начало четвертой строки (не читавшейся в издании), в-третьих, на уровне третьей и четвертой строк грамота сохранила исконный левый край (что не было замечено издателем). Последнее обстоятельство особенно существенно, поскольку стало ясно, что грамота пострадала от времени значительно меньше, чем предполагалось: это начало письма или одного из листов письма (выше первой строки других строк не было) с небольшими утратами в левой части первой и второй строк; третья строка следует за второй (и четвертая за третьей) вообще без утрат. В результате оказалось, что перед нами чрезвычайно интересный документ — как по содержанию, так и с лингвистической точки зрения. Приводим пропись и текст грамоты заново.

---- 8ши[л]аибьлынасто
 -- въдобрь · итоварьвохь ·
 кльбеспецалиб 8ди
 степан[ь] · ...

Прорись грамоты № 351

Специально отметим буквенные исправления во второй и третьей строках по сравнению с изданием: *товарь* (не *товарѣ*), *вохь* (не *вохѣ*), *кль* (не *въль*).

Правая часть четвертой строки читается гадательно; в интерпретацию грамоты ее разумнее не включать. Оценка длины лакун, как обычно в берестяных грамотах, не может претендовать на полную строгость: во второй строке могла быть утрачена и всего одна буква (а не две), в первой — три (а не четыре).

Текст с разделением на слова: ... 8ши[л]а и Бьлына сто(ро)въ добрь, и товарь вохь кль, бес пецали б8ди, Степан[ь],...

Буквы *ро* в *сто(ро)въ* являются чистой конъектурой, продиктованной контекстом. Полной надежности здесь, разумеется, нет, но все другие предположения, как нам представляется в настоящий момент, менее удовлетворительны.

Перевод:

«ушила (какое-то имя типа *Душила*, *Глушила*, *Сушила* и т. п.) и Бельна живы-здоровы, и товарь весь цел, не беспокойся, Степан, ...»

Не исключено, впрочем, что *-8ши[л]а* — это остаток не имени, а какого-то иного слова (тем более, что чтение [л] здесь не гарантировано), и тогда последующий отрезок перевода слегка видоизменяется: «и Бельна жив-здоров». Кроме того, слово *Степан[ь]* может быть не завершением данного смыслового отрезка, а началом следующего.

В грамоте содержится, таким образом, сообщение некоему купцу о том, что люди, с которыми он послал свой товар, совершили свое путешествие благополучно и весь его товар цел. Учитывая то, что купеческие суда или обозы часто подвергались нападению разбойников, а суда, кроме того, нередко тонули, легко понять беспокойство адресата. Ср. в этом отношении следующее красочное место из Фенне (Фенне, 369; для упрощения приводим текст Фенне не в оригинале, а в кириллической интерпретации): *Тот день не придет — я думаю по своему товару. Я вперед с Заморья приѣхал, да там свой товар у своего товарища оставил, да ему велѣл товар суда послать, без всех переводов («без всякого промедления»); да много кораблѣв суды пришли, да товару моево не привезли; тово дѣля мнѣ по ѣм тоскливо. Сегодня вѣсти суда пришли, что много кораблѣв на мори пот(о)нули; затим я сторопился («испугался, растревожился»), да я не вѣдаю, мой товар пот(о)нул аль бог ѣво заступил / закрыл; да я еще на ѣво надѣюсь, что бог ѣво закрыл. Дай бог мнѣ добры вѣсти про ѣво.*

Обычной адресной формулы в первой строке грамоты № 351 явно не было. Поскольку письма без адресной формулы встречаются довольно редко, вполне вероятно, что перед нами не первый лист письма.

С лингвистической точки зрения грамота № 351 представляет собой великолепный образец древненовгородского диалекта. Наиболее примечательна фраза *и товарь вохь кль*, т. е. (*и товаре вѣхе кѣле*) «и товарь весь цел». Здесь мы находим такое же (*кѣле*) «цел», как в хорошо известной грамоте XI в. № 247 (*а замѣке кѣле, а двѣри кѣлѣ*) и такое же (*вѣхе*) «весь» (фонетически [wх'е]), как в записи *вѣхе поль* в Синодальном списке I Новг. летописи (под 1217 г.). Заметим, что фразу из грамоты № 351 в принципе можно было бы интерпретировать и как (*и товарѣвѣхѣ кѣлѣ*) «и товары все целы» (поскольку *ѣ* в этой грамоте записывается так же, как *е*) — в виде *ь* или *е*). Однако этот вариант следует

отвергнуть, потому что во всех известных нам древнерусских или старовеликорусских источниках слово *товаръ* в значении «предмет торговли» выступает всегда в единственном числе, т. е. функционирует как *singulare tantum*.

Слово *сторовъ* «здоров» (если наша реконструкция текста верна и мы имеем здесь дело именно с этой лексемой) является специфической особенностью древненовгородского диалекта. Мы предполагаем, что в грамоте № 351 представлено хорошо известное сочетание *добръ здоровъ*, чо с перестановкой элементов; ср., в частности, *добръ здоровъ* в берестяной грамоте № 69, а также частое употребление этого словосочетания в псковских летописях. Менее вероятно, что *добръ* — это наречие (*добръѣ*), т. е. что рассматриваемое словосочетание означает «здоров (здоровы) вполне».

Конечное *-ь* в *сто(ро)вь добръ* двусмысленно. Наиболее вероятно, что перед нами формы И. мн. муж. с новгородским диалектным окончанием (*-ѣ*) (т. е. «живы-здоровы»). Если же это сочетание относится только к одному Бельне (см. об этой возможности выше), то *-ь* должно интерпретироваться как (*-е*), т. е. как окончание И. ед. муж. («Бельна жив-здоров»); см. также выше о варианте интерпретации, где *добръ* — наречие.

Имя *Бѣлына* в Новгороде известно: его носил один из писцов новгородской минеи 1097 г. Показателен характерный именно для Новгорода суффикс *-ын-а* (не *-ын-я*); см. НГБ 1977—83, с. 216, комментарии к именам *Добрына* и *Лѣбына* (в связи с грамотой Ст. Р. 5).

§ 354 (ср. XIV). Дополнительное изучение грамоты позволило внести несколько исправлений в чтение А. В. Арциховского. В пятой строке внутренней стороны листа читается не с *Обрыси мѣ*, а с *Оброс[и]-м-* (т. е. после *р* стоит не *ы*, а *о*, буква *и* лишь угадывается, буквы слева и справа от *м* не видны совсем). На внешней стороне в конце первой строки читается не *ихалы*, а *ихальъ*, в третьей строке читается не *сди ее*, а *сдисе* (т. е. «здесь»).

Относительно чтения *к огѣи* (вместо *ко гѣи*) см. ниже, Изуч. яз., § 36.

§ 359 (нач. XV). Среднюю часть письма А. В. Арциховский читает так: *А Василке, село Пустоши, вежу свезле, двѣрѣ 3 свезле. А Селоана вхыхъ се грозитьце у Ладогу звати*. Отрезок *Селоана* трактуется как имя собственное (женское), равносильное *Силуана* или *Сильвана*. Однако замены *си* на *се* и *лу* на *ло* на основе графико-орфографических особенностей берестяных грамот объяснить нельзя. С другой стороны, для древнерусского глагола *грозитися* нормальным было управление *на кого*; см. Срезн., где приводятся цитаты из Кирилла Туровского (*Или изгнали изъ дому своего или грозилися на кого*) и из сборника Кирилло-Белозерского монастыря XV в. (*Грозитися на всякого врага и сопостата...*). Эти факты заставляют нас отказаться от чтения *Селоана* и членить этот отрезок иначе: *село а на*. Тем самым получается следующее чтение рассматриваемой фразы: *А Василке, село Пустоши, вежу свезле, двѣрѣ 3 свезле, а село, а на вхыхъ се грозитьце у Ладогу звати*. Начальная часть фразы означает «А Василько, [что в] селе Пустоши, вежу (т. е. шатер или легкую постройку) свез, три двери свез». Конечная часть означает: «А он (Василько) всем грозитися вызвать [на суд] в Ладогу». Скорее всего они означают «а что касается села (т. е. реакции жителей села)». Смысл второй половины фразы в этом случае таков: «А что касается [жителей] села, то он (Василько) всем [им] грозитися вызвать [их на суд] в Ладогу».

Нельзя исключать, впрочем, и несколько иной трактовки всей фразы, при которой предполагается, что речь идет о свозе всего села Пустоши. В этом случае первая часть фразы должна быть понята так: «А Василько село Пустоши, [а именно] вежу, свез, три двери свез и (?) село»; трудность состоит здесь, однако, в том, что при таком решении для союза *а* (в *а село*) приходится предполагать значение «и», другими берестяными грамотами не засвидетельствованное.

При первой трактовке село понимается как достаточно большое поселение, при второй — как всего одна усадьба.

№ 379 (XII). Грамота пострадала от пожара: она обгорела на сгибах и в результате распалась на большое число фрагментов, порядок следования которых ныне восстанавливается не вполне надежно. Грамота представляла собой очень длинный сравнительно узкий лист бересты; ее текст состоял из двух строк. В настоящее время правая часть грамоты сохранилась удовлетворительно; левая пострадала существенно больше, и неизвестно, сколь длинный отрезок левой части утрачен вообще. К прориси, опубликованной в издании, необходимо сделать следующую поправку: фрагмент с буквой *m* в первой строке и буквами *in* во второй, вероятно, относился к левой части грамоты и не смыкался с остальными. Соответственно в прориси его следует переместить в крайнюю левую (если не считать пустого кусочка бересты) позицию. Порядок следования прочих фрагментов, по-видимому, определен в прориси правильно. В издании не вполне точно прочтена первая строка самого большого фрагмента: вместо *выправиши-ъ* здесь следует читать *выправи[m]и[k]ъ*. Соответственно вместо интерпретации *выправиши*, предложенной в издании, нужно принять другую: *выправи[m]и* «достань мне». В слове *поклаанние* (вторая строка того же фрагмента) поперек второго *a* писец провел четкую вертикальную черту; возможно, что он таким образом зачеркнул написанную по ошибке букву.

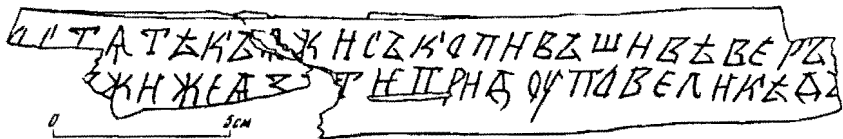
В целом наиболее вероятное расположение и чтение сохранившихся фрагментов грамоты можно представить так (оценка числа утраченных между фрагментами букв, разумеется, приблизительная):

...т... ..гора-оуикъ- -волинѣвыправи[m]и[k]ъ-ъчагоу
...ип... ..оудъ- -чьжст-ои[ц]ин-поклаанние

Относительно надежно читаются только конечные части строк: 1) *выправи[m]и[k]ъ(p)ъчагоу* «достань мне корчагу»; 2) *поклаанние* (или *покланние*, см. выше). Прочее предположительно. Так, перед *выправи*, по-видимому, стояла адресная формула; она могла выглядеть, например, так: (W ... къ Нѣ)гора(д)оу и къ -волинѣ. Правда, непосредственно зафиксированного в источниках имени на -волина (или -волинѣ) пока подыскать не удалось. Единственное число императива *выправи*, вообще говоря, противоречит наличию двух адресатов; однако подобные случаи, когда автор фактически обращается только к первому из адресатов, в берестяных грамотах встречаются (такова, например, грамота № 420). Для нижней строки в качестве одного из мыслимых вариантов (не единственного!) можно предположить, скажем, такой набор конъектур: ... (с)оудъ о(ть)чь жст(р)ои, [ц]ин(ю) поклаанние «судно отцовское снаряди, прошу тебя (кланяюсь)». Но, разумеется, вместо (с)оудъ могло стоять, например, (п)оудъ, вместо о(ть)чь — о(въ)чь и т. д., т. е. речь здесь идет лишь о некоторой общей схеме возможного смысла, а не о реальной реконструкции. Заметим, что, если выражение [ц]ин(ю) поклаанние реконструировано верно, то перед нами формула книжного происхождения.

№ 380 (вероятно, 2-я четверть XII). Грамота была опубликована в виде двух разрозненных кусков. Оказалось, однако, что эти куски соединяются друг с другом. Установлено также, что буква перед *придоу* во второй строке — это *и*, а не *к*. Приводим прорись и текст грамоты заново

...остатѣкъажисъкопивъшивѣверь...
...[ъ]жижеаз[ъ]типридоуповеликѣдь...

Прорись грамоты № 380

Грамота допускает ряд более или менее правдоподобных конъектур. Наиболее вероятное имя автора — *Гостѣта* (известное из других берестяных грамот); менее вероятны *Ростѣта*, *Костѣта* и др. Конечное *дѣ* — несомненное начало словоформы *дѣни* (или *дѣне*). Отсюда (и из других мест грамоты) видно, что в ней имелся графический эффект *ь* → *ѣ*. По сочетанию [ѣ]жи с некоторой вероятностью можно реконструировать (*дѣр*) [ѣ]жи (т. е. *дѣрьжи*), учитывая графическую систему грамоты). Трудную проблему составляет *вѣверѣ...*: по контексту наиболее вероятно значение «деньги», а оно нормально выразилось словом *вѣверицѣ*. Если только не предполагать, что в *вѣверѣ...* *ѣ* написано по ошибке, необходимо признать, что в данном случае мы имеем дело с каким-то другим производным от корня *вѣвер-* (**вѣверѣка?*, **вѣвера?*).

Вполне возможно, что на слове *дѣ(ни)* грамота заканчивалась. Во всяком случае грамота состояла либо всего из двух строк, либо из двух строк и нескольких букв в начале третьей строки. Утраты с левого и с правого края грамоты скорее всего сравнительно невелики.

Текст с разделением на слова и с конъектурами:

(Ѡ) *Гостѣтѣ къ Ѡжи. Съкопивѣши вѣверѣ..., ... (дѣр) [ѣ]жи же. Ѡз [ѣ] ти придоу по великѣ дѣ(ни).*

Перевод:

«От Гостѣты (?) к Яже. Собрав денег, ... храни (?). А я приду после пасхи».

Имя *Ѡжа* встретилось впервые; можно предполагать, что это производное от слова *ѡга*. Если *съкопивѣши* — это согласованное (по роду) причастие, то *Ѡжа* — женское имя; однако в принципе причастие уже могло быть и несогласованным.

Судя по графическому эффекту *ь* → *ѣ*, грамота № 380 — весьма ранняя. По-видимому, она фактически относится к началу того интервала (несколько размытого: 30-е — 70-е годы XII вв.), которым она датируется дендрохронологически.

№ 384 (XII). В конечной части второй строки в слове *вожѣ* «вожжи» буква *ѣ* переправлена из *е* (ср. написание этого слова как *вѣже* в начале той же строки).

№ 389 (XIV). В конце второй строки стоят частично оторванные снизу буквы, которые А. В. Арциховский прочел как *во Рисаль...* Никакого правдоподобного смысла этому словосочетанию приписать не удастся. Дополнительное изучение грамоты показало, что в прориси имеется небольшая неточность в изображении буквы, стоящей перед *са[л]*: это верх не от *и*, а от *у*. В действительности в конце второй строки читается: *в [р]оуса[л]*. Истолкование очевидно: «в русалии» или «в русальную неделю».

№ 395 (последняя треть XIII). Из грамот, сохранившихся целиком, эта грамота — по-видимому, самая трудная для интерпретации. Все предлагавшиеся до сих пор прочтения основного текста письма нельзя назвать иначе, как гадательными. Тщательное дополнительное обследование подлинника позволило В. И. Поветкину установить, что в третьей строке вместо *исиа* следует читать *исца*. Спорную букву (*у* или *ч*) в *Ѡмуш* или *Ѡмчш* (в той же строке), по-видимому, следует все же идентифицировать как *у*: написание *ч* в виде латинского *V* отмечается в берестяных грамотах лишь в более поздний период (с XIV в.), не говоря уже о том, что крайне трудно объяснить сочетание согласных *мчл* (при отсутствии титла). Система записи фонемы /у/, при которой в начале слога пишется *Ѡ*, а после согласной — *у*, в принципе известна (см. НГБ 1977—83, с. 99).

На основании этих данных мы можем предложить новое гипотетическое прочтение данной грамоты. Гипотетичность его связана прежде всего с тем, что, как и предшествующие интерпретаторы, мы вынуждены исходить из того, что писавший допустил некоторые ошибки, а именно: 1) *гринво* вместо *гривно* (перестановка букв; это предположение выдвинул А. В. Арциховский, см. издание); 2) *табе* вместо *татбе* (пропуск второго из двух *т*; это предположение выдвинул

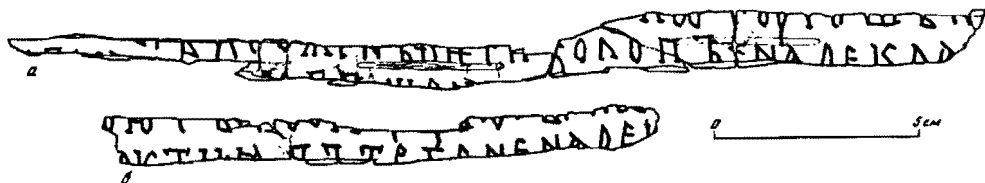
В. Л. Янин, см. НГБ 1977—83, с. 250). Кроме того, мы предполагаем, что *Ѹмули* стоит вместо *Ѹмали*; это может быть либо описка (под влиянием гласной предыдущего слога), либо отражение диалектного перехода предударного [о] в [у] после губной.

Предлагаемое чтение грамоты: *Поклоно Ѡ Григори ко матери. Ѡ даи 30 гринво, и та Ѹмули исца с тебе сюда*. Перевод: «Поклон от Григория к матери. Отдай 30 гривен и с помощью этого (буквально: и так) упроси истца по делу о татьбе [приехать (вернуться)] сюда». Заметим, что автор грамоты вначале написал *исца тебе* (буквально: «истца татьбы, т. е. ворованного»), и лишь затем вставил еще маленькое *с* перед *табе*. Вероятно, *истецъ съ татьбѣ* могло означать примерно то же самое, что *истецъ татьбѣ*, т. е. «истец по делу о татьбе». Если предложенное членение текста и интерпретация отрезка *табе* верны, общий смысл записки, по-видимому, состоит в том, что мать Григория должна была дать истцу по делу о татьбе тридцать гривен и уговорить его удовлетвориться этим, т. е. отказаться от иска и вернуться туда, где находится Григорий.

Для *та* в значении «так» см., в частности, Срезн., т. III, стлб. 909 (пример из Остромирова евангелия). Ср. также народное *ка* «как» в сочетании *кабы* и эквивалентность *как* и *ка* в былинных примерах типа *И как питу-де ка ись да ноньче кушати* (СРНГ, вып. 12, с. 279, статья *ка* 3; пример из записей Н. Е. Ончукова, сделанных на Печоре).

№ 400 (уточненная датировка: XII₂). Грамота опубликована в виде двух фрагментов, соотношение которых друг с другом не определено. Согласно А. В. Арциховскому, «разделению на слова поддается только небольшой отрывок: ... *к си холопъ і нарекла...*» После дополнительного изучения грамоты и изготовления новой прориси в ней удалось прочесть существенно больше и исправить имевшееся чтение. Приводим прорись и чтение грамоты заново.

...[и Ѡ т]оу [г]ош[ѣ и]... ...[о]ю[т]ы[и Ѡ коузъ]мы[и Ѡ]...
 ...[ооже]нык сихолопынарек[л]а... ...оут[ина з]ѣте[б]ененаре[к]...
 ...[въшен]...

Прорись грамоты № 400

Можно предполагать (в частности, по конфигурации обломов бересты), что лакуна между левым и правым фрагментами весьма невелика. С учетом возможностей реконструкции текста ее можно оценить примерно в две буквы (на уровне верхней строки). В верхней строке для места разрыва можно предположить конъектуру (Ѡ в); Ѡ здесь практически надежно, в — предположительно.

В грамоте представлена редкая палеографическая особенность, состоящая в том, что буква *ы* имеет в правой части перечеркнутый вертикальный штрих, который как бы заменяет черту, соединяющую левую и правую части. Тем самым *ы* внешне имеет вид *ѣ*; интерпретация его именно как *ы*, а не как свободного сочетания букв *ѣ* и *и* основана на смысле текста.

Реконструированный текст можно представить так:

... [и Ѡ Т]оу [г]ош[ѣ и] (Ѡ В) [о]ю[т]ы [и Ѡ Коузъ]мы [и Ѡ] ...; ...[о оже]ны к си холопы нарекла --- оу, т[и на з]ѣ те[б]е не наре[к]... (в фрагментике из третьей строки ...*въше* -- возможно, конечная часть какого-то причастия).

Перевод:

«[К такой-то от ...] и от Тугоши и от Воюты (?) и от Кузьмы и от ... Что касается того, что ты нас назвала холопами, ..., то я тебя не называл (не называю)...»

Даже этот маленький обрывок показывает, сколь интересным и необычным был первоначальный документ. Какая-то женщина (явно достаточно знатная) оскорбила некоего новгородца (имя которого утрачено) и вместе с ним по крайней мере еще четверых, назвав их холопами. Письмо адресовано обидчице от имени всех обиженных, но фактически (как это часто бывает в берестяных письмах) его пишет один из них, который далее называет себя «я».

Имя *Воюта* уже однажды встретилось в берестяной грамоте (а именно в № 571). Имя *Тугоша* — вероятно, гипокористическая форма от *Тугомиръ* и т. п. (ср. старопольское имя *Tegomir*).

№ 406 (XIV). Первая строка может быть прочтена несколько полнее и точнее, чем в издании, а именно: *и ри[б]и и масло [и сири а]...* «и рыбы и масло и сыры».

Относительно чтения *оѣне* (вместо *о гѣне*) см. ниже, Изуч. яз., § 36.

№ 409 (кон. XIII). Грамота написана тем же почерком, что и грамота № 410 (найденная в 4 метрах от нее на той же глубине): совпадают начерки всех букв (особенно показательны *а, б, в, д, м, р, ѣ, ы*). В обеих грамотах представлен эффект *ѣ → о, /у/* во всех позициях передается через *ѣ*, систематически используется разделительный знак в виде двоеточия. Правда, в № 410 представлен эффект *ѣ → ъ/е* и единственное ⟨*е*⟩ передано как *ь* (*намь*), а в № 409 ⟨*ѣ*⟩ (встретившееся дважды) и единственное ⟨*е*⟩ переданы как *е*; понятно, однако, что показания обеих грамот вполне вписываются в единую систему *е → ъ/е, ѣ → ъ/е* (т. е. *ѣ → Е*). По содержанию обе грамоты совершенно однотипны: это фрагменты долгового списка. Возможно, таким образом, что это просто части (правда, не смежные) одного и того же первоначального документа.

№ 410 (кон. XIII). Дополнительное исследование грамоты позволило дочитать несколько букв. На стыке строк 1—2 читается ⟨*г*⟩ *[ри] ѡѡ [н] е*. В начале третьей строки выбор между теоретически допустимыми *(Р)омана* и *(Д)омана* решился в пользу последнего: это *[Д]юмана*. На стыке строк 3—4 читается *ѣ По|- [ѡ] шь*; вероятно, здесь отразилось имя *Поньша* — гипокористическое от *Понарьна*. На стыке строк 5—6 читается *ѣ Колокы|- [а]*; вероятно, мы имеем дело с отчеством *Колокынъ*.

Загадочное *о : и : і* : в четвертой строке есть не что иное, как записанное с помощью особого орфографического приема число 18; см. об этом ниже, Изуч. яз., § 33.

№ 411 (кон. XIII). Грамота заканчивается словом *спосто*; как предполагают издатели, это неверно записанное слово *с проста* «сразу же», «немедленно». По смыслу текста такое предположение представляется вполне правдоподобным; странно лишь, что в одном слове писавший допустил сразу две ошибки: пропустил *р* и заменил конечное *а* на *о*. Возможно, однако, что ошибка здесь все-таки лишь одна (пропуск *р*). В Ипатьевском списке летописи (под 1143 г.; л. 116) находим: *и розноси хоромы и товаръ и клѣти и жито из гоуменъ и с просто рещи ѡко рать взяла*. Не исключено, таким образом, что наряду с исконным наречием *с проста* (при опрощении — *споста*) со временем возник также вторичный вариант *спросто*, с окончанием, выровненным по наречиям наиболее распространенного типа (*просто, скоро* и т. п.).

№ 417 (XIV). В работе Вуйтович (с. 44) предложено читать в данной грамоте не *Матѡѣи Кенище* (как в издании), а *Матѡѣике нище*. Это предложение следует принять (только *Нище*, как прозвище, должно писаться с заглавной буквы). Имеется, правда, некоторая трудность, состоящая в том, что все остальные имена в этой грамоте имеют в И. ед. окончание *-ъ* (а не *-е*): *Давыдъ, Софронъ, Фларевъ, Поповъ, Онишковъ, М-шкинъ*. Возможно, однако, что имена с суффиксом *-к-* находились в этом отношении в особом положении, т. е. могли сохранять

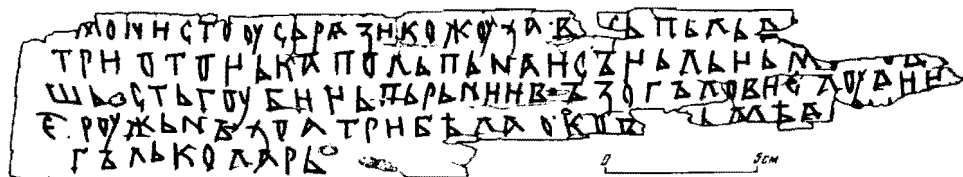
облик типа *Матвѣике* (а не *Матвѣекъ* или *Матвѣико*) даже в документах, которые в остальном были составлены по общерусским стандартам. Написание *Нище*, по-видимому, равносильно (*Нищь*) (менее вероятно, что здесь недописано конечное *и*). Главным аргументом в пользу предложения М. Вуйтовича, с нашей точки зрения, является необъяснимость прозвища *Кенище* (особенно в грамоте, где *ѣ* практически не смешивается с *е*).

№ 419 (XIII/XIV; берестяная книжечка). На первой странице книжечки следует читать не *оть* (как в издании), а *оць* «отче». Это совершенно обычный способ сокращенной записи данной словоформы. Далее на этой же странице следует читать не *вьчерньм* (как в издании), а *вьчерньм*. На третьей странице в строках 2—3 стоит *обои|имъть* (= *(обоимѣте)*), т. е. *и* здесь повторено, как это нередко бывает при переходе со строки на строку.

№ 424 (1-я четверть XII). В НГБ 1977—83 (с. 206—207) нами были приведены аргументы в пользу того, что лагуна, находящаяся в начале данного документа, содержала слово *грамота*. Дополнительное исследование оригинала дало интересные результаты; обнаружилось, что из семи потерянных букв вторая и третья утратились все же не бесследно. От второй буквы сохранился не замеченный ранее хвост, который опускается в нижестоящую строку; его конфигурация точно такая же, как у всех *р* данной грамоты, т. е. это несомненное *р*. От третьей буквы виден маленький нижний уголок, который может принадлежать букве *а*. Таким образом, вычисленное на основании косвенных соображений слово *грамота* обнаружилось реально. Кроме того, была уточнена конфигурация видимых нижних частей полуоторванных букв, входящих в имя автора грамоты; благодаря этому выяснилось, что это имя должно реконструироваться не как *Гюргеа*, а как *Гюрьяа*. Таким образом, в настоящее время эту исключительно интересную грамоту можно считать восстановленной целиком, а именно: (Г)р[а](мота) ѡ[тъ Гю|р[ъг|а к[ъ] о[тъ]чеви и къ матери. Прода|въше дворъ, идите же съмо — Смольнску ли, Кы|евоу ли: дешеве ти хлебе. Али не идете, | а присъте (описка вместо присълите) ми грамотичу, сторови ли есте. Перевод: «Грамота от Гюргия к отцу и к матери. Продавши двор, идите сюда — в Смоленск или в Киев: дешев [здесь] хлеб. Если же не пойдете, то пришлите мне грамотку, как вы живы-здоровы».

№ 429 (вероятно, XII). В прориси, опубликованной в издании, имеются некоторые неточности. Приводим новую прорись и уточненное чтение грамоты.

монистоуьсрзикожоуха · в-сьпльд...
 триотоцькапольпнаисцьльцьмо-од...
 шьстьгубицьпърьниивъзогъловиелудиц...
 ѣ · роужьныхъатрибѣлаоков- -ьмѣд...
 гьльколарь

Прорись грамоты № 429

Наиболее существенные уточнения по сравнению с опубликованной ранее прорисью: в первой строке · в вместо *в*; во второй строке *цьльцьмо* вместо *цьльцьм-*; в третьей строке *възогъловие* вместо *възогъловие* и *лоудиц...* вместо *лоудии...*; в четвертой строке *ѣ* вместо *ѣ* и *оков-* вместо *оков-* - *ь*; в пятой строке снят вертикальный штрих перед *гьлько*.

Текст с разделением на слова:

Монисто, оусьрази, кожоуха 2 съпльд(?) ..., ... три, отоцька польпна и съцьльцо, (п)од(?) ..., шьсть гоубиць, пьрни и възголове, лоудиц.... ... 5 роужныхо, а три бѣла, оков(ьц)ь мѣд..., ... гьлько, ларь.

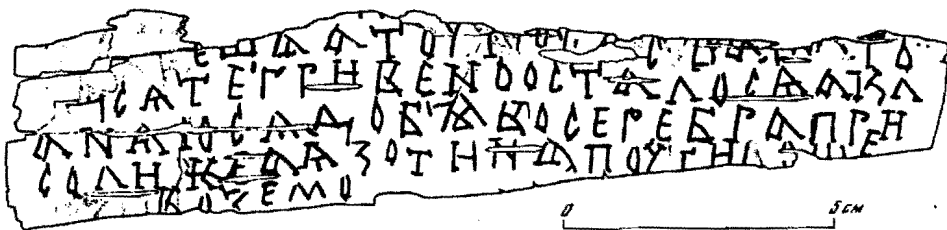
Перевод:

«Монисто, серьги, шуб две ... [каких-то женских головных уборов] три с обшивкой, украшенной лентами, и с очельем..., шесть губок, перины (?) и изголовье, плащи (или: плащ), ... пять крашенных в красное и три белых, окованный ларчик медный, ..., рукомойник, сундук».

№ 434 (XII). В издании первая строка грамоты передана в виде *Ѡжирѣтѣкоу...*, с предположительной интерпретацией «от Жирят(ы) Яку(новича)». Однако такая интерпретация сталкивается с практически непреодолимыми трудностями: 1) сокращения типа *Ѡ Жирѣт* вместо *Ѡ Жирѣты* (или *Ѡ Жирѣтѣ*) в берестяных грамотах неизвестны; 2) перед отчеством предлог *Ѡ* в грамоте XII в. обязательно был бы повторен, т. е. было бы *Ѡ Жирѣтѣ Ѡ Якуновича* (см. НГБ 1977—83, с. 153—154). Ввиду этого необходимо искать другие решения. Наиболее вероятным представляется чтение: *Ѡ Жирѣ[ц]ѣ ко...* (буква *у* после *ко* ненадежна). Это нормальное начало письма. Имя *Жирѣчь* построено, очевидно, по той же модели, что *Нѣгочь*, *Хочь*, *Ивачь*, *Родивачь*, *Кодрачь* и т. п. (см. НГБ 1977—83, с. 149—150).

№ 436 (нач. XIII). Сохранность бересты здесь очень плохая; многие буквы едва различимы. Поэтому в опубликованной прориси часть текста осталась непрочтенной и некоторые начертания искажены. Ценой больших усилий В. И. Поветкину удалось создать новую прорись грамоты, которая по существу вернула этот документ к жизни. Приводим прорись и текст грамоты заново.

--- ешааоу[т]- -оу- -с- -а- -т[о]
- -саге ривеноо стало сакл
аняюсадобывосеребрапри
солижеаазотинапоути[ло] -е
--- -воземо

Прорись грамоты № 436

Во второй строке перед *саге* видны штрихи, которые могли бы быть остатками буквы *д* или *ѡ*. Последняя буква начальной строки могла бы быть истолкована и как [ь], но наличие в грамоте № 436 (и № 437, входящей с ней в один блок) устойчивого графического эффекта *ь* → *е* делает такое истолкование сомнительным.

Разделить этот текст на слова (опуская разрозненные буквы) можно так:

...еша, а тоу-оу... саге ривеноо стало сакл. А княюса, добыво серебра, присоли же. А азо ти на поути, ... воземо.

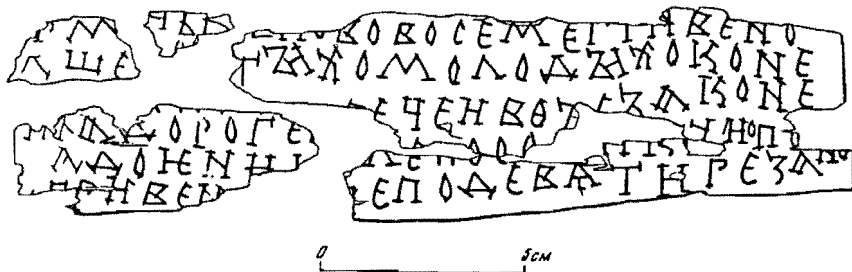
Начальное *-еша* — возможно, остаток имени типа *⟨Ратьша⟩* *⟨Путьша⟩* и т. п. Если перед *-саге* действительно стояло *д* или *ѡ*, то это должна была быть цифра (4 или 9); сочетание *дсаге* как конечная часть числительного от 11 до 19 здесь, в сущности, исключается, поскольку для предшествующего *на* нет места (кроме того, в грамоте того хронологического типа, к которому относится

№ 436, запись *дс* вместо *дес* крайне маловероятна). Скорее всего перед нами сокращенная запись *4 сѣте* «четырнадцать» или *9 сѣте* «девятнадцать»; ср. до некоторой степени сходные случаи в других грамотах: *7 на десѣте* «семнадцать» 624, *3 вне* «три гривны» 631, *3 пи* «3 капи» 439. Вместо *на поути* в принципе можно предполагать также, например, *на Поути[до](у)*, но это менее вероятно (неясна структура возникающей таким образом фразы).

Перевод:

«...А тут у [такого-то] четырнадцать [?] (или: девятнадцать [?]) гривен осталось. Прошу тебя, достань денег и пришли. А я на пути [?], ... взяв».

№ 437 (XII/XIII). Грамота написана тем же почерком, что и № 436. Она опубликована в виде четырех разрозненных кусков, поврежденных столь сильно, что из их текста мало что можно извлечь. Дополнительное исследование грамоты позволило соединить между собой два самых больших фрагмента. Прочие фрагменты прикнута к ним не удастся, хотя для одного из них в целом ясно, какое место он занимал в первоначальном едином документе. Последний, самый маленький фрагмент оказался соединенным в издании неправильно; он состоит из двух крошечных частей, место которых в рамках документа неизвестно. Приводим прорись и чтение грамоты заново.

Прорись грамоты № 437

Текст грамоты (без учета двух малых фрагментов, условно помещенных сверху слева) таков:

	...-ововосемегривено
	...-ыхомолодыхоконе
-адороге...	...-ецеиво- законе
адожни...	...[л]епоо[с]-[и]коунопо- -
гривен...	...-еподеватирезано

В первой строке перед *ово* стоит *и*, *н* или *п*. Во второй строке перед *ыхо* стоит *т* или *г*. В третьей строке перед *законе*, возможно, стоит [ze] или [te]; после *ецеив* буква *о* переправлена из *е* (менее вероятно — наоборот).

Правый, нижний и левый края грамоты — исконные. Величина лакуны, разделяющей левую и правую части грамоты, неизвестна.

К сожалению, характер утрат в этой грамоте таков, что восстановление связного текста здесь оказывается невозможным.

Для первой строки возможны следующие членения: а) ...*ово* (Р. мн. от какого-то существительного) *восеме гривено*; б) ...*о во восеме гривено* «(нечто) ценою в восемь гривен»; в) ...*ово во семе гривено* «(каких-то вещей) ценою в семь гривен». Невозможность надежного выбора между *восеме* и *семе* с лингвистической точки зрения огорчительна, поскольку нет уверенности, что мы располагаем здесь ранним примером словоформы *восеме* (с протетическим *в*); ср. вдобавок по *о[с](м)[и]* ниже.

Во второй строке стоит Р. мн. *молодыхо коне* (отсутствие *хо* в начале следующей строки показывает, что это не М. мн.). Предыдущее слово может быть [т]ыхо или, например, (дроу) [г]ыхо.

В третьей строке надежно только сочетание *за коне* (судя по предыдущей строке, скорее, «за коней», чем «за коня»); прочее гадательно.

В четвертой строке *а дожи* — это скорее императив от *дожити* «добрать», «дополучить», т. е. *дожи* с переходом *мл' > н'*, см. ниже, Изуч. яз., § 10. В правой части достаточно надежно читается *по о[с](м)[и] коуно по(ло)*, с непосредственным продолжением на следующей строке: *гривен(е)*. Конец пятой строки содержит аналогичную конструкцию: *по девяти резано*.

№ 438 (XII/XIII). Опубликованная в издании прорись этой грамоты содержит ряд неточностей. В НГБ 1977—83, с. 208 были сделаны попытки ревизовать некоторые чтения на основе фотографии грамоты. При последующем изучении оригинала часть этих попыток подтвердилась, другая часть не подтвердилась; выявились также некоторые новые детали. Приводим прорись и чтение грамоты заново.

..м̄·рѣзанъ·подъшьвъѣ·ѣ·рѣи·л̄·авъ·л̄·рѣзан[ъ]...
..грѣна·въпърѣсекоробьена·в̄·і·грѣнѣ·въдрѣгекоробьедробь
..орѣзанѣ·абольшѣепо·г̄·рѣзанѣ·ножевѣ·н̄·полъгрѣнѣ·головице
..мъ·в̄·грѣнѣ·нагребеньхъгрѣна·- - - - - н[о]гатѣ
...жюхъмъ·

Текст с разделением на слова:

... 40 рѣзанъ; подъшьвъѣ 6 рѣ и 30, а въ 30 рѣзан[ъ]...; ... грѣна; въ първое коробье на 12 грѣнѣ, въ дрѣгее коробье дробь ... (н)о рѣзанѣ, а большѣе по 3 рѣзанѣ; ножевѣ 50 полъ грѣнѣ; головице... ..мъ 2 грѣнѣ; на гребеньхъ грѣна; ... н[о]гатѣ; ... (ко)жюхъмъ.

Общий характер описи, несмотря на значительные утраты текста, ясен. Упомянуты, в частности, подошвы, ножи, гребни, шуба. Слово *головице*, очевидно, следует квалифицировать как И. мн. от *головица*. Известно, что большинство древних слов бытового характера на *-ица* в ходе истории русского языка было полностью или частично вытеснено вариантом на *-ка*; ср., например, древние *галица, лавица, лъжица, пиювица, солоница, сорочица, телица, утица* и многие другие и современные *галка, лавка, ложка, пиявка, солонка, сорочка, телка, утка*. Поэтому при поиске значений древнего слова *головица* необходимо исследовать семантику не только современного слова *головица*, но и слова *голова*. Из многочисленных значений слова *голова* в рассматриваемом контексте в принципе допустимы, например, «женский головной убор» (см. СРНГ, вып. 6, с. 307—308), «(шерстяной) носок» (см. там же, с. 309) и ряд других. Учитывая, однако, что в грамоте № 438 упоминаются подошвы, мы считаем наиболее вероятным, что *головице* (И. мн.) здесь соответствует современному *голова* в значении (цитируем по словарю Д. Н. Ушакова): «передки, передняя часть сапог, покрывающая пальцы и верхнюю часть ступни до подъема». Это значение данного слова известно как в литературном языке, так и в говорах. Особый интерес для нас представляют данные Пск. слов.: здесь в указанном значении отмечены слова *голова, головка, головочка, головашка* (при этом речь может идти о детали не только сапога, но и поршня, лаптя, берещеника). Пример: *Сначала зделают голофку, надрѣжут и стянут, а потом стрекают строчки, а ф строчки верѣфку оболокают, а потом её вдевают в уши, вот ы поршни вам* (Пск. слов., вып. 7, с. 60). Показательны примеры с прямым упоминанием подошв (как в грамоте № 438), в частности: *Поршни насили такии, ишията падашва и галава фпириди, а ззádi никакой пятки* (там же, с. 54). Можно полагать, таким образом, что в число товаров, названных в грамоте № 438, входили раскроенные заготовки сапог или поршней.

№ 445 (вероятно, XIV₁). В предпоследней строке вместо *ко мнь* следует читать *ко мнѣ*.

№ 449 (последняя четверть XII). Дополнительное изучение грамоты позволило внести ряд уточнений в опубликованную прорись. Приводим прорись и текст грамоты заново.

...дѣлож[ь]ницоуоуАрыш[е]въ:

[в]ѣзлаестаоуinei:г̃:гривнъ:иещь:въдѣложениць

В первой строке третья буква от конца читается ненадежно.

Текст может быть разделен на слова так:

... дѣлож[ь]ницоу оу Арыш[е]въ; [в]ѣзла еста оу неи б гривнѣ и ещъ въ дѣложениць.

Перевод:

«... долговую грамоту у Арышевых; вы двое взяли у нее 6 гривен, но еще [остается часть долга] по долговой грамоте».

Относительно значения «долговая грамота» для слова *дѣльжьница* см. НГБ 1977—83, с. 209.

№ 454 (последняя четверть XII). В НГБ 1977—83, с. 209 нами было предложено следующее членение этой грамоты на слова: *Жирьке Гамизиле даль коун-*. Такое же членение предложено (как самое вероятное из нескольких возможных) в работе: Вуйтович (к сожалению, к моменту сдачи книги в печать мы еще не имели возможности познакомиться со статьей Вуйтовича).

№ 469 (XV₁). Эта грамота, найденная в выбросе из тех же слоев того же раскопа, и грамота № 494, найденная в выбросе из тех же слоев того же раскопа, представляют собой фрагменты одного и того же большого документа. Во-первых, несомненно одинаков почерк: совпадают начерки всех букв. Совпадают также графическая система, специфическая запись слова «господине» в виде *осѣне* с очковым *о*, выбор глагольных окончаний (-лѣ, а не -ле). Во-вторых, грамоты имеют строго одинаковую длину (23,8 см) и сходное расположение перегибов. Возможно даже, что конец текста грамоты № 494 (*а ещо ма осѣне напрасно*) непосредственно продолжается началом текста грамоты № 469 (*продаль*). Однако по своей конфигурации два фрагмента не смыкаются друг с другом; даже если текст здесь был действительно непрерывным, необходимо признать, что между двумя фрагментами имелась еще клинообразная полоса бересты (сужающаяся влево), ныне утраченная. Смысл обоих отрывков полностью согласуется с тезисом о том, что перед нами единый документ: это длинный перечень незаконных действий некоего лица, на которого автор письма жалуется феодалу.

Таким образом, на нынешнем этапе изучения данный документ (т. е. грамота № 494 + 469) предстает в следующем виде: ..., *осѣне, село Еремкинское і Кокова, осѣне, | у менѣ отналѣ, та ещо ма , осѣне, напрасно |* (неизвестно, есть ли лакуна) *продаль, і лоша(дѣ) [или: лоша(кѣ)] ... | а покинулѣ ми кобылу здесо*
----- *моего, осѣне на пра- -- бѣ і на поруку | даль ...*

К сожалению, даже в нынешнем виде этот документ слишком сильно поврежден для того, чтобы можно было предложить для него связный перевод.

Представляет интерес словоформа *Кокова*: на первый взгляд, конечное *а* написано здесь вместо *о*, т. е. в этом написании допустимо усматривать отражение аканья. Однако имеется и другая возможность: *Кокова* может быть формой Р. ед. от *Коковѣ* (отчество или, менее вероятно, фамилия); тогда сочетание *село Еремкинское і Кокова* означает «село Еремки и (село) Кокова», т. е. земельные участки, на которых живут Еремка и Коков (с синтаксической точки зрения такая конструкция вполне допустима). В этом случае вопрос об отражении в данной грамоте аканья отпадает.

№ 471 (нач. XV). В. Ф. Андреев предложил новую интерпретацию нескольких мест данной грамоты (Андреев 1987б). Для нас наиболее существенны два момента. Во-первых, заключительную фразу В. Ф. Андреев предлагает читать

билъ ми Труфане «бил мне [челом] Труфан» (а не билъ Митруфане, как дано в издании). С таким чтением следует согласиться (хотя бы потому, что имя Труфан в Новгороде хорошо известно, а имя Митруфан — с у вместо о — неизвестно). Во-вторых, во фразе *а ѿ бирица бѣлъ в отъсилкѣ* В. Ф. Андреев трактует бѣлъ как «бела» (в отличие от издателей, усматривающих здесь некий вариант наименования обельной грамоты, т. е. документа о закабалении свободного человека в холопы). Трудность в том, что в документе стоит бѣлъ, а не бѣла (или бѣлка); но несомненно, что даже чисто фонетические и морфологические трудности, возникающие при попытке связать стоящее в грамоте бѣлъ со словами *обель*, *обельныи*, намного серьезнее. Не исключено, конечно, что бѣлъ написано по ошибке вместо бѣла; но более вероятной нам представляется другая гипотеза: пропуск цифры перед словом бѣлъ (например, 5, 6 и т. д.).

№ 472 и 473 (XIV/XV — нач. XV). Эти две грамоты, найденные в одном и том же квадрате Михайловского раскопа (с разницей глубин в 26 см), явно написаны одним и тем же почерком: совпадают начерки всех букв, общих для обеих грамот (а, р, л, у).

№ 481 (последняя треть XIII). О. Н. Трубачев подверг критике предложенное в издании чтение заключительной части грамоты (Трубачев, с. 120). Вместо членения: *а роже, каковъ 3ѣиду бо дастъ ловъ, тако възмутъ* — О. Н. Трубачев дает другое членение: *а роже како възѣиду, бо дастъ ловъ, тако възмутъ*. Его истолкование текста таково: «а ржи как взойдут (т. е. когда взойдет рожь), бог даст лов, так возьмут». Стремление «устранить» из этой грамоты странное для Новгорода собственное имя 3ѣидъ представляется оправданным. Однако в ряде деталей новая интерпретация, предложенная О. Н. Трубачевым, наталкивается на существенные трудности, которые автор явно недооценил, поскольку он о них вообще ничего не говорит. Эти трудности таковы. Во-первых, если *роже* — это И. мн. («ржи»), то перед нами единственный для всего массива берестяных грамот пример окончания *-е* (а не *-и*) в И. мн. *i*-склонения (о чисто графической мене букв *e* и *i* говорить не приходится: такая мена берестяным грамотам практически чужда, см. НГБ 1977—83, с. 127); разумеется, всегда можно предполагать простую опisku, но это, как известно, самая слабая из возможных гипотез⁶. Во-вторых, если *възѣиду* — это 3 мн., то странно, что в одной и той же фразе форма 3 мн. один раз выступает с *-тъ* (*възмутъ*), а другой раз без *-тъ* (*възѣиду*). В-третьих, необходимо объяснить, каким образом получилась форма *възѣиду* вместо *възоиду* или *възыду*. В-четвертых, полученный общий смысл фразы несколько странный: при глаголе *възмутъ* не указано не только, кто возьмет, но даже и что возьмут.

В отношении одной из этих трудностей (а именно, третьей) мы можем, правда, указать существенный аргумент в защиту обсуждаемой новой интерпретации. В Строевском списке 3-й Псковской летописи (под 1471 г.) находим: *еще и вече не поспело розеити* (Пск. лет., вып. 2, с. 177; ѣ и е в этой рукописи смешиваются). Форма *розеити* по огласовке префикса аналогична форме *възѣиду*; очевидно, здесь представлен тот же диалектный вариант развития исконного *ъj, который известен в некоторых псковских и новгородских памятниках в окончании И. ед. муж. членных прилагательных (записываемом в таких случаях в виде *-еи* или *-ѣи*); ср. Изуч. яз., § 12.

Однако три прочие трудности остаются (самой серьезной из них, с нашей точки зрения, является первая). Ввиду этого представляется необходимым по меньшей мере искать какие-то модификации обсуждаемого решения.

В результате таких поисков возникла следующая интерпретация: *възѣиду* — не 3 мн., а 1 ед.: «я поднимаюсь» (в данном случае — с воды на берег), т. е.

⁶ Отметим также, что ни здесь, ни в других точках грамоты нет возможности реинтерпретировать представленное в грамоте начертание. Специальная дополнительная проверка оригинала подтвердила надежность идентификации всех букв текста.

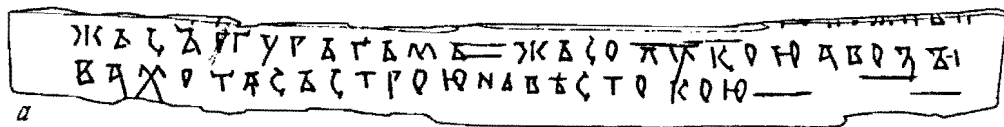
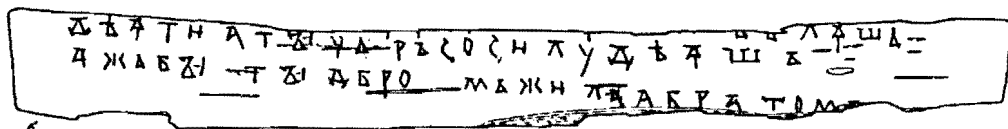
«вернусь с лова домой». Все оставшиеся трудности в этом случае снимаются: а) *роже* — это (*рожь*) (В. ед. или И. ед.); б) различие окончаний между *вѣз' иду* и *вѣзмутъ* закономерно; в) что именно предстоит взять, указано: речь идет о ржи. Минусом этого решения является лишь то, что для глагола *вѣзити* предположено употребление в несколько специализированном значении, которое пока что в других источниках нами не обнаружено.

В целом предлагается следующий перевод грамоты № 481: «Поклон от ловца к Остафии. Пошли грамоту и деньги на сеть и на оплату работника. А рожь, когда вернусь, [как] бог даст лов, тогда и возьмут».

№ 483 (XIII). Начальная часть грамоты может быть прочитана полнее и точнее, чем в издании. На правом краю оборванной верхней строки сохранились нижние части букв ...[оло *цет*]. На следующей строке этот текст продолжается так: [ве | ре | т | и] *гривни тиме ти есем...* (в слове *ти* буква *и* переделана из *е*). Таким образом, легко опознается сочетание *поло цетверети гривни* «три с половиной гривны» (окончание *-и* здесь из *-ѣ*, в силу характерного для данной грамоты эффекта *ѣ → и*). После *тиме ти есем-* идет лакуна в 10—11 букв, поэтому истолкования здесь могут быть только предположительными. Вероятно, *тиме* — это (*тимь*) или (*тѣмь*), т. е. Т. ед. от *то*; *ти* — скорее частица, чем местоимение «тебе». В утраченной части имелся какой-то глагол в перфекте (судя по сохранившейся связке *есем-*). Итак, на нынешнем этапе изучения грамота № 483 предстает в следующем виде: ...[*(n)*] *[оло цет | ве | ре | т | и] гривни. Тиме ти есем-* (утрачено около 10 букв) *Ѹ Смена Ѹ мясника. За цето Ѹ си 2 гривни Ѹ зале мое, лише возми, Захарие, Ѹ попа. Се [ли не] Ѹ дасте, да сло изросты водасте.* Перевод: «...три с половиной гривны. На эти-то [деньги] я (*или*: Поэтому-то я) ... у Семена-мясника. То, за что ты взял мои две гривны, теперь возьми, Захарья, у попа. Если же не отдаст, так [потом] с процентами отдаст».

№ 487 (2-я четверть XII). В НГБ 1977—83, с. 211 и 251 прорись и чтение этой грамоты, опубликованные в издании, были подвергнуты критике. В настоящее время изготовлена новая прорись, которая действительно заставила изменить чтение ряда мест. Приводим прорись и чтение грамоты заново.

...[вѣ]лашь
 дѣатиатычьрьсосилудѣашь
 ажьбытыдбромьжилабратом...
 ...[поживи]
 жьсьгурьгьмьжьсолукоюавозы
 вахотасьстроюньвѣстокою

0 5см

Прорись грамоты № 487

а — внутренняя сторона; б — внешняя сторона

В нижней строке внешней стороны в слове *жила* между *л* и *а* стоит еще одно *а*, которое сам писец затер. Аналогичным образом на внутренней стороне между *съ* и *гурьгьмь* стоит еще одно *г*, которое тоже затерто. Особенностью грамоты является способ различения букв *ъ* и *ь* (не распознанный в необходимой степени в издании): как *ъ*, так и *ь* имеют здесь сверху горизонтальный штрих, который даже у *ь* может быть довольно длинным; но только у *ъ* он имеет еще косую засечку слева. Отметим специально, что в слове *чьрьсо* у 4-й буквы такой засечки нет (т. е. прежнее чтение *чьрьсо* неверно).

Текст можно разделить на слова так:

...[вѣ]дѣшь дѣлѣти, а ты чьрьсо силу дѣлѣшь. Ажь бы ты дбромь жила братом... [Поживи] жь съ Гурьгьмь жь со Лукою. А возывахо тѣ състрою нѣвѣстокою.

Новое чтение *жила* (вместо прежнего *жилъ* или *жилъа*) показывает, что письмо обращено к женщине, а не к мужчине. Написание *братом...* можно реконструировать как *братом(ь)* или *братом(а)*; вертикальный штрих, оставшийся от последней буквы, может быть частью как *ь*, так и *а*. По смыслу это «с братом» или «с двумя (с обоими) братьями»; отсутствие предлога *съ* или *за* может быть простым пропуском, но более вероятным здесь представляется беспредложное употребление творительного падежа в комитативном («сопроводительном») значении; ср. *и дала мѡ доци коуны людемѣ* 531, где беспредложное *людемѣ* означает «при людях», «при свидетелях». *Возывахо* можно понимать как «я называл» или как «я призывал, вызывал». В первом случае *нѣвѣстокою* понимается в прямом смысле — как термин родства. Во втором случае его необходимо истолковывать в более общем значении «молодая замужняя женщина», «молодуха», «молодица»; ср. в современных говорах *невѣстка* (в знач. 2) «молодая замужняя женщина, еще не родившая ребенка» Том., Перм. (СРНГ, вып. 20); также *невѣста* (в знач. 1) «замужняя женщина в первый год после замужества» Волхов (там же).

Перевод:

«... [он (или: она) тебе мирно] велел (или: велела) действовать, а ты действовала силой. Если бы ты по-хорошему жила с братом (или: с обоими братьями)... Поживи же с Георгием и с Лукой. А [ведь] я называл тебя сестрою, невесткою (другой вариант: А вызывал я тебя через сестру-молодицу)».

Судя по употреблению в тексте имперфектов, допустимо предполагать, что это увещание было написано попом.

№ 492 (XIV₂). При дополнительном изучении грамоты были обнаружены некоторые неточности в прориси и в чтении букв. В начале первой (частично оборванной сверху) строки читается не *оломь*, а, по-видимому, [e]ном[ъ]; это конец какого-то слова. В конце первой строки после *ш* виден низ от буквы *н* (не от *а*); соответственно необходимо читать *со вхим[и] за[лѣ]шн...*, т. е. здесь, очевидно, была форма Т. мн. от *залѣшнѣшнѣ* (не от *залѣшнѣшнѣ*). Во второй строке, по-видимому, следует читать *Дудѣ* (не *Доудѣ*). В конце второй строки после *х* видна еще часть буквы *ъ*, т. е. следует читать *в Гостьмеричахъ*. В третьей (полуоборванной) строке В. Л. Янину удалось разгадать не поддававшуюся до сих пор правдоподобной интерпретации среднюю часть: это *три ч[e]вте[r]откѣ ржи* «три четвертки ржи», только в слове «четвертки» писец по ошибке переставил буквы *т* и *в*. Правый край грамоты оборван и длина утраченной части неизвестна; но не исключено, что она была совсем невелика (а именно равна одной букве). Если это так, то на стыке строк 1—2 допустимо реконструировать словоформу *за[лѣ]шн(а)|не*.

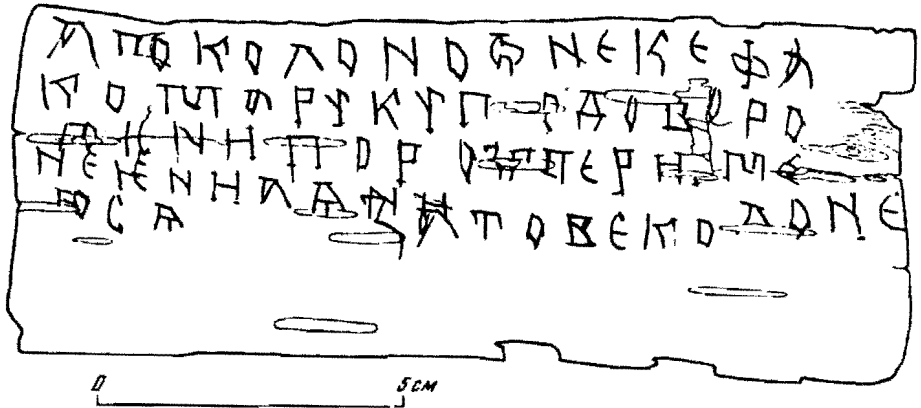
В целом грамота может быть теперь прочтена так: ...[e]ном[ъ], оу Остафьи со вхим[и] за[лѣ]шн(а)|не полтина, оу Дудѣ в Гостьмеричахъ| - - - - - и три ч[e]вте[r]откѣ ржи, коробъ(а)... «... , у Остафьи со всеми залешнянами полтина, у Дуды в Гостьмеричах... и три четвертки ржи, коробья (чего-то еще)»...

№ 493 (XII). В первой строке, по-видимому, следует читать не *послала н...*, как в издании, а *покланан...*, т. е. обычное для начала грамоты слово *покланан (ие)*, с ошибочно повторенным *а* (вместо *н*). От попыток разделить на слова сохранившийся фрагмент второй строки (*напорѣк* или *напорьк*) целесообразнее отказаться: из-за отсутствия контекста здесь в принципе возможно слишком много разных вариантов чтения.

№ 494. См. выше, № 469.

№ 501 (XIII/XIV—XIV₁). Грамота читается с очень большим трудом; верхний слой бересты во многих местах поврежден. По этой причине в опубликованной прориси не удалось избежать ряда неточностей. Приводим прорись и чтение грамоты заново.

апоколоно Ѡнекефа
 комарукуподоро
 [п]о[к]нипорозмери-ме
 нек ниазатобеколоне
 юса

Прорись грамоты № 501

В третьей строке первые буквы читаются без уверенности; буквы *п* и *о* как будто бы практически сомкнулись друг с другом. Между *розмери* и *ме*, возможно, стояла еще буква *і*, но это ненадежно. В четвертой строке буквы *за* написаны поверх *ни*.

Разделить текст на слова можно так:

А поколоно Ѡ Некефа ко Маруку. Подоро [п]о[к]ни по розмери [і] мене к ни. А ѡза тебе колонеюса.

Интерпретация грамоты вызывает огромные трудности. *Подоро* — это, очевидно, *подборь*, но само это слово очень многозначно. У В. И. Даля мы находим для него, в числе прочих, значения: «каблук обуви»; «подол одежды, панцыря» (старинн.); также в сочетаниях — *подбор избы* «основанье, фундамент, исподний накат или черный пол»; *подбор невода* «две продольные веревки, на коих невод посажен». В данной грамоте чрезвычайная краткость контекста весьма затрудняет выбор.

Пожни и *кни* — это, по-видимому, то же, что *пож мли*, *к мли*, с фонстическим переходом *мл' > н'*; см. ниже, Изуч. яз., § 10.

По розмери скорее всего означает «после размеривания», «после размерки», может быть также, что речь идет о некоей раздаче (с отмериванием). Менее вероятно, что перед нами императив *порозмери* «размерь».

Мене в графической системе данной грамоты, где ярко выражен эффект «скандирования» (см. НГБ 1977—83, с. 100), двусмысленно: это может быть (мене) «меня» или (мнѣ) «мне».

Таким образом, наиболее вероятную интерпретацию структуры единственной неэтикетной фразы данной грамоты можно представить примерно так: «Возьми подбор после размеривания; и мне [тоже] бери». Но это, разумеется, не перевод, а лишь своего рода схема, поскольку реальное значение участвующих в ней существительных, строго говоря, неизвестно (а в силу этого нет и гарантии надежности синтаксического анализа).

№ 502 (последняя треть XII). Сверка опубликованной прориси с оригиналом позволила устранить в ней маленькие неточности. В четвертой строке знак между *было* и *и*, принятый в издании за букву *i*, представляет собой коротенькую вертикальную черточку (без верхней засечки, вопреки прежней прориси). Это явно не буква, а разделительный значок (или, может быть, даже случайный штрих). В словах *Олшьеви* (первая строка) и *Ивана* (четвертая строка) горизонтальный штрих над буквой *и*, показанный на опубликованной прориси, является просто дефектом бересты; то же верно в отношении штриха над буквой *е* в слове *пъредь* (четвертая строка).

№ 503 (уточненная датировка: 2-я четверть XII). Опубликованная в издании прорись содержит некоторые неточности. Приводим новую прорись и уточненное чтение грамоты.

Ўизосимепоклана...

д - - - в...

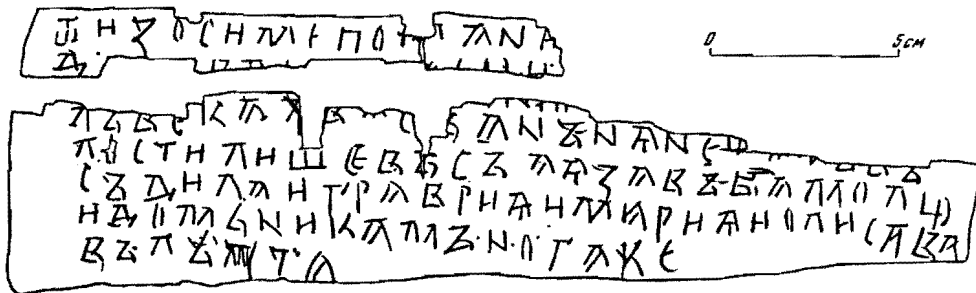
л[ѣ]века жв[а]сь а нынѣ не [и] - [амь вѣ]

лости лише вѣсь а за вы б'а молю

сѣдила и Граврия и Мариа и Олисава

идомьникамънога же

в[ы] лѣта

Прорись грамоты № 503

Текст с разделением на слова:

Ў Изосиме поклон(ные) ... (разрыв между фрагментами) ... (по)л[ѣ] века ж в[а]сь, а нынѣ не [и] (м) [амь вѣ] лости лише вѣсь (описка вместо васѣ). А а за вы б'а молю: Сѣдила и Граврия и Мариа и Олисава и Домьника — многа же в[ы] лѣта.

Перевод:

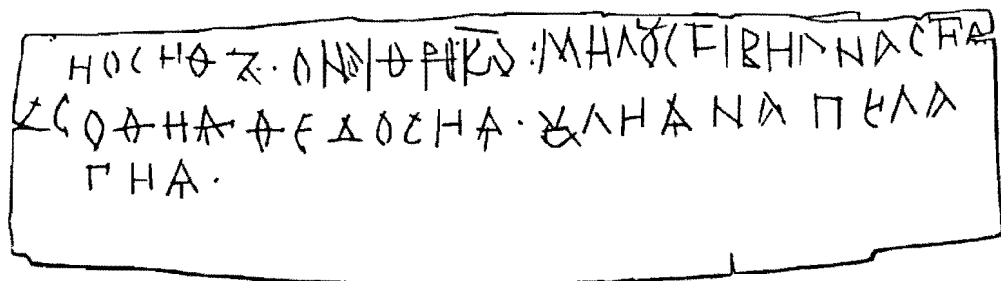
От Изосимы поклон... [Я провел (?)] полжизни у вас и ныне не имею [никакого] достояния, кроме вас. И я за вас бога молю: Сдила и Граврия и Мариа и Олисава и Домника — многая же вам лета».

№ 506 (XII/XIII). В первой строке второе имя ошибочно прочтено в издании как *Евана*. В действительности буква после *в* — это *а*, написанное поверх *е*: писец вначале написал по ошибке *Евана* (повторив букву первого слога), но затем заметил свою ошибку и исправил запись на *Евана*.

№ 507 (уточненная датировка: XIII₁). Опубликованная прорись неточна: последнее слово третьей строки, читающееся по этой прориси как *навѣтъ* или *навѣты*, в действительности может быть прочтено только как *навет...* (после *в* стоит не *ѣ*, а *е*, после *т* никакой буквы различить нельзя).

№ 508 (XII₂) (внутренняя сторона). В. Л. Янину удалось разгадать первую строку грамоты, не поддававшуюся до сих пор удовлетворительной интерпретации: в ней содержится наименование святого *ІѠ милостиви* «Иоанн милостивый», а в конце строки стоит имя *Анастиа* — сокращение (неясно, регулярное или получившееся из-за простого пропуска слога) от *Анастасиа*. Приводим прорись и чтение грамоты заново.

иосифъ · оноуѡри · іѠ : милостиви[а]настиа
 соѡ · иа · ѡедосиа · ѡлиа · напела
 гиа ·

Прорись грамоты № 508 (внутренняя сторона)

В записи трижды использованы лигатуры: *ри* в *Оноуѡри*, *ти* в *милостиви* и *Анастиа*.

Разделение на слова здесь теперь уже не составляет труда:

Иосифъ, *Оноуѡри*, *ІѠ милостиви*, *[А]настиа*, *Соѡиа*, *ѡедосиа*, *ѡ лиа*, *напела*, *Гиа*.

№ 509 (3-я четверть XII). Как показало дополнительное изучение грамоты, в ней употребляется особый разделительный знак — вертикальная черта. Этим знаком отделены друг от друга записи, касающиеся каждого из четырех должников (Воислава, Нежаты, Будоты и Бояна). В издании и в части комментариев этот знак был интерпретирован неверно (как *i* или как правая часть от *ы*). Таким образом, необходимы следующие исправления (передаем вертикальную разделительную черту подлинника пунктиром, чтобы не смешивать ее со знаком границы строки): во второй строке *намъ* ! *оу Нѣ жать* (вместо *намы оу Нѣ жать*); в третьей строке *гривьноу* ! *оу Боудоть* (вместо *гривьноу i* [или: *и*] *оу Боудоть*); в четвертой строке *мѣноуо* ! : *оу Боина* (здесь разделительную черту сопровождает еще двоеточие) — вместо чтений *с i* или *с* разделительной точкой. Буквы *i* (не в цифровом значении) в грамоте № 509 нет вообще.

№ 510 (XIII). В четвертой строке издателя читают *Ѡкоупивъ*, между тем на опубликованной в издании прориси однозначно читается *Ѡкоувивъ* (что и было отражено в словоуказателе в НГБ 1977—83, с. 289). Дополнительное исследование грамоты показало, что в соответствующем месте автор действительно написал *Ѡкоувивъ* (с предвосхищением *в*), но сам заметил свою ошибку и переправил, правда, не очень четко, первое *в* на *и* (а именно, он попытался исправить ломаную линию в правой части буквы на прямую). В опубликованной прориси эта дополнительная работа писца не отражена.

№ 516 (3-я четверть XII). Цифра в первой строке, интерпретированная в издании как з (т. е. 7), как показала дополнительное обращение к оригиналу, изображена в прориси неточно. В действительности это з, т. е. 6; ее конфигурация практически такая же, как у заведомой цифры 6 в четвертой строке.

№ 524 (2-я четверть XII). В последней строке цифра, стоящая перед словом гривнь, лишь отчасти напоминает з (т. е. 7); соответственно, чтение 7 гривнь было до известной степени условным. Более тщательное изучение оригинала позволило установить, что перед нами не з, а ξ (т. е. 60), хотя и несколько нестандартной конфигурации. Теперь грамота получила гораздо более ясный смысл: «Пришлите 30 гривен до тех пор, пока возьму в Киеве 60 гривен» (при интерпретации «7 гривен» здесь была семантическая странность, поскольку первая сумма оказывалась больше второй).

№ 526 (уточненная датировка: сер. XI). Обращение к оригиналу позволило установить, что в пятой строке читается не коуно, а коунъ. Автор действительно вначале написал коуно, но заметил свою ошибку и исправил ее способом, хорошо известным из пергаменных рукописей: присоединил сверху к букве о косую палочку и идущую от нее влево перекладину. Получился так наз. «высокий ъ», сильно поднимающийся над строкой. При изготовлении первоначальной прориси описанные выше дополнительные штрихи (довольно тонкие) не были замечены.

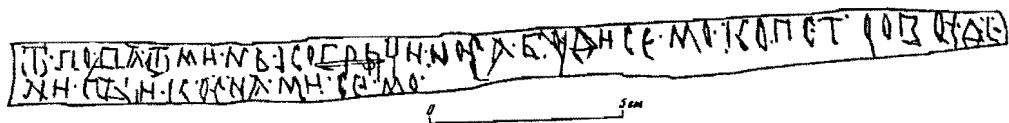
№ 528 (кон. XIV). В предпоследней строке вместо кланалса (как в издании) почти наверное следует читать кланасъ. Автор этой грамоты, в отличие от подавляющего большинства авторов берестяных писем, действительно был малограмотным: количество ошибок разного рода здесь беспрецедентно велико. В написании кланасъ «кланяюсь» автор, по-видимому, спутал буквы ю и о (не говоря уже о ѡ вместо а и наоборот). Заметим, что по контексту «кланяюсь» здесь гораздо уместнее, чем «кланялся».

№ 531 (XII/XIII). В предпоследней строке внутренней стороны листа после слова написано такоко, с ошибочным удвоением ко (в издании дано просто тако). В последней строке в выражении браце господине первое слово написано через ц, хотя в других аналогичных местах грамоты стоит брате (с т). В НГБ 1977—83, с. 213—214 написание браце было истолковано нами как пример сибилантного произношения мягкого т в словоформе брате. В настоящее время мы считаем более правильным усматривать здесь просто другую словоформу, а именно (братъче) (от братъць); ц передает здесь удвоенную аффрикату (подобно, например, ч в щчинъ «отчине» 699).

№ 536 (XIV₂). Дополнительное изучение грамоты показало, что в последней строке следует читать не ѡзъ (как в издании), а ѡзъ. Для начала четвертой строки вместо выбранной в издании конъектуры (мил) [о]тарьского можно предложить более простую конъектуру (т) [о]тарьского.

№ 558 (вероятно, XII₂). В грамоте имеется несколько мест, где начертания букв прослеживаются с большим трудом, поэтому в опубликованной прориси оказались некоторые неточности, повлекшие за собой ошибки в чтении. После тщательного дополнительного изучения грамоты В. И. Поветкин изготовил новую прорись. Приводим прорись и чтение грамоты заново.

Ѡ · по · па · Ѡми · нь · когръ · ци · ноу · а · б · оу · дисе · мо · ко · петровоу · д · е ·
ни · съ · и · коу · на · ми · се · мо

Прорись грамоты № 558

Четвертая буква нижней строки опознается не совсем надежно; но все же это скорее ъ, чем ы. В грамоте довольно трудно отличить разделительные точки от случайных. Почерк грамоты, вопреки делавшимся ранее предположениям, по-видимому, не тождествен почерку грамоты № 549.

Текст с разделением на слова:

Ѡ попа Ѡ Минь ко Грѣциноу. А боуди семо ко Петровоу дени съ икоунами семо.

Конечное слово *се́мо* просто дублирует это же слово, стоящее в начальной части фразы: писавший не заметил, что у него это слово во фразе уже есть. Ошибки такого рода в берестяных грамотах (как, впрочем, и в пергаменных рукописях) изредка встречаются.

Перевод:

«От попа Мины к Гречину. Будь здесь (буквально: сюда) к Петрову дню с иконами».

№ 593 (XI). От предложенного в издании чтения этого крошечного фрагмента как *...уои ѡлѣ* целесообразно отказаться: начертания большинства букв (у, ѡ, л, ѣ) недостаточно определенны и их идентификация ненадежна.

№ 603 (XII). Адресная формула прочтена в издании как [к] Смолигѣ, къ Грѣцинови и [к] Мирославоу. Но начальная буква грамоты фактически вообще не читается. Про выбранную конъектуру [к] в издании сказано, что она вызывает некоторые сомнения (в частности, приходится искать особое объяснение для двойственного числа сказуемого *ведаета*). Добавим к этому, что отсутствие в адресной формуле имени автора — явление исключительно редкое. Но самое серьезное возражение против конъектуры [к] состоит в следующем: если письмо было направлено трем лицам, то союз *и* должен был стоять также и перед *къ Грѣцинови*. Без этого союза нет никакой возможности избежать следующего понимания: «К Смолигу-Гречину и к Мирославу»; ср. адресную формулу в письме № 502: Ѡ Мирослава к Олисьевеи ко Грѣциноу «от Мирослава к Олисею-Гречину». Нереально предполагать, однако, что Олисей-Гречин мог называться также и Смолиг-Гречин; столь же маловероятно предположение о том, что мы имеем дело на одной и той же усадьбе в одно и то же время с двумя разными Гречинами.

Мы вынуждены, таким образом, обратиться к гипотезе о том, что оторванная начальная буква была не *к*, а Ѡ. Все смысловые проблемы сразу же решаются: перед нами нормальная адресная формула — «От Смолига к Гречину и к Мирославу». Но, разумеется, мы сталкиваемся с труднейшей морфологической проблемой: как объяснить окончание {-у} в (Ѡ) Смолигѣ. Мысль о Р. дв. (т. е. о наличии двух авторов с этим именем или прозвищем) приходится отбросить, так как в тексте грамоты имеются слова *жена моѡ*. Остается допустить, что *Смолигѣ* — слово и-склонения и перед нами Р. ед. на -у, т. е. что древнее и-склонение в некоторых случаях могло сохранять в Р. ед. свое окончание -у даже в сфере имен лиц. Неожиданным образом обнаружился второй точно такой же пример той же самой словоформы: в псковской грамоте XIV в., сохранившейся в списке XVII в. (Мар., № 2), фигурирует некий Смолиг; Р.ед. от этого имени представлен сочетанием *от Смолигу* (отметим также все прочие встретившиеся в грамоте формы этого имени: И. ед. *Смолигѣ*, Д.ед. *Смолигу*, Т.ед. *Смолиго**). Поскольку для XVII в. Р.ед. на -у от имен лиц совершенно аномален, мы должны отнести окончание -у в *от Смолигу* не на счет переписчика, а на счет оригинала. Отметим также, что в грамоте № 348 (2-я пол. XIII в.) имеется место у Хоцу у сына его, где, если только это не описка, выступает еще один пример Р.ед. на -у от имени лица.

№ 605 (уточненная датировка: 1-я треть XII). Е. А. Хелимский предложил несколько иное понимание конечной части грамоты, чем у издателей (НГБ 1977—83, с. 70 и 215), а именно он предложил считать заключительные слова грамоты *ты еси моѡ, а ѡ твои* не цитатой, а непосредственной частью авторского текста, т. е. словами самого Ефрема. Эту интерпретацию несомненно следует

признать более убедительной, чем предложенные ранее. Таким образом, конец грамоты можно перевести примерно так: «А заторно мне, что ты злое мне говорил. И [всё же] кланяюсь тебе, братец мой, хоть ты и такое говори. Ты мой, а я твой».

Ст. Р. 4 (XII/XIII). Продолжая работу по реконструкции текста грамоты, начатую в НГБ 1977—83, с. 216, можно предложить следующее ее прочтение: (Ѡ ... къ ...) [ж]ирж. Н[ь възъль] еси во [деса]ти кжно | ... «(От такого-то к Домажиру [или: Нажиру, Доброжиру и т. п.]). Ты не взял за десять кун...»

Ст. Р. 6 (XII). В первой строке в слове *иду* и написано поверх *е*, т. е. первоначально было *еду* (менее вероятно, что здесь, наоборот, стоит *е*, переправленное из *и*).

Ст. Р. 8 (XII). В первой строке написание *под[ь]лина* (или *под[ѣ]лина*) должно интерпретироваться не как «подели на» (от *подѣлити*), а как единое слово *подълина* «подкладка». См. об этом ниже, Изуч. яз., § 81.

Ст. Р. 12 (XII). В первой строке написание *кето* «кто» (с *е* после *к*) не должно более рассматриваться как ошибка или описка: это правильная древне-новгородская форма, соответствующая стандартному древнерусскому *къто*. См. об этом подробнее ниже, Изуч. яз., § 13.

Ст. Р. 13 (XI). Дополнительное исследование грамоты показало, что в первой строке следует читать *Нъжатъкинѣ*, с *ки* (а не *кы*, как в издании). Последовательность операций писавшего может быть восстановлена так: после *к* автор сперва написал *ѣ* (вероятно, имелось в виду написать букву *ы* и это была ее левая часть); однако вслед за этим автор передумал и непосредственно поверх *ѣ* написал *и*.

Ст. Р. 14 (XII). В первой строке прориси неточность: в слове *Куолотинѣца* часть, переданная как *нѣ*, частично повреждена (выкрошилась береста), что на прориси не отражено. Между тем возможность употребления буквы *и* (причем после согласной) в столь ранней грамоте крайне сомнительна. Гораздо вероятнее, что в интересующем нас месте была использована лигатура из *и* и *и* (в берестяных грамотах этого времени такая лигатура действительно встречается). Таким образом, предпочтительнее читать *Куолотин[и]ца*.

Пск. 3 (XII). Согласно издателям (Лабутина, Костючук), начало грамоты читается Ѡ *Герасима съ Кюр...* Однако предлог *съ* в адресной формуле не находит никаких аналогий во всем остальном массиве берестяных грамот. Дополнительное изучение фотографии (к сожалению, недостаточно четкой) позволило предположить, что в грамоте стоит все же не *съ*, а *къ*, т. е. перед нами совершенно стандартная адресная формула типа «от X-а к Y-у». После *Кюр* можно восстановить еще [*икоу*] или [*илоу*], т. е. *Кюрикоу* или *Кюрилоу*.

Пск. 4 (XIV). Дополнительное изучение фотографии позволяет предложить некоторые коррективы к чтению издателей (Лабутина, Костючук). В первой строке издатели читают *а оу даних с доубоници*. Здесь сразу же вызывает трудности сочетание согласных *хсд*. Если предлог *с* действительно мог писаться без *ѣ* (или *о*), то для *даних* написание без конечного *ѣ* (или *о*) означало бы, что перед нами одно из редчайших исключений во всей берестяной письменности. Вдобавок для словоформы *даних* издатели вынуждены признать еще одну буквенную ошибку (*даних* вместо *даньихъ* или *даниихъ*) и предлагаемое ими значение («в дарах», «в пожалованиях») вызывает значительные затруднения. Такое скопление трудностей и натяжек почти всегда указывает на то, что при опознании букв исходного текста где-то вкралась ошибка. В данном случае, с нашей точки зрения, такой ошибкой является чтение буквы, стоящей после *даних*, как *с*, а не как *е*. Правда, по фотографии непосредственно доказать наличие у этой буквы горизонтального язычка нельзя, но нужно учитывать, что как на фотографиях, так довольно часто и в самих грамотах горизонтальные штрихи (в отличие от вертикальных) выявляются лишь с большим трудом. Чтение *оу Даних[е]* (где окончание Р.ед. *-е* = {-ѣ}) предполагает имя *Даниха* — гипокористическое на *-х-а* от *Данила* или на *-их-а* от *Даньславъ*. Образования на *-х-а* и

-их-а входят в число регулярных способов построения гипокористических имен (см. НГБ 1977—83, с. 149, табл. 7); ср. *Селих*[ѣ] 36, *Перха* 161, а также, например, зафиксированные в НПК отчества *Митрохинъ*, *Радохинъ*, *Самухинъ*, *Солохинъ*, *Тимохинъ* и т. п., деревни *Васихина Гора*, *Грихино*, *Домахино*, *Евахино*, *Ждахино*, *Ирихино*, *Манухино*, *Овсѣхина Гора*, *Парахино*, *Ульяхино* и др. Заметим, что чтение *оу Даних[e]* сразу делает структуру всей грамоты предельно прозрачной: «У Данихи такой-то долг, у Кюрила такой-то долг», т. е. грамота оказывается долговым списком, построенным по хорошо известному образцу.

Далее, вместо *доубоници*, с нашей точки зрения, следует читать *доубеници*: правая часть буквы, стоящей после *б*, иллюзорна (это часть вертикальной царапины или морщины, которая пересекает не только половину первой, но и всю вторую строку). Данное слово — не имя собственное, а название какого-то предмета, который входит в состав долга Данихи. Ближе всего по форме и по смыслу (если учесть, что вторую часть долга Данихи составляют *двои сапоги*) подходит слово *дубленицы* «рукавицы из дубленой кожи». Это слово отмечено в Слов. XI—XVII, вып. 4 (в памятнике XVI в.), в словаре В. И. Даля и СРНГ, вып. 8. Различные *б—бл*, по-видимому, не являются здесь непреодолимым препятствием; случаи выравнивания в рамках подобных пар в говорах нередки, ср., например, *дублить* «дубить» Моск. (СРНГ, вып. 8). Особый интерес представляет глагол *дубенить* «делать твердым, жестким» Пск. (СРНГ, вып. 8), поскольку он отмечен именно как псковское диалектное слово; связь его с рассматриваемым корнем очевидна.

В третьей строке вызывает сомнения чтение *Соухлина*: «наезд» букв (в данном случае *м* и *и*) друг на друга — явление столь беспрецедентное, что предпочтительно искать другие решения, тем более, что конфигурация предполагаемого *м* не совпадает с заведомым *м* в *измази*. Возможно, следует читать *Соухлина*: ср. в НПК деревни *Сухлово*, *Сухлова Гора*, *Сухловичи*.

Судя по структуре документа, *измази* — начало названия предмета, составляющего долг Кюрила. Две буквы на четвертой строке, заканчивающие это слово, почти не читаются; но среди прочих гипотетических чтений наиболее вероятным представляется [*ци*] (правая часть буквы *и* может быть скрыта морщиной бересты). При таком предположении мы получаем слово *измази[ци]*, явно сходная по структуре с *доубеници*. Именно такого слова обнаружить пока не удалось, но весьма вероятна связь с отмеченным у В. И. Даля: *смазной товар* — «юфть, из которой шьются *смазные сапоги*, сличные, личные, мездрой внутри; они смазываются чистым дегтем или ворванью». К контексту данной грамоты такое значение подходит достаточно хорошо.

Союз *а*, начинающий грамоту, для долговых реестров нехарактерен. Не исключено, что перед нами второй лист более длинного документа — своего рода дополнение к основной части списка.

В целом грамота может быть представлена так: *А оу Даних[e] доуб[e]ници, двои сапоги; оу Кюрила оу Соух[л]ина сна измази[ци]*. Это реестр (или часть реестра) лиц, которые должны поставить определенные виды кожаных изделий.

Деревянная бирка № 6 (= надпись № 16; XV). Вместо *ЛѸкинъ* здесь следует читать *ЛѸкинъ* (с *ь*). Таким образом, в записи *ЛѸкинъ сыно* (т. е. *Лукине сынъ*) комбинация окончаний И.ед. {-e} и {-ъ} точно такая же, как в *Селѣтине сыно* 632, *Местилость сыно* 68, *Кирекъ въ сно* 249 (см. НГБ 1977—83, с. 133).

Деревянная бирка № 7 (= надпись № 17; XII/XIII). Вместо *Олѡвъ* здесь, по-видимому, следует читать *Олюдь*: начертание средней буквы больше похоже на *ю*, чем на *ѡ*, и, вдобавок, употребление *ѡ* после согласной (особенно в столь раннем документе) решительно не соответствует истории этой буквы в бытовой письменности. Перед нами сокращение от *Олюферии* (или *Олюферъ же*, -ва, -во) — одного из многочисленных вариантов имени *Клевферии* (ср. *Олуферии*, *Олоферии*, *Олферии* и др.). Следами такого варианта, по-видимому, являются, в частности, мужское имя *Олюша* (ГВНП, № 84), отчество *Олюхинъ* (АСЭИ, т. 1, № 69), название деревни *Олюшкино* (НПК, VI, 61).

- Андреев 1987а — *Андреев В. Ф.* Новое прочтение берестяной грамоты № 318 (XIV в.)//Изучение истории и культуры Новгородской земли. Тезисы докладов научной конференции. Новгород, 1987.
- Андреев 1987б — *Андреев В. Ф.* Новое прочтение берестяной грамоты № 471 (начало XV в.)//История и археология Новгородской земли. Тезисы научно-практической конференции. Новгород, 1987.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952—1964. Т. 1—3.
- Вуйтович — *Wójtowicz M.* Новгородская берестяная грамота о передаче кун//Lingua Posnaniensis, XXV, Warszawa; Poznań, 1982.
- ГВНИ — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Даль — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1—IV.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
- Жуковская — *Жуковская Л. П.* Новгородские берестяные грамоты. М., 1959.
- Изуч. яз. — *Зализняк А. А.* К изучению языка берестяных грамот (в настоящем томе).
- Каринский — *Каринский Н.* Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.
- Каталог — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984.
- Кузьмин — *Кузьмин Ф. Ф.* Новгородская берестяная грамота № 9//Вопросы языкознания, 1952, № 3.
- Лабутина, Костючук — *Лабутина И. К., Костючук Л. Я.* Псковские берестяные грамоты № 3 и 4//Сов. археология, 1981, № 1.
- Мар. — *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966.
- МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968.
- Медынцева 1973 — *Медынцева А. А.* О «сукладниках» новгородских берестяных грамот//Краткие сообщения Института археологии, № 135. Славяно-русские древности. М., 1973.
- НГБ 1977—83 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986.
- НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I—VI и указатель. СПб., Пг., 1859—1915.
- НПК Обонеж. — Новгородские писцовые книги. Обонежская пятина. Л., 1930.
- «Ономастикон» — *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974.
- Попов 1958 — *Попов А. И.* Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах//Труды Карельского филиала АН СССР, 1958. Вып. 12.
- Попов 1974 — *Попов А. И.* Берестяные грамоты и местная диалектная лексика//Диалектная лексика 1973. Л., 1974.
- Пск. лет. — Псковские летописи. М., 1941, 1955. Вып. 1, 2.
- Пск. слов. — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967—1986. Вып. 1—7.
- Слов. XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1988, вып. 1—14.
- Смоленск. гр. — Смоленские грамоты XIII—XIV веков. М., 1963.
- Срезн. — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1903. Т. I—III.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—1987. Вып. 1—23.
- Трубачев — *Трубачев О. Н.* Языкознание и история//Л. А. Булаховский и современное языкознание (к 100-летию со дня рождения). Киев, 1987.
- Фенн: — *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian (Pskov 1607).* Copenhagen, 1970. V. II. Ссылки даются на страницы оригинала.
- Якобсон — *Jakobson R.* Selected Writings. Vol. II. The Hague; Paris, 1971.

О ВЕРОЯТНОЙ СВЯЗИ РЯДА
БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ
С НЕСКОЛЬКИМИ ИСТОРИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ
XII И НАЧАЛА XIII в.

Рожнет

Берестяная грамота № 336, относящаяся (по уточненным стратиграфическим данным, полученным П. Г. Гайдуковым) к 10-м — 30-м годам XII в., начинается так: *Ѡ Петра гр[а](мот)а къ Вльчкови. То еси ты повѣдалъ къ Рожнѣтову на Нустуе емати ? срочька «Грамота от Петра к Волчку. Ты сказал Рожнету, чтобы он получил с Нустуя два сорочка».* Далее идут подробности денежных отношений, которые здесь для нас уже несущественны. Важно упоминание Рожнета, который, как видно из грамоты № 336, был, наряду с автором и адресатом этой грамоты, участником денежных операций, т. е., вероятно, самостоятельным домовладельцем.

Как обнаруживается, упоминаемый в данной грамоте Рожнет может быть отождествлен с лицом, известным летописцу. В I Новгородской летописи запись за 1135 г. содержит, в частности, следующее сообщение: *Въ то же лѣт заложи цркъвь камяноу стѣна бѣа на трговищи Всѣволодѣ Новегородѣ съ архепѣтъмъ Нифонтомъ. Томъ лѣ и Рожнетъ* (в Комиссионном списке *Рожнѣтъ*, в Академическом — *Рожнѣтъ*) *заложи цркъвь стѣго Никол[ы] на Юколи оулицы.* К сожалению, в издании I Новгородской летописи принято ошибочное словodelение *Ирожетъ* (и именно так данное лицо фигурирует в указателе имен). Этим объясняется и ошибка А. В. Арциховского, который при издании данной грамоты написал в комментарии к ней, что имя Рожнет встречено впервые (НГБ 1958—61, с. 25). Заметим, что уже обращение к IV Новгородской летописи позволило бы установить, что и является союзом, а не частью имени Рожнета, поскольку здесь летописец выбрал другой союз — *а: А Рожнѣдѣ заложи...* (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг. 1915, с. 146).

Яковля (Яковлева) улица, на которой летописный Рожнет заложил церковь святого Николы, находилась в Неревском конце, очень недалеко от места находки грамоты № 336: между усадьбой Д, где найдена эта грамота, и Яковлевой улицей пролегалы (на небольших расстояниях друг от друга) только Холопя и Борькова улицы. Таким образом, Волчок (адресат грамоты № 336) и Рожнет были почти соседями.

Имя *Рожнѣтъ* (от *рожьнѣ* с малоупотребительным суффиксом *-ѣт-*) было чрезвычайно редким: оно лишь один раз встретилось в других древнерусских источниках (см. ниже) и, насколько мы можем судить, не отразилось в топонимике. С другой стороны, его древность подтверждается наличием у него точного старопольского соответствия: *Roźniat* (SSPNO, s. 500).

Редкость имени исключает существование в одно и то же время в одном и том же квартале двух разных Рожнетов (отметим в этой связи, что ни летописец, ни автор грамоты № 336 не считает нужным добавлять какое-либо уточнение к имени Рожнета). Таким образом, мы можем быть практически уверены в тождестве лиц, называемых этими двумя источниками. Дата летописного сообщения служит красноречивым аргументом в пользу правильности стратиграфической датировки грамоты № 336.

Рожнет — владелец усадьбы на Яковлевой улице, достаточно знатный и богатый для того, чтобы самостоятельно построить церковь, — является (на настоящий момент) древнейшим из персонажей берестяных грамот, надежно отождествленным с историческими лицами, известными из летописи.

Остается добавить, что среди настенных надписей новгородского Софийского собора имеется следующая (Медынцева 1978, № 187 и рис. 114): *Ст [ьн]анъ фль Рожнѣтиць*. А. А. Медынцова читает здесь последнее слово как *Рожн [ъ]тиць*, но для этого нет оснований: на прориси после *н* виден достаточно отчетливый *ь*. Очевидно, запись сделана по бытовой системе, где как *е* (ср. *Ст [ьн]анъ*), так и *ѣ* заменялись на *ь*. Надпись № 187 датируется в книге А. А. Медынцовой (впрочем, без надежных гарантий) интервалом «2-я половина XI — 1-я половина XII в.» Отсутствие *ь* между *ж* и *н* в *Рожнѣтиць* (при использовании бытовой системы письма) заставляет нас предполагать, что, если надпись № 187 вообще укладывается в указанный интервал, то относится к его концу (ср. ниже, Изуч. яз., § 45, табл. 3). Учитывая уже отмеченную крайнюю редкость имени *Рожнѣтъ* и хронологическую близость рассматриваемых источников, следует признать возможным, что Степан Рожнетич был не кем иным, как сыном интересующего нас Рожнета.

Посадники Иванко Захарьинич и Гюргий Иванкович

Среди берестяных грамот, найденных на Неревском раскопе в слоях 2-й половины XII и начала XIII в., имеется несколько таких, которые допустимо связывать с посадниками Иванком Захарьиничем и Гюргием Иванковичем.

Рассмотрим вначале сообщения летописи об этих лицах. Согласно летописи, Иванко Захарьинич занимал должность посадника дважды — первый раз в 1171 г., второй раз в 1172—1175 гг.; умер он в 1175 г. (НПЛ, с. 34—35). Гюргий Иванкович был посадником в 1215—1216 гг. В 1217 г., когда князь Мстислав ушел из Новгорода в Киев, он взял с собой Гюргия Иванковича, Сбыслава Степанича и Олексу Путиловича (НПЛ, с. 53—57). После этого Гюргий Иванкович в летописи уже больше не упоминается.

В. Л. Янин в книге «Новгородские посадники» (Янин 1962) характеризует этих политических деятелей так. Иванко Захарьинич принадлежал к политической группировке, ориентировавшейся на черниговских князей, а затем на Ростиславичей. Предположительно может быть отнесен к Софийской стороне (Янин 1962, с. 106) и, более узко, к Неревскому концу (там же, с. 117). Гюргий Иванкович — вероятно, сын Иванка Захарьинича, неревский боярин (там же, с. 126); он принадлежал к той же политической группировке, что и Иванко Захарьинич.

С нашей точки зрения, принадлежность Иванка Захарьинича к Неревскому концу с определенностью вытекает из следующего сообщения I Новгородской летописи, данного под 1177 г.: *Томъ* лѣ осень погоре Неревьскыи коньць ѿ Иваньковаѣ*, т. е. пожар начался от двора Иванковой вдовы. Речь явно идет о вдове, а не просто о жене, поскольку в противном случае двор был бы назван по мужу, а не по жене. Как мы знаем, Иванко Захарьинич умер двумя годами раньше, в 1175 г. Ни о каком другом Иванке, кроме Иванка Захарьинича, в этой части летописи речи не было, поэтому связать Иванковую можно только с ним (заметим, что летописец не дает никаких уточнений при имени Иванкова, т. е. исходит из того, что ее покойный муж всем хорошо известен). Понятно, что после смерти хозяина двор обозначен уже не по его имени, а по имени вдовы. Что касается Иванкова сына Гюргия, то он в это время, вероятно, был еще слишком молод для того, чтобы двор сразу стали называть по его имени (в самом деле, он стал посадником лишь почти через сорок лет после этого события).

Все интересующие нас здесь берестяные грамоты происходят из ярусов 16—19 Неревского раскопа. Принятая издателями грамот Неревского раскопа дендрох-

ронологическая датировка этих ярусов такова (НГБ 1958—61, с. 5). Ярус 19: 1134—1161 гг.; ярус 18: 1161—1177 гг.; ярус 17: 1177—1197 гг.; ярус 16: 1197—1224 гг. Однако на нынешнем уровне развития дендрохронологии стало ясно, что указанные датировки ярусов Неревского раскопа нельзя принимать слишком буквально, т. е. действительно с точностью до года. Главная причина состоит здесь в том, что количество спилов на Неревском раскопе для большинства ярусов слишком мало (отсюда неполнота данных о реальном разбросе дендродат) и чрезмерно велики расстояния между точками спилов. Кроме того, в некоторых случаях обнаруживаются погрешности в привязке той или иной грамоты к конкретному ярусу. С целью устранения этих погрешностей П. Г. Гайдуков провел тщательную проверку полевой документации по всем рассматриваемым ниже грамотам; в результате этого он внес некоторые поправки в привязку части грамот к ярусам. Ниже датировки грамот приводятся уже с учетом этих поправок.

Поскольку, как ясно из сказанного, к дендрохронологическим датировкам неревских грамот необходимо относиться с определенной осторожностью, любая возможность связать данные этих грамот со свидетельствами летописи приобретает дополнительный смысл как важный способ проверить результаты археологического датирования.

Мы предполагаем, что с названными выше посадниками можно отождествить Иванка и Гюргия, которые выступают в качестве адресатов почти всех берестяных писем, найденных на усадьбе К Неревского раскопа в ярусах 16—18 (усадьба К располагалась на перекрестке Великой и Козмодемьянской улиц, к востоку от первой и к югу от второй).

Рассмотрим вначале письма, связанные с Иванком.

Грамота № 226 (усадьба К; по П. Г. Гайдукову, ярусы 17—18 [с возможным предпочтением 17-го]). Письмо сильно повреждено. В адресной формуле имя автора утрачено, сохранилось лишь ...[А]ние ко [И](в)анокоу и ко Мирошь[к]..., т. е. «поклон (покланѣние) к Иванку и к Мирошке». Адресная формула с почтительным словом (в данном случае *покланѣние*) в XII в. встречается еще сравнительно редко — почти всегда в письмах к лицам более высокого социального положения, чем автор. Еще более показательным в этом отношении слово (*г*)*осподина*, фигурирующее в тексте грамоты (по-видимому, обращение: «два господина»): в XII в. именование адресата господином — исключительно редкое явление. Из обрывков текста письма можно, в частности, понять, что автор выполнил какую-то порученную ему проверку и что речь идет о полюдьѣ. Таким образом, письмо посвящено делу государственного характера, и автор обращается к адресатам предельно почтительно. Особый вопрос (который мы здесь не будем рассматривать) состоит в том, можно ли видеть во втором адресате письма Мирошку Нездинича. Отметим лишь, что даже если это действительно так, Мирошка в момент написания данной грамоты еще не был посадником, иначе он был бы назван первым.

Грамота № 117 (мостовая Великой улицы между усадьбами А и Ж; ярус 19). От письма сохранилась по сути дела одна лишь адресная формула: *Ѡ Стѣпана ко Иванокоу*. Письмо найдено на мостовой довольно далеко от усадьбы К; возможно, Иванко разорвал его на ходу.

Грамота № 80 (усадьба Б; ярус 17 [обнаружить эту грамоту в чертежах П. Г. Гайдукову не удалось]). Это маленький фрагмент: ...а ко Иванокоу пос... Реконструировать этот фрагмент можно по-разному, в частности: «а к Иванку пошли (послал)» или «от такого-то к Иванку. Пошли (послал)» Надежно лишь само упоминание Иванка.

Другая группа писем связана с Гюргием.

Грамота № 222 (усадьба К; ярус 16). Это письмо от Матея к Гюргию, сохранившееся почти целиком. Приводим его в переводе: «От Матея к Гюргию. Теперь я пришел. Вот из-за чего [я] не шел: встречу тебя... (следует лакуна в три-четыре слора). Если же в самом деле они (из-за лакуны неясно, кто)

запираются (т. е. не признаются), то я даю княжескому детскому гривну серебра и еду с ним, потому что они поставили меня (*подразумевается*: своим запира-тельством) в положение вора. Если колбяги не бежали, в твоём распоряжении жеребьи (т. е. доли), деньги по людям (т. е. деньги, которые различные люди должны), нет тут тебе убытка ни единой векши». Из этого письма во всяком случае ясно, что Гюргий является административным лицом (возможно, довольно высоким).

Грамота № 225 (усадьба К; по П. Г. Гайдукову, ярус 17—18 [с предпочтением 17-го]). Это письмо, у которого утрачена правая половина, поэтому связный перевод здесь невозможен. По-видимому, письмо было посвящено каким-то имущественным делам. Из сохранившейся части грамоты ясно, что адресатом был Гюргий, автором — Торчин. В тексте письма упоминается Михаль.

Грамота № 239 (мостовая Великой улицы между усадьбами К и И; по П. Г. Гайдукову, ярус 18—19). От письма сохранилась лишь адресная формула: *Ѓ Жадька и Ѓ Степана къ Гюргю*.

Грамота № 165 (усадьба Б; ярус 17). Письмо (сильно поврежденное) гласит: *Ѓ Миха(л)а ко Стъпану. Гюрег [и ти д]ошьле с то... ..е, а Путила пришьле, а товаро продале, а б...* «от Михалья к Степану. Гюргий дошел (не исключено, что далее читалось «с товаром»); а Путила вернулся, а товар он продал...»

Существенно то, что большинство участвующих или упоминаемых в этой переписке лиц выступает также и в некоторых других грамотах. Это позволяет полнее выявить взаимоотношения всех участников переписки и дает дополнительные основания для уточнения датировок.

Так, заметной фигурой в рассматриваемом комплексе документов является Степан. По-видимому, он был (по крайней мере, в эпоху яруса 17) хозяином усадьбы Б (расположенной на перекрестке Великой и Холопьевой улиц, к востоку от первой и к югу от второй). Здесь он получает письмо № 165 от Михалья. С другой стороны, он посылает письмо № 117 Иванку и совместно с Жадком — письмо № 239 Гюргию (см. все эти письма выше). Кроме того, он упоминается в грамоте № 231 (усадьба К; ярус 17—18 [обнаружить грамоту в чертежах П. Г. Гайдукову не удалось]), где некий Твердила требует от Да... (конец имени утрачен) выплатить определенную сумму Степану.

Со Степаном тесно связан Михаль. Он пишет Степану письмо № 165 (см. выше). На усадьбе Б, т. е. на усадьбе Степана, найдена также грамота № 79 (ярус 17): *А водаі Михалеви*. Это ярлычок при какой-то вещи, которую нужно было передать Михалю. Михаль упоминается, кроме того, в письме № 225 от Торчина к Гюргию (см. выше).

В определенных деловых отношениях со Степаном, Михалем и Гюргием находился также Путила, упоминаемый в письме № 165.

Еще одна фигура из этого круга — Жадко. Он вместе со Степаном пишет Гюргию письмо № 239 (см. выше). Он же упоминается в важном письме № 235 (усадьба Д; по П. Г. Гайдукову, ярус 18). Приводим его в переводе: «От Судиши к Нажиру. Вот Жадко послал двух судебных исполнителей, и они ограбили меня за братний долг. А я не поручитель [за брата] перед Жадком. Запрети же ему, пусть не посылает на меня стражи... Еду в...» Очевидно, Жадко обладал определенной административной властью, хотя и меньшей, чем Нажир.

Участие рассмотренных выше лиц в переписке можно схематически представить в виде следующей табл. (*упом.* означает «упоминаемое лицо») (см. стр. 185).

Как можно заметить, жители усадьбы К (Иванко, Гюргий) обнаруживают наиболее тесные контакты с усадьбой Б, а именно со Степаном и каким-то образом связанными с ним Михалем и Путилой (усадьбы К и Б располагались на Великой улице почти рядом: между ними находилась одна лишь усадьба Е).

Попытаемся теперь приблизительно оценить время участия каждого из рассмотренных лиц в дошедшей до нас переписке (стремясь, насколько это позволяют стратиграфические датировки, минимизировать соответствующий интервал).

Грамота	Усадьба	Ярус	Иванко	Гюргий	Степан	Михаль	Путила	Жадко
№ 117	А/Ж	19	адресат		автор			
№ 226	К	17—18	адресат					
№ 80	Б	17	адресат или упом.					
№ 235	Д	18						упом.
№ 231	К	17—18			упом. автор			автор
№ 239	К/И	18—19		адресат				
№ 225	К	17—18		адресат		упом.		
№ 165	Б	17		упом.	адресат	автор	упом.	
№ 79	Б	17				адресат(?)		
№ 222	К	16		адресат				

Иванко: ярусы с 19 по 17. При максимальном сужении это дает интервал «конец 50-х — 70-е годы XII в.».

Гюргий: ярусы с 18 по 16. При соответствующем сужении это дает интервал «последняя четверть XII — начало XIII в.»

Прочие лица. Степан: ярусы с 19 по 17 (тот же интервал, что для Иванка). Михаль и Путила: ярус 17. Жадко: ярус 18 (или 19 и 18).

Полученные результаты достаточно хорошо согласуются с известными из летописи датами жизни и деятельности Иванка Захарьинича и Гюргия Иванковича. Правда, если исходить из совершенно буквального понимания полученных на Неревском раскопе дендрохронологических датировок, дата смерти Иванка Захарьинича (1175 г.) должна была бы исключать отнесение к этому лицу грамоты 80 (из яруса 17, начинающегося с 1177 г.). Однако из сказанного выше о реальном характере дендродат ясно, что это ничтожное несоответствие не имеет значения.

Вернемся к летописи. Когда в 1217 г. Гюргий Иванкович был вынужден уйти из Новгорода в изгнание, за ним последовали два боярина, которые носили отчества Степанич и Путилович. Естественно видеть в них сыновей тех самых Степана и Путилы, которые на 30—40 лет раньше находились в тесном контакте с Иванком и Гюргием. Эта деталь оказывается как бы последним штрихом, до предела уменьшающим вероятность случайного совпадения между набором имен, выступающим в летописи и в рассмотренных здесь грамотах.

В заключение заметим, что изложенные выше наблюдения могут служить также весьма ценным для археологов дополнительным подтверждением того, что дендрохронологические датировки, несмотря на несомненное наличие отдельных погрешностей, в целом все же достаточно хорошо согласуются с летописными свидетельствами.

Сокращения

Изуч. яз. — *Зализняк А. А.* К изучению языка берестяных грамот (в настоящем томе).

Медынцева 1978 — *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV века. М., 1978.

НГБ 1958—61 — *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

Янин 1962 — *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962.

SSPNO — Słownik staropolskich nazw osobowych. Wrocław etc., 1976. T. IV.

БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА № 318 (Историко-географический комментарий)

Берестяная грамота № 318 была найдена в 1957 г. на Неревском раскопе в напластованиях 9-го или 10-го яруса (первая половина — середина XIV в.) усадьбы И-1. Это целиком сохранившийся документ со следующим текстом: «Се купило Михало у кнѣза великого бороце у Василиа Одрейна кузнеца и Токову и Островну и Ротковици Кодраца и Ведрово. Да 2 рубла и 3 грины дасте Аковъ. Атно се замѣшете, Михалу брату к г дасте серебро двож»¹.

Первая фраза этого документа не вызывает в ее прочтении трудностей. Остальной же текст разными исследователями читался и понимался по-разному. Фразу «Да 2 рубла и 3 гри(в)ны дасте Аковъ» переводили и как «И 2 рубля и 3 гривны даст Яков (брат Михала)»², и как «Дал (Михал) 2 рубля, и 3 гривны даст Яков (брат Михала)»³. Наибольшие затруднения вызывает заключительная фраза, перевод которой существует в следующих вариантах: 1) «Если же не исполнит этого, то Михалу, брату своему, (Яков) даст эти деньги вдвойне»⁴; 2) «Если же Михалу и его брату Якову «замешется» (т. е. они замедлят расплатиться), Михаил уплатит Василию двойную сумму»; Михал выступает поручителем за Якова⁵; «Если Яков не захочет уплатить свою долю, то Михаилу придется уплатить двойную сумму»⁶; В. Ф. Андреев, который выдвинул предположение о том, что в документе в целом речь идет не о покупке сел, а о покупке (откупе) великокняжеских податей с них, дает такой вариант толкования: «Если кто-нибудь помешает Михаилу и брату его (собирать подати), то заплатит (Михаилу и Якову) вдвое больше серебра (чем они заплатили Василию)»⁷.

Потребность в предположенном переводе возникла у Андреева из-за сомнений в возможности покупки кузнеца: «Если согласиться с комментарием А. В. Арциховского и Л. В. Черепнина, то приходится признать, что в XIV столетии положение новгородских крестьян было близким к положению крепостных XVIII—XIX вв., которых можно было купить и продать»⁸.

Не касаясь пока вопроса о корректности такой посылки, я полагаю, что в целом толкование Андреева представляется наиболее приемлемым. Документ написан по краткому формуляру купчих грамот и содержит следующие три обязательные клаузулы: 1. Обозначение участников и содержание акта купли-продажи — «Настоящим удостоверяется, что Михал купил у великокняжеского борца Василия: кузнеца Одрейна, деревни Токову, Островну, Ротковици Кодраца и Ведрово»; 2. Указание заплаченной за покупку суммы — «2 рубля дал сам Михал, а 3 гривны даст его брат Яков»; 3. Заклятие возможным нарушителям купчей — «Если кто-либо помешает в этом Михалу и его брату, то уплатит им двойную сумму».

¹ НГБ 1956—1957 гг. С. 151—153.

² Там же. С. 152, 182; НГБ 1977—1983 гг. С. 163—164, 246.

³ Андреев В. Ф. Новое прочтение берестяной грамоты № 318 (XIV в.) // Изучение истории и культуры Новгородской земли. Тезисы докладов научной конференции. Новгород, 1987. С. 80.

⁴ НГБ 1977—1983 гг. С. 164.

⁵ Там же. С. 246.

⁶ Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 127—129.

⁷ Андреев В. Ф. Новое прочтение берестяной грамоты № 318. С. 80—81.

⁸ Там же. С. 79.

Существует, однако, еще одна связанная с этим документом трудность, которая в литературе не обсуждалась. Остается неясной связь грамоты с тем комплексом, из которого она извлечена, т. е. с усадьбой, принадлежавшей в XIV в. одной из ветвей Мишиничей⁹. Коль скоро любая купчая является результатом двусторонней сделки, ее противни должны находиться на руках у обеих сторон. Какая же сторона связана с усадьбой И-1 — Михал или великокняжеский борец Василий? Такого вопроса не существует для Андреева, поскольку, по его мнению, «Василий, будучи человеком великого князя, не имел права, согласно новгородско-княжеским договорам XIII—XV вв., владеть селами в пределах Новгородской земли»¹⁰. Однако кто и когда установил, что среди сборщиков княжеских податей не было и новгородцев? Те же докончания содержат обязательный пункт, прямо указывающий на практику сбора таких податей новгородскими мужами: «А што волости новгородьских, тех волости тебе не держати, княже, своими мужи, держати мужи новгородьскими; а дар тебе имати от тех волости»¹¹.

Попытку решить поставленный вопрос можно было бы предпринять, изучая дальнейшую владельческую судьбу названных в грамоте деревень. Их еще никто не локализовал, хотя путь к локализации был намечен, но не реализован А. В. Арциховским, писавшим: «В новгородских писцовых книгах конца XV в. упомянуты деревни Токова и Островна (второе название три раза). Ротковицы и Ведрово там отсутствуют, но окончания „ицы“ и „ово“ для названий деревень типичны. Слово „Кодраця“ говорит, вероятно, об одном из предыдущих владельцев Ротковиц»¹².

Главной трудностью в локализации топонимов берестяных грамот, помимо неполноты писцовых описаний, является множественность в пределах Новгородской земли пунктов с одинаковыми названиями. Лишь тогда, когда мы имеем дело с описанием целой волости, т. е. с сочетанием разных названий в одном небольшом земельном массиве (а в грамоте № 318 налицо именно такой случай), работа облегчена поисками не одного, а целой группы соседствующих пунктов. Упущением Арциховского было то, что он не обратил должного внимания на важнейшее обстоятельство: и Токова, и две Островны (из трех упомянутых в писцовых описаниях) находятся в одном и том же Дремяцком погосте Шелонской пятины¹³. Это соседство заставляет особенно внимательно присмотреться к карте Дремяцкого погоста, расположенного по левому берегу р. Луги, напротив находящегося на ее правом берегу современного города Луги.

В 8 км к северо-западу от города здесь находится оз. Островенское с вытекающим из него притоком Луги речкой Островенкой; к югу от указанного озера, в 250 м от него — оз. Церковное. На разделяющем эти озера перешейке десятиверстная карта Генерального штаба указывает пункт «Островенский» с церковью в нем, а материалы генерального межевания — с. Остров с дер. Островней¹⁴. А. М. Андрияшев писал: «„Островней“ называлась местность по левому берегу р. Луги, близ города Луги, и по разбросанным к западу от него многочисленным озерам — с центром в нын. погосте Островенском на оз.

⁹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 38—57.

¹⁰ Андреев В. Ф. Новое прочтение берестяной грамоты № 318. С. 79.

¹¹ Любопытный пример дает новгородская сфрагистика. Среди печатей великокняжеских тиунов XV в. известна булла Ивана Макарьинича (Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. М., 1970. Т. 2. С. 172, № 447). Между тем Иван Макарьинич был новгородским житым; его сын Кирилл участвовал в 1471 г. в посольстве к королю Казимиру IV (ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 126; ГВНП. С. 130. № 77); тот же Кирилл вместе с братом Михаилом назван среди новгородцев, встречавших Ивана III во время «мирного похода» великого князя в 1475 г. (ПСРЛ. Т. 12. С. 160).

¹² НГБ. 1956—1957 гг. С. 152.

¹³ НПК. СПб., 1886. Т. 4. Стб. 131; СПб., 1905. Т. 5. Стб. 24, 342.

¹⁴ Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг.: I. Списки селений. М., 1914. С. 159. № 68.

Островенском»¹⁵. Действительно, именно здесь писцовая книга помещает «в Островне на Лузе» деревни «Коробино» и «на Платье»¹⁶; последняя деревня — на речке Наплатинке, впадающей в Лугу. А. М. Андрияшев идентифицировал с «Островенским» упоминаемую в писцовом описании Дремяцкого погоста дер. Островну на Городке¹⁷. По-видимому, это ошибка, так как село Городец на Городецком озере находится в другом месте — в южной части Дремяцкого погоста.

Название «Островно» не принадлежит к числу исключительных. Кроме двух уже упомянутых пунктов с таким наименованием в Дремяцком погосте, можно указать Островно в соседнем Бельском погосте Шелонской пятины, где повторяется и аналогичный комплект гидронимов: дер. Островно стоит там тоже на берегу Островенского оз., из которого вытекает речка Островенка. Поэтому для локализации топонимов берестяной грамоты № 318 важно, как уже отмечено, их сочетание в одной местности.

Выясняется, что «Токова» (на трехверстной карте Генерального штаба — «Толкова») находится в 5 км к северо-востоку от пункта «Островенский» Дремяцкого погоста и является ближайшим к нему населенным пунктом. Эта деревня расположена в местности с общим наименованием «Островно».

Однако ближайшим с юга соседом пункта «Островенский» оказывается не упомянутая в писцовых книгах, но имеющаяся на десяти- и на трехверстных картах дер. Ведрово, а в 12 км к юго-востоку от Островны (и в 7 км от Ведрова) — северная оконечность протяженного оз. Раковицкое, на восточном берегу которого существуют деревни «Часть Раковиц» и «Новые Раковицы».

Если идентификация трех пунктов грамоты № 318 (Островна, Токова, Ведрово) сомнений не вызывает, то в последнем случае тождество Ротковиц грамоты и Раковиц карты не представляется несомненным. Обращает на себя внимание, однако, следующее обстоятельство. Согласно писцовой книге, волостка, находившаяся на западном берегу Раковицкого оз. и включавшая деревни Лукое, Дергалово, Вежища, Горка, Тужилово, Заполье, принадлежала до боярского вывода новгородскому Радоковицкому монастырю¹⁸. Не называлось ли оз. Раковицкое в прежние времена Радоковицким? В таком случае тождество Ротковиц — Радоковиц, как будто, этимологически или фонетически обосновано. А наименование Ротковиц «Кодраця» отличает их от монастырской волостки Радоковичей.

Таким образом, перечисленные в грамоте № 318 пункты образуют единую волостку, лежащую в одном «ободе». Попытаемся разобраться в ее владельческой судьбе. Относительно Ведрова и Ротковиц писцовые материалы не дают необходимых сведений. Но такая информация имеется относительно Токовы и Островны.

«Дер. Токова вопче великому князю с помещики с Андреем да с Лукою с-Бѣлановыми детьми Глотова; за великим князем на Никольском же участке: дв. Омельяник половник Нестерков Демина, пашни 8 коробей, сена на 50 копен, полторы обжи; а помещичьи дворы и обжи писаны в сошных книгах на Дремяцком погосте»¹⁹. К сожалению, установив, от кого к Гловым перешел их участок в Токове, не представляется возможным. Перечневая книга в числе бывших владельцев их достаточно обширного поместья в Дремяцком погосте называет Андрея и Павла Жоховых, Ивана

¹⁵ Там же. С. 157, примеч. 4. А. М. Андрияшев называет пункт «Островенский» погостом, но это не погост, а «выставка» (ср.: «Шелонской пятины, Новгородского уезда, Дремяцкого погоста, выставки Островна церковь во имя Преображения Господня, построена в 7187 (1678) году» — *Бранденбург Н. Е.* Краткие известия о времени построения старинных церквей в Новгородском, Пусторжевском, Великолуцком и Устюжно-Жельзопольском уездах (по сведениям 1722 и 1733 гг.) // *Тр. Моск. предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М., 1911. С. 68*). По В. И. Далю, «Выставка — отдельная от приходской церковь, по многолюдству или отдаленной части прихода» (*Словарь. Т. 1. С. 316*).

¹⁶ НПК. Т. 5. Стб. 131.

¹⁷ *Андрияшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. С. 159. № 68.

¹⁸ НПК. Т. 4. Стб. 137.

¹⁹ Там же. Т. 5. Стб. 342 (книга 1524 г.).

Александровича и Онтмана Кисляковых, Аврама и Демида Глазовых, Матфея Бычкова и его сына Григория, Федора Григорьевича Жеравкова²⁰.

Поместья Андрея и Луки Глотовых описаны раздельно, но, поскольку в Токове они выступают как совладельцы, надо выделить тех вотчинников, чьими наследниками называются оба брата. Такими вотчинниками оказываются Павел Жохов, Аврам и Демид Глазовы, Иван Александрович Кисляков. Их достаточно много, и — главное — происхождение всех этих лиц наличными источниками не устанавливается²¹.

Зато часть Токова, не отданная великим князем в поместье, четко обозначена как «Никольский участок», что разъясняется общим заголовком этого раздела писцового описания: она до конфискации принадлежала Никольскому монастырю Неревского конца (Николо-Бельскому), бывшему, судя по сфрагистическим данным, неревским кончанским монастырем²².

Островна в перечневой книге конца XV в. описана как единый владельческий массив без перечисления составляющих его деревень: «Великого князя деревни Яковлевские Кирилова в Островне сохи 2 с третью, а оброку и за хлеб рубль с четвертью, опроче обежного, а корму 2 гривны и 2 денги бес четверетци»²³. Это владение описано отдельно от бывшей вотчины Григория Тучина, которому принадлежали в Островне упомянутые выше деревни «Жоробино» и «на Платье», и, следовательно, оно полностью идентифицируется с купленным в свое время Михалом и Яковом по грамоте № 318.

Относительно Якова Кирилловича устанавливается, что он был сыном боярина Кирилла Яковлевича²⁴, а этот последний известен как посадник, представительствовавший от Неревского конца²⁵.

Связь рассмотренной волостки с Неревским концом дает основание для следующих выводов. Во-первых, грамота № 318 происходит из числа документов не великокняжеского борца Василия, продавшего перечисленные в ней деревни, а принадлежала Михалу и Якову, купившим их. Во-вторых, сохранение большей части волостки в руках неревского боярского рода и вклад другой ее части в кончанский монастырь Николы Белого свидетельствует о том, что объектом купли были не подати, а реальная вотчина; естественно, этот вывод распространяется и на покупку Михалом и Яковом кузнеца Одряна, который, по-видимому, был холопом великокняжеского борца Василия. В-третьих, не зная точной генеалогии Якова Кирилловича и Кирилла Яковлевича, мы можем высказать предположение об их предке середины XIV в., участвовавшем в акте приобретения Островны и других деревень этой волостки: в числе бояр Неревского конца середины — третьей четверти XIV в. фигурирует посадник Яков Хотов (впервые упоминаемый под 1348 г.²⁶), которого условно возможно идентифицировать с Яковом, братом Михала, грамоты № 318.

²⁰ Там же. Стб. 24.

²¹ Лишь относительно Глазовых известно, что они были жителями Шерковой улицы Неревского конца (Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г./Предисловие и редакция С. В. Бахрушина. М., 1930. С. 173).

²² Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. Т. 2. С. 230—231. № 763, 764.

²³ НПК. Т. 5. Стб. 24.

²⁴ Там же. СПб., 1868. Т. 3. Стб. 220, 239, 245, 249.

²⁵ Живший на Яневой улице Неревского конца посадник Кирилл Яковлевич в Лавочной книге 1583 г. ошибочно именуется «Кириллом Иевлевым» (Лавочные книги Новгорода Великого. 1583 г. С. 173).

²⁶ НПЛ. С. 360.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И СЛОВОУКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ РАЗДЕЛА

К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ (А. А. Зализняк)	191	Из исторической фонетики	241
Общее (§ 1).		Падение редуцированных по данным берестяных грамот	241
Древненовгородский диалект, его внутренняя неоднородность и его место в славянском мире	192	Общее (§ 37—38). Исходный материал (§ 39—44). Различия в показаниях грамот, написанных по-книжному и по-бытовому (§ 45—46). Сравнение данных по <ъ> и по <ь> (§ 47). Вопрос о редуцированных начального слога (§ 48—52). Вопрос о конечных редуцированных (§ 53). Редуцированные в некоторых особых позициях (§ 54). Сочетания типа <i>ТърТ</i> (§ 55). Заключение (§ 56).	
Общие замечания (§ 2).		Из грамматики	270
Фонетические особенности	195	Выражение принадлежности (§ 57—59)	
Отсутствие второй палатализации (§ 3). <i>вх-«весь»</i> (§ 4). <i>*tl, *dl</i> (§ 5). Цоканье и «шепелявенье» (§ 6). <i>tj, dj, sj, zj</i> (§ 7). Развитие сочетаний типа <i>ТърТ</i> и типа <i>ТорТ</i> (§ 8). Взрывное [r] (§ 9). <i>вл' > л', мл' > н'</i> (§ 10). Развитие <i>*ѣ</i> и <i>*о</i> (§ 11). Развитие <i>*ъ/ь</i> (§ 12).		Презенс совершенного вида в значении «презенс напрасного ожидания» (§ 60—61)	275
Морфологические особенности	206	Место энклитик в предложении и их порядок (§ 62—75)	280
И. ед. муж. на <i>-е</i> (§ 13—15). Гипокористические формы с <i>-ѣк-</i> и <i>-хън-</i> (§ 16). Д. ед. муж. на <i>-ови</i> (§ 17). Р. ед. и Д. М. ед. <i>а</i> -склонения (§ 18—19). И. В. мн. жен. на <i>-ѣ</i> (§ 20). В. мн. и И. мн. муж. на <i>-ѣ</i> (§ 21). И. В. дв. средн. на <i>-а</i> (§ 22). Адъективное склонение и его соотношение с местоименным (§ 23—25). Выравнивание в основах притяжательных прилагательных (§ 26). <i>тобѣ, собѣ</i> (§ 27). Отсутствие <i>-ть</i> в 3-м лице презенса (§ 28). 1 мн. презенса на <i>-ме</i> (§ 29). Императив на <i>-ите, -ита</i> (§ 30). Причастия (деепричастия) на <i>-а</i> (§ 32).		Частица <i>ти</i> (§ 76—78)	298
Из орфографии	232	Дополнительные данные о союзе <i>зандо</i> (<i>занда</i>) «потому что» (§ 79)	308
Начальное <i>о</i> в качестве фонетического дополнителя при идеограммах (§ 33—36).	233	Конструкция <i>въ чьто</i> (<i>въ чель</i>) «за что», «из-за чего» (§ 80)	309
		Из лексики	312
		<i>Подълина</i> «подкладка» (§ 81)	312
		<i>Въдати</i> и <i>дати</i> (§ 82)	314
		Дополнения к разбору некоторых лексем (§ 83)	317
		Сокращения	319
		СЛОВОУКАЗАТЕЛЬ	
		(А. А. Зализняк)	322

К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА БЕРЕСТИЯНЫХ ГРАМОТ

§ 1. Настоящая работа¹ представляет собой по существу продолжение нашей работы «Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения» (сокращенно: Лингв.), входящей в НГБ 1977—83. Необходимость такого продолжения обусловлена, во-первых, расширением наличного лингвистического материала за счет грамот, публикуемых в настоящем томе, во-вторых, дополнительным исследованием опубликованных ранее грамот (см. соответствующий раздел выше), в-третьих, привлечением к нашему разбору некоторых других источников, помогающих точнее оценить показания берестяных грамот. В работе, с одной стороны, продолжено изучение ряда проблем, рассматривавшихся в Лингв., с другой стороны, введены и некоторые дополнительные темы, по которым в настоящее время уже накопилось удовлетворительное количество материала.

Специально подчеркнем, что было бы совершенно нецелесообразно пытаться построить независимый лингвистический анализ совокупности грамот настоящего тома, поскольку эта совокупность не отделена никакими лингвистически существенными границами от грамот, найденных ранее. Полезно лишь выяснить, как вписывается материал новых грамот в уже выявленную общую картину древненовгородского диалекта и что нового он дает для ее детализации или корректировки. Наше изложение строится, однако, таким образом, чтобы прежде всего отразить ту итоговую картину, которая предстает на нынешнем этапе исследования (даже если для этого оказываются необходимым частично повторить положения, уже высказанные в Лингв.); там, где это представляется целесообразным, особо выделен тот «вклад» в общий фонд данных, который привносится материалом настоящего тома.

Терминологический аппарат описания и символика записи (условные знаки, различные типы скобок и т. п.) — те же, что в работе Лингв. Напомним, в частности, что в угловые скобки помещается нормализованная (т. е. освобожденная от графико-орфографических особенностей оригинала) запись словоформ или их частей; при цитировании текста в квадратные скобки заключаются буквы, читаемые неоднозначно, в круглые — полностью утраченные; в переводах в квадратные скобки заключаются слова, которым в оригинале нет прямого соответствия, в круглые — различные пояснения или альтернативные переводы. Знак * заменяет слово «раз». Записи типа XII₁, XII₂ обозначают соответственно первую и вторую половину века, типа XII/XIII — рубеж веков; обозначение в. (век) может опускаться. Подробнее об этом круге вопросов см. Лингв., § 1—6.

Берестяные грамоты условно подразделяются на ранние (XI—10-е годы XIII в.) и поздние (XIII в., кроме его начала — XV в.). Настоящая работа включает,

¹ Предварительные (или сокращенные) варианты некоторых разделов настоящей работы опубликованы в виде статей: *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации.* М., 1988; *Он же.* Древненовгородское койне // *Балто-славянские исследования 1986.* М., 1988; *Он же.* Новгородские берестяные грамоты и проблемы древних восточнославянских диалектов // *История и культура древнерусского города.* М., 1989.

во-первых, общий обзор важнейших особенностей древненовгородского диалекта, определяющих его место среди других славянских диалектов, во-вторых, серию очерков, посвященных отдельным проблемам орфографии, исторической фонетики, грамматики и лексики.

Древненовгородский диалект, его внутренняя неоднородность и его место в славянском мире

Общие замечания

§ 2. Берестяные грамоты открыли перед лингвистами картину древненовгородского диалекта XI—XV вв., которая не могла быть восстановлена на основании известных ранее фактов (между тем в свете берестяных грамот многие свидетельства старых памятников и современных говоров получают ясный смысл).

Особую ценность для славистики представляют берестяные грамоты раннего периода (XI — нач. XIII в.). Ранний древненовгородский диалект — это вторая по времени (после старославянского) зафиксированная письменно форма славянской речи. Если же учесть литературный и переводной характер старославянских текстов, то древненовгородский диалект оказывается древнейшей формой повседневной, не литературной славянской речи, непосредственно отраженной сколько-нибудь представительным корпусом записей. Для сравнения напомним, что обычную («стандартную») форму древнерусского языка из известных до недавнего времени подлинных документов XI — нач. XIII в. представляют, если не считать нескольких крошечных надписей на пряслицах и т. п., лишь Мстиславова грамота (ок. 1130 г., 156 слов) и запись о покупке Бояновой земли на стене киевского Софийского собора (XII в., 64 слова), причем и эти два текста носят официальный характер и потому не могут быть прямым отражением разговорной речи. Основная же масса памятников данной формы языка списана (или создана) в более позднюю эпоху.

З а м е ч а н и е. Эта ситуация, однако, на наших глазах начинает меняться. В 1988 г. при раскопках Звенигорода Галицкого (близ Львова), проводимых под руководством И. К. Свешникова, была найдена первая на Украине берестяная грамота. Правда, это был лишь маленький фрагмент. Но уже в следующем году была найдена вторая звенигородская грамота, представляющая собой полностью сохранившееся частное письмо длиной в 35 слов; грамота датируется первой половиной XII в. Это древнейший документ неофициального характера, отражающий живую речь данного региона. Есть основания надеяться, что находки южных берестяных грамот будут продолжаться и со временем мы сможем несравненно полнее изучить соответствующий диалект (или диалекты).

Анализ берестяных грамот, ряда других памятников (пергаменных грамот, летописей) и современных диалектологических данных позволяет заключить, что в древней Новгородской земле отчетливо различались западные говоры (соотносимые с псковскими кривичами) и восточные (соотносимые с ильменскими словенами). Сам Новгород и прилегающие к нему районы находились в зоне контакта этих двух групп говоров. Этот контакт начался не позднее IX в. и был весьма интенсивен. Соответственно на протяжении нескольких веков здесь складывался особый смешанный тип говоров, в котором соединился ряд важнейших западных черт с некоторыми восточными, а также развились некоторые специфические черты. Именно он отражен в подавляющем большинстве берестяных грамот и может быть обозначен как древненовгородский диалект в узком смысле (в отличие от древненовгородского диалекта в широком смысле, охватывающего все говоры древней Новгородской земли)². В период независимости древненов-

² В дальнейшем при названии «древненовгородский диалект» часто дается уточнение: в широком или в узком смысле. При отсутствии такого уточнения читатель должен устанавливать нужный смысл по контексту (заметим, что в некоторых контекстах противопоставление двух смыслов существенной роли не играет).

городского государства этот смешанный тип говоров, по-видимому, приобрел также функции общеновгородского койне, т. е. мог в той или иной мере использоваться во всех областях государства (в особенности в городах); подробнее см. Зализняк 1988.

Как показано в Лингв. (§ 88), максимум диалектной специфики (всех уровней) обнаруживают не поздние, а ранние берестяные грамоты. Иначе говоря, древненовгородский диалект в XI—XII вв. отличался от стандартного древнерусского заметно сильнее, чем в XIV—XV вв. Сближение реализовалось здесь в основном в форме постепенного роста в древненовгородском диалекте удельного веса ильменско-словенских элементов (которые с самого начала гораздо меньше отличались от стандартного древнерусского, чем севернокривичское).

Такая картина эволюции означает, что формирование характерных особенностей древненовгородского диалекта относится к очень древней эпохе (в большинстве случаев дописьменной), т. е. мы сталкиваемся здесь с проблематикой процессов, обусловивших расщепление позднего праславянского языка.

Ниже указаны важнейшие фонетические и морфологические особенности древненовгородского диалекта (в широком и узком смысле). При этом основное внимание уделено особенностям, которые сформировались рано — в дописьменный период или в XI—XII вв. При разборе конкретной фонетической или морфологической черты мы стремимся установить, насколько это позволяет материал: а) каково было в данном пункте соотношение между ситуацией в западных и в восточных говорах Новгородской земли и какой вариант или варианты преобладали в древненовгородском койне; б) как соотносится в данном пункте древненовгородский диалект с другими славянскими диалектами — во-первых, восточнославянскими, во-вторых, всеми остальными.

В нашем разборе сведения о диалектных особенностях западной зоны древней Новгородской земли основаны на показаниях древних памятников и современных говоров псковского, гдовского и отчасти прионежского регионов, сведения о восточной зоне — на соответствующих данных двинского, белозерского, вологодского и других восточных регионов. Следует учитывать, однако, что все соответствующие источники относятся к гораздо более позднему времени, чем основные источники по древненовгородскому диалекту в узком смысле (т. е. берестяные грамоты), и, вдобавок, из старых документов здесь до нас дошли в основном лишь такие, которые находятся под сильным влиянием официально-деловых или церковно-книжных норм. Поэтому наши суждения о западных и восточных говорах древней Новгородской земли, как правило, более гипотетичны, чем сведения о древненовгородском диалекте в узком смысле.

Как уже указано, подавляющее большинство берестяных грамот написано на древненовгородском диалекте в узком смысле, иначе говоря, на древненовгородском койне. Но для точности анализа, конечно, необходимо учитывать также и то, что небольшая часть этих грамот отражает (последовательно или хотя бы частично) другие разновидности славянской речи, использовавшиеся в Новгороде.

Очень редко, но все же встречаются берестяные грамоты с церковнославянским текстом. В настоящем томе таковы № 652, 653 и 674; это фрагменты молитв и псалмов.

В качестве этикетных формул отдельные церковнославянские выражения могут быть «вкраплены» и в другие грамоты; таковы, в частности, начальная формула писем *покланяице*, заключительная формула *цѣлюю тѣ*, формула вежливости *добрѣ* (или *добро сътворѣ*). Изредка в берестяных грамотах встречаются и другие церковнославянские, например: *чьстьное дрѣво* «крест» в № 247, *жрьбѣ* в № 222, *попрѣдно* в № 638, *сребра* в № 707, *Щразновавъ* в № 19, *распрашавъ* (с *рас-*) и *вьсегда* (с *-с-*) в № 605. Их языковой статус в принципе может быть различным: в одних случаях это результат сознательной языковой установки пишущего (как, например, в грамоте № 605), в других мы

уже имеем дело с заимствованием церковнославянизма в состав диалекта (вероятно, таков, например, статус слова *праздновати*); возможны и переходные случаи. Точно определить статус подобного примера в составе конкретной грамоты удается далеко не всегда.

Далее, имеется маленькая группа грамот, где нет никаких видимых признаков древненовгородского диалекта (мелкие фрагменты не в счет, поскольку здесь такое впечатление легко может возникнуть просто из-за слишком малой длины текста). В качестве примеров можно назвать, в частности, грамоты № 9, 109, 246, в настоящем томе — № 615, 675, 697. В этих случаях в принципе имеются две возможности: а) грамота написана новгородцем, но он тщательно соблюдает нормы стандартного древнерусского языка; б) грамота имеет инодиалектное происхождение (как известно, в Новгород приходили берестяные письма также и из дальних городов). Из-за краткости берестяных документов отличить первое от второго часто оказывается невозможно.

Другую особую группу (несколько большую по объему) составляют грамоты, где некоторые признаки древненовгородского диалекта имеются, но в целом преобладают (прежде всего в морфологии) черты стандартного древнерусского языка. В настоящем томе к этой группе можно отнести грамоты № 618, 664, 692, 710. В этих случаях возможности таковы: а) писавший грамоту новгородец ориентировался на нормы стандартного древнерусского языка; б) автор грамоты был носителем одного из таких древненовгородских говоров, которые были ближе к стандартному древнерусскому языку, чем древненовгородское койне. Различить эти две возможности обычно бывает очень трудно.

Для изучения первой из указанных возможностей исключительно важной оказалась находка грамот № 664 (от Доброшки к Прокше) и № 710 (от Семьюна к Д... [основная часть имени адресата утрачена]), написанных одним и тем же почерком (до этого момента ни одной пары писем, написанных одним почерком, но от имени разных лиц, во всем массиве берестяных грамот не было). Почерк, которым написаны грамоты № 664 и 710, обладает чертами профессионализма: он устойчив, отличается некоторой манерностью, нет никаких описок или исправлений. Показательна игра двумя вариантами буквы ь — обычным (внутристрочным) и «высоким» (с увеличенным верхом, уходящим в междустрочие); такая игра наблюдается в ряде рукописных книг (для берестяных грамот нормой является внутристрочный ь). Графическая система — книжная. Грамота № 710 заканчивается церковно-книжной формулой *и целѣю тѣ*; эта формула встретилась ранее только в грамотах № 549 (письмо попа) и 682 (письмо монахини). Все это дает основания полагать, что блок 664 + 710 написан попом или монахом. Поскольку от имени Доброшки исходит не только грамота № 664, но и грамота № 665, написанная другим почерком (причем по бытовой графической системе), естественно не отжествлять писца грамот № 664 и 710 с Доброшкой. Семьюн, автор грамоты № 710, по-видимому, тождествен первому адресату грамоты № 685 (от Доманега к Семьюну и к кому-то еще, чье имя оторвано), в которой адресатам письма предлагается произвести какие-то закупки, связанные с поездкой в Заволочье. Не исключено, что грамоты № 664 и 710 написаны именно рукой Семьюна; но вполне вероятно также, что и Доброшка, и Семьюн воспользовались в данном случае услугами третьего лица.

О новгородском происхождении писца грамот № 664 и 710 свидетельствуют смешение *ц* и *ч* (*Ѹ Сьмѣкиниц(а)*, *цетверѣта* 710), Р. ед. на -ѣ (*Ѹ Доброшьѣ* 664), сохранение *к* перед суффиксом -ин- (*Ѹ Сьмѣкиниц(а)* 710). В то же время он явно стремится соблюсти определенные нормы стандартного древнерусского или даже книжного языка: в И. ед. муж. он использует -ъ (не -е) — *Давыдъ*, *не въдалъ* 664, *Ѹцелель* 710; в 3 ед. презенса сохранено -ть — *велить* 664; наконец, в слове *Ѹцелель* 710, равно как в формуле *целѣю тѣ*, корень <цѣл-> выступает с *ц* (а не с новгородским диалектным *к*). Здесь следует учитывать,

конечно, что слово *цѣлюю* просто целиком взято из книжного языка (т. е. никакого **кѣлюю* в диалекте не было); возможно, не имел прямого народного соответствия и книжный глагол *уцѣлѣти* (в словаре Срезневского он отмечен только в примерах из библейского текста). Таким образом, блок 664 + 710 дает нам ценнейшую возможность непосредственно увидеть, как может влиять на языковые характеристики берестяной грамоты то обстоятельство, что она написана человеком, обладающим навыками книжного письма.

Фонетические особенности

Отсутствие второй палатализации

§ 3. В сфере исторической фонетики главная отличительная черта древнегородского диалекта (в узком смысле) — отсутствие эффекта так наз. второй палатализации заднеязычных (Лингв., § 25—28), ср. *кѣл- «целый», хѣр- «серый», на Лугѣ, на Нѣжъкѣ, не моги³* и т. п. Данные берестяных грамот с полной определенностью подтвердили в этом пункте тезис С. М. Глускиной об отсутствии второй палатализации в северо-западных говорах русского языка (Глускина 1966, 1968). Полезно уточнить, что формулировка «отсутствие второй палатализации» не означает, конечно, что *к, г, х* перед *ѣ, и* сохраняли твердость. Они, разумеется, смягчались, т. е. реализовались как [к'], [г'], [х']; существенно то, что они не превращались в свистящие и не совпадали с *ц'* (результатом третьей палатализации **к*), *з', с'* (результатами смягчения **z, *s*).

В материале настоящего тома имеется значительное число дополнительных примеров, свидетельствующих об отсутствии второй палатализации. Приведем те из них, которые относятся к раннему периоду. Д. ед.: [*кѣ те*] *тѣке* 635, *ко Жирошькѣ* Ст. Р. 17. И. дв.: *блѣтъкѣ* 2 — 660. М. ед. адъективного склонения: *въ другемо* 686. Императив: *реки* 656. Р. ед. (с вторичным -ѣ): *Ѡ Нѣ жеке* 644, *оу Озѣкѣ* 649, *Коулотѣке* 656, *Ѡ Пелаге* 657, *Ѡ Доброшькѣ* 664, *ото Доброшькѣ* [ь], *оу Пожѣгѣ* 665, *Ѡ Тор-[кѣ]* 671, *оу Илькѣ* Ст. Р. 19, *оу Къргѣ* Ст. Р. 20, *оу Неделеке*, *оу Милокѣ* Ст. Р. 21, *оу Чюдоке*, *оу Деретохѣ* Ст. Р. 22. И. мн. и В. мн. (с вторичным -ѣ): *цѣтъри бѣрьковскѣ* 630, *во три колотокѣ*, *4 золотникѣ* 644, *оперьсникѣ* 648, *4 сѣро[цѣ]кѣ*, *сѣроцькѣ* 650; ср. также *вохе* 690 (см. § 4).

Вообще, с эффектом второй палатализации в материале настоящего тома встретились только: а) церковно-книжная эпистолярная формула *цѣлюю тѣ* (уже известная ранее по грамоте 549) — *и целую тѣ* 682 (XII₂; письмо монахини), *и целѣю тѣ* 710 (XII₂; грамота, написанная попом или монахом); б) словоформа *Ѡцелель* в той же грамоте 710 (см. § 2 об ориентации писца этой грамоты на нормы стандартного древнерусского и книжного языка).

Большой интерес представляют результаты дополнительного обследования грамот № 351 и 218 (см. выше. с. 140 и 158). Выяснилось, что в грамоте 351 (XIII₂) написано не *въль*, а *къль* и читается фраза *и товарь вохъ къль* «и товарь весь цел». Тем самым выявлен еще один чрезвычайно ценный пример с *к* (а не *ц*) в корне: *къль* = (*кѣле*) «цел» (ср. *кѣле* «цел» в грамоте 247). С другой стороны, оказалось ошибочным чтение *целои* в грамоте 218 (XIII₂): в действительности в документе стоит *бело и*, т. е. читается *по [5] бело и полоть почты*. Тем самым отпадает один из тех немногих имеющихся в берестяных грамотах примеров с эффектом второй палатализации, которые выходят за рамки церковно-книжных (или официальных) формул и терминов.

Как показывают современные диалектные данные (прежде всего характер распространения корней *кѣп-* «цеп», *кѣп-* «нить, обеспечивающая параллельность основных нитей ткани», *кѣд-* «цедить», *кѣв-* «цевка»), отсутствие второй палатализации — это черта, принадлежавшая в первую очередь западным говорам

³ Здесь и ниже примеры, приводимые для иллюстрации общих положений без ссылок на конкретную грамоту, даются в нормализованной записи.

древней Новгородской земли; см. Глускина 1966, 1968, Лингв., § 26, Николаев, с. 141—150. Иначе говоря, в древненовгородское койне эта черта вошла со стороны северных кривичей.

Отсутствие второй палатализации отличает древний севернокривичский диалект (и вместе с ним древненовгородское койне) не только от остальных восточнославянских, но и от всех прочих славянских вообще. Согласно С. Л. Николаеву, отсутствие второй палатализации (точнее, ее задержка на стадии [к']) первоначально было свойственно всему племенному диалекту кривичей, но впоследствии его северная и южная части развигались несколько по-разному (см. Николаев, с. 150, табл. 2).

Что касается ильменско-словенских говоров (не смешанных), то для них диалектные данные заставляют предполагать наличие второй палатализации. По крайней мере в корнях этот эффект здесь вполне регулярен. На стыке основы и окончания, по-видимому, очень рано началось выравнивание основы, устранившее данный эффект. В документах XIV—XV вв. северо-восточного происхождения (вологодских, белозерских, шехонских, солигалицких, ярославских, также суздальских, московских, тверских и т. п.) нередко встречаются колебания типа в *Соснѣзѣ* и в *Соснѣгѣ*; однако само по себе это мало о чем говорит, поскольку в официальных документах примеры типа на *Волзѣ* встречаются и в Новгороде. Более существенны косвенные свидетельства наличия в ильменско-словенской зоне эффекта второй палатализации перед окончаниями, которые дают названия типа *Луцино*, *Веризино*, *Колязинъ*; см. об этом § 26. Другим серьезным свидетельством такого рода можно считать сохранившееся в ряде говоров слово *бóлозе* (*болóзе*, *болозѣ*, *блозя*, *болбзя*, *болозя*) «хорошо», «кстати» (из *болозѣ*, от *бологии*). По данным СРНГ (вып. 3, с. 76), его распространение таково: Волог. (отмечено в словаре 4 раза), Яросл. (3 раза), Арх. (2 раза), Новг., Костром., Влад., Сев.-Вост., Сев.-Двин., Сев.-Зап., также ряд мест в Сибири; кроме того, Смол. (3 раза). Этот ареал в целом соответствует ильменско-словенской территории; что касается смоленской зоны, то здесь *болозе* (-зя), вероятно, имеет южнокривичское происхождение. Показательно, что в приведенном списке нет псковской, великолукской, гдовской, онежской зон (встретившаяся один раз помета «Сев.-Зап.» в данном случае неинформативна, поскольку за ней могут скрываться весьма различные пункты древней Новгородской земли).

Вполне вероятно, что ранее всего выравнивание основы происходило в говорах, соприкасавшихся с севернокривичскими. Но следует учитывать также, что тенденция к выравниванию основы могла иметь и более древние истоки — общие со словенским языком, где рано произошло точно такое же выравнивание (ср. также постепенное развитие этого процесса во многих сербскохорватских говорах и в словацком). Если это так, то выравнивание основы в ильменско-словенских говорах могло протекать и независимо от соседства с кривичами.

З а м е ч а н и е. Тезис об отсутствии второй палатализации в древненовгородском диалекте (в узком смысле) и в современных северо-западных говорах русского языка поддержан в настоящее время уже значительным числом славистов. С прямым отрицанием этого тезиса выступил Я. И. Бьёрнфлатен (Бьёрнфлатен, 1983, 1988). Не претендуя здесь на критический разбор его работ, отметим лишь, что в своем недоверии к показаниям берестяных грамот Бьёрнфлатен просто исходит из распространенного в 50-е — 70-е годы (но ныне безусловно устаревшего) тезиса о «хаотичности» орфографии и синтаксиса этих грамот (см. Бьёрнфлатен 1983, с. 3, 24); никаких альтернативных чтений, например, для известной фразы *а замъке кѣлѣ а двъри кѣлѣ* «а замок цел, а двери целы» 247 (XI) он от себя не предлагает. Отстаивая традиционный тезис о том, что в новгородской зоне словоформы типа *отрокѣ*, *нозѣ*, *кожюжѣ* возникли морфологическим путем на месте прежних *отроцѣ*, *нозѣ*, *кожюсѣ*, Бьёрнфлатен пытается также тем или иным способом поставить под сомнение доказательность примеров типа на *Животтѣкѣ*, на *Нѣжжѣкѣ*, на *Лоугѣ* 526 (XI), на *великѣ дѣ(ни)* 380 (сер. XII) и т. п. Признав полноценным лишь один пример на *отроке* 241 (XII), он рассматривает его как исключение и относит появление в новгородской зоне словоформ с -кѣ и т. д. к XIII в. (Бьёрнфлатен 1983, с. 3, 16). Мы не согласны с подобной селекцией примеров, но отстаивать здесь заново каждый из них в отдельности нет нужды: важно не то, какое именно число примеров типа на *отрокѣ* встретилось в новгородских берестяных грамотах XI—XII вв., а то, что примеров типа на *отроцѣ* в них в эту эпоху нет вообще, и еще важнее тот факт, что точно так же обстоит дело не только в склонении существительных, а во всех вообще случаях, где на конце основы ожидался

бы эффект второй палатализации (ср. *моги*, а не **мози*, (*други*), а не **дружѣ* и т. д.). Как показывает неиссякающий приток новых находок, позиция Бёрнфлатена бесперспективна: материал всех новонайденных грамот (см. списки выше) полностью соответствует указанному принципу.

Материал берестяных грамот, написанных вне Новгородской земли, пока еще очень скуден; но всё же полезно отметить, что в грамоте № 2 из Звенигорода Галицкого (XII) имеется словоформа Д. ед. *Лоуцѣ*, а в смоленской грамоте № 12 (XII) — императив *не мѣзи* «не моги» (при полном отсутствии примеров типа *Лукѣ* или *моги*); ср. еще Д. ед. *Жирѣцѣ* в надписи на пряслице XI—XII в., найденном в Киеве (*Анѣка вѣдала прасленѣ Жирѣцѣ*; см. Мединцева 1985, № 2). Эти примеры придают показаниям новгородских берестяных грамот дополнительную наглядность.

В древненовгородском диалекте (в узком смысле) не было также палатализации в сочетаниях **kv*, **gv* (вероятно, также **xv*) в позиции перед *ѣ*, *i*, *ь*, ср. *каѣт* «цвет», *гвѣзда* «звезда». Диалектные данные позволяют предполагать, что это тоже черта севернокривичских говоров (непосредственно совпадавших в этом отношении с западнославянскими языками); см., в частности, Лингв., § 26 о следах слова *гвездá* в псковских и прионежских говорах, а также Николаев, карта 4 (распространение основы *квет-*). В ильменско-словенских говорах (не смешанных) в этих случаях выступал обычный для южных и восточных славянских языков рефлекс, т. е. *ц*, *з*, *с*. Из наиболее ранних письменных свидетельств не книжного характера здесь можно отметить *промѣжю землями Звѣздиною и Фефиловою землю* в двинской грамоте середины XV в. (ГВНП, № 169).

С отсутствием в древненовгородском диалекте второй палатализации непосредственным образом связано также другое характерное для этого диалекта фонетическое явление — гораздо более долгое, чем в других диалектах, сохранение исконных *кы*, *гы*, *хы* (т. е. запоздание с их переходом в *ки*, *ги*, *хи*; см. Лингв., § 33). В XII и 1-й половине XIII в. между Новгородом и Юго-Западной Русью имелось, таким образом, среди многих других, различие по рефлексам исконных *кы*, *гы*, *хы* (типа *кынути*, *гыбель* — *кинути*, *гыбель*).

Ѡх- «ВЕСЬ»

§ 4. Фонема *x* не подверглась в древненовгородском диалекте так наз. третьей палатализации. Практически это сводится к тому, что слово «весь» сохранило здесь основу *Ѡх-* во всей парадигме, например: *Ѡхъ* «всѣ», *Ѡху*, *Ѡхѣ*, *Ѡхѣмъ*. Из системных соображений эту особенность, по-видимому, следует связывать с западными говорами; ср. также отмеченную в писцовых книгах XV в. деревню *Вховежъ* (<*Вховеѣжъ*>) в Дубровенском погосте Шелонской пятины, близ границы с Псковской землей. В современных говорах надежных примеров наследования прежнего *Ѡх-* пока не обнаружено. Возможно, след прежнего *x* сохраняется в диалектном *вэгдѣ*, *вигдѣ* (СРНГ, вып. 4, с. 89 и 273, с пометами Твер. [Ржев.], Калуж., Пенз.); скорее всего *г* передает в этой записи фрикативный звук (к сожалению, прямо это не указано). Такая форма в принципе может восходить к **Ѡхѣдѣ*; но нельзя исключать также, что *г* здесь просто перенесено из *где*.

В настоящее время к известным ранее примерам основы *Ѡх-* в древненовгородских памятниках (собранным в Лингв., § 29) добавился ряд новых. Прежде всего, в грамоте 670 (XII/XIII) встретилась форма И. мн. муж. *вохе* (<*Ѡхѣ*>): (*ст*) [*орови*] *ти есме вохе* «мы все живы-здоровы». Далее, дополнительное изучение грамоты 351 (XIII₂) выявило в ней фразу *и товаръ вохъ къль* «и товар весь цел», где *вохъ* — это И. ед. муж. (<*Ѡхе*>). Кроме того, в одной из пергаменных грамот начала XV в. (Хорошкевич, III, грамота 3-я; проверено по сделанной заново фотографии с оригинала) имеется следующая фраза, не привлекавшая ранее внимания лингвистов: *а мене, огдо, полонилѣ* и *з дѣтьми, и животъ, огда, нашъ вохъ поималѣ, и села всѣ пожьгѣлѣ*. Судя по контексту, *вохъ* здесь явно означает «весь»; это форма В. ед. муж., соответствующая древнему **Ѡхъ*. Что

касается *o* (а не *e*) после *v*, то либо написание *vo* служит здесь для передачи [v'o], либо (что более вероятно), здесь произошла нефонетическая замена [v'] на [v] под влиянием остальных форм парадигмы ([vxo], [vxogo] и т. д.), где [v] давно отвердело. Наличие этого примера позволяет теперь с большей решительностью читать конец грамоты 297 (XV₁) как *въхъ и...*, т. е. усматривать здесь ту же самую словоформу «весь» (В. ед. муж.); ср. Лингв., с. 201. Наконец, А. А. Гиппиус обнаружил еще один пример из данного ряда в одном из списков «Вопрошания Кирикова»: *овхо* «совсем, полностью» (Смирнов, с. 267; в издании в соответствующем месте принято неверное словосложение, т. е. слово *овхо* не было опознано); ср. известное в говорах *овсе* с тем же значением.

Основа с *s* (а не с *x*) встретилась у слова «весь» в настоящем томе только в примере *вѣсь* 697 (XIV₂) — в грамоте, не имеющей никаких признаков древненовгородского диалекта.

*tl, *dl

§ 5. Как установлено трудами большого круга исследователей, в древних говорах севернокривичского арсала праславянские *tl, *dl дали *кл*, *гл* (о литературе вопроса см., в частности, Авксентьева и Лингв., § 36). Собранный в этих трудах материал содержит многочисленные свидетельства данного перехода из старых памятников, современных говоров и топонимии. Так, помимо ряда перфектов (от *блостн*, *вестн*, *сѣсти*, *масти*, *сѣ-рѣсти*, *чѣсти* и производных, например, *повегле*, *възмаклася*, *соустрѣкли*, *учкле* и т. п. в памятниках), отмечены существительные *жерегло*, *жагло*, *ѣгла*, *клец* «лещ», *саглице*, топонимы *Жерегло*, *Жаглово*, *Виглинка*, *Вонягла*, *Еглы*, *Еглино*, *Раглицы*. Отмечены также заимствованные из древнепсковских говоров эстонские *vigel* (Р. ед. *vigla*) «вилы» и *tugel* (Р. ед. *tugla*) «щелок», «жидкое мыло» и заимствованное из собственно новгородских говоров вепсское *tugl* «щелок».

К этому списку можно сделать теперь ряд добавлений. В псковской берестяной грамоте № 6 (XIII в.) встретилась словоформа *измакле*, которая, с нашей точки зрения, представляет собой записанное с *a* (вместо *л*) *измакле* < *izmeŋle «напортил», «привел в смятение, в беспорядок» (глагол *измасти* встречается в древнерусских текстах неоднократно, см. Срезн., I, стлб. 1069—1070).

В двух псковских грамотах XIV—XV вв., сохранившихся в поздних списках, представлено слово *мочигло* «болото», не опознанное издателями. Одна из этих грамот — ГВНП, № 345 (издатели относят ее оригинал к XV в., но согласно И. О. Колосовой, он в действительности должен быть отнесен к 1338—42 гг. [см. Колосова]). Здесь в описании раздела земель между Спасо-Мирожским монастырем и Семеном Жаворонком есть фраза, которую издатели передают так: *А воде имъ обѣ обче мочи Глаи ровѣнъ* (со сноской «так в списке», показывающей, что издатели сами осознают загадочность этой фразы). Фраза перестает быть загадочной, если разделить ее на слова иначе, а именно: *А воде имъ обѣ обче — мочигла и ровѣнъ* (в оригинале скорее всего было *ровѣнъ* или *ровѣ*). В документе широко отражено аканье, поэтому запись *мочигла* вместо *мочигло* совершенно нормальна. В СРНГ, вып. 18 находим: *мочи́ло* «поросшее мхом и кустарником болото», «окно в болоте» Пск.; ср. словацк. *močidlo* «болотистая почва», «болото». Для второго слова ср. у Даля: *ровень* (новг.) «равнина, ровное, гладкое, открытое место». Возможно, в данном случае так обозначена открытая вода. Представляется вероятным, что как *мочигло*, так и *ровень* употреблены здесь уже в роли имен собственных — как названия двух водоемов. Таким образом, рассматриваемая фраза означает: «А обе воды им (участникам раздела) сообща — и Мочигло и Ровень».

Другая грамота — Мар., № 12 (список с грамоты 1417—34 гг.). Согласно издателю, в описании линии раздела земель здесь есть место: *а из моста в Могчило, а из Могчила ... до последнего мыса*. К словам *Могчило*, *Могчила*

дана сноска: «Так в рукописи, возможно, слово искажено. Значение его неясно. Буква «г» написана над строкой более светлыми чернилами». Известно, однако, что в рукописях буква, написанная над строкой, совершенно необязательно ставилась строго над тем местом слова, куда ее надлежало вставить при чтении. Ясно, что в данном случае речь идет о записи словоформ *мочигло*, *мочигла* (или *Мочигло*, *Мочигла*, ср. выше). Более светлые чернила, которыми надписано *г*, показывают, что мы имеем здесь дело с правкой (ее мог проводить правщик или даже сам писец). Несомненно, *г* присутствовало в оригинале; но для переписчика была естественна уже нынешняя форма *мочилю* (ср. выше выписку из СРНГ), и он это *г* опустил; тот, кто впоследствии восстановил это *г* (записав его над строкой), явно сделал это в ходе сверки с оригиналом. Судя по географическим комментариям Л. М. Марасиновой (Мар., с. 108—109 и схема № 5) и по исследованию И. О. Колосовой (Колосова, с. 90—93), земли, упоминаемые в обеих рассмотренных выше грамотах, находились практически в одном и том же районе — к северо-востоку от Изборска, близ деревни Тешевичи. Вполне вероятно, таким образом, что в этих двух грамотах упоминается одно и то же *Мочигло* (в этом случае перед нами действительно имя собственное). В любом случае, однако, с лингвистической точки зрения существенно прежде всего обнаружение еще одного слова с отражением **dl* в виде *гл*.

В списке XVII в. с меновной грамоты XIV—XV вв. (Мар., № 9) имеется место: ...*путь кроими до ручья до егли до кроя, от егли ручьемъ внизъ*. Смешения *и* с *ѣ* в документе нет; следовательно, Р. ед. *до егли, от егли* отражает исходную форму *егль* (не *егла*). Этот вариант обозначения ели до сих пор не был отмечен (ср. уже известный вариант *ѣгла* «ель» Новг. [Боровичи] — СРНГ, вып. 8).

В уже упомянутой грамоте ГВНП, № 345 один из свидетелей именуется *Анхимъ Рыгличиниць*. Естественно усматривать в его отчестве производное от **рыгло* (из **rydlo*).

В Деревской пятине, недалеко от северного конца Селигера существовала деревня, именуемая *на Пияглицахъ* (НПК, I, 160). Это название явно означает «на пиявках», ср. в СРНГ, вып. 5 *вопиялица* «пиявка» Яросл. [Пошехонье, Молога]. Из прочих топонимов, помимо таких, как *Виглино*, *Еглинское*, *Егольское*, отметим *Сеглицы* (ср. польск. *Siedlice, Siedlce* и т. п.), *Суглица* (ср. чешск. *sudlice* «сулица», «рогатина»).

Представляет интерес диалектное слово *могльвина* «лужа» Пск., «конец пашни, отведенный под траву» Новг. (СРНГ, вып. 18). По-видимому, оно восходит к *тѣдлѣв-*, ср. *модѣть* «тлеть», «таять», «становиться водянистым», «хиреть» (и др. значения; СРНГ, вып. 18); *млявый* «вялый», «хилый» и др. (там же), польск. *mdły* «тусклый», «хилый», «тошнотворный».

Сохранение взрывного элемента в сочетаниях **tl*, **dl* очевидным образом связывает севернокривичские говоры с западнославянскими языками. Здесь необходимо обратить внимание также на один важный частный факт. Ни в каких псковских или новгородских источниках не зафиксировано ни одного примера типа **шегли* (или **шгли*) вместо *шли*; мы всегда находим здесь *шле* (или *шел*), *шла*, *шли*. Это обстоятельство вполне соответствует ситуации в западнославянских языках, ср. чешск. *šel, šla, šli*, словацк. *išiel, išla, išli*, в.-луж. *šol, šla, šli*; в польском *dl* сохранено в *szedł*, однако отсутствует в *szła, szli*. В то же время, например, чешскому *četl, četla (čtla), četli (čtli)* точно соответствует древнепсковское *чкле, чкла, чкли*. Эти совпадения указывают на тесную связь севернокривичского развития сочетаний **tl*, **dl* с западнославянским.

В ильменско-словенских говорах (не смешанных) **tl*, **dl* дали *л* — как в южнославянской зоне и в основной части восточнославянской.

В древненовгородском койне сосуществовали оба типа рефлексов (например, *привегли* и *привели*); при этом, по-видимому, даже в ранний период западный тип не имел решающего преобладания над восточным. К сожалению, материал берестяных грамот по данному пункту пока еще слишком ограничен. Обследование топонимики новгородских пятин, отраженной писцовыми книгами XV в., показывает, что

топонимы с *кл*, *гл* (типа *Клецино*, *Еглино*, *Виглино*) встречались во всех пяти пятинах. При этом, однако, в восточных пятинах (Бжещской, Деревской, Обонежской) с ними активно конкурировали топонимы с *л* (типа *Лецево*, *Елино*, *Еловица*, *Вилино*), тогда как в западных пятинах (Шелонской и Водской) таких топонимов практически не было. По-видимому, с течением времени в древненовгородском койне роль западного типа в данном пункте уменьшалась. Однако даже в XV в. *кл*, *гл* не исчезли здесь полностью. Об этом говорит слово *клець* «лещ» в берестяной грамоте 169 (XIV/XV), а также новгородский пергаменный документ начала XV в. (Хорошкевич, II; цитируется по сделанной заново фотографии с оригинала). Собственно новгородское (не псковское) происхождение документа устанавливается вполне надежно как по фонетическим и морфологическим особенностям, так и на основании его содержания (это список убытков, понесенных новгородцами с Воздвиженской улицы). Сочетания **il*, **dl* отражены здесь так: *повеглѣ* (2 ×), *веглѣ*, *вывеглѣ* (формы мн. числа).

Цоканье и «шепелявенье»

§ 6. Специфическая инновация, охватившая всю территорию древненовгородского государства, — так наз. цоканье. Оно обычно описывается как совпадение фонем *ц* и *ч*; в конкретных условиях древненовгородского диалекта более правильно говорить о совпадении результатов первой и третьей палатализации для **k*. Судя по показаниям как берестяных, так и пергаменных документов, это явление относится к дописьменной эпохе.

В севернокривичских говорах развилось также так наз. «шепелявенье» — смешение *с'*, *з'* соответственно с *ш'* и *ж'*. В документах и рукописях псковского происхождения это явление отражено очень широко. В древненовгородское койне оно проникло лишь в незначительной степени: в берестяных грамотах имеется всего несколько примеров соответствующего смешения букв (см. Лингв., § 40; в настоящем томе можно указать лишь *во борожь* 682, вместо *въ бърѣзѣ*).

**tj*, **dj*, **sj*, **zj*

§ 7. Согласно убедительной гипотезе С. Л. Николаева, в древнекривичском диалекте праславянские **tj*, **dj*, **sj*, **zj* дали соответственно *k'*, *g'*, *x'* и *γ'*, которые впоследствии перед задними гласными отвердели; отсюда, например, псковские диалектные *сустрека́тъ* «встречать», *рога́тъ* «рожать», *вѣхатъ* «вешать», *вѣуыватъ* «важивать, возить» (см. Николаев, с. 128—137). Такое развитие означает совпадение рефлексов **tj* и **dj* с *k* и *g*, находящимися «в позиции второй палатализации» (т. е. перед *ě* или *ĭ*). В славянском мире эта особенность представлена только в западнославянских языках; ср., например, польск. *świeca* (*с* < **tj*) и *rzece* (*с* < **k*). Разница лишь в том, что в этих языках эволюция продвинулась на шаг дальше, чем в древнекривичском: возникли свистящие. Таким образом, древнекривичский диалект отражает в данном пункте не что иное, как древнейшее состояние той же системы, которая характеризует западнославянские языки.

Ильменско-словенские говоры имели в рассматриваемых случаях обычные для восточнославянской зоны рефлексy: *ч* (= *ц* в силу цоканья), *ж*, *ш*, *ж*.

Древненовгородский диалект в узком смысле, судя по показаниям берестяных грамот и других источников, в основном воспринял в данном пункте ильменско-словенские рефлексy; ср. уже в древнейших берестяных грамотах такие примеры, как *хочю* (или *хоцю*), *прихажѣи*, *прашѣи*, *кожюхъ* и т. п. (не вполне ясен в этом отношении только пример *ризыи* «рыжий» 160, с *з* вместо *ж*; см. Николаев, с. 136).

Лишь в одном частном случае рефлексy кривичского типа получили значительное распространение. Речь идет о сочетаниях **stj* и **zdj* (с которыми совпали также соответственно **skj* и **zgj*): их кривичские рефлексy были, очевидно, [ш'к'] и [ж'г'], ильменско-словенские — [ш'ч'] (= [с'ц']) и [ж'дж']. Как можно полагать, в древненовгородском диалекте рефлексy обоого рода сосуществовали.

Для звонкого сочетания свидетельством допустимости [ж'г'] является написание *жг*, известное из очень многих древненовгородских памятников, в том числе даже церковных. Для глухого сочетания аналогичным свидетельством служат случаи взаимной мены *щ* и *шк*, отмеченные в берестяных грамотах и в летописи; они говорят о том, что *щ* могло читаться как [ш'к'].

К материалу о взаимной мене *щ* и *шк* (а также *ск*), собранному в Лингв., § 30, можно добавить еще ряд примеров. При сравнении Синодального и Комиссионного списков I Новг. лет. обнаруживаются, в частности, следующие соответствия. Под 1200 г.: Синод. *Гюргъ Събышкинища* — Комисс. *Юрья Сбыщеница*; под 1230 г.: *Иванке Тимошкинищъ* — *Иванко Тимощенищъ*; под 1270 г.: на *Микифорѣ Манушкиничи* (со *ск* вместо *шк*) — на *Микифорѣ Манущеници*. Ср. далее по *Фому посла по Доброщенища* в Синодальном списке (под 1215 г.) и *Доброшькино* — надпись в новгородском Софийском соборе (Медынцева 1978, № 215); ср. также в берестяных грамотах: Ѡ *Доброшькѣ* 664, *ото Доброшькѣ* 665. Весьма важен пример *дъще* «доске» (2л) в псковском прологе 1383 г., л. 49 (Соболевский 1884, с. 128): по-видимому, за написанием *щ* здесь стоит [ш'к'], т. е. «шпелелый» эквивалент для [с'к']; ср. написание *лонщици* вместо *лонскии* в берестяной грамоте 463, разобранный в Лингв., § 30. Подтверждением этого служит обратная замена в *изоскърена* (вместо *изошрена*) в псковской псалтири XIV в. (ЦГАДА, Типогр., № 35; Соболевский 1884, с. 153); весьма выразителен здесь *ь* после *ск*. На фоне этих примеров представляется возможным предложить аналогичную интерпретацию для написаний у *Витебъще* «в Витебске», у *Смоленъще* «в Смоленске» в грамоте рижан около 1300 г. (Напѣрский, № 49), про которые А. И. Соболевский писал, что происхождение *щ* здесь остается для него загадочным (Соболевский 1884, с. 152—153). Поскольку не только в новгородско-псковских, но даже и в смоленских грамотах *-скѣ* сохраняется без перехода в *-щѣ* (исключение здесь составляет только список В смоленского договора 1229 г.), можно предполагать, что в грамоте рижан *-ще* в приведенных примерах передает [-с'к'ѣ] или [-ш'к'ѣ].

Развитие сочетаний типа **TъrT* и типа **TorT*

§ 8. Судя по данным исторической и современной диалектологии, в севернокривичских говорах праславянские сочетания типа **TъrT* перешли в тип *TъrъT*. Со временем вставная гласная в таких сочетаниях отождествилась с исконными редуцированными и разделила их дальнейшую судьбу (при том, однако, что *ъ* или *ь* перед плавной во всех случаях сохранял свойства сильного редуцированного); см. об этом подробно § 55.

Ильменско-словенским говорам (не смешанным), равно как и всей Юго-Западной Руси, данная инновация была практически чужда: здесь либо просто сохранялся исконный тип *TъrT*, либо после плавной возникал лишь слабый вокалический призвук, не достигавший статуса полноценного *ъ* или *ь* и не оставивший следов в дальнейшей эволюции таких сочетаний.

Древненовгородское койне отражает в этом пункте севернокривичский тип эволюции.

Развитие праславянских сочетаний типа **TorT*, по-видимому, только в ильменско-словенских говорах и в говорах вятичей и северян дало тот результат, который традиционно считается православнославянским, а именно *ToroT*, где вторая (т. е. вставная) гласная фонологически тождественна первой. У кривичей и в Юго-Западной Руси вторая гласная в таких сочетаниях отличалась от первой, т. е. мы должны предполагать здесь нечто вроде *Tor°T* или *Tor°T* (при этом, разумеется, здесь могли быть еще частные различия по говорам). Об особенностях таких сочетаний в южном диалекте (или диалектах) см. Гард, а также Зализняк 1985, § 3.3. О наличии сходной особенности у кривичей (или, по крайней мере, у какой-то их части) говорят диалектные *балънья*, *балънья* из **bolnъje*, которые указывают на вставную гласную типа *ъ*, а не *о* (см. Николаев, с. 123—124).

Лишь в какой-то относительно поздний момент в говорах кривичского происхождения была достигнута стадия, при которой вставная гласная отождествлялась с гласной перед *p*, *l* (ср. сходный характер эволюции, приведшей к образованию украинских словоформ типа *górod*, *moróz*).

Чтобы судить о том, каково было в этом пункте положение в древненовгородском койне, нет данных. В любом случае наиболее существенный момент состоит здесь в том, что развитие праславянских сочетаний типа **TorT*, которое традиционно рассматривается как главная черта, объединяющая всю восточнославянскую зону и отличающая ее от всех остальных славян, в действительности протекало в разных частях восточнославянской зоны по-разному.

Взрывное [г]

§ 9. Древненовгородскому диалекту (в широком смысле) было свойственно сохранение исконного взрывного [г] — в отличие от диалектов южной части восточнославянской зоны, где произошла инновация: возникло фрикативное [γ]. Такая же инновация представлена в словацком, чешском и верхнелужицком языках, а также в западнословенских говорах. Вопрос о том, к какому времени относится эта инновация, является предметом дискуссии. Достаточно надежным ранним свидетельством фрикативизации в южнорусском диалекте может служить лишь написание *осподаръ* на чаше черниговского князя Владимира Давыдовича (1139—1151 гг.). Однако сам характер географического распространения данной инновации в славянском мире служит серьезным аргументом в пользу ее раннего происхождения; соответственно, значительная часть исследователей относит эту инновацию (или, по крайней мере, ее начало) к праславянской эпохе и почти все — к дописьменному периоду (см. ИУМ, Фонет., с. 165—169, Хабургаев 1980, с. 87—89).

$вл' > л', мл' > н'$

§ 10. Для древненовгородского диалекта был характерен переход $вл' > л'$, например, *Юкоаль* из *Юкоальь*; см. Лингв., § 40. Самые ранние примеры из берестяных грамот, отражающие этот переход, относятся к XIII в.; но материал здесь пока что невелик, и у нас нет оснований полагать, что данный переход начался лишь в это время.

В отличие от перехода $вл' > л'$, который хорошо известен историкам русского языка, другой аналогичный переход, а именно $мл' > н'$, до сих пор оставался незамеченным. Между тем эти два перехода вполне однотипны: в обоих случаях сочетание согласных упрощается в единую согласную с утратой признака лабиальности. Для $вл'$ это означает просто переход в $л'$; в $мл'$ остается еще признак назальности, который накладывается на $л'$ и превращает его в $н'$.

Переход $мл' > н'$ представлен немногими, но достаточно яркими примерами. В берестяной грамоте 227 (последняя треть XII в.) имеется словоформа *епоуци*, для которой до настоящего времени не было предложено никакого объяснения; она выступает в контексте: ... *цьсть епоуци, пеюуци, едоуци со Давыжею*. Разгадка в том, что перед нами словоформа *емлючи* с переходом $мл' > н'$; значение отрывка: «получая почет от Давыдовой жены, деля с ней питье и еду» (автор убеждает мать жить с невесткой). Грамота 227 позволяет отнести переход $мл' > н'$ (а вместе с ним, по-видимому, и $вл' > л'$) по меньшей мере к XII в.

Презентная основа *ен'*- (из *емл'*-), по-видимому, представлена, кроме того, еще в двух берестяных грамотах (но, к сожалению, интерпретация текста здесь менее надежна, чем в № 227). В фрагментарной грамоте 437 (XII/XIII) выступает словоформа *дож ни*, которую естественнее всего истолковать как *дож мли* «добери (недоданнос)», ср. *дожло* «добрал» 214. В очень трудной для интерпретации грамоте 501 (XIII/XIV — XIV) читаются словоформы *пож ни* и *к ни*, которые, по-видимому, эквивалентны соответственно *пож мли* и *к мли* (см. разбор этих грамот выше, с. 166 и 173).

Ручей в Новгороде, на Софийской стороне, в древнейшем его упоминании именуется *Къземль*: в Синодальном списке I Новгородской летописи под 1069 г. находим *оу Зѣрициѣ на Къземли*. Позднее, однако, он уже именуется *Гзень*: ср. *до Гзеня* в Комиссионном списке под 1391 г. (Толстовск. *до Гъзеня*, Воронцовск. *до Гозеня*), *до Гзени* в Комиссионном списке под 1414 г. (Академич. и Толстовск. *до Гъзени*).

В северо-западных русских говорах известно слово *зень* «земля» (см. СРНГ, вып. 11, с. 263); чаще всего оно выступает в сочетаниях *на зени* и *на зень*. Последнее сочетание отмечено в новгородских документах уже в XIV в.: *а с тыхъ порука на зен[ь]* ГВНП, № 17 (1372 г.; ср. в этой же грамоте: *а с тыхъ [че]лованье на земл[ю]*); *с тыхъ есмѣя спустилѣ на зень, что ни в которое веремѣ не поминать* ГВНП, № 45 (1373 г.). Из сравнения с рассмотренными выше фактами понятно, что и здесь мы имеем дело с переходом *мл' > н'*. Сочетание *на зени* прямо соответствует исконному *на земли*. Что касается словоформы *зень*, то здесь, очевидно, произошла замена *ja*-склонения на *i*-склонение под влиянием синонимичного *земь* (ср. *на земь*).

Прочие примеры диалектных слов с рассматриваемым фонетическим эффектом (по СРНГ): *крень* «кремль», «центр города» Нижегород. (ср. *кремль* «каменный гостиный двор», «центральная часть заводского поселения» Урал.); *крень* «кремень для высекания огня» Олон., также «упрямец» Олон., «скупец» Арх. (ср. *крѣмель*, *-мля* «кремень» Челябин., Новосибир.); *крень* «плотные, смещенные от центра слои древесины» Олон., Петерб., Арх., Эст., Латв., Якут., Том., «дерево с большой, хрупкой древесиной» Арх., Ср. Урал. (ср. *крѣмель*, *-мля* с практически теми же значениями — Том., Новосибир., Ср. Урал.); *кренёвый* «сделанный из смолистого дерева» Арх., Колым., «жесткий, твердый, крепкий» (о дереве) Онеж. (ср. *кремлёвый* с теми же значениями — Волог., Ср. Урал., Сибирь; заметим, что оба эти слова — *кренево* и *кремлевый* — зафиксированы уже в XVI — XVII вв.: первое в архангельском документе, второе в белозерском и архангельском; в новгородском и архангельском документах встретилось также соответствующее собирательное *кренево*; см. Слов. XI — XVII, вып. 8, с. 28—29); *коя́га* «выдолбленное из дерева корыто для кормления лошадей» Твер., *коя́ги* «две лодки, соединенные вместе» Волог. (ср. *комля́га*, *комя́га* «лодка, выдолбленная из одного дерева», «выдолбленное из одного дерева корыто для кормления или поения скота» [во многих говорах], *комя́ги* «две лодки-однодеревки, соединенные вместе» Южн., Вост., Пск., Твер., Брян.; таким образом, приведенные здесь слова *коя́га*, *коя́ги* исторически не связаны со словом *коя*). Заметим, что у большинства приведенных слов, помимо вариантов с *мл'* и *н'*, отмечены также варианты с *м'* и *ми'*. Как можно видеть, варианты с *н'* представлены только в северо-западных, северных и сибирских говорах, причем чаще всего именно на северо-западе.

Показательно, что среди новгородских топонимов XV в., вошедших в НПК, встретились, с одной стороны, *Кремль*, *Кремлица*, *Кремлевъ* (все в Бежецкой пятине), с другой — *Кренево* (4 раза), *Кренево*, *Крень*, *Кренично* (все в Шелонской и Деревянской пятинах). Есть и ряд других топонимов, где можно предполагать переход *мл' > н'*, например, *Хониха* (наряду с *Хомля*), *Радонка* (наряду с *Радомле*) и т. п. Ср. также *Кузма Кренево* в псковской грамоте 1463—65 гг. (Хрест., № 42).

Особый интерес представляет топоним *Захонье*, встречающийся в НПК несколько десятков раз (но при этом практически только в рамках Шелонской пятины; см. указатель к НПК). Это не что иное, как слово *захолмье*, в котором произошла метатеза *л* и *м*, после чего осуществился рассмотренный выше переход *мл' > н'*. Метатеза относится здесь к очень раннему времени — до возникновения второго полногласия (которое на территории Шелонской пятины было вполне последовательным), т. е. до превращения *захълмье* в *захълмье*. Ср. метатезу (по-видимому, правда, более позднюю) в топониме *Илмово* (Шелонская пятинка) — при сохранении *лм* (или *льм*) в *Илмовецъ*, *Илмовое*, *Илмовикъ* (Бежецкая

пятина); ср. также польск. *niemowlę* «младенец», «*infans*», возникшее, вероятно, путем метатезы из **niemolwie*. Предложенная интерпретация топонима *Захонье* непосредственно подтверждается тем, что в Бежецкой пятине имеется деревня *Захольме* (НПК, VI, 809). Весьма интересен также вариант *Захольные* (НПК, IV, 286; Шелонская пятина), по-видимому, восходящий к *захъльмые* (без метатезы); *ы* здесь такое же, как в *мальныя*, *Подсосынье* и т. п. (см. § 12, конец), *и* вместо *м* — возможно, под влиянием *Захонье*.

Диалектные данные указывают на севернокривичское происхождение переходов *вл' > л'* и *мл' > н'*. Так, в псковских источниках *л* вместо *вл* встречается довольно часто. Для перехода *мл' > н'* показательное описанное выше географическое распространение топонима *Захонье*.

Не исключено, что тенденция к устранению сочетаний *вл'*, *мл'* находится в некоторой отдаленной связи с отсутствием таких сочетаний (кроме позиции начала морфемы) в древних диалектах западнославянской зоны.

Развитие **ǰ* и **o*

§ 11. В древнекривичском диалекте фонема *ǰ* реализовалась как относительно открытая гласная (или дифтонг с открытым конечным элементом), в ильменско-словенском — как закрытая гласная (или дифтонг с закрытым конечным элементом). Первый сближался, таким образом, в этом пункте прежде всего с польским, второй — с древним южнорусским, словенским и сербскохорватским. В древненовгородском койне, очевидно, существовали обе реализации. Выявить характер фонемы *ǰ* по ее отражению на письме можно далеко не всегда, даже когда речь идет о таких свободных от книжных орфографических норм документах, как берестяные грамоты. Смешение на письме *ѣ* и *и* в нормальном случае указывает на реализацию восточного типа; но замена на письме *ѣ* на *е* (и даже взаимные замены *ѣ* и *е*) еще не свидетельствуют о том, что перед нами реализация западного типа (ср. Лингв., § 19). Мы можем, таким образом, лишь сказать, что в XIV—XV вв. реализация восточного типа представлена в берестяных грамотах (и, следовательно, в древненовгородском койне) весьма широко; по крайней мере для этой эпохи такая реализация, по-видимому, была преобладающей.

В ильменско-словенских говорах в какой-то момент их истории сформировалось противопоставление фонем /*ǰ*/ (закрытого) и /*o*/ (открытого), причем распределение этих фонем, как было установлено еще Л. Л. Васильевым и А. А. Шахматовым, практически тождественно распределению фонем /*o*/ и /*ǰ*/ в словенском языке. Вполне допустимо, таким образом, предположение о генетическом единстве истоков данного распределения. Напротив, в говорах кривичского происхождения данное противопоставление, по-видимому, вообще не сформировалось. Можно предполагать, что в древненовгородском койне сосуществовали восточная и западная системы. Памятники бытового письма не дают нам возможности об этом судить вообще, и даже из памятников новгородской книжной письменности лишь очень немногие графически различают /*ǰ*/ и /*o*/ (см. Зализняк 1985, § 3.19, 3.22).

Во многих современных говорах новгородского происхождения до сих пор сохраняется так наз. семифонемная система вокализма, включающая фонему /*ǰ*/, отличную от /*e*/, и фонему /*ǰ*/, отличную от /*o*/ . По-видимому, в древненовгородском койне, по крайней мере, в XIV—XV вв., преобладала именно такая система.

В Юго-Западной Руси развитие **o* отличалось как от кривичского, так и от ильменско-словенского. В отличие от кривичской зоны, **o* здесь со временем дало две различных фонемы: /*ǰ*/ и /*o*/ — как в ильменско-словенской зоне. Однако их распределение никоим образом не тождественно ильменско-словен-

скому: в ильменско-словенском это распределение зависело от акцентуации, тогда как в Юго-Западной Руси оно целиком определялось структурой слога (см. Зализняк 1985, § 3.3).

Развитие *ѳь

§ 12. По данным диалектологии, в говорах прежнего ильменско-словенского ареала сочетание *ѳь давало *ой*; в кривичском ареале представлено несколько вариантов развития этого сочетания: в одних говорах *ый*, в других — *эй*, в третьих — *ой* (см. Николаев, с. 118—121 и карта 1; там же об особенностях развития *ѳь перед обычной гласной — в *тѳьр и т. п.). Хотя это различие отчетливо проявляется лишь после падения редуцированных, его предпосылки несомненно сформировались еще до этого процесса.

Как показывают берестяные грамоты и другие источники, в древненовгородском койне были возможны все указанные рефлексy, но преобладал западный рефлекс *ый* (встречался также его стяженный вариант *ы*, например, *другы* «другой»); см. Лингв., § 57 (раздел о форме И. ед. муж.).

К сожалению, материал ранних берестяных грамот сводится пока что к примерам В. ед. муж. *половѳи*, *бѳрѳѳи* (вместо *бѳрѳи*), а также (в мягком варианте) *риѳи* «рыжий» в грамоте 160 (сер. XII). В этой грамоте нет смешения ѳ, ѳ с *о*, *е*, и можно думать, что эти примеры непосредственно отражают древнейшее состояние рассматриваемого окончания.

Рефлекс типа [ej] пока что отмечен в берестяных грамотах только в примере *възѳиду* «взойду» 481 (последняя треть XIII в.); см. разбор этой грамоты выше, с. 170 (заметим, что ѳ после *з* здесь вторичного происхождения). Более широкое отражение он нашел (в виде написания *еи*, иногда *ѳи*) в ряде других источников. Так, в Синодальном списке I Новг. лет. встречаются: *приходи свѳискеи кѳъ* (под 1142 г.), *загорѳса ... Неревѳскеи конѳъ* (под 1194 г.); ненадежен пример *печерѳскеи* (под 1187 г.) — это может быть И. ед. или И. мн. Примеры из грамот: *в тѳи срокъ* ГВНП, № 44 (1373 г.), *и весь гдѳъ Великѳи Новгородѳ* (И. ед.), *тѳи товарѳ* (И. ед.) (Нибуров мир 1392 г., список Б; цитируется по фотографии; следует учесть, что в этом списке представлен необычный для данного времени графический эффект ѳ → ѳ; смешения ѳ с *и* в списке нет [при том, что ѳ может смешиваться с *е*]), *кескеи судѳа* ГВНП, № 60 (1421 г.; встретившиеся здесь же примеры *всякѳи*, *ругодивскѳи*, *велядьчкѳи*, *колывалескѳи*, *новгородчкѳи* недостаточно показательны, так как в этом документе ѳ смешивается с *и*), *господинѳ тысяцкѳи* ГВНП, № 96 (1459—60 гг.; смешения ѳ с *и* нет), *на орелеи дубѳ* «на горелый дуб» ГВНП, № 122 (XV в.), *в Великеи Новгородѳ* (РИБ, т. 15, СПб., 1894, № 37; 1535—40 гг.).

Особенно характерны примеры данного типа для псковских документов. Из грамот: *семеи дворѳ* «седьмой двор» (И. ед.) Мар., № 33, *теи Иволѳъ* (наряду с *тотѳ Иволѳъ*) Хрест., № 42; также в поздних списках с грамот XIV—XV вв. — *Медовеи островка* «Медовый островок» (И. ед.) Мар., № 11 (в издании словоделение здесь иное), *Федоре Кроткеи*, *Игнатѳ Бритниевеи* Мар., № 29. Из псковских летописей (по изданию: Пск. лет.): Синодальный список Псковской 2-й летописи (конец XV в.) — *в Новеи городоѳ* (2, с. 36), *немецкеи городке* (И. ед.; с. 44), *Опоцкеи*, *Городецкеи* (И. ед.; с. 50); Строевский список Псковской 3-й летописи (около 1560 г.) — *местерѳ рыжзкеи* (2, с. 112), *в четвергѳ в великеи* (с. 129), *князь литовскеи* (с. 131), *под Новѳи городокѳ* (с. 136), *Новеи городеѳ* (В. ед.; с. 150), *каторѳи князь* (с. 151), *Великеи Новѳгорѳ* (В. ед.), *князь псковскеи*, *Краскеи городецѳ* (В. ед.) (с. 159), *Иванке Подкоурскеи* (с. 167), *полонѳ псковскеи* (В. ед.; с. 182), *дворе рѳчинеи* (И. ед.; с. 185), *каторѳи* (И. ед.), *посадникѳ псковскеи* (с. 187), *посадникѳ новгородскеи* (с. 197), *сторожевѳи полкъ* (И. ед.; с. 221), *князь великеи* (с. 223, 225, 226, 232 [2×]), *поушечнеи сараи* (И. ед.; с. 231); кроме того, *розеити* «разойтись» (с. 177; ср. выше о примере *възѳиду* в грамоте 481).

Как видно из приведенных списков, окончание *-ei* ($-\frac{1}{2}i$) встречается как в И. ед., так и в В. ед. Это не дает нам возможности объяснить его как рефлекс первоначального **-ejь* (составленного из именного окончания *-e* и элемента *-jь*), поскольку окончание *-e* представлено только в И. ед., но не в В. ед. (см. ниже, § 13). По крайней мере, в В. ед. муж. мы явно имеем дело с рефлексом прежнего **-ъjь*. Весьма интересный сам по себе вопрос о том, существовало ли в период до падения и «прояснения» редуцированных адъективное окончание И. ед. муж. **-ejь*, сможет быть решен лишь тогда, когда будут найдены берестяные грамоты XI или начала XII в., содержащие материал по этой грамматической форме.

Кривичские рефлексы **ъjь*, т. е. *ый, эй*, очевидным образом сходны с рефлексами, представленными в Юго-Западной Руси. В широком смысле факт особого развития *ъ* перед *j* объединяет кривичский ареал с западнославянской и большей частью южнославянской зоны. Напротив, ильменско-словенский рефлекс *ой* (где *ъ* развивается перед *j* так же, как в других позициях) представляет собой исключительное для славянского мира явление (ср., впрочем, единичные примеры *ои* из **ъjь* в западных [македонских] памятниках старославянского языка; см. Вайян, с. 54).

Как показал С. Л. Николаев, в кривичском ареале особое развитие *ъ* (в сторону *ы* или *э*) могло происходить не только перед *j*, но и перед мягкими сонантами, отсюда отмечаемые в говорах этого ареала *адънъе* и *адънъе* «одонье, стог сена», *вдълъ* «вдоль», *гълѣк*, *гилѣк* «умывальник» и т. п. (из *гълѣкъ*, производного от **гълъjь*), *малынья* «молния», *Подсосынъе*, *Закеръе* и др. (Николаев, с. 121—128).

Характерная для кривичского ареала способность *ъ* давать в некоторых позициях нелабиализованные рефлексy, по-видимому, проявилась также еще в одном особом случае, а именно в развитии *ъо* в *a*; см. об этом ниже, § 51.

Морфологические особенности

И. ед. муж. на *-e*

§ 13. Самая яркая морфологическая особенность древненовгородского диалекта — окончание *-e* в И. ед. (но не в В. ед.!) мужского рода твердого *o*-склонения (см. Лингв., § 43—48). Оно представлено не только у существительных, но также у прилагательных, местоимений, причастий, в именной части перфекта, например: *Петре*, *смърде*, *хлѣбе*, *свободъне*, *саме*, *погублене*, *привезле*, *възале*. При этом эффект первой палатализации перед данным окончанием отсутствует, ср. *Уенѣге*, *замѣке*, *лихе* и т. п.

В берестяных грамотах XI — нач. XIII в. окончание *-e* безусловно господствует; окончание *-ъ* встретилось в этот период лишь в очень немногих грамотах, причем часть из них ориентирована на книжный язык или написана не новгородцами. В XIII—XV вв. процент примеров с окончанием *-ъ* постепенно повышается, однако даже и в XV в. окончание *-e* все еще преобладает.

В *u*-склонении в И. ед. во все периоды представлено только окончание *-ъ*: *полъ*, *сынъ*. В И. ед. *jo*-склонения выступает *-ъ* (не *-e*), например, *господаръ*, *конь*.

Настоящий том дает много дополнительного материала по вопросу об И. ед. на *-e*. Особенно интересен материал ранних грамот: *Тоудорове*, *Сельтине* 632, *Иване* 633, *судокъ* <*судъке*> 660, *Милоке*, *У енеге*, *Невиде* 663, *Оркадь* 672, *сърочьке* 681, *Домане*, *вопоуке* 688, *бърковъске* (*бърж*) Ст. Р. 20, *Акиме* Ст. Р. 21, *Иванокe* надп. 20, *Настокине* надп. 21, *бабинъ* надп. 23, *Недѣлекине* надп. 24; также перфекты *-заль* 626, *забыле* 627, *шилъ* 638, *водале* 644, *-оуциле* 654, *показаль*, *поворотиль* 665, *въльль* 672 (исправлено на *въльли*), *продале* 679, *въдаль*, *выдаль* 682, *быле*, *наделиле*, *посолале*, *заходиле* 705. Окончание *-ъ* в И. ед. *o*-склонения встретилось в эту эпоху (если не считать словоформы *богъ*)

только: а) в грамоте 675 — *послоухо, былъ* (2×), *рыклъ*; б) в блоке 664 + 710 — *Давыдъ, не въздалъ* 664, *щцелель* 710. При этом грамота 675 вообще не имеет никаких признаков древненовгородского диалекта, т. е. может быть и инодиалектной, а блок 664 + 710 написан новгородским писцом-книжником, явно ориентировавшимся на книжную норму (см. § 2).

Эти примеры расширяют имевшийся прежде материал по форме И. ед. муж. из ранних берестяных грамот более, чем в полтора раза. Они существенным образом подкрепляют сделанный нами ранее вывод о безусловном господстве окончания *-е* в берестяных грамотах XI—XII вв.

Весьма показательное сочетание *Селътине сыно* в грамоте 632 (2-я четверть XII в.): соотношение окончаний здесь точно такое же, как в более поздних примерах *Местиловь сыно* 68 (XIII₂), *Киреъ въ снѣ* 249 (XIV/XV). Зависимость окончания от исконного типа склонения проявляется в этой группе примеров с максимальной наглядностью.

В более поздних грамотах (XIII—XIV вв.) материал таков. Окончание *-е*: *искоупишь, пришель* 636, *взале* (3×), *възале, вариле* 689, *Гахоне, роздавале* 698, *пограбиле* 699, *берковске* 701 (2×), *саме* 706. Окончание *-ѣ*: *исправиль, не исправиль* 615, *(б)ратъ, пришелъ, пожаловаль, нарядиль* 618, *далъ* (3×), *взаль* (3×) 689, *взало* 691, *шь* «и он», *не виноватъ, хлѣбъ, жи(во)тъ, поималъ* 697, *сѧ оженилъ* 708, *Кмелинь* надп. 28. Следует учесть, что грамоты 615, 618 и 697 не имеют никаких специфических признаков древненовгородского диалекта; в принципе они могут быть инодиалектными или написанными по нормам стандартного древнерусского языка. Интересна грамота 689, где на пять примеров перфекта с *-ле* приходится шесть примеров с *-лъ*; самое правдоподобное объяснение такого разнобоя состоит в том, что автор в принципе стремился следовать в этом пункте стандартной норме, но не смог соблюсти эту установку последовательно (тот факт, что он был носителем древненовгородского диалекта, ясно виден из других особенностей данной грамоты).

Некоторые новые примеры И. ед. на *-е* были выявлены в процессе дополнительного обследования ранее опубликованных грамот; отметим лишь самые интересные из них: *и товаръ вохъ кль* <*и товаре въхе кѣле*> «и товар весь целъ» 351 (XIII₂), *ше* «и он» 328 (нач. XIV; менее вероятно, что это «и они»).

Данные новых берестяных грамот помогли также распознать одну важную словоформу рассматриваемого класса, которая вначале была отнесена нами в разряд неясных случаев. Речь идет о грамоте Ст. Р. 12 (XII; графические эффекты *ъ* → *о*, *ь* → *е*, *ѣ* → *е*). В этой грамоте вызвали трудность две словоформы с неясным написанием *ке*: *ѧбетнике* (судя по контексту, В. ед. или В. мн. от «ябетник», «судебный исполнитель») и *кетѣ* «кто». Создавалось впечатление, что здесь дважды представлена графическая замена *къ* на *ке* (ср. Лингв., с. 216); но такая замена не имеет никаких аналогий в других грамотах. Новые грамоты показали, что, вопреки прежним предположениям, В. мн. (и И. мн.) мужского рода на *-ѣ* (типа *золотыиѣ*) в XII в. употреблялся в Новгороде уже достаточно широко (см. ниже, § 21). Соответственно теперь ничто не мешает интерпретировать написание *ѧбетнике* по общим правилам: это <*ѧбетныиѣ*> «ябетников» (В. мн.). После этого гипотетическая замена *къ* на *ке* в *кетѣ* «кто» оказывается абсолютно изолированной, т. е. с равным успехом можно было бы предполагать здесь и прямую ошибку; однако никаких других ошибок в грамоте нет. Интерпретация написания *кетѣ* как <*къто*> или как <*кѣто*> практически исключены. Остается интерпретация <*кетѣ*>, которая дает лингвистически безупречный, хотя и поражающий воображение результат: *к* (основа) + *е* (окончание И. ед. муж.) + *то* (та же местоименная частица, что в *къто*, *чьто*). Отсутствие эффекта первой палатализации — совершенно такое же, как, например, в словоформе *вхе* (<*въхе*> «весь»).

Рассмотренный пример словоформы «кто» — единственный для берестяных грамот XI—XIII вв., т. е. «классическое» *къто* в этих грамотах в ранний период вообще не засвидетельствовано. Неоднократно встречающееся в это время *чьто*

не имеет отношения к нашей проблеме, поскольку оно склоняется по мягкому типу и, следовательно, ь здесь и не должен был заменяться на е.

Словоформа *кето* чрезвычайно важна как свидетельство древности окончания *-е* в новгородском диалекте: она показывает, что данное окончание уже существовало в ту отдаленную эпоху, когда словоформы *къто*, *что* еще отчетливо членились в сознании говорящих на склоняемую часть (*к-ъ*, *ч-ъ*, где *-ъ* и *-ь* еще были полноценными окончаниями) и добавленную к ней частицу *то*. Позднее эти словоформы становятся нечленимыми; понятно, что на этой стадии внедрение окончания *-е* (взамен *-ъ*) в состав словоформы *къто* было бы уже невозможно.

Обнаружение словоформы *кето* побуждает нас более внимательно рассмотреть вопрос об окончании И. ед. *-е* у местоимений. Дело в том, что наличие этого окончания в составе местоимений уже само по себе говорит о древности данного явления, поскольку местоимения, как правило, сохраняют наиболее архаические модели словоизменения.

Непроизводных местоимений с твердой основой в славянских языках совсем немного: это **k-* («кто»), **t-*, **vъx-*, **sam-*, **on-*, **ou-*, **in-*. Из них с окончанием *-е* в древненовгородском диалекте уже обнаружены: *кето* (в грамоте Ст. Р. 12), *вхе* <въхе> (*вхе* полъ в Синодальном списке I Новгородской летописи [под 1217 г.] и *вохъ*<въхе> в грамоте 351), *саме* (в ранней грамоте Ст. Р. 6 [XII₁], а также в ряде более поздних грамот — № 19, 131, 142, 415, 706), *оне* (в составе слитного *ине* «и он» 328 [если только это не «и они»], см. выше, с. 154). Заметим, что в ранних берестяных грамотах у местоимений этого списка И. ед. муж. на *-ъ* встретился всего один раз: *оно* <онъ> 531 — в грамоте, где вообще последовательно проведено окончание И. ед. *-ъ*, а не *-е*.

По-видимому, существовала также словоформа *те* «тот». Мы полагаем, что именно она отражена в псковской раздельной грамоте 2-й половины XIV в., сохранившейся в списке 1670 г. (Мар., № 5): *А те раздѣля Трофиму з братомъ своим да с сябры ... в одерень*. Написание *раздѣля* передает словоформу И.ед. муж. *роздѣле* (или *раздѣле*) «раздел», с *-я* вместо *-е* в силу яканья; ср. *А тот роздѣль им в одерень* в списке с другой грамоты того же времени, аналогичной по содержанию (Мар., № 6). Правда, в списке с еще одной псковской грамоты этого типа (Мар., № 11) мы находим: *А та розделя им в одерень*; здесь как бы выступает существительное женского рода *роздѣля*. Однако ни из каких других источников (древних или диалектных) такое существительное нам неизвестно; в трафаретном тексте бесчисленных раздельных грамот совершенно последовательно выступает существительное мужского рода *роздѣль* (*раздѣль*). Учитывая то, что в данной грамоте (Мар., № 11) *я* вместо исконных *е* и *ѣ* встречается очень часто (например, *Иевя* вместо *Иеве* «Иев», *со Гургямъ, на Хилипя* «на Филиппе» и т. п.), мы вправе предполагать, что *розделя* отражает здесь, как и в грамоте № 5, первоначальное *роздѣле* (И. ед. муж.), а форма *та* появилась лишь под пером переписчика XVII в., который уже не понимал стоявшего в оригинале *те* или *тѣ* и попытался переосмыслить все сочетание как относящееся к женскому роду.

§ 14. Данные исторической и современной диалектологии недвусмысленно указывают на то, что окончание И. ед. муж. *-е* было свойственно в первую очередь севернокривичским говорам и именно из них вошло в древненовгородское койне.

При разборе вопроса о географическом распространении окончания И. ед. *-е* необходимо учитывать, что разные группы словоформ с этой точки зрения неравноценны. Наименее показательны имена собственные, например, *Иване*, *Смене*, *Грихне*: они могли сохранять свой облик (без какого-либо морфологического переоформления) также и в устах носителей других диалектов. Например, в разьежей грамоте ярославского происхождения (АСЭИ, т. 3, № 214, около 1495—1502 гг.), написанной обычным приказным языком северо-восточного типа, в списке свидетелей, наряду с совершенно обычными именами (*Петръ Ларивонѡ*

сь, *Всташъ Борисо^о сы^и* и т. п.), фигурирует также *Грихне ноугородецъ*. Сходным образом в наше время носитель русского языка обычно не переделывает украинские и белорусские имена типа *Петро́, Павло́* на *Пётр* и *Павел*; особый вариант имени воспринимается здесь просто как признак того, что его носитель — украинец или белорус. Недостаточно показательны также притяжательные прилагательные (или фамилии) на *-ине, -ове*: сочетания типа *Грихне Петрове* могли восприниматься как целостные самоназвания, не подлежащие, как и имена, морфологическому переформлению.

Если же исключить из рассмотрения эти две категории словоформ на *-е*, то легко обнаруживается, что в прочих случаях окончание *-е* засвидетельствовано за пределами Новгорода практически лишь в берестяных грамотах из Старой Руссы и в документах псковского происхождения.

Псковские свидетельства представляют особый интерес. Они многочисленны, поэтому здесь мы ограничиваемся лишь их обзором, не претендуя на полноту. Примеры И. ед. на *-е* появляются в Пскове начиная с самых ранних документов, имеющих достоверно псковское происхождение. Такими документами являются псковские берестяные грамоты. Словоформы И. ед. муж. встретились только в двух из них — № 6 и 7 (обе они относятся к XIII в.); все эти словоформы имеют окончание *-е*: *Кшио-ономе* № 6, *измакле* (вместо *измакле*) «привел в беспорядок», «напортил» № 6 (из **izmečle*, с характерным *kl* из **il*), *взале* № 7 (относится ли сюда же *порожне* № 6, неясно, так как неизвестно, какой здесь была основа — твердой или мягкой).

Все прочие псковские источники (пергаменные грамоты и книги) уже не столь показательны: окончание *-е* здесь встречается лишь в качестве варианта к нормативному окончанию *-ъ* (которое, как правило, преобладает). Мы приводим ниже примеры с *-е*, уже не оговаривая более этого обстоятельства. Материал подлинных псковских грамот XV в.: *мертве* (2×) «мертв», «умер», *Левоне*, *Кононе*, *Никоне* Валк, № 1 (проверено по фотографии); *дворъ* «двор» (▲ вместо *е* как отражение яканья), *Федоре* Мар., № 33; *жбегле* «сбежал», *Иване* (Зж), *Филимонове*, *Кречеве* Хрест., № 42. Из поздних списков с грамот XIV—XV вв.: ГВНП — *Филипя* *попя* (с отражением яканья; то же и в части последующих примеров) № 343, *Филипе* *попъ*, *брате его Микиоора*, *Якове*, *Микиорове* № 342, *псѣ* «пѣс» (мена *е* и *ѣ* здесь, как и в последующих подобных примерах — чисто графическая), *Жаворанке*, *Федоре* № 345; Мар.— *плаве* «болотистое место», «зыбкий мох», *разделя* «раздел», *Троооме* № 5, *Медовеи островкя* «Медовый островок», *розделя*, *Иевя* № 11, *ободе* «обод» № 27 (разночтение по списку 1669 г.), *ободе* № 28 (разночтение по двум дополнительным спискам), *ручешке* «ручеек» № 28 (разночтение по списку 1669 г.); кроме того, целый ряд имен собственных (приводим выборочно): *Смене*, *Вошиловя* «Войнилов», *Ратоборчевя* «Ратоборцев» № 2, *Мелемьяне* № 3, 4, *Антоне* № 7, *Павле* № 16, *Яковя*, *Радивоня* № 19 (ср. здесь же Д. ед. *Якову*, *Радиону*), *Дроздове* № 20, *Нестере*, *Дерягине* № 21, *Иване* № 21, 23, 29, *Коклине* № 23, *Карне* № 24, *Рубелке* № 25, *Федоре* № 29, *Осине* № 35. См. также выше разбор вопроса о *те* «тот».

Из приписок XIV в. на полях рукописей псковского происхождения (по изданию: Каталог ЦГАДА): *се столъ Чюдине* (1, с. 82, № 25), *навоиле мъ издбу* «провонял мне избу» (2, с. 127, № 48, запись 1313 г.), *паралите* «параклит», «параклитик» (пропущено *к*; 2, с. 210, № 109), *Сава поцель* (вместо *почале*) *гневатсѧ* (2, с. 260, № 133); *поиде попе за рекоу* (2, с. 264, № 135).

Из псковских летописей (по изданию: Пск. лет.). Синодальный список Псковской 2-й летописи: *Котелно городке* (2, с. 42), *немецкеи городке* (с. 44), *городке Опочка* (с. 46), *Полотско городѣ* (с. 46), *морозе поби^и рожь* (с. 45), и *таковую грамоту смерде исторже оу попа из роу^ѣ* (с. 69); также имена собственные (*Карне*, *Воротове*). Строевский список Псковской 3-й летописи: *немецкьи дворе рѣчней згорѣ* (2, с. 185), *загорѣся ... дворѣ* (с. 177), и *бысть пламе и знои велике* (с. 177), *вѣрклеся* «обязался» (с. 137), *чего онъ просиле* (с. 202), *велиле*

«велел» (с. 212), *повегле* «повел» (с. 217), *свегле* «свел» (с. 217); также имена собственные (*Иванке, Яковѣ, Кюрѣ, Шеметовѣ, Глуховѣ, Марфинѣ*).

Судя по записям Т. Фенне, в начале XVII в. в разговорной речи Пскова окончание И. ед. -е было еще актуально; см. материал Фенне в Лингв., § 46.

По крайней мере одна словоформа с окончанием И. ед. -е дожила в псковских говорах до наших дней: *псе* «пёс» (по-видимому, она сохранилась благодаря тому, что -е перестало здесь восприниматься как окончание); ср. выше пример *псѣ* из ГВНП, № 345. См. соответствующие примеры из говоров в работе: Мжельская (с. 20); к этим примерам можно добавить: *Во был псе!* (Пск. слов., 2, с. 132, статья *волчѣвий*); *Псе в них тако́й бальшо́й, валчѣвѣей пароди́ны* (Пск. слов., 4, с. 221, статья *бу́рый*).

В вокативной функции отмечается также *бра́тке* (и *братке́*) — СРНГ, вып. 3, с пометами: Пск., Тверь.

Кроме того, несколько словоформ И. ед. с окончанием -е сохранилось в онежских говорах, которые вообще обнаруживают многие черты сходства с крайними западными говорами — гдовскими и псковскими; ср. в СРНГ: *во́ронке* «конь вороной масти» Олон., Онеж., *бурке́* «конь бурой масти» Олон., *гнетке́* «домовой» (который по ночам гнетет человека) Олон.

Что касается древних ильменско-слоненских говоров (не смешанных), то они, очевидно, имели в И. ед. муж. окончание -ѣ. В частности, в двинских грамотах XV в. И. ед. на -е встречается практически только у имен собственных; единичные отклонения от этого принципа (например, в грамоте ГВНП, № 132, см. Зализняк 1988, с. 76), очевидно, объясняются тем, что некоторые из писавших пользовались древненовгородским койне (или допускали отдельные его элементы).

§ 15. Показания берестяных грамот заставили отвергнуть ряд предлагавшихся ранее гипотез о происхождении псковско-новгородского окончания -е в И. ед. муж.

Все гипотезы о развитии конечного -ѣ в -е чисто фонетическим путем отпали ввиду того, что ни в каких других грамматических формах, кроме И. ед. о-склонения, перехода -ѣ в -е не было; ср. последовательное сохранение -ѣ в Р. ед., Р. мн., Д. мн., М. мн. и т. д., в словоформе *казѣ*, в И. ед. и-склонения (*сынѣ* и т. д.), в И. ед. причастий типа *давѣ*, *възьмѣ* (<**dāvus*, **uzimus*).

З а м е ч а н и е. На причастиях типа *давѣ*, *възьмѣ* целесообразно остановиться особо, поскольку при разборе данного вопроса в Лингв. (§ 47—48) эти причастия специально не обсуждались. Все имеющиеся в берестяных грамотах примеры причастий этого типа оканчиваются на <-ѣ> (не на <-е>). Однако по-настоящему показательны, разумеется, лишь те примеры таких причастий, которые выступают в грамотах, где в И. ед. о-склонения представлено окончание -е. Приводим полный список таких примеров. XII в.: *пославѣ* 235 (ср. *Жадѣке*, [л]орѣцене в этой же грамоте), *не распрашавѣ* 605 (ср. *угоумене*, *не поустише*, *правда*, наряду с *соромѣ*, *посълалѣ*, *прашалѣсѣ*), (*л*)*родаво* 681 (ср. *сърочке*). XIII в.: *досъво* 68 (ср. *Местиловѣ*), *не Укоушиѣ* 510 (ср. *Домажирь*, *пороуцьн*, *побыгль*). XIV и нач. XV в.: *Впразновавѣ* 19 (ср. *дворанцие*, *приставе*, *Филисть*, *хлѣбе*, *саме*), *написаво* 27 (ср. *послале*), *пошрав* 698 + 699 (ср. *Гахоне*, *рбздавале*, *пограбиле*).

Гипотеза о слиянии конечного -ѣ со связкой **je* (или **e*), типа **bylѣ je* > *byle*, не может объяснить: 1) каким образом окончание -е, которое при такой предыстории должно было стать показателем предикативности, смогло вытеснить -ѣ у существительных и местоимений (ср. *хлѣбе*, *Петре* и т. п., *въхе*, *саме*, *кето*); 2) прочему процесс смены окончаний в И. ед. захватил о-склонение (*хлѣбе*) и не захватил и-склонения (*сынѣ*), *ю*-склонения (*конѣ*) и причастий типа *давѣ*, *възьмѣ*.

Гипотеза о происхождении -е из звательной формы наиболее успешно противостоит указанным выше трудностям. Однако она заставляет нас предположить, что окончание звательной формы, первоначально актуальное лишь для части существительных, смогло вытеснить исконное окончание именительного падежа не только у всех существительных, но также у местоимений, прилагательных и причастий. Едва ли можно указать какие-либо типологические аналогии подобной экспансии.

С нашей точки зрения, в настоящее время имеется лишь две жизнеспособные гипотезы относительно рассматриваемого окончания.

Вяч. Вс. Иванов выдвинул гипотезу (Иванов, 1985) о том, что древненовгородские формы на *-e* восходят к праиндоевропейскому *casus indefinitus*, следы которого сохранились в хеттском, тохарском и некоторых других языках (отсутствие эффекта первой палатализации должно быть объяснено ранним выравниванием основы; некоторого дополнительного объяснения требует также отсутствие *-e* в *jo*-склонении).

Другая принципиально допустимая гипотеза (основная идея которой возникла при обсуждении данной проблемы С. Л. Николаевым, В. А. Дыбо и автором настоящей работы) состоит в том, что праславянское конечное **-os* первоначально дало не обычный *-ъ*, а иной рефлекс, который можно обозначить как *-ъ₂* (вероятно, это была гласная среднего ряда типа *ə*). Впоследствии *-ъ₂* совпало с *-ъ* во всех славянских диалектах, кроме севернокривичского, где оно дало *-e*. Что касается **-jos*, то его рефлекс повсеместно совпал с *-ь*.

Севернокривичский рефлекс прежнего *ъ₂*, в отличие от *-ъ*, не был редуцированным: в последующую эпоху он не обнаруживает никакой тенденции к падению. Совпадение этого рефлекса с обычным (т. е. смягчающим) *e* произошло позднее первой палатализации и раньше появления псковского яканья: «якающие» написания типа *Иева*, *дворъ* (<*Иеве*, *дво́ре*) в псковских памятниках (см. выше, § 14) показывают, что конечная согласная основы здесь уже была смягчена.

В рамках данной гипотезы можно было бы объяснить также наличие окончания *-e* в И. ед. *Нездилице*, *Колбинць* <*-це*>, *кнѣзе* (см. об этих фактах Лингв., § 47): для этого достаточно допустить, что переход *-ъ₂* > *-e* в севернокривичском диалекте произошел раньше, чем третья палатализация (однако для решительных заключений здесь пока еще слишком мало материала, а именно неясно, было ли действительно окончание И. ед. *-e* нормой для всех основ, испытавших третью палатализацию).

Саму возможность сохранения особого рефлекса лишь в одном из многих диалектов подтверждает, например, история **-ъ̄*, которое дало особый рефлекс (в конечном счете *-ā*) лишь в сербскохорватском, а у остальных славян совпало с *-ъ*.

К сожалению, других классов словоформ с конечным **-os*, на которых можно было бы проверить данную гипотезу, практически нет. На **-os* оканчивались *s*-neutra типа *слово*, однако как раз в восточнославянской зоне они чрезвычайно рано перешли в тип *o*-neutra (с Р. ед. *слова* вместо *словесе* и т. д.), т. е. утратили свою специфику. Окончания 1 лица мн. числа презенса (см. ниже, § 29) несколько напоминают окончания И. ед. муж.: ср. псковско-новгородское *-ме* с *-мъ* в большинстве других диалектов. Тем не менее эта форма все же непоказательна, поскольку в праславянском она несомненно была вариативной: существовали еще варианты *-мо*, *-мы* (с другой стороны, *-ме* представлено также и за пределами кривичского ареала).

При данной гипотезе отпадает необходимость предполагать аналогическое выравнивание основы в словоформах И. ед. типа *замѣке*, *въхе*, *кето*. Однако для древненовгородских звательных форм типа *Марке*, *братке*, *архистратиге* (которые, как и И. ед., обнаруживают *к*, *г*, *х*, а не *ч*, *ж*, *ш*, см. Лингв., § 42) предположение о выравнивании основы остается необходимым (или следует признать здесь просто совпадение звательной формы с И. ед.).

Независимо от того, какая из двух указанных гипотез ближе к истине, окончание *-e* в И. ед. — это особенность, выделяющая древний севернокривичский диалект среди всех остальных славянских, причем ее истоки восходят по меньшей мере к праславянской эпохе.

§ 16. Гипокористические (уменьшительно-ласкательные) образования с суффиксами *-ък-* и *-хън-* от имен собственных *о*-склонения в раннем древненовгородском диалекте (в узком смысле) оформлены как *masculina* (не как *neutra*), например: *Жадъке, Жиръке, Иванъке, Грихъне* (не *Жадъко* и т. п.). Насколько можно судить, это черта севернокривичского происхождения.

Имена с **-ък-* (но не с **-хън-*) обычно оформляются как *masculina* также в западнославянских языках, ср., например, польск. *Janek, Wojtek* и т. п. (хотя по говорам здесь известны и варианты, оформленные как *neutra*).

В ильменско-словенских говорах (не смешанных) имена с *-ък-* и *-хън-* оформлены как *neutra*: *Иванъко, Грихъно* и т. п. Такое же оформление представлено в Юго-Западной Руси и в южнославянских языках.

Д. ед. муж. на *-ови*

§ 17. В ранних берестяных грамотах в Д. ед. мужского рода у имен собственных и терминов родства с окончанием *-у* конкурирует *-ови*, например, *Роужьѣтовѣ, Выльшкови, Михалеви*. В грамотах XI — нач. XII в. окончание *-ови* даже преобладает. Напротив, в грамотах XIII — XV вв. этого окончания уже практически нет. См. разбор материала берестяных грамот и летописи в Лингв., § 49.

В настоящем томе окончание *-ови* (*-еви*) выступает в примерах: *къ Василевѣ Ст. Р. 15* (XII), *Михальви 682* (XII), *къ Оларевѣ 615* (сер. XIII). Первые два примера вполне соответствуют хронологическим рамкам употребления Д. ед. на *-ови* в древненовгородском койне. Напротив, последний пример относится ко времени, когда *-ови* уже почти не встречается (отмечены только словоформы *сынови* и *отцевѣ*). Имеются, однако, серьезные основания полагать, что грамота 615 написана не новгородцем: в ней нет никаких признаков древненовгородского диалекта и есть несколько черт (помимо словоформы *Оларевѣ*), которые были бы естественны именно для инодиалектного документа: деепричастие *приша* (см. § 31), слишком ранний для Новгорода переход *кы* в *ки* в *дъцьскии*, окончание *-лъ* в *исправиль, не исправиль*.

Данные исторической диалектологии показывают, что окончание Д. ед. *-ови* вошло в древненовгородское койне из западных говоров. Так, в псковских источниках некнижного характера, в отличие от собственно новгородских, это окончание встречается нередко и удерживается достаточно долго. Ср., в частности, в грамотах: *моужевѣ (5*)*, *оѣви Мар., № 33 (1417 — 21 гг.)*, также в поздних списках с грамот XIV—XV вв. — *строеви Мар., № 35, по ручьевѣ ГВНП, № 346, мужевѣ* в Псковской судной грамоте (ст. 90); сюда же: *Тимохъви попу* в приписке XV в. к псковской минее XIV в. (Каталог ЦГАДА, 2, № 93).

Инновация, состоящая в переносе окончания *-ови* из *и*-склонения на определенные группы слов *о*-склонения, очевидным образом связывает древнекривичский диалект, с одной стороны, с Юго-Западной Русью, с другой — с западнославянскими языками.

Ильменско-словенским говорам (не смешанным) окончание *-ови* было чуждо (оно практически здесь исчезло даже у слов прежнего *и*-склонения). В этом отношении они совпадают с сербскохорватским языком и с основной массой говоров словенского языка.

История окончания *-ови* в древненовгородском койне — яркий пример сильного влияния западных элементов на это койне в ранний период его существования и уменьшения этого влияния в более позднюю эпоху.

Р. ед. и Д. М. ед. *а*-склонения

§ 18. Благодаря значительному расширению имевшегося ранее материала по XI — XII вв. мы можем теперь утверждать, что в Р. ед. и Д. М. ед. *а*-склонения, в отличие от стандартной древнерусской системы — Р. ед. *жены*,

землѣ, Д. М. ед. женѣ, земли, — в раннем древненовгородском диалекте (в узком смысле) выступала существенно иная система: Р. ед. женѣ, землѣ, Д. М. ед. женѣ, землѣ (с полностью обобщенным окончанием -ѣ).

Материал ранних берестяных грамот в настоящий момент здесь таков. Р. ед., твердая основа. Окончание (-ѣ): Ѡ Ане 531, Ѡ Братѣмѣ 421, оу Боудоть 509, Варъварь, Варъваре 657, вире 115, Ѡ алджѣ 155, оу Вѣ(т)[о]рѣ(?) Ст. Р. 20, Ѡ Гостѣмѣ(?) 380, гривене 663, гривень 630 (4×), гривень 168, грѣнь 381, 438, 640, грѣнѣ 526 (3×), грѣне 609, пло девѣть (-тѣ) 663, полѣ [дѣ]в[ѣ]мѣ [ѣ] (-тѣ) 681, оу Деретокѣ Ст. Р. 22, Ѡ Доброшькѣ 664, ото Доброшькѣ [ѣ] 665, Ѡ Дрочке 87, оу Доушилѣ 381, оу Дедене Ст. Р. 22 (возможно, мягкая основа), Ѡ Дѣдилѣ Ст. Р. 6, Ѡ Изосиме 503, оу Ильикѣ Ст. Р. 19, истинѣ 509, 526, 677, князьини дани 601, оу Къргѣ Ст. Р. 20, коровѣ 8, оу Коснилѣ Ст. Р. 19, оу Косениле Ст. Р. 22, КѠзеке соци 163 (если только это не Д. ед.), ж Коузьмѣ Ст. Р. 16, Ѡ КѠземе 624, (Ѡ) Коулотѣке 656, коунѣ 631, коуне 609, кѠне 663, кне 609 (2×), бес коунѣ 526, оу Лѣбынѣ Ст. Р. 20, Ѡ Лѣбыне Ст. Р. 5, оу Лодыге Ст. Р. 14, оу Малѣмѣ Ст. Р. 20, оу Микитѣ 638, Ѡ МикѠле Ст. Р. 5, оу Милокѣ Ст. Р. 21, Ѡ Минь 558, Мирѣмѣ 631, Ѡ Мѣстѣмѣ 422, оу Неделеке Ст. Р. 21, отѣ Нѣжатѣ 586, оу Нѣжатѣ 509, Ѡ Нѣжеке 644, оу Озѣкѣ 649, пло осѣмь (-мѣ) 621, Ѡ Пелаге 657, оу Пожѣгѣ 665, полоуторе 228, Ѡ Прибыле Ст. Р. 5 (возможно, мягкая основа), оу Поутилѣ Ст. Р. 19, ...[т]илѣ 606 (возможно, было оу Поутилѣ), Ѡ Пѣтѣмѣ Ст. Р. 5, полѣ пѣтѣ 238, полѣ пѣте Ст. Р. 5, рѣзане Ст. Р. 21, рѣне 609, [у](о) [С]ѣве Ст. Р. 14, бес полоу [с]ѣме 631, оу Слови[д]ѣ Ст. Р. 19 (возможно, оу Слови[л]ѣ), Ѡ Стороныке Ст. Р. 5, оу Твѣрдѣть 672, оу Тимоѣе (щ вместо шк) 78, оу Ѡроке (?) 153, полѣ цѣтвѣртѣ 381, полѣ чѣтвѣртѣ 219, оу Чюдоке Ст. Р. 22, Ѡ Ариль Ст. Р. 10, оу [Ар]инѣ Ст. Р. 19; в примере гривыни 219 (нач. XIII) -ѣ уже перешло в -и (может быть, так же нужно интерпретировать и пример оу Голуози Ст. Р. 14).

Окончание -ы в этот период — чрезвычайная редкость. Вполне показательным можно считать в сущности лишь один пример, относящийся к самому концу данного периода: тощны «убытка» 222 (нач. XIII). Примеры Ѡ Гостѣмѣ 9 (последняя четверть XII в.) и [Ѡ Коузь]мы, (Ѡ В)[о]ю[т]ы (?) 400 (то же время) представлены в грамотах, не имеющих никаких признаков древненовгородского диалекта; эти грамоты могут быть инодиалектными или написанными по книжным нормам. Заведомо не новгородской (вероятно, смоленско-полоцкой, см. Лингв., § 75) является грамота № 246 (XI), в которой представлен пример полоу пѣты гривыни. Не надежен пример Ѡ Твѣрдилѣ 231 (XII₂), поскольку можно лишь предполагать, что конечный ѣ стоит здесь именно вместо ы (а не вместо ѣ = (-ѣ)). Сомнительно предложенное издателями чтение отѣ Твѣрдѣмѣ 84 (XII₁); вполне вероятно, что здесь следует читать не -ты, а -ть (= (-тѣ)). Сочетание тѣварѣ Ольскы... (после ы обрыв) 548 (XII/XIII) к данному списку не относится: его следует интерпретировать как (товарѣ Олескы(нѣ)), поскольку в эту эпоху принадлежность выражалась еще притяжательным прилагательным, а не формой родительного падежа (см. § 57).

Р. ед., мягкая основа. Окончание (-ѣ): вѣшь 222, ж Захарѣ 667, со зем(л)е 227, Ѡ Клишь 159, оу К[л]опоушѣ Ст. Р. 19, Марие 602 (если это именно Р. ед.), оу Наболь 665, оу Не(б)ерешѣ (?) Ст. Р. 20, оу Обѣкѣшь 649, ж Олекшѣ Ст. Р. 16, [Ѡ] Олькоше 118, ...нѣ 606 (возможно, было оу Опанѣ), Ѡ Прокошь 115, нѣ(ше)лицѣ 606, оу Р(атѣ)шь 665, оу Станись 630, отѣ Сѣдише 235, [Ѡ Т]оу[г]ош[ѣ] 400, тѣжѣ 247, тѣже 603, Ѡ Харитание 682.

С окончанием -и полноценных примеров только два: оу Даньши 336 (10-е — 30-е годы XII в.; грамота с восточноновгородскими диалектными чертами), оу Твѣрши 671 (XII/XIII). Пример оу господыни 84 (10-е — 30-е годы XII в.) в данном вопросе непоказателен, поскольку склонение слов на -ыни практически во всех восточнославянских памятниках обнаруживает заметное влияние *i-feminina* (см. Шахматов 1957, с. 82, 292); ср. также современные

примеры типа *баронь «барыня»* Новг. (на месте прежнего *барыни*; СРНГ, вып. 2). Пример *оуоноуѣриин...* в обрывочной грамоте 643 (XII/XIII) принимать в расчет нельзя, поскольку здесь неясно даже словоделение: *оу Оноуѣриин н...* или *оу Оноуѣриин(а)*.

Д. М. ед., твердая основа. Окончание {-ѣ} выступает здесь в ранних грамотах совершенно регулярно, без каких-либо отклонений, приводить материал нет необходимости.

Д. М. ед., мягкая основа. Окончание {-ѣ}: к Алвимие 657, *богородице* (Д. ед.) 705, *ко Гавошь* 422, *въ дѣложенецъ* 449, *къ Жи[рошь]* 237, *въ землю* 219, *Исоухиѣ* 605, *въ... коробье* 438 (2×), *ко Онание* Ст. Р. 10, *къ Ортемьѣ* 667, *къ Прокъшѣ* 664.

Окончание -и встретилось два раза: *ко Съѣии* 682, *къ Ѧжи* 380. Что касается примера *о дѣттии* из обрывочной грамоты 428, рассматривавшегося в Лингв., § 51, то он, по-видимому, должен быть исключен, так как фрагмент в принципе допускает и другие интерпретации; *на Прѣжневици* 526, очевидно, следует рассматривать как отчество (или как имя жителя), т. е. как слово мужского рода.

Таким образом, господство системы Р. ед. *женѣ, землѣ* = Д. М. ед. *женѣ, землѣ* в древненовгородском койне XI—XII вв. представляется достаточно очевидным.

§ 19. Ранняя древненовгородская система а-склонения (Р. ед. *женѣ, землѣ* = Д. М. ед. *женѣ, землѣ*) не может быть непосредственно отождествлена ни с древней севернокривичской, ни с древней ильменско-словенской.

Из подлинных псковских грамот XIII—XV вв. (берестяных и пергаменных), к сожалению, весьма малочисленных, может быть выведена следующая система а-склонения: Р. ед. *женѣ, земли*, Д. М. ед. *женѣ, земли* (т. е. с совпадением Р. ед. с Д. М. ед. при сохранении различия между твердым и мягким склонением). Приводим материал полностью (следует учитывать, что в псковских грамотах ѣ обычно заменяется на е, тогда как смешения е с и и ѣ с и нет). Р. ед., твердая основа: *оу Даних[е]* берестяная грамота № 4 (XIV₁), *гривне* Хрест., № 35 (нач. XIV), *Микоуле* Валк, № 1 (1418—19 гг.), *с половине, щѣе* (3×), *воде* Мар., № 33 (1417—21 гг.), *белке, исправе* Хрест., № 42 (1463—65 гг.). Р. ед., мягкая основа: *мельници* (3×), *мельнич* Мар., № 33 (здесь же *бѣи* [3×], *бдѣи* [2×]—скорее Р. ед., чем Д. ед.), *воли* Хрест., № 42; отклоняется только *полоу трѣ тие* Хрест., № 35. Д. М. ед., твердая основа: *беле* (скорее Д. ед., чем Р. ед.) берестяная грамота № 6 (XIII), *к Вацюте* берестяная грамота № 7 (XIII), *Коуморде* Хрест., № 35, *щѣе, сестре, на Влде* (2×) Мар., № 33, *грамоте, по сеи грамоте, по правде* Валк, № 1, *по... послине* Хрест., № 42. Д. М. ед., мягкая основа: *на вашей братии* Хрест., № 35, *Ѡфросимѣи, Захарѣи* (2×), *по своєї дѣи, в мельници, на Веретеи, на Кобыльи* Мар., № 33, *на Кескои улици* Хрест., № 42.

Не приводя материала, укажем, что в рамки этой же системы укладывается материал ряда грамот, дошедших до нас лишь в списках XVII в. Таковы: Мар., № 1, 2, 3, 6, 12, 19, 20, 21, 23, 25, 29, 32; ГВНП, № 342, 343, 346 (правда, в некоторых из них материала очень мало). Лишь единичные отклонения от этой системы, возможно, принадлежащие переписчику, имеются в грамотах Мар., № 4, 9, 27, 28. Отметим, что сравнительно часто окончанию *-ѣ в записях уже соответствует -ѧ (-я) (в силу яканья), например: *с старои грамотя, на Ригиня горя* «на Ригиной горе» (ударение на го-) Мар., № 2, *оциня* «вотчины», *на Луконня поли* «на Луконном поле» ГВНП, № 342, *из рѣкя* «из реки» (ударение на рѣ-) ГВНП, № 346. Не следует думать, что все такие записи принадлежат переписчикам: часть из них могла быть уже в оригинале, ср. *при Костромѧ* (ударение здесь было неконечное), *оу Кирьямигѧ* «у Кирьяпиги» (из записи писца в псковском параклитике 1369 г.; Соболевский 1884, с. 124), Д. ед. *Савѧ*

попу (из записи писца в евангелии 2-й пол. XIV в.; Каталог ЦГАДА, 2, № 65).

Помимо этой основной системы, в отдельных псковских говорах существовали и несколько иные системы. Так, в поздних списках ГВНП, № 345 и Мар., № 7, по-видимому, отразилась модель, где в Р. ед. сосуществовали *земли* и *землѣ* (ср. также выше Р. ед. *трѣтѣ* в Хрест., № 35).

В Псковской судной грамоте (по списку XVI в.) отразилась система: Р. ед. *жены* (и реже *женѣ*), *земли*, Д. М. ед. *женѣ*, *земли* (при этом основы на *к* могут трактоваться как мягкие, ср., например, Д. ед. *жонки*). Едва ли все примеры Р. ед. на *-ы* могут объясняться здесь влиянием официально-деловой нормы.

Относительно поздней является система: Р. ед. *жены* (и *женѣ*), *земли*, Д. М. ед. *женѣ* (и *жены*), *земли*. Она отразилась в ряде поздних списков с грамот XIV — XV вв. Заметим, что и в этой системе соблюден принцип совпадения Р. ед. с Д. М. ед. при различии твердого и мягкого склонения.

Как можно видеть, в основной псковской системе и в ее разновидностях *ја*-склонение уподобляется *і*-склонению (*земли* как *соли*), тогда как твердый и мягкий варианты склонения различаются. Сходный путь развития (со взаимовлиянием *ја*- и *і*-склонений) представлен в западнославянских языках; ср. в особенности систему, сложившуюся в северо-восточных польских говорах и в литературном польском: Р. ед. *trawy, ziemi, soli*, Д. М. ед. *trawie, ziemi, soli*.

Синкретизм падежей (Р., Д. и М.), свойственный изначально *і*-склонению, распространяется при таком пути развития на *ја*-склонение. В дальнейшем этот импульс может достичь и твердого *а*-склонения; в большинстве говоров севернокривичского ареала именно так и произошло.

Для восточных ильменско-словенских говоров реконструируется совершенно иная система, а именно та, которая впоследствии вошла в литературный язык: Р. ед. *жены, земли*, Д. М. ед. *женѣ, землѣ*. В ней сохранено различие падежей, но унифицированы окончания твердого и мягкого вариантов склонения.

К сожалению, даже самые старые подлинные акты белозерского, ярославского, переяславского, суздальского и т. п. происхождения, дошедшие до нас, относятся к сравнительно позднему времени — к XV в. (в немногих случаях к концу XIV в.). В большинстве из них указанная «северо-восточная» система проведена уже почти последовательно (правда, в церковных формулах по *дѣи*, Д. ед. *бѣи*, *Троици* даже в этих документах может сохраняться книжное *-и*). Можно указать здесь, в частности, документы: АСЭИ, т. 1, № 4, 11, 40, т. 2, № 1, 63, 69, 104, 108, 115, 165, 184, 185, 233, 238, 263, 281, 434, 436, 470, 471, 474, 481, 484, т. 3, № 198, 199, 201, 207, 208; ДДГ, № 40. В других документах того же времени и тех же районов наряду с Д. М. ед. типа *землѣ* встречается заметное число примеров типа *земли*; но большинство из них, вероятно, объясняется влиянием книжной нормы. «Северо-восточная» система характерна также для большинства тверских документов того же времени, в частности: АСЭИ, т. 1, № 481, т. 3, № 116, 122, 133, 135, 140, 144. В самых ранних московских документах — ДДГ, № 1, 16 (1339 г.) и № 2 (1351 г.) — еще отразилась система: Р. ед. *жены, земли*, Д. М. ед. *женѣ, земли*. В московских документах 2-й половины XIV в. — ДДГ, № 3, 4, 5, 7, 8, 11, 12, 13, АСЭИ, т. 3, № 30, 86, 238 — наблюдается уже активный переход к «северо-восточной» системе, т. е. в Д. М. ед. тип *земли* вытесняется типом *землѣ*; в XV в. эта система в Москве уже господствует.

Необходимо отметить, что в западной части прежнего ильменско-словенского ареала, в частности, близ Селигера, в настоящее время существуют говоры с системой: Р. ед. *женѣ, землѣ*, Д. М. ед. *жены, земли*. Она отличается от «северо-восточной» системы тем, что здесь обобщились окончания не твердого, а мягкого варианта.

Очевидно, древней ильменско-словенской системе была свойственна тенденция к унификации твердого и мягкого вариантов при сохранении противопоставления

падежей. Это тот же тип развития, который характерен для словенско-сербской зоны южнославянского ареала. В этой зоне отчетливо преобладает выравнивание по мягкому варианту; однако имеются и такие группы говоров, где выравнивание проходило по твердому варианту.

Древненовгородская система XI— XII вв. соединяет в себе инновационные тенденции северокривичской и ильменско-словенской систем, причем обе эти тенденции доведены здесь до своего логического завершения: совпали окончания как разных падежей, так и разных вариантов склонения (твердого и мягкого). Новое окончание *-ѣ* в Д. М. ед. типа *землѣ* явно имеет восточное происхождение. Что касается окончания *-ѣ* в Р. ед. типа *женѣ*, то к этой инновации ведет как развитие «селигерского» типа (выравнивание по мягкому варианту), так и северокривичская тенденция к совпадению Р. ед. с Д. М. ед. Итак, если само появление новых форм (Д. М. ед. типа *землѣ* и Р. ед. типа *женѣ*) и можно приписать ильменско-словенским механизмам выравнивания между твердым и мягким вариантами, то разнонаправленность этого выравнивания в разных падежах можно объяснить только воздействием северокривичской тенденции к совпадению падежей.

Полученный вывод имеет большое значение для переоценки традиционных взглядов на хронологию аналогических перестроек в системе *a*-склонения. До сих пор возникновение системы псковского типа (Р. ед. *женѣ*, *земли*, Д. М. ед. *женѣ*, *земли*) по сути дела датировалось тем временем, от которого до нас дошли старейшие псковские памятники (или ненамного раньше), возникновение северо-восточной системы (Р. ед. *жены*, *земли*, Д. М. ед. *женѣ*, *земли*) — временем старейших северо-восточных памятников (или ненамного раньше); речь шла, таким образом, о XIII или даже о XIV в. Курсы истории русского языка явно или неявно поддерживают иллюзию того, что формирование этих систем происходит от памятника к памятнику «на наших глазах». Однако, если бы хронология их формирования была действительно такова, было бы совершенно необъяснимо, каким образом система древненовгородского койне (Р. ед. *женѣ*, *землѣ*, Д. М. ед. *женѣ*, *землѣ*), являющаяся продуктом взаимодействия обеих названных систем, оказалась уже вполне сформировавшейся не позднее начала XII в. (а скорее всего даже не позднее XI в.). Необходимо, таким образом, признать, что формирование псковской и северо-восточной систем (или, по крайней мере, начало этих процессов) на несколько столетий предшествует появлению первых некирричных памятников из соответствующих областей. Это значит, что, вопреки устоявшимся представлениям (по сути дела априорным, поскольку необходимая документация по XI — XIII вв. отсутствовала), мы имеем здесь дело с процессами, сравнительно близкими по времени к поздней праславянской эпохе.

В заключение данного раздела отметим, что в отношении *a*-склонения древненовгородское койне XI — XII вв. явно отличалось от диалектов Юго-Западной Руси, где, насколько можно судить, в это время еще устойчиво сохранялась так наз. стандартная система (Р. ед. *жены*, *землѣ*, Д. М. ед. *женѣ*, *земли*).

И. В. мн. жен. на *-ѣ*

§ 20. В сочетаниях с числительными *три*, *четыре* И. В. мн. *a*-склонения регулярно выступает в древненовгородском диалекте с окончанием *-ѣ* (при твердой и при мягкой основе): *три гривьнѣ*, *четыре кунѣ*, *три кадьцѣ* (от *кадьца*) и т. п. Эта особенность наблюдается начиная с древнейших грамот, т. е. она явно восходит к дописьменной эпохе.

В настоящее время материал ранних берестяных грамот здесь таков. XI в. — *3 коунѣ*, *13 коунѣ* (2×) 526, *3 кнь* Ст. Р. 13. XII и нач. XIII в. — *три гривьнѣ* 8, *[т]р[и] (г)ривьнѣ* 676, *за три гривене* 219, *н(а) три гривьнѣ* 665, *3 къ - ромьнѣ* (*кърѣмьнѣ*) *грвьнѣ* 650, *3 гривьнѣ* 240, *3 грѣнѣ* 677, *3 ѡне* (вместо *3 гривьне*) 631, *цетыри гривне* 550, *3 кжнѣ* 516, *тьри коуне*, *цетыри коуне* Ст. Р. 22, *3 нгте*, *3 рзнѣ* 609, *три на десѣте рѣзанѣ* 84, *3 рѣзанѣ* 640, Ст. Р.

18, по 3 рѣзанѣ 438, 3 резане 682, 4 рзнѣ 160, за 3 попоне 601; в примере чѣтѣ[р]и (ѣ вместо ы) бѣ[л]и «четыре белы» 223 (нач. XIII) -ѣ уже перешло в -и; с мягкой основой встретилось только три кадьчѣ 665. Окончание -ы в данном типе сочетаний в эту эпоху не представлено вообще.

Вне сочетаний с числительным И. В. мн. а-склонения выглядит в ранних берестяных грамотах так. Окончание (-ѣ): твердая основа — кѣлѣ «цель» 247 (XI), [г]ѣѣздѣкѣ великѣѣ Ст. Р. 8, коунѣ 164, кѣнѣ 170, доскъ 82, подѣшьвѣѣ 438; мягкая основа — брѣнѣ 332, воже 78, вожѣ, вѣже 384, вѣверице твое 657, головице 438; вероятно, сюда же за дов[о]е], за двое 601 (определения к слову сани). Окончание -ы (твердая основа): роукы 9 (последняя четверть XII в.), коуны, коулены 439 (XII/XIII), коуны 531 (XII/XIII). Заметим, что грамота 9 может быть и инодиалектной (ср. об этом выше); в грамоте 531 представлены некоторые восточноновгородские черты.

Таким образом, хотя материал здесь все еще невелик, мы можем заключить, что в древненовгородском койне XI — XII вв. вне сочетаний с три, четыре в И. В. мн. а-склонения были возможны окончания -ѣ и -ы, причем первое преобладало (может быть, даже господствовало).

Преобладание -ѣ над -ы в данной форме характерно и для более поздних берестяных грамот (XIII — XV вв.). В настоящий момент список примеров с (-ѣ) имеет здесь следующий вид: XIII в. — кобыль 510, сѣдняк кѣне 213, тоболи Костини 141; XIV и XV вв. — попонь 65, кобил[ѣ]ке 42, сиротѣ 31, за сироти 59, сироти 178, сироте 694, оленинѣ 275, коуни 490, куни 373, грамотѣ (2*), грамоти 519, овьцини 129, козе (?) 11 (примеры с -ы см. в Лингв., § 52).

Некоторое число примеров рассматриваемого типа имеется в псковских источниках: 4 бочке Хрест., № 42, денге Пск. лет. (2, с. 199), а сии грамотѣ писаны Мар., № 19, а судня грамотя изрезаѣ «а судные грамоты они изрезали» (с эффектом яканья) Мар., № 2. Особую категорию составляют псковские примеры И. В. мн. на -и типа грамоти. Из грамот: проскоури Мар., № 33, купцини Хрест., № 42, полоси (2*) Мар., № 29, ниви в Псковской судной грамоте (ст. 9). Из летописей (по изданию: Пск. лет.): Синодальный список Псковской 2-й летописи — грамоти (2*) (2, с. 68); Строевский список Псковской 3-й летописи — голови (2, с. 154), грамоти (9*: с. 180, 187, 196 и др.), стрели (с. 182), жялоби (с. 208), истоми (с. 216), бороди (с. 232). Предположение о том, что перед нами результат собственно фонетического перехода конечного -ѣ в -и, представляется маловероятным (как и в примерах типа в сели, в серебри, на свекри, встречающихся, в частности, в Псковской судной грамоте). По-видимому, механизм возникновения -и здесь более сложен. Можно предполагать, что источником влияния здесь было древненовгородское койне, где в XIV — XV вв. окончание -ѣ могло чисто фонетически переходить в -и: в сели, в суди, Р. ед. и И. В. мн. грамоти и т. п. Окончание -и в подобных случаях нередко морфологизовалось, т. е. реинтерпретировалось как реализация фонемы /и/, а не /ѣ/; как известно из современной диалектологии, это окончание может встречаться в говорах, где в общем случае перехода ѣ в и нет. В псковские говоры (где данного перехода не было) окончание -и могло попасть, в частности, этим путем. Не исключено также, что замене грамотѣ на грамоти в какой-то мере способствовало влияние общерусской формы грамоты.

Замена окончания -ы на -ѣ в сочетаниях с числительными три, четыре по крайней мере отчасти определялась влиянием сочетаний с двѣѣ (двѣѣ кунѣ и т. д.), где -ѣ исконно (ср. выравнивание окончаний в сочетаниях с 2, 3, 4 в среднем роде, § 22). Унификация формы существительного в сочетаниях с 2, 3, 4 вообще представляет собой процесс, который произошел (в одних случаях раньше, в других позже) в большинстве славянских диалектов. Поскольку набор возможностей здесь очень мал (выравнивание по множественному или по двойственному числу, в особых случаях по форме Р. ед.), нет оснований усматривать генетическую связь между древненовгородским развитием и, например, возник-

новением южнобелорусских форм типа *дзве, тры, чатыры хаце* (см. ДАБМ, карта № 207).

Механизм замены *-ы* на *-ѣ* в И. В. мн. *а*-склонения вне сочетаний с числительными пока еще не вполне ясен. Можно предполагать, что здесь существенна характерная почти для всех славянских языков системная связь данной формы, с одной стороны, с сочетаниями типа *три (четыри) хунѣ*, с другой — с формой Р. ед.

Вся рассмотренная здесь группа инноваций очевидным образом сходна с соответствующими инновациями в словенско-сербской зоне (где в И. В. мн. *а*-склонения рано обобщилось окончание мягкого варианта); но вопрос о том, имелась ли здесь генетическая связь, остается открытым.

В. мн. и И. мн. муж. на *-ѣ*

§ 21. В древненовгородском диалекте рано выявилась тенденция к замене *-ы* на *-ѣ* также в В. мн. у *о*-masculina и далее, к введению такого же *-ѣ* в И. мн. этого класса имен (вместо исконого *-и*).

Материал здесь заметно пополнился как за счет новых находок, сделанных после 1983 г., так и за счет дополнительного изучения некоторых ранее известных примеров. Для XI — нач. XIII в. этот материал таков.

Окончание *(-ѣ)* в В. мн. муж.: *ѡбетенике* Ст. Р. 12, *во намь (въ намѣ)* «в проценты» 665, *во три колотокѣ* 644, *къльтѣкъѣ цетыри* 335, *со цетыри безмене* 439. Из других ранних источников отметим В. мн. *пирогѣ* в надписи № 203 новгородского Софийского собора (XII₂ — XIII; Мединцева) и В. мн. *городѣ черниговскѣ*, и *ишьѣ гсродѣ мнозѣ черниговскѣ* в Синодальном списке I Новг. лет. (под 1214 г.). Ценен также пример В. мн. *намѣ* «проценты» в «Поучении» новгородского архиепископа Ильи (1160-х гг.), сохранившийся, к сожалению, лишь в списке XV в. (РИБ, т. 6, с. 352; см. Слов. XI — XVII, вып. 10, с. 142).

Окончание *(-ѣ)* в И. мн. муж.: 4 *золотьникѣ* 644, *цьтери* (вместо *цьтыри*) *брьковскѣ* 630, *Коростокше* «Коросткины [дети]» 663, *оперьникѣ*, *п[о]к[ро]вѣ* 648, 4 *сѣро[ц]ѣ[ке]*, *сѣроць[кѣ]* (сторвана цифра 3 и 4) 650, *колобѣгъ* 222.

Специально отметим, что некоторые сомнения, высказанные по поводу части приведенных здесь примеров в Лингв., § 53, теперь отпадают. Так, слово *къльтѣкъѣ* «колтки», очевидно, относилось к мужскому (не к женскому) роду, см. статьи **кълтѣкъѣ* и **кълтѣ* в ЭССЯ, вып. 13, с. 192: все приводимые здесь из разных славянских языков данные указывают на мужской род; мужской род засвидетельствован также словарем Берынды (в статье *Ѹ серѣга*, с. 140): *Ѹ серѣга, оусерѣзь: наѸ шницѣ, сѣргѣ, колтѣкъѣ*. Далее, на фоне появившегося теперь нового материала больше нет оснований ставить под сомнение мужской род слова *безмѣлѣ* (в № 439) и окончание *(-ѣ)* в примерах *ѡбетенике* Ст. Р. 12 и *колобѣгъ* 222.

Окончание *-ы* в В. мн. муж. в ранний период достоверно засвидетельствовано только в примерах: *на сѣводы* 109, *холопы* 400. Но обе эти грамоты не имеют вообще никаких признаков древненовгородского диалекта (т. е. могут быть инодиалектными); поэтому для характеристики данного диалекта названные примеры надежными свидетельствами служить не могут. Таким образом, вполне показательных примеров В. мн. на *-ы* в ранних берестяных грамотах нет вообще (первый такой пример: *про сигы* 147 — относится ко 2-й четверти XIII в.).

Окончание *-и* в И. мн. муж.: *смьрьди* 247, *сторови* 424, *роди* 9, *въжники* 550, *(ст)[орови]* 670.

В перфекте в ранних грамотах отмечено только *-ли*: *крили* Свинц., *звонили* 605, *били*, *измоучили* 156, *заплатили* 663, *вьльи* 672 (переправлено из формы ед. числа *вьльѣ*), *сѣдали* 9, *посоулили* 603, *побѣгли* 150, *бѣжали*, *[п]оставили* 222. В грамотах XIII в. (позднее 10-х гг.) представлены: *послали* 600, *розвьли* 510, *побегли* 582, *замерзьли* 69; кроме того, имеется двусмысленный пример

побъгль 704 (1-я пол.—сер. XIII): это либо *(побъгльѣ)* «бежали» (тогда это первый по времени пример с *(-лѣ)*), либо *(побъгле)* «бежал». Самые ранние надежные примеры окончания *-лѣ* в новгородских берестяных грамотах — *поминалѣ* 140 (10-е — 30-е годы XIV в.), *носилѣ* 417 (то же время); в Пскове первый такой пример отмечен несколько раньше: *оже к сте не стороговале* (*-лѣ*) «если вы не сторговали» в псковской берестяной грамоте № 6 (XIII в., вероятно, середина).

Из приведенного материала видно, что в древненовгородском диалекте в В. мн. мужского рода окончание *-ѣ*, возможно, уже с самого начала письменной эпохи преобладало, тогда как в И. мн. оно стало проникать позже; в частности, на перфект оно распространилось не ранее XIII в. (в заметных масштабах — лишь с XIV в.).

Для позднего периода (XIV — XV вв.) к материалу по окончанию *-ѣ*, собранному в Лингв., § 53, теперь можно добавить: В. мн. *пор[т]и* 687 (*и* из *ѣ*), также *портѣ*, *три киверѣ* «три сундука», *золотѣ* «золотые» в грамоте нач. XV в. (Хорошкевич, III; цитируется по сделанной заново фотографии с оригинала); мн. число перфекта — *поблюлѣ* 693, также *поѣхалѣ*, *розбилѣ*, *повеглѣ* (2×), *ѡнелѣ*, *оборвалѣ*, *всадилѣ* (2×), *выручилѣ*, *вгглѣ*, *вывеглѣ*, *посажалѣ*, *взалѣ*, *оубилѣ*, *полонилѣ*, *поималѣ* (2×), *пожьглѣ*, *посѣклѣ* (наряду с несколькими примерами на *-ли*) в указанной грамоте нач. XV в.

Развитие окончания *-ѣ* в В. мн. мужского рода сходно, как и в случае с формами *а*-склонения, с аналогичным процессом в словенско-сербской зоне. Распространение этого окончания на И. мн. — более поздняя локальная новгородская инновация.

Заметим, что сходная тенденция получила определенное развитие также в ряде южнобелорусских говоров, где отмечаются словоформы И. В. мн. типа *дубѣ*, *сталѣ* и (реже) типа *хусткѣ* (ДАБМ, карты № 95 и 99). Здесь, однако, это сравнительно позднее явление (что видно из твердости *л* в *сталѣ* и т. п.); генетической связи с древненовгородской эволюцией в данном случае, вероятно, нет.

И. В. дв. средн. на *-а*

§ 22. В древненовгородском диалекте чрезвычайно рано (значительно раньше, чем во всех других диалектах восточнославянской зоны) осуществилась инновация, состоящая в замене исконного окончания И. В. дв. среднего рода *-ѣ* (соответственно *-и* при мягкой основе) на *-а*, например, *дѣва лѣта* вместо *дѣвѣ лѣтѣ*. В результате, с одной стороны, в ряду типа *дѣва лѣта*, *три лѣта*, *четыре лѣта* форма существительного стала единой (ср. сходное очень раннее выравнивание в женском роде — *дѣвѣ кунѣ*, *три кунѣ*, *четыре кунѣ*, — а в более позднюю эпоху также и в мужском), с другой стороны, *дѣва лѣта* стало одинаковым с *дѣва города*.

Материал берестяных грамот по данному пункту невелик, но он полностью единообразен: *дѣва лѣта* 113 (уточненная датировка: 60-е — 90-е годы XII в., причем более вероятно начало этого интервала), *полотенеца со дова цереленаа* 439 (XII/XIII; весьма показательно здесь также окончание *-аа* в прилагательном), *2 лѣкна* 671 (XII/XIII), *2 медведна* 65 (XIII/XIV). Окончание *-ѣ* не представлено вообще. Мы можем предполагать, таким образом, что рассматриваемая инновация осуществилась уже в XI—XII вв., а, может быть, и в дописьменный период (как сходная инновация в *а*-склонении). Отметим, что самый ранний из примеров данного типа, известный до открытия берестяных грамот, — *два села* в духовной новгородца Климента — относится лишь к 3-й четверти XIII в. (см. также другие примеры: Соболевский 1907, с. 208, Шахматов 1957, с. 211).

На юго-западе восточнославянской территории рассматриваемая инновация появилась намного позже; в частности, в староукраинских грамотах почти до

самого конца XIV в. еще полностью господствуют сочетания типа *дѣѣ селѣ* (ИУМ, Морф., с. 225). В значительной части белорусских и украинских говоров данная инновация не осуществилась и поныне, т. е. здесь сохраняются рефлексы исконных *дѣѣ селѣ*, *дѣѣ вѣдрѣ* и т. п. (см. ДАБМ, карта № 206, АУМ, т. 1, карта № 275, т. 2, карта № 258). Представляется не случайным, что говоры с таким архаизмом занимают юго-западную часть Белоруссии и западную (и срединную) часть Украины, т. е. районы, не соприкасающиеся непосредственно с великорусской зоной.

В московских грамотах XIV в. наблюдаются колебания; так, в завещании Ивана Калиты при старых формах *2 селѣ коломенскии*, *2 блюдци меншии* обнаруживается уже и один пример нового типа: *а изъ блюдь блюдо серебряно, а два малата*. Очевидно, в Ростово-Суздальской земле развитие в данном пункте шло в том же направлении, что в Новгородской земле, но с существенным отставанием во времени.

Таким образом, для XI — XII вв. мы должны предполагать диалектное различие, состоящее в том, что в древненовгородском диалекте уже были представлены формы типа *дѣѣ лѣта*, *дѣѣ села*, тогда как в остальных диалектах восточнославянской зоны сохранялись исконные формы типа *дѣѣ лѣтѣ*, *дѣѣ селѣ*.

Адъективное склонение и его соотношение с местоименным

§ 23. В древненовгородском диалекте раннего периода представлена чрезвычайно архаичная система адъективного склонения (т. е. склонения членных прилагательных): почти во всех формах, имеющих в именном склонении однофонемное окончание, в адъективном склонении выступает то же самое окончание + соответствующая форма (полная или сокращенная) местоимения **ь*. В частности, так построены окончания: женский род — Р. ед. *-ѣѣ*, Д. М. ед. *-ѣи*, И. В. мн. *-ѣѣ*; мужской и средний роды — Р. ед. *-аго*, М. ед. *-ѣмь*. Влияния местоименного склонения в начале письменной эпохи еще практически нет (в отличие от стандартного древнерусского, где в адъективном склонении очень рано появляются, в частности, окончания *-оѣ*, *-ои*, *-ого*, *-омь*). В данном отношении древненовгородский может быть сопоставлен по архаичности только со старославянским.

Показательно, что в адъективном склонении успели отразиться такие инновации, как *-ѣ* (вместо *-ы*) в Р. ед. и И. В. мн. женского рода. Это указывает, с одной стороны, на очень раннее появление этих инноваций, с другой стороны, на длительное сохранение отчетливой морфологической членимости форм адъективного склонения.

Рассмотрим материал ранних берестяных грамот по нескольким формам, представляющим наибольший интерес. К сожалению, материал пока еще довольно ограничен, поскольку прилагательные вообще употребляются в берестяных грамотах редко (многие из наших примеров получены лишь благодаря существованию субстантивированных прилагательных — таких, как *дѣѣ тьскыи*, *сѣѣтскыи* или наименования жен по мужу).

Р. ед. жен. Древнейшим здесь является окончание *(-ѣѣ)*: твердая основа — *семѣѣ* 526 (сер. XI), *Боришьковее*, *Гюрегевее*, *Орьшинее* Ст. Р. 21, *Безоувее*, *Боришекоее*, *Надеекоее*, *Несодицевее*, *Ташинее*, *Хъловее* Ст. Р. 22, *стѣе*, *стѣе* 657, *Аръшекоее* 228; мягкая основа — *третьѣѣ* 526, *Тышье* (*Тѣшѣѣ*) Ст. Р. 21. Очень рано у этого окончания появляется вариант *(-ѣи)*: *Нъжатъкыи* Ст. Р. 13 (XI), *Поутоковы* 630; в записи *Короцьковее* Ст. Р. 21, вероятно, отразилось колебание между окончаниями *(-ѣи)* и *(-ѣѣ)*. Следует учесть также, что некоторые из примеров с конечным *-ее*, приведенные выше в рубрике *(-ѣѣ)*, строго говоря, могут быть двусмысленны (т. е. отражать либо *(-ѣѣ)*, либо *(-ѣи)*), поскольку в принципе графическая передача [j] через *e* в бытовых системах письма возможна (см. Лингв., § 22). Под наибольшим подозрением в этом смысле находится грамота

Ст. Р. 22, поскольку в ней встретился один пример заведомой передачи [j] через *e*: в *Надеековее* основа (*Надѣиков-*) записана с *e* перед *к*. Таким образом, мы вынуждены смириться с тем, что в части случаев окончания (-ѣѣ) и (-ѣи) разграничиваются нестрого.

Отметим также некоторые более поздние примеры этих окончаний: (-ѣѣ) — *8 Павловеж* 212 (XIII₂), у *Иелее* 348 (XIII₂), *Ѡ Иванѣковек*, съ *Бѣлѣк* (Синодальный список I Новг. лет., под 1177 и 1200 г.), с *Бѣлѣѣ* (Академический и Голицынский списки IV Новг. летописи, под 1200 г.); (-ѣи) — *оу Иголаидовѣи* 278 (XIV₂), *оу Прошкевиш* 701 (XIV₂), из *грѣчьскѣи земли* (Синодальный список I Новг. летописи, под 1204 г., л. 65 — не считая таких примеров, как *оу свѣѣи Софьи*, где не исключено косвенное [через Д. ед.] влияние церковнославянской нормы), *Ѡ Иванковѣи*, с *Лубянѣи улицѣ*, с *Бѣлѣи* (Комиссионный список той же летописи, под 1177, 1196, 1200 г.); показательна замена форм с *-ек* (-ѣѣ) в старшем изводе летописи на формы с *-ѣи* в младшем.

Появление варианта *-ѣи* при древнем *-ѣѣ* вполне аналогично замене окончания Р. ед. жен. *-оѣ* (*-еѣ*) на *-ои* (*-еи*) в местоименном склонении, которая тоже началась в древненовгородском диалекте чрезвычайно рано (не позднее XII в.). В берестяных грамотах XII — нач. XIII в. ныне имеется пять относящихся сюда примеров. Два из них однозначно указывают на односложное окончание: *оу неи* 449, *еи* 531. Три других примера — *ее* 705, [e]к 227, *одоное* 222 — двусмысленны: конечное *e* (или *к*) здесь в принципе может передавать как [j^е], так и [j] (при этом в грамоте 705 представлено целых три бесспорных примера передачи [j] через *e* — *поемете*, *ко нее же* «к которой», *свѣтее* [Д. ед.]; в грамоте 227 имеется пример *водае* «дай»; в грамоте 222 *жрьбье*, может быть, должно интерпретироваться как *(жребеи)*). Как в местоименном, так и в адъективном склонении мы имеем здесь дело с заменой специфического окончания Р. ед. жен. на окончание, совпадающее с Д. М. ед. Эти замены явно связаны с тем, что в именном склонении в новгородском койне данной эпохи Р. ед. жен. уже совпадал с Д. М. ед.

Очагом такого развития должны были быть западные говоры. В восточных говорах Р. ед. жен. (как в местоименном, так и в адъективном склонении) очень долго сохранял двусложные окончания (не совпадающие с Д. М. ед.) — *-ыѣ*, *-ыж*, *-оѣ*, *-ож*; некоторые восточные говоры сохраняют такие окончания до сих пор; см. Соболевский 1907, с. 155, Шахматов 1957, с. 194, 198, 341. Напомним также, что в восточных говорах не было и совпадения Р. ед. жен. с Д. М. ед. в именном склонении.

Для сравнения укажем, что совпадение Р. ед. жен. с Д. М. ед. в адъективном и местоименном склонении — характерная черта западославянских языков. их несовпадение — черта южнославянских языков и украинского.

В поздних берестяных грамотах вместо прежних окончаний Р. ед. жен. *-ѣѣ* и *-ѣи*, как правило, выступает уже новое окончание *-ои* (совпадающее, как и *-ѣ* с Д. М. и, ед.). Оно отмечено в берестяных грамотах лишь начиная с XIV в. (см. Лингв., § 57), но, по всей вероятности, фактически появилось раньше.

Д. М. ед. жен. и М. ед. муж. (сред.). Древнейшими здесь являются соответственно окончания (-ѣи) и (-ѣмь): *въ дрѣгее* (-ѣи) 438, *свѣтее* (Д. ед.) 705, *Повъжи* (Повѣжи) (?) 672; *кроупѣмь* «в мелком», «в виде обломков» 526 (сер. XI), *во простемо*, *въ дроугемо* 686. Отметим также более поздние примеры этих окончаний: *Волотѣковѣи* 293 (сер. XIII), *ко Васильевши* 67 (нач. XIV), *во вшашкеи землѣ* 519 (XIV/XV). Поскольку окончания *-ѣи* и *-ѣмь* совпадают с теми, которых требует церковнославянская норма (по крайней мере в ее раннем варианте), приведенные примеры из берестяных грамот чрезвычайно важны: они доказывают, что эти окончания существовали также и в живом древненовгородском диалекте. Это позволяет предполагать, что в некоторых примерах из летописи окончания (-ѣи) и (-ѣмь) тоже отражают не церковнославянскую норму, а местный диалект; такое предположение наиболее вероятно

в отношении топонимов (в особенности собственно новгородских), в частности: на *Рогатеи оулици*, на *Дивнѣи горе* (2×), на *Ноутнѣи оулици*, на *Лоубнѣи оулици* (2×), на *Плоскѣи*, на *Коулачьскѣи*, *волости новгородьскеи* (Д. ед.), в *Неревьскемь* (также *-скемъ*) *конци* (3×), на *Ламьскемь волоце*, на *Новѣмь* (также *-вемь*) *Търгоу* (2×), в *Бѣлюбьмь* «в селе Боголюбое» (Синодальный список I Новг. лет., в интервале с 1172 по 1226 г.). Старое окончание *-ѣи*, по-видимому, отразилось также в некоторых относительно поздних псковских документах: на *Быстреи* (2×), на *Поукнеи* (3×) Мар., № 33 (1417—21 гг.), в *земли шполнеи*, на *суднѣи ротѣ* в Псковской судной грамоте (статьи 9 и 99).

На смену старым окончаниям *-ѣи* и *-ѣмь* в древненовгородском диалекте со временем приходят окончания *-ои* (*-еи*) и *-омь* (*-емь*), заимствованные из местного склонения. Самый ранний вполне надежный пример такого окончания — в *първое* (*-ои*) *коробье* 438 (XII/XIII). Менее показательны примеры на *дрѣгои*, *цетвѣртои*, на *третееи* 602 (уточненная датировка: сер. XII), поскольку грамота 602 представляет собой заказ на иконы и, возможно, написана не на диалекте, а на стандартном древнерусском языке. Пример на *третьемь* 609 (XII/XIII) двусмыслен (*-емь*) или (*-ѣмь*), поскольку в грамоте представлен эффект *ѣ* → *е*. Все прочие примеры относятся к существенно более позднему времени (см. Лингв., § 57).

И. В. мн. жен. В ранних берестяных грамотах засвидетельствовано только (*-ѣѣ*): твердая основа — *великѣѣ* Ст. Р. 8, *къромьнѣ* (*къръмнѣѣѣ*) 650; мягкая основа — *большѣе* 438, *третее* (*-ѣѣѣ*) 601. Из более поздних отметим *сѣднѣ* 213 (XIII₂).

Некоторые следы данного окончания обнаруживаются в псковских грамотах XIV—XV вв., дошедших до нас в поздних списках: *а судня грамотя изрезасѣ* «а судные грамоты они изрезали» (с эффектом яканья; без дополнительных эффектов было бы *а суднѣѣ грамотѣ изрѣ заша*) Мар., № 2; *по мошнѣе пожни* «по болотные пожни», «до болотных пожен», *а что сѣлнѣе пожни* «а что касается полевых пожен» ГВНП, № 345.

Важен также относительно ранний пример формы В. мн. муж. (которая в принципе совпадает с И. В. мн. жен.) с окончанием (*-ѣѣ*), встретившийся в Синодальном списке I Новг. лет. (под 1214 г.): *городѣ черниговьскѣѣ*.

О ситуации в поздних берестяных грамотах см. Лингв., § 57.

Р. ед. муж. (сред.) (также В. ед., если он совпадает с Р. ед.). В берестяных грамотах XI—I-й пол. XIII в. засвидетельствовано только окончание *-аго*: *лоуцьшаго* 246 (XI; следует учитывать, правда, что это грамота смоленско-полоцкого, а не новгородского происхождения), [*г*] *ръчьскаго* 700 (XII₂), *поногатынаго* 640 (XII₂), *подвоискаго* 147 (20-е — 30-е годы XIII в.). Ненамного более поздним является пример *малаго* 68 (грамота 68 входит в блок 61 + 68, относящийся к 40-м — 70-м годам XIII в.); это последний по времени пример окончания *-аго* в берестяных грамотах. Окончание *-аго* не встречается в ранних берестяных грамотах вообще. Первый его пример — [*с*] *оцекого* (от «сотский» или от какого-то более длинного прилагательного с таким концом) 294 — относится, по-видимому, к 30-м — 60-м годам XIII в. Ненадежно *сѣто* 220 (40-е — 70-е годы XIII в.): это может быть *сѣтѣ* или *сѣтѣо*. Позднее этого времени встречается только *-ого* (и изредка *-ога*, см. ниже).

Данное хронологическое распределение (обнаруженное с помощью полученного ныне дополнительного материала) заставляет нас отказаться от своего прежнего взгляда на *-аго* (Лингв., § 57) как на книжную орфограмму. Необходимо признать, что в раннем древненовгородском диалекте окончание было действительно *-аго* (т. е. такое же, как в церковнославянском). Замена раннего окончания *-аго* более поздним *-ого* происходила в древненовгородском диалекте (насколько позволяет судить наш пока еще весьма ограниченный материал) примерно в середине XIII в.

Мы видим, таким образом, что в рассмотренных выше формах (И. В. мн. не в счет) происходит постепенное вытеснение старых адъективных окончаний местоименными; однако этот процесс осуществляется в древненовгородском диалекте сравнительно поздно — по-видимому, лишь с конца XII в., а в некоторых формах еще позже (с середины XIII в.).

Весьма интересные результаты в этом смысле дает изучение Синодального списка I Новгородской летописи. Он написан (не считая нескольких последних листов) тремя почерками: 1-й охватывает события до 1200 г. и относится, по-видимому, к середине XIII в.; 2-й — с 1200 по 1234 г. (относится ко 2-й половине XIII в.); 3-й — с 1234 по 1330 (относится к середине XIV в.). Подсчеты по разным окончаниям адъективного склонения в разобранных выше формах дают результаты, показанные в таблице 1. Слева от косой черты приводятся данные по старым адъективным окончаниям, справа — по окончаниям местоименного типа. Окончания для краткости обозначены их твердыми вариантами; от чисто графического варьирования мы при подсчетах отвлекаемся. В Р. ед. жен. не учитывались примеры с книжным окончанием *-ьна* (довольно многочисленные), а также со стандартным древнерусским окончанием *-оѣ* (крайне редкие).

Т а б л и ц а 1

Некоторые окончания адъективного склонения в Синодальном списке I Новг. лет.

	1-й почерк (события до 1200 г.)	2-й почерк (события 1200—1234 гг.)	3-й почерк (события 1234—1330 гг.)
Р. ед. жен: <i>-ѣѣ+ -ѣи /-ои</i>	1 + 7/0	1 + 6/2	0 + 0/15
Д. М. ед. жен.: <i>-ѣи /-ои</i>	11/0	20/6	0/31
М. ед. муж. (сред.): <i>-ѣмь /-омь</i>	10/0	7/1	2/10
Р. ед. муж. (сред.): <i>-аго /-ого</i>	18/1	33/5	8/31

Разумеется, было бы наивно принимать цифры таблицы 1 за непосредственные количественные отражения соответствующих отношений в древненовгородском диалекте. Окончания *-ѣи*, *-ѣмь*, *-аго*, по-видимому, в части случаев определяются не диалектом, а церковнославянской нормой (ср. об этом выше). Тем не менее ясно, что и диалектные явления тоже нашли определенное отражение в этих цифрах: в противном случае было бы необъяснимо плавное изменение всех количественных показателей точно в ту же сторону, в которую, как мы видели по берестяным грамотам, была направлена эволюция в древненовгородском диалекте. Таким образом, в свете данных, полученных из берестяных грамот, показания разных почерков Синодального списка приобретают достаточно ясный смысл и дополняют уже описанную выше общую картину: видно, что переход от старых адъективных окончаний к окончаниям местоименного типа приходится на XIII в.

Что касается соотношения окончаний *-аго* и *-ого*, то в дополнение к материалу берестяных грамот и летописи полезно привести еще данные новгородских пергаменных грамот (по ГВНП): *вѣснаго*, но также *Гъцького* № 29 (1262—63 гг.), *старого* № 28 (список 1262—63 гг. с грамоты 1190-х годов; окончание *-ого* скорее всего принадлежит переписчику), *тысяцьскаго* № 1 (1264 г.), № 2 (1266 г.), *великого*, *тысячкого*, *Гочкого*, *латиньского* № 34 (1301 г.), *великогъ (-го)* (2×), *тысячьского* № 35 (1302 г.), *тысяцьского* № 36 (1303—07 гг.), *тысячкого* № 6, 7, 8 (все 1304—05 гг.), № 9, 10 (обе 1307—08 гг.).

Более поздний материал приводить уже нет необходимости: в нем последовательно представлено *-ого*. Взятый сам по себе, этот список примеров представляется маловыразительным. Однако на фоне того, что нам уже известно, мы явно вправе истолковать его так: в дошедшей до нас совокупности пергаменных грамот едва-едва успел отразиться самый конец эпохи живого употребления окончания *-аго*; в 60-е годы XIII в. эта эпоха еще не полностью завершилась.

В других диалектах восточнославянской зоны внедрение местоименных окончаний в склонение членных прилагательных происходило, насколько можно судить, существенно раньше, чем в древненовгородском диалекте. Примеры Р. ед. жен. на *-оѣ*, Д. М. ед. жен. на *-ои*, М. ед. муж. на *-омь*, Р. ед. муж. на *-ого*, Р. М. дв. на *-ою* (не говоря уже о Д. ед. муж. на *-ому*) отмечены исследователями во многих памятниках книжной письменности XII в., а в ряде случаев и XI в.; см., в частности, Соболевский 1907, с. 154—158. Очевидно, они проникли в книжную письменность из говоров южной части восточнославянской зоны. Специально отметим: а) *Ѡ Говѣ новое (-оѣ)* «от Говеновой жены» в берестяной грамоте № 2 из Звенигорода Галицкого (XII); б) *рѣсьского* на печати Владимира Мономаха (указано В. Л. Яниным) и *великого кня (за)* на чаре черниговского князя Владимира Давыдовича (1139—1151 гг.). В смоленских грамотах 20-х годов XIII в. уже отразилась система, где полностью победили местоименные окончания *-оѣ*, *-ои*, *-омь*, *-ого* (тогда как в берестяной грамоте 246 [сер. XI], имеющей смоленско-полоцкое происхождение, еще представлено *-аго*: *лоуцьшаго*).

Рассмотренный круг особенностей составлял, таким образом, в XI—XII вв. существенный пункт отличия древненовгородского диалекта от других диалектов восточнославянской зоны.

Мы рассмотрели здесь не все окончания адъективного склонения, а лишь те, по которым ранние берестяные грамоты содержат удовлетворительное количество материала. По некоторым важным формам материала, к сожалению, пока еще недостаточно. Так, в имеющихся на настоящий момент ранних грамотах вообще нет примеров членной формы И. ед. муж. Поэтому мы еще не можем уверенно ответить на вопрос, существовало ли в древнейший период истории новгородского диалекта ожидаемое из общих соображений адъективное окончание И. ед. муж. **-еѣ* (см. об этом выше, § 12). Для формы Д. ед. муж. в ранних грамотах имеется лишь два примера, и оба они содержат весьма неожиданное окончание *-аму*: *дѣтьскамоу* Ст. Р. 8, *дѣцьскамоу* 222 (ср. еще пример *котораму* в новгородском евангелии конца XII — нач. XIII в., ГБЛ, фонд 256 [Рум.], № 104; см. Колесов 1980, с. 201). Высказанное в Лингв., § 57 мнение о том, что в И. ед. муж. существовало только окончание *-ѣѣ* и что примеры с *-аму* объясняются орфографической гиперкоррекцией, представляется нам теперь излишне категоричным. Для надежного решения этих вопросов необходимо дождаться новых находок.

§ 24. Большой интерес представляет отмеченное в нескольких берестяных грамотах окончание Р. ед. муж. (сред.) *-ога (-ега)*, с конечным а, возникшим под влиянием именного склонения. В ранний период это окончание отмечается только в местоименном склонении (что естественно, поскольку в это время только в местоименном склонении существовало окончание *-ого*, тогда как в адъективном еще было *-аго*). Примеры таковы: *тога* 227 (60-е — 80-е годы XII в.), 222 (нач. XIII), *мога* 82 (последняя четверть XII в.). В более позднее время, когда местоименные окончания уже вытеснили прежние окончания членных форм, *-ога* обнаруживается также и в адъективном склонении: *боургалскога* 288 (XIV), *другога* 689 (XIV). Ср. также в книжных памятниках новгородского происхождения: *кдинога бога* (Праздники со вставками из Троицы цветной, XIII; ГПБ, Соф. 385, л. 117 об. [Каталог, № 218]), *Ѡ осмога дни* (Захарьинский Паремейник 1271 г., л. 231 об. [Каталог, № 181]); оба эти примера указаны А. А. Гиппиусом.

Окончание *-ога* изредка отмечается и в других памятниках, переписанных на севере Руси, ср. *другога, оу города Вру^ога* в Лаврентьевском списке летописи (под 945 и 977 г.), *осмога, милога* в Ипатьевском списке (под 1074 и 1202 г.).

Наследником этого окончания является современное *-ова* (*молод^ова, ст^арова* и т. п.), представленное достаточно широко в северновеликорусских говорах — в основном в восточной их части, т. е. в районах, входящих в древнюю территорию расселения ильменских словен. Заметим, что окончание *-ова* неоднократно встречается в новгородских документах XVI в., ср., в частности, в РИБ, т. 15, СПб., 1894: *иван^ѣ городцкова № 7, железа волоченова тонкова иголнова № 44* (и ряд других подобных примеров).

Таким образом, sporадическое *-ога* в берестяных грамотах — это, по-видимому, ильменско-словенская черта. В древненовгородском койне такое окончание всего лишь допускалось; нормой все же было *-ого* в местоименном склонении и *-аго* (позднее *-ого*) в адъективном.

В южнорусской зоне практически везде сохранялось исконное *-ого*. Особые точки в этом отношении составляют лишь единичные населенные пункты в Белоруссии (близ Молодечна, а также к северу от Гомеля), где ныне отмечаются словоформы *май^га, твай^га, свай^га, йа^га, ка^га, ус^аг^а* (см. ДАБМ, карта 139 и Гапанович, Мацкевич, с. 102 и карта 10). Ввиду разрозненности и малочисленности этих точек пока еще не вполне ясно, можно ли связывать это явление (и как именно) с племенными диалектами эпохи Киевской Руси. Если перед нами действительно следы достаточно древнего явления, это значило бы, что окончание *-ога* (в местоименном склонении), существовавшее в ильменско-словенских говорах, было в какой-то мере известно также на северной окраине южнорусской зоны.

Замена *-ого* на *-ога* составляет, как известно, одну из характерных отличительных черт западной подгруппы южнославянских языков (словенского и сербскохорватского), причем здесь она произошла уже в дописьменный период: данная инновация отмечается с самого начала письменной истории этих языков, в частности, во Фрейзингенских отрывках; ср. также несколько примеров с *-ога, -ега*, отмеченных в старославянских памятниках — Маринском евангелии и Супрасльской рукописи (см. Вайян, с. 166). В других славянских языках этого явления нет. Учитывая нетривиальный характер данной инновации, следует признать возможным, что в древненовгородском диалекте она развилась не независимо от западного южнославянского, т. е. что ее «первоначальный импульс» относится еще к праславянской эпохе. Проверить это предположение помогут будущие находки новых берестяных грамот XI в.

§ 25. В раннем древненовгородском диалекте у местоимения *т-* «тот» вместо исконных форм *т^ѣмь, т^ѣхъ, т^ѣмъ, т^ѣми, т^ѣма* выступают новые формы с *-и-*: *тимь, тихъ* и т. д. Самый ранний пример такой формы засвидетельствован в древнейшем из ныне известных древненовгородских текстов: это *въ тихъ* в надписи на деревянном цилиндре № 5 (Янин 1982, с. 141—148); вопрос о точной датировке цилиндра составляет некоторые трудности, но в любом случае он не моложе 1-й половины XI в. Таким образом, данная инновация заведомо осуществилась еще в дописьменную эпоху. Материал ранних берестяных грамот: *timi* 335, *тихъ* (Р. мн.) 105; кроме того, *во кольцо тию* «в тех двух кольцах» 644. В М. дв. *тию*, выступающем в последнем примере (ср. исконное *тою*), *-и-* вместо *-о-* несомненно появилось под влиянием *тима* прочих форм с *-и-* из рассматриваемого ряда, ср. исконное тождество гласной в рядах *нама, паю* и *вама, ваю*. Аналогичное развитие представлено, в частности, в словенском Р. дв. *njiju* (с *i* из *njima*); в XVI в. в словенском еще существовал также Р. дв. *têju* (и *tiju*), впоследствии вытесненный формой Р. мн. *têh* (Рамовш, с. 88). С огласовкой *{ѣ}*, а не *и* в ранних берестяных грамотах встретился только один пример: *техъ* (*т^ѣхъ*) (Р. мн.) 109; но грамота 109 не имеет никаких однозначных признаков древненовгородского диалекта, т. е., возможно, является инодиалектной (ср. Лингв., с. 190).

Специально подчеркиваем, что в приведенных выше примерах *тихъ*, *тими*, *тию* нет никакой возможности усматривать чисто фонетический переход *ѣ* в *и*: этому препятствует ранняя датировка соответствующих источников и поведение в них всех остальных **ѣ*.

Формы типа *тихъ* изредка встречаются (разумеется, лишь на фоне стандартного *тѣхъ*) также в других источниках новгородско-псковского происхождения (учитываются только те из них, где нет общего смещения *ѣ* с *и*), в частности: с *тимъ* ГВНП, № 30 (1266—72 гг.), *надъ тимъ* ГВНП, № 8 (1304—05 гг.), *тими* (новгородская копия F [сер. XIV] смоленского договора 1229 г., строка 280), *надъ тимъ* (копия С того же договора [XIV], предположительно псковская, строка 48), с *тимъ* псковский пролог 1383 г., л. 15 об. (Кандаурова, С. 217), *за тимъ* в Краткой Русской Правде по Археографическому (Комиссионному) списку сер. XV в. (ст. 17; ПР, I, с. 80); ср. еще *тимъ словомъ* в грамоте рижан около 1300 г. Формы *тихъ*, *тимъ* и т. д. многократно встречаются также в двинских грамотах XV в. (см., в частности, ГВНП, № 152, 157, 160, 165, 200), но здесь не всегда можно отличить *и* морфологического происхождения от *и*, возникшего чисто фонетически из *ѣ*; то же можно сказать о примере с *тимъ* АСЭИ, т. 1, № 71 (ок. 1430 г.; грамота касается села Медное под Торжком). В современных говорах формы типа *тих* сохранились в небольшом ареале к западу от Чагоды, в северной части бывшей Бежецкой пятины (см. Образ., с. 94 и карта 24).

За пределами новгородской (в широком смысле) зоны формы типа *тихъ* (с *и*, которое не может быть простым рефлексом *ѣ*) хотя и встречаются, но очень редко. Отметим *передъ тими послѣхы* в записи на стене киевского Софийского собора о покупке Бояновой земли (XII в.; фонетическое объяснение *и* здесь неприемлемо), *тихъ* в рязанской Кормчей 1284 г. (см. Соболевский 1907, с. 189), *со вси^и тимъ* Пам. Ряз., № 1 (1464—82 гг.), № 2 (1482—83 гг.), *ти^и люде^и* Пам. Ряз., № 3 (1483—1501 гг.).

В поздних берестяных грамотах картина такова. В XIII в. встретился только Т. ед. *тима* 483 (из-за обрывов чтение здесь не совсем надежно); вероятно, это (*тимъ*) (не *тѣмъ*). В XIV—XV вв. ситуация меняется: в рассматриваемых нами грамматических формах встречаются уже только новые окончания, заимствованные из адъективного склонения,— Т. ед. *т[ы](мъ)* 692, Р. мн. *тых* 317, М. мн. *на тыхъ* 353, *на тых* 249, Т. мн. с *тыми* 536 (и даже В. мн. *тыи* 446). Судя по примеру *съ вднымъ* в завещании Климента (Хрест., № 16; до 1270г.), проникновение адъективных окончаний в склонение местоимений в действительности началось не позднее XIII в.

Аналогом ранних древненовгородских форм типа *тихъ* от *т-* является также Р. мн. *инихо* 548 (XII/XIII); в XIV—XV вв. окончания здесь уже адъективные: у *ныхъ* 242, а *ныхъ* 466 (*и* в этих примерах в позиции после гласной выпало).

Выравнивание в основах притяжательных прилагательных

§ 26. В притяжательных прилагательных на *-ин-* от основ на *к*, *г*, *х* в древненовгородском диалекте уже в дописьменную эпоху был аналогичским путем устранен эффект первой палатализации. Приводим самые ранние свидетельства этого (XI — нач. XIII в.): *оу Ньжатъкины* Ст. Р. 13 (XI; *и* после *к* переправлено из *ы*), *Съмъкиниц(а)* 710, *Коростокине* 663, *Хроушькин-* (или *Хроушькин[иц]-*) 332, *Федокино (2х)* 599, *Настокине* надп. 21, *Недѣлекине* надп. 24; *Нинъкиничь*, *Доброшькино* в надписях на стене новгородского Софийского собора (Медынцева 1978, № 47, 215); ср. также *на гъжъкинъ днѣ*, прилагательные *Лоукинъ*, *Савъкинъ*, *Жироскинъ*, *Мирошкинъ*, отчества *Събышкиничь*, *Югиничь*, *Мирошкиничь*, *Тимошкиничь*, *Блудкинничь*, *Синкинничь*, встречающиеся (в разных

формах) в начальной части (до событий 1234 г.) I Новгородской летописи. Ни одного надежного примера притяжательного прилагательного на *-ин-* с эффектом первой палатализации в этих источниках нет (см. также Лингв., § 30).

При сопоставительном изучении разных славянских языков и диалектов обнаруживается следующая закономерность: рассматриваемая инновация (последовательное устранение эффекта первой палатализации в притяжательных прилагательных на *-ин-*) свойственна тем языкам (или диалектам), где нет чередований *к, г, х* со свистящими в *а*-склонении (т. е. их не было вообще или они были со временем устранены). Таковы древненовгородский, современный русский, словенский, словацкий. В языках, где чередования в *а*-склонении имеются, данной инновации нет (как, например, в чешском, украинском) или она проведена лишь частично (как, например, в сербско-хорватском). Причинная связь здесь вполне прозрачна: притяжательное прилагательное, как отмечалось уже многими исследователями, первоначально фактически входило в словоизменительную парадигму соответствующего существительного; там, где в основной части парадигмы чередований не было (исконно или в силу позднейшего выравнивания), возникла тенденция распространить принцип единства основы на всю парадигму в широком смысле, т. е. ввести эту единую основу также и в притяжательное прилагательное.

В южной части древней восточнославянской зоны рассматриваемой инновации не было: здесь последовательно представлены такие формы, как, например, *Лучинъ*, *Юнъчинъ*, *Ольжинъ*. Это полностью соответствует тому факту, что здесь, в отличие от древненовгородского диалекта, вторая палатализация осуществилась, т. е. имелись регулярные чередования типа *Лука — Луцѣ*, *Ольга — Ользѣ*.

Особый интерес представляет ситуация в Ростово-Суздальской земле. В топонимах и отчествах мы находим здесь и тип *Лукинъ* (как в древненовгородском) и тип *Лучинъ* (как на юге); но наряду с ними представлен также и третий тип: *Луцинъ* (с эффектом второй, а не первой палатализации). Вот некоторые примеры: село *Луцинское* близ Москвы (ДДГ, с. 8, 9, 16 и др.; оно же иногда называется *Лучинское*; в ДДГ отмечен также населенный пункт *Лукино*), отчество (или фамилия) *Луцинъ* (2 раза — в Переяславском и в Ростовском уездах; АСЭИ, т. 1, № 162 и 190), ср. также существующее ныне село *Луцыно* под Звенигородом; *Дубацыно*, *Дубацынское* (в Звенигородском уезде, АСЭИ, т. 3, № 53, 53а, 60; ср. *Дубакино* в Дмитровском и Стародубском уездах, ДДГ, с. 403, 424); *Дерюжино* (в Переяславском уезде, АСЭИ, т. 1, № 46, 353, 560; оно же иногда называется *Дерюгино*); *Веризино* (близ Владимира и близ Калязина, АСЭИ, т. 3, № 92 и 135; ср. *Веригино* в Можайском уезде, ДДГ, с. 396); город *Колязинъ* (ДДГ, с. 352, 372, 424 — по-видимому, от диалектного *коляга*, *каляга*). Несколько менее надежны примеры типа *Бѣлциньское*, *Семьциньское*, *Семцино*, *Милциньское*, *Митьцино* (*Мицино*), *Лямьцино* (см. указатели к ДДГ и АСЭИ, т. 1), поскольку здесь могут быть сомнения в форме производящего слова. Отметим еще притяжательное прилагательное *Ользинъ* в Лаврентьевском списке летописи (см. Соболевский 1907, с. 146).

Тип *Луцинъ* мог возникнуть только под влиянием таких форм, как *Луцѣ*, *Ользѣ* и т. п. Тем самым приведенные здесь топонимы оказываются косвенным свидетельством того, что на Ростово-Суздальской территории, в отличие от севернокривичской зоны, вторая палатализация осуществилась. Разной в облике притяжательных прилагательных, очевидно, связан с тем, что на этой территории проходил процесс замены старой системы типа *рука — руцѣ* системой *рука*, *рукѣ* (как в древненовгородском койне и в современном русском языке).

§ 27. В берестяных грамотах в системе неэнклитических форм личных местоимений последовательно представлены: Д. М. *мѣнѣ* (>*миѣ*), *тобѣ*, *собѣ*; Р. В. *мене*, *тебе*, *себе* (начиная с середины XIV в. изредка встречаются также *мена*, *теба*, *себа*). Древненовгородское койне было, таким образом, в этом пункте достаточно устойчивым.

Именно такую древнейшую систему мы можем с уверенностью реконструировать также для древнекривичского диалекта, который, в свою очередь, совпадает в этом отношении, с одной стороны, с диалектами Юго-Западной Руси, с другой — с польским и чешским.

Что касается ильменско-словенских говоров, то ныне на соответствующей территории практически повсеместно выступают словоформы Д. М. *тебѣ*, *себѣ*. В XV в. в двинских, шехонских, ярославских и других северных документах встречается как *тобѣ*, *собѣ*, так и *тебѣ*, *себѣ* (словоформы *тебѣ*, *себѣ* встречаются также и в московских документах XV в., изредка даже XIV в., но здесь они явно вторичны по отношению к *тобѣ*, *собѣ*: Москва в этом пункте первоначально совпадала с кривичским типом). Принято считать, что северные *тебѣ*, *себѣ* развились так же, как и в Москве, т. е. на месте прежних *тобѣ*, *собѣ*, и относится этот процесс к XIV в. Однако в основе такой точки зрения в сущности лежит заранее принятый тезис о существовании монолитного правосточнославянского языка; реальных данных о состоянии северо-восточных говоров в XI — XIII вв. просто нет. Как известно, Д. М. *тебѣ*, *себѣ* (с огласовкой *e*) представлен в южнославянских языках, а также в словацком и лужицких. На фоне пересмотра многих других данных о времени появления различных диалектных особенностей, разделяющих восточнославянскую территорию, необходимо признать, что и в этом пункте ничто, кроме традиционного постулата о правосточнославянском единстве, не мешает допустить гораздо более раннее возникновение словоформ Д. М. *тебѣ*, *себѣ* в ильменско-словенской зоне. Тот факт, что в северных документах XV в. немало примеров Д. М. *тобѣ*, *собѣ*, не составляет здесь существенного препятствия, поскольку *тобѣ*, *собѣ* было нормой, с одной стороны, для стандартного древнерусского языка, с другой — для древненовгородского койне.

Отсутствие *-ть* в 3-м лице презенса

§ 28. В раннем древненовгородском диалекте в 3-м лице ед. и мн. чисел презенса *-ть* в большинстве случаев отсутствует, например: *живе*, *възмѣльви*, *почьну* «начнут», *платѧ* «платят» (может отсутствовать также *-сть*: *e* «есть», *вѣда* «даст»). Эта черта сохраняется и в дальнейшем, хотя процент примеров с *-ть* со временем несколько возрастает (см. Лингв., § 58).

Судя по данным современных говоров, это черта западного происхождения. Отсутствие *-ть* в двух числах и в обоих спряжениях ставит древние севернокривичские говоры в уникальное положение внутри восточнославянской зоны, поскольку до сих пор в остальных говорах этой зоны *-ть* (*-т*) либо просто сохраняется, либо утрачено лишь в части форм.

Ильменско-словенские говоры (не смешанные) утраты *-ть* практически не знают; они отражают архаичный тип, максимально противопоставленный севернокривичскому.

1 мн. презенса на *-ме*

§ 29. В памятниках кривичского ареала и новгородских употребительна словоформа 1 лица мн. числа *есме*. Она 4 раза встретилась также в берестяных грамотах; самый ранний пример — *есме* 670 (XII/XIII). В книжных текстах

встречается также *нѣ сме*. Изредка окончание *-ме* отмечается в памятниках и у других глаголов: *не проливаиме крѣви, а крѣви не проливаиме* в Синсдальном списке I Новг. лет. (под 1137 и 1216 г.), *да мещеме жребіа* в псковской палесе 1494 г., л. 129 об. (Каринский, с. 41), *имѣиме* (2*), *не мозиме* (5*), *насилоуемѣ*, *очистиме* в псковском сборнике середины XV в. (см. Каринский, с. 128); псковскому переписчику, очевидно, принадлежит также *-мѣ* в *мужаимѣ ся* в «Слове о полку Игореве»; см. также Соболевский 1907, с. 161.

Следует отметить, что *есме* 670 — это пока единственный пример формы I мн. презенса в ранних берестяных грамотах. В поздних берестяных грамотах преобладает окончание *(-мѣ)*; первые его примеры — *не знаемо* и *ведаемо* в псковских берестяных грамотах № 6 и 7 (обе XIII в.). Написание *-мо*, очевидно, всегда передает в берестяных грамотах *(-мѣ)*; предполагать где-либо *(-мо)* весь остальной новгородский и псковский материал не дает никаких оснований.

Окончание *-ме* находит параллель в чешском и словацком (отчасти также в среднеболгарском). Напротив, для окончания *-мо*, свойственного Юго-Западной Руси и южнославянским языкам, в древненовгородском диалекте, как уже отмечено, нет никаких достоверных примеров.

Императив на *-ите, -ита*

§ 30. В императиве множественного и двойственного чисел в древненовгородском диалекте, по-видимому, еще в дописьменную эпоху обобщились окончания *-ите, -ита* (первоначально свойственные только мягким основам). Материал ранних берестяных грамот таков: твердая основа — *идите* 424, *(б)ерита* Ст. Р. 12, *кѣрините* «купите» 160, *нѣ крѣни[та]* 685, *вѣзмити* (*зи* вместо *зь*) 219; мягкая основа — *напишите* 160, *солита (сѣл-)* 422, *[прис]ли[те]* 524.

Данных о том, какие говоры были очагом этой инновации, нет. Отметим лишь, что такое же направление выравнивания представлено в словенском и сербскохорватском языках, а также в западнославянских языках (кроме чешского). Напротив, противоположное направление выравнивания — с обобщением *-ѣте, -ѣта* (типа *молѣте, молѣта*) — представлено в юго-западной части восточнославянской зоны и в болгарском.

Причастия (деепричастия) на *-а*

§ 31. Традиционно признается, что в восточнославянской зоне форма II. ед. муж. (сред.) от причастий презенса (позднее превратившихся в деепричастия) с твердой основой имела окончание *-а*, например, *ида, неса*, и что с некоторого момента с этим окончанием начало конкурировать окончание *-а* (т. е. в основе здесь твердая согласная стала заменяться соответствующей мягкой): *ида, неса*. В церковнославянском языке первоначальной нормой было *-ы* (*иды, несы*), но постепенно стали считаться в большей или меньшей мере допустимыми также и формы на *-а* и даже на *-а*.

Анализ материала берестяных грамот и критический пересмотр материала ранее известных источников показывает, однако, что в этой традиционной картине не учтена диалектологическая сторона вопроса.

Как обнаруживается, формы на *-а* (*ида, неса* и т. п.) в XI—XIV вв. были свойственны практически только древненовгородскому диалекту, тогда как в остальных восточнославянских диалектах (и соответственно в стандартном древнерусском языке) употреблялись формы на *-а*.

Материал ранних берестяных грамот (для твердых основ) таков: *вѣзма* Ст. Р. 17, *приеда* 82, *водада* 163 (менее вероятно, что это форма 3 мн. презенса), *река* 531. Последний пример показывает, между прочим, что замена твердых согласных мягкими распространилась и на *к, г, х* (ср. также другие аналогичные

примеры ниже). Это предполагает фонологическую самостоятельность мягких k' , z' , x' , которая смогла развиться именно в рамках древненовгородского диалекта (здесь существовала, в частности, оппозиция типа *кы* — *ки*, отсутствовавшая в других диалектах).

В берестяных грамотах XIII—XIV вв. встретилось, с одной стороны, *возма* 354, с другой — *приима* 615, *рка* 697. При этом, однако, грамоты 615 и 697 не имеют вообще никаких признаков древненовгородского диалекта; они либо являются инодиалектными, либо написаны строго по нормам стандартного древнерусского языка (о грамоте 615 см. также § 17).

Таким образом, берестяные грамоты всех периодов, имеющие хотя бы некоторые признаки древненовгородского диалекта, обнаруживают в рассматриваемой форме только окончание *-а*.

Достаточно показателен также материал Синодального списка I Новгородской летописи (особенно первых двух его почерков), хотя, разумеется, здесь мы уже не можем ожидать столь же последовательной картины, как в берестяных грамотах. В первых двух почерках представлены: *ида* (под 1139 и 1215 г.), *поима* (под 1193, 1215, 1225, 1229 гг.), *река* (под 1205, 1224, 1228 гг.), *не жда* (под 1228 г.); с другой стороны — *река* (под 1214 и 1228 гг.) и *възма* (под 1196 и 1214 гг.). Третий почерк в более сильной степени ориентирован на стандартную норму с *-а*: здесь встретились *поима* (под 1236 г.) и *соима* (под 1265 г.), но чаще выступают *река*, *поима*, *возма*.

Существенно, однако, не то, что в новгородских источниках широко представлены формы на *-а*. Принципиально важно прежде всего то, что практически все собранные различными исследователями примеры форм на *-а* (от презенсов с твердой основой), относящиеся к XI—XIV вв., при ближайшем рассмотрении оказываются принадлежащими новгородским (в широком смысле) источникам.

Приведем сводный список примеров рассматриваемого типа (для XI—XIV вв.), зафиксированных в работах: Соболевский 1907 (с. 259—260), Шахматов 1915 (с. 111), Дурново 1924 (§ 524), ИГРЯ (с. 311—312) — не считая уже приведенных выше примеров из новгородской летописи. Таковы: *зова* в новгородской минее XI/XII вв. (Каталог, № 41), *ида* в Уставе студийском XII в. (Каталог, № 138; рукопись новгородского происхождения), *гда* в Слове Ипполита об антихристе конца XII в. (Каталог, № 129; рукопись севернорусского происхождения, возможно, ростовского), *възма*, *заима*, *поима* в новгородском прологе 1262 г., *риима* в новгородской Кормчей 1280-х годов, *повьрга* в новгородской грамоте 1304—05 гг. (ГВНП, № 8), *зова* в триоди 1311 г., написанной в Ладого; также *ида*, *веда* в грамоте рижан (около 1300 г.), которая отражает некоторый говор северо-западного типа (заметим, что в этой грамоте формы на *-а* представлены только после *г*: *мога*, *постерега*). Разумеется, этот список отнюдь не исчерпывает всего материала (даже для XI—XII вв.); тем не менее в целом он достаточно показателен.

С другой стороны, в важнейших источниках XI—XIV вв. неновгородского происхождения отмечаются только (или почти только) формы на *-а*, типа *ида*, *неа* (церковнославянские формы на *-ы* не в счет).

Так, в берестяной грамоте № 2 из Звенигорода Галицкого (XII) представлены: *ида*, *поема* (*поима*). В смоленских пергаменных грамотах XIII—XIV вв.: *возма* (3×), также *мога* в списке XVI в. с грамоты 1150 г. В московских грамотах XIV в.: *ида* (2×), *буда* (2×), однако один раз также *возма* (в грамоте 1389 г., ДДГ, с. 35).

В Успенском сборнике: *река*, *дада*, *пека*, *ѣда* «съедающая» (все они встретились в непереводах текстов — житии Бориса и Глеба и житии Феодосия Печерского). В Выголексинском сборнике: *жива* (2×), *ида*, *пекаста*, *мога* (3×), *чѣта*. В Повести временных лет по Лаврентьевскому списку: *ръка* (5×), *река* (9×), *трѣсаса*, *ида*,

жива, възма, возма, жда, блюда, блюдасъ, переима, сѣка, вида (2×; от атематической основы *вид-*).

В Ипатьевском списке летописи (около 1425 г.), переписанном носителями новгородского диалекта с южнорусского оригинала, по данным ИГРЯ (с. 311), на 236 форм типа *неса*, *дада* приходится 45 форм типа *несъ*, *дадъ*. В свете приведенных выше данных естественно предполагать, что первая (основная) группа форм унаследована от оригинала, а вторая принадлежит переписчикам.

В XV—XVI вв. формы на *-ъ* становятся достаточно распространенными уже и за пределами новгородской зоны. При этом, правда, их почти нет на Украине и в большей части Белоруссии, поскольку здесь в эту эпоху дееспричастия на *-а*, *-ъ* постепенно вообще перестают употребляться в живом языке: их место занимают дееспричастия на *-уци*, *-ъчи*.

По-видимому, наряду с последовательной новгородской системой (*несъ*, *река* и т. д.) и последовательной системой южного типа (*неса*, *река*) существовала также промежуточная система, где *-а* сохранялось только после *к*, *г*, *х*: *несъ*, но *река*. Эту систему отражает, в частности, грамота рижан (около 1300 г.), см. выше. Для более позднего времени можно указать, например, так наз. Троицкий летописец (1540-е годы; ГИМ, Синод., № 645): здесь представлены, с одной стороны, *пловъ* 816, *идъ* 1546, *зовъ* 168, *не имъ* 2646 (при одном отклонении — *гѣда* 64), с другой — *стерѣга* 107, *стерѣгасъ* 109, *река* 1126, *рѣка* 1296, *мога* 308 (Троицкий летописец, судя по ряду признаков, вероятно, отражает говор селигеро-торжковского или восточнопсковского типа).

Вопрос о происхождении восточнославянского *-а* в рассматриваемой форме, как известно, является в славистике предметом дискуссий. В свете нынешних данных о существовании значительного числа частных диалектных различий уже в праславянском представляются неуверительными попытки свести расходящиеся между собой показания разных славянских языков по данной форме к единому исходному типу **nesy*. По-видимому, расхождения в рефлексации выступавшей здесь некогда особой носовой гласной образуют одно из весьма старых диалектных различий в рамках позднего праславянского. Соответственно мы можем говорить, в частности, о совпадении восточнославянских форм на *-а* с чешскими (*reka*, *nesa*, *buda* и т. д.). Тот факт, что в древненовгородском диалекте формы на *-ъ* фиксируются практически с самого начала письменной эпохи, позволяет поставить вопрос о том, как связано это явление с древнесербскими формами на *-е* (*несе*, *моге* и т. д.), которые тоже обнаруживаются с самого начала письменной истории сербского языка. Традиционное объяснение гласит, что это независимое параллельное развитие; однако нельзя исключать, что в действительности «первоначальный импульс» этого развития, как и в ряде других сходных случаев, восходит к поздней праславянской эпохе.

§ 32. Приведенный перечень явлений позволяет сделать ряд выводов общего характера.

Древненовгородский диалект (в узком смысле) XI—XII вв. предстает как продукт длительного взаимодействия древнего севернокривичского и древнего ильменско-словенского диалектов, между которыми имелось значительное число различий.

Древний севернокривичский диалект не мог быть ответвлением того диалекта, который бытовал в Юго-Западной Руси и лег в основу стандартного древнерусского языка. Между этими двумя диалектами уже в XI—XII вв. имелся целый ряд существенных различий. Перечислим их (используя в ряде случаев для наглядности не словесные формулировки, а просто соответствующие пары или четверки образцов): *кѣле*, *звѣзда* — *цѣль*, *звѣзда* (§ 3); *въхе* — *въсь* (§ 4); *чькли*, *жагло* — *чьли*, *жало* (§ 5); цоканье и шепелявенье — их отсутствие (§ 6); развитие **tj*, **dj*, **sj*, **zj* (§ 7); развитие **TъrT* (§ 8); [r] — [y] (§ 9); развитие

ел', мл' (§ 10); развитие *ѣ (§ 11); развитие *о (§ 11); И. ед. *хлѣбе* — *хлѣбѣ* (§ 13—15); *Жадѣе* — *Жадѣо* (§ 16); Р. ед. *женѣ* — *жены* (§ 18—19); *три куѣ* — *три куны* (§ 20); *дѣва села* — *дѣвѣ селѣ* (§ 22); различия в окончаниях адъективного склонения (§ 23); *тихѣ* — *тѣхѣ* (§ 25); *Юнѣкине* — *Юнѣчинѣ* (§ 26); *к сме* — *к смо* (§ 29); *берите* — *берѣте* (§ 30); *ида* — *ида* (§ 31). Как видно из предшествующего разбора, вопрос о времени возникновения многих из этих различий не вполне ясен. Часть из них могла успеть сформироваться в IX—X вв. Несомненно, однако, что для многих из них такое предположение нереально: они с необходимостью должны быть отнесены к праславянской эпохе. Таким образом, различия между этими диалектами противоречат концепции восточнославянского языка как генетически монолитного ответвления от праславянского языка.

Гораздо лучше соответствует выявленным ныне фактам концепция Г. А. Хабургаева, согласно которой в определенный момент развития праславянского языка наиболее отчетливо выделились две диалектные группы — северная и южная (Хабургаев 1980, § 51—52). Основное уточнение, в котором нуждается эта концепция, состоит в том, что к северной группе относились не все говоры древненовгородской территории, а только кривичские.

Таким образом, вырисовывается следующая картина. С одной стороны, выделяется северная (точнее, северо-западная) группа древних диалектов, включающая польский, севернолехитские, лужицкие и севернокривичский. При этом севернокривичский диалект в ряде отношений оказывается самым архаичным представителем всей группы (что, вероятно, связано с ранним отрывом его носителей от родственных племен).

С другой стороны, выделяется юго-восточная группа диалектов, включающая болгарский, сербскохорватский, словенский, ильменско-словенский и южные диалекты восточнославянской зоны. Внутри этой группы обнаруживается, в частности, ряд изоглосс, объединяющих словенско-сербскую зону с ильменско-словенским диалектом и не включающих при этом диалекта (или диалектов) Юго-Западной Руси. Сюда относятся: развитие *о (§ 11), взаимное выравнивание твердого и мягкого вариантов *a*-склонения (§ 18), Р. ед. на *-ога* (§ 24), Д. М. *тебѣ*, *себѣ* (§ 27), императив *берите* (§ 30); формально сюда же относится сохранение взрывного [г] (§ 9). Это значит, что гипотеза о простом расщеплении единой юго-восточной группы на южную и восточную была бы лишь огрубленным отражением фактов. В действительности к моменту географического разделения южных и восточных славян внутри юго-восточной группы уже существовало племенное дробление и начали формироваться различные (в том числе перекрестные) межплеменные языковые связи.

Между двумя основными зонами протянулся пояс диалектов переходного или смешанного характера. К их числу относятся древненовгородский (в узком смысле), южнокривичский (где, по-видимому, на первоначальные кривичские черты наложился мощный пласт явлений южного происхождения), словацкий, до некоторой степени также чешский. По всей вероятности, к этому же типу следует отнести древние ростово-суздальские говоры, поскольку по данным археологии население этой территории включало ильменско-словенский и кривичский элементы.

Специфические черты, общие для всех восточнославянских диалектов, очевидно, складывались, как и предполагал Г. А. Хабургаев (Хабургаев 1980, § 58—60), уже в эпоху совместного существования соответствующих племен на восточнославянской территории.

Закончив на этом обзор основных особенностей древненовгородского диалекта, переходим ко второй части настоящей работы — серии очерков, посвященных отдельным проблемам орфографии, исторической фонетики, грамматики и лексики древненовгородского диалекта и древнерусского языка в целом.

Начальное *o* в качестве
фонетического дополнителя при идеограммах

§ 33. В берестяной грамоте 410 (кон. XIII), представляющей собой долговой список, запись, касающаяся одного из должников, имеет несколько нестандартную структуру, а именно: *8 Поl (и) [ь]шь o ли: было и :в: гривны к 8но*. Особенность состоит здесь в наличии непонятого *o* перед цифрой 18. Без этого *o* запись означала бы «у Поньши (т. е. за Поньшей) 18 бел и 2 гривны кун» и была бы вполне аналогична по структуре всем остальным записям данной грамоты (равно как и других подобных ей долговых списков). Что же добавляет это лишнее *o*? Ясно, что это *o* не может быть частью имени должника: внутри словоформы буквенное сочетание *ьo* практически невозможно и на *o* (не после *z*) не может оканчиваться никакая словоформа родительного падежа. Приходится предположить, что *o* — предлог. Но приписать ему какое-то правдоподобное значение («на?», «около?») в данном контексте очень трудно. Отсутствие этого предлога во всех прочих долговых записях (а их в общем массиве берестяных грамот очень много) делает эту версию по крайней мере сомнительной; значение «около», вдобавок, совершенно неуместно в долговом списке с прагматической точки зрения. Не пора ли уже обратиться к спасительной версии о простой опiske? Попытаемся все же не прибегать к этому самому дешевому и самому неубедительному способу решения трудных вопросов (тем более, что в остальной части грамоты № 410 ни одной заведомой ошибки или описки нет), а отыскать какие-то аналогичные случаи.

Такие случаи действительно обнаруживаются. В Успенском сборнике (22г15—17) находим (цитируем по изданию): *и създавъ к ѣ доо ·п̄ локтъ възвыше престава са* «и возведя ее (церковь) до высоты в 80 локтей, он (князь Святослав Ярославич) преставился». Странность написания *доо* вместо *до* очевидна; действительно, мы находим в словоуказателе к Успенскому сборнику (в статье *до*) запись *доо* (!) 22г15, с восклицательным знаком. Заметим, что в данном случае истолкование лишнего *o* как предлога уже синтаксически невозможно (хотя как раз здесь смысл «около» был бы приемлем): сочетание предлогов *до o* не встречается никогда.

Далее, в «Вопрошании Кирикове» по списку новгородской Кормчей 1280-х гг. имеются следующие места (цитируем по изданию: РИБ, т. 6, СПб., 1908, стлб. 35—36): *такоже и всю ѿ днии* «так же и все восемь дней» (статья 48); *аще и блазнъ боудеть к моу спящюу въ тоу ѿ днии* «если даже соблазн явится ему во сне в эти восемь дней» (статья 50); *аще ли ювѣтъса въ тоу ѿ днии* (там же). Здесь издатель просто приписал *o* к цифре 8. Заметим, что в других списках «Вопрошания» лишнего *o* в указанных местах нет; там, где число записано словом, стоит просто *осмь*.

Сравнение между собой всех приведенных выше примеров приводит нас к единственно возможному решению, сколь оно ни покажется неожиданным: «лишнее» *o* есть не что иное, как начальная буква словоформы или словосочетания, записанного далее цифрой. Иначе говоря, перед нами «фонетический дополнитель» к идеограмме — принципиально такой же, как, например, в записях типа *·ѣ·тъ* «пять» в берестяной грамоте № 336, *безъ ·ѡ·ю* (= *двою*) *ногатоу* «без двух ногат» в завещании новгородца Климента, *съ трьми съты и ·ѡ·ѣ·те* (= *осмию на десѣте*) *отрокъ* в Успенском сборнике (103г23—24) и во множестве других подобных примеров. Мы намеренно ограничились здесь лишь древнерусскими примерами, хотя в действительности, разумеется, это явление известно практически для всех языков и для самых разных эпох (от фонетических дополнителей к иероглифам и аккадских силлабических знаков при шумерограммах до современных русских записей типа *70-ю* «семьдесятю» или *10-й* «десятый»). В нашем случае неожиданность состоит только в том, что выписана не конечная, а начальная часть словоформы.

Естественно предполагать, что найденные нами примеры записи слова *осьмь* в виде идеограммы с добавлением начального *о* — не единственные в древнерусской письменности. В самом деле, уже через короткое время после сообщения на эту тему, сделанного автором в декабре 1988 г. на филологическом факультете Московского университета, в наше распоряжение было любезно предоставлено еще два примера, где предложенное выше решение позволяет понять «темное место» в тексте.

Один пример (указанный А. А. Гиппиусом) содержится в коломенской Палее 1406 г. (л. 202б). Он вошел в СДРЯ, т. I, с. 462, статья *вошникъ*); цитируем по этому изданию (с сохранением содержащейся в нем показательной пометы «так!»): *адинъ сии въз копѣ. на о. [так!] ѿсотъ вошникъ*. Мы можем теперь с уверенностью утверждать, что разделение на слова здесь должно быть иным: *на о·ѿ сотъ* (=на *осьмь сотъ*; слово *сотъ* здесь еще вполне самостоятельно); значение отрывка: «а этот один поднял копье на восемь сотен воинов».

Другой пример такого же рода (указанный Г. С. Баранковой) содержится в Изборнике 1073 г. (л. 139г—140а); приводим его с тем разделением на слова, которое мы считаем правильным, и с современной пунктуацией: *въ врѣмѣ же то длготръпѣ нѣмъ бж҃иѣ не покаа шасѣ Хамъ; сего дѣлѣ, отъмститель сы бѣ истинныѣ, по ѿ·ѿ· родовъ (ϕετὰ ἠγενας) отъмсти клѣтѣ, к же и между собо ж кѣ боу съвѣшташа (συνέδετο)* «за это время долготерпения божьего не покаялись [люди племени] Хамова; поэтому бог истинный, будучи отмстителем, по прошествии восемнадцати поколений отомстил за клятву, которую они между собой по отношению к богу сотворили». В данном случае (*по ѿ·ѿ· родовъ* = *по ѿсми на десѣте родовъ*) в качестве фонетического дополнителя выступает *ѿ*; примечательно, что использованию такого дополнителя не помешал тот факт, что «18» записано здесь не как обычно (*ѿѿ*), а по греческому образцу (*ѿѿ*), т. е. *ѿ* не находится в непосредственном соседстве с идеограммой *ѿ*.

§ 34. Обратимся теперь к еще одному вопросу, где возникают трудности, отчасти сходные с рассмотренными выше. Речь идет о варьировании начала у слов с корнем *господ-*. Хорошо известно, что в древнерусской письменности представлены как варианты с начальным *г* (*господь, господинъ, госпожа, господа, господарь, господство, господьскии* и др.), так и варианты без *г* (*осподь, осподитъ, оспожа* и т. д. по всему ряду). В настоящее время можно считать установленным, что варианты без *г* возникли в связи с тем, что общерусской нормой книжного произношения было фрикативное [у]; соответственно, данный корень звучал как [уоспод-] (или [оспод-]) не только на юге, но (в книжном произношении) также и на севере; см. в особенности: Успенский 1987, § 7.6. Фрикативный начальный звук мог утрачиваться, особенно на севере, где он был чужд фонологической системе народной речи. Б. А. Успенский предполагает даже, что на севере само отсутствие начального согласного в рассматриваемом корне «могло приобретать своего рода гиперкорректный характер и определять таким образом особую манеру книжного произношения соответствующих форм в XIV—XV вв.» (там же, с. 104).

Рассмотрим, как представлены слова с корнем *господ-* в берестяных грамотах.

Разделим все написания таких слов на две основные группы: 1) полные написания; 2) написания со стандартными сокращениями. Полные написания делятся на: а) написания с *г* (условно: «тип *господ-*») и б) написание без *г* («тип *оспод-*»). Во вторую группу входят написания с использованием орфограмм *гѿ*, *гѿ*, *гѿн*, *гѿж*, *гѿд*, *гѿд*, *гѿд*, *гѿа* обычно такое написание содержит, кроме сокращенной орфограммы, еще какие-то дополнительные буквы (например, *гѿне*, *гѿдо*).

Примечание. Случайный пропуск титла над стандартным сокращением (например, *гн*, вместо *гн*) не принимается во внимание. С другой стороны, условимся считать, что случайные (или не случайные) пропуски букв после полностью выписанного начального *госп-* или *осп-* (например, *всподна* 310) не мешают отнести написание к числу полных; специально отметим, что в силу этого соглашения как полные рассматриваются также написания *вспѣдне* 243, *оспѣне* 469, 494, *вспѣжи* 358, стоящие несколько особо из-за наличия титла.

Таблица 2

	Полные написания		Написания со стандартными сокращениями	
	тип <i>господ-</i>	тип <i>оспод-</i>	с <i>г̃и</i>	с прочими
XI — нач. XIII в.	84, 152, 247, 502, 531(3×), 682	—	462	—
2 четв. XIII в.— 1 пол. XIV в.	55(2×), 67, 112, 140, 147	—	148, 203, 330, 331, 419(3×)	—
сер.— 2 пол. XIV в.	4, 98, 102, 167, 248(2×), 594	31, 133(?), 182, 284, 358, 372, 446	339, 406, 610	101, 257, 354, 356, 578, 579, 610(4×), 691
рубеж XIV и XV вв. и 1 пол. XV в.	—	17, 22, 23, 135, 242, 243, 301(5×), 302(2×), 304, 305(3×), 307(6×), 310(5×), 359(2×), 362, 413, 465, 466, 469, 494, 519, 540, 693	—	15(2×), 49(2×), 94(5×), 97, 157(4×), 166, 243(2×), 297(2×), 300, 312, 313(4×), 352(8×), 361(6×), 402, 474(2×), 611(3×)

Приводимая ниже таблица показывает степень распространенности каждого из названных типов написаний в берестяных грамотах. Цифры означают номера грамот, знак × заменяет слово «раз». Написания с *оспод-* (с узким *о* перед *с*) в грамотах, где перед *оспод-* береста оборвана (например, № 226), в таблице, естественно, не учитываются. Во второй группе примеры с орфограммой *г̃и*, появляющейся раньше прочих орфограмм этого типа, выделены в отдельный столбец.

Из таблицы непосредственно видно, что среди полных написаний тип *господ-* является древним, тип *оспод-* — более новым, причем смена их произошла за довольно короткий период — во 2-й половине XIV в.

Далее, таблица показывает, что начиная с рубежа XV в. возникает ситуация, в которой, например, словоформа «господин» пишется либо в виде *осподине* (*всподине*), либо в виде *г̃не*. Если предположить, что за написанием *г̃не* стоит произношение *господине* (с *г*), то довольно трудно объяснить, почему человек, произносивший *господине*, с такой безукоризненной последовательностью избегал полной записи этого слова. Гораздо естественнее предположить, что запись *г̃не* уже была условной, т. е. читалась (или хотя бы могла читаться) как *осподине*. К счастью, имеется два примера, которые непосредственно подтверждают это предположение. Писец грамоты № 243 (20-е гг. XV в.) употребил слово «господин» трижды: дважды оно выступает в виде *г̃не*, а один раз — в записи *всп̃д̃не*, ясно показывающей отсутствие начального *г*. Другой пример составляют два письма посадника Онцифора Лукинича к матери — грамоты № 354 и 358 (сер. XIV в.). В одной из них он пишет: *челомъ битиѣ ко г̃жи м̃три*⁴, в другой — *поклонъ всп̃жи м̃три*. Трудно сомневаться в том, что как Онцифор Лукинич, так и писец грамоты № 243 фактически произносили соответствующие слова без *г*. Таким образом, мы вправе истолковывать приведенную таблицу как свидетельство того, что во 2-й половине XIV в. произношение рассматриваемой группы слов без *г* (первоначально книжное, см. выше) становится нормой живой новгородской речи.

Примеры, свидетельствующие о возможности условного чтения орфограмм *г̃н*, *г̃ж*, *г̃д* и т. п., имеются не только в берестяных грамотах. Так, в духовной

⁴ Цитата приведена в соответствии с изданием; о возможности несколько иного словоделения см. ниже, § 36.

грамоте княгини Елены Ольгердовны (ДДГ, № 28, 1433 г.) часто встречающееся (в разных грамматических формах) слово «господин» почти всегда записывается в виде *гнѣ*, *гна*, *гнѣ* (ср. также *гжѣ* «госпоже»). Но в одном случае писец записал это слово полностью, и это выглядит так: *и осподинѣ мои* (с. 73). Кроме того, еще в одном случае писец использовал нестандартную запись *и оспнѣ мои* (там же), из которой тоже хорошо видно, что начального *г* здесь в его произношении не было.

Аналогичную картину находим в судном списке 1464—78 гг. (АСЭИ, т. I, № 340): здесь несколько десятков раз встречается написание *ѣне*, но один раз писец по невнимательности или по какой-то иной причине отклонился от шаблона и выписал эту словоформу полностью, а именно: *всподине* (с. 246). Заметим, что в этом же документе один раз встретилось слово «господарь»; оно выписано полностью и имеет вид *всподарѣ* (с. 248).

Весьма интересны списки конца XV в., составленные с двух черновых вариантов духовной грамоты князя верейского и белозерского Михаила Андреевича (ок. 1486 г.) — ДДГ, № 80а и 80б (издатели не указывают, совпадают ли в этих двух документах почерки переписчиков, поэтому из предосторожности рассмотрим их раздельно). В обоих списках чрезвычайно часто встречается слово «господин» и по два раза представлено слово «господарь». Для слова «господин» в обоих списках нормой является запись под титлом (с *гнѣ* или с *ѣни*). В № 80а от этой нормы вообще нет отклонений; но в № 80б трижды встретилось полное написание: *всподиѣ*, *всподина*, *на своеѣ* *всподине*. Для слова «господарь» в № 80б представлены написания *всподрю* и *вспрю*, № 80а — один раз *всподрю*, но другой раз *гбрѣ*⁵.

Указанные документы максимально показательны, поскольку в них непосредственно соседствуют титловые написания *гнѣ*, *ѣне* и полные написания *осподинѣ*, *всподине*, равно как *гбрѣ* и *всподрю*. Но достаточно показательны и такие документы, где аналогичные соотношения наблюдаются не строго для одного и того же слова, а для разных слов с корнем *господ-* (*оспод-*).

Так, в челобитной новгородца Гаврилы Горячанинова бургомистрам колыванским (РИБ, т. 15, СПб., 1894, стлб. 53—54, № 32 [1-я треть XVI в.]; проверено по фотокопии) слова «господин» и «господа» представлены так: 1) *ѣдне* (5 раз), *ѣднѣ*; 2) *всподаѣ*, *всподыѣ* (2 раза), *всподѣ*, *всподыѣ*.

В Радзивилловской летописи под 1164 г. находим (л. 204 об.): ... *поча в Соуждали оучити не ѣсти мѣ въ вѣсподскии праздники, в среѣ и в пѣ, ни на рожество гне ни на крѣние* (ср., с одной стороны, *гне* «господне», с другой — *въ вѣсподскии*; заметим, что в соответствующем месте Лаврентьевской летописи [л. 118] стоит *ѣне* и *въ ѣдѣськыѣ*, т. е. оба примера графически оформлены однотипно).

В договоре пронского князя Ивана Владимировича с великим князем Витовтом (ДДГ, № 26, ок. 1430 г.) написано: *ѣну вѣсподрю моеѣ*; ср. аналогичное положение в документах ДДГ, № 80а и 80б, рассмотренных выше. Написания *всподарѣ* и *ѣне*, *ѣнѣ* соседствуют друг с другом и в ряде других документов (в частности, АСЭИ, т. II, № 167, 333, 414).

Естественно предполагать, что, например, писец Радзивилловской летописи произносил слова «господский» и «господний» с одинаковым началом. Точно так же в произношении одного и того же лица едва ли могли различаться начала слов «господин» и «господарь». Эти документы подкрепляют вывод, уже сделанный нами выше на основании документов, где непосредственно соседствуют написания типа *гнѣ* и типа *всподинѣ*: для определенной части писцов *г* в орфограммах типа *гнѣ*, *гдѣ* было условностью, т. е. оно писалось, но не читалось.

⁵ Издатели интерпретируют это *гдрѣ* (с. 301) как *государѣ*, но это несомненно ошибка, что видно хотя бы из прямого сравнения документов № 80а и 80б; см. об этом ниже § 35, примеч.

Таким образом, орфограммы с элементом \bar{e} ($\bar{z}\bar{u}$, $\bar{z}\bar{n}$, $\bar{z}\bar{d}$, также $\bar{z}\bar{n}$ и т. п.) со временем могли утрачивать характер собственно сокращений и превращаться в нечто близкое к идеограммам: с точки зрения читавшего, орфограмма этого типа (а нередко уже одна лишь ее составная часть \bar{e}) воплощала корень со значением «господь», «господин», а фонетическая реализация соответствующей словоформы (скажем, *осподь* или *господь*) зависела уже от языкового узуса (соответственно от языкового обучения) читавшего.

§ 35. Разбирая вопрос о соотношении вариантов *господ-* и *оспод-*, нельзя не обратить внимание также на следующий неожиданный факт: помимо слов с начальным *господ-* и слов с начальным *оспод-*, словари фиксируют еще и целый ряд слов с начальным *огоспод-*. Поскольку такое начало с лингвистической точки зрения совершенно загадочно, необходимо рассмотреть этот вопрос подробнее.

Прежде всего, разумеется, нужно исключить из рассмотрения глаголы типа *огосподитисѧ*, где *о* — просто приставка. Далее, нельзя считать показательными (по крайней мере, без особого дополнительного анализа) также те случаи, где речь идет о звательной форме (*огосподи*, *огосподише* и т. п.), поскольку здесь в принципе можно предполагать другое членение (*о господи*, *о господише*). Однако и после исключения указанных особых случаев целый ряд примеров с *огоспод-*, цитируемых словарями, остается.

Так, в словаре И. И. Срезневского находим (цитаты приводятся по словарю, не по первоисточникам; источники обозначаются так же, как в словаре):

огосподинъ — *Како тя восприаѧта огосподина моя* (Ипат., под 6749 г. [1241]);

огосподь — *По истинѣ събыѣся на тебѣ блжѣнство Огѧ Гса* (Сборник 1414 г., 70);

огосподнии — *Събыѣся слово Огѧне* (Сборник 1414 г., 55); *По словесѣ Огѧно* (там же, 56);

огосподьскыи — *Во ѡгѣскихъ праздницѣхъ** (Паисиев сборник, 23);

огоспожинъ — по отсылке находим, что на месте *Госпожинъ* (в сочетании *на Госпожинъ день*), читаемого в Комиссионном списке I Новг. лет. под 6736 г. [1228], в разночтениях (из Академического и Толстовского списков) стоит *Огоспожинъ*.

В Слов. XI—XVII находим сверх этого списка еще один пример (цитату сокращаем):

огосподство — *Была Москва градъ великъ ..., в немже мно(же)ство огосподьства* [по др. сп.: *господьства*] ... (Новг. IV лет., 336; 1382 г.).

В остальном примеры из этого словаря совпадают с приведенными у И. И. Срезневского (если не считать деталей оформления, например, снятия заглавных букв), за одним важным исключением: цитата из Ипатьевской летописи выглядит иначе — *Како тя [Даниила] восприаѧта огѧна моя* (с титуловой, а не полной записью).

Проверка по изданию показывает: в соответствующем месте Ипатьевской летописи (л. 266 об.; в издании стлб. 791) стоит *ѡгѧна* (И.дв. «два господина»). Ясно, таким образом, что в словаре И. И. Срезневского раскрыто титуло (при том, что в соседних статьях тигла сохранены); в Слов. XI—XVII тоже произведена некоторая трансформация подлинного написания.

Этот урок заставляет нас продолжить проверку. По данным издателей IV Новг. летописи, в записи за 1382 г. словоформа *огосподьства* представлена только в двух списках — Синодальном и Строевском; во всех остальных списках стоит *господьства*. Благодаря любезной помощи Л. М. Костюхиной и В. М. Загребина удалось установить следующее. В Синодальном списке IV Новг. лет. (ГИМ, Синод. 152) в соответствующем месте (л. 332, правый стлб., строки 7—8) написано не *огосподьства*, а *ѡгѧ|ства*; в Строевском списке (ГПБ, Погодинск. № 2035, л. 229 об.) — тоже *ѡгѧства*.

Э. А. Гордиенко проверила по моей просьбе написание *огоспожинъ* в записи за 1228 г. в Академическом списке I Новг. летописи (БАН, № 17.8.36, л. 130 об.); как оказалось, и здесь стоит не полное, а титуловое написание: *огѧжинъ*.

(Проверять, сверх этого, также и Толстовский список бессмысленно, поскольку он представляет собой просто позднюю копию с Академического).

Таким образом, ни одно из цитируемых в словарях полных написаний с *огоспод-* (*огоспож-*) не соответствует действительности. Во всех этих случаях фактически отражены не оригиналы, а их интерпретации, принадлежащие издателям текстов. Особенно огорчительно то, что читатель указанных словарей об этом должным образом не предупрежден; напротив, видя рядом нераскрытые титульные написания, он, естественно, предполагает, что там, где титла нет, его не было и в подлиннике.

Можно привести также ряд примеров рассматриваемого типа сверх тех, которые попали в указанные выше словари.

В Археографическом списке «краткой Русской Правды» (ст. 17) стоит: *а ѡгѣнь* (ъ, по-видимому, вместо ъ) *начнетъ не дати к го* «а господин не захочет выдать его» (см. ПР, т. I, с. 80, сноска а; НПЛ, с. 177, сноска б).

В уже упомянутом Строевском списке IV Новг. летописи имеются следующие примеры: *поидоша снѣе на ѡщѣ а ѡщѣ на дѣтѣ браѣ на брата рабы на гдъ ѡ а ѡгда на рабы* (л. 116, запись под 1216 г.); *ѡ ѡгѣина днѣ до великого говенѣа* (л. 134 об., запись под 1233 г.). Цитаты проверены Т. В. Рождественской по рукописи (заметим, что в словоформах с *гд-*, *гд-*, *ѡж-* под титлсм, имеющем здесь вид дуги, стоит еще точка, которую, возможно, следует интерпретировать как способ передачи *с*; но для нашего разбора это в данном случае не имеет принципиального значения). Издатели IV Новг. летописи в указанных местах опять-таки передают *ѡгда* как *огоспода*, *ѡгѣина* — как *огоспожина*.

А. М. Молдован любезно указал мне, что в сборнике 1414 г. (так наз. Мусин-Пушкинском), откуда почерпнул ряд примеров с *огѣси*- И. И. Срезневский, имеются и другие аналогичные примеры, в частности: *тобою познахомъ ѡгѣа и льсти идольскимъ избыхомъ* (л. 36); *слышалъ бо бѣ гла ѡгѣнь* (л. 37 об.); *и ѡвитсм слава ѡгѣна* (л. 32 об.); *ѡ встокъ и западъ хвалию имѡ ѡгѣне* (л. 32 об.).

Во многих источниках встречается написание *ѡгѣдрь* вместо ожидаемого *гѣдрь*.

Примечание. Издатели, как правило, интерпретируют написание *гѣдрь* как *государь*, если оно представлено в великорусских документах, и как *господарь*, если оно представлено в западнорусских, староукраинских или молдавских документах. В действительности, как уже показано в работах Золтан 1983, 1987, интерпретация *государь* для любых документов более раннего времени, чем конец XVI в., является неверной (анахронической), поскольку в эту эпоху еще повсеместно сохранялось исконное *-спо-* (во всяком случае, в официальной речи). Однако для интересующей нас проблемы загадочного *ѡ* в *ѡгѣдрь* разница между древним *-спо-* и позднейшим *-су-* не имеет значения.

Примеры из АСЭИ: *тобѣ ѡгѣдрю нашемъ* (т. I, № 378 [1467—85 гг.], с. 276; здесь же трижды *ѡгѣдрь* в звательной функции); *по ѡгѣдрѡ своеѣ грамотѣ* (т. I, № 609 [1496—98 гг.], с. 518); *доло^х* («доложа») *ѡгѣдрѡ кнѣзѡ Михаила Андрееви^ч* (т. II, № 189, 190 [1470—86 гг.], с. 120, 121); *по ѡгѣдрѡ своего грамотѣ, о^н ѡгѣдрѡ своего* (т. III, № 89 [1488/89 г.], с. 121).

Прочие примеры: *што^х ѡгѣдрь корѡ^х... пожалова^т менѡ, из дозволенье^х ѡгѣдрѡ короля* (луцкая грамота 1467 г., Соболевский и Пташицкий, № 13); *по огѣдрѡ своего слову* (Акты 1505—1526, № 77 [список 1530-х годов с грамоты 1510—16 гг.], с. 80); *бо^{ею} мл^тью и црѡ ѡгѣдрѡ и великого кнѣзѡ Васи^ла Иванѡвича всеѡ Р^уси^ч* (и *црѡ* — по-видимому, ошибочно вместо *црѡ и*; РИБ, т. 15, СПб., 1894, стлб. 27, № 16 [1525 г.]; проверено по фотокопии).

Итак, ни среди примеров, цитируемых словарями, ни среди дополнительных примеров, приведенных выше, полных написаний с начальным *огоспод-* (*огоспож-*, *огосуд-*) в действительности в древнерусских памятниках нет. Реально мы всегда находим в соответствующих местах оригиналов сокращенную запись — с орфограммой типа *гн̄*, *гд̄*, *гж̄* (или *гн̄* и т. п.), перед которой стоит *о* или *ѡ*.

Учитывая полученный выше вывод об идеографическом (или полуидеографическом) статусе орфограмм типа *гн̄*, а также факт использования начального *о* перед цифровой

(т. е. идеографической) записью слова *осьмь* (*восмь*), мы уже без труда можем предложить разгадку для лингвистически необъяснимых слов типа *огосподишь*, содержащихся в словарях: никакого начального *огоспод-* в произношении приводимых в этой связи примеров в действительности не было. Соответствующие статьи словарей — чистая лексикографическая фикция, возникшая в результате несобоснованной уверенности историков языка в том, что такую «простую» операцию, как раскрытие титла, они всегда могут проделать безошибочно. В действительности *wĕc̣sna* произносилось как *осподина*, *oĕc̣ne* (*слово*) — как *осподие*, *wĕc̣скихъ* — как *осподьскихъ* и т. д. Аналогичным образом *wĕdrь* произносилось *осподарь* или (в более позднее время) *осударь*. Техника присоединения начального *o* (или *w*) здесь такая же, как в *o·ŭ· = осьмь*.

Вернемся теперь к вопросу о звательной форме, который мы оставили временно в стороне из-за возможности членения типа *o господише*. В действительности такое членение, по-видимому, было реально возможным лишь в некоторых сугубо книжных контекстах. Так, например, в Синодальном списке IV Новг. летописи (ГИМ, Синод. 152) в записи за 1476 г. есть известное (но отнюдь не до конца ясное) место (л. 413 об., правый стлб., строки 4—8; выверено по оригиналу Л. М. Костюхиной; по типографским причинам из числа надстрочных знаков спиритус, *iso* и оксию [здесь она неисктусная, т. е. не передает ударения] мы опускаем; кендема передана буквой *u*): *той* зимы нѣкотрыи филосо^oовѣ начаша нѣтїи wĕи помилюи а d'rouzѣи wс'поди помилюи* (*у* после *л* подтерто и исправлено, по-видимому, на *ou*). Между прочим, достаточно сравнить даже эту упрощенную выписку с цитированием этого же места (по этому же источнику) в словаре И. И. Срезневского и Слов. XI—XVII (статья *огосподь*), чтобы убедиться в том, сколь сильные отличия от оригинала встречаются в так наз. словарных цитатах. Отвлекаясь от прочих деталей, отметим только передачу записей *wĕи* и *wс'поди*. В словаре И. И. Срезневского: *Огосподи, Осподи*. В Слов. XI—XVII: *огосподи, осподи*. Ср., с другой стороны, в книге Успенский 1987, с. 104 (в этой же цитате): *О Господи, Осподи*. С учетом предшествующего разбора можно сказать лишь то, что в отношении записи *wĕи* ни одно из предложенных прочтений нельзя признать цитированием подлинника; в действительности это не что иное, как конкурирующие гипотетические интерпретации подлинной записи. Гипотеза Б. А. Успенского о том, что в записи *wĕи* в данном случае содержится междометие *o*, представляется правдоподобной (но и в этом случае совершенно неочевидно, что за написанием *ĕи* стоит именно *господи*, а не *осподи*, т. е. не исключено, что описываемое летописью расхождение состоит только в наличии или отсутствии междометия). Другая возможная гипотеза состоит в том, что данное место Синодального списка вообще искажено (по сравнению с не дошедшим до нас оригиналом), в результате чего оно просто содержит тавтологию, поскольку записи *wĕи* и *wс'поди* фактически читались одинаково (*осподи*). Во всяком случае, следует учесть, что ни в одном из прочих списков IV Новг. летописи в этом месте нет речи о двух группах философов, а везде сказано просто: *той же зимы начаша нѣтїи Господи помилюи* (цитируем по ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, Л., 1925, с. 449; заметим, что *Господи* здесь явно принадлежит издателю, в оригинале было *гїи*, которое, как мы уже знаем, могло произноситься не только как *господи*, но и как *осподи*). Свидетельства этих прочих списков, возможно, говорят о том, что для переписчиков XV—XVI вв. запись типа той, которая представлена в Синодальном списке, казалась непонятной из-за своей тавтологичности. Так или иначе, данное место составляет сложную текстологическую проблему; эта проблема представляет несомненный интерес для историков церковного произношения и литургического узуса, но к основному изучаемому нами вопросу имеет лишь косвенное отношение.

За рамками церковных (или стилистически близких к ним) текстов употребление междометия *o* при обращении представляется маловероятным. Соответственно, в деловых документах написания типа *oĕdo* или *oĕne* предпочтительно интерпретировать без обращения к гипотезе о междометии *o* — особенно в случаях,

когда в тех же или аналогичных текстах «лишнее» *o* выступает перед *гѣ*, *гѣ* и в других грамматических формах, помимо звательной.

Весьма интересен список (нач. XV в.) с пяти грамот (того же времени), содержащих жалобы новгородцев с Боздвиженской улицы на действия немцев из Нарвы и Кольвани (Хорошкевич, III; сверено по сделанной заново фотографии с оригинала). Все пять грамот переписаны одной и той же рукой. В грамоте № 2 мы здесь находим: *a насть в томъ оспода* (скорее И. ед., чем Зв. ед.) *порубили* (заметим, что титло здесь, как это нередко бывает, не дает никакого сокращения записи; оно просто автоматически выставлено над словом, входящим в число тех, для которых наиболее привычной была титловая запись). В грамоте № 3 шесть раз встретилась звательная форма *огѣдо* (в том числе один раз конечное *o* переправлено из *a*) и один раз *огѣа* (по-видимому, тоже звательная форма, а не И. ед.). Нет оснований сомневаться в том, что как в № 2, так и в № 3 отразилась одна и та же основа *оспод-* (словоформы *оспода*, *осподо*).

Сходные примеры в принципе возможны и в летописях. Так, в Погодинском списке 1-й Псковской летописи (ГПБ, собрание Погодина, № 1404) под 1510 г. находим: *и пѣша молебѣ и многолѣтство кликаша гѣдрю; и блѣгословлямъ влѣка его: бѣгъ деи, ѡгѣдрь, блѣгословляетъ Пскоѣ вземши* (л. 660 об.). В других списках *ѡ* перед *гѣдрь* в этом месте нет; очевидно, в Погодинском списке представлена такая же запись словоформы *осподарь*, как в примерах из АСЭИ (и других источников), приведенных выше. (В публикации [Пск. лет., 1, с. 95] это место воспроизведено как *o* *государь*, т. е. с двумя ошибками сразу).

§ 36. Проведенный анализ имеет очевидный практический смысл для чтения и понимания древнерусских текстов. Самыми непосредственными его плодами являются следующие поправки и уточнения к интерпретации ряда берестяных грамот.

Грамота № 579 (XIV₂). В издании эта грамота (без нескольких последних слов) выглядит так: *Поклоно ѿ Бориса к Зѣновѣ и Федору. Вы, моѡ о г(оспода, дайте коница до Видомирѡ ...* Сочетание *моѡ о гѣ* понимается как звательная форма с междометием *o*, занимающим чрезвычайно странную позицию между определением и существительным (ср. нормальный порядок в примерах типа *o* *мои друзья*). Трудность еще и в том, что для звательной формы даже и в эту эпоху нормальным все же было окончание *-o*, а не *-a*; ср. *гѣдо* в грамоте № 49 (того же времени). Теперь мы можем решительно утверждать, что междометия *o* в грамоте № 579 нет. Перед нами условная орфограмма *огѣа*, которой в произношении соответствует *оспода*; в этой орфограмме *o* — начальный фонетический дополнитель, *г* — идеограмма, воплощающая корень *оспод-* (*господ-*), *a* — конечный фонетический дополнитель, в данном случае равный просто окончанию. Это не звательная форма, а обычный именительный падеж. Общий смысл фразы: «Вы [ведь] мои господа, [так поэтому] дайте лошадку доехать до Видомира...»

Грамота № 406 (вероятно, XIV₂). Во 2-й строке вместо *o* *гѣне* *Офоносе* «о господин Офонос» следует читать *огѣне* *Офоносе*, где первое слово произносилось как *осподине*. Предположение о междометии *o* и здесь оказывается излишним. Поскольку во всем массиве берестяных грамот нет ни одного бесспорного случая употребления междометия *o*, есть все основания полагать, что этого слова (как элемента обращения) в народном языке просто не было. Оно входило лишь в книжную лексику; ср. отчетливый книжный оттенок, который оно сохраняет в русском языке и по сей день.

Грамота № 166 (XIV/XV). В нижней строке этого фрагмента читается *аже ѡгѣн...* В свете всего сказанного ясно, что здесь следует предполагать *ѡгѣн(e)*, т. е. в произношении *осподине*, а не *ѡгѣн(e)*, все с тем же междометием. Тем самым устраняется последний пример (из берестяных грамот), где ранее усматривалось вокативное междометие *o*.

Грамота № 354 (см. выше). Поскольку мы уже знаем, что автор грамоты Онцифор Лукинич произносил *оспожа*, правильнее интерпретировать начало грамоты как *челомъ битиѡ к огѣжи* (= к *оспожи*) *мѣри*, а не *ко гѣжи*.

Грамота № 339 (кон. XIV): *Пклонъ ѿ Рѣдиваца ко гѣдиноу посаджоу*... Написание *гѣдиноу* представляется на первый взгляд орфографическим монстром. Но в действительности мы, по-видимому, имеем здесь дело с сочетанием *к оѣдиноу* (= *к осподину*), где орфограмма *оѣдиноу* построена по тем же принципам, что *оѣа* 579 и *оѣине* 406: *о* — начальный фонетический дополнитель, *ѣ* — идеограмма, корня, *диноу* — конечный фонетический дополнитель (в данном случае более пространный, чем обычно). Предположение о том, что здесь произносилось *ко господишу* (или *к господину*) менее вероятно: во-первых, в конце XIV в. отмечено всего две грамоты с полным написанием *господин-* (№ 167 и 248), т. е. уже начинается эпоха полной победы варианта *осподин-*; во-вторых, в сочетании с предлогом «к» слова «господин» и «господарь» (в полном написании) засвидетельствованы в берестяных грамотах XIV—XV вв. только в следующем виде: *к осподишу* 17, 23, *к осподар(ю)* 465.

Чтение *к осподину* (а не *ко господину*) более вероятно также для записи *коѣну* в грамоте № 610 (60-е — 80-е годы XIV в.); заметим, что в этой грамоте нет смешения букв *ѣ* и *о* (т. е. произношение *к господину* исключается).

Итак, проведенный анализ позволил нам выявить неизвестный ранее орфографический прием, использовавшийся древнерусскими писцами — выписывание «фонетического дополнителя» *о* (или *ѣ*) перед идеограммами, передававшими корни *осм-* и *оспод-*.

По-видимому, одним из стимулов для использования данного приема именно для слов с *осм-* и *оспод-* служило существование двух вариантов у каждого из этих корней (*осм-* и *восм-*; *оспод-* и *господ-*). Фонетический дополнитель оказывался здесь, таким образом, информативным: он помогал выбрать нужный вариант при чтении идеограммы. Едва ли можно предполагать, однако, что само возникновение данного приема было определено вариативностью начала у названных корней: самый ранний пример записи *ѣ·ѣи* относится к 1073 г., когда вариант *восм-* скорее всего еще не существовал.

Из исторической фонетики

Падение редуцированных по данным берестяных грамот

§ 37. Поскольку берестяные грамоты представляют собой самый близкий к живой древнерусской речи источник из всех ныне имеющихся, их показания относительно времени и характера протекания главного фонетического процесса древнерусской эпохи — падения редуцированных — имеют первостепенную ценность. Краткий обзор этих показаний (охватывающий берестяные грамоты до № 614) был дан нами в работе Лингв. (§ 37—38). Ниже дается более детальный анализ этой важной проблемы; весьма существенным для этой цели является также материал настоящего тома, поскольку публикуемые в нем грамоты почти в полтора раза расширяют накопленный ранее фонд грамот раннедревнерусского периода (XI — нач. XIII в.).

Как показало предварительное обследование материала, для анализа процесса падения редуцированных в сущности достаточно разделить все берестяные грамоты на три основные хронологические группы: а) XI в. и 1-я четверть XII в.; б) 2-я четверть XII в. — начало XIII в. (примерно до 1220 г.); в) все более поздние грамоты (XIII—XV вв.). Лишь для среднего из этих периодов (на который собственно и приходится процесс падения редуцированных) целесообразно использовать также более мелкое дробление: 2-я четверть XII в.; 50-е — 80-е годы XII в.; 90-е годы XII в. — 10-е годы XIII в. Кроме того, при разборе некоторых вопросов оказывается полезным выделять начальный отрезок третьего периода

(примерно до 1300 г.). Еще раз подчеркнем, что приведенные здесь хронологические вехи носят ориентировочный характер, т. е. не должны восприниматься слишком буквально. Распределение берестяных грамот по названным хронологическим группам и подгруппам представляет собой гораздо менее сложную задачу, чем максимально точное датирование каждой отдельной грамоты. Вероятность ошибок при такой постановке задачи резко снижается; размытость датировки ряда грамот оказывается несущественной. Таким образом, хотя проблема хронологически пограничных случаев и возможных погрешностей в датировке отдельных грамот и в данном случае до известной степени сохраняется, она уже не может обесценить основных выводов нашего исследования.

Ранних (XI в.— 10-е годы XIII в.) берестяных грамот, полезных для настоящего исследования, т. е. несущих некоторую, хотя бы небольшую, информацию о судьбе слабых редуцированных, оказалось около 170. Для сравнения полезно указать, что из точно датированных книг, написанных в Новгороде, к этому периоду относятся только: служебные минеи 1095—1097 гг. (Каталог, № 7—9), нотированный стихирарь 1156—1163 гг. (Каталог, № 54) и нотированный стихирарь 1157 г. (Каталог, № 100; дата не полностью надежна)⁶. Следующая по времени датированная книга относится уже к 1260 г. (Каталог, № 176). Все прочие новгородские книги интересующего нас периода датируются лишь приблизительно — по большей части с точностью до ста лет. Из этой справки ясно, сколь наивно было бы рассматривать данные берестяных грамот по падению редуцированных (в частности, по хронологии этого процесса) лишь как какое-то дополнение к тому, что уже известно по этому вопросу из памятников книжной письменности.

Поскольку берестяные грамоты, как правило, очень кратки, анализ состояния редуцированных в отдельной грамоте в большинстве случаев недостаточно показателен⁷. В нашем разборе мы объединяем материал грамот, относящихся к одной и той же хронологической группе или подгруппе (существенные для изучаемой проблемы индивидуальные особенности отдельных грамот отмечаются особо).

§ 38. Анализ процесса падения редуцированных требует прежде всего тщательного учета графико-орфографических особенностей берестяных грамот; без такого учета мы рискуем оказаться в плену фиктивных данных, не имеющих лингвистического значения. Наиболее существенная для нашего разбора графическая особенность — смешение *ъ* с *о* и/или *ь* с *е*, характерное для так наз. бытовых систем письма (подробно см. Лингв., § 5—16). Эта особенность заставляет нас, в частности, отказаться от попыток проследить на основании берестяных грамот, написанных по бытовой системе, за процессом так наз. прояснения сильных редуцированных (тогда как процесс падения слабых редуцированных на их основании изучать можно).

В ходе анализа была обнаружена необходимость рассматривать порознь берестяные грамоты, смешивающие *ъ* с *о* и/или *ь* с *е* и не имеющие такого смешения, поскольку их показания в отношении редуцированных во многих случаях оказались существенно различными (ниже для краткости грамоты первого типа могут быть также обозначены как «написанные по-бытовому», второго — как «написанные по-книжному»).

Наличие или отсутствие графического смешения рассматривается в каждой грамоте отдельно для пары *ъ—о* и для пары *ь—е*. В некоторых грамотах (сравнительно немногочисленных) в одной паре смешение есть, а в другой нет. Такая грамота при разборе примеров с **ъ* попадает в один класс, примеров с **ь* — в другой. Грамоты этой категории выделяются пометой *ъ/о* (если смешение есть только в этой паре) или *ь/е* (в противоположном случае).

⁶ Заметим, что для анализа редуцированных нотированные, т. е. предназначенные для пения, тексты малопоказательны, поскольку они заведомо ориентированы на особый тип произношения.

⁷ Подсчеты, отражающие состояние редуцированных в наиболее крупных берестяных грамотах, взятых в отдельности, можно найти в Лингв., с. 123, табл. 4.

Примечание. Иногда отнесение грамоты к классу со смещением или без смещения букв оказывается ненадежным: например, грамота может быть слишком мала или содержать лишь один-два случая смещения, которые в принципе могут быть либо единичными отклонениями от книжной системы, либо нормальными проявлениями бытовой системы. Для полноты информации перечислим такие грамоты (для XI—XIII вв.): а) отнесены нами к классу без смещения — № 84, 226 (для пары *ь—е*), 235, 332 (внутр. и внеш.), 441, 454 (для *ъ—о*), 455, 456, 544, 545 (для *ь—е*), 561, 595, 620, 633 (для *ъ—о*), 648, 655, 657 (для *ъ—о*), 659, 668, 673 (для *ъ—о*), Ст. Р. 10 (для *ъ—о*); б) отнесены к классу со смещением — № 112, 139, 143, 220, 294, 334, 423, 627. В случае, если понадобилось бы провести разграничение грамот со смещением и без смещения букв более надежно, нужно было бы просто отбросить материал перечисленных здесь грамот.

Встречаются также особые приемы записи, существование которых необходимо учитывать при анализе процесса падения редуцированных. Так наз. с к а н д и р у ю щ и й принцип записи (см. Лингв., § 10) состоит в том, что за любой согласной буквой на письме должна следовать гласная буква (в число таковых входят и *ъ*, *ь*). Если на фонетическом уровне гласной нет (т. е. если перед нами конечная или предконсонантная согласная), то пишется *ъ* или *ь* (в бытовой графической системе соответственно *о* или *е*) — в зависимости от твердости или мягкости согласной.

Возможны также неидеальные случаи, когда запись лишь приближается к скандирующей (т. е. изредка все же допускаются сочетания согласных букв. В подобных случаях обычно наблюдается тенденция к записи, которую можно назвать с и л л а б о - с к а н д и р у ю щ е й: она характеризуется тем, что *ъ*, *ь* (или *о*, *е*) пишутся не после всякой предконсонантной согласной, а лишь после такой, которая заканчивает слог (при этом, однако, лишь в очень редких случаях эта тенденция реализуется вполне последовательно).

Скандирующая (и силлабо-скандирующая) запись встречается в основном в рамках бытовых графических систем.

Так наз. мягкостная (или полускандирующая) запись отличается от скандирующей тем, что внутри словоформы описанный выше принцип записи проводится только для мягких согласных, но не для твердых.

Понятно, что грамоты со скандирующей записью не несут никакой информации о сохранении или падении редуцированных. Ниже материал таких грамот из общих списков и сводок исключается, поскольку он лишь затемнил бы интересующую нас статистическую картину. Из грамот с мягкостной записью исключается весь материал по **ь*, тогда как материал по **ъ* входит в общий разбор. Грамоты, где запись лишь приближается к одной из этих систем (в частности, грамоты с силлабо-скандирующей записью), обсуждаются индивидуально.

Исходный материал

§ 39. Ниже приводится материал по слабым редуцированным, содержащийся в ранних берестяных грамотах (XI в.— 10-е годы XIII в.), а также в грамотах 20-х — 90-х годов XIII в. Приводить материал более позднего времени (XIV—XV вв.) с точки зрения интересующей нас проблемы уже нет необходимости.

Мы исходим из того, что сила или слабость редуцированного зависит только от его фонемного окружения и, в частности, никак не зависит от акцентуации (подробнее см. Зализняк 1985, § 2.2 и 3.2).

Из нашего разбора исключены, однако, слабые *ъ* и *ь*, стоящие в позициях *Тр—Т*, *Тл—Т*, *Тм—Т*, *Тн—Т*, *Тв—Т* (где *Т*—любая согласная), например, *крьни*, *сльзы*, *огньо*, *двьри*, а также в позициях перед *ј* и (для *ь*) после *ј*, поскольку во всех этих случаях развитие носило специфический характер, в большей или меньшей степени отклоняющийся от основного пути эволюции слабых редуцированных.

С другой стороны, вставные редуцированные, выступающие в составе имен, заимствованных из греческого или других языков (типа *ь* в *Гюрьгши*, *ъ* в

Варьвара, Онътонъ), как показала проверка, ведут себя в берестяных грамотах практически неотличимо от исконных. Соответственно, они включены ниже в общий разбор (в отличие от того, как было сделано в Лингв., § 37).

Материал по конечным редуцированным в списки не включен, поскольку их падение непосредственного отражения на письме не получает; см. о них § 53.

Вопрос о редуцированных, выступающих в составе сочетаний типа *ТърТ*, разбирается отдельно, см. § 55.

Грамоты, содержащие не собственно русский, а церковнославянский текст (№ 128, 419, 652, 674) в разбор не включены, поскольку отражение прежних редуцированных здесь подчинено особым книжным правилам, не связанным непосредственно с живой речью.

В разбор входят берестяные грамоты древней Новгородской земли, т. е. из Новгорода, Старой Руссы (Ст. Р.) и Пскова (Пск.). Кроме того, мы сочли возможным включить в разбор древнейшие берестяные грамоты из Смоленска (Смол.)— № 12 и 14 (XII), поскольку их показания не расходятся в интересующем нас вопросе с показаниями новгородских грамот того же времени. По той же причине не исключена из общих списков новгородская берестяная грамота № 246 (XI), которая, по-видимому, имеет смоленско-полоцкое происхождение (см. Лингв., § 75, с. 171). Следует напомнить только, что датировка берестяных грамот из Старой Руссы, Пскова и Смоленска несколько менее определена, чем у новгородских; в хронологических выкладках это обстоятельство необходимо принимать во внимание.

В списках материала не вполне надежно выделяемые (или интерпретируемые) в грамотах словоформы отмечаются знаком вопроса. Спорные случаи частично обсуждаются в комментариях; наиболее темные места (например, *сътоумаи* 635, *поцостое* Ст. Р. 17, *нь дыщиси* 68) не используются вообще. Не учитываются сокращенные написания (типа *грвна*), поскольку в вопросе о падении редуцированных они никакой информации не дают.

При разборе материала, разумеется, учтены поправки к чтениям берестяных грамот и их датировкам, которые даны выше в настоящем томе.

Под несколько упрощенным ярлыком «сохранение ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩⁸ на письме» приводятся примеры, где в соответствии с этимологическим слабым *ъ или *ь мы находим на письме букву ъ (соответственно ь) или заменяющие их о, е. «Утрата ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩ на письме» означает, что такой буквы в записи уже нет.

В списках I (и I*) означает положение в срединном слоге словоформы, II (и II*) — в начальном. Звездочкой отмечены особые позиции, препятствующие падению редуцированных (или замедляющие его), а именно: I* — 1) случай, когда согласные, стоящие по разные стороны от редуцированного, различаются по звонкости—глухости (*Несъда, Жадъке* и т. п.); 2) перед редуцированным стоит сочетание согласных или щ (*Мъстъке*); 3) редуцированный входит в суффикс -ьск- (сюда же примыкают слова *почьста* и *потъснутиса*); II* — а) начальная согласная есть в (*въдати, въхъмъ*); б) то же, что в I* 1 (*Съдила, дъска*), или начальная согласная есть р, л (*ръжи, Лъбынъ*), или это слова *Дъмитръ, дъни, тъщина, мъзда*. В рамках одной позиции вначале даются примеры с *ъ, затем с *ь. Для большей обзорности отделены от прочих примеры, где перед редуцированным стоит шипящая и где перед ним стоит в. В позиции II (II*), если словоформа стоит в грамоте после проклитики, она приводится вместе с проклитикой.

⁸ В угловые скобки здесь и в прочих случаях заключается нормализованная запись (словоформы, части словоформы, отдельной буквы), см. Лингв., § 6. Так, ⟨ъ⟩ здесь практически значит: ъ или (в грамотах, написанных по-бытовому) о. Угловые скобки позволяют нам, таким образом, отвлечься от несущественного для нашей проблемы графического варьирования.

Грамоты (почти) без смешения *ъ*, *ь* с *о*, *е*

Сохранение *ѣ*, *ѥ* на письме. I: *Азьгоутѣ* 526, *вѣкъшуо* 120, *Животтѣкъѣ* 526, *замѣке* 247, *Носѣка* Свинц., *Нѣжатѣкины* Ст. Р. 13, *посѣлалѣ* 605, *посѣли* 109, 246, *присѣлеци* (-ши) 246 (2*), *присѣте* (вместо *присѣлите*) 424; *новѣгородске* 562, *новѣгорожанина* 246, *продавѣше* 424; *братѣче* 605, *вельми* 245, *възѣ[ми]* 247, *възѣми*⁶ Свинц., [Гю]р[ѣг]ѣ 424, *Дробьна* 181, *задыница* 562, *клеветьника* 247 (2*), *людѣми* 526, *о[тѣ]чеви* 424, *под[ѣ]лина* Ст. Р. 8, *посадѣнникоу* 605, *Стѣпаньникоу* 241, *(чѣ)р[ѣ]мьно* 245; *Вышькови* 525, *лоуцѣшаго* 246, *почѣноу* 527, *пришьло* 605, *соужѣдалѣцѣ* Свинц.; *гривьна* 238, -ы 246, -оу Ст. Р. 15, *гривьнѣ* Свинц., *Доубровьнѣ* 526.

I*: [г]ѣѣздѣкъѣ Ст. Р. 8; *Несѣдицеви* 238; *дѣтѣскамоу* Ст. Р. 8. *новѣгородске* 562, *Нѣжѣкъѣ* 526, *Смольнѣску* 424, *чѣстьное* 246.

II: *дѣвѣ* 238, *довѣ* Свинц., *без дѣвоу* 526, *кѣнѣгыни*, и *кѣнѣжѣ* 109, *кѣкѣнѣно* 527, *Ѡ Кѣснѣтина* 241, *за мѣноу* 238 (2*), *на свѣоды* 109, *на Хѣмоунѣ* 526; *кѣ Жѣданѣ* 241, *цѣто* 238, *ничѣто же* 109.

II*: а) *вѣдаи* 120, Ст. Р. 8, Ст. Р. 15, *вѣдае* 566, *вѣдадѣтъ (?)* 121, *вѣдале* 238, *възѣмѣ* 246, *възѣлѣ* 525, *не възѣлѣ* 109, *въсадивѣ* 109, *въстала* 590; по-видимому сюда же следует отнести *въсѣгда* 605, б) *кѣ рѣжи (?)* 566.

Надежных примеров утраты *ѣ*, *ѥ* на письме нет.

Особые случаи: *литва* 590, *Прѣжневици* 526. Эти два примера интерпретируются неоднозначно. Название литовцев, заимствованное из лит. *Lietuvà*, в принципе должно было иметь первоначальный вид **литѣва* (с *ѣ*). К сожалению, в рукописях XI—XII вв. это слово не отмечено. Самые ранние его примеры (из известных до сих пор): *сѣ литвою*, *на литвоу*, *Ѡ литвы*, *литва* — содержатся в 1-м почерке Синодального списка I Новгородской летописи (под 1183, 1191, 1198 и 1200 гг.), т. е. относятся ко времени не ранее середины XII в. Без *ѣ* это слово пишется и в остальной части Синодального списка, а также во всей Лаврентьевской летописи (таким образом, запись *литѣва*, приведенная у Фасмера [в статье *Литва́*] со ссылкой на Повесть временных лет, недостоверна). Понятно, однако, что эти поздние фиксации не решают вопроса о наличии или отсутствии *ѣ* в раннедревнерусской форме данного слова. Написание *литва* в грамоте 590 — самая ранняя ныне известная фиксация этого слова. Возможно, конечно, что *ѣ* здесь отсутствует в связи с начавшимся падением редуцированных или в силу графической условности. Но не исключена и другая возможность: название *Lietuvà*, связанное в самом литовском языке (исконной или хотя бы вторичной смысловой связью) с *lieti* «лить», *lietùs* «дождь», могло осмысляться русскими как тождественное славянскому **litva* (от **liti*; ср., в частности, русск. диал. *литва́* «сильный дождь, ненастье»; см. ЭССЯ, вып. 15, статья **litva*). В этом случае -*тва* (а не -*тѣва*) закономерно, так как суффикс *-*tv-a* не содержал *ѣ*. Производные типа *литѣвскій*, польск. *litewski* не гарантируют исходного **литѣва*, ср. неисконные вставные гласные в таких словах, как *бритѣвка* (СРНГ, вып. 3), *бритѣвный* (Даль), польск. *modlitewny* от **britva*, **modlitva* и т. п.

В имени собственном *Прѣжневици*, этимология которого неясна, сочетание *жн* восходит либо к **ъъnj*, либо к **ъnj*; таким образом, неизвестно, является ли это написание примером утраты *ѣ*. Ср. также написание *вишнѣ* «вишен» 586 (*ѣ* вместо *ѥ*), где либо на письме пропущен *ѥ* после *ш* (в данном случае в сильной позиции!), либо мы имеем дело с рефлексом прежнего **snj* (а не **ъъnj*).

Вставка неэтимологического *ѣ*: *Дроздѣѣ* 526.

⁶ Здесь и в дальнейшем мы не оговариваем специально случаев замены *ѣ* на *ѣ* (см. об этом Лингв., § 21), поскольку для вопроса о падении редуцированных это графическое явление значения не имеет.

Такая грамота всего одна — № 613; ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩ здесь на письме сохранены. I: *Ставъро(ви) 613*. II: *сътвори 613*.

Неясно, к чему восходит (к *Во- или *Въ-) начальное Во- в *W Vonъga 613*; поэтому здесь и далее данное имя в наши списки не включается.

§ 41. 2-я четверть XII в.

Грамоты (почти) без смешения *ъ, ь с о, е*

Сохранение ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩ на письме. I: *възмъши 119*, *Жасъка Ст. Р. 20*, *посъли Смол. 14*, [*те*]тѣке 635; *съкопивъши 380*; *Гюрьгевицоу 119*, *Даньша, -и 336*, *Домьника 503*, *Коузьмѣ Ст. Р. 16*, *Стороньке Ст. Р. 5*, *чърмьницѣ 381*; *Вльчькои 336*, *Нѣжъкоу Ст. Р. 7*, *Рожънѣ тови 336*, *срочька 336 (2×)*, *Тоць-овица Ст. Р. 16*; *гривнѣ 119*, Ст. Р. 6.

I*: *бърковъске, -а Ст. Р. 20 (7×)*, *женьск- 381*.

II: *мънога 503*, *съкопивъши 380*; *Съмьона 602*.

II*: а) *въда же, въдале, възмъши 119*, *въложите 160*, *оу Въ-орѣ Ст. Р. 20*; б) ж [*Дъ*]митра Ст. Р. 16, *оу Лъбынѣ Ст. Р. 20*, *Ѹ Лъбыне Ст. Р. 5*, *Съдила 503*; *д[ъ](ни) 380*.

Утрата ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩ на письме. I: *векшею 336*, *въслеши 673 (ь/е)*, *Олекшѣ Ст. Р. 16*, *послоу «пошлю» 421 (ь/е)*, [*прис*]ли[*те*] 524; *възми 84, 381, -Ѹ 524*, *Солмира Ст. Р. 7*. I*: *Городкоу 633 (ь/е)*.

Отметим еще аналогическое *гривнѣ* (Р. мн.) 524 (2×).

Вставка неэтимологического ⟨ъ⟩: *кърините 160*.

Особые случаи. В *Зоубери 84* неясно происхождение *е*. В *не съль* «не посылай» Ст. Р. 6 неясно, является ли конечный *ь* опиской или он отражает утрату *-и* в произношении. Неудачно *Гравриш 503* (имя собственное, исходный вид которого неясен).

Грамоты со смешением *ъ, ь с о, е*

Сохранение ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩ на письме. I. *Варъвароу 560*, *восоли (2×)*, *восолеши 644*, *Деретокъ (-тѣкъѣ) Ст. Р. 22*, *-емоше (?) Ст. Р. 12*, *Жирока 630*, *колотокѣ 644*, *Милокѣ Ст. Р. 21*, *Олькъсоу 560*, *присъли, -оу Смол. 12*, *Поутоковѣ 630*, *рекоше (?) Ст. Р. 9*, *трькъвице 384 (ъ/о)*; *Өвъоронил 559*, *Өвъърънио 560*; *възми Смол. 12 (2×)*, *Гьорьгий 559*; *Гоурьгъ 630*, *Гурьгъмь 487*, *Гюрегеве Ст. Р. 21*, *золотъникѣ, кольцо 644*, *Коузема 632*, *Неделеке Ст. Р. 21*, *Оньковицъ 630*, *Орьшинее Ст. Р. 21*, *пъръни (перъци), польпъна (полепъна), цъльцьмо 429*, *лбътъникъ 421 (ь/е)*, *лбетенике Ст. Р. 12*; *Боришьковее Ст. Р. 21*, *Жоуцьковицъ 630*, *Короцьковее Ст. Р. 21*, *нынешенюю Ст. Р. 12*, *отоцька 429*, *поченете Смол. 12*; *гривена (6×)*, *грѣвенѣ (2×) Ст. Р. 19*, *гривъна, -е 630 (5×)*.

I*: *Несодицевее, Чюдоке Ст. Р. 22*; *Мъстока 630*, *нвъѣстокою 487*; *Нъжка 630*, *Нѣжеке 644*; *бърковъска, -ь 630 (3×)*, *лонескою Ст. Р. 12*.

II: *гълько 429*, *дова, бвъ довоу 630*, *довѣ (2×)*, *двовѣ (sic) Ст. Р. 19*, *дове Ст. Р. 22*, *оу Косилѣ Ст. Р. 19*, *оу Косениле Ст. Р. 22* (если в этих двух примерах отражена гипокористическая форма от *Късицътинѣ*), *къ мене 423*, *пѣ (м)ъне (?) Смол. 12*, *солю «шлю» Ст. Р. 12*; *чето, ничето же 644*, *четѣ Смол. 12*.

II*: а) *не въдасть Смол. 12*, *не вода(-) «не даст» Ст. Р. 12*, *а водале 644*, *възоглоуие 429*, *а возывахо 487*, *вопоука 630*, *а восоли 644 (2×)*; б) *лъжици 384 (ъ/о)*, *(оу) Събислава Ст. Р. 9*.

Утрата ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩ на письме: *свободне 421 (ь/е)*. Вероятно, сюда же *оу Снови[д]ѣ Ст. Р. 19*; трудность здесь в том, что в принципе можно реконструировать это поврежденное место и как *оу Снови[л]ѣ*; в первом случае мы имеем дело с именем **Съновида* (где был *ъ), во втором — **Сновила* (где *ъ не было). Имя

*Съновидъ известно, ср. также укр. *сновида* «лунатик» (Гринченко, т. 4, с. 162), где отразился морфологический вариант на -а; имя *Сновила неизвестно.

Вставка неэтимологического ⟨ѣ⟩: *възогъловіе* 429 (о после з). В данном случае, однако, вставное ⟨ѣ⟩ скорее всего имеет морфологическое происхождение, а именно, является результатом уподобления приставки *въз-* приставками на ѣ (типа *отъ-, подѣ-*).

Особые случаи. В слове *пѣт-ницю* 673 (ь/е) между буквами *т* и *н* расположена дырка в бересте; что было на месте этой дырки — буква ь (или е) или просто дефект коры — неизвестно. Неясно слово *оленики* 384 (ѣ/о): *н* может соответствовать здесь исконному *н* или *ньн*.

В грамоте Ст. Р. 22 наблюдается мягкостный принцип записи (см. § 38): ср. *тьри* «три» (2 раза) и *Косениле* (т. е. *Кѣснѣлѣ*), где сочетание согласных исконно. Поэтому материал по *ь из этой грамоты, например, *Негошека*, *Борришековее*, в наши списки не включен. (Заметим, что эта грамота в принципе может быть и просто скандирующей, но доказать этого нельзя, так как в ней не встретилось исконных сочетаний согласных, где первая согласная твердая.)

§ 42. 50-е — 80-е годы XII в.

Грамоты (почти) без смешения ѣ, ь с о, е

Сохранение ⟨ѣ⟩, ⟨ь⟩ на письме. I: *Варъварь*, *Варъваре* 657 (ь/е), *Жиръке* 454 (ь/е), *Иванъка* 667, *Коулотъкъѣ* 105, *кълътъкъѣ* 335, *прѣстѣли*, *Прокъшиѣ* 664, *Съмъка* 105, *Съмъкиницѣ(а)* 710; *дѣвъкъѣ* 155; *больши* 155: *възьми* 509 (4×), *възьм(и)*, (в)възьми (2×), *въз(ь)ми* 710, [въз]ьми 233, *Гюрьгъ* 710, *намъноюу*, *намѣноюу* 509, *поногатынаго* 640; *вежъникъ*, *Доброшькъѣ* 664, *Дражъницѣ* 240, *Жирошькъѣ* Ст. Р. 17, *Мирошькъ(е)* 226 (ѣ/о), *Полоцька* 155, (п)ор[ѣ]цене 235; *гривъна* 240, 667, -ѣ 240 (2×), -оу 509 (2×), -ѣ 664.

I*: *Жадъка* 239, *Жадъке* 235, *Несѣдѣ* 105; *Мѣстѣка* 516, -ж 459; *потъснисѣ* 657 (ь/е); *Лоудъславоу* 113.

II: *дѣва* 113, *дова* 235, *дѣвоихъ* 509, *а мѣнѣ*, *сѣтворѣ* 9; *ж Пъсана* 240, *пъ(ш)еницѣ* 606; *цѣто* 422 (ѣ/о), *а ч[ѣт]о* 655, *ничѣто же* 9.

II*: а) *въдае* 113 (2×), 456, *въдаита* 455, *въдаите*, *не въдале* 509, *не въдалѣ* 664, *не въдасть* 9, *а възборони* 235, *възале* 105, 155, *възати* 664, *въложите* 160; б) *сѣдали* 9, *тѣгѣдѣ* 105.

Утрата ⟨ѣ⟩, ⟨ь⟩ на письме: I: *Алвѣмѣ* 657 (ь/е), *Варвара* 561, *Мирслава* Ст. Р. 17, *пославѣ*, *п[осл]е* 235, *прислѣши*, *присли* 155; *Лазъвке*, *Лазъ(в)къмѣ* 105; *братѣни* 235, *Васкина* 659, *възма* Ст. Р. 17, *Гюргю* 239, *Ортемѣѣ* 667; *Павла* 422 (ѣ/о), *полоугривѣ* 335. I*: *Жадкъѣ* 235. II: *кн-* 603 (от *кнѣзю*, но, может быть, и от *кнѣзю*), *а мѣѣ*, *на мѣѣ* 155, *ж Сновида* 516, *сѣворѣ* Ст. Р. 17.

Отметим аналогическое *гривѣ* (Р. мн.) 603.

Отметим также утрату ⟨ѣ⟩ в предлоге в примерах: *в бѣрѣзѣ* 176, *в городицѣнѣхъ* Ст. Р. 10 (ь/е), [к] *Мирославоу* 603; кроме того, в позиции перед гласной: *к Алвѣмѣ* 657 (ь/е).

Вставка неэтимологического ⟨ь⟩: *Переѣслав[ь]лѣ* 105.

Грамоты со смешением ѣ, ь с о, е

Сохранение ⟨ѣ⟩, ⟨ь⟩ на письме: I: *восоли* Ст. Р. 11, -ю 624, 638, *заемоши* 227, *Иванока* 654, -оу 117, -уо 80, *И(в)анокоу* 226 (ѣ/о), *икоунокоу* 549, *Коулотъкъѣ* 656, *матоко* 227, *Милоке* 663, *Олькоше* 118, *отопоу(с)ти* 676, *Полотевица* ⟨*Полѣт-*⟩ 665, *посълала* (sic) «послала» 682, *посоли* «пошли» 624 (2×), *Прокошь* ⟨*-къшиѣ*⟩ 115; *Гавъко* 502, *Гавошь* ⟨*-въшиѣ*⟩ 422 (ѣ/о), *Оводокиѣ* 508, *рѣспытав[ѣ]шиѣ* 685, *Хотеславокоу* 654; *воземеше*, *воземи* 227, *возьми*, *възьми* 665, (в)озьми 232, *въземи* 78, *Горег[ѣ]* 228, *Гюрьги* 508, *Горег[и]* 165, (Г) [юрег]ѣ 627, *корозыно* 638, *Кѣземе* 624, *лодьми* 502, *помѣши* ⟨*помѣни*⟩ 163, *попрѣдыно* 638, *Плѣтелѣѣ*

561, шестокрілена 549; Доброшьк[ь] 665, дѣложеницѣ, д[ѣ]лож[ь]ницоу 449, лоукоше[ко], лоукош(е)ко, лоукоше(ко) 599, Орѣшька 581, поценеши 227, [д]ошьле, пришьле 165, сѣрочьке 681, Соуж[ь]далоу 675, Арѣшековее 228; гривна, -оу, -е, -ь, гривене, -ь — 78, 168, 227, 231, 638, 663, 665 (2*), 676, Павьлова 227, Хотеславецоу 654.

I*: паробокѣ 624, Рад[ѣ]ка 168, Радокова 227, Ѡедока, Ѡедокино (2*) 599, шьдоши 227; Коростокине 663; кадъчь 665, Кѣзеке 163, Ньжька 683; [г]рѣчьскаго 700, чьрнеческое 681.

II: дѣвь 231, [д]овь (?) 117, без довоу 686, на довоу 549, ко монь, а солита «шлите» 422 (ѣ/о), см соросло 654, сот(о) 227; чьт[о] 672, а чето 163, цето, не [ц]ьтиса 227.

II*: а) нь вода «не даст» 676, водадѣ 163, водаи 82, а водаі 79, водае 227, 624, [вѣд]ае 231, водаита 422 (ѣ/о), вѣдаль 231, 682, вода[н]ю, водати 227, нь вода[т](и) 672, [вѣ]зала 449, вѣзаль 118, возмѣтѣ 662/684, вѣнидѣте 502, воноуке 688, [В]онь[з]да 82; вѣхемо 87; б) оу Дѣмитра 168, а Домит(р)- (?) 115, доскъ 82, кодъ (къдѣ) 502, Содиль 654, ко Содиль 422 (ѣ/о); дени 558, за мѣздоу 549.

Утрата ⟨ѣ⟩, ⟨ѵ⟩ на письме. I: Мирслава 502, Оркаде 672, прислати 627; Орѣмие 638; Домацка 657 (ѵ/е), Дрочке 87. II: створѣ 87, ко стоу 686; II*: взмоловить 502.

Отметим утрату ⟨ѣ⟩ в предлоге (перед гласной): к Олисьеви 502.

Имеется также случай, где утрата редуцированного графически замаскирована, т. е. не приводит к появлению на письме сочетания согласных: Тимоще 78 (из Тимошькѣ; [ш'к'] записано здесь через щ, см. Лингв., § 30). Отметим, что других случаев утраты ⟨ѣ⟩, ⟨ѵ⟩ в грамоте № 78 нет, т. е. здесь можно видеть своеобразное проявление тенденции к графическим слогам вида CV (ср. об этом ниже, § 46).

Аналогичной особенностью обладает написание *полоуторе* 228 (т. е. [полутор'ѣ] < [пол втор'ѣ] < *полъ вѣторѣ*). Как и в № 78, других случаев утраты ⟨ѣ⟩, ⟨ѵ⟩ на письме здесь нет.

Вставка неэтимологического ⟨ѣ⟩: *госѣложе* 682.

Особые случаи. В написании *дѣвѣ* «две» Ст. Р. 14 буква *е* (= ⟨ѵ⟩) скорее всего выступает уже как знак мягкости (в данном случае вторичной), т. е. мы имеем здесь дело с произношением [д'в'ѣ]. Такую же роль, вероятно, играет первое *е* в *Дѣмитре* 508; но здесь нельзя исключать и того, что наряду с вариантом **Дѣмитр-*, выступающим во всех прочих примерах, существовал также вариант **Дѣмитр-*. В написании *Ваноукоу* 87 первое *оу* — возможно, просто описка (вместо *о* = ⟨ѣ⟩); но это не вполне надежно.

§ 43. 90-е годы XII в.— 10-е годы XIII в.

Грамоты (почти) без смешения ѣ, ѵ с о, е

Сохранение ⟨ѣ⟩, ⟨ѵ⟩ на письме. I: *присѣ-* (по-видимому, от *присѣлеши*) 332 внутр. (2*), *присѣли* 332 внеш.; *большѣе* 438, *Вороньца* 332 внеш., *призьри* 620; *подѣшьвѣ* 438, *пожьню* 620, *Хроушькин[иц]-* 332 внеш. II: *Кѣснѣтинѣ* 397, (н) [е] *сѣли* 332 внеш. II*: *на рѣжи* 609.

Утрата ⟨ѣ⟩, ⟨ѵ⟩ на письме. I: *Климентѣ* 544, *Марѣ* 595, *Олексу* 544, *полти* 609; *Гергѣ* 545 (ѣ/о), *кѣрѣзно*, *оперьсникѣ* 648, *полотне* 609; *овсе* 609, *Павла* 544. I*: [не] *весткоу* 668. II: *кнѣзь* 332 внеш.

Грамоты со смешением ѣ, ѵ с о, е

Сохранение ⟨ѣ⟩, ⟨ѵ⟩ на письме. I: *выгонало* 531, *кор[о]токихо* 108, *коровою* (вероятно, вместо *коуровою*) 531, *Марову* (?) 545 (ѣ/о) (3*), *назовало* 531, *Обѣкъшь* (*Обокѣшѣ*) 649, *Опотанѣ* 670, *Опотони* 541, *позовало* 531, *посолале*,

посолю 705, присоли 436, 705, Спирую 439; въдавоше 550, Оводокиа 506; болену 705, Георегия 506, годена 705, крытеное 601, къромьне (къртъмнѣѣ) 650, людеми 531 (2*), полотенеца 439, посадыникою 601, потени 531, Твършии, Чъръмьна 671; ГѸчькѸ 8, Данешиници 219, съръцька, -е, съроцька, -е, -ь — 223, 649 (2*), 650 (3*), Соуждале 439; гривена, -е, -ь, -оу, гривень, -и — 8, 108 (2*), 114, 219 (5*), 531, 601, 650, овьса, овеса 219.

I*: Богош- 114, Несодиле 443, Озъкъ 649, соудокъ 660; бльстѣкъѣ 660; знатебою 705; бъркътъвскоу 219, посылциныхо 550.

II: дове, дови, и дови, на доувоу (sic) 219, со дова 439, дове, за дове, за довое 601, Коснѣтишо, -оу 531, ко мене 651, 705 (2*), солю «шлю» 531, на хомолоу 575; не зера 531, Съмьна 595, Оеларь 553, ко Оеларю 443, цѣто 107, цето 705.

II*: а) въдавоше 550, водаи 114, водаеи (sic), вода- 296, у Вовъзь (Въвозѣ) 108, воземо 436, возложило (2*), возомолови 531, возале 601, нь [възаль] Ст. Р. 4, не возало, воложи (2*) 439; б) Ѡ Домитра 443, доци, доцере, на доцере 531, Ѹ Събыслава 671, Собыславоу 550, согадаво 531, тощины 222.

Утрата ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩ на письме. I: восли 651, въкъшъ 222, лѸкно, -а 671 (4*), оурацо 222; Оворониа 545 (ъ/о); възми 219, возми 103, Гергя 551, Гюргю 222; въжники 550, пришль 222; гривне 550, -ь 621, -оу 222, Славне 153. II: двъ 108, за двое 601, а княгынице 601, княжю 222, мѣѣ, съ мною 550, мне, ко мне 439, мне 626, за мною 621, не смею 651; шли 550, нь шль 222.

Отметим аналогическое гривно (Р. мн.) 550.

Отметим также: с нимо 222; кроме того, к Аврамоу 550, с ызветомо 531, к ОютанѸ 670.

Случаи, где утрата редуцированного графически замаскирована: браце 531 (по-видимому, из *братъче*; других случаев утраты ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩ на письме в грамоте № 531 нет, ср. § 42, комментарий к написанию *Тимоше* 78); *дъцьскамоу* 222 (наличие *ц*, а не *т*, указывает здесь на чисто орфографический характер написания *ьск* вместо простого *к*); *вохо* «всё» 439, *вохе* «все» 670 (из *въхо*, *въхѣ*, см. пояснения в § 54). Отметим, кроме того, что в грамоте № 108 предлог *въ* записывается как *у* (4 раза).

Вставка неэтимологического ⟨ъ⟩: *возомолови* 531 (о после з); ср. § 41, пояснения к написанию *възогъловице* 429.

Особый случай. Написания *лѸк*, *лѸкн*, *лѸкон* используются в грамоте № 671 как сокращения (для слова «лукно»); в наших списках они не учитываются.

§ 44. XIII в. (кроме первого двадцатилетия)

Грамоты (почти) без смещения *ъ*, *ь* с *о*, *е*

Сохранение ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩ на письме. I*: *лоньскыхо* 218 (ъ/о). II*: *възѣиду* 481.

Утрата ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩ на письме. I: *Панка* 420 (ь/е), *посли* 481, 615, *по[сл]и(та)* 510 (ь/е), *Углеца*, *оуглицане* 69 (ь/е); -[ив]ше 295; *възмутъ* 481, *Матвею* 197, *семнице* 218 (ъ/о); *перешло* 218 (ъ/о); *гривна*, -е 218 (ъ/о), *ловца* 481.

I*: *почты*, *поцты*, -е 218 (ъ/о) (из *почьста*).

II: *слю* 441; *къ Олареву* 615.

II*: а) *възмъ* 420 (ь/е); б) *на Здылоу* 510 (ь/е), *здоровъ* 69 (ь/е).

Отметим: *к тобѣ* 441, *и с Григоремъ* 69.

Особые случаи. Не включена в общий разбор грамота № 293 (40-е — 60-е годы XIII в.; письмо попа), в которой проведен, хотя и не совсем последовательно, скандирующий принцип записи (§ 38); так, наряду с *дъвое*, *дъѣма*, *Волотъковѣи*, *въдаи*, *десѣтъма*, *гривнѣ* (и *гривьнѣ*), где *ъ* и *ь* этимологически оправданы, мы находим здесь *серебѣра* (с *ъ*), *гривьнѣ* (с *и* после *г*), а также *безъ гривьнѣ* (с *ъ* после *з*). Непоследовательность состоит в том, что в *гривьнѣ*, *гривьнѣ* сохранено сочетание *гр* (ср. *гривьнѣ*, где оно разделено гласной), в *кланюся* — *кл*, в (*в*)*зми* — *зм* (в последнем примере сочетание согласных неисконно, что

лишний раз указывает на чисто орфографический характер вставных *ѣ, ъ, и* в прочих случаях). Редкой особенностью грамоты № 293 является то, что скандирующий принцип осуществлен здесь в рамках книжной графической системы (а не бытовой, как обычно).

В грамоте № 69 (кон. XIII) представлена мягкостная запись (§ 38). Мы находим здесь написания *Тереньтеѣ, съ Ѧковьцемѣ, замерьзьѣли, пришьѣлѣть* (-те), где буква *ѣ* в сочетаниях *нѣт, вѣц, рѣзьѣл, шѣл* очевидным образом выступает как знак мягкости — независимо от того, обусловлена ли эта мягкость наличием в древности последующего **ь* (ср. в особенности *пришьѣлѣть*, где отразился результат целой цепи переходов: [с'ѣл'] > [сл'] > [с'л'] > [ш'л']). В то же время внутрисловного *ѣ* в грамоте нет. Соответственно в наши списки из этой грамоты включен только материал по твердым сочетаниям, но не по мягким.

Грамоты со смешением *ѣ, ъ* с *о, е*

Сохранение (*ѣ*), (*ѣ*) на письме. I: *восоли* 350, *посоли* 708; *оженивосѣ* 448, *поимавоши* 582, *приславѣши* 141; *Братѣши* 410 (если только это не *Братѣши*), *возѣми* 221, *городѣцаю* 704, *женѣню* 213, *Козѣла* 410, *Ксиѣлѣтъ* 411, *перѣница* (?) 596, *По(н) [ѣ]шѣ* 410, *Сѣльчѣ* 614, *Шибѣньчѣву* 198; *В[ѣ]цѣкоу* 139, *пришьѣлѣ* «*пришел*» 636; *гривѣнь*, (*г*)*ривѣ*не 410.

I*: *Доброкостѣчихо* 614; (*бѣ*)*рковѣска* 212, (*бѣ*)*рковѣскѣ* 214, *лонѣскоко* 482.

II: *доѣ* 582, *доѣ* 224; *цѣто* 582, *за цѣто* 483.

II*: а) *водаѣ* 707, *а водаѣтъ* 636, *водаѣте* 483, *водаѣти* 412, *возѣло* 198, *возѣти* 202, 211, *воспраѣшеѣтъ* 68; б) *на Домитрѣѣ* 202, *ѣ* *Домитра* 410, *рожи* 220, 350, 442, *ѣ* *Собѣслава* 409, *у Содѣлѣ* 348 (если это от **Сѣдѣлѣ*), *про Содѣсла-* 412 (если это от **Сѣдѣславѣ*).

Утрата (*ѣ*), (*ѣ*) на письме. I: *Дѣмѣнко* 72, *Жюпанка* 218 (*ѣ/о*), *Иванко* 72, *Кокше[н] (ѣ)* 52, *Марка* 215, *Мартина* 583, *Мѣстѣтѣѣѣ*, -*ѣ* 213, *Оксѣньѣ* 411, *Ондриѣца* 645, *Онѣмѣ*, -*а*, -*у* — 199, 200, 203, *подѣвоискаго* 147, *послѣлѣ*, -*и* 600, *послѣ* 645, *приславѣши* 141, *прислѣлѣ* 582, *прислѣ* 592, *прислѣте* Пск. 6, *Содѣлѣ* 348, *сукна*, *сукномо* Пск. 7, *седло* 404, *шѣпка* 141; *Аврама* 139, *Гавриѣ* 409, *Дѣшевока* 348, *Ѧвиши* 482, *ковриго* 404; *вѣзѣте* 141, *возѣми* 404, 483, *задѣницю* 198, *искоупникѣ* 636, *Козѣма* 510 (*ѣ/е*), *Матѣвѣца* 411, *мѣсника* 483, *оѣна* 420 (*ѣ/е*), *к атѣцѣви* 404, *посадѣкоу* 704, *Ратѣмироу* 334, *Ратѣ* 348, *семѣница* 349, *сѣдѣнѣ* 213, *оурѣкѣваѣютѣ* 600, *Цѣрменѣ* 220; *горѣшка* «*горѣшка*» 220, *Гриѣшка*, *Гриѣшки*, *Гриѣшкини* 141, *Милошка* 348, *Миѣшкоу* 645, *нѣнешнѣко* 482, *пороѣцѣнѣ* 510 (*ѣ/е*), *Страѣшк(а)* 217; *гривна*, -*оу*, -*ѣ*, -*и* — 73, 211, 215 (2 \times), 334, 349, 410 (5 \times), 483 (2 \times), 707, *з(о)ло [тѣни]ка* 707, *исполѣвницюу* 112, *оѣса* 482, *Павлоѣвѣ* 212, *пѣвномо* 411, *половѣнѣика* 215.

I*: *Ладѣнѣ* 141, *Нездѣлѣ* 220 (2 \times), *подѣлѣтъ* 411; *татѣѣѣ* 213; *исѣ* 395; *завѣлочѣко* 143, *поѣта* 147, -*ѣ* 215 (из *почѣста*).

II: *дѣ* 600, *кѣнѣ* 404, *ѣ* *кѣнѣ* 600, *Ксиѣвоѣнѣте* Пск. 6, *Ксиѣлѣтъ* 411, *мѣно* 600, *кѣ* *мѣѣ* 592, *ко мѣѣ* 61, *мѣ* 574, *мѣ-* 68, *скуѣтъ* 411, *нѣ* *слѣ* 404, *нѣ* *сторѣгоѣвалѣ* Пск. 6; *ждѣ* 68, *пѣшѣнѣцѣ* 218, 220, *на Сѣмѣнѣ* 73, *ѣ* *Сѣмѣ* 483, *ко Ѧларѣу* 112, *у Хрѣраѣ* 198, *чѣто* 61, Пск. 7, *чѣто* 141, 482, Пск. 7 (2 \times), *про чѣто* *то* 600.

II*: а) *вѣдалѣ* 211, *ѣдѣ* 395, *нѣ* *ѣдѣте* 483, *вѣ* 482, *вѣлѣ* Пск. 7, *ѣлѣ* 483, *вѣлѣти* 61, 483, *вѣлѣ* Пск. 7; *о вѣсѣмо* 61, *вѣхѣго* 211; б) *г[ѣ]ѣѣ* 582, *ѣ* *[Д]ѣ[и](тра)* 218 (*ѣ/о*); *сѣдѣ* (?) 68.

Отметим аналогическое *гривѣнѣ* (Р. мн.) 420 (*ѣ/е*).

Пропуск (*ѣ*) после предлога* становится в эту эпоху уже заурядным явлением (см. списки в § 49, 50).

Случаи, где утрата редуцированного графически замаскирована: *чѣо* «*что*» 61, *дѣцѣскѣи* 615 (ср. § 43, пояснения к написанию *дѣцѣскаѣмоу* 222), *соѣцѣкоѣго* 294 (по-видимому, «*сотского*», если это не конец какого-то более длинного слова;

способ записи в значительной мере сходен с предыдущим примером), *полѸторѸ* 410 (ср. § 42, пример *полоуторѸ* 228); кроме того, *вохо* «все» 390, *вохь* «весь» 351 (см. § 54) и *пошьницъ* «пшеницы» 636 (где *о* после *п* указывает не только на утрату первоначального *ь*, но и на отвердение *п* и, может быть, на вторичную вставку гласной между *п* и *ш*).

Вставка неэтимологического {Ѹ): *воспрашееть* 68 (здесь предположение о перестройке приставки невозможно, так как *с*, а не *з*, ясно указывает на прямой контакт [с] и [п]); ср. также выше о примерах *вохо*, *вохь*, *пошьницъ*.

Особые случаи. Не включены в разбор грамоты № 390 и 346 (обе конца XIII в.), поскольку в них представлена скандирующая запись. Для грамоты № 390 это непосредственно очевидно: мы находим здесь написания *сторона* «сторона», *дорѸгаа* «другая», *Колина* (вместо *Клина*), *Голиное* (вместо *Глинои*), *коиажь* (вместо *киажь*), *Завьтрьение* (вместо *ЗавѸтрьение*), *во Подогорей* (вместо *в Подгорьи*) и т. п., не говоря уже о таких, как *бороть* «борть», *Воломи* «Волмы», *Цьрьтово* «Чертов», *вьрьховья* «верховья». Не разделены гласной лишь сочетания *ст*, *ск*, *сл* (и то не всегда, ср. выше *сторона*), а также *пл*.

Более трудный случай составляет грамота № 346 (довольно короткая), поскольку здесь случайно не встретилось ни одной словоформы с исконным сочетанием СС. Фактически в грамоте нет ни одного примера, где две согласные буквы стояли бы подряд; мы находим здесь: *ко тьтоке* «к тетке», *со моною*, *РатемирѸ*, *соцете*, *молови* (2*), *во Торожеке*. Поскольку показания всех прочих грамот данного периода не позволяют нам предположить, что автор грамоты № 346 был носителем раннедревнерусского языка (даже если он был очень стар), нам остается лишь допустить, что здесь представлена такая же (или примерно такая же) система записи, как в грамоте № 390.

Не включен в разбор также блок грамот № 706 + 709, где, возможно, проявились некоторые элементы скандирования (материал здесь слишком мал и не совсем надежен).

В грамоте Пск. 6 (XIII) представлена практически последовательная силлабо-скандирующая запись (§ 38). Сочетания согласных, принадлежащие к одному слогу, записываются здесь без вставных гласных: *про* (3*), *ксте* (2*), *не стороговале* (*ст*), *прислите*, *проста*, *коульа*, *порожне*, *к намо* (*ки*), *Ксинофоноте* (*кс*), *измакле*, *не знаа мо*, *твоа* (единственное отклонение — *со* в *со проста*). С другой стороны, между двумя согласными, относящимися к разным слогам, вставляется гласная: *к Анофимоу* (*н-Ѹ*), *заюда* (*н-Ѹ*), *не стороговале* (*р-Ѹ*), *Ксинофоноте* (*н-т*); за написанием *а во томо*, возможно, стоит произношение [aw-том]. Слова из первого списка включены в наши сводки (поскольку, например, отсутствие гласной между *с* и *т* в *стороговале* или между *с* и *л* в *прислите* вполне информативно). Напротив, слова из второго списка в сводки не включены, поскольку вставка *о* определяется здесь просто наличием слогораздела.

По-видимому, довольно похожий тип записи представлен также в грамоте № 582 (кон. XIII; из-за краткости документа оценка здесь может быть лишь предположительной). Без вставной гласной здесь записаны: *присладе*, *побегли*, *г[Ѹ]Ѹ*, *меретве* (*тв*) (однако все же *дова* «два», *с о*, и *цето* «что», *с е*; словом *цето* начинается текст грамоты; возможно, автор графически «проскандировал» его потому, что сочетание [ч'т] в начальной позиции еще было для него затруднительным). Ср. записанные со вставной гласной *поймавоши* (*о* между *в* и *ш*), *меретве* (*е* между *р* и *т*).

Еще одна грамота с близким типом записи — № 483 (60-е — 70-е годы XIII в.). Без вставных гласных записаны, в частности: *Ѹ Смена*, *мѸсника*, *не Ѹдасте* (*ст*), *водасте* (*ст*), *со изросты*, [цетве]ре[ми](тв). Со вставной гласной записаны: *за цето*, [цетве]ре[ми] (*е* между *р* и *т*), *со изросты водасте* (во явно соответствует [w], ср. рядом *не Ѹдасте*, *Ѹзале*, т. е. слогоделение здесь было [стыw-даc'т']); но при этом все же в *гривци* (2*) написано просто *вн*. Чтобы не усложнять учет, материал грамот № 582 и 483 внесен в общие сводки.

Различия в показаниях грамот, написанных по-книжному и по-бытовому

§ 45. Приступая к разбору приведенного материала, мы прежде всего обнаруживаем, что необходимо отделить от него примеры с редуцированными в позициях I* и II*, поскольку здесь эволюция явно носила особый, чрезвычайно замедленный характер. Эта особая группа примеров рассматривается в § 54. В остальном же предлагаемый ниже разбор посвящен только примерам с редуцированными в позициях I и II (мы будем обозначать их ниже как основную группу примеров).

Как показывает анализ, важнейшее внутреннее различие в рамках основной группы примеров проходит между грамотами со смешением *ъ, ь с о, е* и без такого смешения. Это различие демонстрируется таблицей 3. Для упрощения подсчетов в этой таблице (также как и в следующей) учтены только те примеры, которые приведены выше в рубриках «сохранение *(ъ)*, *(ь)* на письме» и «утрата *(ъ)*, *(ь)* на письме» (т. е. все особые и спорные случаи, примеры с графически замаскированной утратой редуцированного и т. п., а также случаи утраты *(ъ)* в предлоге в подсчеты не включены).

В таблице указан процент, который составляют (в основной группе¹⁰) примеры с утратой *(ъ)*, *(ь)* на письме от общего числа рассматриваемых примеров (с утратой и с сохранением *(ъ)*, *(ь)*); в скобках указаны сами эти количества примеров.

Т а б л и ц а 3

	Грамоты (почти) без смешения <i>ъ, ь с о, е</i>	Грамоты со смешением <i>ъ, ь с о, е</i>
XI в.— 1-я четв. XII в.	0% (0 из 54)	0% (0 из 2)
2-я четв. XII в.	28% (9 из 32)	3% (2 из 70)
50-е — 80-е годы XII в.	30% (21 из 70)	9% (8 из 85)
90-е годы XII в.— 10-е годы XIII в.	50% (11 из 22)	30% (31 из 105)
20-е — 90-е годы XIII в.	100% (15 из 15)	83% (99 из 119)

З а м е ч а н и е. Предлагая в настоящей работе эту и следующую таблицы, мы осознаем, что содержащиеся в этих таблицах цифры могут создать у читателя иллюзию полной статистической строгости анализа, которая на самом деле в настоящее время еще недостижима. Поэтому еще раз подчеркиваем, что данные наших таблиц не могут претендовать на строгость, поскольку: 1) общий объем материала все еще недостаточен для получения вполне показательных статистических результатов; 2) возможны погрешности в датировании части грамот; 3) разграничение грамот со смешением и без смешения *ъ, ь с о, е*, как уже отмечено выше, в некоторой части случаев проведено лишь условно. По нашей оценке, однако, эти обстоятельства не могут все же обесценить основные выводы об эволюции редуцированных, получаемые из материала грамот; именно поэтому мы позволяем себе здесь использовать таблицы с цифровыми данными. Необходимо лишь помнить, что отдельная цифра в таблице сама по себе не имеет абсолютного значения; существен только общий характер количественных соотношений между данными разных периодов (или разных категорий примеров).

§ 46. Нельзя не признать, что картина, предстающая перед нами при изучении таблицы 3, чрезвычайно неожиданна. Оказывается, что если бы до нас дошли только грамоты, написанные по книжной системе, то мы, очевидно, должны были бы приурочить процесс падения редуцированных в основном к 20-м — 80-м годам XII в., а если бы дошли лишь грамоты, написанные по бытовой системе, то мы отнесли бы этот процесс ко времени примерно на четверть века позже. Уже само это расхождение озадачивает, но особенно удивительно его направление. Если бы грамоты, написанные по-книжному, сохраняли *(ъ)* и

¹⁰ Для грамот последней хронологической рубрики (20-е — 90-е годы XIII в.) не учитываются примеры с *ъ после в, поскольку их оформление в эту эпоху приобретает специфический характер (см. § 54). Эта оговорка действительна также для следующей таблицы.

(ѣ) на письме дольше, чем написанные по-бытовому, можно было бы попытаться объяснить это тем, что книжная традиция сохраняла условные правила записи редуцированных еще некоторое время после того, как в произношении они уже практически исчезли. Однако таблица 3, неумолимо свидетельствующая об обратном соотношении, заставляет искать другого объяснения.

Нельзя ли предположить, что за грамотами, написанными по книжной и по бытовой системам, стоят различные языковые стили? Такое предположение несомненно следует отвергнуть: грамоты, написанные по книжной системе, в подавляющем большинстве случаев посвящены точно таким же бытовым темам, обладают теми же грамматическими и стилистическими особенностями, что и грамоты, написанные по бытовой системе.

Разгадку следует искать в другом. Как хорошо известно из типологии, процесс утраты ослабленных, функционально неполноценных гласных всегда проходит через стадию их факультативного употребления (например, сохранения при медленном темпе речи и исчезновения при быстром и т. п.). В раннедревнерусском были возможны тройные противопоставления типа *спѣти* — *спѣти* — *сопѣти*; ср. также начальные группы, например, в *слово*, *сѣлати*, *солити* и т. п. Начиная с некоторого момента слабые ѣ, ъ становятся факультативными, т. е. *спѣти* в принципе ипогда уже может совпасть в произношении со *спѣти*, начало *сѣлати* — с началом *слово* и т. п. В некоторый другой момент, существенно более поздний, такое совпадение становится для живой разговорной речи (пусть даже медленной) обязательным. Эти два момента собственно и являются хронологическими границами процесса падения редуцированных.

Рассмотрим, в частности, период «50-е — 80-е годы XII в.», когда, судя по таблице 3, процесс падения редуцированных явно был в действии (на это указывают обе рассматриваемые категории грамот). В бытовых графических системах в это время господствует запись типа *слово* — *солати*, *солити*¹¹. В книжной графической системе в этот же период выступает запись типа *слово* — *сѣлати* — *солити* или типа *слово*, *сѣлати* — *солити*.

Мы видим, таким образом, что в бытовых графических системах на первом месте стоит принцип различения *СС* и *СVC*, а между [о] и [ѣ] различия не проводится. При записи словоформ типа *сѣлати* пишущий явно ориентируется на *lento*-вариант (с [сѣл-] или [с'л-]), а не на *allegro*-вариант (с [сл-]).

Эту особенность можно связывать с тем, что сами бытовые системы письма, по-видимому, формировались под значительным влиянием приемов чтения и записи по складам, принятых при обучении грамоте, а в этих ситуациях использовались, конечно, *lento*-варианты произнесения словоформ. Неслучайно, в частности, что именно в рамках бытовых систем письма может развиваться скандирующий принцип записи (типа *солово*, *доругое* и т. п., см. § 38), соответствующий тому предельному варианту чтения по складам, при котором консонантные сочетания разбиваются на отдельные склады; графический слог здесь всегда имеет вид *CV* (т. е. соответствует при самодиктанте простейшему типу склада). Скандирующий принцип — это, конечно, утрированная форма выражения тенденции к графическим слогам вида *CV* (и потому, как уже отмечено выше, сами скандирующие грамоты нам никаких сведений о состоянии редуцированных дать не могут). Однако общая тенденция к графическим слогам вида *CV*, очевидно, была свойственна не только авторам грамот с последовательным скандированием, но, в более умеренной форме, также и многим другим носителям бытовых систем письма; ср. единичные отклонения в сторону скандирования, наблюдаемые во многих грамотах, а также написания типа *Тимоще* 78, *браце* 531 (§ 42, 43), где графический вид *CV* в сущности достигается искусственно —

¹¹ Для упрощения мы будем здесь разбирать только вопрос о ѣ и о, а среди бытовых графических систем ограничимся теми, где представлен простейший графический эффект ѣ→о. *Mutatis mutandis* наш разбор имеет силу, во-первых, также и для пары ъ→е, во-вторых, также для систем с более сложными графическими эффектами.

благодаря записи сочетания согласных с помощью одиночной буквы. Понятно, что в эпоху, когда слабые редуцированные были факультативными (т. е. сохранялись или утрачивались в зависимости от темпа речи и т. п.), указанная тенденция должна была приводить к опоре при письме преимущественно на вариант с сохраненной гласной.

В книжной графической системе принципы несколько иные: в первую очередь проводится различие на письме между [о], с одной стороны, и склонным к исчезновению [ъ] и нулем звука, с другой; в то же время различие между [ъ] и нулем звука может и не проводиться (т. е. ъ может не писаться). Записи типа *сълати* и типа *слати* здесь допустимо до известной степени соотносить с *lento-* и *allegro-*вариантами. Но все же не следует думать, что выбор между записями типа *сълати* и *слати* каждый раз непосредственно определялся тем, с какой скоростью писец мысленно произносил записываемое слово. По-видимому, в рамках книжной системы возможность не записывать ставший факультативным слабый [ъ] (неконечный) получила характер особого орфографического правила (ср. несомненное существование орфографического правила, которое павший конечный [ъ], напротив, предписывало на письме сохранять).

З а м е ч а н и е. Известно, что в книжной письменности уже с XI в. существовала возможность необозначения на письме неконечного слабого ъ или ь; она возникла в результате противоречия между письменным обликом слова в старославянских рукописях (уже отразивших падение редуцированных) и его русским произношением (ср. Шахматов 1915, с. 205; Дурново 1933; Успенский 1973; Успенский 1987, с. 91). В качестве графического компромисса здесь нередко использовались написания с надстрочным знаком (того или иного вида), типа *прогнати*, *что* (ср. Шахматов 1915, с. 199, Марков, с. 82 и след.). Однако надстрочные знаки не были обязательными (даже в книгах); в берестяную письменность XI—XII вв. они не проникли вообще. Не исключено, что авторы берестяных грамот, умевшие писать по-книжному, могли в той или иной мере усваивать также написания типа *прогнати*. Вместе с тем последовательное (если не считать сомнительных случаев) сохранение слабых ъ и ь в берестяной письменности XI — I-й четверти XII в. заставляет нас предполагать, что если указанная особенность и повлияла на орфографию берестяных грамот, написанных по-книжному, то в основном лишь в эпоху, когда произношение слабых ъ и ь уже стало факультативным.

Позволим себе здесь небольшой выход за рамки берестяных грамот: рассмотрим материал по неконечным слабым редуцированным, содержащийся в трех датированных новгородских документах XII — начала XIII в. (двух надписях и одной пергаменной грамоте). Все три документа написаны по книжной графической системе. В надписи 1133 г. на Стерженском кресте (Рыбаков, табл. XIII) материал сводится к двум примерам: *Иванко* (ъ после *н* нет), *Павлоѡць* (ь между *в* и *л* нет). В надписи 1148 г. на антиминсе новгородского архиепископа Нифонта (Рыбаков, табл. XLII): а) утрата ъ, ь — *кнѡзи* (написание *кн-*), *новгородьскаго* (-вг-), *Геѡргиа*, *Геѡргии* (-рг-), *Нифонта* (-нт-), *архиепискѡна* (-рх-), *септѡбра* (-пт-); б) сохранение ь — *новгородьскаго*, *ростовьскаго* (в суффиксе -ѡск-), *бѡчьствѡмь* (в сочетании -чьст-), также *жѡртвѡникъ* (в сочетании типа *ТѡвТ*). Во вкладной грамоте Варлаама Хутынскому монастырю 1192—1210 гг. (по подлиннику, хранящемуся в Новгородском музее-заповеднике [шифр КП 2194]): а) утрата ъ, ь — *съ двѡма*, *кто*, *злыми*, *Варламе*, *Варламъ*, *Феврониѡ*, *пожии* (2*), *божница*, *вхоу*, *все*, *Георгиа*; б) сохранение ъ, ь — *вдѡле* (3* ; позиция П*), *дѡвка* (после *в*, ср. § 54), *хоутиньскоую* (суффикс -ѡск-), *рыбьяна*, *Волхевьци* (опускаем словоформы, читающиеся недостаточно надежно).

Как можно видеть, в вопросе о редуцированных эти три документа в основном сходны с синхронными им берестяными грамотами, написанными по книжной системе. При этом надписи 1133 и 1148 гг. даже превосходят такие берестяные грамоты по степени утраты ъ и ь на письме (если вообще позволительно судить по столь малым спискам примеров); не исключено, впрочем, что такая орфография надписей 1133 и 1148 гг. отчасти определялась также необходимостью предельно экономить место при письме (ср. наличие лигатур и сокращений в обеих надписях). С другой стороны, все три документа резко отличаются нас точки зрения от синхронных им берестяных грамот, написанных по бытовой системе.

Вернемся теперь вновь к таблице 3 и к основному вопросу, возникающему при сравнении ее левого и правого столбцов (т. е. грамот, написанных по-книжному и по-бытовому): какой же из этих двух столбцов достовернее отражает динамику процесса падения редуцированных? Выше мы уже установили, что в вопросе о том, произносилась ли после той или иной согласной какая-то гласная (хотя бы ослабленная) или нет, книжная запись была более условной, чем бытовая. Но есть и еще один важный аргумент в пользу того, что бытовая запись отражает интересующий нас процесс более достоверно, чем книжная. Кривая нарастания процесса (начиная со 2-й четверти XII в.) в левом столбце имеет вид: 28%, 30%, 50%, 100%; в правом: 3%, 9%, 30%, 83%. Разумеется, все эти цифры лишь приблизительны, поскольку их статистическая база слишком мала. Но все же различие в характере нарастания здесь очевидно: в левом столбце оно происходит относительно плавно (при довольно высокой начальной точке), в правом — чрезвычайно круто. Известно, однако, что динамика большинства естественных процессов принадлежит ко второму типу (т. е. процесс происходит с ускорением); по-видимому, крутой кривой нарастания обычно характеризуются также процессы фонетических изменений.

Мы уже видели, что берестяные грамоты дают более точное представление о процессе падения редуцированных, чем памятники книжной письменности. Ныне же обнаруживается, что даже в рамках самой берестяной письменности более достоверные свидетельства о ходе этого процесса дают грамоты, написанные по-бытовому.

Сравнение данных по ⟨ъ⟩ и по ⟨ь⟩

§ 47. При анализе материала обнаруживается неполный параллелизм в развитии ⟨ъ⟩ и ⟨ь⟩, а именно между ⟨ъ⟩ и ⟨ь⟩ имеется некоторое различие в темпах их утраты на письме. Это различие (в рамках основной группы примеров) демонстрируется в таблице 4. Способ записи данных — такой же, как в таблице 3.

Т а б л и ц а 4

	Грамоты (почти) без смешения ъ, ь с о, е		Грамоты со смешением ъ, ь с о, е	
	⟨ъ⟩	⟨ь⟩	⟨ъ⟩	⟨ь⟩
XI в. — 1-я четв. XII в.	0% (0 из 26)	0% (0 из 28)	0% (0 из 2)	—
2-я четв. XII в.	42% (5 из 12)	20% (4 из 20)	3% (1 из 30)	3% (1 из 40)
50-е — 80-е годы XII в.	47% (14 из 30)	18% (7 из 40)	14% (5 из 37)	6% (3 из 48)
90-е годы XII в. — 10-е годы XIII в.	50% (5 из 10)	50% (6 из 12)	37% (19 из 52)	23% (12 из 53)
20-е — 90-е годы XIII в.	100% (7 из 7)	100% (8 из 8)	91% (39 из 43)	79% (60 из 76)

Как видно из таблицы, процесс утраты ⟨ъ⟩ на письме в целом происходил интенсивнее, чем процесс утраты ⟨ь⟩. Лишь в грамотах без смешения ъ, ь с о, е в последних двух строках цифры ⟨ъ⟩ и для ⟨ь⟩ по мере приближения к 100% выравниваются (эти данные, впрочем, несколько менее показательны, чем остальные, поскольку общий объем материала в соответствующих клетках весьма невелик).

Можно ли, однако, заключить из данных таблицы 4, что звук [ъ] утрачивался быстрее, чем [ь]? Очевидно, нет. Сохранение на письме более высокого

процента ⟨ъ⟩ (по сравнению с ⟨ѣ⟩) явно следует связывать с появлением у буквы ъ (а в бытовых системах также у заменяющей ее буквы е) новой функции, а именно функции знака мягкости предшествующей согласной. В этой своей функции ъ, естественно, может сохраняться на письме и там, где никакой гласной уже не произносится. Эта функция ъ, ставшая впоследствии единственной, может быть непосредственно выявлена, в частности, в берестяных грамотах XIII в. (см., например, § 44, разбор грамоты № 69).

Таблица 4 показывает, что постепенное развитие этой новой функции у ъ начинается очень рано — по-видимому, одновременно с началом процесса падения редуцированных: уже во 2-й четверти XII в. в грамотах книжного типа процент утраты ⟨ъ⟩ на письме в два раза ниже, чем для ⟨ѣ⟩. К этому же периоду относится и грамота Ст. Р. 22, где новая функция ⟨ъ⟩ (в данном случае ъ или е) проявляется в примерах *търи* «три» (2х) и *Косениле* (вместо *Кѣсилѣ*).

Примечание. Особый вопрос составляет написание *Дрозѣѣ* (с неэтимологическим ъ) в очень ранней грамоте № 526 (сер. XI). Учитывая хронологическую сторону вопроса, мы, по-видимому, должны предполагать здесь произношение [дроз'ъд'ѣ] или [дроз'д'ѣ], со вставной гласной (так наз. «неорганическим» редуцированным, см. Марков, с. 101 и след.) Не исключено также, что аналогичным образом объясняется неэтимологический ѣ в *кърините* 160 (2-я четверть XII в.; грамота, написанная по-книжному, без признаков скандирования).

Напомним, что в таблице 4 не учтены написания с ъ, выступающие в грамотах с мягкостной системой записи; в противном случае разница между данными по ⟨ѣ⟩ и по ⟨ъ⟩ была бы еще резче. Таким образом, та разница, которая наблюдается в таблице, фактически обусловлена грамотами, где имеется лишь некоторая тенденция к мягкостной записи (не реализованная до конца).

Вопрос о редуцированных начального слога

§ 48. Данные берестяных грамот позволяют сравнить, хотя бы приблизительно, ход утраты редуцированных в срединном и в начальном слоге словоформы. К сожалению, общий объем данных по редуцированным начального слога в настоящее время еще весьма ограничен: в грамотах XI—XIII вв. представлено лишь около 130 примеров класса II (и еще около 130 примеров класса II*; но эти примеры малоинформативны). Поэтому, чтобы избежать полного распыления этого материала по мелким рубрикам, мы вынуждены ниже рассматривать вместе примеры с ⟨ѣ⟩ и ⟨ъ⟩, а также материал грамот со смешением и без смешения ѣ, ъ с о, е. Рассмотрим соотношения в основной группе примеров, т. е. сравним положение в группах I и II (не касаясь I* и II*).

В XI в. и 1-й четверти XII в. примеров утраты ⟨ѣ⟩, ⟨ъ⟩, на письме в начальном слоге нет (при 15 примерах сохранения ⟨ѣ⟩, ⟨ъ⟩ в группе II); однако в эту эпоху таких примеров нет также и в срединном слоге.

Самый ранний пример утраты ⟨ѣ⟩ на письме в начальном слоге не совсем надежен: это предполагаемое *оу Снови*[ѣ]; Ст. Р. 19 (см. об этом примере выше, § 41). Датировка грамоты не очень точна: вероятно, это 2-я четверть XII в. (может быть, середина). Отметим, что в этом примере начальный слог словоформы находится в позиции после проклитики, т. е. не является начальным слогом фонетического слова. Всего в группу II во 2-й четверти XII в. входит 19 примеров. В группе I в этот период представлено уже 10 случаев утраты ⟨ѣ⟩, ⟨ъ⟩ на письме (из 83).

Самый ранний вполне надежный пример утраты ⟨ѣ⟩ на письме в начальном слоге — почти одинаков с предыдущим: ж *Сновида* 516 (граммга 50-х — 70-х годов XII в.). В период, охватывающий 50-е — 80-е годы XII в., таких примеров в группе II насчитывается уже 7 (из 29). Преобладают примеры с проклитикой (кроме названного, ср. еще *на миѣ*, *а миѣ* 155, *ко стоу* 686). В одном случае — *добре створи* 87 — можно предполагать акцентное единство двусловного устойчивого выражения: *добрѣ створи* (*добрѣ* — конечноударная ортогоническая словоформа; *сътвори*, *створи* — энклиномен; по характеру акцентного объединения данное выражение аналогично таким,

как *сего дьне, спаси богъ, си рѣчь, одинъ на десате* и т. п., см. Зализняк 1985, § 2.6, с. 121). Утрата ⟨ъ⟩ на письме в начале фонетического слова представлена только в *створа добръѣ* Ст. Р. 17 (то же выражение с другим порядком слов) и, может быть, в *кн- 603* (если это начало от *кнѣзю*, а не от сокращения *кнѣзю*). За этот же период в группе I представлено 22 случая утрата ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩ на письме (из 126). Таким образом, в этот период утрата ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩ на письме в начальном слоге словоформы встречается уже ничуть не реже, чем в срединном (по точному подсчету процентов — даже несколько чаще, но это различие, конечно, нельзя считать статистически значимым). При этом, однако, утрата ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩ в начальном слоге фонетического слова все еще является большой редкостью.

В период, охватывающий 90-е годы XII в. — 10-е годы XIII в., в группе II насчитывается уже 14 примеров утраты ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩ на письме (из 37). Это вполне сходно с ситуацией в группе I: 28 примеров из 90 (опять-таки, процент утрат в группе II даже несколько выше, чем в группе I, но это различие статистически незначимо). В этот период утрата ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩ в начальном слоге фонетического слова уже не является более редкостью: она встречается не реже, чем в срединном слоге словоформы (или фонетического слова). В XIII в. утрата ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩ на письме как в группе I, так и в группе II фактически становится нормой: в группе II она зафиксирована в 29 примерах из 33, в группе I — в 85 из 101

Более поздний период здесь можно уже не рассматривать.

Что касается группы II*, то здесь процесс утраты ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩ развивается гораздо медленнее. Ранее конца XII в. отмечен всего один пример утраты ⟨ъ⟩: *взмолвить 502* (вероятно, последняя четверть XII в.). Лишь в XIII в. это явление получает достаточно широкое развитие (см. также ниже, § 54).

Широко распространен тезис о том, что процесс падения редуцированных ранее всего развился в начальном слоге. Главный вывод, вытекающий из проведенного разбора, состоит в том, что берестяные грамоты никоим образом этого тезиса не подтверждают. Судя по их показаниям, редуцированные начального слога (во всяком случае при отсутствии проклитики) начали исчезать по крайней мере не раньше редуцированных срединного слога.

§ 49. Изучая редуцированные начального слога, следует коснуться также вопроса о предлогах, который мы до сих пор оставляли в стороне.

Особенность предлогов состоит в том, что с орфографической точки зрения они могут трактоваться двояко: либо как отдельные слова, либо как часть последующего слова. При первой трактовке, в частности, предлоги *въ, къ, съ* сохраняют на письме *ъ* (или *о*) всегда, независимо от того, произносилась ли здесь какая-либо гласная. При второй трактовке *ъ* (или *о*) на письме в принципе может и отсутствовать (хотя и в этом случае соотношение со звучанием не всегда является прямым).

Ранее 2-й четверти XII в. различие между этими трактовками еще ни в чем не может проявиться. Но в дальнейшем они уже сосуществуют на всем протяжении истории берестяных грамот. При этом вначале явно преобладает первая трактовка, но с течением времени, как показывает разбираемый ниже материал, ее роль непрерывно уменьшается.

Понятно, что в описанных условиях практическое значение для нашего анализа, как правило, могут иметь лишь написания без *ъ* или *о* (например, *в, к, с*), поскольку написания с *ъ* или *о* почти всегда двусмысленны.

Рассмотрим поведение предлогов *въ, къ, съ* перед словами, начинающимися с согласной.

Ранее середины XII в. примеров пропуска *ъ* (или заменяющего его *о*) в предлогах *въ, къ, съ* нет. Первый по времени из таких примеров — *в бъръзѣ* 176 (середина XII в., вероятно, 50-е годы). Ко 2-й половине XII в. относятся примеры в *городищных* Ст. Р. 10, [*к*] *Мирославу* 603, к началу XIII в. — с *нимо* 222, а также у *Вовъзь* (*Въвозѣ*), у *двѣти*, у *гривнь*, у *Сумь* 108 (с переходом *в* в *у*). В ранних грамотах (XI — нач. XIII в.) эти примеры выступают лишь как редкие

отклонения от нормы (представленной десятками примеров), т. е. от написаний с *ъ* (или *о*).

В XIII в. (не считая его первого двадцатилетия) положение заметно изменяется: написания без *ъ* (или *о*) составляют уже немногим менее половины всех примеров с рассматриваемыми предлогами (мы не учитываем здесь случаев, где *ъ* оказывался в сильной позиции, типа *со мною*, а также позиции перед гласной; не принимаются в расчет также грамоты со скандирующей записью). Приводим эти написания: *к тобѣ* 441, *с нами* 207, *в Соши (?)* 68, *с то* 213, *в Пѣе*, *в Кокше[н](ге)* 52, *с табе* («с татъбѣ») 395, *в подкльть*, *в пивномо*, *в сыло*, *с посто* 411, и с *Григоремь* 69, *к намо* Пск. 6, *к Вацоте*, *в лодию* Пск. 7. Как уже отмечено, написания с *ъ* (*о*) встречаются в это время все еще несколько чаще (ср., например, *ко матери* 395, 442, *ко Поллодоу* 350, *во городо*, *со племенемо* 112 и т. п.). Отметим, что перед начальным [j] встречается только написание с *ъ* (*о*): *во Ксгж хо* 211, *съ Аковъцемь* 69 (орфографические причины этого ограничения вполне понятны). Написания *къ* (*ко*), *съ* (*со*) являются также нормой для случаев, где следующее слово начинается со звонкой согласной, ср., например, *со братомь* 73, *ко Данилѣ* 199, *къ Захары* 420 и др. (первое отклонение — и с *Григоремь* 69 — относится уже к самому концу XIII в.).

В XIV в. ситуация в основном сходна с XIII в., но написания без *ъ* (*о*) встречаются уже чаще, чем с *ъ* (*о*) (кроме позиции перед [j] и случая, когда предлог *къ* или *съ* стоит перед звонкой согласной; здесь написания без *ъ* (*о*) все еще редки: *к Доманцю* 391, *к житници* 358, *с дѣтми* 250, *к далику* 281, *з дядю* 183, *з братьемо* 136, *з Дорофѣнъ ва* 477; единичное написание *к Юрью* 167 относится к концу XIV в.). В случае возникновения удвоенной согласной предлог иногда вообще оказывается не отраженным на письме, ср. *Косарикъ* «к Косарику» 144, *коумоу* «к куму» 497. Отметим, что к концу XIV в. частота написаний без *ъ* (*о*) по сравнению с началом века возрастает.

В XV в. написания без *ъ* (*о*) безусловно преобладают; лишь в позиции перед [j] на один пример *к Ксифу* 14 приходится два примера с *ъ* (*о*): *къ Ксифу* 3, *ко Ксифу* 27. Примеры неотражения предлога на письме учащаются, ср. *Григорю* «к Григорию» 125, *коню* «к коню» 305 (2×), *Сменово* «с Семенова», *Шадрина* «с Шадрина» 1.

Данные по сочетаниям с предлогами пополняют картину падения редуцированных в начальном слоге фонетического слова. Видно, что первые примеры типа *в бъръзѣ* появляются тогда же, когда и первые примеры типа *створѣ добръ* — во 2-й половине XII в.

Что касается эволюции в сторону записи типа *с нами* (вместо *съ нами*, *со нами*), наблюдаемой на протяжении XIII—XV вв., то ее едва ли можно как-либо связывать с фонетикой; по-видимому, мы имеем здесь дело лишь с постепенным изменением орфографической установки.

§ 50. Особый вопрос составляет история сочетаний предлогов *въ*, *къ*, *съ* (а также других, оканчивающихся на *ъ*) со словами, начинающимися с г л а с н о й. Приводим материал.

Ранее середины XII в. отмечены: *съ Асафѣмь* 605, *к[ъ] от[ъ]чеви* 424. Двусмысленны (с точки зрения сохранения или несохранения *ъ*) написания *Ѡ Изосиме* 503, *Ѡ Игната* 381.

Для 2-й половины XII в. и начала XIII в. материал таков: а) *къ [Орте]мѣ* 667, *[въ] Оньгоу (?)* 683, *съ икоунами* 558, *отъ Иван[ък]а* 667; *ко Онане* Ст. Р. 10, *ко Оуке* 114, *ко Иванокоу* 117, *ко Иванокоу* 80, *ко [И](в)анокоу* 226; б) *к Альгиме* 657, *к Аврамоу* 550, *к Олисьеви* 502, *к Онотанъ* 670, *с ызветомо* 531. Двусмысленны: *Ѡ Ане* 531, *Ѡ Афанаса* 152, *Ѡ Орѣшька* 581, *Ѡ Иванока* 654.

XIII в. (кроме первого десятилетия): а) *ко Ѡгадоноу* 420, *ко Ѡстаѣши* 481, *со искоса* (вместо *со искоса*) 211, *со изросты* 483; б) *к атцеви* «к отцу» 404,

к *Анофимоу* Пск. 6, к *Оксьнье* 411, к *Осипу* 707, к *Оулиааниц* 377, в *ыномо* 213, к *Ыгначю* 695; сюда же примыкает сарати «спахать» 211 (где *сѣ — не предлог, а приставка). Двусмысленны: Ѡ *Аврама* 139, Ѡ *Онѡима* 199, [Ѡ] *Олемова* 224, Ѡ *Оульѡне* 695, Ѡ *Иева* 148, Ѡ *Исаѡ* 645.

XIV в.: а) къ *Ѡлеѡндру* 314 (кон. XIV); ко *Онѡифору* 594, ко *ОнѡносѸ* 273, ко *Ѡнаниѡ* 279, ко *Ѡстаѡиѡ* 260, *изо Олѡтѣ* 131, ко *Оулиѡти* 497, ко *Илину дѡи* 134; б) в *Акосово* «В *Окосово*» 55 (нач. XIV), с *Аѡремѡвими* (исправлено путем надписывания букв из *соѡлемѡвими*) 191 (нач. XIV), к *Ѡнѡфиму* 142, к *Олеѡе* 391, к *Осипу* 289, к *ОнѡифорѸ* 180, к *Онѡифору* 99, к *Онѡифорову* 167, с *Обросѡмѣ* 354 (2х), к *Онаниѡ* 538, к *Олоскадру* 528, в *Острове* 416, к *огѡи* 354, к *огѡидиноу* 339, к *огѡну* 610 (о последней группе примеров см. § 36), к *Уцееви* (?) 93, в *ызьѣжѡнои* 366, с *Ылова* 310. Отметим еще особое развитие сочетаний с предлогом «у» в примерах: *оуѡ Ыванка* 102, *оуѡ Ыванова* 539, может быть, также *оуѡ Олѡфромѣ* 532 (если это не *оуѡ Волѡфромѣ*). Двусмысленны: Ѡ *Олѡфромѣ* 391, Ѡ *Омросии* 59, Ѡ *Онѡифора* 354, Ѡ *Онѡифора* 578, Ѡ *Ѡдрѡѡ* 276, Ѡ *Ѡнд[р]-* 263, Ѡ *Онаниѡ* 264, Ѡ *Ѡлоферѡ* 314.

XV в. — только «б»: с *Овѡѣкѡѡ села*, с *Ошвина села* 1, с *Олѡкоѡ* 23, с *Онѡносѡ* 496, в *отѡсѡлкѣ* 471, к *осѡдину* 17, 23, к *осѡдѡр(ю)* 465, [к *Ул*] *илѡну* Ст. Р. 2, к *уѡумѡну* (sic) 359, с *Ыванѡмѣ* 154, к *Ивану* 473, к *Исаку* Ст. Р. 2, сс *Иванѡмѣ* 309. Отметим *оуѡ Ыкѡѡ* 521. Двусмысленно Ѡ *Онѡдрѡѡѡ* 303.

Примечание. В списки не включена церковная формула *во ѡмѡ*, которая по книжным нормам произносилась с устойчивым *о*. Она встретилась в нескольких завещаниях XIV и начала XV в. (*въ ѡмѡ* 42, *во ѡмѡ* 28, *во ѡмѡ* 692).

Изучая этот материал, мы прежде всего убеждаемся в том, что примеры утраты ѣ перед гласной появляются практически с того же времени, что и другие примеры утраты ѣ в начальном слоге фонетического слова: к *Алѡѡимѡе* 657, вероятно, относится к 60-м — 80-м годам XII в., к *Олѡсьевѡи* 502 — к последней трети XII в., примеры из грамот № 531, 550, 670 — к рубежу XII и XIII вв.

Особенность состоит в том, что в данной позиции (в отличие от других) ѣ далеко не всегда исчезает бесследно.

Рассмотрим встречающиеся здесь типы записи.

1. Сохраняется ѣ. Этот тип записи возможен в XII в., но начиная с XIII в. практически исчезает (единичное исключение — къ *Ѡлеѡндру* 314 в грамоте конца XIV в.).

2. Пишется *о*. Этот тип записи представлен в двух десятках примеров, относящихся ко 2-й половине XII—XIV вв., в основном перед словами, начинающимися с *о*. Казалось бы, можно считать этот тип чисто графическим вариантом предыдущего. Действительно, для части грамот ничто не мешает именно такому его истолкованию. Однако запись предлога с *о* встречается также и в некоторых грамотах, где в остальном смешения ѣ и *о* нет; сюда относятся: ко *Онаниѡ* Ст. Р. 10, кс *Ѡгаѡноу* 420, ко *Ѡстаѡиѡи* 481, ко *Ѡнаниѡи* 279. Это заставляет нас признать, что по крайней мере перед последующим *о* запись типа *во*, *ко*, *со* могла отражать произношение с [о]. Понятно, что этот вывод хорошо согласуется с наличием в книгах и в пергаменных грамотах написаний типа *изѡѡстанѡть*, *во Ѡлонѡи* и т. п. (см. Шахматов 1915, § 337).

3. Предлог пишется без ѣ (*о*), причем последующее слово не претерпевает никаких изменений. Самые ранние надежные примеры этого типа — к *Олѡсьевѡи* 502, к *ОнѡтанѸ* 670. В XIII в. к этому типу с уверенностью можно отнести только к *Оксьнье* 411, к *Осипу* 707 и к *Оулиааниц* 377. В XIV в. этот тип (кроме сочетаний со словами, начинающимися с *и*) безусловно преобладает, в XV в. является единственным.

4. Предлог пишется без ѣ (*о*), но в последующем слове: а) *и* заменяется на *ы*; б) *о* заменяется на *а*. Первый из этих переходов хорошо известен. В берестяных грамотах самый ранний его пример — с *ызѡѡѡмо* 531 (рубеж XII и XIII вв.).

В XIII и XIV вв. если *ъ* (*о*) в предлоге не пишется, то на месте последующего и всегда представлено *ы*, что говорит о полной регулярности соответствующего фонетического перехода. Отклонения от этого принципа отмечены лишь в XV в.: к *Ивану* 473, к *Исаку* Ст. Р. 2. Очевидно, эти примеры просто отразили общий переход *кы* в *ки*, который в соответствующем говоре распространялся и на рассматриваемую здесь позицию. Единичный пример *сс Иваномъ* 309 — скорее всего просто дань нормативной орфографии.

В отличие от перехода *и* в *ы*, переход *о* в *а* в изучаемой здесь позиции в курсах истории русского языка не отмечается. Поэтому необходимо разобрать его более подробно.

§ 51. Материал, где мы можем предполагать переход *о* в *а* после *ъ*, таков: а) *сарати* 211 (из **сѣорати*), к *атцѣви* 404, в *Акосово* 55, к *Альѣимие* 657, с *Аѣремовими* (исправлено из *соѣлемовими*) 191; б) к *Аврамоу* 550, к *Аноѣимоу* Пск. б; в) *Ѡ Афанаса* 152, *Ѡ Аврама* 139.

При изучении этих примеров сразу же возникают следующие вопросы: 1) нельзя ли считать, что по крайней мере у имен собственных здесь просто представлен книжный вариант с начальным *а-*, а не народный с *о-*?; 2) нельзя ли интерпретировать все эти примеры просто как отражение аканья?

Начнем с первого вопроса. Для групп «б» и «в» указанная возможность в принципе представляется реальной. Однако для группы «а» ее необходимо отвергнуть. Для *сарати* и к *атцѣви* это не требует доказательств. Для топонима *Акосово* никакой правдоподобной этимологии с исконным начальным *а-* предложить невозможно. Для народных имен *Олфимья*, *Офрѣмъ* (*Офлѣмъ*) книжными вариантами являются не **Алфимья*, **Афрѣмъ*, а *Ѡфимья*, *Ѡфрѣмъ*¹². Таким образом, для группы «а» мы непременно должны считать исходным начальное *о-* (а не *а-*).

Чтобы обоснованно оценить примеры из группы «б» и «в», рассмотрим вопрос о том, в каких вообще случаях в берестяных грамотах словоформа может начинаться с *а*. Как показывает проверка, во всем массиве берестяных грамот с *а* начинаются:

1. Несколько церковнославянских слов, встретившихся в грамотах церковного или официального содержания: *ангелъ*, *аминь*, *азъ*, *аще*. Сюда же относится имя [А] *Инастия* 508 (если оно правильно прочитано) в списке, содержащем имена святых, и, вероятно, также с *Асафѣмъ* 605 (в письме от одного монаха к другому, выдержанном в книжном стиле; монахом был и упоминаемый в письме Асаф [= Иоасаф]).

2. Союзы: *а*, *абы*, *аже*, *али*, *ати* (*атъ*), *аче*, *ачи* (*ачи*).

3. Имена собственные с ударением на начальном *а*: *Ѡ Ане* 531, *Анѣ* 477, *на Азъгоутѣ* 526, *у Авиници* 278, *оу Алжъвиць* 138 (для имени *Анна* во всех акцентуированных памятниках отмечается только начальное ударение; для имени *Азъгутъ* начальное ударение определяется его скандинавским происхождением, для имен *Ава*, *Авиничъ*, *Алжи*, *Алжъвиць* — их финноугорским происхождением, см. разбор Е. А. Хелимского в НГБ 1977—83, с. 256).

4. Ровно тот набор примеров, с которого мы начали разбор (не считая *сарати*), т. е. к *атцѣви*, в *Акосово*, к *Альѣимие*, с *Аѣремовими*, к *Аврамоу*, к *Аноѣимоу*, *Ѡ Афанаса*, *Ѡ Аврама*.

Для сравнения укажем, что имена, каноническая форма которых начинается с *а*, встретились в берестяных грамотах с *о-* (*Огафонъ*, *Озарья*, *Олекса*, *Олександръ*, *Онаныя*, *Ондрѣи*, *Онфимъ*, *Онцифоръ*, *Офнось* и т. д.) около 100 раз. Мы видим, таким образом, что в материале берестяных грамот (не церковного характера) имена этой категории встречаются с *а-* только после предлогов на **ъ*; во всех прочих позициях они выступают с *о-* с не меньшей последовательностью, чем собственно славянские слова типа *отець*, *отрокъ*, *овесъ* и т. п.

Разумеется, можно предположить, что перед нами игра случая: выбор книжного

¹² Правда, можно было бы предположить, что здесь действовала гиперкоррекция, т. е. строились псевдокнижные формы типа *Алфимья* по образцу других книжных имен с *а-*. Однако при учете всей совокупности примеров, входящих в наш список, это предположение становится излишним.

варианта имени (т. е. с *a-*) в примерах к Аврамоу 550, к Анофимому Пск. 6, \mathfrak{W} Афанаса 152, \mathfrak{W} Аврама 139 (и только в них) случайно совпал с тем фактом, что все они отражают позицию после предлога на *ъ. Однако вероятность такого совпадения в действительности пренебрежимо мала. Поэтому мы вправе заключить, что в этих примерах, как и во всех остальных, представлены не книжные варианты имен, а обычные народные — *Оврамъ, Онфимъ, Офанасъ (Офоносъ)*, — в которых, однако, начальная гласная подверглась такому же изменению под влиянием предшествующего *ъ*, как в *сарати, к атцеви* (специально отметим, что грамоты № 550 и Пск. 6 — заведомо бытовые; о № 152 и 139 данных нет, поскольку это лишь маленькие фрагменты).

Вывод о том, что замена *a-* на *o-* в канонических именах происходила в древненовгородском диалекте с полной последовательностью, сам по себе представляет значительный интерес. На фоне сведений, полученных из берестяных грамот, полезно заново рассмотреть соответствующие показания новгородских пергаменных документов.

В совокупности подлинных новгородских грамот XII—XV вв., входящих в ГВНП, явно преобладают варианты с *o-* (типа *Ондрѣи*), но встречаются также и варианты с *a-* (типа *Андрѣи*), т. е. картина далеко не столь последовательна, как в берестяных грамотах. При более внимательном изучении обнаруживается следующее. Только *a-* представлено в имени *Анна* и в именах немцев *Адамъ, Арбудъ*; во всех этих случаях ударение было начальным (может быть, начальное ударение имело также имя *Авдукъ*, отмеченное 2 раза). В прочих случаях *a-* встречается (с большей или меньшей частотой) лишь наряду с *o-*. Вариант с *a-* отмечается: 1) в именах некоторых духовных лиц — игумен *Аврами* (в № 101), чернец *Алѣксъ* (№ 167), пономарь *Ананья* (№ 239), старец *Арсени* (№ 308), поп *Аврамъ* (№ 309); 2) неоднократно в именах князей (изредка также посадников и тысяцких), если они выступают в составе официальных договоров или дипломатических посланий — князь *Андрѣи* (№ 4, 7—10, 12, 14, 15, 34, 35), князь *Александръ* (№ 2, 3), посадник *Андрѣи* (№ 35), тысяцкий *Андрѣянъ* (№ 7), тысяцкий *Аврамъ* (№ 14). В остальном, за очень небольшим числом исключений (*Андрѣевѣ дѣти* № 11, *Анѣдрѣю* № 105, *Агафанъ* № 166, *Аврамъ* № 232 и нек. др.), рассматриваемая категория имен выступает с *o-*: *Обакунъ, Оврамъ, Огруфѣна, Олександръ, Омосъ, Одрѣи, Офоносъ* и т. п. (сотни примеров). Специально отметим вариант *Оврамъ*, поскольку он случайно не встретился в берестяных грамотах: *Оврама* № 132, в («у») *Оврама* № 207, *Оврамъ* № 225; ср. также *Овраму* № 89 (в позднейшем списке), *Owrate* № 62 (в немецком документе). В позднейших списках доля примеров с *a-* заметно возрастает, что естественно отнести на счет переписчиков. В целом показания пергаменных грамот достаточно хорошо согласуются с выводами, полученными из анализа берестяных грамот, только здесь эти показания в определенной степени затемнены орфографическими условностями и потому не столь прозрачны.

Что касается имен, каноническая форма которых начиналась с *к*, то их развитие в древненовгородском диалекте было в основном сходно с рассмотренной выше группой, ср. *Овдокимъ, Овсѣи, Олисѣи, Остафы, Офимья, Офрѣмъ* и т. п. в берестяных и пергаменных грамотах. Поскольку, однако, начальное *к* в целом было в древненовгородском диалекте значительно меньшей редкостью, чем начальное *a* (ср. *кго, кму, кмлеть* и т. п., кроме того, имена типа *Кванъ, Ксифъ, Кремѣи, с к* из *ио-* или *иж-*), то и замена *к* на *o-* в именах осуществлялась несколько менее последовательно, чем замена *a-* на *o-*, ср. наличие даже в берестяных грамотах таких примеров, как \mathfrak{W} *Квъшмек* 328, *Елизарѣв(у)* 496 (может быть, сюда же *уо Квиши* 482).

§ 52. Итак, переход **ъо* в *a* представлен пятью надежными и еще четырьмя почти надежными примерами (все они относятся к периоду со 2-й половины XII в. по начало XIV в.). Тем самым по существу решается и вопрос о том, нельзя ли во всех этих случаях усматривать простое проявление аканья. Ответ

здесь явно должен быть отрицательным, поскольку нельзя объяснить, почему в грамотах того же периода почти нет примеров замены *o* на *a* в других позициях (если не считать почти очевидных описок, к числу таких примеров можно отнести лишь *ou Даброжира* 228 [XII₂]; ввиду изолированности этого примера он практически ни о чем не говорит).

Как мы видели, однако, **ʰo* далеко не всегда дает *a*. Наряду с *a*, грамоты отражают еще два возможных результата развития того же сочетания: *oo* и простое *o*. Мы предполагаем, что перед нами три варианта развития, свойственные разным говорам древненовгородского диалекта. Заметим, что последние два варианта известны в восточнославянской зоне и за рамками древненовгородского диалекта; возможно, что и развитие **ʰo* > *a* тоже не было ограничено этими рамками. По-видимому, именно об этом свидетельствует знаменитый пример из написанного в 1339 г. в Москве Сийского евангелия: *въ апустѣвиши земли* (из записи). Соответственно, этот пример не может более рассматриваться (как это традиционно делается в учебниках) в качестве самого раннего письменного свидетельства аканья.

Если развитие **ʰo* > *oo* легко объяснить ассимиляцией гласных, то развитие **ʰo* > *a* представляется гораздо менее понятным. Нужно учитывать, однако, следующее. Гласная **ʰ*, развившаяся из более раннего **u*, утратила в ходе этого развития признак лабиализованности. Можно, впрочем, полагать, что в части праславянских говоров эта утрата была неполной; это те говоры, в которых впоследствии сильный *ʰ* перешел в *o* (т. е. в лабиализованную гласную). В другой группе праславянских говоров *ʰ*, по-видимому, был полностью делабиализован; сильный *ʰ* здесь впоследствии перешел в нелабиализованную гласную: *e*, *a* или *э*. На первый взгляд, речь идет о противопоставлении восточнославянской зоны, с одной стороны, и западно- и южнославянской, с другой. Но в действительности, как известно, разграничение здесь проходит гораздо более сложно: так, сильный *ʰ* дал *o* в македонском и в целом ряде говоров западнославянской зоны (в значительной части словацких и небольшой части чешских говоров, в определенных случаях также в лужицких языках). С другой стороны, в пределах восточнославянской зоны обнаруживается, в частности, различие между лабиализованным (типа *oj*) и нелабиализованным (типа *ʲj*, *эj*) рефлексом *ʰ* в позиции перед *j*. Таким образом, степень лабиализованности *ʰ* (в целом или в определенных позициях), по-видимому, могла различаться даже в весьма близких между собою говорах.

В говоре с полностью делабиализованным *ʰ* в принципе возможно то «странное» развитие сочетания **ʰo*, которое мы здесь рассматриваем, а именно потеря лабиализованности также и вторым его членом (в силу прогрессивной ассимиляции). В результате могло возникнуть нечто вроде *ʰə* (или просто *ə*), т. е. звук типа [ə]. Однако «готовой» фонемы /ə/ в этот период в системе нет. Не исключено, что рассматриваемый звук сместился в сторону одной из ближайших фонем, а именно /a/. Но вполне вероятна и другая возможность: буква *a* в записях типа *к атцѣви* могла быть просто способом приближенной графической передачи звука [ə] (напомним, что буква *ѣ* в XIII в. в бытовых системах была просто эквивалентом буквы *o*, а буква *e*, которая в данном случае, казалось бы, была фонетически более подходящей, чем *a*, предполагала бы мягкость предшествующей согласной, тогда как здесь согласная была твердой).

Поскольку нелабиализованный *ʰ* в некоторых позициях (в частности, перед *j*) характерен для западных говоров древней Новгородской земли, можно предположить, что и развитие **ʰo* в некий звук, изображаемый на письме через *a*, было свойственно лишь каким-то из западных говоров древненовгородского диалекта. Пример *к Анофимоу* в псковской берестяной грамоте тоже говорит в пользу такого предположения.

Раннее исчезновение примеров с *a* из **ʰo* в новгородских берестяных грамотах можно в этом случае связывать с постепенным общим уменьшением удельного веса западных элементов в древненовгородском койне на протяжении XIII—XV вв. Следует учитывать, кроме того, что с распространением аканья в псковских и селигеро-торжковских говорах рассматриваемый особый рефлекс прежнего **ʰo* должен был раствориться в этих говорах в общем эффекте аканья.

Другой диалектный рефлекс прежнего *ъо, а именно оо, прослеживается в берестяных грамотах несколько дольше — примерно до конца XIV в. Возможно, именно этот рефлекс в отдельных случаях дожид до нашего времени в некоторых сибирских говорах, ср. *вообщё* «сообща, вместе» *Колым.*, *воочу* «воочию» Заурал. (СРНГ, вып. 5, с. 95; но не исключено также, что мы имеем здесь дело просто с заимствованиями из книжного языка).

Третий рефлекс — простое о — отмечается уже с 2-й половины XII в. С XIV в. он становится в древненовгородском диалекте преобладающим и далее полностью вытесняет остальные рефлексы. Заметим, что к такому же результату приходит развитие и в прочих главных частях восточнославянской территории.

Вопрос о конечных редуцированных

§ 53. Проанализировать судьбу конечных редуцированных словоформы теми же методами, что для неконечного слога, невозможно, так как падение конечных редуцированных не получает прямого отражения на письме: как в книжной, так и в бытовых системах действует орфографическое правило, требующее писать ъ или ь (или заменяющие их о, е) после конечной согласной словоформы. Это правило стоит мощным заслоном на пути к выяснению того, когда в действительности исчезли конечные редуцированные.

К счастью, мы располагаем все же некоторыми косвенными свидетельствами, позволяющими делать заключения по данному вопросу. Главным из них является отражение на письме конечного *-мь и в особенности словоформы *есмь. Если конечное *-мь отражается на письме в виде -мъ (или -мо), причем в грамоте нет графического эффекта ь → ъ, мы можем с высокой вероятностью заключить, что конечный [ь] здесь уже исчез, поскольку предшествующее [м'] , чтобы отвердеть, сперва должно было стать конечным (гипотеза о том, что [-м'ь] могло непосредственно переходить в [-мъ], с типологической точки зрения крайне маловероятна). Особую значимость имеет отражение на письме словоформы *есмь в виде есмъ или есьмь (в бытовой записи также есемо, есеме и т. п.) в грамотах, где предконсонантные мягкие согласные в принципе не сопровождаются на письме буквой ь (или е). В этих условиях такая запись заставляет нас предполагать здесь появление вокалической вставки (типа [ь] или [е]) между согласными. Очевидно, однако, что такая вставка может возникнуть лишь после того, как сочетание [с'м'] или [с'м] стало конечным, т. е. [ь] после него уже исчез.

Другое существенное для нас явление — возможность написания е (а не и) в соответствии с конечным *-jь или *-ji, например, *въдае* вместо *въдаи*. Поскольку мены букв е и и в берестяных грамотах в общем случае нет, между тем как запись [j] через е в поздних грамотах хорошо засвидетельствована, мы вправе предполагать, что и в ранних грамотах написание типа *въдае* отражает [въдаj]. Утрата слога здесь вполне аналогична процессу падения конечных редуцированных.

Приводим материал ранних берестяных грамот по конечному *-мь.

Грамоты (почти) без смешения ъ, ь с о, е. XI в. — 1-я четверть XII в.: *есмь* 525, *добръмь* 246, *съ Асафъмь* 605, *кроупъмь* 526, *осмь* 238 (написание *въ томъ* 109 непоказательно, так как в этой грамоте представлен графический эффект ь → ъ). 2-я четверть XII в.: *есмь* 119, 336, *на немъ* 336; особо: *ес[ь]м[ь]* (или *ес[ь]м[ъ]*) 679 (со вставным ь). 50-е — 80-е годы XII в.: а) *за нимъ* 9; б) *съ Лазь(в)къмъ* 105. 90-е годы XII в. — 10-е годы XIII в.: *(ко)жюхъмъ* 438, *на третьемъ* 609.

Грамоты со смешением ъ, ь с о, е. 2-я четверть XII в.: а) *есмь* 384, *съ Гурьгъмь, дбръмь* 487; б) *есемо* (2х), *чимо* 644, *съ цыльцьмо* 429. 50-е — 80-е годы XII в.: а) *есмь* 638; особо: *есъмь* 682; б) *есъмъ* 231, *есъмо* 226, *(есъ)мо* (?) 665, *одиномо* 227, *во простемо, въ другемо* 686, *во томо* 654. 90-е годы

XII в.— 10-е годы XIII в.: а) *съ нимь* 296; особо: *есьмь* 296, *осьмь* 223 (ненадежно *восеме* или *во семе* 437); б) *есмо* 222, *передамо*, *имо* 705, *со Воелавомо*, *с ызветомо*, *на томо*, *при комо*, *о моемо* 531, *со друогмо* 601, *со Проусомо* 439, *с нимо*, *татьмо* 222.

Ненадежно *ес[ом]*- 227; однако сама возможность такого развития словоформы **есьмь* подтверждается более поздними примерами *ксомо* 211 (2-я пол. XIII в.), *к сомъ* 178 (кон. XIV в.); очевидно, в некоторых говорах вставная гласная здесь развилась уже после отвердения [с'].

Примечание. О грамотах, где встретились написания со вставным *ь*, *е* или *о* (типа *есьмь*, *есьмь* и т. п.) известно следующее. Ни в одной из них нет примеров сопровождения на письме предконсонантных (по раннедревнерусскому счету) мягких согласных буквой *ь* или *е*. Однако в № 223, 226, 437 и 682 просто нет и соответствующего материала, поэтому их свидетельства недостаточно показательны (а в № 682 встретилось, кроме того, написание *госъложе*, с незтимологическим *ъ*).

Как можно видеть, грамоты, написанные по-бытовому, гораздо шире и раньше отражают отвердение конечного [м'] и вставку гласной в **есьмь*, **осьмь*, чем написанные по-книжному. Очевидно, в этих последних в какой-то мере сказывается влияние книжных орфографических норм. Необходимо, впрочем, учитывать, что как отвердение конечного [м'], так и вставка гласной в конечных консонантных сочетаниях несомненно происходили в разных древненовгородских говорах неодновременно (ср., в частности, выше о варианте *есомъ*); в некоторых из них старое состояние сохранялось чрезвычайно долго. Это значит, что даже и позднее XII в. написания типа *есьмь*, *съ нимь* иногда могли быть не только данью орфографии, но и отражением реального произношения типа [jes'm'], [n'im']. Для нас существенно прежде всего то, что написания типа *есмь*, *съ нимь* не могут служить свидетельствами сохранения конечного [ь]; с этой точки зрения они просто ни о чем не говорят. Напротив, написания типа *есьмь*, *съ нимь* (и эквивалентные им) определенно свидетельствуют о том, что по крайней мере в части говоров конечный [ь] здесь уже исчез.

Ввиду этого капитальное значение приобретают показания грамоты № 644 (имеющей надежную дендрохронологическую датировку в рамках 10-х — 20-х годов XII в.): мы находим здесь *есемо* (2×) и *чимо*, при том что в срединном и начальном слогах все (ъ) и (ь) на письме сохранены (*восолеши*, *восали* [2×], *калотокъ*, *золотьникъ*, *кальцю*, *Нѣжеке*, *чето*, *ничето же*, *водала*, *водале*, *вокъе*; ср. передачу исконных консонантных сочетаний в *отроко*, *вѣсть*, *сестра*, *исправить*, *три*). Поскольку для отвердения конечного [м'], очевидно, требуется какое-то время, необходимо заключить, что конечный [ь] исчез (по крайней мере, в некоторых древненовгородских говорах) существенно раньше, чем редуцированные срединного и начального слога. Ранняя дата грамоты № 644 заставляет нас отнести начало этого процесса ко времени, более раннему, чем 20-е годы XII в. Приведенные выше данные грамот XII в. о сравнительно быстром распространении написаний с -мъ, -мо в соответствии с исконным *-мь, очевидно, в основном отражают уже не само падение конечных редуцированных, а развитие вызванных им вторичных процессов (отвердение [-м'], появление вставных гласных).

Приведем также ранние примеры написания *е* в соответствии с *-jь или *-ji: *въдае* «дай» 566 (кон. XI — 1-я четверть XII в.), *вокъе* 644 (10-е — 20-е годы XII в.); прочие XII в.— *въдае* 113, 231, 456, *водае* 227, 624, *прода[e]* «продай» 163; кон. XII и нач. XIII вв.— *въ първое* «в первой», *въ дръгее* «в другой» 438, *Матее* «Матей» 439, *сватее* (Д. ед.), *ко нее же* 705. В список не включены неоднозначные примеры типа *оу Надеекоее* («Надѣиковѣи» или «Надѣиковѣѣ») Ст. Р. 22, *одоное* («-ои» или «-оѣ») 222. Как можно видеть, самый первый пример из этого списка относится к очень раннему времени.

К XII в. (по-видимому, ко 2-й половине) относится стоящая особняком грамота Ст. Р. 10, автор которой, в нарушение орфографического правила, не обозначает на письме исчезнувших конечных редуцированных: в *городищаньх*,

пакостил (вероятно, вместо *пакостиль*), а также *ополош* (из *ополоши*, с утратой конечного *-и*).

Таким образом, разбор косвенных данных о состоянии конечных редуцированных приводит нас к выводу, что их падение (или, по крайней мере, начало этого процесса) предшествовало падению редуцированных в срединном и начальном слоге.

Редуцированные в некоторых особых позициях

§ 54. Из материала, приведенного в § 41—44, даже без специальных подсчетов непосредственно видно, что в позициях I* и II* скорость утраты ⟨ѣ⟩, ⟨ѵ⟩ на письме несравненно меньше, чем в основной группе примеров. Понятно, что это связано с характером соответствующих позиций: давно установлено, что во всех славянских языках в сложных консонантных сочетаниях падение редуцированных могло задерживаться или даже вообще не осуществиться. Таким образом, в данном случае статистика утрат ⟨ѣ⟩, ⟨ѵ⟩ на письме в берестяных грамотах может рассматриваться как лишнее свидетельство того, что эти утраты в целом действительно отражают реальные фонетические процессы, а не определяются лишь какими-то условными правилами.

Для целей настоящей работы нет необходимости приводить исчерпывающие списки случаев долгого сохранения на письме ⟨ѣ⟩, ⟨ѵ⟩ в позициях I* и II*. Отметим лишь некоторые из них. Так, в частности, написание *рожи* «ржи» в XIII в. регулярно и представлено даже во 2-й половине XIV в. (грамота № 689); написание *ржи* отмечено лишь начиная с грамоты № 191 (нач. XIV); в дальнейшем оно уже господствует. Ср. еще *Ѹ Собыслава* 409 (XIII/XIV), *Ѹ Домитра* 410 (кон. XIII), *скобькаръ* 500 (сер. XIV), *оу подоклти* «в подклете» 275 (XIV₂), *невѣстѣ|кѣ* (если это не эффект конца строки) 363 (XIV/XV). Разумеется, не все подобные написания свидетельствуют о сохранении гласного призвука; в части случаев мы можем иметь дело просто с единичными отклонениями в сторону скандирующей записи. Совсем непоказательны поздние написания с ⟨ѵ⟩, поскольку в XIII—XV вв. ⟨ѵ⟩ всегда может быть знаком мягкости.

Особо стоят написания с начальным *вѣ-* (или *во-*) перед согласной: в XII в. они полностью господствуют над простым *в*, в XIII в. преобладают, в XIV в. уже уступают простому *в*, но все еще употребительны. Примеры *вохъ* «весь» 351, *вохо* «всѣ» 439, 390, 100, *вохе* «все» 670, *вохи* «все» 497 (из **вѣх-*) показывают, что через *во-* здесь передано уже просто [w] или [в], поскольку начальная согласная здесь могла отвердеть лишь после исчезновения гласной [ъ]. Показательно также прямое варьирование написаний с *во-* и *Ѹ-* в грамоте № 483 (60-е — 70-е годы XIII): *се ли не Ѹдасте, да со изросты водасте* «если же не отдаст, то потом с процентами отдаст». Таким образом, орфограмма *вѣ-* (или *во-*) в течение долгого времени могла использоваться для передачи [w] (или [в]), способного в определенном окружении реализовываться также как [y].

Заметим, что описанное употребление орфограммы *вѣ* (или *во*) в принципе возможно и внутри словоформы; но здесь оно встречается заметно реже (по крайней мере, в ранних грамотах). Так, в XII в. в срединном слоге утрата ⟨ѣ⟩ или ⟨ѵ⟩ после *в* происходит лишь ненамного реже, чем после других согласных (поэтому здесь не было необходимости исключать положение после *в* из позиции I). В XIII в. употребление орфограммы *вѣ* (или *во*) внутри словоформы для передачи [w] учащается (см. в связи с этим сноску 10).

Сочетания типа *ТѣрТ*

§ 55. С общей проблемой развития редуцированных тесно связан вопрос о судьбе праславянских сочетаний **ТѣрТ*, **ТѣлТ*, **ТѣртТ*; условимся далее для простоты говорить о «сочетаниях типа *ТѣрТ*», используя кириллическую запись

и опуская звездочку. Этот вопрос был рассмотрен нами в Лингв., § 39; в настоящей работе мы продолжим начатый анализ с учетом нового материала и разберем некоторые аспекты проблемы более подробно.

Подавляющая часть материала берестяных грамот свидетельствует здесь о некоторой особой фонетической эволюции, которую можно назвать г л а в н о й д р е в н е н о в г о р о д с к о й моделью развития сочетаний типа *ТърТ*. Эту модель можно описать так. После плавной очень рано (в дописьменный период) развился дополнительный (вставной) *ъ* или *ь*; он мог быть сильным или слабым — по общим правилам для редуцированных, т. е. в зависимости от того, что следовало за *ТърТ*. Что касается редуцированного перед плавной, то он во всех случаях вел себя как сильный. В эпоху падения редуцированных вставные *ъ* или *ь* развивались по общим правилам, т. е. исчезали или «прояснялись» в зависимости от позиции.

Помимо этой модели в берестяных грамотах изредка встречается также, если судить по характеру написаний, то, что можно назвать с т а н д а р т н о й д р е в н е р у с с к о й моделью развития рассматриваемых сочетаний. Она состоит в том, что в сочетаниях типа *ТърТ* после плавной либо вообще не возникало никакой гласной, либо, если какой-то гласный призвук и был возможен, то он не отождествлялся с фонемами *ъ*, *ь*. Соответственно в эпоху падения и «прояснения» редуцированных после плавных ни в какой позиции не развивалась гласная полного образования.

Следует учитывать, однако, что написания, соответствующие данной модели, могут, по крайней мере, в части случаев, определяться орфографическими нормами (а не реальным произношением). Поэтому их истолкование требует значительной осторожности.

При разборе необходимо различать сильную и слабую позиции для сочетаний типа *ТърТ* (см. Лингв., § 39, с. 124): в сильной позиции *ТърТ* стоит перед слабым редуцированным, в слабой — перед гласной полного образования или перед сильным редуцированным. Оценка позиции как сильной или слабой дается по состоянию до падения редуцированных (т. е. для более поздней эпохи эти позиции имеют уже не синхронический, а лишь исторический смысл).

Ниже рассматривается весь материал берестяных грамот по сочетаниям типа *ТърТ* (за исключением примеров из грамот, содержащих церковнославянский текст: *мъртыхо* 419, *долговъ* 128). Примеры, где наличие первоначального *ТърТ* устанавливается ненадежно (*Полоцька* 155 [антропоним], *вьръжи* 248, *черенцани* 157 и т. п.), в разбор как правило не включаются.

Некоторая часть примеров выведена из основных списков, поскольку эти примеры по тем или иным причинам непоказательны с точки зрения интересующей нас проблемы. Перечислим эти случаи до начала основного разбора.

1. Непоказательны написания *не дльжьнъ*, *Вльчькови* «Волчку» 336 (XII) — с *ль* по старославянскому образцу; они явно представляют собой орфографическую условность.

2. Непоказательны примеры из грамот, где представлен графический эффект скандирования (*бороть*, *Усть-Воломи*, *вьрховья*, *Църьтово* 390 [кон. XIII], *во Торожеке*, *молови* [2*] 346 [кон. XIII]) или силлабо-скандирования (*не стороговале* Пск. б [XIII], *меретве* 582 [кон. XIII], (*н*)[*оло* *цетве*]*ре*[*ти*] 483 [XIII₂]), см. § 44. Непоказательны также примеры с *ь* (*е*) из грамот с мягкостной записью (*замерзьли* 69 [кон. XIII]; также *сь*(*м*)*ьрда* 410 [кон. XIII] — при непоследовательной мягкостной записи). Во всех этих случаях наличие буквы *ъ*, *ь* (или *о*, *е*) после *р*, *л* определяется (или, по крайней мере, может определяться) принятым в грамоте орфографическим принципом и потому не может служить свидетельством того, что в соответствующих местах реально произносилась какая-либо гласная.

3. В грамоте № 348 (XIII₂) непоказательно написание слова «четверть»: И. ед. *цетверете*, *цетверте* (8^х), *цетвьрте*, *цетвете* (2^х), *цецетверте*, *цетте*; также 2 *цетеерти* (2^х), 2 *цетверети* (2^х), 4 *цетверти*, 7 *цетверти*. Дело в том, что

это слово повторяется в грамоте 20 раз (после каждого входящего в список имени), а такие слова, как правило, записываются писцами менее тщательно, чем информативная часть текста (имена и цифры), и часто подвергаются сокращениям и искажениям (ср., например, грамоту № 92, где 11 раз повторяется слово «лосось»: мы встречаем здесь среди прочих, например, написания *лосъсъ*, *лосо* [2*], *слосъ*). В грамоте № 348 автор в первой строке распределил *-er-* и *-ere-* в слове «четверть» правильно (с точки зрения древненовгородского диалекта): *4 цетверти*, но И. ед. *цетверете*. Однако дальше автор сбился: сперва он ошибочно повторил орфограмму с *-ere-* в сочетании *2 цетверети* (2*), а затем, наоборот, перешел во всех случаях на орфограмму с *-er-* и одновременно стал часто недописывать это слово или искажать его.

С учетом сделанных оговорок мы можем перейти к разбору основной части материала берестяных грамот по сочетаниям типа *ТърТ*.

Приводимые ниже списки обычно подразделяются на хронологические рубрики. Внутри рубрики вначале даются примеры из грамот без смешения *ъ, ь* с *о, е*, затем (после точки с запятой) — из грамот с таким смешением (следует учитывать, впрочем, что для грамот, где мало материала, отнесение к первой или второй из этих категорий оказывается до известной степени условным).

Рассмотрим вначале сочетания типа *ТърТ* в с и л ь н о й позиции.

Почти весь материал берестяных грамот соответствует здесь главной древненовгородской модели, т. е. после *р, л* мы находим на письме буквы *ъ, ь* или *о, е*.

XI—XII: (*чь*)*р[ъ]*мьно 245; *Короцьковее* (Къръчъковѣѣ (?)) Ст.Р.21, *колотохѣ* 644, *Деретохъ* (Дърѣтѣхѣ(?)) Ст. Р. 22. 50-е — 80-е годы XII в.: *кълтѣхѣ* 335, *въ дѣлѣхъ* 675, *въ ч[е]т[вѣр]ѣхъ* 585; *корозьно* 638, *торого* (?) 227, *дѣлож[ъ]ницюу*, *въ дѣложениць* 449, *на верьхо* 549, *вьрьшь* 82. 90-е годы XII в.— 10-е годы XIII в.: *къръзно*, *оперьсникѣ* 648; *къръмьне* (къръмьнѣѣ) 650, *верьшью* 219, *Чъръмьна* 671. XIII в.: *2 горошка* «два горшка» 220, *цетвереть* 218. XIV и XV вв.: *верешъ* 361 (2*), *цетверетк[е]*, *це[твѣ]р[е]тк[и]* 521, *[че]т[вѣ]р[е]ткѣ* 492, *цетверетьнѣи* 297; *горнчаро* 445, *пальсть* 500, *3 полосца* 263, *върѣвки* 133, *верешъ* 275/266, *церецецо* 689.

Стандартной древнерусской модели во всем материале берестяных грамот соответствует (если не считать материала грамоты № 348, о которой см. выше) лишь два примера: *чъръмьницѣ* 381 (XII), *смертью* 135 (XIV/XV). Понятно, что строить какие-либо заключения на основании всего двух примеров было бы несерьезно.

Перейдем к сочетаниям типа *ТърТ* в с л а б о й позиции.

В этой позиции главная новгородская модель развития выявляется не столь однозначно, как в сильной, а именно в грамотах, отражающих состояние до падения редуцированных, мы находим рефлекс типа *ТъръТ*, в грамотах, отражающих состояние после их падения, — рефлекс типа *Торт*. В грамотах переходного периода рефлексы могут колебаться.

Таким образом, при оценке поведения исконного *ТърТ* здесь следует учитывать, во-первых, датировку грамоты, во-вторых, поведение всех прочих редуцированных в данной грамоте. Необходимо также повышенное внимание к графико-орфографическим особенностям грамоты — прежде всего к вопросу о том, не используется ли в данной грамоте *ъ, ь* (или *о, е*) для обозначения (не только на конце словоформы) не гласных звуков, а лишь твердости или мягкости предшествующих согласных (именно в этой связи выше были исключены из общего разбора грамоты со скандированием и сходными графическими эффектами).

Начнем с материала, который, с нашей точки зрения, достаточно хорошо укладывается в рамки главной новгородской модели развития сочетаний типа *ТърТ*.

Примеры, где после *р, л* буквы *ъ, ь* (или *о, е*) есть.

XI—XII: *мѣлѣви* Ст. Р. 7, *жѣлтѣе* Ст. Р. 8, *смърьди*, *смърьда* 247; *въ борѣз[ъ]ѣ* 613, *брьковьска*, *-ь* (3*) 630 (единичное *брьковьско* в этой же грамоте похоже на описку), *Твьрьдѣть* 84. 50-е — 80-е годы XII в.: *въ бърѣзѣ* 176, *кѣ(р)ъчлгоу* 379, *Търъцина*, *Мѣлѣвоциѣхъ* (2*) 516, *кълтѣхъ* 335, *Чърнѣка* 113; *во борожь* 682, *Сморочьва* 663, *Тороцина* 225, *молови* 665, *моловила* Ст.

Р. 11, взмолловить 502, берековеско, Цереню (?), 8 дережи 624, Твьрьдилъ 231, ц[ет]веръ[т]а 710. 90-е годы XII в.—10-е годы XIII в.: въ бъръ(зѣ) 332; Короман(а) 7, мородоко 108, колобѣгъ 222, молови 8, 531 (2*), моловише 705, возмоллови 531, бъръкъвьскоу 219, точьрьво 222, цереленаѣ 439.

Примеры, где после *р, л* букв *ѣ, ъ* (или *о, е*) нет.

50-е — 80-е годы XII в.: долъгъ (-зѣ) 235, скорбѣ Ст. Р. 10; Твьрьдѣтъ 672, чърнеческое 681. 90-е годы XII в.—10-е годы XIII в.: първое 438; молвилъ 550, чвътьвѣрътъ (-тѣ) 219. XIII в.: торговала (2*), из долгоу 510, верши 322, на Церменце, цетвертина 220, цетверта 707, цетвертой 213; на борзе Пск. 7, на борзи 646, торгуи 68, молаѣте, (мо)лаѣ 600, (бѣ)рковеска 212, смърда 410 (2*), Терпиѣ (вместо Терпила) 348. XIV и XV вв.: на борзи 32, горсти 136, корми 358 (2*), порти «одежда» 687, в Порховѣ 540, на торгѣ 154, в Торжокѣ 358, Болдыкине 521, жолгоу 288, молви 5, мол[ви](лѣ) 3, Замолмовсови 178, шолкоу 288, берковеске 701 (2*), бѣрковскомѣ 184, верши 195, перво 178, смедри (вместо смерди) 99, смердыньскѣи 313, (ц)ерковѣ 470, церленого 288, Цертоу 4, цетворты 169; борзо 131, корми 266, искорми, искормили 50, портище 262, 263, торгѣвати 55, Колбинць 389, верши 50, първы 691, поверже 567, на Пустопържи 23, смѣрти 689, во церкове 414, цѣтвѣрти 23, поло цетверты 45 (в примере *верше* 102 не вполне ясна грамматическая форма слова).

Приведенные здесь два списка охватывают подавляющую часть всего относящегося к данному разделу материала. По-видимому, можно рассматривать их как отражение основной линии развития прежнего *ТърТ* (в слабой позиции) в древненовгородском диалекте. Из сравнения этих списков можно заключить, что при этой основной линии развития вставные *ѣ* и *ѡ*, возникшие в сочетаниях типа *ТърТ*, в слабой позиции пали практически одновременно с исконными *ѣ* и *ѡ*.

За рамками приведенных списков остаются (если не считать особых случаев, оговоренных выше) две небольшие группы примеров.

1. Формально соответствуют стандартной древнерусской модели написания без *ѣ*, *ѡ* после *р, л*, встретившись в нескольких ранних грамотах (кон. XI—XII₁), которые обнаруживают отчетливые черты языковой ситуации, предшествующей падению редуцированных: *смърде* 562, *мѣлви, мѣлѣлѣше* 605, *цетвѣртои* 602, *бърковѣске, -а* (9*), *Къргъ* Ст. Р. 20. Вероятно, сюда же следует отнести *цетвѣртѣ* 381 (XII).

Ввиду малочисленности этих примеров трудно определить, что именно они отражают — просто книжную орфографическую норму или особые говоры, где развитие *ТърТ* отличалось от главной древненовгородской модели. Для монашеского письма № 605, написанного в книжном стиле, вероятнее первое. Возможно, книжную норму отражает также грамота № 602 (заказ на иконы). Для прочих грамот (№ 381, 562, Ст. Р. 20) вопрос остается открытым.

З а м е ч а н и е. Разумеется, у нас нет полной уверенности в том, что некоторые из примеров, отнесенных выше к главной древненовгородской модели (скажем, *чърнеческое* 681, *първое* 438), не относятся в действительности к рассматриваемому здесь списку, т. е. к стандартной древнерусской модели. Мы можем настаивать лишь на том, что учет графико-орфографических особенностей грамот и их датировка позволяет считать предложенное выше разделение параметров на группы наиболее вероятным.

2. С другой стороны, имеется несколько примеров из грамот XIV в., где после *р, л* написано *ѣ* (или *о*) и нет уверенности, что перед нами чистая орфографическая условность: *пальсти* 354, в *Болъсинѣ*, у *Болъдѣ* 568 (в этих двух грамотах *ѣ* и *о* не смешиваются); [оу *Лоръховѣ* 266. Возможно, сюда же нужно отнести *по сомолове* 344 (от *смала* «договоренность»), хотя здесь, по крайней мере, столь же вероятным можно считать также и простое уклонение в сторону графического скандирования.

Как и в предыдущем случае, малочисленность примеров делает их интерпретацию весьма гипотетической. Возможно, что *ѣ* в приведенных написаниях является попыткой отразить гласный призвук, который нередко возникает в рассматриваемой позиции во многих русских говорах. Ср. выше, § 54, о двусмысленности написаний типа *скобѣкарѣ*.

§ 56. Подытожим основные выводы из проведенных выше наблюдений.

Ни бытовая, ни книжная графическая система не является вполне точным инструментом для передачи противопоставления [o] — [ʊ] — нуль звука (и [e] — [ɛ] — нуль звука). Для бытовых графических систем характерна условность, состоящая в одинаковой передаче гласных [o] и [ʊ] (так же, как [e] и [ɛ]), а для книжной системы — другая условность, состоящая в факультативной одинаковой передаче слабого [ʊ] (или [ɛ]) и нуля звука, иначе говоря, в факультативном необозначении [ʊ], [ɛ] на письме.

Бытовые графические системы ориентированы в основном на *lento*-варианты произношения. В книжной графической системе такого ограничения нет.

С учетом этих особенностей мы можем предложить следующую интерпретацию данных по неконечным слабым редуцированным, содержащимся в берестяных грамотах.

Свидетельства самых ранних грамот (XI — 1-я четверть XII в.) не дают еще практически никаких оснований предполагать даже факультативную утрату неконечных редуцированных.

Во 2-й четверти XII в. в срединном слоге словоформы слабые редуцированные становятся факультативными, т. е. уже могут исчезать при быстром темпе речи (особые позиции, способствующие более длительному сохранению редуцированных, не в счет). Для начального слога словоформы надежных примеров утраты на письме ⟨ʒ⟩, ⟨b⟩ еще нет (но для окончательных выводов материала здесь пока недостаточно). На данном этапе процесс утраты редуцированных получает отражение на письме практически лишь в грамотах, написанных по-книжному. Хотя утрата слабых [ʊ] и [ɛ], вероятно, происходит в одинаковом темпе, на письме она отчетливее отражается для ⟨ʒ⟩ чем для ⟨b⟩, поскольку часть ⟨b⟩ сохраняется на письме уже в новой функции — как показатель мягкости предшествующей согласной.

В последующее сорокалетие утрата редуцированных в произношении становится все более частым явлением; изредка она уже получает отражение даже в грамотах, написанных по-бытовому. Появляются первые надежные примеры утраты на письме ⟨ʒ⟩ и ⟨b⟩ в начальном слоге словоформы и фонетического слова (как в знаменательных словах, так и в предлогах). Разница в темпах утраты на письме ⟨ʒ⟩ и ⟨b⟩ сохраняется.

В 90-е годы XII в. — 10-е годы XIII в. процесс падения неконечных слабых редуцированных проходит (не считая некоторых особых позиций) свою заключительную фазу. К концу этого периода прежние *allegro*-варианты произношения становятся единственно возможными. Тот факт, что редуцированные в этот период все-таки еще существуют, засвидетельствован практически лишь грамотами, написанными по бытовой системе.

Более поздние грамоты XIII в. (начиная примерно с 20-х годов) обнаруживают уже позднерусское состояние, т. е. свидетельствуют о том, что процесс падения редуцированных в предшествующий период практически завершился. Даже в грамотах, написанных по-бытовому, представлены уже лишь единичные примеры с сохранением ⟨ʒ⟩ (примеры с ⟨b⟩ малопоказательны, так как ⟨b⟩ уже может быть здесь знаком мягкости); из них к срединному слогу, если не считать положения после в (см. § 54) и отвлечься от грамот с особыми графическими эффектами, относится всего два примера: *восоли* 350, *посоли* 708.

Таблицы 3 и 4 демонстрируют плавное нарастание процесса утраты ⟨ʒ⟩, ⟨b⟩ на письме в рассматриваемом временном интервале. В разных категориях примеров этот процесс протекает с разной скоростью, но его общее направление везде одинаково.

Особенностью древненовгородского диалекта (или, по крайней мере, большинства его говоров) является то, что в сочетаниях типа *TʒpT* после плавной здесь очень рано возникли вставные *ʒ*, *ь*, которые со временем совпали с обычными *ʒ*, *ь* и разделили их дальнейшую судьбу, т. е. пали в слабой позиции и «прояснились» в сильной.

Что касается конечных редуцированных, то, хотя здесь мы не располагаем столь же прямыми свидетельствами, как для неконечных слогов, косвенные данные заставляют нас отнести начало этого процесса по крайней мере к концу XI — началу XII в. Мы не имеем, впрочем, таких данных, которые надежно исключали бы еще более раннюю датировку начала этого процесса; можно лишь предполагать на основе типологических соображений, что эпохи падения конечных и неконечных редуцированных, хотя и не совпадали, но не были полностью разорваны между собой во времени.

Итак, по данным новгородских берестяных грамот, ранее всего начали исчезать конечные редуцированные. Во вторую очередь этот процесс захватил слабые редуцированные срединного слога. В начальном слоге словоформы этот процесс начался либо несколько позже, чем в срединном, либо одновременно с ним. Падение неконечных слабых редуцированных продолжалось около ста лет: примерно со 2-й четверти XII в. по 10-е годы XIII в.

В том, что касается последовательности падения редуцированных в разных позициях, этот результат достаточно хорошо согласуется с данными типологии. В то же время он решительно противоречит классической схеме А. А. Шахматова, получившей самое широкое распространение, согласно которой последовательность падения редуцированных была практически обратной, а именно сперва в начальном слоге, позднее в срединном и в последнюю очередь в конечном (Шахматов 1915, с. 217—219). Как известно, эта схема получена в основном на базе анализа церковнославянских памятников русского извода. Мы знаем теперь, однако, сколь непрямым является соотношение между орфографическим видом церковнославянского слова и звучанием его русского соответствия в живой древнерусской речи. Есть все основания полагать, что противоречие между результатами, полученными на основе книжной письменности XI—XIV вв. и на основе берестяных грамот разрешится в пользу берестяных грамот; но анализ этого противоречия уже выходит за рамки настоящей работы.

Из грамматики

Выражение принадлежности

§ 57. Хорошо известно, что в древних славянских языках отношение принадлежности нормально выражалось не родительным падежом имени обладателя, как, например, в современном русском, а притяжательными прилагательными. Широкое признание получил тезис Н. С. Трубецкого (Трубецкой 1937; 1954 [с. 188]) о том, что притяжательное прилагательное было в праславянском и в древних славянских языках частью словоизменительной парадигмы существительного (специально о древнерусском см. также работу: Урысон).

Притяжательные прилагательные в принципе могли быть образованы от любого существительного субстантивного склонения (хотя по семантическим причинам потребность в этом нормально возникала лишь для одушевленных существительных). Притяжательными прилагательными от местоимений *язь*, *ты*, *мы*, *вы*, *себе*, *къто*, *никъто(же)* были *мои*, *твои*, *нашь*, *вашь*, *свои*, *чиш*, *ничии(же)*.

Притяжательные прилагательные не образовывались от существительных адъективного склонения (т. е. субстантивированных прилагательных, например, *тысмъчьскыи*), равно как от обычных прилагательных, а также от местоимений, не входящих в приведенный выше список, например, *онъ*, *она*, *они*, *тотъ*, *которыи*, *вѣ* «мы двое», *ва* «вы двое». В качестве замены притяжательного прилагательного в этих группах слов издревле использовалась форма родительного падежа, например, *тысмъчьскаго*, *къго*, *къѣ*, *ихъ*, *того*, *котораго*, *наю*, *ваю*.

Кроме того, родительный падеж мог выступать в качестве замены притяжательного прилагательного в некоторых случаях, когда наименование обладателя имело сложную синтаксическую структуру.

Ввиду максимальной близости берестяных грамот к живому языку представляет большой интерес рассмотреть представленный в них материал по конструкциям, выражающим принадлежность. Соответствующая сводка дается ниже. В некоторых случаях мы используем для сравнения также примеры из других памятников (в основном новгородских); однако систематическое сопоставление материала берестяных грамот с показаниями всех прочих источников в нашу задачу не входит.

Начнем с разбора простейшего случая: наименование обладателя состоит из одного существительного, причем допускающего образование притяжательного прилагательного.

В этом случае в течение всей эпохи берестяных грамот (XI—XV вв.) господствует конструкция с притяжательным прилагательным. Материал здесь можно огрубленно подразделить на следующие группы: 1) модель *Селаминъ сынъ*, выражающая родство (в ней участвуют слова *сынъ*, *братъ*, *жена*, *дѣти* и т. п.); 2) модель *Кузьма Радиминъ*, т. е. имя и отчество (позднее превращающееся в фамилию); 3) модель *Петровъ день* — обозначение объекта по имени святого; 4) сочетания с *божи*, *господень* (*госпожь*), например, *божья волъ*; 5) все прочие примеры рассматриваемых двучленных словосочетаний, например, *мечнищ мѣхъ*, *княжь мужъ* и т. п.; 6) одночленная модель *Насткинъ* — владельческая надпись с подразумеваемым наименованием объекта (например, *праслень*).

В моделях 1—4 на протяжении всего рассматриваемого периода конструкция с притяжательным прилагательным является единственно возможной, т. е. примеров конструкции с родительным падежом нет вообще. Порядок членов — всегда такой, как в данных выше образцах. Приводить материал по этим моделям нет нужды.

Ниже приводится материал только по двум последним моделям; помимо берестяных грамот, учтены также надписи на предметах (с другой стороны, берестяные грамоты, содержащие церковнославянский текст, не учитываются).

XI—XII вв.: *мецъницъ мѣхъ* деревянный цилиндр § 5 (Янин 1982), *кѣнѣжъ моужъ* 109, *въ братни долгъ* (=гѣ) 235, *робыхъ вѣ* (*вериць*) 335, *Өедокино лоукошеки* 599 (2*), ср. также ниже), *бабинъ праслень* надп. 23, *княгыни дани* (Р.ед.) 601, *Къснатина грамата* 397; также одночленная модель — *Настокине* надп. 21, *Недѣ лекине* надп. 24, *Илиша* 431, *Илин* 432. XIII в.: *княжо дьцьскамоу* 222, *про женьню татбѣ* 213, *а Костина свита, сороцица; а тоболи Костини, а другии Гришкини* 141 (ср. также ниже), *задницю Шибньцьву* 198, *по конѣжъ людьщико*, *по Църътово рѣцьи* 390, *дружина Савина чадъ* 69, *Завижъ грѣбнь* надп. 25; также *Ждановъ* 447, *Юрищина* надп. 7. XIV в.: *с Авремовими* (переправлено из *с Овлемовими*) *людми* 191, *рожъ Петровоу* 196, *оу Юковли кобылки* (?) 500, *посадничѣ люди*, *посадничимо людемъ* 698, *Олескандрова погоста* 102, *двѣ короби Сидорови* 275, *Воислалѣ 2 дежи*, (*Р*)*адослалѣ исполовьѣ* 50, *Микулинъ члѣкъ*, *оу Жабим Носа* (2*), *на Коневыхъ Водахъ* (2*) 249, *з Дорофѣкѣ ва жеребелъ* 477, *прилбица ... Одрѣкѣ ва* 383; также *Юмелинъ* надп. 28, *попова* надп. 29, *Матѣева* надп. 30, *Мишине* 499, *Михин...* 498. XV в.: *с Василевы рыбы* 169, *Сменова села, с Васильѣ ва села, с Овѣкѣ ва села, с Гаванова села, Харимнова села* и др. 1, *дворѣн- Юколь* 12, *...имовѣ хоромѣ* 300, *на село на Пытареве* 243, *на Михаилицнѣ дворѣ, (ж)итницѣ Елизарев(ѣ)* 496.

Что касается конструкции с родительным падежом, то здесь при интерпретации части примеров возникают определенные трудности. Поэтому ниже мы располагаем эти примеры не в едином хронологическом порядке, а по степени надежности.

Самый ранний вполне надежный пример родительного принадлежности представлен в грамоте 141 (70-е годы XIII в.). Средняя часть грамоты такова: *А Гришки кожюе, свита, сороцица, шлпка; а Костина свита, сороцица, а тоболи Костини; а сапоги Костини, а другии Гришкини*. Как можно видеть, родительный принадлежности *Гришки* выступает здесь на фоне четырех конструкций с притяжательными прилагательными. Надежны также примеры: *з Бабинихъ (се)ла* 1 (XIV/XV), *Смена «Сменова»* надп. 33 (сер. XV).

По-видимому, родительным принадлежности является также *Федока* в грамоте 599 (XIII₂) — владельческой записи на крышке лукошка; точнее, записей здесь три: на одной стороне — *Федока лукошко*, на другой — *Федокино лукоше(ко)* и еще раз *Федок(и)но лукош(е)ко*. Таким образом, как и в № 141, здесь тоже преобладает конструкция с притяжательным прилагательным. Некоторая трудность состоит в том, что Р.ед. *Федока* указывает на исходную форму (*Федьке*), а *Федокино* — на исходную форму (*Федька*): от (*Федьке*) было бы (*Федьково*). Поэтому приходится считаться с теоретической возможностью того, что *Федока* — это И.ед., т. е. просто имя хозяина (а *лукошко* с ним синтаксически не связано); но все же гораздо вероятнее, что мы имеем здесь дело с вариантностью морфологического рода одного и того же имени.

В грамоте 318 (XIV₁) сочетание *Ротковици Кодраца*, по-видимому, означает «деревня Ротковичи, принадлежащая человеку по имени Кодрач», но интерпретация всей соответствующей фразы в целом не вполне однозначна. В грамоте 528 (XIV₂) конечная часть: *З Невька, Стопана братомъ, З Акова* — возможно, представляет собой ряд родительных принадлежности; но данная грамота отличается уникальным скоплением неправильностей разного рода (в т. ч. синтаксических).

К сожалению, двусмысленны (в интересующем нас отношении) примеры: *ѣмьца гривны 3* надп. 2 (XI₂), *Лазора* 86 (XII₂; надпись на листе бересты), *Маремьане* 58 (XIV₁; ярлычок). Во всех трех случаях Р.ед. и притяжательное прилагательное внешне неотличимы (по крайней мере, в бытовой графике). Так, в частности, *ѣмьца* может быть как Р.ед. от (*ѣмьць*) «сборщик налогов», так И.ед. жен. от притяжательного прилагательного (*ѣмьчь*) (согласование сочетаний типа *гривны три* с прилагательным в ед. числе жен. рода нормально; см. Лингв., с. 189, комментарии к сочетанию *одну три коробѣи* 102).

Итак, в рассмотренном простейшем случае конструкция с родительным падежом встречается в берестяных грамотах исключительно редко, причем только в рамках моделей 5 и 6. В ранних грамотах встретился лишь один вероятный пример такой конструкции — *Федока лукошко* 599 (XII₂).

В то же время даже те редкие примеры типа *Гришки кожухе*, которые отмечены в берестяных грамотах XIII—XV вв. являются важным свидетельством того, что конструкция с родительным падежом, ставшая в современном русском языке господствующей, начала формироваться в народном языке достаточно рано.

Как в конструкции с притяжательным прилагательным, так и в конструкции с родительным падежом определение почти всегда стоит перед определяемым словом. Исключение — модель 2 (*Кузьма Радминъ* и т. п.), которая рано обособилась и фактически выделилась в особый тип (где *Кузьма* находится уже в ином семантическом отношении к *Радминъ*, чем, например, *сынъ* в словосочетании *Радминъ сынъ*).

Представляет интерес пример *з Бабинихъ (се)ла* I (XIV/XV). Как показывают другие документы, построенные таким способом обозначения земельных владений, их границ и т. п. были вполне обычны. Семья (род) владельцев обозначалась в этих случаях либо притяжательным прилагательным (скажем, *Кузьмини*), либо существительным с *-ичь* (*Кузьмичи, Кузьминичи*).

Приведем несколько примеров: *і срѣте і архиепѣнь Далмать ... оу Прикоуповичь двора* (Синодальный список I Новг. лет., под 1255 г.), *ни на Пшаги в болшемъ дворѣ, ни в Васильевыхъ сѣдены, ни на Прудыцахъ* ГВНП, № 122 (XV), *от Ивановичевъ межи ГВНП, № 154* (сер. XV), *а з другую сторону до Онуфрѣвичевъ земли ГВНП, № 231* (XV₂), *а с кончовъ до Семеновичевъ землѣ ГВНП, № 232* (XV₂), *а от Валотовице да («до») Пирошковичъ нивѣ, а от Пирошковичъ нивѣ да («до») Сененское мѣжи ГВНП, № 345* (поздний список с псковской грамоты XIV в.), *подле Колотиловичъ землю Мар., № 3* (поздний список с грамоты XIV в.).

Проведенный разбор позволяет, между прочим, уточнить одно спорное место в грамоте 548 (XII/XIII), а именно: *а ѡ вьде (сѣдѣ), ожь ж вась есте тѣварь Ольскы...* (далее обрыв). В принципе здесь можно либо просто читать *тѣварь*

Ольскы «товар Олески (Олексы)», либо предположить, что в тексте стояло *тѡварь Ольскы(нѣ)* «товар Олескин» (в отношении *кы* вместо *ки* ср., например, *Вѣ кошкынѣ* в рядной Тешаты и Якиме, *Микыфора* 477 и т. п.). Учитывая раннюю дату грамоты 548, мы должны теперь решительно предпочесть вторую из этих возможностей (специально отметим, что порядок слов типа *товарь Ивана* вообще не засвидетельствован в берестяных грамотах ни одним полностью надежным примером).

§ 58. Отдельного рассмотрения заслуживает случай, когда наименование обладателя — личное или возвратное местоимение. В берестяных грамотах мы регулярно находим в этом случае конструкции с *мои, твои, свои, нашъ, вашъ, кго, кѣ (к и), ихъ*, т. е. по своему составу такие же, как в современном языке.

Особенность здесь состоит в порядке слов: в отличие от основного класса конструкций типа *Селатинъ сынъ, мечничъ мѣхъ*, для конструкций с *мои, кго* и т. д. нормой (по крайней мере до середины XIV в.) является постпозиция определения: *жена моя, сынъ кго* и т. п. Это означает, в частности, что в древнерусском языке, рассматриваемом с синхронической точки зрения, местоименные прилагательные *мои, твои, свои, нашъ, вашъ* уже не были полностью синтаксически эквивалентны обычным притяжательным прилагательным.

Как обнаруживается, порядок слов в рассматриваемых конструкциях в известной мере зависит: а) от принадлежности определения к подгруппе склоняемых (*мои, твои, свои, нашъ, вашъ*) или несклоняемых (*кго, кѣ, ихъ*); б) от наличия или отсутствия предлога при определяемом существительном.

В подгруппе несклоняемых (*кго, кѣ, ихъ*) в берестяных грамотах ранее 2-й половины XIV в. представлены только примеры с постпозицией определения: *дѡври т[и е]к* 227, *и на дощерь еи* 531, *у сына его* 348, *Михалу брату к г* (недописано *о*) 318, *на брате кго, на шорине кго* 92, *и ѿ дѣтии к и* 180. Самый ранний пример с препозицией определения — *ни его бну Фоми* 535 (XIV₂, вероятно, последняя четверть). В период XIV₂ — XV, встретилось два примера с постпозицией (в № 618, 496) и четыре примера с препозицией определения (в № 535, 519, 689, 162).

В подгруппе склоняемых определений (*мои, твои* и т. д.) картина такова. При отсутствии предлога в период до конца 30-х годов XIV в. господствует постпозиция определения, например: *отрокоу своему* Ст. Р. 7, *братъче мои* 605, *паробокъ моемъ* 624, *въверице твое* 657, *жена моя* 603 и т. п. (всего 25 примеров). Препозиция встретилась только в примерах: *оже еси забыле моего добродѣица* 627, *и дала моя доци* 531, *а твори своим[ъ] сукномо* Пск. 7 (в последнем примере препозиция, вероятно, связана с логическим выделением слова *своимъ*: «и выдавай это сукно за свое»). В период с 40-х годов XIV по середину XV в. соотношение уже совсем иное: на 55 примеров постпозиции определения приходится 31 пример препозиции.

В конструкциях с предлогом эволюция выглядит иначе: уже в XII—XIII вв. препозитивные определения здесь встречаются чаще, чем постпрезитивные. Ср., с одной стороны, *къ братоу моему Исоухиѣ* 605, *въ волости твоеи ... в городицнхъ* Ст. Р. 10, *къ жене моеи* и 142, с другой — *бес твоего повелениа* 651, *[и] в[о] м[оихо] коун(ахо)* 654, *на мою сестроу, на мою сътроу* (пропущено *с*), *о моемо оружье* 531, *во свакъ мь селе* 195. Роль предлогов наглядно выступает в грамоте 531, где на фоне приведенных примеров мы находим беспредложные сочетания *сетроу мою, сътроу мою* (правда, при единичном *мои доци*). В период с 40-х гг. XIV по середину XV в. на 16 примеров постпозиции определения приходится 22 примера препозиции. Заметим, что во все периоды среди конструкций с постпозицией склоняемого определения (типа *къ женѣ моеи*) подавляющую часть составляют примеры с предлогом *къ* (в общей сложности 15 примеров из 19), тогда как в типе с препозицией (*на мою сестру* и т. п.) примеров с *къ* практически нет. Причины этого особого положения предлога *къ* пока неясны.

Итак, в сочетаниях с притяжательными местоимениями в XI—XV вв. обнаруживается эволюция от порядка слов типа *сынъ мои (кго)* к типу *мои (кго) сынъ*, характерному для современного языка. Быстрее всего эта эволюция про-

исходит в сочетаниях типа *на сына маж го* (с предлогом и со склоняемым определением), медленнее всего — в сочетаниях типа *сынъ к го* (с несклоняемым определением).

§ 59. Перейдем к случаям, когда наименование обладателя (или обладателей) представляет собой словосочетание. Здесь возможны три основных типа притяжательной конструкции: 1) все члены словосочетания заменяются соответствующими притяжательными прилагательными; 2) один член словосочетания заменяется притяжательным прилагательным, а другой (или другие) ставится в родительном падеже; 3) все словосочетание ставится в родительном падеже. Материал берестяных грамот здесь невелик; приводим его полностью.

Для случая, когда исходное словосочетание представляет собой два существительных, одно из которых является приложением к другому, материал таков.

Тип 1: только *Юванове попове* 319 (нач. XIV; ярлычок).

Тип 2: *Вороньца Вьихъвъ прап...* «прапор (?) Воронца Войка» 332 (XII/XIII), *Еванова Вльдоромъ евица* надп. 27 (XIV; подразумевается: ложка; предположение о том, что *Вльдоромъ евица* здесь не Р.ед., а прилагательное в И.ед. жен., представляется, ввиду поздней даты, крайне маловероятным). Усложненный случай (с определением *е* при первом из исходных существительных): ... *двьри т|и е|к была земля Павьлова* «...это была земля ее деверя Павла» 227 (60-е — 80-е годы XII в.).

Структура примера *Ивана Хроушъкин|иц| (шело)мъ и брѣнъ и цитъ |и к|(о)|н|е* 332 остается не вполне ясной из-за обрыва: если в грамоте стояло *Хроушъкиницъ*, перед нами тип 3; если *Хроушъкиницъ* (или *-ницъ*) — тип 2, с архаичным притяжательным прилагательным (*Хроушъкиничъ*), внешне совпадающим с исходным существительным (см. о таких прилагательных работу: Мароевич).

Тип 3: *Марш ири* 323 (последняя треть XIII в., ярлычок; за сокращением *ири*, как можно полагать, стоит Р.ед. (*черницъ*)), *на (ст)арои межъ Юриъ князъ* 286 (сер. XIX), *Фамы Ивановица* надп. 31 (XIV), *всла Семен[а] Влкндрвца* надп. 32 (XV; правда, если ненадежно читаемое *а* в *Семен[а]* есть на самом деле *ь*, то перед нами тип 2).

Для случая, когда исходное словосочетание представляет собой существительное с определяющим его прилагательным, материал таков.

Тип 2: *Васильевъ Софонтѣк ва* «(люди) Василия Софонтьева» 169 (XIV/XV).

Тип 3: *стѣ Варваръ тьлица* «телка (монастыря) святой Варвары» 657 (XII₂), *у князъ великого бороце* «у сборщика налогов великого князя» 318 (XIV), *изумень Демидъ бтго Николѣ и попъ Офоновъ стѣ бѣе* 520 (XIV/XV).

Особое место занимает пример *оу Коузмиць оу Онисимова 2 гривнѣ* «у детей Кузьмы Онисимова две гривны» 138 (нач. XIV; см. об этом примере Лингв., с. 192—193). Исходное словосочетание здесь — *Кузьма Онисимовъ*. Полученная после его преобразования конструкция близка к типу 2, но отличается от него тем, что вместо притяжательного прилагательного (*Кузьминъ*) здесь выступает производное с *-ичь* — наименование потомка. Как показывают памятники, в конструкциях, сходных с типом 2, действительно могли употребляться по меньшей мере три вида наименований родства: а) наименования жен (или вдов), полученные простой субстантивацией притяжательного прилагательного (для чего использовалась его членная форма), например, *Мьстиславьча, Полиожая, Юхимовая* и т. п.; б) наименования сыновей (и вообще мужских потомков) с *-ичь*; в) наименования дочерей с *-ына*. Примеры из Синодального списка I Новг. лет.: *и поставиша на мѣстѣ к и ... кротъкоу и стъмѣреноу именьмъ Варвароу Гюргевоу Олекшиницъ* («... вдову Гюргия Олекшинича»; под 1195 г.), *надъ гробомъ княгыниномъ Юрославлеъ Володимирича* «над гробом княгини, жены Ярослава Владимировича» (под 1243 г.; в этом замечательном примере конструкция типа 2 реализована дважды), *поя Дмитровноу Носѣ городѣ Завидицъ* «женится в Новгороде на дочери Дмитра Завидича» (под 1122 г.). Пример из Строевского списка IV Новг. летописи: *преставися Ярополкъ Володимеричъ Манамыха* «умер Ярополк, сын Владимира Мономаха» (под 1138 г.). Во всех подобных случаях при переходе от притяжательного прилагательного к построенному на его основе существительному, обозначающему конкретный вид родства, такое существительное как бы «наследует» синтаксические свойства притяжательного прилагательного.

В целом материал берестяных грамот показывает, что в древненовгородском диалекте XI—XIV вв. еще достаточно хорошо сохранялась древнейшая славянская система выражения принадлежности. Лишь с XIII в. появляются первые надежные примеры (еще весьма редкие), свидетельствующие о расширении первоначальной сферы употребления родительного принадлежности, т. е. о начале того процесса, который получил полное развитие в современном языке.

Презенс совершенного вида в значении «презенса напрасного ожидания»

§ 60. Как известно, в славянских языках презенс¹³ от глаголов совершенного вида в семантическом отношении был в основном вытеснен из сферы настоящего времени в сферу будущего времени и модальных употреблений. Понятно, что главным стимулом семантического сдвига здесь является наличие определенного противоречия между значением настоящего времени и значением совершенного вида.

Имеются, однако, некоторые семантические контексты, в которых указанное противоречие может сниматься или хотя бы смягчаться; в этих случаях семантическое развитие рассматриваемой формы могло идти особым путем. Важнейшим контекстом такого рода является контекст отрицания¹⁴. Отрицание снимает реальность события. События фактически не произошло (или не происходит); для говорящего оно является не объектом наблюдения или знания, а лишь мысленным конструктом, который он сопоставляет с действительностью. Отсюда возможность следующей ситуации. Говорящий мыслит событие в форме, которая в случае его реализации потребовала бы для своего выражения совершенного вида, например, как единичное ограниченное во времени законченное действие. Это событие он мысленно приурочивает к настоящему моменту, например, он ожидает (часто с надеждой или со страхом), что оно вот-вот наступит, но событие все не наступает. Таким образом, описанная ситуация оказывается благоприятной для того, чтобы в языковом выражении, описывающем рассматриваемое событие, соединились граммы совершенного вида и настоящего времени.

Разумеется, речь здесь идет лишь о возможности, а не об обязательности: реальный выбор формы выражения, закрепляющийся в подобных случаях в языковом узусе, определяется большим числом различных факторов и потому практически непредсказуем.

Ниже приводятся факты, свидетельствующие о том, что в русском языке (взятом на всем протяжении его истории от древнейших памятников до наших дней) возможность отображения описанной выше ситуации с помощью презенса совершенного вида действительно существует. При этом оказывается, что наиболее последовательно данный способ выражения использовался в древнерусскую эпоху (тогда как в современном языке сфера его употребления значительно сужена). Соответственно, в последующем разборе основное внимание уделено древнерусскому и старовеликорусскому материалу.

Как и в ряде других подобных случаев, самыми яркими здесь оказываются свидетельства берестяных грамот (именно они и послужили в данном случае стимулом к более широкому изучению настоящего вопроса). Их материал таков.

Начало грамоты № 246 (XI): *Ѡ Жировита къ Стоянови. Како ты оу мене и чьстьное дрѣво възьмъ и вевериць ми не присълещи (щ вместо ш), то девѣтое лето «От Жировита к Стояну. С тех пор, как ты поклялся мне на кресте (или: взял крест) и не присылаешь мне денег, идет девятый год». Не присълещи — презенс совершенного вида, буквально: «не пришлешь», «никак не пришлешь».*

¹³ Термин «презенс» употребляется как обобщающее обозначение для настоящего времени несовершенного вида и так наз. будущего (или настояще-будущего) совершенного вида, иначе говоря, для всей совокупности словоформ с презентными окончаниями.

¹⁴ Другие контексты сходного типа создаются, в частности, словами со значением «если» и «пусть». Предварительные наблюдения показывают, что часть рассматриваемых ниже семантических и грамматических явлений актуальна и для этих контекстов; однако подробный разбор данной проблемы выходит за рамки настоящей работы.

Основная часть грамоты № 644 (XII): *Ѡ Нѣ жеке ко Завидѣ. Чемуо не восо-
леш и что ти есемо водала ковати? А дала тобѣ, а Нѣ жмѣ не дала. Али чимо
есемо виновата, а восоли отрока. А водале ми еси хамече: а чи за то не даси, а восоли
ми вѣсть. А не сестра ѿ вамо, оже тако дѣлаете, не исправити ми ничето же!* «От
Нежки к Завиду. Почему ты не присылаешь то, что я тебе дала выковать? Я дала тебе,
а не Нежате. Если я что-нибудь должна, то пришли слугу [сказать мне об этом]. Ты дал
мне полотнишко; если поэтому не отдаешь [то, что я дала выковать], то извести меня.
А тогда я вам не сестра, если вы так поступаете, не исполняете для меня ничего!» Здесь
интересующая нас конструкция встретилась трижды: не *восолиши* (*вѣсьлеши*), не *даси*, не
исправити (-те) — это презенсы от глаголов совершенного вида *вѣслати* «прислать»,
«послать», *дати* «дать», *исправити* (здесь «исполнить» — о работе).

Из грамоты № 9 (последняя четверть XII в.): *А нынѣ вода новоую женоу, а
мѣнѣ не вѣ дасть ничто же. Избивъ роужы, поустилъ же ма, а иноую помлѣ*
«А теперь, женясь на новой жене, мне не дает ничего. Ударив по рукам (в знак новой
помолвки), он меня прогнал, а другую взял в жены». Здесь *не вѣ дасть* — презенс (не
аорист, как раньше предполагалось) от глагола совершенного вида *вѣдати* «дать»,
«выдать». Оценка данной формы именно как презенса, а не как аориста, определяется
не только тем обстоятельством, что в берестяных грамотах бытового содержания недвус-
мысленных форм аориста нет вообще, но в еще большей степени тем, что по своей
структуре и по смыслу данный пример неотделим от всего ряда рассматриваемых здесь
и ниже примеров, где мы имеем дело с жалобами на невыполнение ожидаемого действия.

Из грамоты № 490 (XIV₂): *А коби* (вероятно, вместо *к тоби* или *ко тоби*)
ходило оу дворо и ко складникоу твоюмоу, а ты ко мни нѣ ѿ виши сѧ коуни
шити ношю «А к тебе ходил во двор и к компаньону твоему, а ты ко мне не
являешься сшивать связку беличьих шкур». Хотя вопрос о точном смысле слов
коуни шити ношю составляет определенные трудности (см. НГБ 1962—76, с.
84—85, и НГБ 1977—83, с. 211), существенное для нас место вполне ясно: *нѣ*
(не) ѿвишисѧ — презенс совершенного вида.

Из грамоты № 697 (XIV₂): *Что есте мнѣ велели оу Путила конь взати,*
инѣ мнѣ не дасть: «Не виноватъ есмь Кузмѣ» «Что касается того, что
вы мне велели взять коня у Путила, то он мне его не отдает, [заявляя]: «Я
Кузьме ничего не должен». Здесь *не дасть* — презенс совершенного вида (такой
же, как, например, *не даси* в № 644, см. выше).

Из грамоты № 361 (челобитная от крестьян к феодалу; XIV/XV): *А нынече*
к сме, гѣне, погилби: верешъ позабла, сѣѣти, гѣне, нечего, а к сти тако же нечего.
Вы, гѣе, промежю собою исправы не учините, а мѣ (ѣ вместо ы) промежю
вами погилби «А мы, господин, теперь погилби, хлеб померз, сеять, господин,
нечего и есть тоже нечего. Вы, господин, между собой никак не договоритесь, а
мы между вами погилби». *Не учините* — презенс совершенного вида.

Аналогичные примеры обнаруживаются и в ряде других источников.

Из Киевской летописи по Ипатьевскому списку, под 1150 г. (л. 147): *Изяславъ*
же ре^н: стрыи ми волости не дасть, не хочьт мене в Рускои земли. Из
более широкого контекста ясно, что *не дасть* здесь — это презенс (не аорист)
и что он означает «никак не дает», «не соглашается дать» (значение чистого
будущего — «не даст» — по смыслу подходит здесь гораздо хуже).

Из полоцкого проекта торгового договора между Полоцком и Ригой, 1405 г.
(современный список; Полоцк. гр., № 35, с. 96): *А с новѣгородѣци немецко^н*
купью торгова^н, а проме^н има ходи^н нашему полочани^н, занеже на новѣгородѣци
не пустѧ^н ѿ Немечькии дво^н торговати без ѿвоего новгородца. Здесь *не*
пустѧ^н («не пускают») — презенс от глагола совершенного вида *пустити*.

Из списка начала XV в. с пяти новгородских грамот того же времени (Хорошкевич,
III, грамота 4-я; цитируется по сделанной заново фотографии с оригинала): *И*
посадники и ратманѣ колываньскии изымавѣ ихъ длжника (пропущено *о*) *посѣ-*
клѣ, а товаръ ихъ взяли к собѣ и нынѣча держа («держат») *за собою, а наше*

(вместо нашей) братей не даду («не дают»; отсутствие окончания -ть — такое же, как в держа).

Из того же документа (грамота 1-я; цитируется по той же фотографии): *И Зуберь нашѡ разбошика одного постави, а шныхъ не постави, да и с тыѡ разбошикоѡ намъ не дастъ говориѡ*. Общий контекст и сравнение с прочими аналогичными пассажами позволяют уверенно интерпретировать здесь *не дастъ* как презенс со значением «не дает».

Грамота (предписание) Ивана III вологодскому посельскому Федору Рублеву (АСЭИ, II, № 270; 1485—86 гг.): *Ѡ великоѡ кнѡзѡ Ивана Васиѡевиѡ всѡея Рѡси посеѡскомѡ моемѡ Феѡкѡ Рѡблевѡ. Здѡсе ми биѡ челоѡ старецѡ кирилоѡскои Мартеѡ наѡ, что наѡ иѡ пожаловаѡ, а велѡхѡ есми иѡ ѡ тебѡ имати роѡ по грамотѡ ежегоѡ, и ты деи ѡ ниѡ грамотѡ мою взѡ да иѡ деи грамоты не Ѡдаѡ («н ѡ отдаешь», «не хочешь отдать»). И ты бы иѡ грамотѡ Ѡдаѡ, а роѡ бы еси иѡ даваѡ по моеи грамоте, а з грамоты бы еси собѡхѡ ѡ ниѡ имаѡ списоѡ счета дѡллѡ*.

Из грамоты псковского князя Василия Васильевича польскому королю Казимиру (ГВНП, № 339; список XVI в. с грамоты 1480 г.): *А иное жалуюмъся тебе, своему господину, што по твоеи державе по городомъ воеводы и мещане нашимъ псковичомъ купцомъ с немѡцы торговати не дадутъ* («не дают», «не хотят давать»).

Из правой грамоты того же князя (ГВНП, № 340; список XVI в. с грамоты 1483 г.): *И нынѡчя, господине, Юрьи и Ортемѡ и Ильѡ i всѡхѡ сябры ихѡ, изумень Лаурентеи и старцы Кузмодемьянские нашь шестои части в тои Перерее реки лишають, а проѡзду намъ не дадутъ* («не дают»). («не дают»).

Из Псковской 1-й летописи, под 1510 г. (Пск. лет., 1, с. 92—93): *...что есмѡ приобижены от твоего наместника а от нашего князя Ивана Михайловича Репни; а князь великии управы им никакои не дастъ* («не дает»), *а говорит так: копитеся вы, жалобныя люди, на Крещение господне, и яз вам всем оуправы подаю; а оуправы никаковы нет*.

Из документа Таллинского городского архива: *А велено емѡ взѡти по тои грамоте ѡ Ивана ѡ Долгоѡ вдиѡнатѡцаѡ беѡковескѡ свинѡѡ; и ваѡ кѡпчина проѡто моемѡ кѡпѡѡ тѡ свиѡѡѡ не Ѡдастъ* («не отдаст»)? (РИБ, т. 15, СПб., 1894, № 27, 1530 г.; проверено нами по фотографии с оригинала; при этой проверке обнаружена чрезвычайно показательная ошибка издателя: вместо *не Ѡдастъ*, совершенно ясно написанного в оригинале, в опубликованном тексте стоит *не отдаетъ*, т. е. издатель подсознательно заменил здесь древний оборот современным); *Да здѡхѡ миѡхѡ сказывали новогороѡскаѡ гости, что иѡ вы на порѡкѡ не дадите* («не даете») (там же, № 53, 1-я пол. XVI в.; проверено по фотографии с оригинала); *И вы ялись ко князю к ругодивскому и к посадникомъ послати грамоту, чтобѡ ... тотѡ свинецѡ три берковска отдали; и князь ругодивской и посадники того свинцу ... не отдадутъ* («не отдадут») (там же, № 12, около 1519 г.; по изданию); *И нынѡхѡ ... ивангородцикимъ купцомъ не дадите* («не даете») *пути берегомъ отъ Ругодива х Колываню; и вы то чините негораздо* (там же, № 36, 1535—1540 гг.; по изданию; в этом же документе далее еще два раза встречается *не дадутъ* в значении «не дают»).

Из записей Т. Фенне (начало XVII в.; Фенне, 371): *Otzum ffoioich denoch litzis* (=личись?), *da mnie ne oddas, doszit ty moimi dengami volodell, ty mnie rostu ne das* «Почему ты моими деньгами распоряжаешься (?), а мне не отдаешь? Достаточно долго ты моими деньгами владел, а процентов мне не даешь». В записи Т. Фенне не вполне ясно слово *litzis*, но существенная для нас часть фразы ясна: *не отдашь и не дашь* означают здесь «не отдаешь», «не даешь» (в нижненемецком переводе им соответствуют *giffst nicht* и *giffst keyne*). Аналогично (Фенне, 357): *Diko ty vperles: vpori tzto mnie tovaru ne prodas* «Ты страшно уперся в том, что никак не хочешь мне продать товар». По-видимому, к этой же категории относится пример (Фенне, 371): *Tizto tebe vnelo: ielo, tzto ty samnoiu na tut tzenu poruku ne vdaris, iestzel tebe malo daval?* «Что тебя удерживает, что ты со мной на этой цене не хочешь ударить по рукам? Разве я тебе еще мало предложил?»

Из елецкой челобитной 1625 (см. Коткова, с. 134): *А то^н, эдрь, Ку^нма Лапыги^н взя^н в меня восьмь руде^н дене^н на ро^н и с тв^н мьст^н и по ся места ржи ни дене^н не а^н даст^н* («не отдает»).

Из челобитной белой мастерицы А. Масловой царице Евдокии Лукьяновне (МДБП, с. 60, № 31; 1638 г.): *...и ѿне, эдрня, то^н Богданъ Забере^нскои тое ли^нние сажени в переулочъ не даст^н* («на устройство переулка не дает»), *а мнѣ рабѣ твоєи к своему дворишку проити^н нелзя и дровише^н купи^н провесть нѣ куды*.

Из челобитной стрелецкого полуголовы Ф. Волоцкого царю Алексею Михайловичу (МДБП, с. 74, № 61; 1666 г.): *А ка^н я холо^н тво^н дочеришку свою за него Васи^ня заму^н выда^н, и о^н Василе^н мнѣ холопу твоє^ну з дочери^нскою мою свида^ня мнѣ и по се число не да^нт^н* («не дает»).

Приведенный материал почерпнут из грамот и отчасти из летописей. Но интересующая нас конструкция в принципе может встретиться и в текстах более книжного характера. Не претендуя на основательный разбор этого вопроса, приведем здесь в качестве иллюстрации лишь несколько примеров из Паисиева сборника (XIV/XV): *А^н бо гръшннши всегда оучю вы, чада, вело ва^н каютѣ, вы же не престанете ѿ злыхъ дѣлъ* («вы же не перестаете творить злые дела») (Буслаев, слб. 527); *Печаль многу имамъ в срѣци о васъ, чада: никакоже не премъните ѿ злобы обычаа своего* («вы никак не изменяете порочность обычаев своих»), *вса злана творите в ненависть бу* (там же, слб. 525); *И в наша льта чего не видѣхомъ зла: многи бѣды и скорби, рати, голодъ, ѿ поганыхъ насилье; но никакоже премѣнимъ ѿ злыхъ обычаи наши^н* (пример сходен с предьдущим; отсутствие *не* после *никакоже* соответствует книжной норме) (там же, слб. 526). Показательно, что в последних двух примерах интересующая нас конструкция усилена словом *никакоже* (ср. ниже об аналогичной роли слова *никак* в современном языке).

Употребление презенса в рассматриваемой нами ситуации можно обозначить как «презентс напрасного ожидания». Как и прочие подобные ярлыки, это название не претендует на строгое соответствие основному смыслу всех относящихся сюда примеров; достаточно того, что оно хорошо покрывает смысл подавляющего их большинства.

Насколько можно судить по ограниченному материалу, в древнерусском языке (точнее, в его бытовой и деловой разновидности) «презентс напрасного ожидания» в нормальном случае выступает в совершенном виде.

Легко заметить, правда, что в деловых документах (кроме берестяных грамот) встретились в основном лишь примеры с глаголом *дать* и его приставочными производными. Они могли бы навести на мысль о лексически ограниченном характере рассматриваемой конструкции. Тем ценнее оказываются показания берестяных грамот, из которых хорошо видно, что в действительности в древнерусском языке такого ограничения не было. Однообразие примеров из документов XV—XVII вв., вероятно, в значительной степени объясняется тем, что по самому своему характеру дошедшие до нас документы (не считая берестяных грамот) оставляют мало возможностей для отражения интересующей нас ситуации. Для наших целей подходят в сущности лишь документы типа жалоб на неисполнение чего-то должного или ожидаемого, а основной тип подобной жалобы состоит как раз в том, что некто чего-то не дает, не отдает (или не позволяет, что тоже выражается глаголом *дать*). С другой стороны, вполне возможно также, что сфера свободного (не подкрепленного специальными уточняющими словами) употребления изучаемой конструкции со временем сужалась действительно за счет уменьшения числа используемых в ней глаголов и что глаголы *дать*, *отдать* оказались в этом смысле наиболее устойчивыми.

§ 61. В отличие от древнерусского, в современном русском языке в ситуации «напрасного ожидания» обычно употребляется презентс несовершенного вида, например: *Ты обещал прислать мне денег, а не присылаешь; Он забрал у них эту бумагу и не отдает; Мы ждем его звонка, а он не звонит* (ср. также переводы большинства приведенных выше древнерусских примеров на современный язык).

Однако характерный для древнерусского языка способ выражения рассматриваемой ситуации все же не полностью исчез из современного языка. Прежде всего, этот способ выражения целиком сохраняет свою актуальность в сочетаниях с наречиями *никак* и *всѣ*

никак (реже — также с простым *всё*), например: *Всё никак не соберусь (всё не соберусь) сделать то-то и то-то (позвонить, ответить на письмо, сходить куда-либо и т. п.)*¹⁵ (это, наверное, одна из самых частых фраз разговорной русской речи); *Всё утро заною туда и никак не дозвонюсь; Пытается одеть нитку в иголку и всё никак не оденет; Давно обещали починить дорожку, а всё никак не починят; Хотелось бы погулять, да дождь никак не кончится*. Из Пушкина: *Параша бьется, а никак не сладит*. Из Б. Окуджавы: *Оттого-то, знать, невесел Дом, в котором мы живем. Надо б лампочку повесить — Денег всё не соберем*. Возможность построения подобных фраз представляется практически неограниченной.

Тот же эффект, что *никак*, *всё* и *всё никак*, могут давать также наречия *никогда*, *нигде*, например: *Он часто проходит мимо нас, а никогда не зайдет; Давно ищу, но нигде не найду*.

Таким образом, рассматриваемая конструкция обычно нуждается в современном языке в «лексическом подкреплении» (с помощью наречий). Но в некотором ограниченном круге случаев «подкрепляющие» наречия могут и отсутствовать (хотя они при этом как бы подразумеваются и легко могут быть вставлены), например: *Почему ты ко мне не зайдешь?; Почему ты не спросишь его, что он собирается делать?; Не пойму, шутите вы или нет; Не найду слов, чтобы вас отблагодарить*. В устойчивое сочетание превратилось выражение *жду не дождусь* (*ждет не дождется* и т. д.).

Совершенный вид в «презенте напрасного ожидания» возможен прежде всего в тех случаях, когда речь идет о единичном ограниченном во времени действии. Однако, как можно видеть из приведенных примеров, в принципе таким способом может выражаться «напрасное ожидание» не только единичного, но и повторяющегося действия; ср. пример *не исправить (-те) ми ничего же* из берестяной грамоты № 644 или современные фразы типа *Почему ты не зайдешь?, Почему ты никогда не зайдешь?* В подобных случаях такая форма выражения фактически служит средством усиления смысла; а именно, создается примерно следующий смысл: «я считаю естественным (желательным), чтобы ты заходил время от времени (т. е. неоднократно); ты же не зашел даже ни одного раза».

В значительной части случаев, где современный язык сохраняет в «презенте напрасного ожидания» совершенный вид, с ним может конкурировать несовершенный вид (либо в практически том же самом смысле, либо с разницей лишь в оттенках); ср. *Дождь никак не кончится — Дождь никак не кончается; Никогда не зайдет — Никогда не заходит* и т. п. Важно, однако, то, что во многих случаях заменить совершенный вид на несовершенный в рассматриваемой конструкции нельзя: ср. *Никак не дозвонюсь, Всё никак не оденет* (невозможно **Никак не дозваниваюсь* и т. п.). Иначе говоря, совершенный вид в «презенте напрасного ожидания» в принципе не является в современном языке факультативным.

Заметим, что употребление совершенного вида в «презенте напрасного ожидания» в некоторых случаях облекается с его употреблением в так наз. потенциальном значении (типа *Ты не поднимешь 80 килограмм, Он не переведет такого трудного текста*). Однако полного совпадения здесь все же нет. Главное различие состоит в том, что потенциальное значение не ограничено предложениями с отрицанием (ср. *Он поднимет хоть 100 килограмм; Он переведет любой текст*), тогда как «презенте напрасного ожидания» без отрицания невозможен: такие фразы, как *Пойму, шутите вы или нет; Почему ты ко мне зайдешь?*, если и возможны, то только при ином понимании презенса (а именно, в значении обычного будущего). Кроме того, далеко не все примеры «презенса напрасного ожидания» могут быть поняты в потенциальном значении; так, например, предложение *Дождь никак не кончится* нельзя заменить на соответствующее предложение с глаголом *мочь*.

Итак, отрицание оказывается условием, при котором противоречивое в сущности сочетание значений настоящего времени и совершенного вида оказывается вполне осмысленным: перевод действия из плана реальности в чисто мысленный план снимает противоречие.

¹⁵ В подобных примерах ситуация «напрасного ожидания» выступает в особой разновидности: говорящий как бы ожидает от самого себя некоего решительного поступка.

Место энклитик в предложении и их порядок

§ 62. В Лингв., § 63—64 было показано, что в древнерусском языке связка (к смь, кси и т. д.) была энклитикой и располагалась в предложении в конце цепочки энклитик.

Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о месте энклитик в предложении и их порядке в более общей форме, т. е. с учетом не только связки, но и всех других энклитик.

Необходимо прежде всего отметить, что закономерности расположения энклитик, действовавшие в живой древнерусской речи, отражаются в разных древнерусских документах с весьма различной степенью достоверности. Здесь существенны прежде всего два фактора: 1) степень близости документа к живой речи; 2) датировка документа (а если он дошел лишь в списке, то также и датировка списка). Понятно, что наиболее надежным материалом здесь, как и во многих других вопросах синтаксиса, оказываются берестяные грамоты. Относительно надежными являются также свидетельства ранних пергаменных грамот и старейших списков Русской Правды. С другой стороны, ценный материал содержит прямая речь персонажей в некоторых летописях — прежде всего в Киевской летописи XII в. по Ипатьевскому списку XV в. К сожалению, в данном случае уже не исключены некоторые искажения исконного текста, возникшие под пером переписчика XV в.; кроме того, в летописях имеется некоторый элемент литературного редактирования. Сравнительно близко к этому типу стоят также (если не считать некоторых книжных пассажей) сочинения Владимира Мономаха, известные по Лаврентьевскому списку 1377 г. Прочие источники в основной своей массе довольно далеко отстоят от живой речи, и ее синтаксические закономерности здесь уже могут в значительной мере нарушаться. В собственно церковнославянских текстах порядок слов может подчиняться особым нормам, существенно отличным от разговорных (ср. § 74).

Ниже исследуются закономерности порядка слов именно в живой древнерусской речи. Соответственно нашим основным материалом служат берестяные грамоты; именно с них мы обычно начинаем списки иллюстративных примеров (датировки грамот при этом могут указываться огрубленно, поскольку в данном случае особая точность не нужна). Широко используются также другие источники, названные выше. Что касается материала литературных сочинений, то он используется лишь при особой необходимости и в той мере, в которой он согласуется с показаниями документов, более близких к живой речи.

Для цельности изложения повторим (с некоторыми уточнениями) ряд общих положений, сформулированных в Лингв., § 63.

Отрезком речевой цепи, в рамках которого действуют правила о порядке расположения энклитик, является то, что можно обозначить рабочим термином «первичное предложение». Под этим термином понимается в нормальном случае простое предложение — выступающее самостоятельно или в качестве члена сложного предложения. В последнем случае союз, если он имеется, рассматривается как часть того предложения, перед которым он стоит. Кроме того, условимся считать первичным предложением также сложное предложение (опять-таки самостоятельное или входящее в состав еще более крупного комплекса), где придаточное вклинено внутрь главного (см. примеры в Лингв., с. 155).

Эпитет «первичное» в недвусмысленных контекстах может быть опущен.

Первичное предложение членится на тактовые группы (или, иначе, фонетические слова). Тактовая группа в нормальном случае состоит из акцентно самостоятельной словоформы (ортогонической или энклиноменной) вместе с примыкающими к ней клитиками — проклитиками и/или энклитиками (подробнее о всех этих терминах см. Зализняк 1985, § 2.4–6). Тактовая группа имеет единое ударение (при этом в части случаев оно реально падает на клитику). Особые типы составляют тактовые группы: а) включающие не одну, а две тесно связанные по смыслу акцентно самостоятельные словоформы; б) состоящие только из проклитики и энклитики или из серии проклитик и серии энклитик (см. также ниже, § 68).

§ 63. В древнерусском языке, как и в других древних индоевропейских языках, расположение энклитик, относящихся к сказуемому (или, что то же, ко всему первичному предложению в целом), подчиняется так наз. закону Вакернагеля, а именно: все такие энклитики входят в состав первой тактовой группы первичного предложения (образуя конечную часть этой тактовой группы). Соответственно цепочка энклитик, относящихся к сказуемому, реально следует за сказуемым лишь в том случае, когда оно стоит в начале первичного предложения, например: *отступилъ ти сѧ късмь того села*. В прочих случаях эта цепочка оказывается чисто механически привязана к какому-то слову, к которому она непосредственно не относится, например: *того ти сѧ късмь села отступилъ*. Как видно на этом примере, в таких случаях цепочка энклитик может даже вклиниваться внутрь словосочетаний; говоря в более общей форме, она может нарушать принцип проективности.

Из закона Вакернагеля вытекает, в частности, следующее простое следствие: между сказуемым и относящейся к нему энклитикой, расположенной п р а в е е его, не может быть вставлена никакая акцентно самостоятельная словоформа. Например, невозможны фразы: **далъ хлѣбъ ми*, **далъ тобѣ бы*, **далъ к му к си* (где *ми*, *бы*, *к си* — энклитики, а *хлѣбъ*, *тобѣ*, *к му* — акцентно самостоятельные словоформы); возможно только: *далъ ми хлѣбъ*, *далъ бы тобѣ*, *далъ к си к му*.

Примечание 1. С современной точки зрения, некоторые энклитики (например, *ли* в предложении *князѧ ли хочете убити?* или же в *сына же оставилъ въ городѣ*) было бы естественно не рассматривать как относящиеся не к сказуемому, а к другим членам предложения (здесь — к дополнению: *князѧ*, *сына*). Однако в синхронической системе древних языков такого «переключения связи», по-видимому, еще не произошло. Структуру смысла в первом примере можно представить приблизительно так: «верно ли, что вы хотите убить именно князя (самого князя)?»; во втором — «однако верно то, что сына он оставил в городе». Слова *князѧ*, *сына* выделены по смыслу; внешне это выражено постановкой их на первое место в предложении. Частицы же *ли* и *же* ведут себя здесь совершенно так же, как в тех случаях, когда они бесспорно относятся к сказуемому; а именно, они располагаются в предложении в соответствии с законом Вакернагеля. Таким образом, в дальнейшем разборе мы вправе не отделять фразы типа *князѧ ли хочете убити?* от фраз типа *хочете ли поити со мною?*

Примечание 2. Следует учитывать также, что словоформы, функционирующие в современном языке как деепричастия, в древнерусском языке представляли собой полноценные сказуемые. Таким образом, с точки зрения формирования первичных предложений словоформы *возмѧ*, *водѧ*, *избивъ*, *приславиши* и т. п. ничем не отличаются от личных форм; например, во фразе: *добывъ серебра, пришли же* — два первичных предложения. Отметим еще, что в древнерусском языке чаще, чем в современном, в функции сказуемого выступает инфинитив (обычно со значением долженствования, например, *взѧти ми у Ивана рубль*).

Примечание 3. В древнерусском языке энклитики, которые относятся к инфинитивам, выступающим в роли дополнения при сказуемом (например, при *хочеть*, *можетъ*, *почнетъ*, *велитъ*, *надобѣ*, *годно*, *нельзѣ* и т. п.), в нормальном случае располагаются во фразе так же, как если бы они относились непосредственно к сказуемому. Ср., например: *оже сѧ почнетъ заирати* «если он начнет заираться»; *сѧ* стоит здесь просто в соответствии с законом Вакернагеля. В примерах типа *оже ны сѧ велите мирити* «если вы нам велите мириться» (где *ны* относится к *велите*, а *сѧ* к *мирити*) энклитики, относящиеся к сказуемому и к инфинитиву-дополнению, стоят в едином ряду. Соответственно, мы включаем в последующий разбор также и материал по энклитикам, относящимся к инфинитивам.

Фундаментальный принцип, определяющий взаимное расположение энклитик в рамках одной тактовой группы, состоит в том, что для любых двух энклитик жестко зафиксировано, какая из них должна стоять левее и какая правее (кроме случаев, когда данные две энклитики вообще несовместимы друг с другом в рамках одной тактовой группы).

Заметим, что с типологической точки зрения этот принцип является нормой, а не чем-то исключительным. Однако на него обращают внимание в основном при изучении языков с твердым порядком слов. Древнерусский традиционно (и в значительной мере ошибочно) рассматривается как язык со свободным порядком слов. Этим можно объяснить тот факт, что рассматриваемые здесь правила не были выявлены ранее.

Порядок слов (или любых других единиц, например, морфем), подчиняющийся указанному фундаментальному принципу, практически удобнее всего описывать в терминах рангов, а именно, весь инвентарь рассматриваемых единиц разбивается на ранги таким образом, чтобы оказалось верным правило: «любая единица меньшего ранга стоит левее любой единицы большего ранга».

Как показывает изучение материала, древнерусские энклитики, относящиеся к сказуемому, могут быть описаны по указанной схеме. Распределение энклитик по рангам оказывается таково (пояснения при энклитиках даны упрощенно, подробнее см. § 64):

- 1) *же*;
- 2) *ли* (частица);
- 3) *бо*;
- 4) *ти* (частица);
- 5) *бы*;
- 6) местоимения в дательном падеже — *ми, ти, си, ны, вы, на, ва*;
- 7) местоимения в винительном падеже — *ма, та, са, ны, вы, на, ва, и, ю, к, ѣ, на*;
- 8) связки — *к смь, к си, к сме* (к *смо* и др.), *к сте, к сеѣ, к ста*.

Заметим, что в приведенном выше описании не содержится никакой информации о том, как располагаются относительно друг друга единицы одного и того же ранга. В принципе в разных системах, описываемых с использованием понятия ранга, ответ на этот вопрос может быть различным. Как показывает анализ материала, в нашем конкретном случае, т. е. в системе древнерусских энклитик, положение таково: две энклитики одного и того же ранга в рамках одной тактовой группы несовместимы.

Закон Вакернагеля в сочетании с приведенной выше росписью энклитик, относящихся к сказуемому, по рангам составляет основное правило расположения древнерусских энклитик в первичном предложении.

Кроме того, существует также ряд более частных дополнительных правил, которые в определенных случаях модифицируют действие основного правила; они будут рассмотрены позднее (в § 66—68). В начале же для большей наглядности мы проиллюстрируем действие основного правила в чистом виде, т. е. в тех «идеальных» случаях, где на него не накладываются никакие более частные правила.

§ 64. Рассмотрим последовательно энклитики всех рангов, демонстрируя на конкретных примерах взаимное расположение энклитик разных рангов. Во всех примерах цитирование начинается либо с начала первичного предложения, либо даже раньше такого начала, если это необходимо для ясности.

Энклитика ранга 1 — *же* (частица и союз), относящаяся к сказуемому. Поясним, что не относятся к сказуемому прежде всего: а) *же* с отождествительным значением, как в *тотъ же, тамо же, а то даль Иванъ же* «а это дал тоже Иван» и т. п.; б) *же* с присоединительным значением, например, *съ Гюрьгемъ же съ Лукою* «с Гюргием и с Лукой»; в) *же* при отрицательных местоимениях и наречиях, например, *никто же, никогда же*. Специально отметим, что в *уже* «который» (во всех формах), *оже, аже* конечное *же* уже как отдельный элемент не вычленяется и, следовательно, под рассматриваемые здесь правила не подпадает.

Примеры, иллюстрирующие позицию *же* в составе комплекса энклитик.

Ранги 1, 2: *накъ жь (же) ли, послѣ (та) ...* «если же нет, то пошлите...» 510 (XIII). Ранги 1, 2, 5: *аще же ли бы хотѣль повиноутисѣ к моеу, вѣдѣль бы ...* (Успенский сборник, 124 г).

Ранги 1, 3: *Юко же бо вѣць мои, дома сѣдѣ, изумѣше 5 языкъ* («Поучение» Моноаха).

Ранги 1, 4: *не поѣдеш ли вонъ, ѿ же ти боудоу помочникъ бра^т своему на та* (Ипат., под 1289 г., л. 305 об.; *ти* — частица). Ранги 1, 4, 6: *да же ти ми боудете дѣбр[о] ...* «если же у меня все будет хорошо» Смол. 12 (XII).

Ранги 1, 5: *мы пошли до Киева, да же бы была рать, бились быхо** «мы дошли до Киева с тем, чтобы, если бы была битва, то сражаться» (Ипат., под 1185 г., л. 225 об.). Ранги 1, 5, 6: *было же бы ми чимъ заплатити* (завещание новгородца Климента, до 1270 г.).

Ранги 1, 6: *мѣни же ми кѣлѣтъкѣ цетыри* «выменяй же мне четыре колтка» 335 (XI₂); *симо же ти соулити много* «эти [люди] будут тебе сулить многое» 600 (XIII₁). Ранги 1, 6, 7, 8: *ны^а же, брате, ако же ми сѧ самъ вѣреклъ, полѣзи же на конѣ* (Ипат., под 1150 г., л. 147; сѧ взято из Хлебниковского списка, в Ипат. оно пропущено).

Ранги 1, 7: *избивъ роуки, поустиль же мѧ, а иноую помѧлъ* «ударив по рукам (в знак новой помолвки), он меня прогнал, а другую взял в жены» 9 (кон. XII). Ранги 1, 7, 8: *а про кого же тѧ есмь и на конь всадыль ...* (Ипат., под 1196 г., л. 241).

Ранги 1, 8: *оже же еси продала, то вѣдаи семоу дѣтьскамоу* Ст. Р. 8 (XII₁); *како жь (же) еста торговала ...* 510 (XIII₁).

Энклитика ранга 2 — частица *ли* (не смешивать с союзом *ли* «или», который является не энклитикой, а полноударным словом). Отметим, что сочетания *а ли* и *и ли* уже в древнерусском фактически превратились в единые слова *али*, *или* (см. § 68).

Здесь и далее даются примеры соединения рассматриваемой энклитики с энклитиками более высоких рангов, поскольку сочетания с энклитиками более низких рангов уже проиллюстрированы выше.

Ранги 2, 3: *ово ли бо глѣши покои, ѓи, ово ли пакы самъ охоульжиши* «ибо неужели ты, господи, не называешь это покоем, то, напротив, сам хулишь» (Успенский сборник, 273 в).

Ранги 2, 5: *но са^а разумѣи: мнѣ ли бы послати к тебѣ достоино, ци ли тобѣ ко мнѣ* (письмо Мономаха к Олегу).

Ранги 2, 6: *годно ли ти миръ* «если тебе угоден мир» (Ипат., под 1148 г., л. 133 об.).

Ранги 2, 7: *инде ли сѧ пригодить* «или в другом месте окажется» 565 (XIV); *оже ли и додържать свѣта* «если же его (вора) додержат до рассвета» (Русская Правда, ст. 40; здесь и ниже, если не оговорено иное, текст цитируется по Синодальному списку, т. е. по новгородской Кормчей 1280-х годов; см. ПР, I, с. 123—133).

Ранги 2, 8: *а присъ(ли)те ми грамотичу, сторови ли есте* «пришлите мне грамотку, как вы живы-здоровы» 424 (XII₁); *исправиль ли еси десять гривень на Русилѣ, съ Микулоу послѣ семо* «если ты получил десять гривен с Русиля, пошли их сюда с Микулой» 615 (XIII₂).

Энклитика ранга 3 — *бо* (союз и частица). Следует подчеркнуть, что в живой речи *бо* существовало только в диалектах Юго-Западной Руси. В берестяных грамотах оно полностью отсутствует.

Примеры. Ранги 3, 4: *рѣчь мольаче, и лихо и добро, не кленитесѧ бмъ, ни хрѣтитесѧ: нѣту бо ти нужна никоѧа же* («Поучение» Мономаха; *ти* здесь почти наверное частица, а не местоимение); ср. также § 77 (п. 2), пример с *бо ти* из жития Феодосия.

Ранги 3, 6: *жалъ бо ны естъ: бра^а нашего держиши Игорѧ* (Ипат., под 1147 г., л. 127).

Ранги 3, 7: *смѣрти бо сѧ, дѣти, не боѧни, ни рати, ни звѣри, но мужьское дѣло творите* («Поучение» Мономаха); *наоучиша бо и* («его») *паропци* (письмо Мономаха к Олегу).

Ранги 3, 8: *хрѣтъ бо есме цѣловали* (Ипат., под 1147 г., л. 127).

Энклитика ранга 4 — частица *ти* (см. также подробнее § 76—78). Отметим, что *ати* (*ать*) и *оти* (*оть*) функционируют уже как единые слова, т. е. частица *ти* здесь более не выделяется.

Примеры. Ранги 4, 5: *что Олекса Колбинць далъ пороукоу в коунахъ, да ти бы дати коуны на Пѣтровъ днѣ ...* «что касается того, что Олекса Колбинец

поручился за деньги, [а именно, за то], чтобы деньги были отданы на Петров день...» 389 (XIV₁); *чо бы еси моего москотьа моего* (sic) *пересмотреле, дад бы хорь не попортиль* «пересмотрел бы ты мое добро, что моль не попортила» 413 (нач. XV; *дад бы из да ть бы*).

Ранги 4, 6: *а Давыдъ ти ми не въдалъ, велить възати ѱ вежьникъ* «Давыд ведь мне не отдал (гривну), велит взять у вежников» 664 (XII₂); см. также пример на энклитики рангов 1, 4, 6 выше (в разделе о же).

Ранги 4, 8: *то ти есмь дале Савѣ* «вот что я дал Савве» 384 (XII); *а испытал[ь т]и есьмо ...* «вот, я проверил...» 226 (XII₂); *Ѵцелель ти есмь Ѵ пожарѸ* 710 (XII₂); (*ст*)*[орови]* *ти есме вохе* «мы все живы-здоровы» 670 (XII/XIII).

Энклитика ранга 5 — *бы* (словоформа аориста, с течением времени превратившаяся в частицу). Следует отметить, что просодический статус *бы* не вполне устойчив. Как полноценная энклитика *бы* функционирует только в живом народном языке, где оно полностью превратилось в частицу. В книжном языке *бы* в части случаев ведет себя как полноударная словоформа (особенно в контекстах, где она еще могла восприниматься как личная форма глагола); в таких случаях место *бы* в предложении, естественно, не подчиняется рассматриваемым здесь принципам. Отметим, что *абы* (из *а бы*) ведет себя практически уже как единое слово.

Приводимые ниже примеры для *бы* взяты только из таких памятников, которые, как можно предполагать, отражают в данном пункте узус живой речи.

Ранги 5, 6: *то аче бы ми и далече того блюсти Ѵслати, а могль быѣ Игорѧ съблюсти* (Ипат., под 1147 г., л. 130); *да чо бѣ ти година Ѵт[ъ]править отьцу, ино бѣ добро* «да если бы у тебя нашлось время (удобный случай) отправить отцу, то было бы хорошо» 19 (нач. XV).

Ранги 5, 7: *како, бесподи, попечалукъ шь о м(ож)и головы, чо бы сѧ на мена не родила грамота бесудная* 302 (XV₁).

Ранги 5, 8: *кушль к сьмь соль нѣмецкую, то бѣ к си сѣмь припровадилъ* «я закупил немецкую соль; доставил бы ты ее сюда» 282 (XIV₂); *чо би (бы) есте поихали во городо ко радости моеи* «поехали бы вы в город мне на радость» 497 (XIV₂);

По-видимому, энклитиками (причем того же ранга, что и *бы*) являлись также словоформы *быхъ, быхомъ, бысте, быша, быховъ, быста*, когда они входили в состав аналитической формы сослагательного наклонения; в рассматриваемом нами материале они встречаются сравнительно редко.

Энклитики ранга 6 — местоименные словоформы дательного падежа *ми, ти, си, ны, вы, на, ва*. Заметим, что возвратное *си* «себе» в свободном употреблении в живом древнерусском языке практически отсутствует; оно сохранилось лишь в застывших выражениях типа *хотѧ си* «хотя бы» и т. п.

Примеры. Ранги 6, 7: *и покланяю ти сѧ, братьче мои* 605 (XII₁); *не останеть ти сѧ ни моуже* «не останется у тебя ни одного человека» 150 (XII/XIII); *а коупать ти и* «а купят у тебя его» 655 (XII₂); *аче ти мѧ оубити, сѧоу, на сѧмь мѣстѣ, а оубиц, а ѧ не ѣдоу* (Ипат., под 1150 г., л. 144 об.); *и то ми сѧ вынѧ* «и вот что мне выпало» («Поучение» Мономаха). Ранги 6, 7, 8: *бѣ вы помози, ѡже ми сѧ есте ѧли помогати* (Ипат., под 1149 г., л. 140); *а что ти сѧ есмь быѣ Ѵступиѣ дани ...* ДДГ, № 11 (1389 г.).

Ранги 6, 8: *а водале ми еси хамече* «ты дал мне полотнишко» 644 (XII₁); *чего еста хотѣла волости, то ва есмь изискаль* (Ипат., под 1146 г., л. 124); *бѣ ти помози, брате, ѡже на еси тако помогль* (Ипат., под 1151 г., л. 152 об.).

Энклитики ранга 7 — местоименные словоформы винительного падежа *мѧ, тѧ, сѧ, ны, вы, на, ва, и, ю, к, ѣ, ѧ*. Об энклитике *сѧ*, обладающей рядом индивидуальных особенностей, см. также отдельно (§ 71—73).

Примеры. Ранги 7, 8: *цему мѧ еси погубиль* 272 (XIV₂); *оже ны к си холопы нарекла* «если ты нас назвала холопами» 400 (XII₂); *тѣмь тѧ есмь пожаловаѣ* ДДГ, № 11 (1389 г.).

Примечание. Энклитики ранга 7 обладали той особенностью (с типологической точки зрения нехарактерной для энклитик), что они могли выступать после предлогов, например: *на мѣ, про тѣ, за сѣ, на ны, по нь* и т. д. (эта особенность — след прежнего полноударного статуса рассматриваемых словоформ: они стали энклитиками относительно поздно, ср. Вайян, § 262). Все такие сочетания с предлогом в просодическом отношении эквивалентны акцентно самостоятельным словоформам и, следовательно, уже не входят в сферу действия закона Вакернагеля (даже если они синтаксически относятся к сказуемому); ничто не препятствует им, в частности, стоять в начале предложения.

Энклитики ранга 8 — связки *къ смь, къ си, къ сме* (къ *смо* и др.), *къ сте, къ свь, къ ста*. Примеры, иллюстрирующие их положение в цепочке энклитик, см. в предшествующих рубриках.

Следует подчеркнуть, что статус энклитик указанные словоформы имеют только в функции связок. В неслужебном значении («существовать», «пробывать») они ведут себя как акцентно самостоятельные. Ср., например: *а нъзъ бѣжи и твои есмь со всимъ Галичемъ, а во твои волѣ есмь всегда* (Ипат., под 1190 г., л. 231); здесь *есмь* можно перевести как «пробываю»; акцентная самостоятельность этой словоформы видна из того, что в данном примере она в обоих случаях занимает место, на котором энклитика ни при каких условиях стоять не может.

В особом положении находятся словоформы 3-го лица *къть* (къ), *суть* (су), *къ ста*. Дело в том, что в качестве связок они могут выступать в основном лишь в книжном языке. В частности, в перфекте в живом древнерусском языке (по крайней мере, в древненовгородском диалекте) связки 3-го лица отсутствовали. Можно предполагать, что эти связки употреблялись здесь главным образом в следующем довольно специфическом случае: когда опущено подлежащее со значением «он» («она», «оно», «они»), а сказуемое выражено прилагательным или существительным. Примеры из берестяных грамот: *а КѸзке соци, абы не истърале* (к) *Ѹно: лихе есте* «а за Кузькой следи, чтобы он не погубил денег: он дурной (ненадежный, нечестный)» 163 (кон. XII); *оце е тебе не годена, а попроводи ко мене сестроу* «если она тебе не угодна, то отправь (мою) сестру ко мне» 705 (XII/XIII). Вполне вероятно, что в таком употреблении *къть* (къ) было энклитикой; но из-за редкости подобных примеров надежно установить это пока не удастся.

Практически же в текстах, близких к живой речи, словоформы *къть* (къ) и *суть* (су) почти всегда выступают в значении «есть», «имеется» («имеются»), «находится» («находятся»). В этом значении они, разумеется, акцентно самостоятельны; соответственно, они вполне могут стоять и в начале предложения.

§ 65. Рассмотренный выше список древнерусских энклитик, относящихся к сказуемому, не является исчерпывающим. В него не включены некоторые более редкие энклитики, свойства которых из-за недостатка материала изучены неполно.

Так, например, всего два или три раза (а именно только в берестяных грамотах 109, 682 и, может быть, 373) встретилась характерная для живой древнерусской речи энклитика *ка* (к которой восходит современное *-ка* в *дай-ка, ну-ка* и т. п.). Понятно, что установить ранг этой энклитики на основании такого количества данных невозможно.

По-видимому, уже в древнерусский период стала энклитикой словоформа *быль* в том случае, когда она выступала в составе плюсквамперфекта¹⁶ (в самостоятельном употреблении она была энклиноменом). Вот несколько примеров: *фофодѣи былъ твоихъ 9 рѣкъ ѿ собѣ* «из твоих фофудий (отрезов дорогой ткани) девять я перед тем выговорил себе» 675 (XII₁); *ать ти видѣло, како ти было* (быль) *ѿ Ивана ѿль* «видел ли он, как я Ивана арестовал» 502 (кон. XII); *по бьсудѣи грамотѣ, что былъ возалъ Гюрьгѣ грамоту ...* 366 (XIV₂); *уже мѣ былъ встоупилъ въ городѣ* (Ипат., под 1147 г., л. 132); *како ми сѣ былъ* *вбѣчалъ* (Ипат., под 1196 г., л. 240); *а что ти сѣ есмь бы* *ѿстунѣ*

¹⁶ Ср. энклитичность словоформ *был*, *было* в современных выражениях, исторически восходящих к плюсквамперфекту: *жил-был у бабушки...; он было пошёл, да раздумал*.

дани ДДГ, § 11 (1389 г.); что *са есмь бы' ѿѣступи'* брату своему ДДГ, № 16 (1401—02 г.). Во всех этих примерах позиция словоформы *быль* вполне соответствует закономерностям расположения энклитик. На основании двух последних примеров мы можем даже выдвинуть тезис, что если словоформа *быль* действительно стала энклитикой, то ей должен быть приписан ранг 9. К сожалению, однако, некоторые примеры не укладываются в эту схему. Так, в *што са бы' есмь отъступи'* ДДГ № 34 (1434 г.) представлен иной, чем выше порядок словоформ *быль* и *есми*; отсюда по меньшей мере сомнение в устойчивости ранга словоформы *быль*. В берестяной грамоте 213 (XIII₂) находим: *како ѿказало было на Местѣтке 7 гривено; здесь было (быль)* вообще стоит не на том месте, которое в нормальном случае должна занимать энклитика. Возможно, таким образом, что просодический статус словоформы *быль* в эту эпоху еще был не вполне устойчив.

Недостаточно ясно, с какого времени становится энклитикой словоформа *ѣи* (*ѣѣ*) и как она должна быть вписана в схему рангов.

Напомним, кроме того, что, помимо энклитик, относящихся к сказуемому, имелись также энклитики, относящиеся к другим членам предложения. Таковы, например: отождествительное *же* (*тотъ же, ту же* и т. п.), приименное *се* (*сь*) (*лѣ то-сь* и т. п.), релятивизатор *то* (*иже то, оже то, коли то* и т. п., см. Зализняк 1981) и др. Они непосредственно следуют за той словоформой, к которой относятся, и не подчиняются закону Вакернагеля. Понятно, однако, что если такая словоформа начинает предложение, то подчиненная ей энклитика фактически оказывается в единой цепочке с энклитиками, относящимися к сказуемому. Внешне это выглядит так, что она начинает такую цепочку, например: *оже то ми ѣси повѣ даль*.

§ 66. Перейдем к дополнительным правилам, накладывающимся на изложенное выше основное правило.

Важнейшее из таких правил состоит в следующем. В первичном предложении его начальная часть может быть как бы отчленена' (хотя в произношении реальной паузы здесь может и не быть); правила о расположении энклитик действуют после этого так, как если бы отчлененной части в предложении вообще не было. Иначе говоря, действительное начало первичного предложения заменяется (с точки зрения действия этих правил) точкой «условного начала», находящейся непосредственно после отчлененной части.

Точку «условного начала» можно образно представить в виде некоего «ритмико-синтаксического барьера», который не позволяет энклитикам продвинуться влево, к действительному началу первичного предложения (ниже вместо «ритмико-синтаксический барьер» мы обычно будем говорить просто «барьер»). Если в предложении имеются однородные сказуемые, то каждому из них может соответствовать свой барьер (обслуживающий энклитики, относящиеся именно к данному сказуемому).

Существует ряд правил постановки барьеров; одни из них обязательны, другие факультативны.

1. Барьер обязательно ставится после обращения, начинающего первичное предложение. Пример (здесь и в дальнейшем барьер обозначается двумя косыми чертами): *кѣже, // ты са на на не гнѣ ваи* (Ипат., под 1147 г., л. 126 об.).

Кроме того, барьер факультативно ставится после обращения, находящегося внутри первичного предложения. Пример: *право, брате, // гнѣ валса есмь на та ...* (Ипат., под 1159 г., л. 178 об.). Для сравнения приведем также пример, где в сходной ситуации барьер отсутствует: *на са тобѣ, брате, кланю* (Ипат., под 1151 г., л. 156).

2. В предложении с однородными сказуемыми барьер обязательно ставится перед группой каждого непервого сказуемого (если есть сочинительный союз, то перед ним); такой барьер обслуживает энклитики, относящиеся к соответствующему сказуемому. Пример: *язъ же с вама и Стослава прогналь // и волость ва* («вам двоим») *есмь изискаль* (Ипат., под 1147 г., л. 127 об.).

3. В сложном предложении (или предложении с однородными сказуемыми), где общий член двух или более частей предложения вынесен в начало и за ним следует союз, перед таким союзом обязательно ставится барьер. Пример: *а ты, // атче еси не възалъ коунъ техъ, // а не емиш ничьто же оу него* 109 (XI/XII); *а ты // ни к на^а еси пошелъ, // ни на Ростислава еси настоупилъ* (Ипат., под 1148 г., л. 133; второе *ни* взято из Хлебниковского списка, в Ипат. оно пропущено).

4. Перед вопросительным или относительным местоимением или наречием (даже если эта точка не совпадает с границей первичного предложения) факультативно ставится барьер. Практически этот барьер гораздо чаще ставится, чем не ставится (т. е. он близок к обязательному). Примеры: *а в роускои землѣ // кто ны сѣ встанеть?* (Ипат., под 1193 г., л. 234); *а женоу ти били, // не измоучили // чего же?* «а вот женщину-то били, почему же не поставили [ее] на пытку?» 156 (сер. XII); *али // чимо есемо виновата, // а восоли отроко* «если же я что-нибудь должна, то пришли слугу [сказать об этом]» 644 (XII); ... *или // что ми сѣ еси отъступи^т Бѣжыцьскои Верха ...* ДДГ, № 30а (1433 г., с. 76). Отметим, что в последних двух примерах *али*, *или* выступают в качестве целостных слов (см. § 68).

Если в предложении представлено сразу два вопросительных или относительных слова (*кого чимъ*, *кто куда* и т. п.), то барьер ставится перед первым из них, например: *и поклажаи // гдѣ есма что възали, // и на^а то все ѿдати* ДДГ, № 46 (1447 г., с. 141); ... *вприсно того, // кого есмь чимъ блѣвила* ДДГ, № 57 (1451 г., с. 177).

Приведем также один из редких примеров, где барьера перед *что* нет: *аже ва цѣто надобь, // а солита ко монь* «если вам двоим что-нибудь нужно, то шлите ко мне» 422 (сер. XII); здесь энклитика *ва* стоит левее слова *цѣто*.

5. В факультативном порядке барьер может быть поставлен после любой целой синтаксической группы (начальной или стоящей после другого барьера) или даже после серии целых синтаксических групп, если отчленяемая таким образом часть предложения: а) предполагает по смыслу некоторое противопоставление или эмфазу и/или б) выражает тему всего высказывания или какое-то обстоятельство, относящееся ко всей остальной части высказывания в целом.

Примеры: *а стѣе Варъварь тылицѣ // сторова ли?* 657 (XII₂); здесь ритмически отчленена тема); *а рожь Петровоу // повелело к семо измолотиво Кривѣ дати* 196 (нач. XIV; отчленена тема); *оу Сменка оу Савина // възмѣлъ к семь поло коробиш овса* 689 (XIV₂); *на молодогъ («на солодъ») // даль к семь рубель* 689; *а ныне // дай ми то мѣсто Быковицину* 477 (XIV₂); *в недоборехъ // плати ми сѣ животиною* 463 (XIV); также из Ипат. — *кнѣже, // мы не на тѣ // восталѣ есмы, // но не хочемъ кланѣтисѣ попады* (под 1188 г., л. 229 об.; отрезок *мы не на тѣ* подразумевает противопоставление); *а лѣзъ // не радуюсѣ ѿ погыбели его* (под 1158 г., л. 175; *а лѣзъ* означает здесь приблизительно «а что касается меня»); *идѣху слово рекоуче Олговичи, яко «вы // начали есте перво насть гоубити»* (под 1136 г., л. 110 об.; *вы* здесь подчеркнуто, т. е. означает «именно вы»); *внѣ же нынѣ // ворогъ ми сѣ оучинилъ* (под 1196 г., л. 241); *вѣ съ бра^амъ своимъ // готова есвѣ въ хрѣтьномъ цѣлованьи* (под 1149 г., л. 136 об.); *но вбаче, ѿце, // твою щитъ и мою // не розно еста* (под 1150 г., л. 148); *сеѣ весны // помози на («нам двоимъ»)* (под 1151 г., л. 152 об.); *ѿ роженша мое^а // не вхвотивъ есмь былъ на кровопролитье* (под 1151 г., л. 158).

Наблюдается тенденция к тому, чтобы отчленяемая в соответствии с данным правилом начальная часть предложения состояла более, чем из одной тактовой группы; но, как видно из приведенных примеров, жесткого ограничения здесь нет (в частности, довольно часто отчленяется начальное *а нынѣ*).

Понятно, что сфера применения правила 5 (особенно его части «б») очерчена не вполне строго; тем самым здесь заложена некоторая возможность «расшатывания» основного правила. Как мы увидим ниже, эта возможность со временем была отчасти реализована (по крайней мере в том, что касается энклитики *сѣ*).

§ 67. Особое частное правило, которое может существенно модифицировать результаты действия основного правила, состоит в следующем. В первичном предложении, разделенном на части ритмико-синтаксическими барьерами, в принципе допускается распределение энклитик, относящихся к сказуемому, между такими частями (причем ранги энклитик при таком распределении уже не имеют значения). То же самое можно описать и иначе: существуют барьеры, предназначенные для конкретных энклитик (и не имеющие силы для остальных).

В тех случаях, где реализовано данное факультативное правило, первичное предложение как бы распадается на части, каждая из которых начинает функционировать как самостоятельное первичное предложение. Вместе с тем разъединяется также цепочка энклитик, требуемая законом Вакернагеля: происходит своего рода «разгрузка» скопления энклитик.

Понятно, что если бы описываемое правило применялось часто, то само описание древнерусских энклитик с помощью закона Вакернагеля и правила о рангах можно было бы поставить под сомнение. В действительности, однако, в древнерусском языке правило, допускающее распределение энклитик, действует лишь в редких случаях (причем не отмечено примеров разделения цепочки энклитик более, чем на две части). Это всего лишь зародыш будущего состояния в рамках древней системы. С точки зрения синхронической системы древнерусского языка это не более, чем некоторое послабление жестких требований основного правила (допустимое лишь в довольно узком кругу ситуаций).

В действии правила, допускающего разъединение цепочки энклитик, следует различать два случая: 1) от цепочки отделяется энклитика *сѧ*, остальные энклитики подчиняются обычным правилам; 2) разъединение состоит не в отделении (или не только в отделении) *сѧ*. Поскольку энклитика *сѧ* вообще существенно отличается от всех остальных, первый из указанных случаев рассматривается ниже в разделе о *сѧ* (§ 71). Второй случай (т. е. более общий) представлен очень редко; в частности, в берестяных грамотах он не отмечен вообще. Вот некоторые примеры из Ипат.: *а оу королева еси мужа//слышалъ ли ѡ томъ чѣтномъ крѣтѣ?* (под 1152 г., л. 166 об.); *тобѣ бы, брате, //любо ли, //а быхомъ мы бра^н твоего держали?* (под 1147 г., л. 127); *къзъ же //тобѣ есмь далъ волость лѣньшюю* (под 1196 г., л. 240 об.); ... *и досыти ми пересердиѧ //оучинила еста* (под 1148 г., л. 133 об.); *вы есте //нарекши мѧ во своемъ племени во Володимерѣ старѣишаго* (под 1195 г., л. 236).

Существует также еще один особый синтаксический эффект, отчасти сходный с разделением цепочки энклитик. Он состоит в дублировании одной и той же энклитики: она помещается один раз в отрезке, стоящем до ритмико-синтаксического барьера, и потом еще раз в отрезке, стоящем после него. Подавляющее большинство относящихся сюда примеров отражают дублирование энклитики *сѧ*; см. о них в § 71. Здесь мы ограничимся приведением одного из тех редких примеров, где дублируется другая энклитика (в данном случае *ти* «тебе»): *а рубежь ти, княже, //межю Суждальскою землею и Новгородскою //дати ти старыи ГВНП, № 9, 10 (1307—08 гг.)*.

§ 68. Как мы уже знаем, цепочка энклитик не может сама по себе начинать предложение. Она должна быть присоединена справа к некоторой словоформе (или серии словоформ), которую можно обозначить как *б а з и с* первой тактовой группы предложения.

В принципе такой базис может состоять: 1) из одной акцентно самостоятельной словоформы, с проклитиками или без них, например, *братѣ, въ городѣ, и не видѣ ли, оже, аче, се*; 2) из двух акцентно самостоятельных словоформ, соединившихся в комплекс с единым ударением (хотя бы одна из этих словоформ должна быть энклиноменом), опять-таки с проклитиками или без них, например, *сего дне, оже далъ, а се далъ*; 3) из проклитики (или серии проклитик), например, *а, ци, не, а ци*. В первых двух типах базис и сам по себе (без присоединения энклитик) может образовать тактовую группу; в третьем типе для формирования

тактовой группы (например, *а бы, ци ли же*) наличие хотя бы одной энклитики обязательно.

Из трех названных типов господствующим является тип 1. Поскольку, однако, типы 2 и 3 хотя и редки, но все же существуют, в некоторых случаях вопрос о том, в какую именно точку должна быть вставлена цепочка энклитик, относящихся к сказуемому, решается неоднозначно.

Практически такая неоднозначность возникает в двух основных случаях: а) когда первичное предложение начинается с энклиномена служебного или местоименного характера (таковы прежде всего *оже, к же, аже, аче, аще, иже, се, то, кто, что*); например, в принципе возможно как *се к смь даль* (с базисом типа 1: *се*), так и *се даль к смь* (с базисом типа 2: *се даль*); б) когда первичное предложение начинается с проклитических союзов *а, и, да, нъ, ци* или частиц *не, ни*; например, в принципе возможно как *не даль ли к си* (с базисом типа 1: *не даль*), так и *не ли к си даль* (с базисом типа 3: *не*).

Примечание. Следует различать несколько омонимичных *то*: 1) местоимение *то* «это», «то» — энклиномен; 2) союз *то* «тогда», «в таком случае», «то» — проклитика; 3) частица *то* (например, в *оже то, коли то* и т. п., см. § 65) — энклитика.

В источниках, стоящих относительно близко к живой речи, в указанных случаях положение таково.

В случае «а» безусловно преобладает модель *се к смь даль* (т. е. с базисом типа 1). Примеры: *оже еси забыле моего добродельниа ... 627 (XII₂); кже ми отьць даль и роди сьдали ... 9 (кон. XII); а се ти хочюу ... 109 (XI/XII); се ли не ѱдасте, да со изросты водасте 483 (XIII₂); то еси ты повѣдалъ къ Рожьнѣтову ... 336 (XII₁); а кето ва не вода-... Ст. Р. 12 (XII₁); цето еси прислале дова целовека, те побегли 582 (кон. XIII); также из Ипат.— *бъ вы помози, // ѱже ми сь есте ѱли помогати* (под 1148 г., л. 140); *аче ти сь полки иструдать ...* (там же); *се ти пуцаю полкы своя* (там же); *се есвѣ зачала дѣло зло* (под 1146 г., л. 122); *се же вы ѱвляю* (под 1147 г., л. 128); *аже бы лиха хотѣлъ, // то* (союз) *что бы ми годно, // то* (местоимение) *же бы створилъ* (под 1140 г., л. 113 об.); *и что есми взали твоего, // а то* (местоимение) *ти възворотимъ* (под 1147 г., л. 126).*

Модель *се даль к смь* (с базисом типа 2) в берестяных грамотах встречается крайне редко. Надежны только два примера: *се оу Насила есмь възалъ ... 525 (XII₁); сь възало есмь у Храра задницу Шибьньцьву 198 (кон. XIII)*. Некоторые другие примеры, в частности, *а что позвале к смь ... 244 (нач. XV)*, могут либо относиться сюда, либо отражать уже начало расшатывания старых правил. Несколько чаще примеры данной модели встречаются в Ипат.; ср., в частности: *се доумалъ есмь съ бра^тмъ* (под 1147 г., л. 127 об.); *се съ симъ ны сь полко^т нѣлзѣ бити* (под 1148 г., л. 132 об.); *сѱу, // бѣ ти помози, // ѱже на мене еси чѣть възложилъ* (под 1150 г., л. 151 об.); однако и здесь они представлены во много раз реже, чем модель *се к смь даль*.

В случае «б» живой древнерусский язык обнаруживает сильную тенденцию к перестройке древнейшего состояния, при котором модели *не даль ли к си* и *не ли к си даль* были одинаково возможны и передавали практически один и тот же смысл. Эта перестройка выразилась в двух изменениях.

Во-первых, круг сочетаний типа «проклитика + энклитика», употребительных в живой речи, резко сузился. Сохранились в употреблении (с различиями по говорам) лишь очень немногие пары такого рода: *а ли, а бы, а ти, а бо, и ли, и бо, да же, да бы, да ти* и некоторые более редкие (не считая стоящих особо сочетаний типа *на мѣ, на тѣ, за сѣ*, см. 64, примеч.). Таким образом, например, из предложений *не даль ли к си* и *не ли к си даль* осталось в живом употреблении только первое: в грамотах и сходных с ними источниках сочетание *не ли* (равно как *не же, ни же, не бо, да ли* и т. п.) не встречается вообще.

Во-вторых, сохранившиеся в употреблении пары обнаруживают ярко выраженную тенденцию к превращению в особые целостные слова со своим специфическим значением, уже неравным сумме значений соответствующих составных элементов. Например, *а ли, и ли* сливаются в единые слова *али, или* со значениями «или», «если», «если же»; соответственно, скажем, фразы *али к си даль* и *а даль ли к си* уже не полностью синонимичны: первая означает «если же ты дал», вторая в нормальном случае выражает вопрос («а дал ли ты?»). С просодической точки зрения слитные *али, или* и т. п. представляют собой уже акцентно самостоятельные словоформы; это значит, что, например, тактовую группу *али к си* уже можно рассматривать как имеющую лишь одну энклитику (к *си*) и базис типа I (*али*). По-видимому, уже в древнерусскую эпоху становится единым словом также *абы* (из *а + бы*).

Итак, в живом древнерусском языке свободные (не слившиеся и не идиоматизированные) проклитико-энклитические группы в основном исчезли: одни вышли из употребления, другие слились в единые слова. На пути к слиянию находятся также сочетания *да же, да ти*, еще частично сохраняющие свой прежний характер.

§ 69. Для понимания того, как функционирует система древнерусских энклитик, необходимо учитывать также следующее важное обстоятельство: у большой группы энклитик имеются синонимы, принадлежащие к числу акцентно самостоятельных словоформ.

У местоимений в дательном падеже эта синонимия выглядит так (первым дается энклитический вариант, вторым — акцентно самостоятельный): *ми* — *миѣ*; *ти* — *тобѣ*; *ны* — *намѣ*; *вы* — *вамѣ*; *на* — *нама*; *ва* — *вама*.

У местоимений в винительном падеже: *мѧ* — *мене*; *тѧ* — *тебе*; *нѧ* — *насъ*; *вѧ* — *васъ*; *на* — *наю*; *ва* — *ваю*; *и* — *к го*; *ю* — *кѣ*; *к* — *к го*; *ѣ* — *ихъ*; *ѧ* — *ихъ*.

Примечание. Возвратное местоимение стоит в этом отношении несколько особо. В дательном падеже в принципе существует пара *си* — *собѣ*, однако в древнерусском, в отличие от ряда других славянских языков, энклитика *си* употреблялась крайне редко. Таким образом, в этой паре реально употребительным было только *собѣ*. В винительном падеже парность *сѧ* — *себе* ограничена в основном лишь позицией после предлога; в возвратных глаголах возможно только *сѧ* (которое не заменяется на *себе* ни при каких условиях).

Чем оправдано существование в языке описанной выше парности элементов? Ответ состоит в том, что в некоторых случаях энклитика, т. е. слово, не имеющее собственного ударения и, вдобавок, занимающее строго определенное место во фразе, оказывается неудобным или даже просто непригодным средством выражения соответствующего значения. Например, с помощью энклитик нельзя выразить смысл «дал мне и тебе»: сочетание **даль ми и ти* невозможно, так как оно нарушает закономерности расположения энклитик; нельзя выразить смысл вроде «дал именно мне», так как слово со значением «мне» здесь должно нести ударение, а энклитики безударны. Напротив, акцентно самостоятельные словоформы свободны от указанных ограничений, поэтому они пригодны для построения сколь угодно сложных синтаксических конструкций. Например, совершенно правильным является сочетание *даль миѣ и тобѣ* или *даль миѣ* (с фразовым ударением на *миѣ*).

Распределение энклитических и полноударных вариантов в древнерусском языке можно в первом приближении описать так. В обычном (немаркированном) случае нормой является употребление энклитики. Полноударный вариант употребляется в особых случаях, а именно:

1. В случае, когда употребление одних лишь энклитик привело бы к появлению в одной тактовой группе двух энклитик одного и того же ранга. Например, смысл «я должен дать тебе рубль» не может быть выражен в виде **дати ми ти рубль*, поскольку *ми* и *ти* — энклитики одного ранга. По крайней мере одна из этих энклитик должна быть заменена полноударной словоформой, например: *дати ми тобѣ рубль*.

2. В случае, когда энклитика оказалась бы соединена сочинительной связью (союзной или бессоюзной) с каким-то другим словом. Поэтому, например, невозможно **далъ ми и Петру*, **далъ ми, ти и имъ*; возможно лишь *далъ мнѣ и Петру*, *далъ мнѣ, тобѣ и имъ*. Отмечен, правда, пример *того ми и мои дѣте под ними блюсти* ДДГ, № 16 (1401—02 гг.) и еще один подобный в том же тексте; но эти примеры явно следует расценивать как отклонение от нормы.

3. В случае, когда соответствующее слово выделено по смыслу (в частности, противопоставлено какому-то другому слову и т. п.). Пример: *а дала тобѣ, а Нѣжатѣ не дала* «я дала именно тебе, а не Нежате» 644 (XII).

4. После предлогов (для местоимений в дательном падеже), например, *къ тобѣ по мнѣ*, *къ намъ* (**къ ти*, **по ми*, **къ ны* и т. п. невозможно). Сложнее обстоит дело с местоимениями в винительном падеже. Здесь древнейшей нормой является как раз употребление после предлогов энклитического варианта: *на ма*, *за та* и т. д. (см. § 64, примеч.). Наряду с этим в принципе возможны и сочетания типа *на мене*, *за тебе* и т. д., но они первоначально употреблялись лишь при наличии какого-то смыслового выделения или подчеркивания (ср. выше, пункт 3). К концу древнерусского периода на *ма*, *за та* и т. п. в живой речи выходят из употребления; сочетания типа *на мене* (на *меня*) становятся в силу этого столь же нейтральными и обязательными, как *къ тобѣ*, *по мнѣ* и т. п. в дательном падеже.

5. В различных, трудно поддающихся формальному определению, случаях, когда замена энклитики полноударным вариантом, позволяющим использовать вместо твердого порядка слов свободный, облегчает синтаксическое маневрирование. В частности, с помощью такой замены можно «разгрузить» слишком громоздкое скопление энклитик, избежать нарушения проективности, отчетливее выразить коммуникативную структуру предложения и т. п. Ср., например: *а и Суждальскои* («из суждальской») *ти земле Новагорода не рядити* ГВНП, № 1 (1264 г.) и *а съ Суждальскои земли тобѣ*, княже, *новгородца не судити* ГВНП, № 7 (1304—05 гг.); замена энклитики *ти* на полноударное *тобѣ* позволила во втором случае сохранить единство словосочетания *Суждальскои земли*.

§ 70. Кроме описанных выше, имеется еще один особый класс случаев, когда энклитика оказывается в определенном смысле эквивалентна акцентно самостоятельной словоформе. Речь идет об эквивалентности сочетаний типа *далъ к смь* и типа *на далъ*. Хотя *к смь* и *на*, конечно, не являются синонимами (как *ми* и *мнѣ*), наличие указанной эквивалентности позволяет нам считать, что и у энклитик ранга 8, т. е. связок, тоже в определенном смысле имеются полноударные соответствия, а именно, выделяются следующие пары: *к смь* — *на* (*назь*); *к си* — *ты*; *к сме* (*к смо* и др.) — *мы*; *к сте* — *вы*; *к свѣ* — *вѣ*; *к ста* — *ва* (или *вы*); о существовании таких пар и их свойствах см. Хабургаев 1978.

Чтобы дать более конкретное представление о функционировании указанных пар, опишем вкратце, не претендуя на строгость, употребление, с одной стороны, связок, с другой — словоформ *на* (*назь*), *ты*, *мы*, *вы*, в берестяных грамотах.

Прежде всего необходимо констатировать, что в берестяных грамотах в нормальных случаях употребляется либо модель *далъ к смь* (*виноватъ к смь*), либо модель *на далъ* (*на виноватъ*), но не трехчленная модель *на к смь далъ* (*на к смь виноватъ*). Последняя модель встретилась всего в нескольких примерах с особой смысловой и синтаксической структурой, которые мы не будем здесь разбирать.

В обычном (немаркированном) случае личное местоимение *на* (*ты*, *мы*, *вы*) не употребляется. Это одинаково верно для предложений с императивом (например, *идите*), презенсом (*молю ти смь*), перфектом (*далъ к смь*) или именным сказуемым (*виноватъ к смь*). Понятно, что для последних двух случаев это означает необходимость употребления связки.

Далее нам достаточно описать те особые случаи, когда личное местоимение все же употребляется; появление личного местоимения означает, что связка становится излишней и опускается. Личное местоимение обязательно употребляется в следующих случаях.

1. Если оно является не единственным подлежащим при данном сказуемом, например: *воленъ богъ да и ты*.

2. Если оно участвует в противопоставлении или каким-то образом подчеркнуто (например, означает «именно ты» и т. п.). Примеры: *пойди за мене: азъ тебе хоцю, а ты мене* 377 (XIII); *мене згоумене не поустиле, а азъ прашалъсѣ* 605 (XII).

3. Местоимение *ты* — перед обращением, если в этом месте по семантическим или синтаксическим правилам требуется союз (как, например, союз *а* при обращении к новому адресату). Пример: *а ты, Нестере, про чщѣхъ пришли ко мни грамоту* 358 (сер. XIV).

4. После союза *и* в значении «то», «тогда», «в таком случае». Пример: *а не възме, и вы во стадъ пустите* «а если он не возмет (коня), то вы его в стадо пустите» 142 (нач. XIV).

Кроме того, личное местоимение факультативно употребляется в следующих случаях.

5. В первичном предложении, подлежащее которого отличается от подлежащего предыдущего первичного предложения (иначе говоря, при смене подлежащего по ходу рассказа). Пример: *а целовало к си ко мнѣ, а не прислало к си; азъ погибло* 445 (XIV).

6. При сказуемом, допускающем омонимию лиц, например: *вы вѣдаета* «вы двое знаете» 603 (XII₂); здесь местоимением разрешена омонимия 2 мн. и 3 мн.

Сверх перечисленных случаев личное местоимение употребляется в берестяных грамотах крайне редко.

Как можно видеть, факторы, влияющие на выбор между моделью *далъ к смь* и моделью на *далъ*, в значительной мере сходны с теми, которыми определяется выбор, например, между *далъ ми* и *далъ мнѣ*. В обоих случаях конструкция с энклитикой является обычной (немаркированной), а конструкция с полноударной словоформой употребляется лишь при наличии некоторых особых условий.

§ 71. В системе древнерусских энклитик особое место занимает энклитика *сѣ*. Она в большей степени, чем все остальные энклитики, тяготеет к тому, чтобы оказаться с п р а в а от подчиняющей ее глагольной словоформы. Понятно, что это та самая тенденция, которая в конечном счете привела к полному сращению *сѣ* с глагольной словоформой.

В рамках древнерусской системы эту тенденцию можно несколько огрубленно описать так. Энклитика *сѣ* в нормальном случае не нарушает общих закономерностей расположения древнерусских энклитик, однако любые факультативные правила, которые позволяют данной энклитике занять место справа от глагольной словоформы, используются очень широко — шире, чем для прочих энклитик.

Главным из таких правил является правило о факультативном отчленении начальной части первичного предложения, обладающей определенной смысловой самостоятельностью (§ 66, пункт 5). Предельным случаем реализации данного правила является отчленение всего того, что стоит левее сказуемого. Пример: *а нынѣ на вамъ во вѣдѣ мѣсто всталсѣ* (Ипат., под 1180 г., л. 217—217 об.); позиция *сѣ* здесь может быть объяснена (по крайней мере, формально) отчленением всего отрезка, стоящего перед *всталсѣ*.

Понятно, что если последовательно использовать этот предельный случай, то *сѣ* будет всегда оказываться правее сказуемого. Практически, однако, в древнерусском языке такое положение еще не достигнуто, т. е. данная возможность используется всё же далеко не всегда.

Для сохранения *сѣ* при глаголе используется также факультативное правило, допускающее разделение цепочки энклитик (§ 67). Оно дает возможность оставить *сѣ* при сказуемом даже в том случае, когда остальные энклитики расположены левее сказуемого. Примеры (барьеры не обозначаем): *ожъ ли право запираютъсѣ* (л) ... 222 (нач. XIII); *осподине, како ксьмъ порадилесе, тако и живу* 359 (XIV/XV); также из Ипат. — *аже есте ко мнѣ прислалисѣ мира дѣла* ... (под 1148 г., л. 133 об.); *со Юрославомъ есми оумирилсѣ* (под 1196 г., л. 240 об.); *Стославъ ти послалъсѣ къ Гюргеви* (под 1149 г., л. 136 об.); *ты же ми еси ее встоупилсѣ по волѣ* (под 1195 г., л. 236 об.).

Наконец, используется также правило, допускающее дублирование одной и той же энклитики (§ 67). Предложения с двойным *сѧ* образуют своеобразный «мостик» между древними и новыми конструкциями с *сѧ*. Примеры: *миѣ сѧ не можетьсѧ* 124 (XIV/XV), *а на ахъхъ се грозитьце у Ладогу звати* 359 (XIV/XV); *како сѧ, шподине, нами своими хрестияны попечашисе?* 310 (нач. XV); *а то сѧ дивалось седнѣ во велики днѣ* 154 (XV); *обы ся просто не уцинилося ...* ГВНП, № 44 (1373 г.); *и чего сѧ не оточуѣ ...* ДДГ, № 30а (1433 г., с. 77); *а что сѧ бѣдет ѹчинилосѧ межи насѣ в перемирье шбѣда ...* ДДГ, № 19 (список XV в. с грамоты 1402 г., с. 55).

§ 72. В вопросе о позиции *сѧ* разные памятники отражают разную степень продвижения от древнейшего состояния к современному. Необходимо, в частности, различать ранние памятники (XI — нач. XIII в.) и более поздние (XIII—XV вв.).

Существенным фактором, влияющим на выбор места для *сѧ* в конкретном предложении, является структура той тактовой группы, куда должно будет попасть *сѧ*, если оно вообще оторвется от подчиняющего его глагола. Как показывает материал, здесь необходимо различать четыре случая.

I. Базисом тактовой группы, куда попадет *сѧ*, является местоимение или местоименное наречие.

II. Таким базисом является союз.

III. Таким базисом является сказуемое, тогда как *сѧ* относится не к нему, а к подчиненному ему инфинитиву (например, *не хочемъ сѧ съ ними бити*).

IV. Все остальные возможности (практически это означает: базисом является неместоименное знаменательное слово, причем не сказуемое).

Случай I наиболее благоприятен для отрыва *сѧ* от подчиняющей его глагольной словоформы, т. е. для препозиции *сѧ* по отношению к ней. Остальные случаи менее благоприятны для этого (но конкретные соотношения между ними для разных эпох и разных памятников могут несколько различаться).

Рассмотрим расположение *сѧ* в указанных четырех случаях в некоторых важных памятниках, стоящих более или менее близко к живой речи (в записи примеров барьеры обозначаются только в случае особой необходимости).

Для XII в. наиболее полным источником сведений по интересующему нас вопросу является прямая речь персонажей в Киевской летописи по Ипатьевскому списку. Правда, этот текст не свободен от искажений, принадлежащих позднейшим переписчикам; но материал здесь достаточно велик для того, чтобы составить представление о количественных соотношениях разных групп примеров, а нередко и для того, чтобы с высокой вероятностью отличить искаженный текст от исправного. Приводим из этого источника наиболее наглядные примеры расположения *сѧ*.

Препозиция *сѧ*. Случай I: *что сѧ оудѣеть, то вы виновати* (под 1135 г., л. 110 б); *чимъ ти сѧ есмь шбѣщаль, то ти исполню* (под 1187 г., л. 230); *а ты сѧ еси еще с людми Киевѣ не оутвердилъ* (под 1154 г., л. 170 об.); *а Ѡ мене сѧ ему поклони* (под 1152 г., л. 167); *а вѣ сѧ сама оурядивѣ* (под 1151 г., л. 156); *се сѧ оуже тако створило, князь нашъ оубьенъ* (под 1175 г., л. 209 об.); *сѣгрѣшилъ есмь и первое, а того сѧ каю* (под 1150 г., л. 151 об.); *а сила наша за нами далече, а ту сѧ сождемъ* (под 1150 г., л. 149 об.); *а тогда сѧ затворимъ в городѣ с тобою* (под 1153 г., л. 168). Случай II: *а то ми бѣ даль, шже сѧ есте сами зажгли* (под 1140 г., л. 113 об.); *аже сѧ оуже тако оучинило ...* (под 1147 г., л. 130); *любо с нимъ миръ створимъ, любо сѧ с нимъ бьемъ* (под 1147 г., л. 126). Случай III: *можете ли сѧ за наю бити?* (под 1149 г., л. 139 об.); *а почнуть сѧ с тобою бити* (под 1150 г., л. 150 об.); *нѣлзѣ ми сѧ с тобою радити* (под 1150 г., л. 144 об.); *годно ти сѧ с ниѣ оумирити* (под 1154 г., л. 170 об.); *ци боудеть* («предстоит») *ны сѧ соудити прѣ бѣмъ* (под 1151 г., л. 155). Случай IV: *бнѣ ти сѧ кланяеть* (под 1151 г., л. 157); *заль ти сѧ король кланяеть* (под 1151 г., л. 161 об.); *се ныѣ же оуже есть не веремъ: рѣкы сѧ смерзываютъ* (под 1151 г., л. 147 об.); *а Киев ти сѧ кое* («разве») *штворилъ?* (под 1151 г., л. 156 об.); *шнѣ же нынѣ // ворогъ ми сѧ оуминилъ* (под 1196 г., л. 239); *рдѣ* (= ради) *сѧ за тѧ бьемъ и с дѣтьми* (под 1147 г.,

л. 130 об.); *то ти все возворотити и Изяслава ти сѧ не Ѡлучати до живота своего* (под 1152 г., л. 163 об.); *а къ Гюргеви сѧ послали* (под 1147 г., л. 128); *моложьшему сѧ не поклоню* (под 1151 г., л. 155 об.); *и с лахы сѧ есмь за нь билъ* (под 1152 г., л. 162 об.); *льпле сѧ с нимъ оулади* (под 1147 г., л. 126 об.).

Постпозиция сѧ (здесь и в последующих рубриках о постпозиции сѧ мы не приводим примеров, где расположение сѧ может быть объяснено действием обычных, а не расширительно понимаемых, правил о барьерах; см. § 6б). Случай I: *абы бѣ дать, вы быста оуладилася* ... (под 1149 г., л. 141); *и мы без ниѣ коушамсѧ* («попытаемся-ка») *на вежаѣ ихъ оударити* (под 1183 г., л. 221 об.); *а како сѧ нагадаше вси, тако же с тобою оуладимсѧ* (под 1196 г., л. 239); *и тогда мыщюсѧ Всеволодоу шбиды своѣ* (под 1180 г., л. 216 об.); *Ѡтоиѣ послалася къ Гюргеви* (под 1147 г., л. 127). Случай II: *вже добрѣ надѣешисѧ на кыяны* ... (под 1150 г., л. 150 об.); *ажъ Романъ прислатьсѧ ко Ѡлговицель* ... (под 1195 г., л. 236 об.); *доколѣ любо оуладимсѧ вси, или не оуладимсѧ вси* (под 1196 г., л. 239). Случай III: *но не хочемъ кланѧтисѧ попады* (под 1188 г., л. 229 об.). Случай IV: *половици шборотилася противоу рожкимъ княземъ* (под 1183 г., л. 221 об.); *Стѣславъ ти послатьсѧ къ Гюргеви* (под 1149 г., л. 136 об.); *зане в землѣ нашей жито не родилосѧ нынѣ* (под 1193 г., л. 234); *мало перепочивше, опытъ възвратимсѧ* (под 1172 г., л. 196 об.); *со Юрославомъ есми оумирилася* (под 1196 г., л. 240 об.).

Количественные соотношения разных типов употребления сѧ в рассмотренном источнике таковы (цифры не вполне строгие, поскольку имеется ряд спорных случаев, обсуждение которых здесь было бы излишне). Препозиция сѧ: случай I — 71 пример; II — 34; III — 15; IV — 17. Постпозиция сѧ (в подсчеты не включены примеры, где положение сѧ определяется действием правил об обязательных барьерах): случай I — 22 примера; II — 13; III — 2; IV — 23. Некоторая часть примеров постпозиции сѧ (небольшая), вероятно, объясняется обычным (не расширенным) применением правил о факультативных барьерах; но точно определить эту часть, разумеется, невозможно.

Таким образом, в прямой речи, включенной в Киевскую летопись, расположение сѧ внутри фразы в целом еще относительно мало отличается от того, которого требуют общие правила для энклитик. Лишь в случае IV ситуация иная: здесь тенденция к постпозиции сѧ проявила себя уже достаточно сильно.

В берестяных грамотах XI — начала XIII в. материал таков. Препозиция сѧ. I: *а ныне сѧ дружина по маѣ пороучила* 109; *а чемоу сѧ гнѣваеши?* 605; *а тебе сѧ кланѧю* 175; *а во томо сѧ с[ор]осло ...* 654; *а Повъжьи оу Твьрдѧть//чѣт[о сѧ] ѡло коуно* 672. III: (м) [о]гоу сѧ съ тобою ѡти на водоу 238. IV: *а Мѣстѧта сѧ вама поклонѧ* 422; *бѣа сѧ боуць* 548.

Постпозиция сѧ. II: *или ладивьсѧ* 549; *ожъ ли право запираютьсѧ* (ѡ) 222. IV: *а въжники творѧтсѧ въдавоше Собыславоу цетыри гривне* 550; *...сѧте гривено осталосѧ* 436. Пример мене игоумене не поустиле, а ѡ прашальсѧ 605, по-видимому, к нашему разбору не относится; а ѡ здесь выражает противопоставление («а что касается меня, то я»), отсюда возможность появления ритмико-синтаксического барьера после ѡ (см. § 6б, пункт. 5).

Материал Русской Правды (по Синодальному списку). Препозиция сѧ. I: *иже сѧ прикладываѣть вирую* (ст. 6); *а чнѣ сѧ начнетъ запирати* (ст. 47); *а домашньѣ, что сѧ встанеть коунъ, тѣмъ же сѧ подѣлѧть* (ст. 55); *како сѧ будетъ рѣдилъ ...* (ст. 50, 110). II: *вже сѧ почнетъ запирати* (ст. 47). III: *а не джи* («неспособны») *сѧ боудуть сами собою печаловати* (ст. 99).

Постпозиция сѧ. II: *аже чельдинъ съкрытьсѧ* (ст. 32); *аже братьѧ роставютьсѧ передъ княземъ ш задницю* (ст. 108); *аже кто не вложитьсѧ въ дикоую виру* (ст. 8); *аже кто своѣго холопа самъ досочитьсѧ* (ст. 114)¹⁷ IV: *вѣдѧ ли боудеть далъ, то коунъ кмоу лишитисѧ* (ст. 116).

¹⁷ Предложения типа двух последних (с сочетанием союза и относительного местоимения: *аже кто, или что* и т. п.) ведут себя в рассматриваемом отношении именно как начинающиеся с союза (а не с *кто, что*); иначе говоря, факультативное правило о барьере перед *кто, что* и т. п. (§ 6б, пункт 4) здесь не применяется.

Материал пергаменных грамот XII — 1-й трети XIII в. Препозиция *са*. I: *кто са изовстанеть въ монастыри ...* (Мстиславова грамота, ок. 1130 г.); *донжлѣ же са миръ сѣстоитъ* (там же); *а оучинитса вамъ свада сѣ ихъ моужьми, вамъ са вѣдати сѣ ними самѣмъ* (договор неизвестного смоленского князя с Ригой и Готландом [= договор 1220-х годов]); *онемъ са прашати, а мнѣ е по доумѣ поущати* (там же); *оже бодѣтъ смолнѣниноу сѣ немѣчичемъ тѣжа в Ризѣ, тоу са тѣжють передѣ рижьскимъ соудьею* (там же); *что са дѣтѣ по вѣремнемъ ...* (смоленский договор 1229 г., список А); *аже оудѣржитъ, оу томъ са можете оучинити пагоуба* (там же); *оу кого са избитъ оучанъ а любо челнъ ...* (там же); *кому ся выимъть ...* ГВНП, № 28 (список 1262—63 гг. с грамоты 1190-х годов). III: *а почнѣтъ са кто ѿ нихъ просити ...* (договор 1220-х годов); *а не хочеть са платити кмоу* «а если не хочет расплачиваться с ним»¹⁸ (договор 1229 г., список Е); ср. также *оже имуть са бити ...* (договор 1220-х годов), где *са* хотя и не перешло влево к союзу *оже*, но все же находится в препозиции по отношению к *бити*. IV: *или роусьскомуу гѣстѣмъ//притѣча са пригодитъ въ Ризѣ* (договор 1220-х годов).

Постпозиция *са*. I: *зде починажътса правда* (договор 1229 г., список А); *пре сеи миръ троудилиса ...* (там же; впрочем, этот пример, по-видимому, было бы допустимо также отнести к случаю IV). II: *оже имуть са бити роусъ в Ризѣ* (договор 1220-х гг.; см. об этом примере также выше); *атъ оуправѣтса сами* (там же); *или инаѣ тѣжа оучинитса* (там же); *аже розгнѣважътса князѣ* (договор 1229 г., список А); *аже латинескии гостъ битъса мѣжо събою оу роускои земли* (там же); *ате промѣжо собою оурадѣтса* (там же); *или кто послъ живиы встанѣтса* (там же); *оже тѣжа родитса бес крови* ГВНП, № 28; *оже родитса тѣжа ...* (там же).

Как можно видеть, показания ранних берестяных и пергаменных грамот и Русской Правды в целом достаточно сходны. В случаях I и III господствует препозиция *са*, в случае II — постпозиция. В случае IV наблюдается примерное равновесие этих возможностей. Таким образом, эта группа памятников отличается от Киевской летописи лишь в одном пункте: в случае II (т. е. в предложениях, начинающихся с союза) здесь уже почти победила новая тенденция.

§ 73. Обратимся теперь к нескольким более поздним источникам.

Материал берестяных грамот XIII (кроме 1-й четверти) — XV вв. таков. Препозиция *са*. I: *а то са ведаю* 616, *то са не ...* (обрыв) 482, *а что са подите (= подѣжтъ)) на Мовозери ...* 141; *а ѣзо са саме с нимо ѿведаю* 142; *а ѣзо са кланею* 344; *да ѣ са дивлю* 622; *а земля, г(н)е, //сама са окупить твоимъ здоровижмъ* 104; *а на мене се шлю* 25; *на мене се не на...* 25; *на том са шлю* 521; *а то с(ѣ) деѣло* 521; *такъ са розгори срѣце твоѣ ...* 521; *какъ се, гдо, мноу попецалужте и моими дѣтми?* 49; *чо бы са на мене не родила грамота бесудная* 302; *инде ли са пригодитъ* 565; особый случай — *а ѣзо тобѣ са кланю* 186 (нарушение правил или, может быть, объединение энклиномена (ѣзъ) с тобѣ). II: *атно се замѣжете ...* «если же нарушит (замешкается)» 318. IV: *бѣа са бои(те)* 622.

Дублирование *са*: встретилось в грамотах 124, 359, 310, 154 (XIV/XV — XV₁); см. § 71. Все эти примеры отражают случай I.

Постпозиция *са*. I: *а ѣзо тебе кланюса* 147 (XIII; самый ранний пример); *а вамъ кланюса* 708; *а ѣзо тебе много кланюса* 414 (аналогично 283); *а ѣзъ тоби кланюса* 536 (аналогично 501, 528); *а вамъ кланѣмса* 41; *а ты*

¹⁸ К сожалению, в словоуказателе к изданию Смоленск. гр. (с. 134) *хочеть са* в этой фразе ошибочно истолковано как форма глагола *хотѣтиса*, т. е. это место понято как «а если не хочется ему платить».

ко мни нь авишиса коуни шити ношю 490; i о мо(к) [м]о животе о Аколи//вамо наболигиса моимо приказомо болшимо 622; кто изгодице тамо 281; а которъ («которые») осталиса ... 301; а то дивалось на погостѣ на торгѣ 154 (аналогично 496); а тых бы хота и не постыдѣтиса 317; се соцетеса ... 45; како к сьмъ порадилеса, тако и живу 359; како ли ты венилеса 30; тако (ли вы мой)мо животомо зоблетеса? 622; а сдесе не надиса 354. II: оурядило ли сѧ со тобою, ци ли не оурядилоса 344. III: Мѣ кѣ форко//хъцьть оу тьбе прошатѣса на Лунѣну 314; зандо, гѣе, //не можемъ нищмъ к му оудобритиса 94. IV: и Терохъ возилесь быле ... 300; ... слъзы проливаютѧ прѣдъ бѣмо 317; и диду молиса ... 354; а на днѣ ни луба не прода^{чи} Ст. Р. 2; цюжимо ли наболити[сѧ] ... 622. В эти списки не включен ряд примеров, где можно со значительной вероятностью предполагать действие барьеров, поставленных по общим правилам (§ 66), в частности: а ми тоби, оѣине, //кланѣсеме 406; чо би, господине, //попечелилеса чоронами 167; а нинеце //проноситса ѿ Кюрьяка 538; в недоборехъ //плати ми сѧ животиною 463. Не учтены также фрагменты, где из-за обрывов недостаточно ясна структура фразы.

Как видно из приведенного материала, в XIII—XV вв. препозиция сѧ сохраняется в берестяных грамотах по сути дела лишь в случае I (причем даже и в этом случае постпозиция сѧ представлена несколько чаще).

Приводить материал пергаменных грамот 2-й половины XIII—XV в. здесь нет возможности; ограничимся лишь некоторыми общими наблюдениями. Как и в берестяных грамотах данного периода, препозиция сѧ встречается в этих документах почти исключительно в случае I, чаще всего в предложениях, начинающихся с *что, кто, тотъ* (в разных формах) и *како*. В частности, в ДДГ много раз встречаются выражения *а что сѧ учинить, а что сѧ останеть (остало), а о чемъ сѧ сопруть, или кто сѧ будетъ у нихъ жениль, а кто сѧ чего заприть, а тѣмъ сѧ подѣлать, в тѣ сѧ села тобѣ не вступати, какъ сѧ к сьмъ роздѣлиль, намъ сѧ съ нимъ вѣдати самѣмъ* и т. п. Наряду с этим широко представлена (в т. ч. в тех же самых выражениях) и постпозиция сѧ: *а о чемъ сопрутьса, или кто будетъ у нихъ женилса* и т. п.

В случаях II, III и IV препозиция представлена лишь единичными примерами, в частности: *а хотѣль сѧ имъ платити* ГВНП, № 56 (1417 г.); *а холопъ и роба //не оучноу сѧ тага* ДДГ, № 15 (список XV в. с грамоты 1396 г.); *а изъ земли во //на третей сѧ не зову* ДДГ, № 30 (1433 г.); *а в Вѣтку ти сѧ, брате, не вступати* ДДГ, № 35 (1436 г.). Нормой для этих случаев является постпозиция сѧ.

Таким образом, на протяжении XII—XV вв. прослеживается определенная эволюция, в результате которой отличие сѧ от прочих энклитик существенно увеличивается. В грамотах XV в. сѧ может выступать отдельно от глагола по сути дела лишь после начинающих предложение местоимений (или местоименных наречий); в остальном оно ведет себя уже как составная часть глагольной словоформы.

§ 74. Наш анализ системы древнерусских энклитик ограничен, как уже было указано, только памятниками, относительно близкими к живой речи. Книжный язык мы здесь не рассматриваем. Отметим лишь, что в книжном языке поведение энклитик было в значительной мере иным. Главное отличие состоит в том, что в книжном языке по крайней мере часть словоформ, функционировавших в живой речи в качестве энклитик, могла с большей или меньшей частотой выступать в роли акцентно самостоятельных словоформ (и, следовательно, представляться во фразе с гораздо большей свободой, чем для энклитик). Наиболее заметно это различие для *бы*, энклитик ранга 7 (*ма, та, сѧ* и т. д.) и в особенности ранга 8 (*к сьмъ, кси* и т. д.).

В старославянском языке *бы* (равно как *быхъ, быхомъ* и т. д.), словоформы винительного падежа *ма, та, сѧ, ны* и т. д. и связки (*к сьмъ, кси* и т. д.) еще не были полноценными энклитиками, т. е. по крайней мере в части случаев могли сохранять самостоятельное ударение (ср. Вайян, § 262). Кроме того, при

переводе с греческого переводчики во многих случаях сознательно или бессознательно исходили из того, что продукт их труда должен читаться не слитно, а пословно. В этих условиях словоформы, которые могли быть как энклитиками, так и полноударными, естественно, использовались в их полноударном варианте. Можно предполагать даже, что и «чистые» энклитики в условиях пословного чтения иногда могли искусственно произноситься с самостоятельным ударением. Такой подход, помимо всего прочего, давал переводчику возможность перевести ближе к оригиналу, не меняя порядка слов из-за правил о месте энклитик.

В результате тенденция к расположению энклитик непосредственно после глагольной словоформы (а не левее ее), например, *даль к смь, даль ми, боюса* (а не *к смь ... даль, ми ... даль, са ... бою*) стала в древнерусской письменности одним из пунктов отличия книжного синтаксиса от народного. Это проявляется, в частности, в том, что при аористах и имперфектах *са* в подавляющем большинстве случаев стоит постпозитивно. В Киевской летописи в прямой речи *са* ставится по правилам, описанным выше в § 72, а в авторской речи — чаще всего в постпозиции. В Успенском сборнике там, где по правилам об энклитиках в перфекте ожидается порядок типа *даль к смь*, он фактически выступает в 46 случаях из 48, а там, где ожидается порядок *к смь ... даль*, он выступает лишь в 18 случаях из 36 (см. Лингв., с. 158). Перечень подобных свидетельств легко можно продолжить.

Говоря об отличиях древнерусской системы энклитик от старославянской, естественно также хотя бы мельком упомянуть о том, что в ряде современных славянских языков до сих пор существуют системы энклитик, типологически и генетически близкие к древнерусской. Наибольший интерес в этом отношении представляет сербскохорватский язык, где энклитики, относящиеся к сказуемому, и поныне в основном подчиняются закону Вакернагеля и схеме рангов. Правда, при значительном сходстве с древнерусским, здесь есть, разумеется, и отличия — как в самом наборе энклитик, так и в их распределении по рангам; например, связки (кроме *je*) занимают здесь не последний, а один из первых рангов. Очевидно, разные славянские языки, унаследовав из праславянского сам принцип организации системы энклитик, частично достраивали такие системы уже в эпоху своего отдельного существования. Однако в рамках настоящей работы мы не имеем возможности рассматривать этот круг вопросов.

§ 75. Попытаемся теперь кратко охарактеризовать эволюцию древнерусской системы энклитик в целом, приведшую к формированию совершенно иной системы, представленной в современном языке.

Главное событие, определившее этот переход, состояло в следующем: во всех случаях, когда у энклитики имелся акцентно самостоятельный синоним (включая пары типа *к смь — я*, § 70), из двух членов синонимической пары сохранилась только акцентно самостоятельная словоформа, а энклитика вышла из употребления. Так, например, из пар *ми — мнѣ*, *ти — тебѣ*, *ма — мене*, *ны — насѣ*, *к си — ты*, *к сме — мы* сохранились только *мнѣ*, *тебѣ (тебѣ)*, *мене (мена)*, *насѣ*, *ты*, *мы*. Уже в древнерусском существовала возможность передавать соответствующие значения с помощью акцентно самостоятельных словоформ; правда, здесь она носила как бы резервный характер, т. е. использовалась лишь изредка, в некоторых особых случаях. Изменение состояло в том, что эта резервная система стала основной, а затем единственной.

Таким образом, древнерусская система энклитик (точнее, ее главная часть) распалась в основном не в результате прямой ломки соответствующих правил, а путем своеобразного перераспределения возможностей, заложенных в самой этой системе.

В особом положении оказалось *са*. Сочетания типа *за са* сменились в ходе описанного процесса на *за себе*, но в приглагольном употреблении, т. е. в своей основной функции, *са* не могло участвовать в данном процессе, поскольку в этой функции у него не было акцентно самостоятельного синонима (§ 69, примеч.). Принять на себя роли обоих членов пары *са нѣ* могло (по крайней мере без ломки основных просодических принципов), поскольку, будучи энкли-

тикой, оно не могло выступать в позициях, где требовалась ударность (например, при выражении противопоставления, эмфазы и т. п.). Выходом из этого противоречия оказалось совершенно иное развитие, а именно полное сращение *сѧ* с глаголом. Базой для этого послужили те возможности помещения *сѧ* непосредственно после глагольной словоформы, которые были заложены уже в древнерусской системе (см. § 71). Эти возможности были использованы в предельной степени, тогда как возможность отрыва *сѧ* от глагола постепенно перестала использоваться. Сращение *сѧ* с глаголом сняло проблему асимметрии между *мене*, *тебе* и т. д. (вытеснившими прежние *мѧ*, *тѧ*), с одной стороны, и *сѧ*, с другой: *сѧ* как отдельное слово просто перестало существовать. Как видно из § 71—73, этот процесс начался уже в древнерусскую эпоху.

Связь между исчезновением в русском языке (и других восточнославянских) энклитик рангов 6 (*ми* и т. д.), 7 (*мѧ* и т. д.) и 8 (*къмь* и т. д.) и сращением *сѧ* с глагольной словоформой косвенным образом подтверждается ситуацией в большинстве южнославянских и западнославянских языков: здесь с одной стороны, не исчезли энклитики типа **mi*, **me*, **jesmь*, с другой — не произошло полного сращения **sg* с глагольной словоформой.

Энклитики *бо* и *ти* в русском языке в ходе истории утратились; таким образом, «выжили» только три древних энклитики: *же*, *ли*, *бы*. Примечательно, что эти «выжившие» энклитики и поныне до некоторой степени сохранили свои древние свойства (в том, что касается их места в предложении), хотя эти свойства находятся в противоречии с рядом важных принципов, характерных для синтаксического строя современного русского языка. Прежде всего, они могут располагаться во фразе весьма далеко от подчиняющего их слова, причем часто с нарушением принципа проективности; ср., например: *В своем же доме он хозяин; В своем бы доме он так не поступил; В своем ли собственном доме или в чужом — это ему все равно*. Для *же* (относящегося к сказуемому) уход вправо от первой тактовой группы предложения до сих пор может быть описан с помощью той же техники ритмико-синтаксических барьеров, что и для древнерусского; ср., например: *Вчера вечером//они же этого еще не знали*. Для *бы* в современном языке на первый взгляд возможна любая позиция, кроме начальной (точнее, позиция после любого полнударного слова). В действительности, однако, например, во фразу *Тогда он увидел тебя* частицу *бы* можно вставить после *тогда*, после *он*, после *увидел*, но не после *тебя*. Невозможность фразы **Тогда он увидел тебя бы* — реликт древнего правила, согласно которому между сказуемым и стоящей вправо от него энклитикой не может находиться никакая акцентно самостоятельная словоформа (§ 63).

С другой стороны, в современном языке появилось много новых энклитик, развившихся из прежних акцентно самостоятельных словоформ, например, *ведь*, *-нибудь*, *-либо* и т. п.; в качестве энклитик теперь могут употребляться, в частности, местоименные словоформы *его*, *ему*, *ее*, *ей*, *им*, *их*, *мне*, *тебе*, *себе* и др. Их разбор уже не входит в нашу задачу. Существенно лишь то, что, в отличие от древнерусских энклитик, они уже не подчиняются закону Вакернагеля (чаще всего они непосредственно следуют за словами, к которым относятся).

Частица *ти*

§ 76. Одна из энклитик, фигурирующих в предшествующем разделе, а именно, частица *ти*, изучена явно недостаточно и заслуживает более подробного индивидуального разбора. Она очень часто встречается в ранних берестяных грамотах — чаще, чем в подавляющем большинстве других древнерусских памятников. Широкое употребление частицы *ти* можно расценивать, таким образом, как характерную примету древненовгородского диалекта раннего периода (связывающую его, между прочим, как и ряд других черт, с западнославянскими языками, поскольку широкое употребление частицы **ti* характерно в первую очередь для старопольского и древнечешского языков).

Прежде всего, необходимо различать частицу *ти* и союз *ти* (они четко различены,

например, в словаре Срезн.; но во многих словоуказателях такого различия не проводится). Хотя значения этих двух слов иногда оказываются отчасти сходными, их главные различия достаточно четки: союз *ти* (сочинительный) связывает предложения или однородные члены, с просодической точки зрения это проклитика; частица *ти* в принципе возможна и в простом предложении без однородных членов, с просодической точки зрения это энклитика. Заметим также, что по своему происхождению союз *ти* и частица *ти*, по-видимому, различны (см. Фасмер), т. е. их семантическое сближение вторично. Из этих двух единиц здесь нас будет интересовать только частица *ти*.

Существенную дополнительную трудность составляет омонимия частицы *ти* и энклитического местоимения *ти* «тебе»: целый ряд контекстов допускает оба возможных толкования, например, *оже ти Иване не дале* — «если Иван не дал» или «если тебе Иван не дал». Такие случаи ниже специально отмечаются. Многочисленность таких случаев, возможно, связана с тем, что сама частица *ти* происходит, как предполагают (см. Фасмер), из *ти* «тебе» в функции *dativus ethicus*. При анализе частицы *ти* необходимо учитывать, что она обнаруживает тенденцию к семантическому (а в части случаев и фонетическому) сращению с определенными лексемами или словоформами. Степень такого сращения может быть различной, но во всех подобных случаях первоначальное значение частицы несколько затемняется. Мы начнем свой разбор с изучения свободных (т. е. не связанных с соседством тех или иных конкретных словоформ) употреблений частицы *ти*.

Мы полагаем, что исходное, фундаментальное значение частицы *ти* — то, которое проявляется в простом предложении, начинающем новый текст (в частности, прямую речь) или хотя бы новый крупный раздел текста, не связанный тесной смысловой связью с предыдущим. Это значение частицы *ти* может быть приблизительно передано так: «обращаю твое внимание на следующий факт». Частица *ти* выступает здесь, таким образом, как своего рода «усилитель индикативности»: она подчеркивает, что факт имеет место, и указывает на его значимость для адресата речи. Прямой перевод этой частицы (в данном значении) на современный русский язык чрезвычайно труден: современный язык не имеет постоянного средства для передачи указанного значения. В части контекстов могут оказаться удовлетворительными переводы «вот» или «смотри» (или даже разговорное «вот в чем дело»), но в большинстве случаев соответствующий элемент значения при переводе просто утрачивается.

В типологическом плане в качестве аналога *ти* (в рассматриваемом значении) можно указать, в частности, греческую частицу *μέν*. В ее описаниях говорится, что она употребляется «со смыслом подчеркнутого утверждения»; в качестве возможных ее переводов используются «конечно», «право же», «вот», «ведь» и др. (но часто в переводе на современный русский язык она вообще не отражается). Другая греческая частица с отчасти сходным значением — *οὐν*; среди возможных ее переводов — «конечно», «действительно», «именно», «вот» и др.

Близким типологическим аналогом древнерусского *ти* может служить также арабская частица *'inna*. Ее традиционный перевод — «воистину». Он неточен в стилистическом отношении: у арабского *'inna* нет той возвышенной окраски, которая свойственна русскому *воистину*. Однако сама функция «усилителя индикативности» этим переводом в значительной мере уловлена.

В хорошем соответствии с предложенным выше описанием основного значения частицы *ти* находится следующий непосредственно наблюдаемый факт: частица *ти* (в отличие, например, от *же*) не сочетается с императивом (т. е. не встречается в предложениях, где сказуемое стоит в императиве). Это свойство, определяемое основным значением данной частицы, сохраняется (уже в качестве чисто синтаксического ограничения) и при всех вторичных ее значениях. Интересно отметить, что точно такое же ограничение действует в арабском языке во фразах с *'inna*.

Рассмотрим примеры древнерусских фраз с частицей *ти* в ее основном значении. Чтобы показать начальную позицию фразы в тексте, приводятся также адресные формулы (для писем) или слова, вводящие прямую речь; при необходимости указывается также, где кончается письмо или прямая речь.

Из берестяных грамот (XII в.): *Ѡъ Стѣнѣга къ матери: то ти есмь дале Савѣ: 5 кѣнѣ, вѣже трѣвище, лѣжици 2, ножа 2, брѣсе, вожѣ оленики (конец письма) «вот что я дал Савве: 5 кун, вожжи полотняные, две ложки, два ножа, брусок, вожжи олени» 384; (покланяи)е к Онотанѣ ото матери: (ст) [орози] ти есме вохе «мы все живы-здоровы» 670; Ѡ Миха(л)а ко Стѣпанову: Гюрег[и ти д]ошье ..., а Путила пришье, а товаро продале «Гюргий дошел..., а Путила пришел, а товар он продал» 165; Ѡ Мирслава к Олисьеву ко Гришинову: а [т]юу ти вѣнидѣте (-дѣть) Гавѣко полочаншо, прашаи его ... «гут вот войдет Гавко-полочанин, спрашивай его...» 502; отъ Завида ... къ женѣ и къ дѣтѣмъ: а женоу ти били, не измоучили чего же? (конец письма) «а вот женщину-то били, почему же не поставили ее на пытку?» 156.*

Из Повести временных лет по Лавр.: *идѣте ... и рѣѣте ему: Володимеръ ти иде («идет») на тѣ, пристраваисѣ противу битѣсѣ (конец прямой речи; под 890 г., л. 24 об.); посласта къ Изяславу глѣце: Всеславъ ти бѣ жалѣ; а не водѣ лѣховѣ Киеву (под 1069 г., л. 58 об.); Ѡзег же посмѣасѣ ... река: то ти неправо глѣють волхъсви, но всѣ лоѣе, а конь оумерлъ е, а ѣ живѣ (конец прямой речи) «воистину, неверно говорят волхвы...» (под 912 г. — по Радзивилловскому списку); и реѣ к му Володимеръ: то ти, брате, велико добро створиши землѣ русскѣи (конец прямой речи) «воистину, это ты, брат, великое благо сделаешь для русской земли» (под 1103 г., л. 93 об.); и реѣ посмихавасѣ Исакию: шно ти сѣдѣти вранѣ черныи, иди ими и (конец прямой речи) «смотри, вон сидит черный ворон, иди схвати его» (под 1074 г., л. 65 об.).*

Из Киевской летописи по Ипат.: *повѣда ему Володимеръ: идеѣ ти Володимеръ Галичѣский (конец прямой речи; под 1151 г., л. 159 об.); и посла Козельскоу ко Стѣославоу ... рекѣ емоу: Изяславъ ти Мѣстислави пошелѣ Киевоу, а Дѣдвича съ Смоленскимъ Ростиславомъ хочета ити по тобѣ (конец прямой речи; под 1146 г., л. 124 об.); и ту повѣда Володимеръ послу Изяславу: Стѣославъ ти послалѣсѣ къ Гюргеви (под 1149 г., л. 136 об.); дроззи же рекоша: кнѣже, бежаѣ ти оуже (конец прямой речи) «князь, вот [враги] уже бегут» (под 1149 г., л. 139; бежаѣ — по Хлебниковскому списку); кнѣзь же рче: ш, не дождоу ти ѣ того (конец прямой речи) «о, мне ведь не дожждаться этого» (под 1194 г., л. 235; дождоу — по Хлебниковскому списку); и поча прошати Кузмище: кдѣ есть оубитѣ еѣнѣ? — и рекоша: лежить ти выволоченѣ въ огородѣ (под 1175 г.; л. 208 об.; поча — по Хлебниковскому списку); ко Изяславу посла мужи свои река ему: азѣ ти есмь съ браѣмъ твоимъ с Володимеромъ Ѡселѣ оуже пошелѣ, а ты поиди Ѡтолѣ (под 1150 г., л. 147 об.); и реѣ ему: азѣ ти въ Бѣлѣгородѣ въѣхалѣ, а Борисѣ выбѣгълѣ (под 1150 г., л. 151); и реѣ ему: азѣ ти на конѣ оуже всѣ даю же и сѣна Мѣстислава съ собою поимаю, а ты полѣзи оуже на конѣ (конец прямой речи; под 1152 г., л. 161).*

Из «Слова о полку Игореве»: *тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы* (структура второй фразы здесь просто дублирует структуру первой).

Рассматривая приведенную совокупность примеров, мы видим, что в части из них все сообщение сводится к одному простому предложению: автор ограничивается тем, что обращает внимание слушателя на определенный факт. Обычно, однако, автор на этом не останавливается, а развивает мысль дальше. Продолжения здесь могут быть различными. Чаще всего это обсуждение последствий сообщенного им важного факта (например, совет действовать определенным образом) или как-то соотносенных с ним событий. При этом может возникать смысловая модель типа «Х поступил так-то, ты же поступи так-то (или: У же поступил так-то)». В подобных случаях частица *ти* как бы получает дополнительный оттенок значения «что касается Х, то»; но это не более чем контекстный вариант указанного выше основного значения.

§ 77. Далее следуют свободные употребления частицы *ти* в составе не первого предложения текста. Значения данной частицы в этих условиях, как правило, достаточно легко объясняются взаимодействием ее основного значения, разобранного выше, со смысловым контекстом, который возникает при соположении двух предложений. Здесь можно выделить несколько частных случаев.

1. Самый простой случай состоит в том, что смысловое взаимодействие соседних фраз минимально. Частица *ти*, входящая в состав не первого предложения, в этом случае либо просто сохраняет свое основное значение, либо приобретает небольшой дополнительный оттенок противопоставления («что же касается У, то»; ср. выше, конец § 76).

Из берестяных грамот (XII в.): *съкопивъши въ веръ... (дър)ъжи же, азъ ти придоу по великѣ дъ(ни)* «собравши денег, храни их, я приду после пасхи» 380; *оже ти не возало Матее капи, воложи ю со Прουσому ко мне, азъ ти олово попродаде и свинеце и клепание вохо* «если у тебя (?) не взял капь [воску] Матей, то приложи ее [к грузу, отправляемому] с Прусом; я (= что касается меня, то я) олово распродаде и свинец и весь кованый товар» 439; *а ныне ка посьли къ томоу моужеву грамотоу ..., а се ти хочоу: коне коупивъ и кѣнажъ моужъ всади въ, та на съводи* «а теперь пошли к тому человеку грамоту..., а я вот что хочю...» 109; *а кланюся, добыво серебра, присоли же, а азъ ти на поути...* «прошу тебя, раздобывши денег, пришли [мне]; а я в пути (?)...» 436; *а Готиль съ мною боудеть, а дороганици ти шли въ городо* «Готил будет со мною, а что касается дороганичей (жителей деревни Дорогани), то они пошли в город» 550 (не исключено, впрочем, что *ти* здесь не частица, а местоимение «они»). Имеется также единичный пример частицы *ти* в таком употреблении в поздней берестяной грамоте (XIV в.): *а ныне самезерци в городѣ говорѣ с нѣми саме; а ъс ти, осподине, буду, а ъ борзо буду* «а теперь самозерцы в городе, говори с ними сам; а я, господин, буду (= приеду), я скоро буду» 131.

Из Киевской летописи по Ипат.: *кѣже, не ходи: ... лествю хотѣть оубити, любо ѣти во Игорѣ мѣсто, а хрѣтъ ти цѣловали къ Стѣославоу Шговицию* (под 1147 г., л. 126 об.); *а лядьскии князи всѣлѣ оуже на конѣ, а Изяславъ ти оуже доспѣваеть* (под 1149 г., л. 140 об.); *стрыи ти («твой») оумерлъ, а по Шга ти послали, а дружина ти по городомъ далече* (под 1165 г., л. 186 об.). То же с оттенком противопоставления: *налѣзи брата, а азъ ти сде* (д. 121 об.); *прислалъ еси ко мнѣ про шбиду Галичкаго кнѣза, а азъ ти зде доспѣваю, а ты поспѣваи же* (под 1152 г., л. 161); *Гюрги вышелъ ис Киева, а Вячьславъ ти сѣди^т в Киевѣ, а мы его не хочемъ* (под 1150 г., л. 144; *ти сѣди^т* — по Хлебниковскому списку; в Ипат. ошибочно *сѣдитъ ти*).

Из Повести временных лет по Лавр.: *въцъ ти («твой») оумерлъ, а Стѣполкъ сѣдитъ ти Киевоѣ оубивъ Бориса, а на Глѣба посла* (под 1015 г., л. 48; *сѣдитъ ти* — почти наверное ошибочно вместо *ти сѣдитъ*, ср. предыдущий пример).

Из Галицко-Волынской летописи по Ипат.: *без лѣпа т(и) сѣ прить, а самъ ти избилъ твои люди* (под 1279 г., л. 292 об.).

Из «Слова о полку Игореве»: *свдлаи, брате, свои брѣзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди; а мои ти Куряни свѣдоми къмети, подъ трубами повити, подъ шелома възлелѣяны* (и т. д.).

2. Довольно часто во второй фразе излагается причина (или мотив) того, что сообщено в первой. В этом случае усиленная частица *ти*, выступающая во второй фразе, автоматически принимает оттенок указания на причину и, соответственно, может переводиться как «ведь», «же», «потому что». Такое семантическое развитие весьма естественно; прямым аналогом здесь может служить арабское *fa'inna* «потому что», состоящее из *fa* «и», «а» и уже обсуждавшегося выше *'inna*.

Из берестяных грамот (XII в.): *продавши дворъ, идите же сѣмо — Смольнску ли, Киевоу ли: дешеве ти хлебе* «продавши двор, идите сюда — в Смоленск или в Киев: дешев [здесь] хлеб» 424; *... оу себе не боуде, а и заеможы моги же водати: ѿ тога ти нама хоце болого ...* «если у себя не найдется, так даже занимши непременно выдай: от этого нам двоим будет благо» 227; *присьли ми гривън ъ, а Давидъ ти ми не въдалъ, велить възати ъ вежъникъ* «пришли мне гривну: Давид-то ведь мне не дал, велит взять у вежников (людей, живущих в шатрах)» 664.

Из Киевской летописи по Ипат.: *не ѣзди, кнѣже: вѣче ти в городѣ, а дружину ти («ведь» или «твою») избиваютъ, а тебе хотѣть ѣти* (под 1159 г., л. 177 об.); *пойди, кнѣже, в борзѣ: идета ти Дѣдѣца («Давыдовичи») Игореви в помочь* (л. 120); *не лежи, кнѣже: Глѣбъ ти пришелъ на тѣ* (под 1148 г., л. 131 об.); *кнѣже, поѣди: Борисъ ти побѣжалъ* (под 1150 г., л. 150 об.); *не ѣзди сѣмо, но туда поѣди к Новгороду: здѣ ти вѣхалъ оуже Изяславъ Дѣдѣвичь* (под 1151 г., л. 159); *поѣди, брате, ис Киева: идетъ ти Дюрги* (под 1155 г., л. 171 об.); *поѣди, кнѣже, Киеву: Гюрги ти оумерлъ* (под 1158 г., л. 175 об.); *а поѣди в борзѣ: Шегъ ти ѣще не вѣхалъ* (под 1165 г., л. 187); *пойди, кнѣже: свѣщали ти сѣ есмь ... с кияны, хочемъ пориноути стѣгъ* (л. 120); *сожди мене: ѣзъ ти есмь сде Любець пожегълъ и много воевалъ и зла есмь Шговичемъ много створилъ* (под 1147 г., л. 130 об.); *пойдемъ к Переяславлю: тоу ти ему прити, да негли тоу покоритьсѣ* «туда ведь он должен прийти, может быть, там нам покорится» (под 1149 г., л. 137 об.); *что стоиши, кнѣже, не поеда прочь? а се ти сѣ Романъ бродить, а ѡсуда Дѣдъ «что стоишь, князь, и не едешь прочь? ведь вот же Роман переходит реку, а отсюда идет Давыд»* (под 1168 г., л. 188).

Из «Поучения» Владимира Мономаха: *рѣчь молваче, и лихо и добро, не кленитесѣ бѣмъ, ни хрѣтитесѣ: нѣту бо ти (скорее «ведь», чем «тебе») нужда никоѣже*. В данном случае причинная связь эксплицитно выражена с помощью *бо*; слово *ти* (если здесь это именно частица) служит лишь для усиления. Ср. также пример из жития Феодосия Печерского (Успенский сборник, л. 42в), где после рассказа о трудолюбии и смирении Феодосия сказано: *сице бо ти бѣ тѣщаниж къ богу блаженааго и доуховьнааго оца нашего Феодосиѣ*. Здесь *ти* — несомненно частица.

Из Галицко-Волынской летописи по Ипат.: *время ти («тебе») есть на оугры оуже поити; аще ли встрѣпаеши — земля ти есть силна, сбероуть на тѣ и не поустѣть тебе в землю свою* «если же будешь медлить, то [учти]: земля ведь эта сильна, соберутся против тебя и не пустят в землю свою» (под 1240 г., л. 265 об.).

Изредка частица *ти* (в рассматриваемом значении) встречается и в текстах, составленных на чистом церковнославянском языке. Помимо уже приведенного примера из жития Феодосия, ср. также: *не пѣци сѣ, како имаши посылати къ Еремии: придетъ ти къ тебе въ часъ свѣта орьлъ и посылеши и къ Иеремию* (из «Повести о пленении Иерусалима», Успенский сборник, л. 3а).

Полезно сравнить фразы типа *Володимеръ ти иде на тѣ, пристраваисѣ противу битъсѣ* (§ 76) и фразы типа *не лежи, кнѣже: Глѣбъ ти пришелъ на тѣ*, рассмотренные в настоящем пункте. Легко видеть, что смысловая конструкция здесь практически одинакова. Частица *ти* в обоих случаях выполняет одну и ту же функцию: выделяет наиболее важную для слушателя новую информацию. Тот факт, что в первом случае ее уместно перевести как «вот», а во втором, — как «ведь», не должен заслонять от нас принципиального единства этих двух случаев.

Как особую разновидность разбираемой смысловой конструкции можно расценивать случаи, когда вторая фраза начинается с указательного местоимения или местоименного наречия (*тако, таковъ, то, сице, се* и др.) и содержит своего рода резюме предшествующего высказывания — обычно с более или менее выраженным оттенком причинности («вот ведь каково было...» и т. п.). Эти случаи отмечены нами в основном в церковнославянских текстах.

Из жития Феодосия Печерского по Успенскому сборнику (цитируем только вторые части соответствующих отрывков текста, поскольку первые очень громоздки): *таково ти бѣ того мужа съмѣрениж и простость* (л. 42г); *сицева ти бѣ любви блаженааго и сицево мѣрѣдиж къ оученикомъ своимъ имѣше* (л. 50а, б); *сицева ти бѣ блаженааго оца нашего Феодосиѣ молитва* (л. 56в, г); *тако ти тѣщаниж бѣ къ боу ... прѣдѣнааго Феодоса* (л. 55б). Ср. также уже

приведенный выше оттуда же пример с *сице бо ти*, где при общем сходстве конструкций причинность прямо выражена с помощью *бо*.

Из Повести временных лет по Лавр.: *сица ти есть бѣ совьска ꙗ сила и лѣ пота и немощь* (под 1071 г., л. 60 об.); *таци ти быша черноризци Оевдосьева монастыра* (под 1074 г., л. 66 об.).

3. Во второй фразе может излагаться следствие того, что сообщено в первой. В этом случае частица *ти* во второй фразе приобретает дополнительный оттенок указания на следствие. Первая фраза может содержать либо собственно сообщение, либо некоторое условие (но это условие всегда реально и относится к будущему времени). Соответственно фраза с частицей *ти* выражает либо просто реальное событие, либо событие, которое произойдет в будущем при некотором условии; в этом последнем случае значение «усилителя индикативности», заложенное в частице *ти*, создает оттенок уверенности говорящего в том, что это событие произойдет непременно. Следственному значению частицы *ти* могут соответствовать переводы «поэтому», «и тогда», «то».

Из берестяных грамот (XI и XII вв.): ... *помле дѣвъѣ оу Домаслава, на мнѣ ти Дом(асл)аве възале 12 грѣвѣ* «[ты (?)] взял девку у Домаслава, а с меня [за это] Домаслав взял 12 гривен» 155; *а присли 12 грѣвѣ; или не прислещи, а мнѣ ти стати о(у кня)за и ѣ алѣѣ* «пришли же 12 гривен; если же не пришлешь, то я буду просить суда у князя и у архиепископа» 155 (прямое продолжение предыдущего примера); *а не прислещи ми полоу пѣты гривны, а хоцоу ти выроути въ тѣ лоуцьшаго новѣгорожнина* «если же не пришлешь мне четырех с половиной гривен, то я собираюсь за твою вино конфисковать товар у знатнейшего новгородца» 246.

Из Киевской летописи по Ипат.: *прислалъ еси к нама и свое ꙗ вины каеши, тобѣ ти того всего ѡдаваевѣ* («поэтому мы тебе все это прощаем») и *волости подѣ тобою не взимаевѣ* (под 1152 г., л. 163 об.).

Из Галицко-Волынской летописи по Ипат.: *не поѣдеш ли вонѣ, ꙗ же ти боудоу помочник браѣ своему на тѣ* (под 1289 г., л. 305 об.).

Из Русской Правды по Синодальному списку (т. е. из новгородской Кормчей 1280-х годов): *на послушество холопа не складаютъ* («на свидетельствование раба в суде ссылаться нельзя»); *но оже не боудеть свободнааго, то по ноужи ти сложити на боуарьскаго тиоуна* (ст. 66). Здесь следственная связь эксплицитно выражена словом *то*; частица *ти* служит, таким образом, лишь для усиления. Показательно, что в других списках Русской Правды *ти* в этом месте нет.

Имеется также следующий относительно поздний пример из новгородской пергаменной грамоты XIV в.: *се ли не уцините исправѣ в тѣи срокѣ по хрестьному целованью, вамѣ ти на себе жялоба* «если же не произведете судебного разбора..., то жалуйтесь сами на себя» ГВНП, № 44 (1373 г.).

Частица *ти* в следственном значении встречается также, хотя и редко, в русских церковнославянских текстах; ср. в Успенском сборнике: *мнозѣ бо ѡ родителю мольбѣ бывъши, оумѣл'кнууть ти слъзы кꙗ* (л. 136в); *тѣчию ты нагааго одежи* («одень»), *азѣ ти чоую теплотоу* (л. 194г). В близком значении выступает частица *ти* также в следующем примере из Мстиславова евангелия: *еще же имаше к диного сына възлюблѣнааго своѣго, посѣла ти и того к нимѣ послѣжде* (л. 106в, Марк XII. 6; в Зографском и Мариинском евангелиях *ти* нет: *посѣла и того*).

Подведем некоторые итоги по свободным употреблениям частицы *ти*.

Основная функция этой частицы состоит в том, что она обращает внимание слушателя на некоторый важный для него факт. Модификации этого основного значения, рассмотренные выше в настоящем параграфе, достаточно легко объясняются семантическим контекстом.

Частица *ти* принадлежит к категории частиц, относящихся к предложению в целом; технически это равносильно отнесенности к сказуемому. Это непосредственно видно во фразах типа *дешеве ти хлебе, сторови ти есме вохе*,

вѣче ти в городѣ, идетъ ти Дюрги и т. п. Но то же верно и для фраз типа *Володимеръ ти иде на тѣ*, где порядок подлежащего и сказуемого другой. Во всех случаях частица *ти* выделяет рему; этим она отличается, например, от современной русской частицы *то*, выделяющей тему, хотя внешне некоторые древние фразы с *ти* похожи на современные фразы с *то*. Так, например, фраза *Володимеръ ти иде на тѣ* по смыслу никоим образом не соответствует современному *Владимир-то выступил против тебя*; действительный смысл первой фразы примерно таков: «случилось вот что: против тебя выступил Владимир».

О месте частицы *ти* в цепочке энклитик, относящихся к сказуемому, см. выше, § 64. Специально отметим, что частица *ти* относится к иному рангу, нежели местоимение *ти* «тебе» (частица — к рангу 4, местоимение — к рангу 6). Из этого следует, что в древнерусском языке частица *ти* уже не была синхронически тождественна местоимению *ти* «тебе» в функции *dativus ethicus* (хотя она и восходит к нему исторически). В берестяных грамотах встретились следующие наглядные свидетельства этого: а *Давыдъ ти ми не въдалъ* 664 (см. выше), да же *ти ми боудете дѣбр[о]* Смол. 12; в обоих случаях представлено сочетание *ти ми* (где *ти* — частица); между тем, сочетание *ти* «тебе» + *ми* невозможно, поскольку эти две энклитики относятся к одному и тому же рангу (см. § 63). О синхронической нетождественности частицы *ти* и местоимения *ти* говорит также сочетание *тобѣ ти* в примере из Киевской летописи (пункт 3).

Подавляющая часть имеющегося материала по свободным употреблением частицы *ти* сосредоточена в текстах некнижного характера (берестяные грамоты, прямая речь в некоторых летописях), относящихся к XI и XII вв. (некоторое число примеров имеется и в ранних церковнославянских текстах русского происхождения). Примеры, относящиеся к XIII и XIV вв., единичны.

В свободных употреблении частицы *ти* ее сокращенный вариант *ть* не встретился.

§ 78. Перейдем к разбору несвободных употреблений частицы *ти*.

Отметим, что в несвободных употреблении частица *ти* в части случаев выступает в усеченной форме *ть*.

Граница между свободными и несвободными употреблением *ти* не всегда четка; степень «связанности» может быть различной. Иногда сочетание *ти* с одной и той же словоформой в одних предложениях ведет себя как несвободное, в других — как свободное. Поэтому не должно вызывать удивления то, что некоторые примеры с сочетаниями типа рассматриваемых ниже уже использовались в предыдущем разделе при разборе свободных употреблений *ти*.

1. Важным случаем несвободного употребления *ти* является его сочетание со словом *нѣту*. С семантической точки зрения это сочетание очень естественно: при утверждении о том, что чего-то нет, усилительная частица со значением типа «воистину» часто весьма уместна. Специфика здесь состоит в том, что именно в силу своей частотности сочетание *нѣту ти* (*нѣту ть*) сливается в единое слово, в составе которого собственное значение частицы *ти* ослабляется или даже вообще стирается. Кроме того, такое слияние ведет к тому, что частица *ти* утрачивает свою подвижность и ее место в предложении уже не подчиняется более закону Вакернагеля и правилам взаимного расположения энклитик.

Примеры в старых памятниках (исцерковного характера) многочисленны; см., в частности, Срезн. Любопытно, что в этих памятниках (как и в берестяных грамотах) реально встретилось только *нѣтуть* (не *нѣтути*). Однако существование обоих этих вариантов хорошо засвидетельствовано современными говорами: в них широко представлены как *нѣтуть*, так и *нѣтути* (и *нѣтутя*, с переходом конечного *и* в *а*), а также осложненные дополнительными морфемами варианты *нѣтутись*, *нѣтутик*, *нѣтутка*, *нѣтутко*, *нѣтутки* и др. (см. СРНГ, вып. 21).

Слияние *нѣту ти* (*нѣту ть*) в единое слово относится к довольно раннему времени. Это видно из того, что, в частности, уже в Русской Правде *ть* в

составе *нѣтъ* не подчиняется более правилам расположения энклитик; ср., например: *а и-своѣ го города в чюжю землю свода нѣтоуть* (ст. 39). Если бы частица *ти* (*ть*) еще не срослась со словом *нѣту*, она попала бы в позицию после слова *своѣ го* или, в случае ритмического расчленения фразы, после *свода*, но не после *нѣту*. Аналогично и в ряде других сравнительно ранних примеров, в частности, в берестяной грамоте 322 (XIII/XIV): *а жеребѣнѣ нѣтоуть ни коунамъ ни верши* «а разверстки нет ни по деньгам, ни по зерну».

Слово *нѣтъ* «нет», отмеченное в берестяных грамотах 242 и 466 (обе XV), вероятно, отражает слияние частицы *ти* (*ть*) с простым *нѣ* (без *ту*).

2. Относительно устойчивым оказался также продукт слияния частицы *ти* (*ть*) с предикативом *надобѣ* и его усеченным вариантом *надо*: в русских говорах широко распространены слова *надобеть* и *надоть* (известен также архаичный вариант *надоти*), см. СРНГ, вып. 19. С семантической точки зрения усилительная частица здесь, как и в случае с *нѣту ти*, весьма уместна.

3. Сочетания *то ти* и *се ти* часто выступают как вполне свободные; см. соответствующие примеры в § 76. Однако в части случаев здесь проявляется тенденция к ослаблению исходного значения *ти* и к той или иной степени идиоматизации значения всего сочетания. В конечном результате такого развития могут возникать самостоятельные слова *тоти* (*тоть*) и *сети* (*сеть*), встречающиеся и в таких памятниках или говорах, где свободной частицы *ти* уже нет. Напомним, что само сокращение частицы *ти* в *ть* характерно именно для несвободных ее употреблений.

Важнейшее значение сочетания *то ти* — следственное: «в таком случае», «тогда», «то». Поскольку это значение имеется и у простого *то*, частицу *ти* здесь можно рассматривать как чисто усилительную (таковой здесь несомненно и была ее первоначальная функция). Примеры (условимся для единообразия писать *то ти*, *то ть* раздельно, хотя в части случаев, возможно, уже было бы оправдано и слитное написание): *оже боудоу люди, при комо боудоу дала роукоу за зяте, то те (ть) ѿ во вине* «если будут свидетели, при ком я поручилась за зятя, то вина на мне» 531 (XII/XIII); *искавшие ли послоуха и не налѣзоуть, а истьца начынет головоу клепати, то ти имъ правдоу желѣзо* «если будет искать свидетеля и не найдут, а [истец] будет обвинять ответчика в убийстве, то решать их дело посредством испытания железом» (Русская Правда, ст. 21). Много примеров такого *то ть* содержится в смоленских грамотах XIII в. (при том, что свободной частицы *ти* в этих грамотах нет), ср. хотя бы: *латинескому не к хати на вѣиноу съ княземъ ни съ роускоу; аже самъ хъчьтъ, то ть к дѣтъ* (из договора 1229 г., список А).

Близкое значение («то вот») представлено в следующих примерах (из письма Мономаха Олегу): *али ти лихое* (или: *лихо е*), *да то ти сѣдитъ сѣтъ твои хрѣтньи с малыѣ братомъ своимъ* «если тебе это плохо (или: если у тебя дурное на уме), то вот сидит сын твой крестный...»; *али хочещи тою оубити, а то ти еста* «если хочешь их двоих убить, то вот они» (развитие предшествующей мысли).

Другое возможное значение *то ти* (*то ть*) — резюмирующее: «и того», «вот сколько» (при подсчетах, перечислениях и т. п.). Примеры: *дѣвѣма десѣтьма гривѣ без гривнѣ на[м](тъ по 7) рѣзанъ дѣвое — то ти 5 гривнѣ и 8 кѣнѣ* «на 19 гривен проценты по 7 резан [на гривну] за два срока — и того 5 гривен и 8 кун» 293 (сер. XIII); *а желѣзнаго платити 40 коунѣ, а мечникоу 5 коунѣ, а полѣ гривне дѣтъчьскому, то ти желѣзныи оуроцѣ* «а пошлины за испытание железом платить... (сколько-то), вот таков установленный размер этой пошлины» (Русская Правда, ст. 86); *оже за кобылоу 60 коунѣ, а за волѣ гривноу...* (следует длинное перечисление), *то ти оуроци смърдомъ* «вот таковы установленные для смердов расценки (при штрафах)» (там же, ст. 45).

Близкое значение *то ти* выступает в берестяной грамоте 644 (XII): *а во три колотокѣ вокѣе, то ти 4 золотьникѣ во кольцо тую* «так вкуй же [отданный тебе металл] в три колтки (подвески) — в тех двух кольцах, [отданных

тебе для перековки], его 4 золотника». Впрочем, в этом примере употребление *ти* еще достаточно близко к свободному.

4. Частица *ти* часто соединяется с условными союзами (*оже, аже, аче, али* и др.). В этом случае реализуется ее усилительное значение («действительно», «в самом деле» и т. п.), т. е., например, *оже ти* первоначально означало «если действительно», «если в самом деле», «если всё-таки» и т. п. В дальнейшем, однако, дополнителное значение, вносимое частицей *ти*, могло здесь в значительной мере стираться.

Примеры многочисленны; ограничимся лишь несколькими иллюстрациями, взятыми из берестяных грамот: *ожь ти приедѣ вьршь, а водаш...* «если же приедешь верхом, то дай...» 82 (кон. XII), *ожь ти нь бьжали колобагь ...* «если колбяги не убежали...» 222 (нач. XIII), *вже ти ту не буде овса ...* «если же там не будет овса...» 271 (XIV₂). Последний пример показывает, что *оже ти* могло употребляться и в такую эпоху, когда свободного *ти* уже практически не было.

5. Особый случай составляет употребление *ти* после относительных местоимений и наречий (как типа *иже* или *иже то*, где возможна только относительная функция, так и типа *кто*, где возможна относительная и вопросительная функция). Усилительное значение, свойственное частице *ти*, в этом случае оказывается «направленным» на относительную функцию местоимения или наречия. Таким образом, *ти* приближается здесь по своему значению к релятивизаторам, т. е. элементам, превращающим вопросительные слова в относительные, а у относительных слов подчеркивающим их основную функцию (см. Зализняк 1981). Такое значение частицы *ти* уже весьма существенно отклоняется от исходного (хотя возникло все же именно как ответвление от него).

Материал берестяных грамот: *прашаи его, кодь ти на господь витаеть* «спрашивай его, где он стоит на постое» 502 (кон. XII), *ать ти видьло, како ти было ѿ Ивана ѿль* «видел ли он, как я Ивана арестовал» 502, *постави и прьредь людьми, како ти взмоловить* «поставь его перед свидетелями [соответственно тому], как он ответит» 502, *а ты продае коне, колико ти водадѣ* «а ты продай коня [за столько], сколько дадут» 163 (кон. XII; но не исключено также, что *ти* здесь местоимение), *... чья ти есть корова* «... чья это корова» 8 (XII/XIII; предшествующее главное предложение читается ненадежно), *ежь то [т]и есьмь посълала* (sic) *3 резане Михальви на повойник...* «что касается того, что я послала Михалю три резаны на повойник...» 682 (XII₂). Конструкция с *иже то ти* усматривается также в примерах: *ижь тѣ ти [Ѹ]т[а]ил[ь]* ... 683 (XII₂), *иже то ти розрубиле* Ст. Р. 12 (XII₁); но обе грамоты столь сильно повреждены, что эти примеры оказываются вырванными из контекста и потому не имеют надежного перевода.

Из «Поучения» Владимира Мономаха: *поистинѣ, дѣти мою, разумѣите, како ти к стѣ члѣволюбець бѣ милостивѣ* (л. 79).

Из Изборника 1076 г.: *помысли, колико ти правѣдньимѣ приходит пакости* (л. 71), *ни дроугоу того сътвори, к же ти к же ти* (по ошибке повторено) *себѣ не ...* (далее утрачено) (л. 158 об.).

Из Успенского сборника: из жития Феодосия Печерского — *и кгда ти оумьроу* (32 г 11), *да (и) възьмеши вѣ заимѣ, иже ти на потребу братии* (45 а 12), *и носи, к лико ти на трѣбоу кнѣзю* (54 а 29); из других сочинений — *нѣси ли слышала, како ти зълѣ облича ма к стѣ Иезавель* (168 г 25), *вижь, како ти ст(ро)ить вѣроу женѣ* (259 б 1), *видиши ли, како ти вѣжделѣна паче злата бысть* (279 а 29).

Из «Моления» Даниила Заточника: *кому ти есть Новѣгородѣ, а мнѣ углы опали* (см. Срезн., III, стлб. 958).

6. Наконец, наиболее специфическое развитие частица *ти* обнаруживает в сочетании с *да* и *а*: *дати* (*дать*) «пусть», *ати* (*ать*) «пусть», «если». При значении «пусть» *ти* уже не может служить «усилителем индикативности»,

поскольку речь идет лишь о желаемом, но еще не состоявшемся событии. Сохраняется только значение усиления.

В сочетании с *да*, которое само по себе означает «пусть», чисто усилительная роль частицы *ти* достаточно прозрачна. Менее очевидно, откуда возникают значения «пусть» и «если» при соединении *а* и *ти*. Мы полагаем, что здесь реализуются значения, возможные (в определенных контекстах) у слова *а*, а частица *ти* первоначально служила здесь, как и при *да*, лишь для усиления. Употребление *а* в значении «если» хорошо известно; оно распространено во все периоды истории русского языка — от древнерусского до современной разговорной речи (*А придет Иван, вели ему подождать*, и т. п.). Гораздо менее известны случаи употребления *а* в значении, близком к «пусть». В древнерусском языке они действительно встречаются, хотя и редко. Вот достаточно яркий пример: *а дружинѣ его ре^а: а кому васъ годно, а идетъ* «а дружине его сказал: кому из вас это будет угодно, тот пусть идет» (Киевская летопись по Ипат., под 1171 г., л. 195 об.); *а идетъ* здесь практически равнозначно *ать идетъ*.

Слияние *а* и *ти* в целостное слово со своим особым значением относится к очень раннему времени. В значении «пусть» *ати* (*ать*) уже в XI—XII вв. почти целиком вытеснило простое *а* (отсюда редкость примеров типа приведенного выше). Не отмечено также примеров, где между *а* и *ти* (при значении «пусть») стояло бы какое-нибудь третье слово. В этом отношении весьма показательны то, что возможна последовательность *ать же*, ср. *и пакы рекоша новгородци: кѣже, ать же поидемъ* (Киевская летопись по Ипат., под 1148 г., л. 135). Поскольку частица *ти* относится (когда она выступает самостоятельно) к рангу 4, а *же* — к рангу 1 (см. § 64), т. е. *ти* в принципе должно стоять правее, чем *же*, данный пример оказывается прямым свидетельством того, что *ти* (*ть*) в составе *ать* уже не самостоятельно, т. е. что *ать* — единое слово. О том же свидетельствует пример *ать ти видело ... «видел ли он» 502* (кон. XII): наличие частицы *ти* после *ать* ясно показывает, что *ть* в составе *ать* уже утратило тождество с самостоятельным *ти*. Слово *ати* (*ать*) «пусть» хорошо известно и в иллюстрациях не нуждается; об *ати* (*ать*) в значениях «если», «ли» см. Лингв., с. 164 и 211.

З а м е ч а н и е. Синонимом *ати* (*ать*) является *оти* (*оть*). Характер исторического соотношения между этими двумя словами не совсем ясен; так или иначе, мена *а—о* здесь явно связана с такой же меной в *аже—оже*, *аче—оче*, *абы—обы*, *ако—око*.

Соединение *да* и *ти* в особую смысловую единицу (со значением «пусть») тоже должно быть отнесено к достаточно раннему времени. Это видно из того, что в живом древнерусском языке, в отличие от церковнославянского, простое *да* в значении «пусть» было неизвестно (ни в одном из его диалектов). Между тем *да + ти* (позднее *дать*) в значении «пусть» хорошо засвидетельствовано в древненовгородском диалекте (в широком смысле), см. Лингв., § 67. Очевидно, *дати* «пусть» вытеснило простое *да* «пусть» таким же путем, как *ати* «пусть» вытеснило простое *а* в этом значении.

При этом, однако, фонетическое объединение *да* и *ти*, т. е. образование целостного слова *дати*, внутрь которого уже не могли вклиниваться другие слова, произошло существенно позже, чем для *ати*. Во всяком случае, в XII в. такое объединение еще не осуществилось. Свидетельством этого являются берестяная грамота 682 (XII₂), содержащая целых два примера, где *да* и *ти* разделены другими словами: *ежь то ти есьмь посълала 3 резане Михалви на повои, да же ти въдале* «что касается того, что я послала Михалю три резаны на повойник, то пусть бы он отдал [повойник]»; *да молю ти см, гостьпоже ка мож, да посъль во борожь и рыбиць выдалъ ти* «и прошу тебя, госпожа моя, [сделать так], чтобы он побыстрее выдал соленую рыбу и [свежих] рыбок». В первом случае между *да* и *ти* стоит частица *же*, во втором *да* находится в начале первой половины предложения, ритмически отчлененной от его конечной части (см. § 66,

пункт 5); ритмико-синтаксический барьер стоит перед *выдаль* (соответственно, энклитика *ти* занимает в *выдаль ти* свое законное место).

Чрезвычайно важным является также показание найденной в 1988 г. смоленской берестяной грамоты № 12 (XII), где имеется фраза: *да же ти ми боудете дѣбр[о], (а) присълоу ти ...* «если у меня будет все хорошо, я пришлю тебе ...» (далее оборвано). Здесь представлено такое же сочетание *да же ти* (с *же* между *да* и *ти*), как в новгородской грамоте № 682. Правда, в смоленской грамоте *да же* выступает в значении «если», а не «пусть»; но хорошо известно, что эти два значения тесно связаны между собой и часто выражаются одними и теми же средствами (см. Лингв., § 70).

В берестяных грамотах XIV—XV вв. *да + ти (ть)* выступает уже как целостная единица со значением «пусть» (примеры см. в Лингв., § 67).

Резюмируем наш разбор. Частица *ти* характерна для древнерусского языка древнейшего периода (до конца XII в.), в наибольшей степени — для древне-новгородского диалекта. После XII в. ее самостоятельное употребление постепенно угасает. Значительно дольше сохраняются слитные единицы с участием этой частицы (*нѣтъуть, надобѣть, ать, дать* и др.); но в их составе первоначальное значение *ти* уже сильно трансформируется или даже совсем исчезает.

Дополнительные данные о союзе *зандо* (*занда*) «потому что»

§ 79. В число слов, которые стали известны историкам русского языка благодаря берестяным грамотам, входит древненовгородский союз *зандо* (*занда*) «потому что». В Лингв., § 69 были собраны все известные в тот момент примеры употребления этого союза. Перечислим их здесь, не повторяя комментариев, в хронологическом порядке.

Вариант *занда*: только *занѣда* в завещании новгородца Климента (Хрест., № 16; до 1270 г.).

Вариант *зандо*: *занѣдо* 534 (XIV₂), *зандо* 94 (XIV/XV), *зандо же* Валк. № 1 (грамота Пскова Кольвани, 1418—19 гг.; *а имите вероу сеи нашеи грамоте и печати, зандо же тыи люди кто к ва^а пж хали съ сею нашею грамотою, томоу Никоноу племеньники*), *зандо* Хрест., № 39 (грамота Новгорода Риге, 1420-е годы: *а по городамъ его не шлите цресъ сю исправу, зандо брату нашему Данилѣ в тыхъ ѣздехъ оубытка много*).

В настоящее время к этим пяти примерам можно добавить еще три.

В псковской берестяной грамоте № 6 (XIII в.), найденной в 1988 г., имеется фраза: *про белоу: оже есте не стороговале, то прислите со проста, занода оу насо коупла есте беле* «что касается беличьих шкур, то если вы [чего-то] еще не расстрогвали, пришлите срочно [сюда], потому что у нас есть спрос на беличьи шкурки». Встретившееся здесь (*занѣда*) подтверждает реальность варианта с конечным *-а*, известного до сих пор по единственному примеру из завещания Климента.

В новгородской берестяной грамоте № 692 (XIV/XV) — завещании Марии — говорится: *приказываю остатоко свои ... свож му Максиму, зандо к смъ пуста* «завещаю наследство свое ... своему Максиму, потому что у меня нет потомства» (см. выше в настоящем томе, с. 78—79).

Третий пример представлен в Нибуровом мире — договоре Новгорода с ганзейскими городами 1392 г. Предположение о том, что фигурирующее в изданиях этого документа непонятное *за и до* есть в действительности *зандо*, было высказано нами уже в Лингв. (с. 163). Чтение *за и до* идет от К. Е. Напьерского, опубликовавшего этот договор по списку А (Напьерский, № 115, с. 86); далее оно представлено у Ф. Г. фон Бунге, использовавшего тот же список (LUB, VI, 1873; № 2924, стлб. 273), а также в ГВНП (№ 46, с. 81), где за основу взят уже список В. Изучение полученной из Рижского городского архива фотокопии

списка А (ЦГИА Латв., фонд № 673, оп. 4, дело 47, л. 1) показало, что в интересующем нас месте действительно стоит *зандо*. По-видимому, К. Е. Напьерский, которому слово *зандо* было неизвестно, счел сочетание *нд* в этом месте невероятным и потому расценил *н* как искаженное *и*; последующие издатели так и не исправили его ошибку, несмотря на всю загадочность сочетания *за и до*. Приводим соответствующее место списка А по фотокопии: *и посаднике и тыцькии (sic) и весь ѿднь Великѣи Новѣгородѣ, смотрѣвъ в грамотѣ в старѣи в заморьскѣи в хрестыньи и в ѣнасть свои, зандо Новугороду и заморьци с нѣмѣскими купьци мирѣ шпришьнии и грамотѣ шпришьнии, ...* (конец периода опускаем, так как он слишком длинен). Чтение *зандо* «потому что» полностью подтверждается здесь также немецким текстом данного договора. Он известен в целой серии списков, редакции которых слегка различаются между собой. Наиболее близкими эквивалентами придаточного предложения, начинающегося с *зандо*, являются следующие варианты немецкого текста¹⁹: *umme den willen, wente Nouwgarden heft einen sundergen vrede mit dem Dudeschen kopman und sunderge breve* «потому что Новгород имеет отдельный мир с немецким купечеством и отдельные грамоты» (LUB, VI, 1873; № 2924, стлб. 276; практически тождественный текст содержится в списке L, опубликованном в HR, IV, Abt. 1, 1877, № 45, с. 46); *dat de overseschen stede und de gemeine Dudesche kopman hebben bi sik mit Novgarden enen vrede und breve* «потому что заморские города и все немецкое купечество имеют с Новгородом мир и грамоты отдельно (буквально: для себя)» (LUB, III, 1857, № 1330, с. 693, стлб. II; практически тождественный текст содержится в списке R в HR, IV, Abt. 1, № 45, с. 46). Заметим попутно, что немецкий текст проясняет также ряд спорных грамматических моментов в начальной части приведенного отрывка; в частности, он подтверждает, что *посаднике* — это ед. (не мн.) число, *в грамотѣ в старѣи...* — это В. мн. (не М. ед.; см. об этом Лингв., с. 137). В результате мы можем предложить следующий перевод данного отрывка: «И посадник и тысяцкий и весь Господин Великий Новгород, посмотревши в старые заморские крестоцеловальные грамоты и в свою охранную грамоту, потому что у Новгорода с заморскими немецкими купцами имеется отдельный мир и отдельные грамоты,...» (далее излагается принятое после этого действия решение).

Итак, полученный ныне дополнительный материал подтверждает существование у рассматриваемого древненовгородского союза двух вариантов: *зандо* и *занда*. Кроме того, написание *занода* (с *о* после *н*) в псковской грамоте № 6 (в которой еще нет признаков ассимиляции соседних согласных по твердости—мягкости, ср. *Анодимой, Ксинодоноте, с -нод-, -нот-, а не -нед-, -нет-*), согласующееся с написанием *занѣда* в завещании Климента, позволяет нам теперь из двух возможных этимологий данного слова: **za + nъ + da (do)* и **za + nъ + da (do)* — предпочесть первую.

Конструкция *въ что* (*въ чемъ*) «за что», «из-за чего»

§ 80. Словари древнерусского языка, перечисляя многочисленные значения предлога *въ*, обычно в той или иной форме отмечают, что этот предлог может изредка употребляться в значениях, близких к современным «из-за» или «за» (обозначение причины, обозначение того, за что или в счет чего производится выплата, и т. п.); см. Срезн., т. I, стлб. 324—325 (значения а 7, б 4, б 5, б 7). Слов. XI—XVII, вып. 2, с. 7—9 (значения А 7, Б 7), СДРЯ, т. I, с. 501—503 (значения I 5, II 4). Однако приведенные при этом примеры немногочисленны и, по нашему мнению, в части случаев проанализированы с семантической точки зрения неточно. Между тем в древнерусских деловых документах,

¹⁹ Приношу благодарность профессору Констанцкого университета М. Фаусту за помощь в анализе средненижнемецких списков данного договора.

в частности, в берестяных грамотах этот круг употреблений предлога *въ* представлен достаточно широко, и от правильного понимания конструкций данного типа иногда зависит успех интерпретации целого документа. Поэтому мы сочли целесообразным систематизировать данные по таким конструкциям, содержащиеся в берестяных грамотах, а также в ряде других древнерусских источников.

В рассматриваемой конструкции в основном участвуют глаголы с общим значением «заплатить» (или «заставить заплатить»), «понести (или, напротив, причинить) ущерб того или иного рода», например: *платити, ѡти, за ѡти, порути, пограбити, закабалити, погынуги* и т. п. (вместо глаголов могут выступать также производные от них существительные). Предлогом *въ* вводится указание на то, за что (или по причине чего или в счет чего) производится выплата или причиняется ущерб.

Предлог *въ* в рассматриваемой конструкции в одних случаях управляет винительным падежом, в других — местным. Нередко оба управления оказываются возможными при одном и том же глаголе, например, *платити въ то* и *платити въ томь*. Разница значений здесь может быть едва уловимой или даже совсем стираться. Следует предполагать, однако, что первоначально разница была в общем такой же, как и при передаче локативных отношений в прямом смысле. Некоторой аналогией могут служить современные примеры типа *целюсь во что-либо* и *моя цель в том, чтобы...*: здесь тоже, несмотря на близость значений, в силу разницы падежей несколько различаются те пространственные образы, с которыми ассоциируются эти два примера.

Примеры интересующей нас конструкции можно подразделить на несколько групп (материал берестяных грамот расписан ниже полностью, примеры из прочих источников приводятся выборочно).

Сочетания с *платити, платѣть* и близкими по значению словами. С В. падежом: *аче оупоуститъ, собѣ к моему пагоуба, а не платитъ в то никто же «если же упустит (беглого холопа), то он сам несет (этот) убыток, за это никто не платит»* (Русская Правда, ст. 114); *да заплати есмь въ твои долгъ в ордынскои Резѣнѣ-Хозѣ да Абишу в кабалы «кроме того, я расплатился с Реджеб-Ходжой за твой ордынский долг и с Хабибом за долги по кабальным грамотам»* ДДГ, № 30а (1433 г.; с. 77; показательно, что в документе № 30б в соответствующем месте [с. 80] сказано просто: *да заплати еси, сказываи, мой долгъ ѡрдынской Резѣнѣ-Хозѣ*).

С М. падежом: *а что про сямозерци хедыле есемо, не платѣце, а платѣце в томо, что промежи раду нѣту ... «а что касается того, что я ходил к сямозерцам, которые [положенное] не платят, а платят то (буквально: за то), что в договоре не значится...»* 131 (кон. XIV; см. также Лингв., с. 152), *оже ли убьютъ, а люди боудутъ видѣли связанъ, то платити в немь «если же убьют [вора], а люди перед этим видели его связанного, то платить за него»* (Краткая Русская Правда, ст. 38; в соответствующем месте Пространной Русской Правды [ст. 40] сказано: *то платити в томь 12 гривенъ «то платить за это 12 гривенъ»*), *ити к моему ротѣ, ѡко не вѣдалъ к смь, ѡже к сть холопъ, а платежа в томь нѣтоуть* (Русская Правда, ст. 115), *ѡко же въ свободнемь платежь, тако же и въ закоупѣ (там же, ст. 62), а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтоуть (там же, ст. 89)*. Также с подразумеваемым глаголом: *аже в кнѣжи ѡтпроцѣ, или въ конюсѣ, или въ поварѣ, то 40 гривенъ; а за тиоунъ за ѡгнищныи и за конюшии, то 80 гривенъ* (там же, ст. 11—12; ср. эквивалентность предлогов *въ* и *за* в этом примере).

Сочетания с *взяти, за ѡти* (а также *дати, да ѡти* и т. п.). С В. падежом: *взял у меня Игнатей въ рожь («за рожь», «в счет платы за рожь») 10 рублевъ денегъ* (из документа 1626 г., см. Слов. XI—XVII, вып. 2, с. 7), *заѡто въ треть «занято на условиях отдачи одной трети в качестве процентов»* 75 (XII/XIII), *(за)имаю въ дрѣ(г) ѡю треть 170* (XII), *... въ дрѣгжю тр(е)[ть]* 332 (XII/XIII), *а възѣми (въ) треть Смол. 12* (XII), *дадѣтъ к моему коуны въ треть* (Русская Правда, ст. 51), *а ныне оу Даньши заѡлъ есмь 2, 2 сročька*

въ 5-ть сročькъ «а я теперъ занял у Даныши два и два (?) сорочка под отдачу пяти сорочков» 336 (XII₁; перевод не вполне надежен), *аже кто коуны дамъ въ рѣзъ, или наставъ на медь* (в других списках: *в медь*), *или жито въ просопъ, то послоухы к моу ставити* «если кто-либо даст деньги в рост (т. е. за проценты) или мед за надбавку при отдаче или зерно за надбавку (присыпку) при отдаче...» (Русская Правда, ст. 50).

С М. падежом: *великий князь Иванъ ... възверже гнѣвъ на Новѣгородъ ... и в томъ* («поэтому», «за это») *взя Торжекъ и Бѣжичьскыи верхъ* (далее приписано другим почерком: *за новгородскую измѣноу*) (I Новг. лет., под 1332 г., Синодальный список), *в тобѣ волость нашу взяша* «из-за тебя землю нашу захватили» (там же, под 1346 г., Комиссионный список), *а ныне мѧ въ томъ ала княгыни* «а теперь меня за это схватила (арестовала) княгиня» 109 (XI/XII), *и Чернята ео оу томъ слишку наль и поставиль перед ними* «и Чернята его за тот излишек [воска, не возвращенный Черняте] схватил и поставил перед ними» (Полоцк. гр., № 52, 1436—37 гг.)²⁰, *а в тѣхъ кунахъ* («за эти деньги») *заложили есмѧ отцину свою* ГВНП, № 197 (сер. XV).

Сочетания с *рути*, *рубити* «подвергать конфискации имущество» и близкими по значению словами (см. Лингв., § 74—77). С В. падежом: *а хоцоу ти выроути въ тѧ лоуцьшаго новѣгорожанина* «я собираюсь за тебя (т. е. за твою вину) конфисковать товар у знатнейшего новгородца» 246 (XI), *рубоша новгородьце варязи ... въ Хороужькоу и въ новотържьце* «варяги конфисковали товар у новгородцев за вину Хороужки и новоторжцев» (I Новг. лет., под 1188 г.; подробнее см. Лингв., § 77).

С М. падежом: *и пограбила мѧ въ братни долгъ* «и они (двое) пограбили меня за братний долг» 235 (XII₂), *и а здѣ вашого доброго рижанина порублу оу тыхъ дву рублѣхъ* «и я здесь у вашего знатного рижанина конфискую товар в счет этих двух рублей» (Полоцк. гр., № 72, 1445—58 гг.), *поруби' ихъ Клавша ... за Павла за Кровчу въ стѣрублѣ и въ 30 и въ 7, за Огофона за Симанова ... въ стѣ рублѣ и въ 20* (Хорошкевич, III, 2-я грамота; см. также ниже, § 83), *а насъ в томъ оспода порубили* (там же), *а въ томъ бы гостемъ нашимъ межи насъ порубокъ не было* (грамота 1493 г., см. Срезн., статья *порубька*), *а юрьевцомъ новгородцовъ во псковскомъ деле* («из-за псковского дела») *не порубати; такъ же и псковичъ юрьевцомъ не порубати въ новгородскомъ деле некоторою нужею* ГВНП, № 78 (список XVI в. с грамоты 1474 г.).

Как можно заметить, в этой группе примеров падежи после *въ* распределены так: *рути* *въ* *кого* («за чью вину») — *рути* *въ* *чемъ* («на какую сумму» или «из-за чего»).

Сочетания с прочими глаголами, объединяемыми общим значением «понести (или причинить) ущерб того или иного рода». С В. падежом: *взяти у васъ сорокъ куней да тысяча бвлѣтъ, а в то ми ся доспѣло рублевъ на пятьдесятъ убытка* «...а на этом (за счет этого) у меня получилось около пятидесяти рублей убытка» ГВНП, № 132 (XV₁), *а в обиду его* («за обиду его») *даи ми бѣ голову свою сложити за нь* (Галицко-Волынская летопись по Ипат., под 1287 г., л. 300; см. СДРЯ, I, с. 501).

На фоне этих и всех предшествующих примеров мы можем теперь интерпретировать неясное место в берестяной грамоте 247 (XI) как стоящее в этом же ряду: *а господарь въ не тѧжѣ не дѣе* «а хозяин из-за этого тяжбы не предпринимает» (ср. Лингв., с. 112, сноска 11).

С М. падежом: *что мнѣ ни доспѣк в рубль томъ нечи ати, то твоѧ* «сколько сраму он ни заставит меня принять из-за этого рубля, он весь твой» 589 (сер. XIV; см. также Лингв., с. 151), *а ми есми в томъ погибли* «а мы из-за этого погибли (погибаем)» 370 (XIV₂), *князь нашъ и братъ ѧ наша погибли в чюжемъ князи* «... из-за чужого князя» (Киевская летопись по Ипат., под

²⁰ Заметим, что в двух последних примерах *ати* *въ* допустимо также понимать как «уличить в»; реальная картина событий от этого практически не меняется.

1178 г., л. 213 об.), и быѣ в томѣ («из-за этого») межи има пра велика (там же, под 1135 г., л. 110 об.), а в тоѣ рѣбле («за этот рубль») закабали есми пожию в болотѣ за росты косити АСЭИ, № 472 (1470-е годы), у васъ сидятъ, в вашей крѣпости, нашего гѣдря люди в татбѣ («из-за воровства», «по обвинению в воровстве») (РИБ, т. 15, СПб., 1894, № 52, XVI), и убытча великими убытками, и в тоѣ я бѣдноу погибаю вконецъ МДБП, № 100 (1675 г.).

В берестяной грамоте 237 (XII₂) ваю может представлять собой как В., так и М. падеж: [се] мьне въ[лоца] въ в[а]ю «вот меня таскают (в суд) за вас двоих».

Особый частный случай рассматриваемого типа конструкций составляет сочетание *быти въ чьѣ* в значении «быть ответственным за что-либо», «обязаться заплатить за что-либо». Примеры: *о закупѣ: оже оувѣдетъ* (в других списках: *выведеть*) *что, то господинъ въ томѣ* «если закуп украдет (скотину), то его господин несет за это ответственность» (Русская Правда, ст. 64), *а что даше провоза, азо во томо до Торжеку* «а что касается того, что ты заплатишь за провоз, то дорога до Торжка — за мой счет» (тверская берестяная грамота № 2, XIV в.); см. также другие примеры в Срезн., I, стлб. 325.

Эти примеры позволяют несколько полнее истолковать фрагментированную берестяную грамоту 489 (сер. XIV): ... [Ѡ] *попа ко Моисею: воступиса ... хота бы ти истерати* ! ... [А] *зо во томо; а дома п[р]о...* Поп просит Моисея вступить за него в каком-то деле. Следующую фразу естественно интерпретировать так: «Если даже тебе придется при этом потратиться, то я за это отвечаю (т. е. это будет за мой счет)».

Помимо перечисленных, существуют и другие сочетания, где предлог *въ* в той или иной степени сближается по значению с *за*. Таковы обозначения цены (*конь въ три рублѣ, седло в полтину, клѣтище въ гривнѣ* и т. п.), сочетание *бити челомъ въ чьѣ* и некоторые другие. Они достаточно известны и не нуждаются в подробном разборе.

Современному языку подавляющее большинство рассматриваемых выше употреблений предлога *въ* чуждо. Относительно близки к древнему типу лишь некоторые словосочетания, где предлог уже стал элементом сильного управления, т. е. в значительной мере утратил самостоятельное значение, например, *виноват в чем-либо, уличить (заподозрить, признаться, раскаться) в чем-либо*.

Из лексики

подълина «подкладка»

§ 81. Берестяная грамота № 8 из Старой Руссы (XII₁) представляет собой письмо, от которого сохранилась только средняя часть. Первая из сохранившихся строк повреждена (а начало ее вообще утрачено). Несмотря на эти трудности, анализ начальной части грамоты уже принес весьма интересные результаты, а именно, в ней было прочтено слово [г]вѣздѣкѣ, с чрезвычайно важным для изучения древненовгородской фонетики начальным *г* (см. Лингв., с. 112—113).

Как выяснилось, исследование поврежденной начальной части этой интересной грамоты можно еще продолжить. Текст перед словом [г]вѣздѣкѣ издатели читают как *подъли на* и переводят «подели на» (НГБ 1962—76, с. 149). Трудность, однако, в том, что в этой ранней грамоте нет никаких буквенных смещений; в частности, буква *ѣ* во всех надежных случаях пишется этимологически правильно, т. е. именно как *ѣ* (без замен ее на *ь* или *е*). Соответственно, для «подели» ожидается написание *подѣли*, а не *подъли*. Верх от буквы, стоящей после *под*, в грамоте оторван, поэтому возникает предположение о том, что перед нами все же *под[ѣ]ли* (именно такое предположение отражено в словоуказателе в НГБ 1977—83, с. 291). Однако дополнительное тщательное исследование начерков букв *ѣ*, *ь* и *ъ* в данной грамоте показало, что *ѣ* четко отличается здесь от *ь* и *ъ*

вертикальностью мацты; между тем после *под* несомненно стоит буква с сильно наклоненной мацтой — как у *ь* или *ѣ*. Это возвращает нас к чтению *под[ь]ли* (или *под[ѣ]ли*), но теперь уже мы вынуждены поставить под сомнение верность перевода и даже самого словоделения соответствующего места грамоты («подели на большие звезды желтое»).

Приводим начало сохранившейся части грамоты без разделения на слова: ...*э-ке-под[ь]лина[г]ѣѣ | эдѣкъѣ великъѣ ѣ жьльтое*. Последовательность *ке* — это явно конец какого-то слова: в графической системе без буквенных смещений *ке* в середине слова невозможно (уникальная словоформа *кето* не в счет, см. § 13); соответственно, с *по* начинается новое слово. Поскольку наличие [ь] (а не ѣ) после *под* заставляет нас отказаться от ориентации на глагол *подѣлити*, приходится искать другие подходящие слова. Самый правдоподобный ответ обнаруживается с помощью словаря В. И. Даля, где мы находим: *подлина* (псковск., великолукск.) «подкладъ, подбой, подкладка одежды» (слово отмечено, правда, знаком вопроса). К общему контексту письма о тканях слово с таким значением в принципе подходит. Получаем следующее членение: ... *под[ь]лина [г]ѣѣ эдѣкъѣ великъѣ ѣ жьльтое*. Может ли эта последовательность быть концом какого-либо синтаксически правильного и осмысленного предложения? Да, может. Необходимо предположить, что где-то впереди стояло существительное среднего рода, обозначающее какую-то одежду (скажем, *платье*); за этим существительным следовала серия определений к нему, часть из которых составляли просто согласованные с ним прилагательные (скажем, *широкое, жьльтое*), часть — развернутые словосочетания в именительном падеже, описывающие какую-то деталь или особенность одежды, например: *ошьва голубаѣ, подьлина алаѣ, подьлина гвьздѣкъ великъѣ* (т. е. «с крупными звездами»). Ср. описания типа: *да дочери* моеи приданое Аннино ...: шуба на соболѣхѣ, бархо^н червьче^н з золото^н, рускаѣ; да шуба на соболѣхѣ, камка бурскаѣ з золото^н, тежолоѣ ДДГ, № 87 (1503 г., с. 350).*

Описанная синтаксическая структура, хорошо известная для древнерусских деловых документов, как и в ряде других подобных случаев, находит прямые аналоги в современной русской разговорной речи; ср. *Он купил шкаф/карельская береза; Они продают новый гарнитур/красное дерево* (так наз. именительный падеж в функции зависимого члена высказывания; см. Рус. разг. речь, с. 253).

Эта же структура (в чуть иной разновидности) выступает и в сочетании *под[ь]лина [г]ѣѣ эдѣкъѣ великъѣ ѣ* «подкладка с узором из крупных звезд» (буквально: «подкладка большие звезды»). Заметим, что *гвьздѣка* означает здесь именно «рисунок в виде звезды» (а не «звездочка»), т. е. суффикс *-ѣк-а* выступает не в уменьшительном значении, отсюда отсутствие какого-либо ограничения на сочетаемость данного слова с прилагательным *великъѣ ѣ*.

Итак, рассматриваемое место означает: «... (нечто из одежды)..., подкладка с узором из крупных звезд, желтое». Читающееся перед этим *...э-ке* не может само быть тем существительным среднего рода, о котором идет речь, так как слова среднего рода на *-ке* кончаться не могли. Очевидно, это часть еще одного сочетания в именительном падеже, описывающего тот же предмет, но уже с участием какого-то слова мужского рода.

Древнерусское *подьлина* «подкладка» находит прямое соответствие в др.-чешск. *podlina* «бахрома из дорогой ткани по краю платья» (в современном чешском это слово означает «волан»), см. Махек, с. 467. Слово **podьlina* — это не что иное, как производное от **podьль* «нижний», «низкий», которое, в свою очередь, нет никаких оснований отрывать от **podь*²¹. Слово **podь* (уже как предлог или

²¹ Этимологи, правда, не единодушны в этом вопросе (часть из них склоняется к тому, чтобы связывать *подльнй* не с *под*, а с *подле*), см. Фасмер, статья *подльнй*. Однако в русском языке старое значение «низкий» (без непременно моральной коннотации) было хорошо известно еще в сравнительно недавнее время. Ср. следующее показательное место из В. О. Ключевского: «Все рабочие люди, живущие наймом и черной работой, отнесены были [при Петре I] к третьему классу подлых людей... Подлые люди значили тогда просто низшие классы, лежащие под верхними, не имея неприятного нравственного значения, приданного этому выражению позднее» (*Ключевский В. О. Курс русской истории*, т. IV, с. 67; цитируется по ССРЛЯ, т. 10, с. 446—447).

наречие, а не как существительное) означает, в частности: а) ниже по вертикальной оси (*под крышей* и т. п.); б) ближе к телу (*под рубахой* и т. п.). Два варианта фактического значения слова **podьlina*, обнаруживающиеся: а) в древнечешском, б) в псковских говорах, — опосредствованно отражают именно эти две разновидности значения слова **podь*.

Нет оснований считать, что значение древнерусского слова *подьлина* ограничивалось только сферой швейного дела. Функции суффикса *-ин-а* позволяют предполагать для этого слова более общее значение: «всё, что находится под чем-то, внизу». Как представляется, здесь лежит ключ к разгадке давно уже волнующей этимологов проблемы происхождения слов *подлинный* и *подлинник* (см., в частности, Фасмер, статья *подлинный*). Как показывают материалы И. И. Срезневского, древнейшие употребления этих слов четко ограничены значениями «тот (то), с чего делается список» (о документе), т. е. «оригинал». Очевидно, *подьлинный* — это производное от *подьлина*. Связь значений здесь очень прозрачна: *подьлина* — это «основа», «основание», «fundamentum» для копии; она лежит под этой копией как в переносном смысле (как бы поддерживая ее снизу и тем самым придавая ей законную силу), так, возможно, даже и в прямом: при списывании харатейной грамоты *подлинник*, может быть, мог, как и при нынешнем списывании, частично располагаться под заполняемым новым листом.

В заключение заметим, что приведенные этимологические выкладки хорошо согласуются также с акцентологической стороной вопроса. Праславянское **podь*, очевидно, принадлежало к акцентной парадигме *b* (ср. словен. *pod*, *poda*, русск. диалектн. [Лека, Новосёлки] *под*, *пѡда*, с закрытым *ѡ*). В силу этого прилагательное **podьlь* должно было получить ударение на корне, которое уже больше нигде не сдвигается при присоединении, например, суффикса *-ин-а* и любой последующей деривации. Всё это точно соответствует реально наблюдаемому ударению *подлинный*, *подлинник* (кстати, необъяснимому при предлагавшихся ранее этимологиях этих слов) и ударению *подьлина*, зафиксированному В. И. Далем.

вѣдати и дати

§ 82. Материал берестяных грамот позволяет выявить эволюцию соотношений двух близких по значению глаголов: *вѣдати*²² (> *вдати*) и *дати*.

Глагол совершенного вида *вѣдати*, в соответствии со смыслом приставки *вѣ-*, означал первоначально «дать в чьи-то руки, в чье-то владение», «вручить». Понятно, что тем самым он семантически чрезвычайно близок к бесприставочному глаголу *дати*, который тоже относился к совершенному виду. Круг значений *дати*, однако, был шире: сюда входили не только значения «дать», «отдать», «подарить», но также «позволить», «дать возможность».

В новгородских берестяных грамотах как *вѣдати*, так и *дати* встречаются десятки раз. При этом обнаруживается, что их соотношения в разные периоды различны. Основная закономерность состоит в том, что в прямом значении, связанном с передачей материальных ценностей (в частности, денег), в древнейший период почти всегда употребляется *вѣдати*, а в более позднее время он вытесняется бесприставочным *дати*, т. е. положение становится таким же, как в современном русском языке.

Рассмотрим в хронологическом порядке данные новгородских (в широком смысле) берестяных грамот по глаголам *вѣдати* и *дати*. В разбор включены также императивы *вѣдай* и *дай*, которые восходят к глаголам *вѣдаютьи* и *даютьи*, т. е. к имперфективам от *вѣдати* и *дати*, но очень рано были переосмыслены (практически во всех славянских языках) как императивы совершенного вида

²² В настоящем разделе оказалось удобнее пользоваться для наименования этого глагола именно его раннедревнерусской формой: *вѣдати*.

и вытеснили (полностью или частично) прежние императивы *въдажь* и *дажь*. Грамоты с церковнославянским текстом не учитываются.

Материал по *въдати*.

XI — нач. XIII в. Императив: *въдаи* 120, Ст. Р. 8, Ст. Р. 15, *въдае* 566, 113 (2*), 231, 456, *водаи* 82, 114, 624, *водаи* 79, *водае* 227, *водаеи* (sic) 296, *нь вода-* (?) 672, *въдаита* 455, *водаита* 422, *въдаите* 509. Прочие формы: *въда же* (вероятно, презенс) 119, *нь вода* (презенс) 676, *не вод(а)* [или *не вод(асте)*] Ст. Р. 12, *не въдасть* 9, *въдадъть* (?) 121, *водадъ* 153, *въдале* 119, 238, *не въдале* 509, *водале* 644, *въдаль* 231, 682, *не въдаль* 664, *водала* 644, *водати* 227, *въдавоше* 550, *вода[н]о* 227.

XIII в. (кроме первого двадцатилетия). Императив: *въдаи* 293, *водаи* 707, *вода(и)* 112, *Ѹдаи* 395, *водаити* 636. Прочие формы: *водасте*, *не Ѹдасте* 483, *вдало* 211, *нь въ[д]а[л]ь* 574, *водати* 412.

Этим надежный материал по *въдати* исчерпывается. В грамотах XIV в. можно отметить лишь ненадежно интерпретируемое *водамо* (?) 193 (нач. XIV) и, кроме того, производный глагол *въдаважъть* 446 (XIV₂). В грамотах XV в. никаких следов *въдати* нет.

Материал по *дати*. Приводим вначале примеры, где *дати* выступает в прямом значении, связанном с передачей материальных ценностей.

XI — нач. XIII в. Императив не представлен. Прочие формы: *не даси*, *а дала*, *не дала* 644, *дале* 384, *даль* 454, *не дале* 430.

XIII в. (кроме первого двадцатилетия). Императив: *даи* 420 (2*), 68, *дае* 411 (самая ранняя из этих грамот — № 420 — относится к середине XIII в.). Прочие формы не представлены.

XIV и XV вв. Императив: *даи* 124, 177, 186, 191, 257, 363, 364, 414, 577 (2*), 578, 589 (2*), *даи* 374, 383, 477, *да* (недописано *и*) 370, 497, *даите* 142, *даите* 567, 579 (отметим, что с отрицанием встретилась только форма несовершенного вида: *не давай* 534). Прочие формы: *дашь* 353, *не даи ли* 589, *дасть* 5, *дасте* 318 (2*), *не дасть* 697, *дале* 25, 30 (2*), 50, 154, 254, 580, 610, *даль* 370, *даль* 389, 393, 469, 578, 689 (3*), *дала* 125, 402, 477, *даль* 133, *да* (аорист) 318, *дати* 47 (?), 142, 196, 310, 389, 578, *дать* 253, 363, *дана* 142.

Примеры с *дати* в других значениях. XI — нач. XIII в.: *не дасть* Ст. Р. 15 (скорее «не позволит», чем «не даст»), *дала рожоу за зьте* «поручилась за зятя» 531 (2*). XIII в.: *дахо сарати* «я разрешил спяхать» 211, *бо дасть* 481, *бо дасте* 148. XIV и XV вв.: *даи ми (осп)одъ свѣта видить* 305, *даите намъ волно ходи(ти)* 41.

Особые случаи. В (-) *даи Мѣстѣжъ* 459 (кон. XII) перед *даи* проходит обрыв; вероятно, в тексте стояло *въдаи*. За записью *не дае* 601 (XII/XIII) может стоять (*не дажъ*) или (*не даи*); судя по показаниям всех прочих грамот, более вероятно первое. В (-) *даи грамоти оуцити* 687 (XIV₂) перед *даи* почти наверняка имелась еще какая-то приставка.

Приведенные списки показывают, что глагол *въдати* активно употреблялся в дрененовгородском диалекте лишь до рубежа XIII и XIV вв. Глагол *дати* (в прямом значении) в этот период встречается еще весьма редко. В XIV в. ситуация резко меняется: глагол *дати* полностью побеждает.

Особенно интересен материал по императиву. До середины XIII в. отмечено только *въдаи*. Конкуренция *въдаи* и *даи* наблюдается лишь во 2-й половине XIII в. С начала XIV в. встречается только *даи*. Разумеется, наш материал всё же недостаточно велик для того, чтобы рассматривать эти хронологические границы как нечто вполне строгое; но общий характер эволюции выявляется здесь совершенно четко.

Материал берестяных грамот, написанных вне Новгородской земли, к сожалению, скуден: *не въдасть* Смол. 12 (XII₁); *водат(и)* Твер. 1 (XII/XIII), но *даше* Твер. 2 (XIV); в грамоте Звен. 2 (XII₁) находим, с одной стороны, *нь водаси*, с другой — *дае* (2*) «дай» (в прямом значении). В дополнение к берестяным грамотам отметим также некоторые из древнейших надписей: *Анька въдала*

пряслень Жирѣцѣ (пряслице XI—XII в. из Киева; Мединцева 1985, № 2); *въдала* в надписи о покупке Бояновой земли на стене киевского Софийского собора (XII в.; Высоцкий 1966, № 25; по фотографии); *въдаша* (XI—XII в.; Высоцкий 1976, № 101; по фотографии). Форма *дае* в грамоте Звен. 2, может быть, говорит о том, что ситуация в южном диалекте несколько отличалась от новгородской; но настаивать на этом из-за крайней ограниченности материала нельзя.

Сравнивая полученные результаты с показаниями книжной письменности, мы сразу же обнаруживаем, что совпадения здесь нет. С одной стороны, в книжных памятниках даже и в ранний период широко представлено употребление *дати* в прямом значении, связанном с передачей материальных ценностей. С другой стороны, в сочинениях книжного характера глагол *въдати* продолжает употребляться (хотя и не очень часто) еще и в XIV—XVII вв.; см. соответствующие статьи в Слов. XI—XVII и СДРЯ. Очевидно, книжные нормы употребления этих глаголов несколько отличались от живой диалектной речи (по крайней мере, новгородской). В частности, следует предполагать, что в XI—XIII вв. сочетания типа *дати гривну* воспринимались как более «литературные», чем *въдати гривну*. Напротив, в XIV—XVII вв., когда в живом языке *въдати* уже практически исчезло, тогда как в книжном языке оно по традиции еще сохранялось, его стилистическая окраска, естественно, изменилась: *въдати* стало восприниматься как элемент книжной лексики.

Вполне ясное соотношение между *въдати* и *дати*, представленное в берестяных грамотах, помогает понять гораздо менее ясные соотношения между этими глаголами, наблюдаемые во многих других памятниках. Так, например, в непере-водных сочинениях, входящих в Успенский сборник, — житии Бориса и Глеба и житии Феодосия Печерского — преобладает *дати*, но неоднократно встречается и *въдати*. При полном разборе материала обнаруживается, что только *дати* употребляется: а) в сочетаниях с инфинитивом, т. е. в значении типа «позволить» (*и не дасть имъ тако мирно жити и т. п.*); б) в сочетаниях с прямым дополнением, обозначающим абстрактное понятие или имеющим возвышенно-книжную окраску (например, *благодать, покои, время пока юншу, область «власть», видѣниѣ «зрение»*). Если прямое дополнение обозначает конкретный предмет (например, *2 гривнѣ золота, евангелиѣ [книгу] пѣрстень, одежду*), то конкурируют *дати* и *въдати* (различаясь, по-видимому, лишь стилистическим оттенком).

Показательна ситуация в Синодальном списке I Новгородской летописи. *Дати* здесь встречается чаще, чем *въдати* (даже если не учитывать сочетаний *дати* с инфинитивом и устойчивых формул *даи богъ, богъ дасть*). При этом от начала списка к концу перевес *дати* неуклонно возрастает. Глагол *въдати* последний раз встречается в записи под 1240 г.; в дальнейшем представлено уже только *дати*. В частности, в сочетаниях со словами *посадничество, игуменьство, тысяцьскоѣ* распределение *въдаша* и *даша* таково (цифры означают годы, под которыми встретились соответствующие примеры): *въдаша (ваша)* — 1126, 1128, 1147, 1160, 1186, 1189, 1219; *даша* — 1134 (2*), 1137, 1141, 1144, 1146, 1156, 1161, 1167, 1171, 1172, 1175 (2*), 1205, 1209, 1211, 1216, 1219 (2*), 1220, 1228, 1229, 1230, 1255 (2*), 1257 (2*), 1269 (2*), 1303, 1311, 1332. Во фразах типа «дал им сына», «дал им Святополка» (в качестве князя) распределение таково: *въда (ва)* — 1142, 1184, 1222 (2*), 1240; *да, дасть* — 1222, 1223, 1229, 1232. Таким образом, процесс, выявленный выше на материале берестяных грамот, усматривается и здесь; но в этом памятнике он несколько завуалирован ориентацией на книжную норму, отдающую предпочтение глаголу *дати*.

В дошедших до нас пергаменных грамотах почти всегда представлено *дати*, а не *въдати*; ср., в частности, *далъ* в Мстиславовой грамоте, *далъ* (2*), *даите, дадите* в завещании новгородца Климента (до 1270 г.), *далъ* ГВНП, № 1 (1264 г.), *дасть* ГВНП, № 28 (список 1263 г. с грамоты 1190-х гг.), *даи* ГВНП, № 30 (1266—72 гг.), *дахомъ* ГВНП, № 34 (1301 г.), *даите* ГВНП, № 36 (1303—07 гг.),

дали ГВНП, № 8 (1304—05 гг.). Только *дати* (но не *въдати*) представлено в смоленских грамотах XIII—XIV вв. и в староукраинских грамотах XIV в.

Тем более интересными оказываются показания Варламовой грамоты (1192—1210). Эта грамота делится на две неравные части, первая из которых написана на почти чистом дрезненновгородском диалекте, а вторая — на стандартном древнерусском языке (см. об этом Зализняк 1987, с. 130). Одно из различий состоит в том, что в первой части сказано *се въдале Варламе* и еще два раза представлено *въдале*, а во второй — *се же все даль Варламъ*. Мы видим, таким образом, что перейдя с диалекта на стандартный древнерусский язык, автор счел нужным не только изменить окончания, но и заменить свое привычное *въдати* на более «книжное» *дати*.

В заключение разбора глагола *въдати* полезно отметить, что сходную историю имел в дрезненновгородском диалекте также семантически связанный с ним глагол *въсълати* «прислать (в чье-либо владение, распоряжение)», т. е. *сълати* с приставкой *въ-*. (Заметим, что существовало еще другое *въсълати* — «послать вверх», «восслать», т. е. *сълати* с приставкой *въз-*; этот глагол характерен лишь для книжного языка, в берестяных грамотах он не встретился.)

Как и *въдати*, глагол *въсълати* не дождался нашего времени, причем вышел из употребления, если судить по берестяным грамотам, примерно в то же время, что и *въдати*. Материал берестяных грамот таков. XI — нач. XIII в.: *восолоу* 624, 638, *не восолеши* 644, *нь въслеши* 673, *восоли* 644, Ст. Р. 11, *восли* 651. XIII в.: *восоли* 350 (сер. XIII). В более поздних грамотах *въсълати* уже не встречается; соответствующее значение передается просто глаголом *присълати*. Можно предполагать, что между *въдати* и *въсълати* имела некоторая системная связь, которая и определила одинаковость их судьбы.

Дополнения к разбору некоторых лексем

§ 83. В Лингв., § 71—86 был разобран ряд слов и выражений, представляющих особый интерес для изучения дрезненновгородского диалекта и древнерусского языка в целом. По некоторым из них в настоящее время появился дополнительный материал; он приводится ниже.

намъ «проценты, лихва»

Материал по этому слову собран в Лингв., § 72—73. Ныне это слово еще раз встретилось в грамоте 665 (XII): *а т(о есь)[м]о поворотилъ во намъ* «а это я обратил в проценты (т. е. сумму, о которой идет речь, я засчитал в состав процентов)». Следует учитывать, правда, что данное чтение основано на конъектуре, поэтому оно не совсем надежно; но наличие самой словоформы *намъ* (намѣ) несомненно.

Отметим, кроме того, не вошедший в нашу прежнюю сводку пример из поучения новгородского архиепископа Ильи (1160-е годы): *слышу и другыя попы намѣ емлюще, еже священичьскууму чину отинудь отречено* (по списку XV в.; см. Слов. XI—XVI, вып. 10, с. 142).

Как и почти все прочие примеры слова *намъ*, эти два примера относятся к раннедревнерусскому периоду.

рути «подвергать конфискации имущества»

Для изучения глагола *рути* и вытеснившего его впоследствии глагола *рубити* представляет значительный интерес не учтенный в нашей прежней сводке (Лингв., § 74—77) документ начала XV в., содержащий жалобы новгородцев с Воздвиженской улицы на действия немцев из Ругодива (Нарвы) (Хорошкевич, III; ниже документ цитируется по сделанной заново фотографии с оригинала). Документ представляет собой современный список с пяти разных грамот (сделанный одной рукой).

Вторая из этих грамот целиком посвящена акции «рубезжа»; поэтому целесообразно привести ее здесь полностью.

В посадьни^с Фомѣ Есифови^с, ѿ тысяцько^с Кюрилѣ Дмитрееви^с. Се биша челомъ порубнѣи людѣ Новгороду, что поруби^и ихъ Клавша зъ братью (пропущено е), коли сѣдѣль Индрѣкъ на Ргодивѣ (пропущено у), а по повельню местере^с и Индрѣко^с — Михаилу, Илью, Терентѣа, Федора, Моса, Игната: за Павла за Кровчу въ стѣ рубле^с и въ 30 и въ 7, за Огофона за Симанова зъ братомъ его съ Аковомъ, за Мосѣа зъ дѣть^с и за Пага Павлова въ стѣ рубле^с и въ 20, и за Смена за Корови^с з дѣтьми въ 30 рублевъ, за Луку въ треначать рубле^с. А насъ в томъ оспода порубили: 10 бочокъ бѣлки да три круги воску. А нынеча на създѣ тыхъ людѣи става, кому дать и взать, да что бы не гбли правии люди.

Этот текст может служить прекрасной иллюстрацией того, как происходила конфискация товара (или наложение штрафа) за вину отсутствующих в этот момент соотечественников. Новгородские купцы Павел Кровца, Огофон и Яков Симановы, Мосей с детьми, Паг Павлов, Семен Коровин с детьми и Лука остались должны ругодивцу Клавше и его братьям большие суммы денег. Клавша обратился к ругодивскому наместнику Индрику (Хинрику) с требованием взыскать эти суммы (в виде товаров или денег) с каких-либо других новгородцев, находящихся в Ругодиве. Индрик и сам магистр дали соответствующее распоряжение, и требуемые суммы были взысканы с новгородских купцов Михаила, Ильи, Терентия, Федора, Омоса и Игната. Впоследствии на специальном купеческом съезде решался вопрос о том, кто кому должен выплатить компенсацию за понсенный ущерб.

Конструкция, описывающая акцию «рубезжа», выглядит в данном тексте так: *порубити кого за кого въ чель*. От древнейшей конструкции, представленной в грамоте 246 (XI): *а хоцоу ти выроути въ тѣ лоуцьшаго новѣгорожанина* — она отличается прежде всего заменой старого въ кого «за чью вину» более новым за кого (с таким же за, как в современном языке); древнему *рути* (*порути*, *вырути*) соответствует *порубити*. Интересно не отмеченное в других текстах выражение *порубнѣи людѣ*, обозначающее людей, подвергшихся «рубезжу».

Еще один случай «рубезжа» описывается в 5-й грамоте, входящей в тот же документ: *а зумусь* (описка вместо *зимусь*) *порубиле Зумберъ 10 новгородцевъ, а взале оу ни^с бочку шевницѣ да поставѣ кумьскии на Ругоди^с оу коупьцевъ* «а прошлой зимой в Ругодиве Зумбер (Зубер) конфисковал товар у десяти новгородских купцов: взял у них бочку шевницы (род белки) да штуку кумского (от названия города Коммина) сукна».

крити «купить»

К числу примеров, собранных в Лингв., § 78—79, ныне добавилось еще два. В грамоте № 685 (XII₂) имеется фраза: *а [л]иха нь крьни[та]* «а плохого вы (двое) не покупайте». Речь идет о закупке какого-то товара, необходимого при поездке в Заволочье; но что это за товар, из-за обрыва неясно. Основа презенса *крьн-* выступает здесь в своем исконном виде (без замены на *крин-*).

Другой пример представлен в смоленской берестяной грамоте № 13 (XII₁). От первоначального текста этой грамоты сохранился лишь маленький фрагмент, но в последней строке надежно читается: *криль ес-*, т. е. «я купил» (если *ес-* — это начало от *есмь*) или «ты купил» (если это начало от *еси*). Основа перфекта имеет здесь, как и в других ныне известных примерах (*криль*, *крила*, см. Лингв., § 78), вид *кри-* (не **крину-* или **крьну-*), что лишний раз свидетельствует против гипотезы о наличии суффикса *-ну-* в этом глаголе.

Как и весь остальной материал по глаголу *крити*, оба новонайденных примера относятся к раннедревнерусскому периоду.

поручень (из поручьнь) «поручитель»

В Лингв., § 84, где собран материал по этому слову, отмечается, что имеющиеся примеры не позволяют однозначно установить здесь характер основы: *поручень* (из *поручьнь*), т. е. первоначально просто нечленная форма прилагательного *поручьныи*, или *поручень* (из *поручьнь*).

В настоящее время мы уже можем указать три примера, где интерпретация однозначна, а именно, представлена первая из указанных двух возможностей: *і пне, здрни, вни Маѣимко да Шнодрейко о^м порѹчнои записи о^мпираютъся: мы де по не^м Івашке кѹзнецѣ не порѹчны* (Пам. Влад., № 224, 1692 г., с. 229); *Данилько с товарищи, коі по не^м Сидорке порѹчны, приходили ко мнѣ на мнѣтрскоі дворъ и били челомъ: мы де по не^м Сидорке впрѣ^д не порѹчны и с порѹ^к здали* (там же, с. 230). В этих примерах с полной очевидностью выступает твердость основы (равно как и беглость гласной перед *н*), т. е. исходным здесь может быть только *поручьнь*.

Разумеется, из этого еще не следует, что варианта *поручьнь* не существовало. Ясно лишь, что имеются: а) примеры, однозначно возводимые к *поручьнь*; б) двусмысленные примеры, допускающие обе интерпретации. Примеров, однозначно возводимых к *поручьнь*, пока что не обнаружено.

волень богъ да и ты

В дополнение к материалу, собранному в Лингв., § 86, можно указать еще несколько примеров (все они псковского происхождения): *а во томо божеу волъ и твою* — заключительная фраза в псковской берестяной грамоте № 6 (XIII в.), *положено на бѣ и на тебе* в псковской берестяной грамоте № 7 (XIII в.), *і в томъ богъ волонъ да і ты с солю и зъ деньгами* (РИБ, т. 15, СПб., 1894, № 128, 1674 г., стлб. 292 — грамотка от псковича Зюнина к колыванцу Паульсону), *і в томъ богъ волень да и ты, Михайло Михайловичъ, с солю и з денгами* (там же, № 129, 1674 г., стлб. 295 — вторая грамотка от Зюнина к Паульсону).

Сокращения

- Алексентьева — Алексентьева А. Г. Палатальная корреляция и мена *tl*, *dl* > *kl*, *gl* в славянских языках // История русского языка: Древнерусский период. Л., 1976.
- Акты 1505—1526 — Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952—1964. Т. 1—3.
- АУМ — Атлас української мови. Київ, 1984—1988. Т. 1—2.
- БАН — Библиотека Академии наук в Санкт-Петербурге.
- Буслаев — Буслаев Ф. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861.
- Бьёрнфлатен 1983 — Björnflaten J. I. On the history of the common East Slavic morphophonological alternation /K → C/ in the nominal flexion of the three East Slavic languages // The Ninth International Congress of Slavists, Kiev 1983. Tromsø: University of Tromsø, 1983.
- Бьёрнфлатен 1988 — Björnflaten J. I. Dialectal sound changes in Russian: Innovations vs. archaisms. The case of the second regressive palatalisation of velars in North East Slavic. Oslo: University of Oslo, 1988.
- Вайян — Вайян А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Валк — Валк С. Н. Новые грамоты о новгородо-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в. // Ист. архив. 1956. № 1.
- Высоцкий 1966 — Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1.
- Высоцкий 1976 — Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской: (По материалам граффити XI—XVII вв.). Киев, 1976.
- Гапанович, Мацкевич — Гапанович П. Н., Мацкевич Ю. Ф. О классификации белорусских диалектов // Вopr. языкознания. 1959. № 6.

- Гард — *Гард П. К истории восточнославянских гласных среднего подъема*//Вопр. языкознания. 1974. № 3.
- ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина в Москве.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- ГИМ — Государственный исторический музей в Москве.
- Глускина 1966 — *Głuskińska Z. O drugiej palatalizacji spółgłosek tyjnojęzykowych w rosyjskich dialektach północno-zachodnich*//Slavia Orientalis. Roczn. XV (1966).
- Глускина 1968 — *Глускина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров)*//Псковские говоры. Псков, 1968. Т. 2.
- ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге.
- Гринченко — *Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. Киев, 1907—1909, т. I—IV.*
- ДАБМ — Дialectалагичны атлас беларускай мовы. Минск, 1963.
- Даль — *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1—4.*
- ДЦГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
- Дурново 1924 — *Дурново Н. Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924.*
- Дурново 1933 — *Дурново Н. Славянское правописание XI—XII вв.*//Slavia. 1933. XII, 1—2.
- Зализняк 1981 — *Зализняк А. А. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском*//Балто-славянские исследования 1980. М., 1981.
- Зализняк 1985 — *Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.*
- Зализняк 1987 — *Зализняк А. А. О языковой ситуации в древнем Новгороде*//Russian Linguistics. 11 (1987). N 2—3.
- Зализняк 1988 — *Зализняк А. А. Древненовгородское койне*//Балто-славянские исследования 1986. М., 1988.
- Золтан 1983 — *Золтан А. К предистории русск. «государь»*//Studia Slavica Hungarica, 1983. XXIX.
- Золтан 1987 — *Zoltán A. Fejezetek az orosz szókincs történetéből (Из истории русской лексики). Budapest, 1987.*
- Иванов 1985 — *Иванов Вяч. Вс. Отражение индоевропейского casus indefinitus в древненовгородском диалекте*//Russian Linguistics. 9 (1985). N 2—3.
- ИГРЯ — Историческая грамматика русского языка: Морфология. Глагол. М., 1982.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962.
- ИУМ, Морф. — Історія української мови: Морфологія. Київ, 1978.
- ИУМ, Фонет. — Історія української мови: Фонетика. Київ, 1979.
- Кандаурова — *Кандаурова Т. Н. К истории древнепсковского диалекта XIV в.: (О языке Псковского пролога 1383 г.)*//Тр. Ин-та языкознания АН СССР. М., 1957. Т. 8.
- Каринский — *Каринский Н. Н. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.*
- Каталог — (Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI—XIII вв.). М., 1984.
- Каталог ЦГАДА — Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988. Ч. 1—2.
- Колесов 1980 — *Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.*
- Колосова — *Колосова И. О. Хронологический и географический комментарий к рядной Спасо-Мирожского монастыря и Семена Жаворонка с сырами на землю Подграмскую*//Вспомогательные исторические дисциплины, XVIII. Л., 1987.
- Коткова — *Коткова Н. С. Выявление московских лексических норм XVII в. путем сравнения с периферийными данными*//История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Л., 1926—1928. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1—3.
- Лингв. — *Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения*//Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986.
- Мар. — *Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966.*
- Марков — *Марков В. М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.*
- Мароевич — *Маројевић Р. Прасловенска adiectiva possessiva типа *Tvorimiričь* (от патронима типа *Tvorimiričь*), њихова судбина и трагови у словенским језицима*//Јужнословенски филолог. 1982. XXXVIII.
- Махек — *Махек V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.*
- МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968.
- Медынцева 1978 — *Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV века. М., 1978.*
- Медынцева 1985 — *Медынцева А. А. Грамотность женщин на Руси XI—XIII вв. по данным эпиграфики*//«Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985.
- Мжельская — *Мжельская О. С. Лексика древней псковской письменности в современных псковских говорах*//Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962.
- Напьерский — Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868.
- НГБ 1962-76 — *Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978.*
- НГБ 1977-83 — *Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок*

1977—1983 гг.): Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986.

- Николаев — Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I: Кривичи//Балто-славянские исследования 1986. М., 1988.
- НПК — Новгородские писцовые книги. СПб., Пг., 1859—1915. Т. 1—6 и указатель.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Образ.— Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.
- Пам. Влад.— Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край. М., 1984.
- Пам. Ряз.— Памятники русской письменности XV—XVI вв.: Рязанский край. М., 1978.
- Полоцк. гр.— Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. М., 1977.
- ПР — Правда Русская. М.; Л., 1940—1963. Т. 1—3.
- Пск. лет.— Псковские летописи. М., 1941—1955. Вып. 1—2.
- Псковская судная грамота — Псковская судная грамота. СПб., 1914.
- Пск. слов.— Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967—1986. Вып. 1—7.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- Рамовш — Ramovš F. Morfologija slovenskega jezika. Ljubljana, 1952.
- РИБ — Русская Историческая библиотека.
- Рус. разг. речь — Русская разговорная речь. М., 1973.
- Рыбаков — Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1988. Т. 1.
- Слов. XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1988. Вып. 1—14.
- Смирнов — Смирнов С. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины//ЧОИДР. 1912. Кн. 3, отд. II.
- Смоленск. гр.— Смоленские грамоты XIII—XIV веков. М., 1963.
- Соболевский 1884 — Соболевский А. И. Очерки из истории русского языка. Киев, 1884.
- Соболевский 1907 — Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Соболевский и Пташицкий — Соболевский А. И., Пташицкий С. Л. Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV века. СПб., 1903.
- Срезн.— Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1903. Т. 1—3.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—1989. Вып. 1—24.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1950—1965. Т. 1—17.
- Трубецкой 1937 — Трубецкой Н. С. О притяжательных прилагательных (possessiva) в старославянском языке//Зборник у част А. Белиќа. Београд, 1937 (перепечатано в кн.: Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987).
- Трубецкой 1954 — Trubetzkoy N. S. Altkirchenslawische Grammatik. Wien, 1954.
- Урысон — Урысон Е. В. Относительное прилагательное в парадигме древнерусского имени: (На материале Успенского сборника XII—XIII вв.)//Древнерусский язык: Лексикология и лексикография. М., 1980.
- Успенский 1973 — Успенский Б. А. Древнерусские кондакари как фонетический источник//Славянское языкознание: VII Международный съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1973.
- Успенский 1987 — Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). München, 1987.
- Успенский сборник — Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964—1973. Т. 1—4.
- Фенне — Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian (Pskov, 1607). Copenhagen, 1970. Vol. 2. (Ссылки даются на страницы оригинала).
- Хабургаев 1978 — Хабургаев Г. А. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке//Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. 1978. № 4.
- Хабургаев 1980 — Хабургаев Г. А. Становление русского языка. М., 1980.
- Хорошкевич — Хорошкевич А. Л. Новые новгородские грамоты XIV—XV вв.//Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964.
- Хрест — Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. М., 1952. Ч. 1.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов в Москве.
- ЦГИА Латв.— Латвийский центральный государственный архив в Риге.
- Шахматов 1915 — Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Шахматов 1957 — Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1974—1988. Вып. 1—15.
- Янин 1982 — Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде//Новгородский сборник: (50 лет раскопок Новгорода). М., 1982.
- HR — Hanserecense.
- LUB — Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten/Hrsg. von Dr. F. G. von Bunge.

СЛОВОУКАЗАТЕЛЬ

Приводимый ниже словоуказатель содержит, во-первых, материал берестяных грамот и надписей, опубликованных в настоящем томе, во-вторых, поправки и дополнения к сводному словоуказателю, помещенному в НГБ 1977—83 (т. е. в так наз. VIII томе серии «Новгородские грамоты на бересте»), с. 260—306.

Материал настоящего тома

Настоящий том включает новгородские берестяные грамоты № 615—710, грамоты из Старой Руссы (условное сокращение: Ст. Р.) № 15—23, а также надписи (условное сокращение: надп.) на различных предметах, найденных в Новгороде (№ 19—42). В словоуказателе к материалу этих документов присоединен также материал берестяных грамот, найденных после 1983 г. в ряде других городов: 1) Псков (условное сокращение: Пск.) — № 5—8; 2) Смоленск (Смол.) № 12—15; 3) Тверь (Твер.) — № 2; 4) Звенигород Галицкий (Звен.) — № 1—2; 5) Москва (Мос.) — № 1.¹

Новгородская берестяная грамота, сложившаяся из двух частей, найденных в разные годы (грамот № 662 и 684), обозначается в словоуказателе так: 662/684.

Принципы подачи материала и внутренней организации словоуказателя — в точности те же, что в словоуказателе, помещенном в VIII томе. Поэтому здесь мы их не повторяем; см. их полное описание в указанном издании, с. 260—265.

К числу церковных (помета *церк.*) в настоящем томе относятся грамоты № 652, 653, 674.

Распределение графем *o* узкое, *o* широкое и *o* очное, переданных в словоуказателе одинаково в виде *o*, таково. В позиции после согласной (в т. ч. после записанного без *ъ* предлога) выступает *o* узкое. В прочих позициях (в т. ч. после *Ѣ* — предлога или приставки) рассматриваемые графемы распределены так. В ранних грамотах (их номера даны курсивом) представлено только *o* узкое. В поздних грамотах: 1) *o* узкое представлено в № 645, 708, 709 и Пск. 6 (а также в надп. 27); кроме того, в *o* *Аколи* в № 622. 2) *o* широкое представлено в № 622 (кроме *o* *Аколи*), 689 (но 1 раз *o* очное в *овса*), 693; 3) *o* очное представлено в № 692 и 1 раз (*овса*) в № 689.

Диграф *ou* имеет «слитное» начертание в грамотах № 681 и 687.

Поскольку настоящий словоуказатель по существу представляет собой не что иное, как продолжение и дополнение сводного указателя, помещенного в VIII томе, у читателя во многих случаях будет возникать необходимость использовать эти два указателя совместно (и сопоставлять их друг с другом). Для упрощения такой работы те слова, которые впервые встретились лишь в материале настоящего тома (следовательно, отсутствуют в предшествующем словоуказателе), отмечены ниже особым знаком — ⊗

¹ Руководители раскопок: Псков — И. К. Лабутина, О. И. Колосова; Смоленск — Н. И. Асташова; Тверь — Л. А. Попова; Звенигород Галицкий — И. К. Свешников; Москва — С. З. Чернов. Всем руководителям раскопок, любезно предоставившим материалы для работы, авторы настоящего тома выражают сердечную благодарность.

Продолжающееся исследование всего корпуса берестяных грамот позволило внести ряд уточнений и поправок в чтение и интерпретацию многих грамот; см. выше раздел «Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот». Соответственно часть сведений словоказателя, помещенного в VIII томе, ныне нуждается в корректировке. Уместно также исправить опечатки, выявленные к настоящему времени в этом указателе.

Коррективы такого рода, за исключением недостаточно надежных² и слишком мелких, введены в состав настоящего словоказателя. Обоснование большинства из них содержится в названном выше специальном разделе настоящего тома (менее существенные поправки могут быть даны и без такого обоснования).

Чтобы не вынуждать читателя проверять одно и то же слово дважды (ища его в двух разных списках), коррективы к предшествующему словоказателю даны не отдельным списком, а включены в общий алфавит с материалом настоящего тома.

В формулировках коррективов словоказатель, помещенный в VIII томе, условно обозначается так: VIII.

В отношении некоторой статьи из VIII возможны следующие типы коррективов: а) заменить информацию *x* на информацию *y* (запись: *x* → *y*; но в сложных случаях вместо знака → используются прямые словесные указания; в случае опечаток обычно указывается: вместо *x* читать *y*); б) добавить *x* (запись: + *x*); в) снять *x* (запись без специальной символики, т. е.: снять *x*). Длина отрезка, несущего соответствующую информацию, может быть различной — от отдельной словоформы до всей словарной статьи целиком.

Если корректив касается слова, представленного также и в материале настоящего тома, то он помещается после всех данных настоящего тома и отделяется от них записью «—VIII:». Коррективы типов «а», «б» и «в» отделяются друг от друга знаком ||. См., например, ниже статью *вы*.

Если корректив касается слова, отсутствующего в материале настоящего тома, то дается заголовочное слово соответствующей статьи с пометой VIII; далее после двоеточия выписываются коррективы. Примеры: 1) холопъ VIII: *И. В. ед. холопъ 400* → *В. мн. холопы 400*; 2) добыти VIII: + *прич. прош. ед. м. добыво 436*; 3) донати VIII: *статью снять*.

Особые случаи. Если статья заменяется целиком (при сохранении ею своего алфавитного места), применяется запись типа следующей: Корѣлинъ VIII → корѣлинъ *м. «карел»: Р.ед. Ѡ корѣлина 243*.

Если добавляется отсутствовавшая ранее статья, применяется запись с пометой *доп.* (= дополнение), типа следующей: Передьслава (*доп. к VIII*) *ж. личн.: Д. ед. къ Передеслав[е] 328*.

Чтобы не вынуждать читателя лишний раз обращаться к VIII тому, приводим здесь заново алфавит, используемый в словоказателе, а также список сокращений и условных знаков.

Алфавитный порядок букв (буква, записанная в скобках, считается занимающей то же алфавитное место, что и предыдущая):

а, б, в, г, д, е (ю), ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, ѣ, ю, ѿ (ѿ).

Пробел трактуется как единица, занимающая в этом ряду место перед *а*.

² Так, мы предпочли пока что не отражать в указателе гипотетические элементы новых чтений, предложенных выше для грамот № 68, 113, 395 и нек. др.

Сокращения

- аор(ист)
буд(ущее)
буд. предш.— будущее предшествующее
В.— винительный падеж
Вит.— берестяная грамота из Витебска
вм.— вместо
возм.— возможно, но менее вероятно
вопросит(ельное)
г.— глагол
геогр.— географическое название или производное от него прилагательное
д.— деревянная «счетная» бирка («доска»)
Д.— дательный падеж
дв.— двойственное число
ед.— единственное число
ж.— женский род
жит.— существительное из категории имен жителей
Зв.— звательная форма
Звен.— берестяная грамота из Звенигорода Галицкого
знач(ение)
И.— именительный падеж
изъяснит(ельное)
инф(инитив)
кр.— краткая форма
личн(ое имя)
м.— мужской род
М.— местный падеж
малOVER(оятно)
межд(оетие)
мест(оимение)
мн.— множественное число
Мос.— берестяная грамота из Москвы
Мст.— берестяная грамота из Мстислава
н.— наречие
надп.— надпись
наречн.— в наречном значении
наст(оящее)
неопред(еленное)
несогл(асованное)
относит(ельное)
отрицат(ельное)
отч(ество)
ошиб(очно)
п.— прилагательное
пвл.— повелительное наклонение
перф(ект)
плюскв(амперфект)
повтор.— повторение одной из предшествующих букв (вместо нужной буквы)
полн.— полная форма
порядк(овое)
предвосх(ищение)
предл(ог)
прит(яжательное)
прич(астие)
прич. наст.— действительное причастие настоящего времени
прич. прош.— действительное причастие прошедшего времени
прич. страд.— страдательное причастие прошедшего времени
прозв(ище)
Пск.— берестяная грамота из Пскова
Р.— родительный падеж
ранн(едревнерусское)
с.— средний род
см.— смотри
Смол.— берестяная грамота из Смоленска
сокращ.— сокращение, сокращенно
сосл(агательное наклонение)
ср.— сравни
сравн(ительная степень)
Ст. Р.— берестяная грамота из Старой Руссы
субстантивир(ованное)
счетн.— сочетание с числительными *два, оба, три, четыре, полтора*
Т.— творительный падеж
Твер.— берестяная грамота из Твери
церк.— встретилось только в грамотах церковного содержания
част(ица)
числ(ительное)
1, 2, 3 (перед ед., дв., мн.) — обозначения лиц глагола
VIII — «Словоуказатель к берестяным грамотам, помещенный в VIII томе (НГБ 1977—83, с. 260—306)
Возможны также и другие, непосредственно понятные сокращения.

Условные знаки *

- x — раз
| — конец строки в грамоте
|| — граница между подстатьями
! — обратить внимание на ошибку в написании
NB — обратить внимание на особенность написания, которая, возможно, имеет фонетический источник или является гиперкорректной
x/y! — писавший заменил у на x, но у не зачеркнул
? — ненадежно
* — фонемный состав заглавной словоформы ненадежен
Δ — внутри статьи: грамматическая форма не известна; перед статьей: неизвестно, какой лексеме принадлежит
[] — при цитировании словоформ: неоднозначно читаемая часть словоформы
() — при цитировании словоформ: утраченная часть словоформы
< > — запись в стандартной орфографии
-, (-) — место обрыва
⊗ — в берестяных грамотах данное слово впервые встретилось лишь в материале настоящего тома
+ — добавить
→ — заменить на курсив в номерах грамот — ранняя (XI — нач. XIII в.) грамота

* Более полные объяснения см. в VIII, с. 260-265.

А

а союз 615 (2×), 616, 620, 621, 624 (3×), 627, 631, 633, 636 (2×), 638, 640 (6×), 644 (6×), 650, 651, 654, 655 (2×), 657 (3×), 662/684 (2×), 664, 665 (5×), 667, 672, 673, 676, 678 (?), 679 (2×), 681, 685, 686, 687 (2×), 689, 693, 695, 696, 697 (2×), 699, 705 (6×), 706, 708 (3×), 710 (3×), Ст. Р. 15, Пск. 6 (4×), Пск. 7 (2×), Твер. 2 (2×), Смол. 12 (4×), Смол. 14, Звен. 1, Звен. 2 (3×)

Аврамъ см. Оврамъ

аже союз 709, Твер. 2, ажъ 675 (?), аж[ь] 638

али союз 644, 673, Ст. Р. 15, ал[и] Смол. 12

Алфимья ⊗ см. Олфимья

Анастасина (доп. к VIII) ж. личн. (церк.): И. ед. [А]настѣ (!) 508 (возм. от Анастѣя)

Анфимъ ⊗ см. Онфимъ

ачи (или аци) союз: ачи 644, аци 624

Б

бабинъ ⊗ п. прит. «бабушкин»: И. ед. м. бабинъ надп. 23

безмѣнъ VIII: снять запись: (возм. от варианта безмѣна ж.)

Безубаа ⊗ ж. прозв.: И. ед. Безоубаа Ст. Р. 21

Безукъ ⊗ п. прит.: полн. Р. ед. ж. (субстантивир.) оу Безоуевеа Ст. Р. 22

безъ (ранн. без) предл. (с Р.): без 686, бѣз 630 (3×), бес 631, 651, бе 686 (бе щетыре), бѣ 672 (бѣ себѣ), безо Твер. 2

берковскъ (ранн. бѣрковскѣ) м.: И. ед. бѣрковскѣ Ст. Р. 20 (2×), [бѣ]рковскѣ Ст. Р. 20, берковскѣ

701 (конечное е переправл. из о), бѣрко[в[-скѣ Ст. Р. 20, -ѣрковскѣ Ст. Р. 20, -[срк]овскѣ 701, -ковскѣ Ст. Р. 20, б- - - - -скѣ Ст. Р. 20, бѣрков- Ст. Р. 20; В. со берковскѣ 624; Р. бѣз бѣрковскѣ 630, бѣз ѣрковскѣ 630 (пропуц. б); Р. мн. бѣрковскѣ 630, бѣрков- Ст. Р. 20; И. счетн. 2 бѣрковскѣ Ст. Р. 20, цѣтъри бѣрковскѣ 630, 3 бѣрковс[к]- Ст. Р. 20; Δ [бѣры|-овскѣ] 633

бити г: наст. 1 ед. бѣю 693; 3 мн. бѣю 694

благословение ⊗ с.: И. В. ед. блѣслвние 619

блѣзокъ * ⊗ (ранн. блѣзокѣ) м. «свойственник» (?): И. ед. блѣз-ѣке 632 блѣстка ⊗ (ранн. блѣстѣка) ж.: И. счетн. блѣстѣкѣ 2—660

блѣсти г: пвл. 2 мн. -людите 622 (?)

бобъ ⊗ м.: Р. ед. бобоу 700

богородица ж.: Д. ед. богородице 705

богъ м.: И. ед. бѣгъ 675, бо 705; Р. бѣга 622, М. на бѣ Пск. 7

божии п. прит.: И. ед. ж. божѣа Пск. 6 болии п. сравн.: Т. ед. м. болшимо 622; кр. В. ед. с. во боле Звен. 2

больныи ⊗ п.: кр. В. ед. ж. болену 705

Боранъ м. прозв.: Д. ед. ко Борану 690

борецъ VIII: + В. ед. борѣ[ць] 68 (?)

борзыи (ранн. бѣр-) п.: кр. М. ед. с. (наречн.) на борзѣ Твер. 2, на борозѣ Твер. 2, на борзе Пск. 7, на борзи 646, на б[ор]- 645, во борожь (NB ж) 682; — VIII: + кр. М. ед. с. (наречн.) въ бѣръ- 332

Борисовъ ⊗ п. прит.: Δ Бори (сокращ.) надп. 37 (возм. от Боришь)

Борисоглѣбъ ⊗ м. геогр. («церковь Бориса и Глеба»): Т. ед. подо Бори-соглибомо 690

Борисъ м. личн.: Р. ед. 8 Бориса 671, оу Бо[р]иса 701
 Боришковъ ⊗ (ранн. -шьк-) п. прит.: полн. Р. ед. ж. (субстантивир.) оу Боришковее Ст. Р. 21, оу Боришковее Ст. Р. 22
 Борыша VIII: статью снять
 боѣгисѣ г.: пвл. 2 мн. сѣ боѣ- 622
 братень VIII → братень (ранн. -тънь) п. прит.: М. ед. м. вѣ братни 235
 братачь VIII: + Зв. ед. браце 531
 братъ м.: И. ед. -ратъ 618; Зв. [б]ратъ 675; — VIII: Т. ед. за братом[ь] 487 → братом- (Т. ед. или Т. дв.) 487
 || снять Зв. ед. браце 531
 Будиша ⊗ м. личн.: И. ед. Бѣдиша 663
 Δ бжрѣрѣ VIII → бурый п.: В. ед. м. бжрѣри 160 (повтор. рѣ)
 бы част.: би 618 (?)
 быти г.: наст. 1 ед. есмь 638, 697, 710, ксмь 692, есмь 682, ес[ь]м[ь] 679, ксемь 689 (5*), есемо 644 (2*), -[м]ю 665 (?), ес- Смол. 13 (возм. от еси); 2 ед. еси 615 (2*), 618, 627, 644, 665, 705, Пск. 7; 3 ед. е 705, 709, есте 683, Пск. 6; 1 мн. есме 670, есте Пск. 6, кс[те] 693, есте 697; 3 мн. соуть 657; буд. 1 ед. буду Твер. 2; 2 ед. боудше Пск. 6, будше 616; 3 ед. боудете Смол. 12, будете Пск. 7; пвл. боуди Пск. 6, буди Твер. 2; аор. 1 ед. (в составе формы сосл.) быхо 705; перф. ед. м. азъ былъ 705, былъ... ѿ 675, былъ 675; — VIII: + наст. 1 ед. есмы 226, [кс]ем[ь]ю 196
 бѣла ж.: В. ед. про белоу («беличьи шкурки») Пск. 6; Д (маловер. Р.) беле (то же знач.) Пск. 6; — VIII: + Р. мн. бело 218, былъ 223 (2*); Р. мн. (?) бѣль 471; И. счетн. чьтъ[р]и бѣ[л]и 223 || снять Δ были 351 (?)
 Δ бѣль VIII: статью снять
 Бѣлына (доп. к VIII) м. личн.: И. ед. Былына 351

В

ва VIII: + М. (или В.) вѣ в[а]ю 237
 Варвара (ранн. -рѣв-) ж. личн.: Р. ед. Варѣварь 657, Варѣвре 657 (пропущ. а)

варити г.: перф. ед. м. вариле (1 ед.) 689
 Василии м. личн.: И. ед. Василеи 699
 Василь м. личн.: Д. ед. къ Василеви Ст. Р. 15
 Васильжъ вѣ п. прит.: Δ Васи(-) (со-кращ.?) надп. 41 (возм. от Василевъ)
 Васькинъ ⊗ п. прит.: И. ед. ж. (?) Васкина 659
 ватець VIII: статью снять
 Вачюта ⊗ (или Вацюта) м. личн.: Д. ед. к Вацюте Пск. 7
 вдати (ранн. вѣ-) г.: буд. 2 ед. нь водаси Звен. 2; 3 ед. нь вода 676, не вѣдасть Смол. 12; перф. ед. м. водале ми еси 644, да же ти вѣдалъ 682, не вѣдалъ 664; ж. есемо водала 644; — VIII: пвл. вѣдаже 119 (возм. вѣда [аорист] же) → буд. 3 ед. вѣда же 119 (маловер. аорист); аор. 3 ед. не вѣдасть 9 (возм. буд.) → буд. 3 ед. не вѣдасть 9 || + прич. страд. И. ед. с. вода[н]ю ти 227
 вдати (ранн. вѣ-) г.: пвл. вѣдаи Ст. Р. 15, водаи 707, водае 624, нь вода-672 (?); 2 мн. водаить 636
 вежникъ (ранн. -жьн-) м. «живущий в шатрах, кочевник» (?): Р. мн. 8 вежникъ 664
 везти г.: наст. 1 ед. везу Твер. 2
 великыи п.: Д. ед. м. вѣликомуу 704; кр. В. ед. ж. великоу 636; — VIII: В. мн. ж. великѣѣ Ст. Р. 8 → И. мн. ж. великѣѣ Ст. Р. 8
 Великыи Островъ VIII: снять (в В-) вельми (доп. к VIII) н. 245
 велѣти г.: наст. 3 ед. велить 664; перф. мн. м. есте ... велѣли 697, вьльи (переправл. из ед. м. вьльль) 672
 вершь («зерно») VIII: + В. ед. про вѣрешь 275 (на стыке с 266)
 вести ⊗ г.: наст. 3 ед. вѣде 633; пвл. вѣди 676
 весь (ранн. вѣ-) мест.: основа с с — И. ед. м. вѣсь 697 || основа с х — И. мн. м. вохе 670; — VIII: + И. ед. м. вохъ 351
 взонити (доп. к VIII) (ранн. вѣзити, вѣзѣити) г.: буд. 1 ед. вѣзѣиду 481 (NB ѣи) (?)
 взати (ранн. вѣзати) г.: инф. вѣзати 664, возати 651, взати 697; пвл. вѣзѣми 665, вѣзѣм-, вѣз-ми, -ѣзѣми,

-[ъ]зьми 710, възми Смол. 12 (2×),
 возь[м]- 665, возми 690; *перф. ед.*
 м. възале (1 ед.) 689, възале (1 ед.)
 689 (3×), еси възале Пск. 7, възаль
 ксемь 689 (2×), възаль (1 ед.) 689,
 възало 691; *прич. наст. ед. м. възма*
Ст. Р. 17; прич. страд. И. ед. с.
возать (възато) 662/684; — VIII:
пал. възь (недопис.) 247 → в^ъз^ъ[ми]
 247 || + *прич. прош. ед. м. воземо*
 436

виноватыи п.: *кр. И. ед. м. не виновать*
 697; *И. ед. ж. виновата 644*

вковати ⊗ (*ранн. въ-*) г.: *пал. вокъе*
 644

вложити г.: *пал. вложи Пск. 7*

внити (*ранн. вьнити*) г.: *буд. 3 ед. вонидь*
Звен. 2

внукъ (*ранн. въ-*) м.: *И. ед. воноуке*
 688; *Р. воноука 630*

Внѣздъ (*доп. к VIII*) (*ранн. Вьн-*) м.
личн.: В. ед. Воньзда 82

Воить VIII: *статью снять*

волога ⊗ ж. «масло», «сало», «жир»: *В. ед.*
вологу 687

Волокъ м. *геогр.: В. ед. за Вьлькъ 685; —*
Волокъ VIII: статью снять

волость VIII: + *Р. ед. в[ъ]лости 503*

волочити (*доп. к VIII*) г.: *наст. 3 мн.*
въ[лоца] 237

вола ж. *И. ед. Пск. 6*

Вонѣгъ (*или Внѣгъ [ранн. Вьнѣгъ]*)
м. личн.: Р. ед. ъ Вьнега 710; см.
также Онѣга; — VIII: + Р. ед. ж
-[ъ]нѣга 240 (?)

воротити (*доп. к VIII*) г.: *пал. [вор]оти*
 118

вослати (*ранн. въсылати*) г.: *буд. 1 ед.*
восолю 624, 638; 2 ед. не восолеши
644, нь въслеши 673; пал. восоли
644, восоли ми 644, восли 651

вражи ⊗ п. *прит. (церк.): Р. ед. м.*
вражиа 674

врѣма ⊗ с. (*церк.*): *В. ед. въ врѣма*
 652

вспасти ⊗ (*ранн. въс-*) г.: *наст. 3 ед.*
[въс]пеньть 683 (?)

Втора ⊗ (*ранн. Вьт-*) ж. *личн.: Р. ед.*
оу Вь-орѣ Ст. Р. 20 (возм. от
Взора, ранн. Вьз-)

въ *предл.: с В. — въ 652, 657, 673, (в)ъ*
Смол. 12., во 636, 644, 665, 675,
692, 705, Твер. 2, Звен. 2, в Пск.
7, Твер. 2 || с М. — въ 657, 686, во

644, 654 (2×), 682, 686, 690, Пск.
 6, Твер. 2; — VIII: + *въ (с М. или*
В.) 237; [оу] «в» (с В.) 266 || снять
запись: нулевое выражение перед по-
следующим в — 2 (Воликомо)

въ борзѣ (*наречн.*) см. борзыи

вы *мест.: Р. у васъ 708, ѿ [в]асо 622;*
Д. вамъ 693, 708, вамо 622 (2×),
644; — VIII: Д. въ (церк.; ѣ вм. ѡ)
503 (?) → Д. вы (церк.) 503 || + Р.
ж в[а]сь 503, лише въсь 503 (пред-
восх. ѣ) || снять И. вы 379 (?)

выдати г.: *перф. ед. м. да ... выдалъ*
 ти 682

выправити ⊗ г.: *пал. выправи ми Смол.*
12; — доп. к VIII: пал. выправи [м]и
 379

Вышата ⊗ м. *личн.: Д. ед. Вышатѣ*
Ст. Р. 15

выанинъ ⊗ м. *жит.: Р. ед. у Квана у*
выанина 690

вѣ ⊗ *мест. «мы двое»: Т. мъжи нама*
 675

вѣверица ж.: *И. мн. вьверице 657*

вѣдати г.: *наст. 1. мн. мы се ведаемо*
Пск. 7 («мы это знаем»; но возм.
се здесь вм. сѧ, т. е. «мы разочтем-
ся» — от вѣдатисѧ); — VIII: +
наст. 1 ед. (ѧ)зъ вѣд[а]ю 123

вѣдатисѧ г.: *наст. 1 ед. сѧ ведаю 616;*
см. также вѣдати

вѣкъ VIII: + *Р. ед. века (церк.) 503 (?)*

вѣсть ж.: *В. ед. вѣсть 644; Р. вести*
 622

Г

Гаврила м. *личн.: Д. ед. Гаврилѣ 667*

Гахно (*или Гахонъ*) ⊗ м. *личн.: И. ед.*
 Гахоне 698

гвѣздка VIII: *В. мн. на [г]вѣздькѣ*
Ст. Р. 8 → И. мн. [г]вѣздькѣ Ст.
 Р. 8

Герасимъ м. *личн.: Р. ед. ѿ Герасима*
 Пск. 6

гласъ ⊗ м. (*церк.*): *Р. ед. ѡ («от») гласа*
 674

гладенецъ ⊗ м. *жит.: В. Р. мн. глде-*
нецъ 693

Говѣновъ ⊗ п. *прит.: полн. Р. ед. ж.*
(субстантивир.) ѿ Говѣновое
 Звен. 2

Говѣнъ ⊗ м. *личн.: И. ед. Говѣно*
 Звен. 2

годити ⊗ г.: пвл. годи 709
 годный ⊗ (ранн. -дън-) п.: кр. И. ед.
 ж. не годена 705
 годъ м.: В. (?) ед. годо 691
 Δ головице VIII → головица ж. «головка»
 (здесь — вероятно, передняя часть
 сапог или поршней): И. мн. головице
 438
 Гоничъ ⊗ м. отч.: Р. ед. оу Гонича
 630 (возм. от Гонецъ м. прозв.)
 гораздо ⊗ н.: [гъ]раз- 685 (?)
 Городко ⊗ (ранн. -дѣк-) м. личн.: Д.
 ед. Городкоу 633 (возм. от Гордко)
 городъ м.: В. ед. въ городъ 657, во
 городо 705; М. въ городъ 657
 городъчанинъ ⊗ м. жит.: Р. мн. ѿ го-
 родъчано 704
 Горьгии (доп. к VIII) м. личн.: Р. ед. оу
 Горег[а] 228
 горюнь VIII: статью снять
 господа VIII: снять Зв. ед. вы моа о
 га 579
 господинъ м.: Зв. ед. гѣне Мос. 1, гѣнъ
 691; ср. осподинъ;— VIII: Зв. ед. гне
 15 → Зв. ед. гѣне 15; Д. ед. къ гну
 49 → Д. ед. къ гѣну 49 || + Зв. дв.
 (?) -осподина 226 (малозер. от ос-
 подинъ) || снять Зв. ед. о гѣне 406,
 в гѣн-166
 господыни VIII: + И. ед. господини 112
 госпожа ж.: Зв. ед. госпоже ка моа
 682;— VIII: снять Д. ед. ко гѣжи
 354
 Гостила личн.: И. ед. Гостил- 688 (возм.
 от Гостиль или от Гостилецъ)
 Δ в Гостьмеричах(-) → Гостьмеричи*
 мн. м. (или -ицѣ* мн. ж.), геогр.:
 М. в Гостьмеричахъ 492
 грамота ж. И. ед. 654, грамѣта 656; В.
 грамотоу 651, -амотоу 634; Д. гра-
 моти 687;— VIII: И. ед. грам|мота
 364 (возм. от варианта граммо-
 та)→И. ед. грам|мота 364; И. мн.
 грамоте 112→Д. ед. (малозер. Р. ед.)
 грамоте 112||+ В. ед. грамотѣ 123,
 гра|- -[тѣ] 55; Δ фрагменты: 424
 грамотица ж.: В. ед. грамот[ицоу] 655
 (возм. -[ицоу])
 гребень м., И. ед. грѣбнь надп. 25
 гречский ⊗ (ранн. грѣбьский) п.: Р.
 ед. м. [г]рѣбьскаго 700
 гривна (ранн. -вѣн-) ж. (часто запи-
 сывается сокращенно): И. ед. гривь-

на 630, 638, 665, гривена Ст. Р.
 19 (4*), гривен[а] Ст. Р. 19, -ивена
 Ст. Р. 19; В. гривньоу Ст. Р. 15,
 гривняж 667, гривнѣ 664, грѣвноу
 Смол. 12; Р. гривне 663, гривнь
 630 (3*), гривнь (!) 630, грив[не]
 717, грвнѣ 640 (сверху обрыв), гри-
 621; Р. мн. гривнь 665, 675, гривень
 615, гривено 617, 624, грѣнь 710;
 И. счетн. довѣ грѣвенѣ (грѣ!)
 Ст. Р. 19 (нѣ переправл. из на),
 двовѣ (!) грѣвенѣ (грѣ!) Ст. Р.
 19, 3 вне (сокращ.?) 631; В. н («на»)
 три гривнь 655, [т]р[и] -ри[внь]
 676; И. В. 2 гривне 621, 3 гривнь
 650, 3 грвнѣ 677; И. или В. счетн.
 после оторванной цифры -рѣнѣ
 710;— VIII: И. или В. счетн. после
 оторванной цифры гривни 483→Р.
 ед. гривни 483||+ Р. ед. гривен- 437
 Григоръ VIII: вместо ср. Григории, Гри-
 горъ читать: ср. Григории, Григорья
 Григорья м. личн.: Р. ед. ѿ Григории
 Твер. 2
 грѣшничъ ⊗ (ранн. -шѣн-) п. прит.
 (церк.): Р. ед. с. грѣшница 674
 Гугморъ VIII→Гугморъ-наволокъ м. ге-
 огр.: М. ед. Гѣгморонаволоки 2
 Гурьгии м. личн.: Р. ед. оу Гоурьга
 630
 Гюрьгевъ ⊗ п. прит.: полн. Р. ед. ж.
 (субстантивир.) оу Гюрегеве Ст.
 Р. 21
 Гюргии м. личн.: Р. ед. ѣ Гюргга 710,
 -[юрег]а 627;— VIII: [штѣ Гюрге]а
 424→w[тѣ Гю]р[г]а 424||+ И. ед.
 Гюрег[и] 165

Д

да союз 622, 682, 698, да же ти ми
 боудете дѣбр[о] Смол. 12, да же ти
 вѣдаль 682, да ... выдаль ти 682;—
 VIII снять да 318
 Давыдъ м. личн.: И. ед. 664
 данъ VIII: статью снять
 дати г.: буд. 2 ед. не даси 644, даше
 Твер. 2; 3 ед. не дасть 697, Ст. Р.
 15; перф. ед. м. даль ксемь 689
 (3*); ж. а дала 644, не дала (1 ед.)
 644;— VIII+аор. 3 ед. да 318||
 снять перф. ед. м. даль 2 (?)
 давати г.: пвл. (-)даі 687 (возможно,

- была еще приставка — от- или в-),
дае Звен. 2 (2×)
- два (ранн. дѣва) числ.: *И. м.* дова дѣсать
630 (2×); *И. ж.* довѣ Ст. Р. 19 (2×),
двовѣ Ст. Р. 19 (предвосх. в), дове
на десать Ст. Р. 22; *В. ж.* двѣ 689;
Р. бѣз довою 630, без довою 686
- два на десате ⊗ см. два
- двадѣсать ⊗ (ранн. дѣва десате) числ.:
И. дова дѣсать 630 (2×)
- дворѣ VIII: *снять* про довьро (!) 501
деватыи числ. порядк.: *кр. Р. ед. ж.*
девать 663 (пло девать),
[дѣ]в[а]г[ь] 681 (поль дѣвать)
- девать числ.: *И. В.* дѣва 621 (*NB* от-
сутствие ть);— VIII: у дѣвати 108
(возм. -ва-)→у дѣвати 108 || + *И.*
[девате] 228
- Дертка ⊗ (ранн. Дѣртка) личн. (ж.?):
Р. ед. оу Деретоць Ст. Р. 22 (возм.
от Деретка)
- Деснивѣ (доп. к VIII) *м. личн.:* *Р. ед.*
оу Дѣснива 223
- десать числ. *В.* 615; *И. В.* десате 617;
Р. д[ес] - - 710; *М.* (в составе чис-
лительных от 11 до 19) на десате
624, на десать Ст. Р. 22; *И. да.* дова
дѣсать 630 (2×); *И. мн.* три десать
686;— VIII: + *И. В.* дѣсать 108
- дивитиса ⊗ г.: *наст. I ед. а са* дивлю
622
- Дмитровѣ ⊗ *п. прит.:* Δ Домитр (со-
кращ.) надп. 34
- Дмитръ (ранн. Дѣм-) *м. личн.:* *Р. ед.*
ж [Дѣ]митра Ст. Р. 16; *Д.* Дмитроу
689;— VIII: + *Р. ед.* ъ [Д]м[и]- 218
до предл. (с Р.) 616, Твер. 2
- добити ⊗ г.: *перф. мн. м. (I мн.)*
добили к[с]-691
- добро (с.) VIII: добръмъ 246→добръмъ
246
- добродѣяник ⊗ с.: *Р. ед.* добродѣяник
627
- Доброшка ⊗ (ранн. -шѣк-) личн.: *Р.*
ед. ѿ Доброшѣкѣ 664, ото Добро-
шѣк[ь] 665
- добрыи *п.:* *кр. И. ед. с.* добро 622,
дѣбр[о] Смол. 12; *Р. ед. м./с.*
[дѣбр]а 685; Δ дѣбр- Смол. 12;—
VIII: + *И. В. ед. с.* добро 245; *И.*
мн. м. добръ 351 (возм. *И. ед. м.,*
маловавер. н.)
- Добрычевичѣ ⊗ *м. отч.:* *Р. мн.* оу
Добрычевиць 640
- добрѣ *н.:* створѣ добрѣ (формула *веж-*
ливости) Ст. Р. 17;— VIII: *снять*
добрѣ 351 (?)
- добыти VIII: + *прич. прош. ед. м.* добыво
436
- донити VIII: + *перф. ед. м.* [д]ошѣле 165
- долгѣ (ранн. дѣл-) *м.:* *В. ед.* въ дѣльгѣ
675;— VIII: въ братни долгѣ (*М. ед.*
или В. ед.) 235 → *М. ед.* въ братни
долгѣ 235
- должница VIII: въ дѣложениць 449 → в
дѣложениць 449
- Домажирѣ *м. личн.:* *Р. ед.* ѿ Домажира
705, оу Домажира Ст. Р. 20
- Доманѣ *м. личн.:* *И. ед.* Домане 688;—
VIII: + *Р. ед.* ъ [Д]юмана 410
- Доманѣгѣ ⊗ *м. личн.:* *Р. ед.* ѿ Дѣманѣга
685
- Домачко ⊗ (ранн. -чѣк-) *м. личн.:* *Р.*
ед. ѿ Домацка 657 (к *переправл.*
из а)
- донати VIII: *статью снять*
- Дорогонѣжичѣ ⊗ *м. отч.:* *Р. ед. ж.*
До- -[г]онѣжица Ст. Р. 16 (?)
- донати VIII: + *пвл. дож ни* 437 (*NB* н из
мл) (?)
- Дражничѣ (доп. к VIII) (ранн. -жѣн-)
м. отч.: *Р. мн. ж.* Дражѣниць 240
- други *п.:* *Р. ед. м./с.* оу другога 689
(*NB* -ога); *М.* въ друогемо 686; *Р.*
мн. ж. друогехо 662/684 (ѣ *м. б.*);
Δ *фрагменты:* 691;— VIII: + *В. ед.*
ж. въ држ[г]жю 332
- Дубоничи VIII: *статью снять*
- духѣ *м.:* *Р. ед.* дѣха 692
- душевныи ⊗ *п.:* *Д. ед. м.* дшевному
689 (сокращ.)
- дыжѣ *м.:* *Р. мн.* оу д[ьа]к[ь] 640 (?)
- дѣверѣ (доп. к VIII) *м.:* *Р. ед.* дѣвьри
227
- Дѣдена* ⊗ (или Дѣдена*) личн.: *Р.*
ед. оу Дедене Ст. Р. 22
- дѣлати г.: *наст. 2 мн.* дѣласте 644
- дѣла послелог: дѣла 657
- дѣти *мн.:* *Д.* дитьмо 687
- дѣтскимъ *м.:* *В. ед.* дѣцьскии 615
- дѣяти г.: *наст. 2 мн.* дѣйте 622

Е, К

- Евановѣ *п. прит.:* *И. ед. ж.* Еванова
надп. 27
- Евановѣ VIII: *заглавие статьи читать:*
Евановѣ

Кванъ м. личн.: Р. ед. у Квана 690, ѡ
(«от») Евана 698
Квфимью VIII: Ѡ Квъ-имьж 328 → Ѡ
КвъѠ имьж 328
кгда ⊗ н. (относит.) (церк.) 652
к же то ⊗ см. иже то
Кмелинъ ⊗ п. прит. И. ед. м. надп. 28
к ще н.: еще 697;— VIII: + еще 449

Ж

Жабии Нось VIII: вместо Жабѣ▲ читать
Жабѣ▲
Жаско ⊗ (ранн. -ськ-) м. личн.: Р. ед.
(о)у Жаська Ст. Р. 20 (маловер.
Оужаська — от Ужаско)
Жданъ VIII: къ Жьданъ 241 → къ
Жьданъ 241
ждати г.: пвл. жеди Твер. 2
же част.: противительная или усили-
тельная — же 635 (2×), 681, 706,
жъ 700 (?) || в составе отрицат.
местоимений — же 644, 708 ж[е]
651 || тождественная — же 655
|| в составе оборота да же ти —
же 682, Смол. 12;— VIII: + же (про-
тивит.) 436
жена VIII: + И. ед. жена 112 (?); Д.
ко жен[е] 159 (?)
женитиса ⊗ г.: инф. жьнитиса 672
женка ж.: Т. ед. жонкою 703 (?)
животъ м.: И. ед. жи--тъ 697; Р. живо-а
652 («жизни»; церк.); Т. живот[о]мо
622; М. животѣ 692, животе 622
Жизнобудъ м. личн.: Р. ед. ж Жизно-
боуда Ст. Р. 16
Жирко (ранн. -рък-) м. личн.: Р. ед.
оу Жирока 630
Жирославъ м. личн.: Р. ед. оу Жирос-
лава 657
Жирошка ⊗ (ранн. -шьк-) личн.: Д.
ед. ко Жирошькѣ Ст. Р. 17
Жирата VIII: статью снять
Жирачъ (доп. к VIII) м. личн.: Р. ед.
Ѡ Жира[ц]▲ 434
жити VIII: сосл. ед. м. ажъ бы ты ...
жил 487 → сосл. ед. ж. ажъ бы ты ...
жила 487
жито с. В. ед. 665; Р. жита 689, [жит]-
665
Жучковичъ ⊗ (ранн. -чък-) м. отч.:
Р. ед. оу Жоуцьковица 630
Жюпанко (доп. к VIII) м. личн.: Жю-
панка (В. ед. или Р. ед.) 218

З

за предл.: с В.— 644, 685 || с Т.— 621,
697;— VIII: + за (с Т.) 238 (2×), 245
|| снять за 487
забыти г.: перф. ед. м. еси забыле 627
заваль ⊗ м. «сено, скошенное вдоль
прогона», «копна»: М. ед. на завальѣ
697
Завидъ м. личн.: Д. ед. ко Завидоу 665,
ко Завидъ 644
Завижъ ⊗ п. прит.: И. ед. м. Завижъ
гръбьнь надп. 25
загладити ⊗ г. «изгладить», «вычерк-
нуть»: прич. страд. И. ед. с. не
заглажно 662/684
зазвати ⊗ г.: перф. ед. м. зазва- 697
заимати VIII: пвл. не займак 148 → за-
ймак (наст. 3 ед. или пвл. 2 ед.)
148
залѣшанинъ VIII → залѣшанинъ м.
жит.: Т. мн. за[лѣ]шн[а]- 492 (возм.
за[лѣ]шн[а] | не)
занда ⊗ союз «потому что»: занода
Пск. 6;— ср. зандо
зандо союз «потому что» 692;— ср. за-
нда
заплатити г.: перф. дв. м. заплатила
663; мн. м. заплатили 663;— VIII:
+ пвл. за[п]ла- 241 (?)
засада ⊗ ж. «гарнизон»: В. ед. во засадоу
636
застати ⊗ г.: буд. 2 ед. застанеше Твер.
2, не застанешъ Твер. 2.
Захарья м. личн.: Р. ед. ж Захарьѣ 667;
Д. ко Захарии 709, ко Захари 706
заходити ⊗ г.: перф. ед. м. еси заходиле
705
заняти г.: буд. 1 ед. заемоу ти 673
земля ж.: В. ед. землю 698 (2×), 699
зижитель ⊗ м. (церк.): Зв. ед. зижителю
652
зима ж.: М. ед. на зимѣ «зимой» 708;—
VIII: снять знак (?)
Злостыца VIII: статью снять
знати ⊗ г.: наст. 1 мн. не знаемо
Пск. 6
знатьба ⊗ ж.: Т. ед. со ее знатебою
705
зобатиса ⊗ г. «заботиться»: наст. 2
мн. зоблетеса 622
золотникъ (ранн. -тън-) м.: Р. ед. [з]-
--[тн]ка 707; И. счетн. 4 золоть-
никѣ 644
Зѣидъ VIII: статью снять

И

и союз 615, 619, 621, 638, 652, 654, 655 (2*), 667, 672 (?), 674 (2*), 679, 681, 682 (2*), 689 (2*), 692 (2*), 697 (2*), 698, 700, 705, 710, Ст. Р. 15, Пск. 6 (2*), Пск. 7, i 622 (2*), 630, 690; инъ (из и онъ) 697;— VIII: *снять* i 509 (3*) (?)

и мест.: В. ед. м. i 655, на нь Ст. Р. 15, юго 692; В. ед. с. е 679 (возм. В. мн. м./ж., т. е. <ѣ>), его Пск. 7 (малOVER. Р. ед.); В. Р. ед. м. его 618 (2*); Р. ед. м./с. (в том числе в прит. функции) юго 689, Пск. 6, его 618; Т. имо 705; В. ед. ж. ю 705 (3*); Р. (в прит. функции) ее 705;— VIII: + В. ед. с. въ не 247; Р. ед. ж. (в прит. функции) [е]к 227 || *снять* Р. ед. ж. ее 354

Иванко (ранн. -нѣк-) м. личн.: И. ед. Иваноке надп. 20; Р. отъ Иван [ѣк]а 667, ѿ Иванока 654;— VIII: Д. ед. -анокоу 226 (?)→ко [И]-анокоу 226

Ивановичъ м. отч.: Р. ед. Ивановица надп. 31

Иванъ м. личн.: И. ед. Иване 633; Р. [И]вана Смол. 12; Д. [И]вану 693

Игначь ѿ м. личн.: Д. ед. к Ыгначю 695

иже мест. относит.: Д. ед. ж. ко нее же 705

иже то мест. относит.: И. В. ед. (возм. И. мн.) м. ижъ ть ти 683; И. В. ед. с. ежъ то [т]и 682

избавитель ѿ м. (церк.): Зв. ед. -збав[и]-652

избыти г.: буд. I ед. избоудоу 638

издѣлити VIII: *статью снять*

измасти ѿ г. «внести смятение», «напортить», «навредить»: перф. ед. м. измакле (а!) Пск. 6

изорникъ ѿ м.: Т. ед. изореникомъ 699

изъ предл. (с. Р.) ис 636

или союз 615, Твер. 2, ѿли 676

Илиика ѿ м. личн.: Р. ед. оу Ильикѣ Ст. Р. 19

Ильинъ п. прит.: Δ Или (сокращ.) надп. 38

имати VIII: + прич. наст. ед. ж. енюци 227 (NB н из мл)

имѣти (доп. к VIII) г. (церк.): наст. I ед. не [и]-[амь] 503 (?)

има с.: В. ед. во има 692

Иоанъ VIII: + И. ед. ѿв 508

Исаи ѿ м. личн.: Р. ед. ѿ Исаи 645

искупникъ ѿ м. «выкупленный из плена»: И. ед. искоупникъ 636

исправити г.: наст. 2 мн. не исправить ми 644; пвл. исправи 615; перф. ед. м. исправиль ли еси 615, или еси не исправиль 615

испытати г.: инф. испытати (церк.) 652;— VIII: + перф. ед. м. испытал[ь т]и есьмо 226

истина ж.: Р. ед. истинѣ 677

ити г.: пвл. (-)иди 656 (возм. была еще приставка); прич. наст. ед. м. ида Звен. 2

К

ка част. 682 (госъпоже ка моѡ)

кадьца ж.: И. В. счетн. три кадьць 665; кадьць (Р. мн. или В. счетн.) 665;— VIII: + Р. мн. кадець 1; И. счетн. 4 каци 1, 2 ка- 1, -ци 1

како (союз) VIII: + како 481 || *снять* како 344

како н. (вопросит.) 699

каковъ VIII: *статью снять*

Касьянъ ѿ м. личн.: И. ед. Касиѡ 663 (недопис.; малOVER. И. ед. от Касья)

Кенище VIII: *статью снять*

кланатиса г.: наст. I ед. кланяюса 615, 708; I мн. кланѡ [е]м [ѣс] ѡ 696 (предвосх. ѡ);— VIII: перф. ед. м. ѡ ... кланалса (ѡ!, а!) 528→наст. I ед. ѡ ... кланѡса (ѡ!, а!, о! [вм. ю]) 528 || + наст. I ед. са вамо [кл]аняю 284

Климъ VIII: *вместо* с Климомъ 528 *читать* с Климомъ 528

Климата м.: личн.: Р. ед. ѿ Климать 707, ѿ Климать 671

Клопуша ѿ личн.: Р. ед. оу К[л]опушѣ Ст. Р. 19

кнажь VIII: *снять* И. мн. ж. конажи 112

кназь (ранн. кѣназь) м.: Р. ед. ѿ коназа Звен. 2

ковати г. инф. 644

кожюхъ м.: И. ед. кожюх- 648

Δ Колокы- VIII→Колокынъ* п. прит.: Р. ед. м. ѿ Колокы-[а] 410 (?)

колтки (ранн. кѣлтѣк-) мн. м. (малOVER. ж.): В. счетн. во три колотокѣ 644;— колткы VIII: *заменить* заголовочную часть статьи на такую, как здесь

- кольце ⊗ с.: *М. дв.* во кольцо 644
 конецъ ⊗ *см.* Плотничский конецъ
 Конозюи ⊗ *м. личн.:* *Р. ед.* оу Кънзюю
Смол. 12
 конь *м.:* *В. ед.* конь 697; *В. мн.* кони
 687 (*маловер. И. мн.*); — VIII: *В. ед.*
 конь 350 (*возм. конѣ, В. мн.*) → *В. ед.*
 конь 350 || + *В. мн.* [п]ро к[о]н[ѣ] 266 (*возм. В. ед.*
 [п]ро к[о]н[ь])
 корзно ⊗ (*ранн. кързьно*) с.: *И. ед.*
 кързьно 648; *И. В.* корозьно 638
 кормныи ⊗ (*ранн. кърмын-*) *п.* (*от*
кормъ, кормити): *И. В.* *сметн. ж.*
 3 къромьне 3 грвьнь коунами 650
(цифра «3» повторена, но во вто-
ром случае она, возможно, зачерк-
нута)
 коробыа *ж.:* *В. ед.* коробию 689 (2×);
Р. коробии 689 (3×); *В. сметн. по-*
тори (!) коробии 689, двѣ коби (!)
 689; — VIII: *М. ед.* коробсе 438 → *М. ед.*
 коробье 438
 Коросткинъ ⊗ (*ранн. -стѣк-*) *п. прит.:*
И. мн. м. Коростокине 663 (*возм.*
от Корсткинъ, ранн. Кърстѣк-)
 корчага (*доп. к VIII*) (*ранн. кър-*) *ж.:*
В. ед. [к]ѣ-ѣчагоу 379
 Корчковь ⊗ (*ранн. Кърчковь*) *п.*
прит.: *полн. Р. ед. ж.* (*субстантив-*
ир.) оу Короцьковесе *Ст. Р. 21*
(-есе — вероятно, результат исп-
равления -еи на -се) (возм. от Ко-
рочковь)
 Корѣлинъ VIII → корѣлинъ *м.* «ка-
 рел»: *Р. ед.* ѿ корѣлина 243
 которанинъ ⊗ *м. жит.:* *Р. мн.* оу ко-
 торань 640
 крити *г.* «купить»: *пвл. 2 дв.* нь
 крьни[та] 685; *перф. ед. м.*
 крьль ес- (*от есмь или от еси*)
Смол. 13
 Ксинофонгъ ⊗ *м. личн.:* *И. ед.* Ксинофоно-
 те *Пск. 6*
 Кснила ⊗ (*ранн. Късн-*) или Коснила
(ранн. Косьн-), личн.: *Р. ед.* оу Кос-
 нилѣ *Ст. Р. 19*, оу Косениле *Ст.*
Р. 22
 Ксново* ⊗ *с. геогр.:* *М. ед.* на Ксонови
 689
 Кснатиъ VIII: ѿ Къснатиа 241 (*возм.*
 Къс-) → ѿ Къснатиа 241
 кто любо ⊗ *мест.:* оу кого любо
 700
- Куземка ⊗ *м. личн. И. ед.* 618
 кузнецъ (*ранн. -зньц-*) *м.:* *Р. ед.* оу
 коузньца 630
 Кузьма *м. личн.:* *И. ед.* Коузема 632;
Р. ж. Коузмѣ *Ст. Р. 16*, ѿ Кѣземе
 624; *Д.* Кузмѣ 697, ко Кузми 690; —
 VIII: *Д. ед.* ко Коузмѣ 344 → *Д. ед.*
 ко Коузм[е] 344 || + *Р. ед.* [ѿ]Коу-
 зь]мы 400
 Кулотиничъ VIII: оу Куолотиница
Ст. Р. 14 → оу Куолотин[и]ца
Ст. Р. 14
 Кулотка (*ранн. -тѣк-*) *личн.:* *Р. ед.* Ко-
 улотѣке 656
 куна *ж.:* *И. ед.* кна (*сокращ.*) *Ст.*
Р. 16; *И. (?)* коуна(-) 649; *В.*
 коуноу 640 (2×), коу[ноу] 640,
 к[оуноу] 640, -ноу 640; *Р. коунѣ*
 631, кѣне 663; *И. В. мн.* коуны
 638; *Р. коунь* 678, *Ст. Р. 15*,
 коун[ъ] 683, коуно 630, 672, *Ст.*
Р. 22 (8×), *Звен. 2*, дове на десѣть
 коуно *Ст. Р. 22*, кѣн- 710; *Д.*
 по б коунамо 650; *Т. 3* грвьнь
 коунами 650; *М. коун-* 654; *И.*
сметн. тѣри коуне Ст. Р. 22, це-
 тѣри коуне *Ст. Р. 22*, -оунѣ *Ст.*
Р. 16, тѣри коуно (ко!, но!) *Ст.*
Р. 22; — VIII: *Р. мн.* коуно 526
 → *Р. мн.* коунь 526 (*ѣ переправл.*
из о) || + *Р. мн.* коуно 437
 купити *г.:* *наст. (буд.) 3 мн.* коупат[ъ]
 ти и 655; *пвл.* коупи 687
 купла ⊗ *ж.:* *И. ед.* коупла *Пск. 6*
 Куръ *м. личн.:* *Р. ед.* ѿ Кура 690
 къ *предл. (с Д.)* 615, 656, 664,
 667, 710, *Ст. Р. 15*, *Твер. 2*, *Смол.*
 14, к[ъ] 685, [кѣ] 635, ко 619,
 622 (2×), 624, 627, 644, 645, 651,
 654, 665, 666, 676 (2×), 682, 686,
 689, 690 (2×), 698, 704 (2×), 705
 (4×), 706, 709, *Ст. Р. 17*, *Твер.*
 2, *Смол. 12*, *Звен. 2*, к 657, 670,
 695, 707, *Пск. 6*, *Пск. 7*; — VIII:
 ко 159 → ко 159 (2×); къ б →
 ко б
 Къжвъ *м. геогр.:* *М. ед.* Късѣѣ 675
 кѣлыи VIII: + *кр. И. ед. м.* къль 351
 Кюпанко VIII: *статью снятъ*
 Кюрикъ *м. личн.:* *Р. ед.* ѿ Кюрика
 Пск. 6
 Кюрилъ *м. личн.:* *Р. ед. ж.* Кюрила
Ст. Р. 16, ѿ Кюр (*недопис.*) 658
(возм. от Кюрикъ)

Лазорь м. личн.: Р. В. ед. Лазора 637
 Лбына (или ЛБЫНА) (ранн. Лъб-) личн.:
 Р. ед. оу Лъбынѣ Ст. Р. 20
 ли част. 615, 622 (3*), 657, 705,
 Твер. 2
 лихыи п.: кр. И. ед. с. лихо 622; Р. ед.
 м./с. [л]и|ха 685 (?)
 лише VIII: + лише («кроме») 503
 лодииныи ⊗ п.: В. ед. ж. лодисноую
 Звен. 2
 лодыа ⊗ ж.: В. ед. в лодию Пск. 7
 локоть VIII: + Р. мн. [л]ок[ъ]- 245
 лони н. 705
 Лостицѣ (доп. к VIII) ж. мн. геогр.: Р. из
 Лостиць 167 (возм. из Лост[ъ]иць —
 от Лостыицѣ)
 лошадка ⊗ ж.: В. ед. лошатку 618
 Δ лодуии(-) VIII → лудица ж. «пла-
 щик»: Δ лодуиц- 429
 Лука м. личн.: Д. ед. Лоуцѣ Звен. 2
 Лукинъ VIII: Лѣкинъ д. 6 → Лѣкинъ
 д. 6
 лукно ⊗ (ранн. -кън-) с.: И. ед. лѣкно
 (2*), лѣк (сокращ.), лѣкон (со-
 кращ.?) (2*), лѣкна (а!) 671; И.
 счетн. 2 лѣкна, 3 лѣкн (сокращ.),
 3 лѣкон (сокращ.) 671
 Луки ⊗ мн. ж. геогр.: М. на Лоукахъ
 675
 Лутыанъ VIII: на Лоутыанъ 162 → на
 Лоутыанѣ 162
 любо част.: оу кого любо 700
 людѣ мн. м.: И. люди 698; Д. людемъ
 698
 лючии ⊗ п. сравн. «более лютый», «худ-
 ший»: кр. И. ед. с. люче 699 (возм.
 н.)
 Ляхъ ⊗ м. личн.: Р. ед. ѿ Ляхаха
 (ха/ха!) 615

М

Максимъ м. личн.: Д. ед. Максиму 692
 Малата ⊗ личн. И. ед. 688; Р. оу
 Малатѣ Ст. Р. 20
 Мариа ж. личн.: И. ед. Мариа 692
 Маркъ м. личн.: Д. ед. ко Марк- 622
 Марфа ж. личн. И. ед. надп. 26
 масло VIII: + И. В. масло 406
 Матвѣи VIII: снѣть Матвѣи 417
 Матвѣико (доп. к VIII) м. личн.: И.
 ед. Матвѣике 417

мати ж.: Р. ед. ото матери 670; Д. ко
 матери Твер. 2; — VIII: снѣть Δ ма-
 ти 227 (?)
 Матѣѣ въ ⊗ п. прит.: И. ед. ж. Матѣѣ-
 ева надп. 30
 Матѣи м. личн.: Р. ед. ѿ Матѣеа
 622
 Матѣи въ (доп. к VIII) п. прит.: Δ Мать
 (сокращ.) 484 (возм. от Матѣи)
 Матѣи VIII: снѣть Δ Мать 484 (?)
 межа ж.: В. ед. межую 698
 межи предл. (с Т.): мъжи 675
 Микита м. личн.: Р. ед. оу Микитѣ 638
 Микитка ⊗ м. личн.: Р. ед. оу Микитки
 689
 Микифоръ м. личн.: Д. ед. ко Микифору
 619
 Милка ⊗ (ранн. -лък-) ж. личн.: Р. ед.
 оу Милокѣ Ст. Р. 21
 Милко ⊗ (ранн. -лък-) м. личн.: И. ед.
 Милоке 663
 Милогость (доп. к VIII) м. личн.: Р.
 ед. оу Милого- 320 (?)
 Милославъ VIII: Р. ед. ѣ Милослава
 196 → В. ед. Милослава 196
 милостивыи VIII: И. мн. м. милостивии
 508 → И. ед. м. милостиви 508
 Милость ⊗ м. личн.: Р. ед. отъ Милоста
 709, ѿ Милоста 706
 Миль ⊗ м. личн.: Р. ед. оу Мила Ст.
 Р. 19
 Милата м. личн.: Зв. ед. Милато 675
 Мирславъ (ранн. -ръс-) м. личн.: Р. ед.
 ѿ Мирслава Ст. Р. 17
 Мирата ⊗ личн.: Р. ед. ж. Миратѣ 631
 Митруфанъ VIII: стѣть снѣть
 Михаила VIII: Михайлі 17 → Миха[і]л[ѣ]
 17
 Михаль м. личн.: Р. ед. оу Михала
 Ст. Р. 19, Д. Михальви 682
 Мишко ⊗ м. личн.: Д. ед. ко Мишкоу
 645
 мои мест. И. ед. м. 697; Р. ед. м./с.
 можго 652, моего 627; Д. моемъ
 624; Т. моімо 622; М. о моі-[м]о
 622; Зв. ед. ж. моѣ 682; В. Р. мн.
 моіхъ 693; М. в[о] м[оихо] 654; —
 VIII: Зв. ед. ж. моѣ 579 → И. ед. ж.
 моѣ 579|| + И. ед. ж. (?) моѣ 245
 Моисѣѣ въ ⊗ п. прит.: Δ Моисѣ (со-
 кращ.) надп. 35
 молвити (ранн. мъл-) г.: инф. -лъвити
 Смол. 12; наст. 2 ед. моловише 705;
 пал. молови 665

МОЛИТИСА г.: наст. I ед. молю ти са 682
 МОЛОДОГЪ ⊗ м. «солод»: В. ед. на молодогъ 689
 МОЧИ г.: пал. не мъзи Смог. 12
 МЫ мест.: И. мы Пск. 6, Пск. 7; Р. оу насо Пск. 6, [у н]а[с]- 691; Д. намо Пск. 6, к намо Пск. 6; — VIII: + В. ны 400
 МЫЛО VIII: мъ[л]а 129 (?) → мъла 129 (ъ в м. ы)
 МѢКУЖВО* (доп. к VIII) с. (или «ва» ж.) геогр.: М. ед. [М]ѣкѹжвъ 2 (?)
 МѢСТКО (ранн. -тък-) м. личн.: Р. ед. оу Мьстока 630

Н

на предл.: с В. — на 682, 689, Ст. Р. 15, Звен. 2, н (недопис.) 665 || с М. — на 615, 624, 645, 646, 675, 689 (3×), 697, 708, Ст. Р. 22, Пск. 7 (3×), Твер. 2 (2×); — VIII: снять на (с В.) Ст. Р. 8, на (с М.) 2
 на борзѣ (наречн.) см. борзыи
 НАБОЛИТИСА г.: инф. наболи[т]иса 622, наболити[сѧ] 622; пал. наболиса 622 (возм. донаболиса — от донаболитлса)
 Набола* ⊗ личн.: Р. ед. оу Наболь 665
 наволокъ (доп. к VIII) см. Гугморъ-наволокъ
 навѣтъ VIII: В. мн. навѣты 507 → навет- (В. мн. или В. ед.) 507
 надобѣ предикатив: надобе 624, не [н]адобе Звен. 1
 Надѣиковъ ⊗ п. прит.: полн. Р. ед. ж. (субстантивир.) оу Надеекоее Ст. Р. 22
 надѣлити ⊗ г.: плюскв. ед. м. азъ быле ... наделиле 705
 нажмъ м.: Р. ед. наима Пск. 7
 наимить VIII: + Δ наимит- 76
 налѣзти ⊗ г.: аор. (?) 3 ед. налезе надп. 20
 нама ⊗ см. вѣ
 намъ м. «проценты, лихва»: В. мн. во намъ 665
 нарадити г.: сосл. (?) ед. м. нарадиль еси би 618 (?) (NB ра)
 Насткинъ (ранн. -тък-) п. прит.: И. ед. м. Настокине надп. 21
 не част. 615, 624, 635, 644 (5×), 651, 652 (2×), 664, 670, 684, 697 (2×),

705 (2×), 706, 708, 709, Ст. Р. 15, Пск. 6 (2×), Твер. 2, Смол. 12 (2×), Звен. 1, нь 638, 672, 673, 676 (2×), 685, Звен. 2; — VIII: + не 118, 400 || снять не 148, нь 344
 Невидь ⊗ м. личн.: И. ед. Невиде 663
 Нево VIII: статью снять
 Недѣлька ⊗ ж. личн.: Р. ед. оу Неделеке Ст. Р. 21
 Недѣлькинъ ⊗ п. прит.: И. ед. м. Недѣлькине надп. 24
 Непереша ⊗ (или Небереша) личн.: Р. ед. оу Не-ерешѣ Ст. Р. 20 (после Не следы п, б или г)
 Непробужъ ⊗ п. прит.: Р. ед. Ньпробоужа воноука 630
 нерпаныи ⊗ (или негрпаныи) п. (от нерпа или непра — «нерпа»): В. ед. с. не[п]рпаноу (NB пр) 622 (?)
 Несдичевъ ⊗ (ранн. -съд-) п. прит. полн. Р. ед. ж. (субстантивир.) оу Несодицевее Ст. Р. 22
 Нестерь м. личн.: Д. ед. Нестеру 689
 нетажа VIII: статью снять
 ни союз 622
 ничто же (ранн. -чѣт-) мест.: В. ничето же 644; Р. ни[цего] ж[е] 651; Т. ничимо же 708
 Нишь (доп. к VIII) м. прозв.: И. ед. Матвѣике Нище 417 (?)
 но союз (церк.) 652
 новгородецъ м. жит.: Д. мн. новгороцамо Твер. 2
 Δ Нѣвиць ⊗ (Новичъ) 683 (?)
 ногата ж. И. ед. Ст. Р. 16; Р. дв. бѣз довою ногоутоу 630 (предвосх. оу); И. счетн. 2 ногатѣ Ст. Р. 20, 2 ногать Ст. Р. 21 (4×), 2 -- [г]атѣ Ст. Р. 16, 2 -- -атѣ Ст. Р. 16 (после т зачеркнуто а); И. В. [2] ногатѣ 640; — VIII: + Д. ед. по нѣгате 168
 ножъ м. И. ед. 660; — VIII: Р. мн. ножев[ъ] 438 (возм. И. В. мн. ножев[ы]) → Р. мн. ножевь 438
 нынѣ (и нынь) н.: и нынь 697, а ныне 638, 705 (2×)
 Нѣговить ⊗ м. личн.: Р. ед. оу Нѣговита Ст. Р. 19
 Нѣгошка ⊗ (ранн. -шьк-) личн.: И. ед. Негошека Ст. Р. 22
 Δ оу Неж[ѧ]- ⊗ (Нѣжа-) (Р. ед.) Смол. 12 (возможно, от Нѣжатичъ м. отч.)

Нѣжата личн.: В. ед. Нѣжатоу 635;
Д. Нѣжатѣ 644
Нѣжаткынъ VIII → Нѣжаткинъ (ранн.
-тък-) п. прит.: полн. Р. ед. ж. (суб-
стантивир.) оу Нѣжаткыни (-ѣи)
Ст. Р. 13 (и переправл. из ы)
Нѣжебудичъ ⊗ м. отч.: Р. ед. ж Нѣже-
будища Ст. Р. 16
Нѣж(е)нецъ ⊗ (ранн. Нѣжьньць [возм.
Нѣженць]) м. личн.: Д. ед. ко Нѣ-
жьньцю Звен. 2
Нѣжка ⊗ (ранн. -жьк-) ж. личн.:
Р. ед. ѿ Нѣжеке 644
Нѣжко (ранн. -жьк-) м. личн.: Р. ед.
Ѹ Нѣжка 683, о: «у») Нѣжка 630
нѣту предикатив: нетѸ 622

О

о предл. (с М.) 622 (3×), ѡ 699; —
VIII: снять о 410
о (межд.) VIII: статью снять
Обокша ⊗ (ранн. -къш-) личн.: Р. ед.
оу Обкъшь 649
Обросии VIII → Обросии м. личн.: Т.
ед. с Обросимъ 354, с Оброс[и]-м-
354
объяти VIII: обоимъ (-ѣте) 419 →
обоимъ (-ѣте) (и|и!) 419
овесь м.: Р. ед. овса 689 (3×); — VIII:
+ Р. ед. [ѡвс]а I (возм. [овс]а)
Оврамъ ⊗ м. личн.: Р. ед. оу Врама 689
(NB отсутствие о) (возм. от Ав-
рамъ)
одинъ VIII: Δ одно 227 → М. ед. м./с.
одиномо 227
оже союз 627, 644, Пск. 6 (2×), Смол.
12; — VIII: + [оже] 400, ож[ь] 107
оже ти союз 670
оженитисѧ г.: перф. ед. м. сѧ оженить
(I ед. ?) 708
Озка ⊗ (ранн. -зкъ-) личн.: Р. ед. оу
Озкъ 649
Олександровичъ м. отч.: Р. ед.
Ѡлксндрѡца (сокращ.) надп. 32
Олександръ VIII: заглавие статьи чи-
тать Олександръ
Олекша ⊗ (ранн. -къш-) м. личн.: Р.
ед. [ж] Олекшѣ Ст. Р. 16; — доп.
к VIII: Р. ед. [Ѹ] Олькоше 118
оленина ж. «оленья шкура»: В. ед.
[о] - нинуо 681 (?)
оли союз. Звен. 2

Оливорнии VIII → Оливоринъ м. личн.:
Р. ед. оу Оливорина 221
Олофа VIII: статью снять
Олфимья ⊗ ж. личн.: Д. ед. к Ал-
Ѡимие 657 (NB а) (возм. от Ал-
фимья)
ОлѠоромѣк вичъ ⊗ м. отч.: Р. ед.
ОлѠоромѣевица надп. 27
Олюферы въ (доп. к VIII) п. прит.:
ОлюѠъ (сокращ.) д. 7 (возм. от
Олюферии)
Ондрѣкць ⊗ м. личн.: В. ед. Ондрица
645
Онтанъ (ранн. -нѣт-) м. личн.: Д. ед. к
ОногѣнѸ 670
Онуфрии VIII: ОнуѠрии 508 (возм.
ОнуѠри) → ОнуѠри 508
Онуфриѧ ⊗ м. личн.: Р. ед. оу ОноуѠ-
рии н... 643 (возм. оу ОноуѠриин-
от Онуфриинъ п. прит.)
Онфимъ м. личн.: Д. ед. к АноѠимоу
Пск. 6 (NB а) (возм. от Анфимъ)
онъ мест.: И. ед. м. инъ (из и онъ)
697; — VIII: + И. ед. м. ине (из и
онс) 328 (малозер. И. мн. м.)
Онъковичъ* ⊗ м. отч.: Р. ед. Онъко-
вица 630 (пропущен предлог оу)
Онѣга ⊗ ж. геогр.: В. ед. [въ] Онъгоу
683 (?) (возм. [В]онъгоу — Д. ед.
от Вонѣгъ или Вьнѣгъ)
оперсникъ ⊗ (ранн. опьрсникъ) м.
(часть священническаго облачения
[?]): И. мн. оперсникѣ 648
опать н. 667, опате 705
Оркадъ ⊗ (ранн. -рък-) м. личн.: И. ед.
Оркадъ 672
Ортемья ⊗ (ранн. -рът- или -рът-) м.
личн.: Д. ед. къ [Орте]мьѣ 667; Δ
Ор[тъ]mie 638
Оршинъ* ⊗ п. прит.: полн. Р. ед. ж.
(субстантивир.) оу Оршинее Ст.
Р. 21
осинити ⊗ г. «выкрасить в синий цвет»:
буд. I ед. осиню 638
Осипъ м. личн.: Д. ед. к Осипу 707;
— VIII: + Р. ед. Ѹ Ѡси[па] 218
(возм. Ѡси[фа])
осла ⊗ ж. «оселок»: И. ед. всла надп.
32
осмыи ⊗ числ. порядк.: кр. Р. ед. ж.
осмь 621 (пло осмь)
осмь VIII: + И. о: и: i: (=o18) 410 (вы-
писана начальная буква от осмь [в

сочетании осмь на десате); Д. по о[с]-[и] 437

оспода ж.: Д. ед. осподѣ 693; — VIII: + И. ед. (малOVER. Зв. ед.) бѣга 579 (в особом орфографич. оформлении — с идеограммой)

осподи́нь м.: Д. ед. -[спо]дину 694 (возм. [чспо]дину); — ср. господи́нь; — VIII: Д. ед. осподину 22 → Зв. ед. осподи́н[ь] 22 || + Зв. ед. оґине 406, ѡґи- 166 (в обоих случаях в особом орфографич. оформлении — с идеограммой)

осподыни VIII: статью снять

оспожа VIII: + Д. ед. к оґжи 354 (в особом орфографич. оформлении — с идеограммой)

оставити г.: пал. не остави (церк.) 652; — VIII: + перф. ед. м. оставило (1 ед.) 196

остатокъ м.: В. ед. остатоко 692

осударевъ VIII: статью снять

отець м.: Р. ед. бѣца 692; Д. бѣцу 689; — VIII: Зв. ед. оть (сокращ.) 419 → Зв. ед. бѣцъ 419

оти и оть, союз: оти 635, оте 705; — VIII: заглавие статьи читать: оти и оть, союз

откупити VIII: нь ѡкоувивъ 510 (предвосх. в) → нь ѡкоупивъ 510 (п переправл. из в)

отпустити ⊗ (ранн. оть-) г.: пал. н[ь] отопоу|ти 676 (?)

отрокъ м.: В. ед. отроко 644, Звен. 2, отро|ть Ст. Р. 15; Δ -трока 642, отрокъ 666

отходити г.: прич. наст. (несогл.) ѡхода 692

отчина ж.: М. ед. ѡчинѣ 699

отъ предл. (с Р.) 667, 709, ото 665, 670, ѡ 615, 622 (2×), 624, 644, 645, 654, 657 (2×), 658, 664, 674, 682, 685, 690, 695, 704, 705, 706, 707, 710 (2×), Ст. Р. 17, Пск. 6 (2×), Пск. 7, Твер. 2, Звен. 2, ѡ 619 (2×), 674, 698 (сверху обрыв); знак креста вместо ѡ — 643, 666

Офлѣмовъ VIII: с Оѡлемовими 191 → с а.о.р.лемовими 191 (автор написал с Оѡлемовими, но затем решил исправить на с Аѡремовими; NB а)

оче ⊗ союз: оце 705 (2×)

П

Павель VIII: вместо (ранн. -въл-) читать: (ранн. -въл-)

пакостити г.: пал. нь пакости 638

пакость ⊗ ж.: Р. ед. безо пакости Твер. 2

паки VIII: + пакъ 69 || снять запись: см. также полкъ

паки ли союз 705

паробокъ (ранн. -бѣк-) м.: Д. ед. паробокъ 624

пашна VIII: статью снять

Пелага ⊗ ж. личн.: Р. ед. ѡ Пелаге 657

первыи п.: В. (?) ед. м. пѣрвы 691

передати ⊗ г.: буд 1 ед. м. та передамо 705

Передьслава (доп. к VIII) ж. личн.: Д. ед. къ Передеслав[е] 328

Переяславль VIII: Переяславльѣ 105 → Переяслав[ь]лѣ 105

Перхурья ⊗ м. личн.: Р. ед. ѡ («от») Перхурии 619

Петровичъ м. отч.: Р. ед. оу Пѣтровица 665 (затем переправлено на оу Полтевица)

Петровъ VIII: вместо на Петрову дне 142 читать: на Пѣтрѣво дне 142

Пѣтръ м. личн.: Р. ед. («от») Пѣтра Ст. Р. 15

печаловати г.: наст. 2 ед. печалуешь 699

пиво с.: В. ед. пививо 689 (повтор. ив)

писати и псати, г.: наст. 1 ед. пишу 692; перф. ед. м. пѣль Звен. 2; — VIII: снять перф. ед. м. пѣль (сокращ.) 593

Питаревъ ⊗ п. прит.: Р. ед. м. оу Питарѣва 701

племя VIII: [с]о племинемо 112 (NB и) (?) → [с]о племенемо 112

Плотничский конецъ ⊗ м. геогр.: М. ед. во Плотниц|цикомо (!) конци 690

по предл.: с Д. — по 650, 689, пѣ Смол. 12 (?) || с В. — по 709, Твер. 2 || с М. — по 691, 692; — VIII: + по (с Д.) 168, 344

поблюсти ⊗ г.: сосл. мн. м. [ч]то бы к с[те]... поблюѣ 693

побыти ⊗ г.: буд 3 ед. оте побоуѣцъ 705

побѣчи г.: перф. м. (мн. или ед.) побѣгль 704

повелѣникъ ⊗ с.: Р. ед. повелѣниѣ 651

поворотити ⊗ г.: перф. ед. м. (есъ) [м]о поворотиль 665

- повои ⊗ м.: В. ед. на повои 682
 Повѣжь ⊗ п. прит.: полн. Д. ед. ж.
 (сущ.стативир.) Повѣжьби 672 (?)
 повѣдати г.: наст. 3 ед. поведае 636;
 перф. ед. м. повѣдало Звен. 2
 повѣдѣти (доп. к VIII) г.: пвл. повѣ-
 ми 123
 пограбити г.: перф. ед. м. пограбиле
 699
 погрѣбаниѣ ⊗ с.: В. ед. погрѣбание
 681
 подати г. (церк.) инф. 653
 подборъ (доп. к VIII) м. (знач.?): В.
 ед. подо[б]оро 501 (?)
 подлина (доп. к VIII) (ранн. -дъл-) ж.
 «подкладка»: И. ед. под[ь]лина Ст.
 Р. 8
 подошва (доп. к VIII) (ранн. подъшьва)
 ж.: И. мн. подъшьвѣ 438
 подушка VIII: статью снять
 подѣ предл.: (с Т.): подо 690
 подѣлити VIII: статью снять
 пожаловати г.: перф. (или сосл.) ед. м.
 пожаловать 618
 пожаръ ⊗ м.: Р. ед. ѿ пожаръ 710
 Пожега ⊗ личн.: Р. ед. оу Пожьгъ 665
 пожна (ранн. -жьн-) ж.: В. ед. пожьню
 620
 пожь VIII: статью снять
 поимати г.: перф. ед. м. поималь 697
 поити г.: пвл. поиди 695
 показати ⊗ г.: перф. ед. м. еси показаль
 665
 поклонаниѣ с.: И. В. ед. (в начале
 грамоты) поклонание 615, 658, 681,
 705, поклонание 657 (предвосх. ѡ),
 поклонанье Ст. Р. 17; Δ фрагменты:
 670; — VIII: + И. В. ед. (в начале
 грамоты) поклонан- 493 (повтор. а)
 поклонатиса г.: наст. 1 ед. поклоняю
 ти [са] 679
 поклонъ м.: И. В. ед. (в начале гра-
 моты) поклонъ 619, поклоно 690,
 698, 707, Твер. 2, пклоно Пск. 7
 (пропущ. о); — VIII: паапоклоно 99
 → пл[о] поклоно 99 (писец оставил
 незачеркнутым ошибочное пло)
 покъвъ ⊗ м.: И. мн. п[о]к[ро]вѣ 648
 полъ VIII: статью снять
 положить г.: прич. страд. И. ед. с.
 положено Пск. 7
 Полонанъ ⊗ ж. геогр.: М. ед. на Полонои
 (89
- Полотескъ ⊗ (или Полтескъ) м. геогр.:
 Р. ед. ис Полоцька 636
 Полтевичъ ⊗ (ранн. -лтъ-) м. отч.: Р.
 ед. оу П[олоте]вица 665 (написано
 поверх записи оу Пьтровица)
 полтина ж.: В. ед. полотину 689 (2×),
 полтину 690; — VIII: + В. ед. поло-
 тиноу 328
 поль м. «половина» И. ед. 681, поло
 630 (4×), 654, Ст. Р. 19, Ст. Р.
 21, пло (сокращ.) 621, Ст. Р. 21;
 В. поло 689 (4×), 707, по^{ло} 663,
 пло (сокращ.) 663, по 707 (недопис.
 ло); И. В. поль 640, [по]л[ь] 710;
 Р. бес полуоу 631
 поманути ⊗ г.: буд. 3 ед. пусти к го ...
 поман[ет] (ь) 692
 поногатноѣ ⊗ (ранн. -тън-) с. (род под-
 ати): Р. ед. поногатынаго 640
 поорати ⊗ г.: прич. прош. ед. м.
 (несогл.) поправ 698
 попахати VIII → Δ попаше 226 (от по-
 паша «потрава» ?)
 поповъ п. прит.: И. ед. ж. попова надп.
 29
 попровадити ⊗ г.: пвл. попроводи 705
 попрѣдно ⊗ (ранн. -дън-) н.: попрѣ-
 дньо 638
 попь м. И. ед. Звен. 2; Р. ѡ («от») попа
 619, ѡ попа 671; Δ попа 673 (?)
 порожниѣ ⊗ п.: кр. И. ед. м. порожне
 Пск. 6 (возм. от порозныи, с ж вм.
 з; возм. от порожныи); — ср. порозныи
 порозмѣрити VIII: статью снять
 порозныи ⊗ п.: кр. И. ед. ж. (?) порозна
 616; — ср. порожниѣ
 портъ м.: В. мн. пор[т]и 687
 поручити ⊗ г.: пвл. [н]е поручи
 (церк.) 652; Δ порѣчи(-) Смол. 14
 Порховъ VIII: В. ед. (?) [Пор]ѣховъ
 266 → В. ед. [оу] П[ор]ѣховъ 266
 Порѣи VIII: статью снять
 посадникъ м.: Д. ед. ко посадникуоу 704
 посадничъ п. прит.: И. мн. м. посадничѣ
 698; Д. мн. посадничимо 698
 послати (ранн. -слъ-) г.: буд. 1 ед. посолоу
 705; пвл. посъли Смол. 14, посолн
 624 (2×), 708, послн 615, 645; перф.
 ед. ж. есьмъ посълала (лала!) 682;
 сосл. ед. м. быхо посолале 705; — VIII:
 послал ѡзо 27 → послале ѡзо 27 ||
 снять послала 493
 послухъ м.: И. ед. послоухо 675
 послѣ ⊗ предл. (с Р.): после 689

посо́ль ⊗ м. «соленье», «соленая рыба»: В. ед. посылъ 682 (маловер. Р. мн.)
 поставити VIII: снятъ перф. ед. м. поставило 196 (вероятно, 1 ед.)
 потснутисѧ ⊗ (ранн. -тъсн-) г.: пвл. потоснисѧ 657, 706
 потѣшитисѧ ⊗ г.: буд. 1 ед. ѧ са имо потешоу 705
 почати г.: буд. 3 ед. поченете Смол. 12
 почестое ⊗ (ранн. -чъс-) с. «почестье»: В. ед. поцостое Ст. Р. 17 (?)
 поѣхати г.: пвл. поѣди Твер. 2, поеди(-) 625 (возм. 2 мн.)
 поѣти г.: буд. 3 ед. поемете 705; прич. наст. ед. м. поема Звен. 2
 правити VIII: снятъ перф. мн. м. вы правили 379 (возм. выправили)
 прашати VIII: + наст. 3 ед. прашае 227
 призрѣти ⊗ (ранн. -зър-) г.: пвл. призьри 620
 приказъ м.: И. В. ед. (в начале грамоты) приказо 622; Т. приказомо 622
 приказывати г.: наст. 1 ед. приказываю 692
 прислати (ранн. -съл-) г.: инф. прислати ти 627, при||-л]ати 622 (?); буд. 1 ед. присълоу ти Смол. 12 (NB оу); пвл. присъли Смол. 12, присъли ми 664, прислои 705, пришли Твер. 2; 2 мн. прислите Пск. 6; — VIII: + пвл. присоли же 436
 приставити ⊗ г.: пвл. пристави Ст. Р. 15
 прити г.: буд. 3 ед. приде ти 635; перф. ед. м. пришълъ 636, пришель 618; Δ пришъ 675 (недописанное пришълъ или пришъдъ ?, усечение ?); — VIII: перф. ед. м. пришъле 165 (возм. буд. от прислати) → перф. ед. м. пришъле 165
 приѣхати г.: буд. 1 ед. приедю (ю!) Звен. 2
 прияти г.: прич. наст. ед. м. приема 615
 про предл. (с В.) 622, Пск. 6 (3×); — VIII: + про 275, [п]ро 266 || снятъ про 501
 провозъ ⊗ м. «плата за провоз»: Р. ед. провоза Твер. 2
 продати г.: перф. ед. м. продале ти ес[ь]м[ь] 679; прич. прош. ед. м. -родаво 681
 проданати г.: пвл. не продаи 709, не прода (недопис.) 706

Прокша (ранн. -къш-) м. личн.: Д. ед. къ Прокъшѣ 664
 Промыслъ ⊗ м. личн.: Р. ед. (о) [у] Промысла Ст. Р. 20
 простый п.: М. ед. м./с. во простемо 686; кр. Р. ед. м./с. со проста (наречн.: «сразу, немедленно») Пск. 6
 прочѣ ⊗ (или прочи) предл. (с Р.): прочи 689
 Прошкевъ ⊗ п. прит.: полн. Р. ед. ж. (субстантивир.) оу Прошкевии 701 (е, возможно, переправл. из о)
 праслень ⊗ м.: И. ед. прасльнь надп. 23
 Псковъ (ранн. Пльсковъ) м. геогр.: Д. ед. Пльсковоу 656
 пусти част. «пустъ» 692
 пустыи п.: кр. И. ед. ж. пуста 692
 Путила личн.: Р. ед. оу Поутилѣ Ст. Р. 19; — ср. Путиль
 Путиль ⊗ м. личн.: Р. ед. оу Путила 697; — ср. Путила
 Путковъ ⊗ (ранн. -тък-) п. прит.: полн. Р. ед. ж. (субстантивир.) оу Поутоковѣ 630
 путь VIII: снятъ Δ поуте (возм. поутеи) 436 (?)
 Путьшинъ ⊗ п. прит.: полн. Р. ед. ж. (субстантивир.) оу Поутешинене Ст. Р. 22 (-нене ошиб. вм. -нее)
 пуцати ⊗ г.: наст. 3 мн. пуцаю ли Твер. 2
 пшеница ж.: Р. ед. пошьницъ 636
 пшено (доп. к VIII) (ранн. пьш-) с.: И. В. ед. п[ь]шьно 108
 пѣсьяньскыи ⊗ п. геогр.: В. ед. ж. пѣсьянескую 698
 палити ⊗ г.: пвл. 2 мн. не пелите (NB пе) 708
 патница ⊗ (ранн. -тън-) ж.: В. ед. [въ п]ѧт-ницу 673
 патыи числ. порядк.: кр. Р. ед. ж. патѣ Ст. Р. 21 (пло патѣ), патъ Ст. Р. 21 (поло патъ)
 патъ числ. И. Ст. Р. 22 (5×), пате Ст. Р. 22 (3×); — VIII: + В. въ 5|ть 336 || снятъ И. пате 436

Р

Радонѣжь ⊗ п. прит.: И. ед. м. Радонезъ воноуке 688
 радость ж. (церк.) В. ед. 653
 рало ⊗ с. «поральное» (подать с плуга, сохи): Р. ед. рала 663 (2×)

рать ж. *В.ед.* 636
 Ратьша* м. личн.: *Р.ед.* оу Р[а]- -шь 665; *Д.* Рат- - - 665
 речи г.: *пвл.* реки 656; *плюскв. ед. м.* быть ... рькль ѿ 675; *прич. наст. ед. м.* рка 697
 ринуть (доп. к VIII) г.: *буд. I дв.* риневъ 227 (?)
 рожь ж.: *В.ед.* роже Твер. 2; *Р.* рожи 689 (3×); — VIII: + *Р.ед.* ржи 492
 роздавати ⊗ г.: *перф. ед. м.* роздавале 698
 роздати ⊗ г.: *прич. прош. ед. м.* роздавь 675
 Романичь ⊗ м. отч.: *Р.ед.* оу Романи[ца] 640
 Романъ VIII: *снять Р.ед.* ѿ -омана 410 (возм. от Доманъ)
 роскладный ⊗ п.: *В.ед. ж.* роскладеную 698
 роспытати ⊗ г.: *прич. прош. дв. м.* рьспытав[ъ]ша 685 -
 Ростихъ VIII: къ Ростихъ 160 → къ Ростиху 160
 рота ⊗ ж.: *Д.ед.* еси заходили роте 705
 рубль м.: *В.ед.* рубель 689 (2×); *Р.* рублѧ 689
 рукописаниѧ с.: *В.ед.* рукописа- 692; *Р.* прочи рукописаниѧ 689; *Д.* по рукописанию 689
 русальѣ VIII: + *В.* в [р]юуса[л]ь- 389 (возм. от русальнаѧ недѣла)
 Русила ⊗ м. личн.: *Д.ед.* ко Роусиле Смол. 12; *М.* на Русилѣ 615 (возм. от Русилѣ)
 Русь VIII: въ Роусь 105 → въ Роус[ь] 105
 ручити VIII: *вместо (-)руциль читать: (-)руциль*
 рыба VIII: + *И.В.мн.* риби (!) 406
 рыбаца ⊗ ж.: *Р.мн.* рыбаць 682 (возм. *В.мн.*, с -ць = < - цѣ >)
 Рыкъ ⊗ м.: личн.: *Р.ед.* оу Рыка Ст.Р. 20
 рѣзана ж.: *И.ед.* рѣзана Ст.Р. 18, р-[з]ана Ст.Р. 18; *Р.* рѣзана Ст.Р. 21; *Р. мн.* резано Ст.Р. 22, рьзано Ст.Р. 21, [р]-занъ 710 (2), рьзно 621 (сокращ.); *И.* счѣтн. 3 рѣзанѣ Ст.Р. 18; *В.* 3 резане 682; *И. В.* 3 рѣзанѣ 640; — VIII: въ 4 рѣзанѣ 438 → въ 30 рѣзан[ъ] 438

Сава м. личн.: *Д.ед.* ко Саве 622
 Савинъ п. прит.: *Р.ед. м.* оу Савина 689
 самъ мест.: *И.ед. м.* саме 706, само Твер. 2 (2×); *И.ед. ж.* сама 652; — VIII: *И.ед. м.* само 265 → *И.ед. м.* само 265 (возм. н. «очень»)
 Сбыславъ (ранн. Съ-) м. личн.: *Р.ед.* ѿ Сбыслава 671
 свита ж. *И.ед.* 648
 свои мест.: *В.ед. м.* свои 692, Твер. 2; *Д.* своему 692; *Т.* своим[ъ] Пск. 7, со своим 699 (пропуц. и); *М.* своимъ 692; *В.ед. ж.* свою 690; *Д.* свои 693; *М.* во своей 699
 свѣтъ м.: *Р.ед.* свѣта 692
 сватыи п.: *Р.ед. м.* стого 692; *Р.ед. ж.* стее 657, стье 657; *Д.* сватее 705 (ѿ переправл. из а)
 Сдила (ранн. Съ-) м. отч.: *Д.ед.* (?) Содила 654
 сдѣ VIII: *снять сди* 354
 сдѣсе VIII: + *сдисе* 354
 се част. «вот» 692, съ 657, 704; — VIII: + [се] 237
 себе мест.: *В.* сѧ 682, 705, 708, [сѧ] 672, 679 (не учтено сѧ, стоящее непосредственно после глагольной словоформы), про себе Пск. 6; *Р.* бь себѣ 672; *Д.* собѣ 640 (2×), 675, со [бѣ] 638, [соб]ѣ 640, соби 687; *Д.М.* собѣ Смол. 13; — VIII: про себе 344 → про себе 344
 сеи мест.: *В.ед. м.* про сеи Пск. 6; *В.ед. с.* се Пск. 7 (возм. се вм. сѧ [возвратн.]); *Р.ед.м.* сего 692
 секира ⊗ ж.: *В.ед.* с[ъ]кыроу 633
 Селоана VIII: *статью снять*
 Селатинъ ⊗ п. прит.: *И.ед. м.* Селатине сыно 632
 Семкиничъ ⊗ (ранн. Съмъкиничъ) м. отч.: *Р.ед.* ѿ Съмъкиниц- 710
 семница VIII: + *Д.ед.* по семнице 218
 Семнунъ VIII: *статью снять*
 семчина VIII: *статью снять*
 самыи числ. порядк.: *кр. Р.ед. ж.* [с]еме 631 (бес полоу [с]еме коунѣ)
 семь числ.: *И.* семе Ст.Р. 22; *В.* 7 на десѧте 624
 семь на десѧте ⊗ см. семь
 Семьюнъ (ранн. Съм-) м. личн.: *Р.ед.* ѿ Съмьюна 710; *Д.* к[ъ]

- С[ь]м[ь]юну] 685 (возм.
С[ь]м[ь]юноу])
серафимъ VIII: статью снять
Серафимъ ⊗ м. личн.: Р.ед. + (вм. +
ѿ) Серафима 643, + (вм. + ѿ)
Сьрафима 666
серебро с.: Р.ед. серебра 667, 710; В.
сереб[р]-622;— VIII: сьрѣвра (в!)
222 → сьрѣбра 222 (б переправл. из
р)
сестра ж. И.ед. 644; В. сестроу 705
(2*)
Сидорко ⊗ м. личн.: Р.ед. оу Сидорка
689, оу ... Сидорка 689
Сидоровъ п. прит.: Δ Сид- надп. 40
(возм. от Сидовъ)
Сидоръ м. личн.: Д.ед. ко Сидору 698
сирота м. «крестьянин»: И. мн. сироте
694
сиротка ⊗ м. «крестьянин» (умень-
шит.): В.Р.мн. сиротокъ 693
скрыти VIII: статью снять
слати г.: наст. (буд.) 2 мн. (-)шлете
622 (возм. была еще приставка);
— VIII: 3 ед. сл[л]ѣт[ь] 67 → 3 ед.
сл[л]ѣ т[и] 67
Словиша ⊗ личн. И.ед. надп. 19 (возм.
И.ед. ж. от п. прит. Словишь)
слышати ⊗ г.: наст. 1 ед. слышу 705,
слышоу 705
Сменко м. личн.: Р.ед. оу Сменка 689
Смень м. личн.: Р.ед. Смена надп. 33,
Семен[а] надп. 32 (возм. от Се-
мень)
смерть ж.: Р.ед. после к то смѣрти 689
смолва (доп. к VIII) ж.: Д.ед. по со-
молове 344
смолвити VIII: статью снять
Сморчевъ ⊗ (ранн. Смърчевъ) п. прит.:
И.дв. м. Сморочѣва 663
смѣти (ранн. съм-) г.: наст. 1 ед. не
смею 651
Сновида ⊗ (ранн. Сьн-) личн.: Р.ед. оу
Снови[д]ѣ Ст.Р. 19 (возм. Снови[л]ѣ—
от Сновила личн.)
содрати ⊗ г.: перф. м. (мн. или ед.)
содрал[е] 698 (возм. содрал[ѣ])
соль ж.: Р.ед. соли 624
сорочекъ (ранн. -чкъ-) м.: И.ед. сьрочь-
ке 681; И.В.счѣтн. [2 сѣр]оцѣк[а]
649, 4 сьро[ц]ѣ[к]е 650; сьроцѣ[к]ѣ
650 (перед этой словоформой сто-
яла цифра «3» или «4»); -рьцѣке
(И.ед. или И.В. счѣтн. после «3»
или «4») 650; Δ -[р]о[ц]ѣк- 649;
[сѣр]ѣ[ц]ѣвѣ 683 (?)
сорочины ⊗ мн. ж.: Д. ко со[р]оцинамъ
689
сотъскыи VIII: В.Р.ед. соцского 294 →
В.Р.ед. [с]оцского 294 (?)
Софиа ж. личн.: Д.ед. ко Сьфии 682
соха VIII: снять В.ед. сохъ 2 (?)
Δ (доп. к VIII) Сохъдалъ 2 (возм. М.ед.
от геогр. Сохудала или -далъ)
Сошык VIII: статью снять
спратати ⊗ г.: прич. прош. И.ед. ж.
сопратавовоши Твер. 2 (повтор. во)
спѣхъ ⊗ м.: В.ед. по съпехо («спешно»,
«срочно») 709
сребро ⊗ с.: Р.ед. [с]р[еб]ра 707
сростиса ⊗ (ранн. съ-) г.: перф. ед. с.
са с[ор]осло 654; — доп. к VIII: перф.
ед. с. -слоса 338 (?)
Станимиръ м. личн.: Р.ед. оу Станьмира
630 (возм. от варианта Стань-
миръ); Δ Станими- 626
Станиша ⊗ личн.: Р.ед. оу Станишь
630
староста м.: Д. ко старость 676
статокъ ⊗ м.: В.ед. статоко Твер. 2
створити (ранн. съ-) г.: прич. наст.
ед. м. створа добръ (формула веж-
ливости) Ст.Р. 17
Степановъ п. прит.: Δ Степа(-) (со-
крац.?) надп. 39 (возм. от Степанъ)
Степанъ м. личн.: Р.ед. ѿ Степана
Пск. 7, 8 Стьпана 671;— VIII: +
Степан[ь] (Зв. ед. или И.ед.) 351
сто (ранн. съто) с.: Д.ед. ко стоу 686;
— VIII: + И.В.ед. сот(о) 227
сторговати ⊗ г.: перф. мн. м. есте не
стороговале Пск. 6
сторовый п.: кр. И.ед. ж. сторова 657;
И.мн. м. -[орови] 670 (?);— VIII:
+ И.мн. м. сто[л]-въ 351 (?) (возм.
И.ед. м.)
Страхота ⊗ личн.: Р. ед. оу Страхот[ѣ]
] Ст.Р. 20
стуженик ⊗ (ранн. съ-) с. (церк.) «при-
теснение»: Р.ед. ѿ сотоужниа 674
сувладникъ VIII: статью снять
судокъ ⊗ (ранн. -дѣк-) м.: И.ед. соудокъ
660
судъ м.: В.ед. на соудо Звен. 2
Суждалъ (ранн. -жд-) м. геогр.: Д.
Соуж[ь]далоу (оу!) 675 (возм. от
варианта Суждалъ)

сукладникъ VIII: + *Т.ед.* сукладн- 133
(к *переправл. из в*)
сукно с.: *Р.ед.* сукна Пск. 7; *Т.* сукномо
Пск. 7
съ *предл.*: с *Т.*— съ 615, 667, со 705
|| с *Р.*— со Пск. 6 || с *В.*— со 624,
699; — VIII: сы 558 (сы икоуна-
ми)→съ 558
съ проста (*наречн.*) см. простыи
Δ сътоумай же ⊗ (*пвл.*) 635 (от сду-
мати ?)
сынъ м.: *И. ед.* сыно 632, 705; *В.* соно
705 (*предвосх. о*); *Р.* сѣна 692
сыръ VIII: + *И.В. мн.* [сири] (!) 406 (?)
сѣдѣти VIII: + *инф.* сед[ет] = 227
сѣмо н. 645, семо 615, 624 (2×), 706,
708, сем[о] *Звен. 1* (?); — *ср.* сѣмо;
— VIII: семо 558→семо 558 (2×)
сѣма с.: *Р.ед.* с[ъ]мѣни 700
сѣно с. *В.ед.* 697
сѣ см. себе
сѣмо ⊗ н. 695; — *ср.* сѣмо

Т

таино VIII: *вместо* 15 *читать* 24
Таишинъ п. *прит.*: *полн.Р.ед. ж.* (суб-
стантивир.) оу Таишинее *Ст. Р.*
22
тако и гакъ, н.: тако 622 (2×), 644,
такъ 697; — VIII: + [так]о 344
тамо н. (*церк.*) 653
Твердѣта ⊗ (*ранн.* -ѣр-) *личн.*: *Р.ед.*
оу Твѣрдѣтъ 672
Твѣрѣша ⊗ (*ранн.* -ѣр-) *личн.*: *Р.ед.* ѣ
Твѣ[р]ѣши 671
твои *мест. И.ед. м.* 698; *Р.ед. с.* твѣего
651; *И.ед. ж.* твоя Пск. 6; *И.мн. м.*
твои 694; *И.мн. ж.* твое 657; *Р.мн.*
твоихъ 675; Δ твои 625
творецъ ⊗ (*ранн.* -ръц-) м. (*церк.*): За *ед.*
творече 652
творити г.: *през. 2 ед.* [тво]риши 675;
пвл. твори Пск. 7, *пвл.* (?) 2 *мн.*
творит[е] 640
телица ж.: *И.ед.* тѣлица 657
темыанъ ⊗ (*ранн.* -тъм-) м. «ладан»:
Р.ед. тѣмыана 660
тетка (*ранн.* -тък-) ж.: *Д.ед.* [къ те]тъке
635
ти: *част.*—664, 670, 673 (*возм.* «тебе»),
679 (*возм.* «тебе»), 682, 683, 708
(?), 710, *Ст.Р. 15* (*возм.* «тебе»),
оже ти 670, да же ти *Смол. 12*, то
ти 644, 675, ижь ть ти 683, ежь то

т[и] 682 (*возм.* «тебе») || союз — *Твер.*
2 (4×); см. также ты (*Д. надеж*); —
VIII: ти (*част.*) 227 (?) → ти (*част.*)
227 (3×) || + ти (*част.*) 226, 380, 436,
483 (*возм.* «тебе»)
Тимошка VIII: *вместо* 267 *читать* 268
то: союз — то 616 (*возм. мест.*), 638,
709 Пск. 6 (2×), *Звен. 2* || *част.*
(в *составе относительных слов*):
то 682 (ежь то [т]и), ть 683 (ижь
ть ти)
то ти союз 644, 675
товаръ м.: *Р.ед.* товара 624; — VIII:
Δ товарѣ 351 → *И.ед.* товаръ 351
торговати VIII: *пвл.* тор-гуи 68 (?) →
пвл. торгуи 68 (?) || *снять пвл.*
торогоуи 227
торгъ VIII: + *В.ед.* торго 227(?)
Торжекъ м. *геогр.*: *В.ед.* во Тържеко
Твер. 2, в Торжко *Твер. 2*; *Р.* до
Торжеку *Твер. 2*; *М.* во Торжеку
Твер. 2; — VIII: *М.ед.* во Торожеку
346 → *М.ед.* во Торожеке 346
Торка ⊗ (*ранн.* Торька [?]) *личн.*: *Р.ед.*
ѣ Тор-[к]ъ 671 (?)
тогъ *мест.*: *И.ед. с.* ть 681; *В.* то 624,
за то 644; *Р.ед. м./с.* того 699, 705,
Пск. 7; *Т.* т[ы]- 692; *М.* во томо
654, Пск. 6, *Твер. 2*, по томо (*на-*
речн.) 691; *М.дв.* тию 644; — VIII:
+ *Т.ед. м./с.* тиме 483 (?); *Д.ед.* (ма-
ловер. *Р.ед.*) ж. тое 112 || *снять*
В.ед. с. на то 112
Точковичъ ⊗ (*ранн.* -чѣк-) или Точно-
вичъ (*ранн.* -чѣн-), м. *отч.*: *Р.ед.*
ж Тоць-овица *Ст.Р. 16*
третии *числ. порядк.*: *кр. Р.ед. м.* третиа
689 (поло третиа)
треть ж.: *В.ед.* (в)ъ треть *Смол. 12*; —
VIII: + *В.ед.* въ држ[г]жю тр-[тъ]
332
тридѣсѣтъ (*ранн.* три десѣте) *числ.*: *И.*
три десѣте 686
триж *числ.*: *И. ж.* тѣри (!) *Ст.Р. 22*
(2×); *И.В. ж.* три 665; *В.* (без *раз-*
личия родов) во три 644, н («на»)
три 665, [т]р[и] 676; — VIII: + *И.*
ж. т[ри] 492
Труфанъ VIII: + *И.ед.* Трѣфане 471
ту н. *Твер. 2*
Тугоша (*доп. к VIII*) *личн.*: *Р.ед.* [ѣ
Т]ю[г]ѣш[ѣ] 400
Тудоровъ ⊗ п. *прит.*: *И.ед. м.* Тоудорове
блез-|ке 632

ты мест. И. 618, 705, Твер. 2 (2×); В. тл 678 (?), 682, 705, 710, по тебе Твер. 2, тебе Твер. 2; Р. оу тебе 705; Д. (см. также ти [част.] ти 624, 627, 635 (возм. част.), 644, 655 (2×; возм. част.), 679, 682 (4×, из них 3× возм. част.), 709 (маловер. част.), Смол. 12 (3×, из них 2× возм. част.), Звен. 2, тобѣ 644, тебе 705, тоб- 696 (?); Т. за тобою 697, съ тобо- 667; М. на тебе Пск. 7; — VIII: ты 102 (возм. вм. і ты) → ты 102 || + Р. те[б]е 400

Тѣшь ⊗ п. прит.: полн. Р.ед. ж. (субстантивир.) оу Тышь Ст.Р. 21
тажа VIII: + Р.ед. тажѣ 247

У

у предл. (с Р.) 690 (2×), 691, 705 (по описке вм. оу), 708, оу 630 (9×), 638 (2×), 640 (5×), 643, 649 (2×), 657, 665 (3×), 672, 689 (7×), 697, 700, 701 (3×), 705, Ст.Р. 19 (9×), Ст.Р. 20 (20×), Ст.Р. 21 (7×), Ст.Р. 22 (11×), Пск. 6, Смол. 12 (2×), 8 664, 671 (9×), 710 (3×), Звен. 2, ж 631, 662/684, 667, Ст. Р. 16 (8×), Ст. Р. 18 (2×), о: (!) 630

увѣдати ⊗ г.: пвл. увѣдаивѣдаи (!) Твер. 2 (повтор.)

удержати ⊗ (ранн. -дър-) г.: пвл. не Үдережи 624

Укнѣгъ ⊗ м. личн.: И.ед. Үнеге 663

Уза ⊗ ж. геогр.: М.ед. на Оузи 689

Ульяна ж. личн.: Р.ед. Ү Оульане 695

управити г.: буд. 2 ед. не оуправише 705

упускати ⊗ г.: пвл. не оупускаи же 635

урадитиса VIII: оурадил ли са 344 → оурадил[о] ли са 344; ци ли не оурадилса 344 → ци ли не оурадил[о]са 344

утаити ⊗ г.: перф. м. (ед., возм. мн.) [Ү]г[а]ил-683 (?)

уцѣлѣти ⊗ г.: перф. ед. м. Үцелель ти есмь 710

учинити г.: пвл. оуцини же 681

учити ⊗ г.: инф. оуцити 687

Ф

Филисть VIII → Филисть м. личн.: И.ед.

Филисть 19; — ср. Филиксъ

Фларь м. личн.: Д.ед. къ Үлареви 615

Фома м. личн.: Р.ед. Фомы надп. 31, Ү[о] - 671 (?)

Фоминь VIII: Ү Фоминѣ жене 55 → Ү Фоминь жене 55

фофудья ⊗ ж. (род дорогой ткани): Р.мн. фофудьи 675

Х

хамецъ ⊗ (ранн. -мыц-) м. «полотнишко», «полотнецо»: В.ед. хамече 644

Хаританинъ ⊗ ж. личн.: Р.ед. Ү Хаританине 682

хлѣбъ м. И.ед. 697

хмель м.: Р.ед. хомела 706 (?), 709 (?)

Холовъ ⊗ см. Хыловъ

холопъ VIII: И.В.ед. холопъ 400 → В.мн. холопы 400

Хотѣславецъ ⊗ см. Хотѣславко

Хотѣславко ⊗ (ранн. -вѣк-) м. личн.: Д.ед. ко Хотеславокоу 654 (ок переделано из ец, т. е. вначале было написано Хотеславецъ или Хотеславецю — от Хотѣславецъ)

хотѣти г.: наст. 2 ед. хъчеши Смол. 12, хощеши (церк.) 652; 2 мн. [н]е хоцете 622

Храпъ ⊗ м. личн.: Р.ед. ж Храпа Ст.Р. 18

Худычъ ⊗ м. личн.: Р.ед. оу Хоудыца 640

Хыловъ ⊗ п. прит.: полн. Р.ед. ж. (субстантивир.) оу Хыловее Ст.Р. 22* (ъ вм. ы) (возм. от Холовъ)

Ц

цѣловати г.: наст. 1 ед. целоую тл 682, целѣю тл 710

цѣлыи VIII: статья снять

Ч

чело с.: Т.ед. челомъ 693, цоломъ 694; — VIII: челомъ 102 → целомъ 102

человѣкъ м.: В.ед. человеко Пск. 6; В.ед. (?) чельв[ь] - Смол. 12

чельце VIII: съ чьльцьм- 429 → съ чьльцьмо 429

черень (доп. к VIII) м. «солеварный котел»: Т. мн. чоронами 167

Черень ⊗ (или Чернь [ранн. Чър-]) м. личн.: Д.ед. ко Череню 624

чересь VIII: чьрьсо 487 → чьрьсо 487

черленыи VIII: заменить заглавие статьи на червленыи

Чермень ⊗ (ранн. Чьрьмьнъ) м. личн.: Р.ед. Ү Чьрьмына 671

чермныи (доп. к VIII) (ранн. чърмьныи)
п.: кр. И.В.ед. с. -р[ь]мьно 245 (?)
чернецъ ⊗ м.: Д.ед. черенецо 689
чернечскимъ ⊗ (ранн. чърньчскыи) п.:
В.ед. с. чърнечское 681

честиса (доп. к VIII) (ранн. чьстиса)
г.: пвл. не [ц]ьтиса 227
честь (доп. к VIII) (ранн. чьсть) ж.:
В.ед. цьсть 227

четвертка VIII: + И. счетн. т[ри]
че[вт[еро]ткѣ (вт!) 492

четвертыи [ранн. -ьр-] числ. порядк.:
кр. Р.ед. м. цетверта 707 (по [вм.
поль] цетверта), ц[ет]верь[т]а 710
(поль четверьта); — VIII: + кр. Р.
ед. ж. [цет]ве[ре]т[и] 483 (-оло цет-
верети)

четыре числ.: И. м. цьтъри 630 (ь вм.
ы — возможно, повтор. ь); И. ж.
цетыри Ст.Р. 22; Р. (без различия
родов) бе щетыре 686 (NB щ из
сч); — VIII: + И. ж. чьтъ[р]и 223 (ь
вм. ы)

чи союз: чи ти Смол. 12 («если же»,
но возм. «если тебе»)

что (ранн. чьто) мест.: относит.— И.
чьт[о] 672, цто Пск. 7 (2×); В. чето
644, цето 705, цто Пск. 7, цто Твер.
2; И.В. ч[ьт]о 655 (возм. неопред.)
|| вопросит.— Д. чемоу 644 (наречн.:
«почему?» || неопред.— И. цето 624;
В. четь Смол. 12, -[е]тъ Смол. 12
(?); Т. чимо 644 || знач. неизв.— Д.
ц[ь]меу 642; — VIII: + В. цето (от-
носит.) 227, [цт]ю (неопред.) 286

что союз (вводящий тему) 697

что бы союз: [ч]то бы 693

Чюдинъ VIII: ко Цюди- 159 → ко Цю-
ди[н]юу 159

Чюдка ⊗ (ранн. -дѣк-) ж. личн.: Р.ед.
оу Чюдоке Ст.Р. 22

чюжини ⊗ п.: Д.мн. (?) цюжимо 622

Ш

шеломъ (доп. к VIII) м.: В. ед. шело- 335
шесть числ.: И. шьсь 630 (вероятно,
просто пропущено т); В. шьсть
665, б деса[т]- Звен. 2

шесть десять см. шесть

шити г.: перф. ед. м. шиль есмь 638

Шюга ⊗ м. личн.: Р.ед. оу Шюги 689

Ъ

Ъжукъ въ VIII: статью снятъ

Ъхати г.: наст. I ед. ъду Твер. 2

Ю, Я

Южа (доп. к VIII) личн.: Д.ед. къ Я жи
380

язь мест. И. 693, азъ 667, азо Твер.
2 (2×), а 622, 644 (2×), 675, 705
(3×), Твер. 2 (2×), Звен. 2, азъ 692
(се азъ), азъ (а не вполне надежно)
705; В. ма 652, мене 697, Твер. 2;
Р. мене Твер. 2, до мене 616, у
мене 705, оу мьнь 638; Р. В. мене
652 (2×), Твер. 2; Д. ми 638, 644
(3×), 664 (2×), Смол. 12 (2×), мьне
Звен. 1, ко моне 651, 705 (2×), пь
-ьне Смол. 12 (?), мнѣ 697 (2×),
къ мнѣ Твер. 2, мне 626, [м]не 622
(?); Т. за мною 621; М. по мнѣ
692; — VIII: ѡзь 536 (возм. ѡзь) → ѡзь
536; ко мнь 445 → ко мнѣ 445 || +
И. [яз]ь 400, азъ 118, аз[ь] 380,
-зь 123, азо 436, [а]зо 489; В. мьне
237; Д. ми 123, 471, [м]и 379; Т.
за м[ь]- [ю] 238

Юкимъ м. личн.: И.ед. Якиме Ст.Р.
21

Юковль п. прит.: М.ед. м. о Яколи
622 (NB отсутствие в)

Юковъ м. личн.: Д. ед. ко Яковоу 627,
705

Юкунъ м. личн.: Д. ед. ко Якоуноу
676

Юрина ⊗ личн.: Р.ед. оу [Яр]инь Ст.Р.
19(?); Δ Ярине (или Ярине) Смол.
12

юсенанинъ ⊗ м. жит.: И. (мн. или ед.)
асьна[н]- 704

юти г.: инф. яти Смол. 12 (?)

ютиса г.: перф. ед. с. [са] яло 672

ПРИЛОЖЕНИЕ

О СОДЕРЖАНИИ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ С ГЕОГРАФИЧЕСКИМИ НАЗВАНИЯМИ

Е. А. Рыбина

Анализ географических названий в берестяных грамотах, обнаруженных на Неревском раскопе (398 экз.), был предпринят около 30 лет назад А. А. Коноваловым. Автора интересовали в первую очередь локализация географических названий, упоминаемых в грамотах, на местности и распределение «топонимических» грамот по усадьбам. Вместе с тем им были отмечены и некоторые общие закономерности, заключающиеся в том, что количество и характер грамот с географическими названиями в XI—XIII вв. существенно отличаются от содержания подобных грамот в XIV — первой половине XV вв. Для первого периода зафиксировано было всего 12 документов с географическими названиями, преимущественно удаленных от Новгорода пунктов, в том числе и за пределами Новгородской земли. Во второй период, который по протяженности вдвое короче первого (150 лет вместо 300), число «топонимических» грамот равняется 34 и в них содержатся упоминания главным образом мелких населенных пунктов, расположенных в Новгородской земле¹.

За 25 лет, прошедшие после выхода данной статьи, общее число документов на бересте достигло 745 (на 1992 г.). Среди найденных за последние годы берестяных грамот выявлено еще 26 документов с различными топонимами. Кроме того, за прошедшие годы было уточнено чтение многих ранее изданных грамот, в результате чего в отдельных случаях в них появились незамеченные ранее географические названия, с другой стороны — некоторые читавшиеся прежде названия утратились. Отмечу также, что одновременно были локализованы многие топонимы, считавшиеся прежде утраченными или необнаруженными.

Таким образом фонд «топонимических» грамот в настоящее время составляет более 70 документов², который может быть разделен на две группы. К одной, наиболее многочисленной (около 60 экз.) относятся грамоты с топонимами Новгородской земли. Другую группу составляют 13 документов с упоминанием (в одном случае косвенным) 11 крупных городских центров Древней Руси. Среди них Псков, Смоленск, Полоцк, Киев, Переяславль (южный), Суздаль, Луки, Ярославль, Углич, Кучков (Москва), Ростов.

Рассмотрим грамоты, в которых эти города упоминаются в хронологическом порядке. Самая ранняя из них, — целиком сохранившаяся грамота 246, — датируется XI в. и по содержанию относится к числу торговых. Хотя в ней нет упоминания города, лингвистический анализ текста позволил установить, что она была написана в одном из западных городов Древней Руси, а именно в Смоленске, Полоцке или Витебске³. Представляется, что первые два города предпочтительнее как пункты отправки указанного письма (их названия известны и из других грамот), так как вряд ли в XI в. Витебск был крупным городом, с которым Новгород имел торговые связи.

Грамота 109 рубежа XI—XII вв. упоминает Псков как место покупки рабыни. Документ посвящен разбирательству незаконной покупки краденой рабыни. Судя по языку, грамота написана не в Новгороде⁴.

Документ 424 также происходит из слов рубежа XI—XII вв. Это письмо сына к родителям, который советует им продать свой двор в Новгороде и

приезжать к нему в Смоленск или Киев, потому что там «дешев хлеб». Хотя грамота носит бытовой характер, анализ ее содержания и всех событий того времени позволяет говорить о торговой блокаде между Новгородом и Киевом в указанное время⁵.

Берестяное письмо 745 послано из Ростова в первой половине XII в. и, очевидно, является перепиской складников.

Грамота 105 относится к середине XII в. В ней речь идет о денежных расчетах между складниками и говорится об их поездках на Русь (Киевскую землю) и в южный Переяславль.

Грамота 524 середины XII в., несмотря на свою обрывочность, содержит информацию о денежных расчетах, производимых в Киеве.

Исключительный интерес представляет грамота 675, датируемая второй половиной XII в. Она посвящена торговым операциям складников, связанных с Киевом, Суздалем, Луками.

В грамоте 502 второй половины XII в. в связи с судебным разбирательством упоминается Гавко полочанин, т. е. житель Полоцка.

В грамоте 656 также второй половины XII в., сохранившейся, к сожалению, в обрывке дается указание адресату письма пойти в Псков и что-то там сказать («...иди, реки Плескову...»). Несомненен государственный характер этого документа, продемонстрированный в приведенной цитате.

Документ 723 относится ко второй половине XII в. и по содержанию может быть отнесен к числу торговых. Автор письма сообщает адресату, что он пошел в Кучков (т. е. в Москву). Тем самым в этой грамоте впервые зафиксировано первоначальное название Москвы в подлинном документе XII в. До сих пор оно было известно лишь из Ипатьевской летописи XV в.

Письмо 439 рубежа XII—XIII вв. носит несомненный торговый характер, рассказывая о делах складников и о поездках в Суздаль.

Документ 636 XIII в. содержит сведения военного характера, полученные от пленника, пришедшего из Полоцка. Очевидно, речь идет о военно-политическом конфликте между Новгородом и Полоцком в 60-е годы XIII столетия.

В грамоте 69, обнаруженной также в слое XIII в., упоминаются Ярославль и Углич в связи с пребыванием там новгородских дружинников.

Хотя берестяных документов с упоминанием древнерусских городов накопилось пока всего 13, их анализ дает возможность проследить некоторые закономерности. Прежде всего, как видно из перечисленных грамот, все они датируются главным образом XII в. и не выходят за рамки XIII в. Между тем к XIII в. относится более 100 документов на бересте и лишь в двух из них имеется упоминание других городов. Что касается берестяных грамот XIV—XV вв., которых насчитывается сейчас 350 экз., ни в одной из них нет упоминаний городских центров Древней Руси за пределами Новгородской земли.

Еще один, не менее примечательный, факт заключается в том, что большинство рассматриваемых грамот посвящено торговым делам или связанным с ними денежным расчетам.

Таким образом, совершенно очевиден вывод, что активные торговые и иные связи Новгорода с другими древнерусскими городами характерны для раннего времени, преимущественно для XII в.

Рассмотрим теперь в хронологическом порядке группу грамот с топонимами Новгородской земли, которых, как отмечено, насчитывается около 60 экз.

К XI в. относится один документ с географическими названиями. Это целиком сохранившаяся грамота 526 со списком должников. Примечательно, что упомянутые в грамоте пункты охватывают широкий ареал Новгородской земли: Русу, Лугу, Дубровну, Шелонь, Селигер.

К XII в. относится пять «топонимических» грамот, в трех из которых — 509, 516, 640,— также перечислены должники, живущие в сельской местности. При

этом в грамоте 640 речь идет о сборе денег в государственную казну и об отчислениях сборщикам. О сборе дани в виде денег повествует и документ 550. В нем упоминаются дороганици, очевидно, жители села или местности под названием Дорогани, локализованных в Пошелонье. Наконец, в обрывочной грамоте 685 говорится о поездке за Волок, цель которой — торговые операции.

Из трех документов, датированных рубежом XII—XIII вв., грамоты 108 и 219 содержат списки должников. Упомянутые в них р. Сума и нижнее течение р. Сясь находятся сравнительно недалеко к северу от Новгорода. В обрывке, получившем номер 153, содержится адрес человека, живущего в Славне, т. е. в Славенском конце Новгорода.

Разнообразны по содержанию грамоты с теми или иными топонимами, обнаруженные в слоях XIII в. К числу торговых относится письмо 68. Локализация упомянутого в нем топонима Сошье возможна в Бельском погосте, в районе Шелони. Документ 141 является распиской на ряд вещей двух новгородцев, отправляющихся на Мовозеро. В обрывке под номером 52 перечисляются суммы в виде бел, получаемые с местностей в районе р. Кокшенга и Пуя. Список различных предметов, возможно, покупок содержится в грамоте 220, где упоминается Черменец, находящийся в районе Луги. В документе 211 речь идет о взаимоотношениях феодала и общины, а грамота 390 фиксирует границы земельных владений в районе р. Мсты. Две последних грамоты являются единственными среди всех до сих пор упомянутых документов, которые связаны с землевладельческими проблемами.

Грамота 346 рубежа XIII—XIV вв., упоминающая Торжок, носит бытовой характер.

Больше всего грамот с топонимами относится к XIV и рубежу XIV—XV вв., откуда происходят 40 документов. Несмотря на видимую разнородность их содержания, подавляющее число этих грамот посвящено различным земельным и землевладельческим проблемам. Среди них выделяются челобитные и жалобы, написанные по разным поводам крестьянами или ключниками своим господам. Многие из этих документов адресованы представителям посадничьей семьи Мишиничей — Онцифоровичей. К группе челобитных и жалоб относятся грамоты 23, 167, 307, 313, 314, 358, 361, 416, 477, 494, 610, 698—699.

Несколько грамот — 55, 178, 318 — фиксируют покупку сел. Часть грамот является записью оброка или повинностей в виде рыбы (92), тканей (130), зерна (521), денег (492).

О сборе дани в северных территориях повествуют грамоты 131, 403, 417. К ним примыкает по смыслу документ 278, содержащий списки должников, живущих на севере Новгородской земли.

Грамоты 248, 249, 272, 286 имеют главным образом военно-политический или государственный характер.

Судебному разбирательству посвящена грамота 4. Три грамоты — 519, 520, 580, — являются завещаниями, в которых авторы описывают свои земельные владения. Финансовый отчет по завещанию содержит грамота 689.

В письмах, носящих бытовой характер (134, 187, 265, 266, 358), даются различные распоряжения хозяйственного и семейного характера.

В грамоте 614 перечислены различные географические пункты. Наконец, в двух обрывках упомянуты Водская земля (534) и Княж-остров (324).

Из 10 грамот XV в. 5 документов относится к разряду челобитных или просьб авторов к господам: 243, 297, 310, 540, 579. В четырех грамотах фиксируются размеры податей: 1, 2, 162, 568. Последний документ этого времени под номером 19 носит бытовой характер и одновременно сообщает о судебном разбирательстве.

При анализе перечисленных документов бросается в глаза ярко выраженное различие в количестве, содержании и ареале пунктов грамот XI—XIII вв. и документов XIV—XV вв.

К первому периоду относится 16 грамот, в которых речь идет главным образом о ростовщических операциях, торговле, о сборе дани, выраженной в денежных суммах. Подавляющее большинство пунктов, упомянутых в этих грамотах, находится в местностях, расположенных к югу, юго-востоку, юго-западу от Новгорода, составляющих ядро Новгородской земли. Позднее эти территории вошли в состав Деревской, Шелонской, Бежецкой пятин.

Большая часть грамот XIV—XV вв. посвящена преимущественно землевладельческим проблемам и сбору вотчинных податей. Отметим, что в предыдущий период грамоты с подобными сюжетами отсутствуют. Что касается географии грамот XIV—XV вв., то в них наряду с территориями, входящими в новгородскую метрополию, упоминается немало пунктов, находящихся в Карелии и далеко на севере. В связи с этим в политическом плане можно говорить о новгородской экспансии на северные территории, откуда Новгород стал получать разнообразную дань с подвластных племен. Кроме того, очевиден процесс расширения боярского землевладения в то время.

Таким образом, перечисленные обстоятельства позволяют сделать вывод о характере экономической природы Новгорода и ее изменениях с течением времени. Совершенно очевидна ориентация в раннее время (XI—XIII вв.) на межгородские связи, на накопление капитала, выражающееся в ростовщических операциях, сборе дани, развитии внутрирусской торговли. В XIV—XV вв. экономическая система Новгородского государства базируется на крупном боярском землевладении и внешнеторговых (ганзейских) связях, хотя последние практически не нашли отражения в берестяных документах.

¹ Коновалов А. А. Географические названия в берестяных грамотах/Сов. археология. 1967. № 1. С. 84—96.

² В обзоре наряду с грамотами, содержащими различные топонимы, использованы грамоты, где географические названия выражены косвенным образом через названия жителей. Отбор «топонимических» грамот проводился по академическому изданию новгородских берестяных грамот, насчитывающему уже 9 томов. Перечислим их полностью, чтобы в дальнейшем не повторять многократные ссылки на это издание.

Грамоты 1—10: Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (в дальнейшем НГБ) (из раскопок 1951 г.), М., 1953; грамоты 11—83: Арциховский А. В. НГБ (из раскопок 1952 г.). М., 1954; грамоты 84—136: Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958; грамоты 137—194: Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (из раскопок 1955 г.). М. 1958; грамоты 195—318: Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963; грамоты 319—405: Арциховский А. В. НГБ (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963; грамоты 406—539: Арциховский А. В., Янин В. Л. НГБ (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978; грамоты 540—614: Янин В. Л., Зализняк А. А. НГБ (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986; грамоты 615—710: Янин В. Л., Зализняк А. А. НГБ (из раскопок 1984—1988 гг.). М., 1993.

³ Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения//Янин В. Л., Зализняк А. А. НГБ (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 171.

⁴ Там же. С. 190.

⁵ Рыбина Е. А. Археологические очерки новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978. С. 94.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (В. Л. Янин)	3
------------------------------------	---

НОВГОРОДСКИЕ ГРАМОТЫ НА БЕРЕСТЕ
(из раскопок 1984—1989 гг.),
СТАРОРУССКИЕ ГРАМОТЫ НА БЕРЕСТЕ
(из раскопок 1985 г.)

Новгород. Берестяные грамоты № 615—710 (В. Л. Янин) . . .	21
Указатель принадлежности берестяных грамот к топографическим и хронологическим комплексам (В. Л. Янин)	103
Старая Русса. Берестяные грамоты № 15—23 (В. Л. Янин) . . .	104
Приложение: Владельческие надписи на бытовых предметах (В. Л. Янин)	112

КОММЕНТАРИИ К РАНЕЕ НАЙДЕННЫМ
БЕРЕСТЯНЫМ ГРАМОТАМ

Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот (А. А. Зализняк)	123
О вероятной связи ряда берестяных грамот с несколькими историческими лицами XII и начала XIII в. (А. А. Зализняк)	181
Берестяная грамота № 318 (историко-географический комментарий) (В. Л. Янин)	186

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
И СЛОВОУКАЗАТЕЛЬ

К изучению языка берестяных грамот (А. А. Зализняк)	191
Общее (§ 1)	191
Древненовгородский диалект, его внутренняя неоднородность и его место в славянском мире	192
Общие замечания (§ 2)	192
Фонетические особенности (§ 3—12)	195
Морфологические особенности (§ 13—32)	206

Из орфографии (§ 33—36)	233
Из исторической фонетики (§ 37—56)	241
Из грамматики (§ 57—80)	270
Из лексики (§ 81—83)	312
Сокращения	319
Словоуказатель (А. А. Зализняк)	322

ПРИЛОЖЕНИЕ

О содержании берестяных грамот с географическими названиями (Е. А. Рыбина)	344
--	-----

Янин В. Л., Зализняк А. А.

Я 62 Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). —
М.: Наука, 1993. — 352 с.

ISBN 5—02—008593—6

Книга продолжает публикацию новгородских берестяных грамот (Новгородские грамоты на бересте. М.: Наука. 1953—1986). В томе публикуются грамоты из раскопок 1984—1989 гг. в Новгороде и Старой Руссе, а также владельческие надписи на бытовых предметах из раскопок разных лет. Кроме того, том содержит поправки, замечания и комментарии к большому числу ранее изданных грамот.

Для историков, археологов, лингвистов.

Научное издание

Янин Валентин Лаврентьевич

Зализняк Андрей Анатольевич

**НОВГОРОДСКИЕ ГРАМОТЫ
НА БЕРЕСТЕ**

(из раскопок 1984—1989 гг.)

Утверждено к печати

Отделением истории РАН

Редакторы издательства *А. И. Кучинская, С. А. Левина,
Л. И. Кузнецова, Т. М. Скрипова*

Художественный редактор *М. Л. Храмцов*

Технический редактор *Т. А. Калинина*

Корректоры

ИБ № 47856

Сдано в набор 24.06.92 Подписано к печати 27.05.93

Формат 70×100¹/₁₆ Гарнитура таймс

Печать офсетная

Усл. печ. л. 28,38. Усл. кр. отт. 29,67. Уч.-изд. л. 37,4

Тираж 1000 экз. Тип. зак. 3524

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90,

Московская типография № 2 ВО «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

560-

НОВГОРОДСКІЕ ГРАМОТЫ ИЗ РАСКОПОК 1984-1989 ГГ.